This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

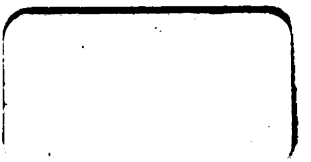
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855321 5

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

11934

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ I.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

IV

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770968A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Мая 17 дня, 1856 года.

Цензоръ *Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

РОССІЯ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ВОСТОЧНЫМЪ НАШИМЪ.

—

Русскому народу, выступившему на поприще исторіи послѣ всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ, досталась на долю крайняя, восточная часть Европы.

По положенію, по мѣсту жительства, мы должны были войти въ соприкосновеніе съ дикими Азіатскими народами, Монгольскаго и Турецкаго племени, которые изъ глубины Азіи, въ началѣ Христіанской эры, понеслись съ огнемъ и мечемъ на Европу.

Стоя на перепутьѣ, мы естественно должны были первые принимать напоръ дикаго, а послѣ Магометанскаго, Востока на Европу, и давать ей чрезъ то покой, досугъ, средства, развивать свои способности и силы, физическія, умственныя и нравственныя.

Первые изъ дикихъ восточныхъ племенъ, которыхъ грозу запомнила исторія въ предѣлахъ нашего отечества, были *Авары* или Обры, въ VI и VII вѣкѣ. «Обры воевали Славянъ» (1), говоритъ древняя наша лѣтопись, «и мучили Дулѣбовъ, творили насилье ихъ женамъ: если Обрину случалось куда ѣхать, то онъ не давалъ запрягать коня, а приказывалъ запрягать

---

1) Несторова Лѣтопись въ полномъ собраніи. Т. I, с. 5.

PERL. JAN 21 1935

Digitized by Google

по три, четыре или по пяти женщинъ въ телѣгу и везти себя. Были Обры тѣломъ велики и умомъ горды, но Богъ истребилъ ихъ,—они всѣ перемерли, (моромъ), такъ что не осталось ни одного Обрина, и долго велась на Руси пословица: погибли какъ Обры, отъ которыхъ нѣтъ ни племени, ни остатка».

За Аварами пришли *Печенѣги*, которые сдѣлались особенно тяжелы въ X столѣтіи, поселясь въ нынѣшнихъ Новороссійскихъ степяхъ, отъ Дона до Алуты. Они погубили Святослава, который тогда еще, за девятьсотъ почти лѣтъ, хотѣлъ перенести столицу Русскую на берега Дуная; отъ нихъ едва спасся Владимиръ Святый. «Была рать велика безъ перестани» (2), говоритъ лѣтописецъ, — и уже только сынъ его, Великій Князь Ярославъ, успѣлъ одержать надъ ними рѣшительную побѣду, въ память которой на мѣстѣ сраженія построилъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ съ Золотыми воротами, до нашего времени къ счастію сохранившійся.

Мѣсто Печенѣговъ заняло другое Турецкое племя *Половцы*, которые нѣсколько разъ опустошали самый Кіевъ, «много пострадало народу христіанскаго», говоритъ Несторъ (3) «въ алчи и жаждѣ, въ печали, мукахъ и бѣдахъ; съ потускнѣлыми лицами, почернѣлыми тѣлами, языкомъ испаленнымъ, ходили люди, нагіе и босые, по незнакомымъ странамъ, и кровью означали слѣды свои. Откуда вы, спрашивали они, встрѣчаясь другъ съ другомъ. Я изъ такого-то города, я изъ такой-то веси, отвѣчали спрошенные, поднимая глаза къ небу, вздыхая и обливаясь слезами». Мономахъ сокрушилъ силу Половцевъ, но долго еще тревожили они наши предѣлы своими разбойничьими набѣгами, до самаго XIII столѣтія, когда новые, сильнѣйшіе варвары пришли на несчастную Русь, *Монголы*.

Силѣ Монголовъ ничто противустоять не могло. Русскіе Князья, бояре и люди, были побиты на многихъ сраженіяхъ,

---

(2) Тамъ же, с. 53 и 54 (3) Тамъ же, с. 96.

Digitized by Google

города или крѣпости сожжены, земля пройдена съ огнемъ и мечемъ, и наложено на народъ тяжкое иго. Неизмѣримое пространство Россіи воспрепятствовало Монголамъ наводнить Европу, и они послѣ перваго своего потока до Венгріи и Богеміи, не могли рѣшиться на продолженіе завоеваній, столь отдаленныхъ отъ родины, удовольствовались господствомъ надъ нами. Россія принимала на свою грудь ихъ учащенные удары. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ продолжалось наше злополучное рабство, впродолженіе коихъ по мѣстамъ возставалъ народъ, выводимый изъ терпѣнія, но бо́льшею частію безуспѣшно.

Только Димитрій Донской, получивъ благословеніе отъ святаго Сергія, (котораго западные дипломаты, осуждающіе Грековъ за ихъ возстаніе, причли бъ пожалуй къ числу революціонеровъ) только Димитрій Донской ободрилъ Русскія сердца славной побѣдой на Куликовомъ полѣ (1380); но нашествія Тохтамыша (1382), Тамерлана (1393) и Едигея (1408), напомнили однако же вскорѣ ужасныя времена Батыевы.

Наконецъ Ивану Третьему посчастливилось освободиться отъ раздѣлившейся и ослабѣвшей Орды (1480). Орда, какъ нынѣ Турція (*), собрала всѣ свои силы, и рѣшилась, нагрянувъ, вновь поработить Россію. Страшно было это нашествіе, обробѣли самые твердые! Иванъ повелъ свои полки навстрѣчу грознымъ врагамъ, но страхъ обнималъ его сердце на Угрѣ: ну, если онъ будетъ побѣжденъ, что́ тогда станется съ Россіей? Плоды многолѣтнихъ трудовъ пропадутъ, кровь снова прольется потоками, иго наложится тяжеле прежняго! Простительно, можетъ быть естественно, было ему опасаться за судьбу отечества; онъ уже готовъ былъ уступить, и согласиться на миръ, хотя унизительный, но все-таки предпочтительный неизвѣстной войнѣ, возможному пораженію и игу.

Не такъ думала Святая Русь. Вотъ какъ описываетъ тогдашнее положеніе лѣтописецъ: «Князь велики, съ сыномъ, и съ братьею, и со всѣми воеводами, поидоша къ Боровску

(*) Писано въ 1854 году.

Digitized by Google

(отъ Угры), глаголюще: на тѣхъ поляхъ съ ними бой поставимъ, и слушающи злыхъ человѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей христьянскихъ, а норовниковъ Бесерменскыхъ, иже глаголютъ побѣжати, и не мочи съ ними стати на бой; самъ бо діаволъ ихъ усты глаголаше» (5).

Послушаемъ, что писалъ къ нему тогда одинъ Русскій монахъ на берегъ Угры, на которомъ стояли долго наши полки въ раздумьѣ, боясь сразиться съ послѣдними полчищами Ахмата.

«Благовѣрному, и христолюбивому, благородному, и Богомъ утвержденному.... преславному Государю Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, богомолецъ твой, Господине, Архіепископъ Васіанъ Ростовскій, благословляю и челомъ бью. Молю же убо величество твое.... да непрогнѣваешися на мое смиреніе, еже первіе дерзнувше ми усты ко устамъ глаголати твоему величеству, твоего ради спасенія: наше убо, Государю великій, еже воспоминати вамъ, ваше же, еже послушати;.... Богъ да сохранитъ царство твое и дастъ ти побѣду на твои враги, токмо мужайся и крѣпися.... Нынѣ же слышахомъ, яко Бесерменину Ахмату уже приближающуся, и христьянство погубляющу, наипаче же на тебѣ хвалящеся, и на твое отечьство, тебѣ же предъ нимъ смиряющуся, и о мирѣ моляшуся, и къ нему пославшу, — ему же одинако гнѣвомъ дышущу, и твоего моленіа не послушающу, но хотя до конца разорити Христьянство... Пріиде же убо въ слухи наши, яко прежніи твои развратници не престаютъ шепчуще въ ухо твое льстивыя словеса, и совѣщаютъ ти не противитися супостатомъ, но отступити и предати на расхищеніе волкомъ словесное стадо Христовыхъ овецъ.... молюся твоей державѣ, не послушай таковаго совѣта ихъ, послушай убо вселенныя учителя Павла, глаголюща о таковыхъ: откроется гнѣвъ Божій съ небеси на всяко нечестіе и неправду человѣкомъ, иже истину въ не-

(5) Софійская Лѣтопись Т. Ц, стр. 207, Изданіе Строева.

Digitized by Google

правду держащимъ; но осуетишася помышленьми своими, но омрачися неразумное ихъ сердце, глаголюще быти мудріи обьюродѣша, яко же не искусиша Бога имѣти въ разумѣ, предастъ имъ Богъ не искусенъ умъ творити неподобнаа. И паки самому Господу глаголющу: аще око твое соблажняетъ тя, исткни е; или рука или нога, отсѣщи ю повелѣваетъ. Не сію же разумѣвай видимую и чувственную свою руку, или ногу, или око, но ближнiихъ твоихъ, иже совѣтуютъ ти не на благое, отверзи и далече отгони, сирѣчь отсѣци и непослушай совѣта ихъ. И что убо совѣщаютъ ти льстивіи сіи лженменитіи, мнящіеся быти Христьане? Токмо еже повергше щиты своа, и ни мало сопротивльшеся окаяннымъ симъ сыроядцамъ, предавъ Христьянство, свое отечьство, яко бѣгуномъ скитатися по инымъ странамъ. Помысли убо, о велемудрый Государю! отъ каковыа славы, въ каково въ безчестіе сволятъ твое величество, толикимъ тмамъ народа погибшимъ, и церквамъ Божіимъ разореннымъ и осквернennымъ. И кто каменосердеченъ не всплачется о сей погыбели: Убойжеся и ты, о Пастырю! не отъ твоихъ ли рукъ тѣхъ кровь изыщетъ Богъ? Не послушай убо, Государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе преложити, и бѣгуну явитися, и предателю Христьяньскому именоватися, но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ убо поженетъ тысящу, а два двигнета тмы.... И аще убо, Государю, каешися отъ всего сердца... и обѣщаешися всѣмъ умомъ и всею душею своею престати отъ первыхъ твоихъ, еже прилучи-ти-ся яко человѣку съгрѣшити.... и сотворити судъ и правду посреди земля, любовь же имѣти къ ближнимъ и не насиловати никому же, и милость показати къ согрѣшающимъ, да милостива обрящеши въ день зълъ. Не словомъ же кайся, а въ сердцѣ инаа помышляя, (не пріемлетъ бо Богъ такого покаанiа), но точію аще словомъ, то и сердцемъ. Аще бо сице покаемся, тако же помилуетъ насъ милосердный Господь, не токмо свободитъ и избавитъ. Молю же о семъ Царское твое отсроуміе и Богомъ данную ти премудрость, да не позазриши мо-

Digitized by Google

ему худоумно; писано бо есть: дай премудру вину, премудрѣе будетъ» и проч.

Послушаемъ далѣе простосердечный разсказъ лѣтописи объ этомъ важномъ событіи въ Исторіи отечества, разсказъ, выражающій ясно, съ какимъ нетерпѣніемъ желалъ народъ свергнуть Монгольское иго, какъ нынѣ желаетъ раздѣлаться съ Турками.

«И яко бысть (оставившій войско князь) на посадѣ у града Москвы, туже граждане ношахуся во градъ въ осаду, узрѣша Князя великаго и стужиша, начаша Князю великому обезстужився глаголати и извѣсты класти, рькуще: егда ты Государь Князь велики надъ нами княжишь въ кротости и тихости (то есть въ спокойное и мирное время), тогды насъ въ безлѣпицѣ продаешь, (то есть облагаешь податями) а нынѣча разгнѣвивъ Царя самъ, выхода ему не плативъ, насъ выдаешь Царю и Татаромъ. Пріѣхаже Князь велики во градъ Москву, и срѣте его Митрополитъ, а съ нимъ Владыка Васіанъ Ростовскій. Начаже Владыка Васіанъ злѣ глаголати Князю Великому, бѣгуномъ его называа, сице глаголаше: вся кровь на тебѣ Христьянская, что ты выдавъ ихъ бѣжишь прочь, а бою не поставя съ Татары, и не бився съ ними; а чему боишися смерти, не безсмертенъ еси человѣкъ, — смертенъ? а безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; а дай семо вои въ руку мою, коли азъ стары утулю лице противъ Татаръ, (то-есть дай мнѣ войско подъ начальство, и увидишь оборочу ли я, старикъ, лицо отъ Татаръ), и много сице глаголаше ему, а граждане роптаху на великаго Князя. Того ради Князь велики не обитавъ въ градѣ на своемъ дворѣ, бояся гражданъ мысли злыа поиманіа, обитова въ Красномъ селцѣ, а къ сыну посылаа грамоты, чтобы часа того былъ на Москвѣ. Онъ же мужество показа, брань приа отъ отца, а не ѣха отъ берега, а Христьянства не выда.»

Великій Князь рѣшился наконецъ возвратиться къ войску. Долго стоялъ онъ на берегу Угры, какъ вдругъ Ахметъ, получивъ вѣроятно извѣстіе о разореніи своей Орды, приготовленномъ разспоряженіями Московскаго Князя, долженъ

Digitized by Google

былъ спѣшить къ ней на помощь, и Москва спаслася. Несправедливый ропотъ народный умолкъ. Орда не могла подняться и вскорѣ была разрушена, но главы этой гидры возрастали безпрестанно, и впродолженіе XVI столѣтія гнѣздомъ нашихъ враговъ сдѣлалась *Казань*.

Казанскіе Татары были еще вреднѣе для Москвы, если не страшнѣе, по близости ихъ жительства къ русскимъ предѣламъ. Они начали свои набѣги до уничтоженія Золотой Орды, и въ княженіе Темнаго, съ половины XV столѣтія, не проходило почти ни одного года безъ опасности съ ихъ стороны, болѣе или менѣе. Не одинъ разъ подбѣгали они подъ самыя Московскія стѣны. Вспомнимъ одно страшное нашествіе Улу-Махмета (1439), когда взятъ былъ въ плѣнъ самъ Великій Князь и отпущенъ послѣ за великую сумму денегъ, собранную со всей Россіи. Долго могли мы только защищаться кое-какъ, и отражать ихъ хищные набѣги. Въ княженіе Ивана Васильевича, собравшись съ силами, мы могли начать уже наступательные походы, съ разными успѣхами, а вмѣстѣ принимать и сильнѣйшія оборонительныя мѣры, ставить крѣпости, насыпать валы и умножать пограничную стражу. Наконецъ намъ удалось принять участіе во внутреннихъ Казанскихъ дѣлахъ; мы получили, и потомъ утвердили вліяніе надъ ними, дошедшее мало по малу до участія въ назначеніи Хановъ. Измѣны вызывали наказанія,—и Иванъ Васильевичъ Грозный, по совѣту новаго своего правительства, чтобъ положить конецъ тамошнимъ смутамъ, вреднымъ для Москвы, долженъ былъ взять Казань, послѣ продолжительной упорной осады, которая заняла въ нашихъ лѣтописяхъ мѣсто, равное съ Куликовскою битвою. Покровскій соборъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго, увѣковѣчилъ покореніе Казанскаго Царства, а другое воспоминаніе о Казанскихъ набѣгахъ, продолжавшихся слишкомъ сто лѣтъ, сохраняется Московскимъ крестнымъ ходомъ 21 мая. Христіанство немедленно насаждено было нами въ Казани, и три знаменитыхъ Іерарха — Германъ, Гурій и Варсонофій, причтенные впослѣдствіи Церковью къ лику святыхъ, положили

Digitized by Google

много трудовъ для его распространенія во вновь покоренныхъ земляхъ.

Какъ Татары Казанскіе начали нападать на наши предѣлы до уничтоженія Золотой Орды, такъ точно *Крымскіе*, помогшіе намъ сперва раздѣлаться съ нею, начали тревожить насъ прежде взятія Казани; они даже соединялись часто съ Казанцами, и нападали сообща, такъ что мы по необходимости вошли съ ними въ соприкосновеніе, и должны были заботиться о своей безопасности съ этой стороны. Крымцы были дальше отъ насъ, и потому дольше могли тревожить насъ, и оставаться безъ должнаго наказанія. Многіе походы ихъ были губительны: вспомнимъ Сафа-Гирея 1533, Саибъ-Гирея 1547, Девлетъ-Гирея 1571, который требовалъ дани съ Грознаго и возстановленія царствъ Батыевыхъ, Казанскаго, Астраханскаго, опустошилъ всю Россію до Москвы, сжегъ столицу. «Людей погибло невѣроятное множество», говоритъ Карамзинъ, основываясь на современныхъ свидѣтельствахъ, «болѣе 120,000 воиновъ и гражданъ, кромѣ женъ, младенцевъ и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятелей, а всѣхъ около осьми сотъ тысячъ». (*) Казы-Гирей, 1591, опустошилъ всю Россію и привелъ въ трепетъ Москву. Что касается до мелкихъ набѣговъ, то имъ счету нѣтъ. — Представимъ для примѣра свѣдѣніе о двухъ-трехъ годахъ:

«Въ 1617 году, сентября 29, Болховскій воевода, Богданъ Вельяминовъ, доносилъ о боѣ съ Татарами въ Болховскомъ уѣздѣ. Того жъ года, октября 16, Ливенскіе воеводы доносили о степной битвѣ за 30 верстъ отъ Оскола. 27 октября прислалъ вѣсть о боѣ съ Татарами Курскій воевода, Иванъ Волынскій; 1618 года, іюня 8 также о степной битвѣ съ Татарами донесъ Валуйскій воевода Даниловъ. 19 іюля Оскольскій воевода донесъ о битвѣ съ Татарами за 50 верстъ отъ Оскола. 21 іюля было донесеніе о битвѣ съ Татарами въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. Августа 23 бился съ Татарами Ливенскій воевода князь Черкасскій. 27 августа Татары бились

(*) Карамзинъ, Т. IX, стр. 180 и проч.

Digitized by Google

подъ Мценскомъ. 8 октября другая битва за 50 верстъ отъ Ливенъ».

«Въ росписи Курскаго воеводы Стрѣшнева значится, что въ 1643 году на Курскія мѣста съ 1 мая по 3 августа Крымцы сдѣлали 19 набѣговъ, а въ 1644 году восемь (7)».

Изъ этого краткаго, за два-три года, свѣдѣнія видно можно ли было оставлять нашъ на волѣ Крымъ, это новое гнѣздо разбойниковъ, поселившихся въ нашемъ сосѣдствѣ. Продолжительную работу задали намъ Крымцы: мы выжигали степи, прорубали засѣки, строили забои на рѣкахъ, сыпали валы и копали рвы, воздвигали крѣпости, заводили городовыхъ казаковъ по границѣ, въ число коихъ принимались вольные люди изъ всѣхъ сословій. Наши разъѣзды проникали въ степь глубже и глубже, точно также линіи крѣпостей, начинаясь съ Оки, выводились, одна за другой, далѣе и далѣе. Таковы были оборонительныя мѣры, которыя уже лѣтъ чрезъ полтораста, если исключить нѣсколько удачныхъ попытокъ при Грозномъ, замѣнились наступательными, точно такъ какъ прежде противъ Казани. Памятниками Крымскихъ набѣговъ остались: Донской монастырь, основанный въ 1591 году, и Московскій крестный ходъ 19 августа.

Крымскіе Ханы поддались *Туркамъ*, — и вотъ начало отношеній Россіи и Турціи, которыя, рано или поздно, должны были столкнуться....

Всѣ Европейскія государства, съ перваго появленія Россіи на поприще дѣйствій, почувствовали и поняли, что ей принадлежитъ задача сломить Турокъ, и во всѣхъ своихъ договорахъ старались убѣдить Русское правительство къ принятію дѣятельныхъ мѣръ противъ общаго врага, котораго нынѣшняя цивилизація, наоборотъ, признаетъ самымъ лучшимъ другомъ и необходимымъ членомъ Европейскаго семейства!

Исчислимъ нѣкоторые примѣчательные въ этомъ отношеніи вызовы—и начнемъ съ Папъ.

---

(7) См. прекрасную статью г Бѣляева, напечатанную во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1846, кн. IV, стр. 59.

Digitized by Google

Павелъ II предложилъ руку наслѣдницы Византійскаго престола, царевны Софіи, племянницы послѣдняго Императора Константина, которая вмѣстѣ съ братьями нашла себѣ убѣжище въ Римѣ, Великому Князю Московскому Ивану Васильевичу (1472). «Папа», говоритъ Карамзинъ (8), «надѣялся во-первыхъ чрезъ царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго соединенія, убѣдить Іоанна къ принятію оныхъ, и тѣмъ подчинить себѣ нашу церковь; во-вторыхъ, лестнымъ для его честолюбія свойствомъ съ Палеологами возбудить въ немъ ревность къ освобожденію Греціи отъ ига Магометова»

Такъ точно дѣйствовали и преемники его, Сикстъ IV (1472) (9), Александръ VI (1503) (10), Левъ X.

Этотъ славный въ исторіи искусствъ и наукъ Папа писалъ В. К. Василью Ивановичу (1519), что «Константинополь есть законное наслѣдіе Россійскаго Монарха, сына Греческой царевны.... что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на первой степени державъ Европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ Оттомановъ, соединимся и вѣрою.... что онъ желаетъ украсить главу непобѣдимаго Царя Русскаго вѣнцемъ Царя христіанскаго, безъ всякаго мірскаго возмездія, или прибытка, единственно во славу Божію (11).

Климентъ VII (1526), Климентъ VIII (1595, 1597) говорили тоже.

Послѣдній писалъ къ Царю Ѳедору Ивановичу, «что ему легко послать войско въ Молдавію, и взять султановы города на берегахъ Чернаго моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава и богатая добыча; что мы лучше узнаемъ тамъ искусство военное, ибо увидимъ, какъ Нѣмцы, Венгры, Италіанцы, сражаются и побѣждаютъ Турковъ; что отъ насъ зависитъ присоединить къ Россіи земли, счастливыя благорастворенiемъ воздуха, выгодами естественными, красотою природы, и чрезъ Ѳракію открыть себѣ путь къ самой Византіи, наслѣдственному достоянію Государей Московскихъ» (12) и проч.

Императоры Нѣмецкіе смотрѣли на Государей Москов-

(8) Тамъ же, Т. VI, с. 59. (9) Тамъ же, Т. VI, с. 63. (10) Тамъ же, Т. VI, с. 320. (11) Тамъ же, Т. VII, с. 100. (12) Тамъ же, Т. X, с. 189.

Digitized by Google

скихъ, въ отношеніи къ Туркамъ, съ той же точки зрѣнія, какъ и Папы, напримѣръ: Максимиліанъ, чрезъ знатнаго своего посла, Яна Кобенцеля говорилъ Ивану Васильевичу Грозному (1576), прося о возведеніи Австрійскаго герцога Ернеста: «тогда вся Европа христіанская заключитъ союзъ съ тобою, чтобъ однимъ ударомъ, на моряхъ и на сушѣ, низвергнуть высокую державу Оттомановъ. Вотъ подвигъ, коимъ ты можешь навѣки прославить себя и Россію! Изгонимъ Турковъ изъ Константинополя въ Аравію, искоренимъ вѣру Магометову, знаменіемъ креста снова осѣнимъ Ѳракію, Элладу — и все древнее царство Греческое на восходъ солнца да будетъ твое, о Царь великій! Такъ вѣщаютъ Императоръ, Св. отецъ Папа и Король испанскій» ([13]).

Императоръ Рудольфъ (1593) присылалъ въ Москву сановника, Николая Варкоча, краснорѣчиво доказывать необходимость единодушнаго возстанія державъ христіанскихъ на султана, и требовать отъ насъ денежнаго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ для войны съ невѣрными ([14]).

«Венгерскій воевода Робертъ (1578) молилъ Іоанна, какъ втораго христіанскаго вѣнценосца, быть спасителемъ Европы, обѣщалъ ему знатное вспоможеніе золотомъ и людьми въ войнѣ съ Турками, убѣждалъ взять Молдавію, отказанную Россіи умершимъ въ Москвѣ господаремъ Богданомъ ([15]).

Такъ думали о Россіи всѣ европейскіе государи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ.

Подвластныя Туркамъ племена обратили на нее тогда же свои взоры, и начали ожидать отъ нея себѣ избавленія, просить покровительства, предлагать подданства, — Греки, Славяне, Валахи.

Россія, отдаленная отъ Турокъ, могла сначала отвѣчать на общій вызовъ только изъявленіемъ своего участія, сочувствія и готовности къ услугамъ Европы, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ; могла доставлять денежныя пособія для предполагаемой войны, какъ напримѣръ при Царѣ

([13]) Тамъ же, Т. IX, с. 240. ([14]) Тамъ же, Т. X, с. 180.
([15]) Тамъ же, Т. IX, с. 277.

Digitized by Google

Ѳеодоръ Ивановичъ мы послали И. Рудольфу на воинскія издержки: 40,360 соболей, 20,760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337,235 бѣлокъ и 3000 бобровъ, цѣною на 44 тысячи московскихъ тогдашнихъ рублей ([16]).

Ѳеодоръ, разумѣется, по мысли Бориса Годунова, предлагалъ Польскому сейму, въ случаѣ избранія своего на Польской престолъ, «воевать лично и всѣми силами Оттоманскую имперію, низвергнуть Хана Крымскаго, посадить на его мѣсто Сайдетъ-Гирея, слугу Россіи, и заключивъ союзъ съ Цесаремъ, Королемъ Испанскимъ, Шахомъ Персидскимъ, освободить Молдавію, землю Волошскую, Босніо, Сербію, Венгрію, отъ ига султанскаго, чтобы присоединить оныя къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ семъ случаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россійскимъ» ([17]).

Димитрій Самозванецъ мечталъ о войнѣ съ Турками.

Непосредственныя же сношенія Россіи съ Турціей были мирныя, и относились преимущественно къ выгодамъ торговли. Описывая первое изъ нихъ, Карамзинъ замѣтилъ: «ни та, ни другая, не могли предвидѣть, что судьба готовитъ ихъ къ ужасному, взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить паденіе магометанскаго царства въ мірѣ и первенство христіанскаго оружія» ([18]).

Султаны, получивъ власть надъ Крымомъ, простерли свои замыслы далѣе. Поводы къ тому представлялись имъ часто, вслѣдствіе умноженія точекъ соприкосновенія, не только чрезъ Крымъ, но и Грузію. Послушаемъ опять Карамзина:

Русскіе козаки поселились и укрѣпились на Дону. «Они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ; обязывались служить вдали бдительною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и водрузивъ знаменіе креста на предѣлахъ Оттоманской имперіи, поставили грань Іоанновой державы въ виду у Султана, который доселѣ мало занимался нами, но тутъ открылъ глаза, увидѣлъ опасность,

([16]) Тамъ же, Т. X, с. 184. ([17]) Тамъ же, Т. X, с. 89. ([18]) Тамъ же, Т. VI, с. 274.

Digitized by Google

и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ сѣверныхъ владѣній магометанскихъ.... Послы Солимановы убѣждали князей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвію Магомета, чтобъ обуздать наше властолюбіе. Отдаленіе, писалъ къ нимъ Султанъ, мѣшаетъ мнѣ помогать Азову и Казани Заключите тѣсной союзъ съ Ханомъ Крымскимъ (1552) ([19]) и проч.

Въ 1563 году Солиманъ затѣялъ, «соединить Донъ съ Волгою прокопомъ, основать крѣпость на Переволокѣ (тамъ, гдѣ сіи рѣки сближаются), другую на Волгѣ, гдѣ нынѣ Царицынъ, третію близъ моря Каспійскаго, чтобы сперва утвердить безопасность своихъ Азовскихъ владѣній, а послѣ взять Астрахань, Казань, — стѣснить, ослабить Россію. Главнымъ орудіемъ или дѣйствователемъ надлежало быть Хану», который (Девлетъ-Гирей), опасаясь Турокъ, еще болѣе, нежели Россіи, отклонилъ Султана отъ его намѣреній невозможностью исполнить оное ([20]).

Сынъ Солимановъ, Селимъ, возвратился къ этой мысли. Онъ хотѣлъ (1569) возстановить царство мусульманское на берегахъ Ахтубы, къ чему склоняли Султана князья Ногайскіе, Хивинцы и Бухарцы, представляя ему, что Государь Россійскій истребляетъ Магометанскую вѣру, и проч. «Не слушая возраженій Крымскаго Хана, Селимъ (весною 1569 года) прислалъ въ Кафу 15000 спаговъ, 2000 янычаръ, и велѣлъ ея пашѣ, Касиму, идти къ Переволокѣ, соединить Донъ съ Волгою, море Каспійское съ Азовскимъ, взять Астрахань, или, по крайней мѣрѣ основать тамъ крѣпость въ ознаменованіе Султанской державы» ([21]). Этотъ походъ кончился погибелью почти всего Турецкаго войска.

Въ 1571 г. Селимъ въ отвѣтъ посламъ царскимъ требовалъ Астрахани и Казани, или того, чтобъ Іоаннъ, владѣя ими, призналъ себя данникомъ Оттоманской имперіи ([22]).

Въ 1591 г. Турки были подъ Москвою, въ станѣ Казы-Гирея.

([19]) Тамъ же, Т. VIII, с. 139. ([20]) Тамъ же, Т. IX, с. 44. ([21]) Тамъ же, Т. IX, с. 127 и проч. ([22]) Тамъ же, Т. IX, с. 179.

Digitized by Google

Амуратъ (1592) въ отвѣтъ на жалобы Ѳеодоровы, напоминалъ опять о Казани и Астрахани, и требовалъ, чтобы Царь велѣлъ Донскимъ козакамъ разрушать ихъ крѣпости на Дону и Терекѣ;—иначе, «не только Селимъ велитъ Хану и Ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами пойдемъ на Москву своими головами, сухимъ путемъ и моремъ, не боясь ни трудовъ, ни опасностей, не жалѣя ни казны, ни крови» (23).

Это была кажется послѣдняя сильная угроза Турокъ, которые между тѣмъ начинали уже ослабѣвать внутренно. Начинаются наступательныя движенія съ нашей стороны: Донскіе казаки взяли въ 1637 году Азовъ, и поклонились имъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу. Царь считая это дѣло земскимъ, великой важности, созывалъ въ Москвѣ соборъ — «сказати всякихъ чиновъ людямъ, что идетъ къ Государю Турской посолъ.... говорити объ Азовѣ; и онибъ выбрали изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, изъ середнихъ, и изъ молодчихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорити (24).

«Дума (25), по обычаю тогдашнему, состояла изъ высшаго духовенства, думныхъ людей и изъ выборныхъ свободныхъ сословій. Духовенство на этой думѣ лично не присутствовало, а прислало свое мнѣніе письменно; думные люди также не подавали голоса, потому что ихъ мнѣніе было уже извѣстно Царю. Число выборныхъ было слѣдующее: 10 стольниковъ, дворянъ 22, стрѣлецкихъ головъ 4, жильцевъ 12, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ 112, гостей и торговыхъ людей 12, посадскихъ 20, всего 192 человѣка. Имъ роздано было, каждому письменно, царское предложеніе, которое состояло изъ двухъ вопросовъ: 1) принять ли Азовъ отъ казаковъ, 2) если принять, то послѣдуетъ разрывъ съ Турціей и Крымомъ, понадобятся многіе ратные люди, и на жалованье имъ деньги, хлѣбные и пушечные запасы не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у Турскихъ людей не одинъ годъ,— гдѣ все это взять?

(23) Тамъ же, Т. X, с. 173 и проч.
(24) Арцыбашево повѣствованіе о Россіи, Т, Ш, отд. 2, с. 79, 74 и проч.
(25) См. прекрасную статью Г. Лохвицкаго, помѣщенную въ Моск. Вѣдомостяхъ 1854, N 70.

Digitized by Google

Духовенство отвѣчало, что его санъ не дозволяетъ ему разсуждать о войнѣ; но что оно готово жертвовать всѣмъ, когда Царь рѣшитъ быть войнѣ. Всѣ сословія, подавая мнѣнія порознь, объявили намѣреніе жертвовать всѣмъ для войны съ бусурманомъ. Въ сословіи Московскихъ дворянъ самое рѣшительное мнѣніе подали Бекл*мишевъ и Желябужскій. Высказавъ всѣ клятвопреступленія Крымскаго хана, его безбожныя нападенія на Россію, они сказали, что ему не надобно посылать даровъ, а лучше объявить войну, «а та его государева казна пригодится егожъ государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье, которые будутъ противъ ихъ бусурманъ стояти». Азовъ, по ихъ мнѣнію, необходимо было взять, потому что въ выдержаніи казаками осады видна особенная помощь Божія, и что Господь Богъ предаетъ этотъ городъ Россіи «въ месть врагамъ, хотя Господь Богъ прославити Своя чудеса и избавити православныхъ христіанъ отъ варварскаго нахоженія и вѣчныя крови». Кромѣ того Азовъ имѣлъ ту важность, что если онъ останется за Россіей, то «Нагай Большой и Казыевы и Кантемиревы Улусы, и Горскіе Черкасы, Темрюцкіе и Кансвскіе, и Бесленѣевскіе и Адинскіе, будутъ всѣ служити государю; а только Азовъ будетъ за Турки, и послѣдніе всѣ Нагаи отъ Астрахани къ Азову откочуютъ». Для покрытія военныхъ издержекъ они предлагали произвесть чрезвычайный налогъ, соразмѣрно состоянію, не исключая ни духовенства, ни дворянства. Для составленія войска предложено ими было собрать даточныхъ людей со всякаго рода вотчинъ (т. е. и съ монастырскихъ), чтобъ «никто въ избылыхъ не былъ».

Сильный голосъ подали дворяне сѣверныхъ городовъ, (Суздаля, Переславля-Залѣсскаго, Юрьева, Бѣлаго, Костромы, Смоленска, Новгорода и друг.). На вопросъ: принять ли Азовъ? они отвѣчали: «И тебѣ благочестивому государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси, прося у всещедраго Бога милости, велѣть Азовъ у Донскихъ атамановъ и казаковъ принять, и съ Турскимъ и съ Крымскимъ царемъ велѣть разрывать за ихъ многую предъ тобою государемъ неправду..... а буде и не изволишь, государь, Азова принять

Digitized by Google

у Донскихъ казаковъ, и Азовъ будетъ за бусурманомъ, и образъ великаго въ Пророцѣхъ Крестителя Господня Иванна Предотечи будетъ у нихъ же бусурмановъ. Не навести бы, государь, на Всероссійское государство гнѣва Божія и великаго свѣтильника и вышняго во Пророцѣхъ Крестителя Господня Иванна Предотечи, и великаго Святителя и Чудотворца Николы, которыми, изволеніемъ вышняго Бога, поручилъ тебѣ благочестивому государю такой дальный крѣпкій украйный городъ, безъ твоей государевы казны и безъ подъема твоихъ государевыхъ большихъ ратныхъ людей, такимъ малымъ твоимъ государевымъ людямъ?..... А вѣдомо тебѣ, государю царю и великому князю, учинилось, что Турскаго царя везирь самъ хочетъ идти подъ Азовъ со многою силою и съ Крымскимъ царемъ, чтобъ Азовъ осадить, а многихъ воинскихъ людей послать войною на государство Московское: и тебѣ, государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, прося у всещедраго Бога милости и Пречистыя Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ помощи и заступленія, противъ такого нечестиваго бусурмана и посягателя на истинную православную христіанскую вѣру и на твою государеву отчину, велѣть рать строить и люди собрать по своему государеву указу, какъ было при прежнихъ государяхъ, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи и при государѣ царѣ и Великомъ князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всея Русіи и при иныхъ государѣхъ, какъ они государи въ походѣхъ были противъ такихъ бусурманъ подъ Казанью и въ Нѣмецкихъ походѣхъ были, и ихъ государевы бояре съ ними, государи, были».

Мѣры денежныя, предложенныя дворянами сѣверныхъ городовъ, были также самыя сильныя. Между прочимъ они предложили: «вели, государь, взять патріархову казну, и митрополитовъ, и у архіепископовъ и у епископовъ, и въ монастырѣхъ лежачую домовую казну, для такія скорыя твоей государевы службы». Относительно сбора ратныхъ людей, они предложили сдѣлать усиленный наборъ даточныхъ, а дворянству идти всему поголовно *съ большою службою*: «и тутъ бу-

Digitized by Google

детъ вся твоя государева земля готова противъ такихъ нечестивыхъ бусурманъ нашествія». За себя они сказали: «а мы, холопи твои, ради за домъ Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ, и за истинную сущую православную христіанскую вѣру, и за тебя благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи и за твою государскую великую къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, противъ нашествія на твою государскую землю такихъ нечестивыхъ бусурманъ, *работать головами своими и всею душею.*»

Дворяне южныхъ городовъ (Рязани, Коломны, Тулы, Калуги, Серпухова и пр.) не испугались предположенія, что война съ Турціей можетъ продолжаться много лѣтъ, и отвѣчали: «А что, государь, написано въ росписи, что война бываетъ отъ Турскихъ людей не по одинъ годъ, и то, государь, въ волѣ Божіей: вольно Богу, и въ малѣ времени укротить».

Словомъ, все военное сословіе обнаружило самое горячее желаніе идти на войну съ Турками.

Люди торговые отвѣчали: «А что, государь, о Азовѣ городѣ будетъ ты, государь, изволишь Азовъ принять для избавы православныхъ хрестьянъ, и то, государь, дошло до всей твоей государевы земли православныхъ хрестьянъ головъ;... а мы холопи твои, гостишки и гостинныя и суконныя сотни торговые люди, ради тебѣ государю служити своими головами, за святыя Божія церкви, и за твое государево царево и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи многолѣтное здоровье, и за православную христіанскую вѣру помереть».

Тоже самое объявили и посадскіе люди.

Правительство разсудило уступить Азовъ, кажется по недостатку средствъ. Далѣе, въ царствованіе Ц. Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, никакого столкновенія между Россіей и Турціей не было. Уже въ 1672 году Турки взяли отъ Поляковъ Каменецъ-Подольскій и приготовляли нападеніе на Чигиринъ, Кіевъ и Украйну.

Царь Алексѣй Михайловичъ началъ принимать свои мѣры. По совѣтѣ съ духовными людьми, объявилъ онъ тогда въ окружной

Digitized by Google

своей грамотѣ, (25) «что Турской салтанъ желаніе свое исполнилъ, крѣпкую оборону и замокъ государства Польскаго, городъ Каменецъ со многими знатными городами взялъ, и благочестивыя вѣры Греческаго закона церкви, пребывающія нерушимы отъ многихъ временъ, разорилъ и учинилъ въ нихъ мечети, и всякое церковное украшенье отъ церквей отлучилъ, и православныхъ христіанъ похитилъ въ плѣнъ и въ расхищеніе; а какое поруганіе святымъ иконамъ и всему благочестію во время нахожденія своего учинилъ, того подлинно и написать не возможно. И видя то, салтанъ Турской, что ему въ походѣхъ его учинились всякія находки, возгордѣлся, что ему тою крѣпостію во многія государства путь учинился, приложилъ въ то дѣло неуклонную мысль, что ему не токмо Польское государство разорить и завладѣть, но и всѣми окрестными христіанскими государствы завладѣть, паче же тщится на Московское государство войною и разоренiемъ, и въ письмахъ своихъ къ окрестнымъ государямъ межь иными дѣлы явилъ». . . . . .

«И мы великій государь, слыша о таковыхъ непріятельскихъ замыслѣхъ, а о согласной мысли св. патріарха и архіереевъ и всего нашего государскаго сигклита ревнуя, поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, упреждая его злое намѣреніе, прося у Господа Бога милости и у Пресвятыя Богородицы, крѣпкія надежды и заступницы, помощи, изволилъ за святыя церкви и за православную христіанскую вѣру и за всѣхъ христіанъ, къ оборонѣ противъ того непріятеля, не токмо прибылыми полки на сѣверѣ промыслъ показать, но для совершеннаго усердія и попеченія о святѣй церкви и о всѣхъ христіанѣхъ, взявъ въ помощь сильное и непобѣдимое оружіе—святый и животворящій крестъ Господень, мы великій государь самъ своимъ государскимъ походомъ, не отлагая, идти къ Путивлю со всѣми своими силами, или гдѣ Богъ благоволитъ; а напередъ указали мы великій государь послать его ихъ великаго государя бояръ и воеводъ со многими ратьми конными и пѣшими полки, не щадя своей государской казны».

(25) Собраніе Госуд. Грамотъ, Гр. Румянцова, Т. IV. с. 284, 285 и проч.

Digitized by Google

Война не состоялася, ибо Царь Алексѣй Михайловичъ вскорѣ скончался (1676, генв. 29).

Уже въ 1678 году, по вступленіи на престолъ Ц. Ѳеодора Алексѣевича, Турки собрались исполнить свое намѣреніе противъ Чигирина и Кіева, но были разбиты подъ первымъ городомъ Царскими войсками и Гетманомъ Самойловичемъ (27).

Въ 1680 году было заключено перемиріе на 20 лѣтъ, по которому съ Турецкой стороны уступлено Россіи Запорожье и обѣщано не строить крѣпостей въ Заднѣпровскихъ пустыняхъ, принадлежащихъ Турціи (28).

Такъ началось отъ Днѣпра наше наступательное движеніе впередъ.

Срокъ перемирія еще не кончился, какъ война возобновилась, вслѣдствіе продолжавшихся неистовствъ Татарскихъ, и въ 1687 и 1689 году, по мысли Князя Вас. Вас. Голицына, любимца царевны Софіи, предприняты были два большіе похода въ Крымъ.

Софія, ободренная вызовами Европейскихъ государствъ, думала уже о совершенномъ уничтоженіи всего Турецкаго владычества «а такого, де, удобнаго времени, что при помощи Божіей ихъ басурмановъ нынѣ побѣждать и до конца искоренить, и православныхъ Христіанъ изъ-подъ ихъ басурманской неволи свободить, за тысячу лѣтъ не бывало» (29).

Софія принимала живое участіе въ судьбѣ Христіанъ «въ Греческой, Роменьской и Морейской и Сербской и Болгарской земляхъ».

Успѣхъ походовъ не соотвѣтствовалъ ея предположеніямъ. Голицынскіе походы были послѣднимъ событіемъ древней Исторіи: въ слѣдующемъ году (1689), на престолъ Русскаго государства вступилъ семнадцатилѣтній Петръ.

Не мѣсто говорить здѣсь вообще о значеніи этого великаго Государя въ Исторіи Россіи и Европы. Мы должны разсмотрѣть его только въ отношеніи къ нашему вопросу.

(27 Арцыб., т. III, кн. 6, с. 180 и проч.

(28) Тамъ же, с. 184.

(29) Собраніе Государственныхъ грамотъ, томъ IV, страница 589.

Digitized by Google

Неудержимая внутренняя сила повлекла пылкаго юношу, сначала по Голицынскому слѣду, при живомъ воспоминаніи о недавнихъ неудавшихся походахъ, на югъ, подъ Азовъ (1695), который наконецъ во второй походъ онъ и взялъ (1696).

Югъ и Сѣверъ какъ будто открывались тогда передъ нашимъ Петромъ: какую сторону выберетъ онъ поприщемъ своей дѣятельности? — Это была рѣшительная пора въ его жизни и жизни Россіи на долгое время; Петръ обратился къ Сѣверу. Непремѣнное его желаніе, возникшее тогда ужъ въ его душѣ преобразовать или объевропить Россію, рѣшило этотъ вопросъ: на югѣ, какъ ни былъ онъ привлекателенъ, Петръ отдѣлялся отъ любезной своей Европы многими Государствами, съ которыми должно было долго воевать безъ увѣренности въ успѣхѣ, а на сѣверѣ сообщеніе съ Европою казалось открытымъ: опасная Швеція доставалась новому молодому Государю, и нашлись союзники, которые, связанные общими выгодами, вызвались помочь Русскому Царю и доставить владѣніе на берегахъ Балтійскаго моря, принадлежавшихъ впрочемъ намъ искони. Петръ началъ съ Швеціей войну, которая оказалась однакожъ не такъ легкою, какъ онъ предполагалъ сначала: Карлъ XII заставилъ его потрудиться до пота лица. Двадцать лѣтъ онъ боролся съ Шведскимъ рыцаремъ, то-есть почти всю свою жизнь, хотя еще въ срединѣ этого времени одержалъ Полтавскую побѣду, и положилъ краеугольный свой камень въ основаніе новаго Европейскаго города Петербурга, которымъ началось политическое положеніе наше къ западу, продолжающееся полтораста лѣтъ, и въ наше время дошедшее до своей крайности. Эпизодомъ Шведской войны былъ походъ его въ Молдавію, по вызову Господаря Князя Кантемира, гдѣ онъ имѣлъ несчастіе, вслѣдствіе невѣрныхъ извѣстій, попасться въ затруднительное положеніе на Прутѣ, и принужденъ былъ отказаться отъ Азова.

Судьба Турціи отсрочена была на долго,—но Петръ твердилъ при всякомъ случаѣ о необходимости разрушить Турецкую имперію. Всѣ христіанскіе ея обитатели смотрѣли

Digitized by Google

на Россію, какъ на будущую избавительницу ихъ отъ Мусульманскаго ига, и предлагали ей свое подданство.

Потеря Россіей Азова ободрила Крымцевъ: хищники начали опять нападать на смежныя области, и грозили даже Астрахани. Петръ не успѣлъ наказать ихъ, хотя предъ концемъ своей жизни и совершилъ походъ въ Персію (1722), съ цѣлію, «устранить Турокъ отъ вмѣшательства въ дѣла Персіи, обезпечить русскую торговлю на Каспійскомъ морѣ, и, если возможно, проложить ей путь до самой Индіи ([30]).»

Крымскіе набѣги, послѣ кончины Петра, продолжались, Турки буйствовали. При И. Аннѣ снаряжено было войско подъ предводительствомъ Миниха и Лассія, которымъ обѣщались содѣйствовать Австрійцы, желавшіе распространить свои предѣлы насчетъ Турціи. Азовъ и Очаковъ были взяты, подъ Ставучанами Турки были разбиты на голову, и только отдѣльный миръ, заключенный предательски Австрійцами (какъ рано начали они доказывать намъ свою дружбу!), которые были на всѣхъ пунктахъ разбиты (въ Сербіи, Босніи, Валахіи) заставилъ насъ вступить въ переговоры, порученные вслѣдствіе козней Нѣмецкой, т. е. Бироновой партіи, французскому дипломату, Маркизу Вильневу ([31]).

Французу простительно было не думать о русскихъ выгодахъ, какъ Нѣмцамъ думать о своихъ, и онъ отказался отъ плодовъ блестящаго Минихова похода, но все таки Россія получила по Бѣлградскому миру страну между Бугомъ и Донцомъ, а Султанъ согласился срыть Азовъ и дозволить русскимъ купцамъ отправлять товары въ Черное море, но не иначе какъ на Турецкихъ корабляхъ.

([30]) Русская Исторія Устрялова, ч. II, с. 74. Я нарочно выбралъ эту учебную книгу для извлеченія нѣкоторыхъ историческихъ показаній, чтобъ удалить всякое подозрѣніе о натяжкѣ или пристрастіи съ своей стороны.

([31]) Г. Сен-Маркъ-Жирарденъ, разсуждая о Бѣлградскомъ мірѣ, недавно еще распространялся въ Journal des Debats въ похвалахъ этому дипломату, понимавшему очень хорошо выгоды Франціи! Случались ли въ какой нибудь исторіи подобныя явленія—препоручить заключеніе мира враждебному, или, по крайней мѣрѣ, чужему дипломату.

Digitized by Google

А Минихъ послѣ Ставучанской побѣды, взявъ Хотинъ, покоривъ Молдавію, которая съ радостію поддалася и согласилась принять отъ насъ Господаремъ Кантемира, Минихъ собрался уже переправляться чрезъ Дунай и идти на разрушеніе Турецкой Имперіи!

Это было за сто слишкомъ лѣтъ до нашего времени! Такъ естественна представлялась эта мысль всякому умному человѣку, которому случалось вблизи видѣть Дунайскія и Турецкія отношенія!

Несчастный Фельдмаршалъ долженъ былъ вскорѣ унести эту мысль въ глубину Сибири (1741), и тамъ наслаждаться ея развитіемъ въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ для себя и для Россіи.

Вступила на престолъ Императрица Екатерина II (1762). Минихъ былъ возвращенъ, и представилъ ей свой знаменитый проектъ, который онъ обдумывалъ на досугѣ двадцать лѣтъ: завоевать Константинополь и выгнать Турокъ изъ Европы. Но Екатеринѣ нужно было устроить прежде дѣла свои въ Польшѣ, по причинамъ, о коихъ не мѣсто здѣсь распространяться, въ Польшѣ, гдѣ европейскіе наши враги готовились устроить себѣ средоточіе своихъ кововъ противъ Россіи.

Они-то возбудили первую Турецкую войну (1768—1774), надѣясь смирить и ослабить Россію, и дали ей вмѣсто того только прекрасный предлогъ и средство къ ея усиленію, возвышенію и прославленію.

Мустафа III не хотѣлъ сначала принять Понятовскаго Королемъ Польскимъ, требовалъ, чтобъ мы вывели войска изъ Польши и отказались отъ участія въ дѣлахъ рѣчи посполитой, и наконецъ объявилъ войну Россіи, воспользуясь предлогомъ нашего случайнаго вступленія въ Турецкія границы при преслѣдованіи барскихъ конфедератовъ. Посланникъ нашъ Обрѣзковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, Крымскому хану дано повелѣніе вторгнуться въ наши предѣлы ([52]).

([52]) Герена, Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems, ч II, стр. 147.

Digitized by Google

«Въ жестокую зиму 1768 года, Татары ворвались въ Новую Сербію и опустошили ее. Между тѣмъ Порта подняла всѣ свои силы; болѣе 300,000 человѣкъ, подъ начальствомъ визиря, готовились весною 1769 года вступить въ Польшу, для изгнанія оттуда Русскихъ войскъ и для сверженія Станислава Августа съ престола.»

«Императрица съ своей стороны вооружила двѣ арміи; первая подъ начальствомъ князя А. М. Голицына, должна была удерживать визиря отъ вторженія въ Польшу; вторая подъ предводительствомъ графа П. А. Румянцева, обороняла южные предѣлы отъ Крымскихъ Татаръ; сверхъ того посланы отряды на Кубань, для развлеченія Турецкихъ силъ, и на Кавказъ, для содѣйствія владѣтелямъ Карталиніи, Имеретіи и Мингреліи (35).

Исторія войны слишкомъ извѣстна. 1770 г. Турки сосредоточили свои силы, болѣе 250 тысячъ ч., на лѣвомъ берегу Дуная между Днѣстромъ и Прутомъ. Русскихъ было безъ всякаго сравненія меньше, но Екатерина написала Румянцову, что Римляне никогда не спрашивали, сколько противъ нихъ враговъ, а только гдѣ они. Узнавъ, что Крымскій ханъ уже появился въ окрестностяхъ Бендеръ, осада которыхъ поручена была графу П. И. Панину, и что Турки переправляются черезъ Дунай для соединенія съ Татарами, онъ повелъ свое войско лѣвымъ берегомъ Прута противъ Хана въ намѣреніи разбить его прежде, чѣмъ визирь успѣетъ подавать ему помощь. Для ускоренія похода, велѣно было оставить обозъ и бросить рогатки, которыя доселѣ считались необходимыми въ войнахъ съ Турками. «Огонь и мечъ будутъ вамъ защитою.» говорилъ Румянцевъ русскимъ солдатамъ. 7 іюля онъ увидѣлъ на берегахъ Ларги стотысячную армію хана Крымскаго, напалъ на нее въ укрѣпленномъ станѣ, овладѣлъ имъ со всею артиллеріею, разсѣялъ Татаръ и двинулся впередъ на самаго визиря, который съ главнымъ войскомъ шелъ послѣдамъ хана, и уже достигъ пути Траянова»

(35) Русская Исторія Устрялова, ч. II, стр. 185.

Digitized by Google

«Здѣсь, на берегахъ рѣки Кагула, встрѣтился съ ними Румянцевъ. Визирь остановился, чтобы укрѣпить по обычаю свой лагерь, и дать время Крымскому хану собрать свою орду для нападенія на Русскихъ съ тыла, между тѣмъ какъ самъ онъ намѣревался ударить на нихъ спереди. Положеніе Румянцева было опасное: въ арміи его, ослабленной моровою язвою и отдѣленіемъ нѣсколькихъ полковъ, для прикрытія подвоза съѣстныхъ припасовъ, находилось не болѣе 17,000 человѣкъ. съ тыла грозили 80,000 Татаръ. Въ такихъ обстоятельствахъ рѣдкій полководецъ сохранилъ бы присутствіе духа; Румянцевъ не оробѣлъ, и, давъ войску нѣсколько часовъ для отдыха, повелъ его въ бой» (34).

Турки были совершенно разбиты. Въ одно время съ Кагульскою побѣдой сожженъ былъ при Чесмѣ и Турецкій флотъ, 24 іюня 1770 г. Греки и Славяне возстали; Татары Буджанскіе признали владычество Россіи; Крымскіе готовились также, не надѣясь болѣе на покровительство Порты. Мустафа трепеталъ за свою столицу, опасаясь, что Русскіе прорвутся за Дарданеллы, которые успѣли однакожь укрѣпить Французскіе инженеры, и обратился къ Австріи и Пруссіи съ просьбою о защитѣ. Кауницъ вступился горячо, подъ предлогомъ опасности политическому равновѣсію Европы (35), и предложилъ Фридриху II употребить вооруженное посредничество для примиренія воюющихъ державъ.

Фридрихъ не желалъ пользы Россіи, но съ другой стороны опасался потерять дружбу Екатерины какими нибудь рѣшительными дѣйствіями, и потому ограничился только тѣмъ, что извѣстилъ нашъ дворъ о желаніи султана примириться и о своей готовности содѣйствовать къ заключенію мира.

Екатерина попросила Фридриха не мѣшаться въ ея

(34) Тамъ же, с. 186.

(35) Благоволятъ читатели обратить вниманіе на это выраженіе: вотъ имъ примѣръ, какъ давно употребляется оно предлогомъ для сокрытія совершенно другихъ видовъ! Сколько разъ, даже только съ 1770 года, всѣ Европейскія государства мѣняли свой вѣсъ, становились тяжеле и легче, а политики все еще твердятъ о равновѣсіи! Ну не смѣшно ли слышать этотъ вздоръ, — и кого же можно обмануть такою нелѣпицею!

Digitized by Google

дѣла и посовѣтовать то же самое Вѣнскому кабинету; для свѣдѣнія же обоихъ дворовъ сообщила Прусскому королю, что независимость Татаръ и свободное плаваніе Русскихъ кораблей по Черному и Азовскому морю будетъ основаніемъ договора, а присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи вознаградитъ ее за многія пожертвованія.

«Послѣднее условіе встревожило Кауница, который никакъ не хотѣлъ видѣть Молдавію и Валахію во власти Россіи, предполагая со временемъ, при первомъ удобномъ случаѣ, присоединить ту и другую страну къ Австріи. Въ слѣдствіе сего онъ склонилъ Марію-Терезію къ заключенію оборонительнаго союза съ Турціею, собралъ многочисленную армію въ Венгріи, и пригласилъ Фридриха дѣйствовать совокупными силами въ защиту Султану.... Фридрихъ II придумалъ средство въ одно и то же время вознаградить Россію, спасти отъ нея Молдавію и Валахію, поддержать падающую Турцію, успокоить Австрію и расширить предѣлы собственныхъ владѣній. Средствомъ къ тому служила Польша (86).

Неизвѣстно, какіе были виды у И. Екатерины на будущее время, но она рѣшилась, съ совѣта своихъ министровъ, воспользоваться случаемъ возвратить тотчасъ значительную часть древняго Русскаго достоянія, безъ всякаго почти съ своей стороны труда, и ослабить сосѣднее враждебное государство, которое причиняло ей столько заботъ. . . . . .

Впрочемъ, хорошо разсуждать намъ такъ чрезъ сто почти лѣтъ, а тогда можетъ быть было нельзя иначе. Удержимся отъ безполезныхъ, и можетъ быть несправедливыхъ порицаній, а постараемся лучше исправить поврежденное. Но это мимоходомъ.

Россія при этомъ несчастномъ раздѣлѣ Польши, въ которомъ виновата больше всѣхъ Пруссія, а за нею Австрія, отказалась отъ требованія Молдавіи и Валахіи, получила только законную свою собственность Бѣлоруссію, древнѣйшую

(86) Русская Исторія Устрялова, ч. II, с. 191.

Digitized by Google

свою область, Австрія Галлицію, также древнѣйшую область Россіи, а Пруссія такъ называемую Прусскую Польшу, кромѣ Данцига и Торна.

Между тѣмъ война съ Турками у насъ продолжалась, вслѣдствіе несогласія при переговорахъ, и еще болѣе обѣщанія Франціи прислать флотъ въ Архипелагъ и возбудить противъ Россіи Шведскаго короля Густава III. Россіи, разтревоженной чумою, Пугачевскимъ бунтомъ, при опасностяхъ со стороны Польши, было очень тяжело, но Екатерина не уныла, и не смотря на неудачный конецъ похода 1772 года, собралась съ новыми силами, уполномочила недовольнаго Румянцова вести войну, какъ онъ заблагоразсудитъ,— и онъ побѣдами своими, при помощи Суворова и Каменскаго, принудилъ наконецъ Турокъ согласиться на Кучук-Кайнарджійскій миръ (1774). По этому знаменитому договору Турція обязалась 1, признать независимость Татаръ Крымскихъ, Буджакскихъ и Кубанскихъ; 2, уступить Россіи Азовъ, Керчь, Еникале и Кинбурнъ; 3, открыть Русскимъ купеческимъ кораблямъ свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное; 4, предоставить Русскимъ подданнымъ въ Турецкихъ областяхъ всѣ льготы, которыми пользовались Французы и другіе, наиболѣе покровительствуемые, народы; 5, даровать всеобщее прощеніе Грекамъ, Славянамъ, Молдаванамъ и Валахамъ. Наконецъ 6, Россія получила право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ ей Греческимъ и Славянскимъ, обитателямъ Молдавіи и Валахіи, и пр.(37).

Такъ кончилась первая Турецкая война, которую возбудили Французы, и въ которой Австрійцы и Прусаки, послѣ старались всѣми силами мѣшать Россіи, (Англичане были заняты въ Америкѣ), но которая обратилась совершенно въ ея пользу и доставила ей трактатъ, послужившій основаніемъ всѣхъ слѣдующихъ успѣховъ.

«Со времени Кайнарджійскаго мира распространилась въ Европѣ и не безъ основанія всеобщая молва о намѣреніи II Екатерины овладѣть Константинополемъ, и на развалинахъ

(37) Тамъ же, с. 198.

Digitized by Google

Оттоманской порты возстановить Греческую имперію ([38]). Вольтеръ былъ не безъ вліянія на происхожденіе этой мысли!

Представителемъ этой мысли явился славный Потемкинъ.

Но отъ подобной мысли до исполненія всегда бываетъ далеко: много періодовъ развитія должна она перейдти; много опытовъ неудачныхъ должно бываетъ совершить. Какъ ни отваженъ былъ Потемкинъ, какъ ни проницательна была Екатерина, но они не надѣялись на однѣ свои собственныя силы, а вспомогательныхъ средствъ въ нѣдрахъ противной стороны видѣли не ясно, и положили, что безъ согласія сосѣднихъ государствъ, особенно Австріи, проекта своего имъ исполнить не удастся.

Первымъ шагомъ на этомъ пути было присоединеніе Крыма.

Въ Крыму, получившемъ себѣ независимость, начались естественно партіи, партія Турецкая и партія Русская. Турки показали участіе, и имѣли неосторожность вступиться въ дѣла своей партіи; намъ нельзя было остаться праздными зрителями. Турки заняли Тамань — и Русскіе полки нагрянули со всѣхъ сторонъ на полуостровъ, раздираемый междоусобной войною, — и судьба его была рѣшена. Крымъ присоединенъ къ Россіи манифестомъ 1783 года, 8 апрѣля.

«Вслѣдъ за тѣмъ Грузинскій царь Ираклій II, также по старанію К. Потемкина, объявилъ себя подчиненнымъ Россійской Императрицѣ» ([39]).

Присоединеніе Крыма и подданство Грузіи произвели въ Турціи всеобщій ропотъ, народъ требовалъ войны, но какъ войска наши стояли на южныхъ предѣлахъ въ готовности, и Австрійскій императоръ Іосисъ II, (привлеченный на нашу сторону надеждою получить Баварское наслѣдство) ([40]), объ-

([38]) Тамъ же, с. 204. ([39]) Тамъ же, с. 214.

([40]) См. Герена, II, с. 161. Курфиршеская линія вымерла въ 1777 г.; договоръ съ наслѣдникомъ Курфирстомъ Пфальцскимъ, въ 1778 г.; Тешенское перемиріе, вслѣдствіе сопротивленія Фридриха II и проч. въ 1779 г. Смерть Маріи-Терезіи въ 1780 г.; договоръ о промѣнѣ Баваріи на Австрійскія Нидерланды, въ 1785 г.; Нѣмецкій княжескій союзъ, основанный Фридрихомъ II въ 1786 г.

Digitized by Google

явилъ, что готовъ дѣйствовать за одно съ Россіей, то Диванъ призналъ за лучшее вступить въ переговоры, и прибѣгнулъ съ просьбою къ дворамъ Англійскому и Французскому принять участіе въ дѣлахъ Крымскихъ. Императрица не хотѣла слышать ни о какомъ посредничествѣ, и требовала отъ Порты рѣшительнаго отвѣта, признаетъ ли она присоединеніе Крыма къ Россіи» (41).

Порта уступила (1783, дек. 28).

Мы изложили выше историческія и политическія причины, почему Россіи необходимо было овладѣть Крымомъ. Но посмотрите на карту; спросите Географію, и даже Геологію,— и вы получите тотъ же отвѣтъ, что Крымъ есть одна изъ необходимыхъ оконечностей Русскаго тѣла, вѣтвь, которая не можетъ быть отдѣленною отъ дерева, часть, которая должна принадлежать къ своему цѣлому, безъ нея не полному. Присоединеніе Крыма къ Россіи есть необходимость географическая, также, какъ историческая и политическая.

Враги Россіи не успокоились, и стараясь вредить, продолжали служить ей.

Англичане и Прусаки возбудили вторую Турецкую войну (1787—1791), Англичане, мстя за вооруженный неутралитетъ И. Екатерины, а Прусаки за дружбу съ Австріей. Порта надѣялась возвратить себѣ Крымъ при содѣйствіи Англіи.

Исполнилось горячее желаніе Потемкина, война началася. «Все предвѣщало Россіи самые блестящіе успѣхи. Увѣренная въ своихъ средствахъ, Екатерина хотѣла освободить отъ власти султана Молдавію, Валахію, Болгарію и образовать изъ нихъ особое государство подъ именемъ Дакіи (42). (Славяне все еще неясно представлялись въ умѣ). «Потемкинъ стремился далѣе: онъ только и ждалъ разрыва, чтобъ исполнить любимую мысль свою овладѣть Константинополемъ, разрушить Турецкую Имперію, и на развалинахъ ея основать Греческое царство.»

---

(41) Тамъ же, с. 216. (42) Тамъ же, стр. 219.

Digitized by Google

Союзники наши Австрійцы опять были остановлены и разстроены вездѣ Турками, но Русское оружіе покрылось новою славою: Очаковъ былъ взятъ приступомъ. При Фокшанахъ Суворовъ выручилъ принца Кобургскаго и рѣшилъ побѣду. Разскажемъ одно изъ послѣдующихъ событій, словами нашей учебной исторіи, чтобъ представить современнымъ совопросникамъ нѣсколько пунктовъ для сравненій и сближеній:

«При Фокшанахъ былъ разбитъ только отдѣльный тридцатитысячный корпусъ Турецкой арміи; главныя силы подъ начальствомъ самаго визиря, около 100,000 человѣкъ, находились за Дунаемъ. Онъ спѣшилъ отмстить за столь неожиданное пораженіе, перешелъ со всею арміею Дунай, вступилъ въ Молдавію и расположился на берегахъ Рымника, чтобы, укрѣпивъ по обычаю лагерь, напасть на принца Кобургскаго, стоявшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ занятой Турками позиціи. Принцъ спѣшилъ увѣдомить Суворова о грозившей ему опасности. Суворовъ не замедлилъ явиться, совершивъ самый трудный переходъ скорѣе, чѣмъ ожидали его Австрійцы, и по прежнему отдалъ приказъ готовиться къ нападенію на враговъ. Тщетно представлялъ ему австрійскій полководецъ, что при чрезвычайномъ неравенствѣ силъ, одно только благовременное отступленіе можетъ спасти ихъ малочисленный отрядъ отъ явной гибели. Суворовъ не хотѣлъ слышать о ретирадѣ и объявилъ, что если Австрійцы не хотятъ сражаться, онъ и безъ нихъ разобьетъ визиря. Принцъ долженъ былъ уступить его непреклонной волѣ. Бой былъ жестокій и продолжительный. Союзныя войска напали дружно на непріятельскую армію, расположенную въ четырехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Ни топкія болота, считавшіяся непроходимыми, ни глубокіе рвы, ни отчаянная храбрость янычаръ, ни многочисленная артиллерія, ничто не могло остановить Суворова и достойнаго сподвижника его. Поддерживаемый принцемъ, онъ бралъ лагерь за лагеремъ, выбилъ Турокъ изъ окоповъ, изъ лѣсовъ, разсѣялъ всю не-

Digitized by Google

пріятельскую армію и прогналъ ее за Дунай. Визирь бѣжалъ въ Шумлу и тамъ умеръ съ тоски» (43).

Англія подготовила намъ новаго врага, Шведскаго Короля Густава III, питавшаго непримиримую ненависть къ Россіи за первенство, которое она себѣ присвоила на сѣверѣ.

«Густавъ заключилъ съ Турціею договоръ, обѣщалъ содѣйствовать ей къ возвращенію Крыма, вооружилъ на счетъ ея войско и флотъ, вступилъ въ Финляндію, и объявилъ нашему кабинету, что онъ согласенъ оставить насъ въ покоѣ, если Императрица откажется отъ Крыма, примирится съ Турціею на условіяхъ Бѣлградскаго договора, и уступитъ Швеціи все, чѣмъ она владѣла въ Финляндіи. Король требовалъ рѣшительнаго отвѣта, да или нѣтъ, давая знать, что онъ не намѣренъ вступать ни въ какія объясненія. Графъ Сегіоръ замѣтилъ, что Густавъ пишетъ такъ, какъ будто уже выигралъ три великія сраженія. «Если бы онъ овладѣлъ даже «Петербургомъ и Москвою», возразила Екатерина, «и тогда не «приняла бы я столь унизительныхъ условій; сама выступила бъ съ войскомъ и доказала бы свѣту, что можно сдѣлать, предводительствуя Русскими» (44).

Побѣды Чичагова, Нассау-Зигена, Круза. заставили вскорѣ Густава отказаться отъ своихъ замысловъ, и заключиться въ прежнихъ границахъ.

Но прочіе враги продолжали дѣйствовать: «Пруссія и Англія условились принудить Россію и Австрію прекратить войну и возвратить Портѣ отнятыя крѣпости. Къ ихъ союзу приступили Голландія и Польша. Назначенъ былъ Конгрессъ въ Рейхенбахѣ. Екатерина, поблагодаривъ посредниковъ за доброе стараніе, отвѣчала, что она не намѣрена допускать посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла, уклонилась отъ участія въ Конгрессѣ, и въ тоже время предписала Потемкину нанести Туркамъ ударъ рѣшительный (45)».

Въ отвѣтъ на предписаніе взятъ былъ Суворовымъ Измаилъ.

---

(43) Тамъ же, стр 224. (44) Тамъ же, стр. 225. (45) Тамъ же, стр. 229.

Digitized by Google

«Паденіе Измаила поколебало твердость Порты и встревожило ея союзниковъ. Англія, Пруссія и Польша вооружились. Британскій флотъ готовился идти въ Балтійское море; Прусскія войска двинулись къ предѣламъ Курляндіи; Польскія вступили въ Волынь. Екатерина видѣла опасность своего положенія, но оставалась непреклонною въ намѣреніи кончить споры съ Турціею безъ посторонняго вмѣшательства, и брала свои мѣры къ борьбѣ съ новыми врагами Россіи (46).»

И твердость ея получила достойную награду, благодаря новымъ побѣдамъ ея полководцевъ, 1791 года, августа 1, заключенъ былъ въ Яссахъ миръ, (Потемкинъ предъ тѣмъ скончался), по коему «Турція обязалась въ точности исполнить всѣ условія Кайнарджійскаго договора, признать господство Россіи надъ Крымомъ, и уступить ей съ Очаковымъ пространство между Бугомъ и Днѣстромъ.»

Условія были выгодныя, но онѣ далеко несоотвѣтствовали общимъ предположеніямъ и первымъ надеждамъ. Екатеринѣ надо было отложить Турецкое дѣло, потому что ей грозила новая опасность со стороны Польши.

Тамъ дѣла ея вскорѣ приняли счастливый оборотъ. Благодаря побѣдамъ Суворова, она успѣла еще возвратить древнюю Волынь и Подолію (1793), и наконецъ Гродненскую и Виленскую губерніи и Курляндію (1794). Изъ древней Россіи, оставалась только Галиція въ чужихъ рукахъ.

Въ послѣдніе годы вниманіе И. Екатерины, уже состарѣвшейся, было отвлечено отъ Востока новыми европейскими явленіями, то есть Французской революціей. Турція была почти совершенно оставлена безъ вниманія, и мы отъ Востока обратились къ Западу; всѣ свои старанія, всѣ свои усилія, устремили мы на его дѣла безкорыстно, то есть безъ всякой для себя пользы.

Въ промежуткѣ только Наполеоновскихъ войнъ намъ случилось сходить по старой дорогѣ въ Турцію: эту войну въ царствованіе И. Александра, воздвигла Франція, чтобъ отвлечь насъ отъ пособія Пруссіи (1805). Обстоятельства намъ

(46) Тамъ же, стр. 229.

Digitized by Google

совершенно не благопріятствовали, хотя мы и одержали по давней привычкѣ нѣсколько побѣдъ, но,—какъ будто въ исполненіе закона судьбы, чтобъ не оканчивать ни одной войны съ Турціей, безъ поступленія впередъ,—передъ самымъ нашествіемъ Наполеона Кутузовъ, заставилъ Визиря согласиться на заключеніе мира въ Бухарестѣ, и уступить намъ Бессарабію (1812), предоставивъ многія преимущества Сербіи, Молдавіи и Валахіи.

Началась война Россіи съ Наполеономъ. За нею послѣдовали походы 1813 и 1814 годовъ въ Германію и Францію:

Турки, пользуясь сими тяжелыми для Россіи обстоятельствами, не выполняли, подъ разными предлогами, принятыхъ на себя обязанностей.

По сверженіи Наполеона, въ Европѣ возникли новыя отношенія. Опасеніе возбудить общую войну, при шаткомъ и тревожномъ состояніи Запада, препятствовало И. Александру, принявшему на себя званіе блюстителя Европейскаго порядка, настаивать на свои права. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Наконецъ и его терпѣніе истощилось. Между тѣмъ возстала Греція (1821),.... которую впослѣдствіи приняли мы подъ свое покровительство, согласно съ Англіей и Франціей.

Турки, видя надъ собою грозу, вняли нашимъ требованіямъ, и заключена была, уже при Императорѣ Николаѣ, (1826), Аккерманская конвенція, въ подтвержденіе Бухарестскаго договора, безъ участія Европейскихъ государствъ, которое было отклонено, согласно со всѣми здравыми преданіями Екатерининской политики.

Въ Аккерманѣ не было упомянуто о Греціи ни слова. Турки продолжали ея опустошеніе, отвергнувъ, въ своемъ ослѣпленіи, посредничество Англіи и Россіи, къ коимъ пристала и Франція. (Лондонскій трактатъ 24 іюля 1827 года). Послѣдствіемъ было сожженіе Турецкаго флота при Наваринѣ (8 октября).

Махмудъ приписалъ и Греческое возстаніе, и Лондонскую конвенцію, и Наваринскій бой, происканъ Россіи, и на-

Digitized by Google

чалъ непріязненныя дѣйствія. Императоръ Николай долженъ былъ принять его вызовъ. Послѣ долгаго ожиданія перемѣны въ образѣ дѣйствій Султана, объявилъ онъ предъ начатіемъ войны, что не хочетъ ничего болѣе Бухарестскихъ и Аккерманскихъ условій,—и всѣ Европейскія державы согласились въ справедливости и умѣренности его требованій. Но судьба влекла Турцію: она не внимала голосу мира, и война началася.

Побѣда слѣдовала за Русскими знаменами: впродолженіе двухъ лѣтъ съ половиною взяты Браиловъ, Варна, Силистрія, Рущукъ, Ахалцихъ, Карсъ, Баязидъ, Арзерумъ. Турки, побѣждены при Кулевчѣ. Паскевичъ разбилъ Азіатскіе корпуса. Дибичъ перешелъ черезъ Балканы и занялъ Адріанополь, въ двухъ дняхъ разстоянія отъ Царяграда. Султанъ принужденъ былъ просить о мирѣ, при ходатайствѣ Европейскихъ державъ, которыя слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, и мѣшали намъ на каждомъ шагу. Въ Адріанополѣ подписаны были условія (1829). Они были очень умѣренны: чтобы невозбудить еще бо́льшей зависти Европейскихъ державъ, мы удержали за собою изъ нашихъ завоеваній только Анапу, Поти, Ахалкаканъ и Ахалцихъ, крѣпости, необходимыя для безопасности Закавказскаго края. Права Сербіи, Молдавіи и Валахіи были распространены и умножены. Судьба Греціи предоставлена рѣшенію трехъ державъ.

Вотъ краткое обозрѣніе нашихъ отношеній къ Турціи до настоящаго времени!

Выведемъ итоги подъ нашими слагаемыми:

Войнъ кромѣ нынѣшней было пять: одна при И. Аннѣ, двѣ при И. Екатеринѣ, одна при И. Александрѣ, и одна при И. Николаѣ.

Всѣ эти войны были съ нашей стороны оборонительныя, то-есть, мы должны были принимать вызовъ, а сами никогда войны не объявляли.

Digitized by Google

Во всѣхъ войнахъ мы подвигались впередъ, и по всѣмъ договорамъ Россія распространяла свои предѣлы, и получала новыя области, сперва за Днѣпромъ, потомъ до Буга, потомъ до Днѣстра, потомъ до Прута, потомъ до устьевъ Дуная.

Во всѣхъ войнахъ, какъ Англичане и Французы, такъ Австрійцы и Прусаки, старались всѣми силами вредить Россіи, и если уступали, то по одной необходимости: въ первой Екатерининской войнѣ только мало участвовали Англичане, потому что заняты были въ Америкѣ; во второй Австрійцы были на нашей сторонѣ потому, что имѣли нужду въ нашемъ согласіи на пріобрѣтеніе ими Баварскаго наслѣдства.

Обстоятельства Европейскихъ государствъ, впродолженіе столѣтняго слишкомъ періода, нами разсмотрѣннаго, были совершенно различныя, но сходились онѣ всегда въ враждебной политикѣ къ Россіи; слѣдовательно политика ихъ, враждебная Россіи, зависитъ не отъ случайныхъ обстоятельствъ, а лежитъ глубоко въ ихъ натурѣ, и нельзя ожидать, чтобъ они перемѣнили свою натуру только для нынѣшней войны.

М. ПОГОДИНЪ.

(Изъ письма, писаннаго въ мат 1854 года).

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ПРАЗДНЕСТВА

въ честь Севастопольскихъ моряковъ.

Лѣтописи сохранили намъ драгоцѣнныя извѣстія о народныхъ празднествахъ въ древности: Князья, бояре, духовенство, купцы, простолюдины, вои, составляли часто одно семейство, радовались одною радостью, тужили объ одной печали,— и сидѣли за однимъ столомъ безъ всякаго различія.

Мудрено было повѣрить, чтобъ въ наше время могло случиться что либо подобное. Мы удалились такъ далеко отъ природы, столько возникло разныхъ условныхъ отношеній между нами, такія стѣснительныя приличія узаконились, наконецъ столько внѣшнихъ обстоятельствъ въ теченіе долгаго времени укрѣпило и утвердило нашъ искусственный образъ жизни, что казалось невозможнымъ возвращеніе къ первобытнымъ явленіямъ Исторіи. Тяжелыя вериги, кои надѣли мы на себя, должны были непремѣнно мѣшать, казалось, всякому естественному, свободному движенію. Этого мало: мы такъ привыкли къ нимъ, такъ срослися съ ними, что уже ихъ и не чувствовали, и намъ ловчѣе, удобнѣе стало ходить согнувшись, или даже на четверенькахъ, чѣмъ по-человѣчески, съ поднятою вверхъ головою, какъ постановилъ ее Богъ.

Каково же было общее изумленіе, какова же была общая радость, каково же было наслажденіе для всѣхъ истинныхъ друзей родной земли, когда они увидѣли, что все искус-

Digitized by Google

ственное, наносное, все притворное, ложное, не смотря на мнимую свою затвердѣлость, можетъ, въ добрый часъ, спасть ветхой чешуею съ нашей души, и мы, нисколько не отказываясь отъ Европейскихъ изобрѣтеній, отъ успѣховъ образованія, отъ усовершенствованій, произведенныхъ временемъ, можемъ встрепенуться, какъ ни въ чемъ не бывалые, можемъ развернуться, оживиться!

Исполнилось то, что̀ слыхали мы въ сказкахъ: Русскаго духа во снѣ не было слышно, а нынѣ Русскій духъ въ очью совершается!

Какъ же это случилось? Надо, вѣдь, произойдти чему нибудь особенному, совершенно новому и безпримѣрному, чтобъ такое чудо съ людьми хоть на минуту состоялося.

Да, надо было со всѣхъ концовъ Европы свезти нѣсколько армій въ одно тѣсное мѣсто; надо было собрать тамъ артиллерію, осадную и всякую, обезоруживъ даже главныя Европейскія крѣпости; надо было изобрѣсти множество смертоносныхъ снарядовъ, новыя пушки, новыя бомбы, новыя пули, особенныя ружья, особенныя батареи; надо было окружить осажденную крѣпость флотами, какихъ никогда и нигдѣ не видало никакое море; надо было съ помощью всѣхъ вновь открытыхъ газовъ развести такой огонь, какого отъ сотворенія міра на землѣ не бывало; надо было грянуть вдругъ тысячамъ орудій, и гремѣть почти безостановочно въ продолженіе цѣлаго года, чтобы земля дрожала, горы тряслись, нервы разстроивались, умъ мѣшался.... Вотъ когда Русскій человѣкъ пробудился (крѣпко онъ спалъ!) и перекрестился, началъ всматриваться, вслушиваться, вдумываться....

Ужасное и вмѣстѣ умилительное зрѣлище представилось ему въ его нечаянныхъ просонкахъ! Тысячи братьевъ ложатся пораженные, другіе становятся спокойно на ихъ мѣста. На вѣрную, очевидную гибель вызываются по стольку охотниковъ, что надо выбирать изъ нихъ тѣхъ, кто имѣетъ болѣе права умереть по своимъ прежнимъ заслугамъ. На опаснѣйшихъ мѣстахъ прислуга не хочетъ смѣняться: непріятель бьетъ въ день по 50 человѣкъ, такъ на три дня насъ станетъ;

Digitized by Google

а тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ». Дѣти заряжаютъ пушки, женщины подносятъ снаряды, бѣгаютъ по бастіонамъ и кричатъ солдатамъ: веселѣе! Другіе перевязываютъ раны подъ выстрѣлами; священники исповѣдываютъ и пріобщаютъ; и ни отъ кого не слышно ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго неудовольствія. Господи помилуй, Господи помилуй насъ грѣшныхъ, — вотъ единственныя слова, кои излетаютъ изъ закрывающихся устъ!

Изъ обыкновенной среды поднимаются вдругъ люди на высоту чуть видную,—Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Юрковской—поднимаются и поднимаютъ насъ вмѣстѣ съ собою. Другіе, вдохновенные, какъ Хрулевъ, въ минуту опасности являются для избавленія. Тотлебенъ, въ неистощимомъ умѣ своемъ, отыскиваетъ безпрестанно новыя средства обороны и нападенія. Мельниковъ подъ землею проникаетъ до самыхъ траншей непріятельскихъ. Удалыя вылазки Бирюлева, Астапова и прочихъ молодцовъ не даютъ врагу покоя по ночамъ. Васильчиковъ, являясь вездѣ, соблюдаетъ порядокъ и содержитъ все въ исправности....

Очнулся Русской человѣкъ! Всѣ чувства его приходятъ въ движеніе; состраданіе, негодованіе, радость, стыдъ, досада, гнѣвъ, оскорбленная честь, желаніе отмстить, горесть, народное самолюбіе, воспоминаніе о прежней славѣ, волнуютъ душу. Вся внутренность переворачивается. У окаменѣлыхъ людей выжимаются слезы, у одеревенѣлыхъ бьется сердце, и у потерявшихъ понятіе о стыдѣ, краска выступаетъ на лицѣ.

Къ Севастополю обратились всѣ сердца. Туда понеслись всѣ молитвы. Тамъ сосредоточились всѣ желанія. Ничего не существуетъ въ Россіи, кромѣ Севастополя.

Между тѣмъ смерть выхватываетъ одного за другимъ лучшихъ людей.... искупительныя жертвы падаютъ, молясь за отечество.... слова ихъ разносятся съ быстротою молніи по всему пространству Россіи и пронзаютъ сердца.

Наши потери, ошибки, бѣдствія, недостатки, волнуютъ народное чувство и увеличиваютъ силу нравственнаго сопротивленія.

Digitized by Google

Двѣ смѣны непріятельскаго войска легли подъ живыми стѣнами Севастополя. Отчаянные приступы отражены.... Борьба увеличивается. Для враговъ не остается также никакого выбора: или умереть или взять городъ.

Что же будетъ? чѣмъ все это кончится?

Новыя тучи заходятъ надъ Россіею съ другихъ сторонъ. Число враговъ увеличивается. Грозятъ иные предатели. Надежда смѣняется страхомъ, страхъ смѣняется надеждою....

Такъ проходитъ цѣлый годъ въ душевныхъ пыткахъ, въ мучительныхъ ожиданіяхъ.

И не остается никакой возможности, или лучше сказать, не остается никакой пользы удерживать Севастополь, превращенный въ развалины!

Велѣно было отойдти, оставить Южную сторону, — и отошли храбрые, плача и рыдая, приводя всѣхъ насъ по всей Россіи въ слезы, «на Сѣверную.»

Но вотъ новое въ судьбахъ человѣческихъ—не думанное, не ожиданное. Ангелъ мира низпосылается на усталую, дымящуюся кровью, землю....

. . . . . .

Вдругъ извѣстіе, что Севастопольскіе моряки скоро явятся въ Москвѣ, переведенные на службу въ Архангельскъ и Кронштадтъ.

Москва взволновалась. Всѣ чувства, испытанныя ею впродолженіе роковаго года, возобновились въ сердцѣ. Севастопольскіе моряки, что стояли одиннадцать мѣсяцевъ въ адскомъ огнѣ, что принимали за насъ на свою грудь всѣ вражьи удары, что спасли Русскую честь,—они идутъ, они идутъ,—мы ихъ увидимъ, обнимемъ, мы имъ поклонимся.

И произошла удивительная встрѣча, устроилось небывалое угощеніе!

Веселіе, удовольствіе, радость на улицахъ, въ домахъ, въ собраніяхъ, въ обществѣ; забилось сердце, раздались искреннія слова, вырвались задушевные крики. Позабыты всѣ противныя мелочи, оставлены всѣ непріятныя частности,

Digitized by Google

отброшены всѣ досадныя дрязги. Заговорили старики и молодые, женщины и дѣти, знатные и убогіе, бритые и бородатые, тихо и громко, безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякихъ тягостныхъ ощущеній, безъ всякихъ низкихъ опасеній, въ чувствахъ взаимной дружбы, въ чувствахъ искренней, неограниченной преданности къ Государю и его дѣтямъ, ко всѣмъ членамъ царскаго дома, въ чувствахъ горячей любви къ отечеству, съ полною вѣрою въ будущее.

Прекрасныя минуты, высокія минуты, когда всѣ люди раздѣляютъ одно чувство, живутъ одною жизнію, когда всякій принимаетъ сердечное участіе въ общемъ дѣлѣ, сознаетъ себя членомъ, неразрывною частію цѣлаго, единицею общаго количества, и дѣйствуетъ по доброй собственной волѣ, а не по чужому постороннему указанію, всегда противному для человѣческаго самолюбія.

Прекрасныя минуты! высокія минуты! Сколько въ нихъ силы, сколько въ нихъ жизни! Какъ онѣ ободряютъ, укрѣпляютъ, освѣжаютъ духъ?

Но несмѣшно ли, скажутъ нѣкоторые, придавать такое значеніе празднествамъ, очень простымъ и обыкновеннымъ? Это все преувеличенія, мечтанія, грезы! Въ чемъ можно было видѣть и слышать такія чудеса?

Въ чемъ? Въ земныхъ поклонахъ толпы Севастопольскимъ морякамъ, въ цѣлованьяхъ мужиками Егорьевскихъ крестовъ, въ чаркахъ вина, выпитыхъ барынями на площади за здоровье матросовъ, въ задушевныхъ голосахъ, которыми пѣлся царскій гимнъ, въ искреннихъ рѣчахъ простыхъ людей между собою, въ веселыхъ напѣвахъ плясовыхъ пѣсенъ, въ разбитыхъ бокалахъ, въ безсмысленныхъ словахъ, въ нелѣпыхъ тѣлодвиженіяхъ, въ незнакомыхъ поцѣлуяхъ.... Вотъ въ чемъ можно было видѣть и слышать такія чудеса тому, кто хотѣлъ и могъ ихъ видѣть и слышать; вотъ по какимъ образчикамъ, примѣрамъ и выходкамъ можно было судить и о томъ, чего не было,—но оставимъ общія разсужденія, оставимъ мечтанія, и перейдемъ въ область дѣйствительности, разскажемъ все, что было, по порядку.

Digitized by Google

Начало всего яснѣе видно въ слѣдующемъ отношеніи Инспекторскаго Департамента Морскаго Министерства по дежурству. отъ 12 февраля, за № 2673, которое мы здѣсь и сообщаемъ.

«Общество города Москвы, желая ознаменовать прибытіе въ Москву флотскихъ экипажей, идущихъ изъ Николаева, дѣлаетъ имъ торжественный пріемъ, приглашая къ этому всѣхъ морскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ защитѣ Севастополя.»

«Коммерціи совѣтникъ Василій Александровичъ Кокоревъ предлагаетъ къ услугамъ гг. офицеровъ, приготовленные имъ заблаговременно, вагоны для поѣзда въ Москву и обратно, а также въ самой Москвѣ, на все время пребыванія гг. офицеровъ, домъ, прислугу, столъ и экипажъ.»

«Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ, принявъ все это благосклонно, изволилъ разрѣшить: желающихъ изъ вышесказанныхъ офицеровъ уволить въ Москву на 7 дней.»

«Поѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ С.-Петербурга отправится въ четвергъ, 16 февраля въ 11-ть часовъ утра. — Остальныя затѣмъ подробности, по этому приглашенію, можно узнать у флигель-адъютанта Бирюлева.»

Московскіе граждане, предувѣдомленные о прибытіи дорогихъ гостей, ожидали ихъ на станціи желѣзной дороги. Лишь только показались вагоны, грянуло ура, отдалось на дворѣ, повторилось на площади.... Вотъ растворяются дверцы, высыпаютъ морскіе мундиры, блещутъ знаки отличія на фуражкахъ.... сердце забилось. Раздаются восклицанія: здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать! милости просимъ, милости просимъ! Начинаются поцѣлуи, объятія. Ура не умолкаетъ.

У крыльца давно дожидаются тройки въ раззолоченныхъ дугахъ, въ праздничной упряжи, съ заплетенными въ гривахъ разноцвѣтными лентами, съ звенящими бубенчиками. Лихіе кони ржутъ и роютъ копытами землю. Офицеры разсаживаются. Впереди ѣдетъ Кокоревъ съ Бирюлевымъ, уже извѣстнымъ Москвѣ. За ними несутся въ порядкѣ тридцать

Digitized by Google

троекъ. Необыкновенный поѣздъ направленъ по Мясницкой, Ильинкѣ, Царской площади, Тверской.

Прохожіе по улицамъ останавливаются и спрашиваютъ другъ друга: Кто ѣдетъ? Моряки. Какіе? Севастопольскіе. Кто везетъ? Кокоревъ. И понесся первый гулъ по городу....

Въ гостинницѣ Шевалье самовары уже кипѣли, приготовленъ чай съ Московскими калачами и сайками.

Здѣсь представленъ офицерамъ списокъ 80 покоевъ, изъ всѣхъ лучшихъ гостинницъ, кому какіе выбрать угодно.

Тотчасъ послѣдовало размѣщеніе по бастіонамъ, какъ прозваны выбранные покои.

Между тѣмъ отдано приказаніе исполнять всѣ требованія дорогихъ гостей съ поспѣшностію и точностію, угадывать, сколько можно, всѣ желанія. Посланы благонадежные люди во всѣ гостинницы для наблюденія за порядкомъ угощенія. Предоставлено въ распоряженіе офицеровъ по 50 билетовъ во всѣ спектакли, концерты и маскарады. Къ каждому крыльцу поставлено по нѣскольку каретъ и саней, парныхъ и одиночныхъ.

Въ 2 часа офицеры представлялись генералъ-губернатору, который принялъ ихъ всѣхъ въ кабинетѣ, разспрашивалъ объ ихъ службѣ, и напомнилъ подвиги, ему извѣстные; потомъ были они у коменданта, Севастопольскаго своего знакомаго.

Первый обѣдъ назначенъ былъ въ Новотроицкомъ трактирѣ, знаменитомъ произведеніями Русскаго поваренаго искусства.

Офицеры съѣхались туда на утреннихъ тройкахъ. Ильинка усыпана уже была народомъ, по обѣ стороны. На биржевой площади передъ крыльцомъ стояли толпы. Народъ снималъ шапки и раскланивался съ наѣзжавшими. Многіе ожидали ихъ съ открытыми головами. Мудрено было пробраться до крыльца....

Столъ приготовленъ былъ въ пяти комнатахъ, соединенныхъ между собою посредствомъ проломанныхъ стѣнъ, открытыхъ дверей.

Digitized by Google

Все, что можно было найдти лучшаго, вкуснаго, дорогаго, все, чѣмъ славится изстари хлѣбосольная Москва, — все явилось дорогимъ гостямъ на угощеніе: отличная рыба всѣхъ родовъ, свѣжая зернистая и паюсная икра, сочная ветчина, бѣлая и нѣжная телятина, блины красные и гречневые, животрепещущія стерляди, Можайскіе поросята подъ сметаной съ хрѣномъ, кулебяки, растегаи. Однимъ словомъ исполнилась пословица: что ни есть въ печи, все на столъ мечи! Тридцать проворныхъ ярославцевъ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубашкахъ, подпоясанныхъ шелковыми кушачками,—кваскомъ приглаженные, и маслецомъ примазанные, съ вывертомъ и подходцемъ, такъ и сновали между столами и подавали, приговаривая: пожалуйте-съ, пожалуйте-съ.

За каждымъ столомъ сидѣло по два и по три обывателя, на которыхъ возложено угощеніе; въ первой залѣ Кокоревъ и Погодинъ, во второй Жеребцовъ и Топоровъ, въ третьей Нарышкинъ и Клишинъ, въ четвертой Мамонтовъ и Гееръ, въ пятой Богдановъ и Севастьяновъ и проч. Бокалы поднимались одни за другими; бесѣда шла живѣе и живѣе. Говорено было отъ души и теперь все перезабылось, — значитъ было очень хорошо, то-есть, гораздо лучше того, что пишется и сочиняется.

«Здоровье морскихъ офицеровъ», «въ честь погибшихъ», во славу Русскаго флота», «здоровье Генералъ-Адмирала», «въ память о первой минутѣ, когда рѣшено было защищать Севастополь во что бы то ни стало, и спасена русская честь.» О. О. Ѳедоровичъ въ нѣсколькихъ теплыхъ словахъ благодарилъ общество отъ лица всѣхъ офицеровъ.

«Здоровье трехъ героевъ—кто они?» Хрулевъ, Тотлебенъ, Васильчиковъ! Восторженное ура не прерывалось, гремѣло и отзывалось на улицѣ....

Народъ поглядывалъ другъ на друга съ удовольствіемъ и улыбался. Впродолженіе всего обѣда часа четыре не сходилъ онъ съ площади, и однѣ толпы смѣнялись другими, гуще и гуще. Всѣмъ хотѣлось увидѣть любезныя черты молодцовъ Севастопольскихъ, и поклониться имъ въ знакъ своей усердной признательности.

Digitized by Google

18-го числа вступали первые два экипажа, 32-й и 29.

Въ Чудовѣ монастырѣ совершена была въ этотъ день панихида по покойномъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

По окончаніи панихиды офицеры отправились на вчерашнихъ тройкахъ къ Серпуховской заставѣ. Поѣздъ остановился за покупками на площади предъ памятникомъ Минину и Пожарскому.

Купцы высыпали изъ рядовъ, и узнали о близкой встрѣчѣ. Множество помчалось на извощикахъ вслѣдъ за тройками. Впереди ѣхалъ лейтенантъ Дистерло, привезшій по распоряженію Генералъ-Адмирала вновь назначенныя медали всѣмъ чинамъ морскаго вѣдомства, которые принимали участіе въ безпримѣрной оборонѣ Севастополя.

Заѣхавъ нѣсколько впередъ, онъ передалъ ихъ ведшему офицеру, медали тотчасъ были розданы и привѣшаны; матросы вступали въ Москву новыми кавалерами.

Лишь только показался ихъ длинный строй, спускавшійся съ пригорка, въ сѣрыхъ истертыхъ шинеляхъ, изъ-за которыхъ виднѣлись бараньи околыши—сердце затрепетало у встрѣчавшихъ, слезы прошибли. Богъ знаетъ что̀ почувствовалось - сладко ли, горько ли, страшно ли, весело ли? только горячо! Кокоревъ съ Мамонтовымъ, снявъ шапки, несли на большомъ серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, какую-то испеченную гору, для которой чуть ли не складена была особая печка. Поравнявшись съ гостями, Кокоревъ передалъ поднось старшему офицеру. «Други и братья», сказалъ онъ имъ, едва сдерживая слезы, «благодаримъ васъ за ваши труды и подвиги, за пролитую вами кровь для насъ, въ защиту родной земли. Примите наше сердечное спасибо и нашъ земной поклонъ.» Съ этимъ словомъ онъ повалился имъ въ ноги. За нимъ поклонились въ землю слѣдовавшіе. Минута была торжественная! Всѣ плакали. Очевидцы чрезъ долгое время не могли безъ слезъ разсказывать объ этой минутѣ.

Одинъ старикъ изъ заднихъ рядовъ бросился впередъ и закричалъ: батюшки, гдѣ тотъ что благодарилъ-то за насъ.... Дайте мнѣ его поцѣловать!

Digitized by Google

Матросы выстроились и двинулись въ путь. У заставы ожидали ихъ не толпы, а тучи народа. Они закричали «ура» навстрѣчу. «Ура» грянуло имъ въ отвѣтъ. Клики не умолкали, покуда не подошли матросы къ заставѣ. Тамъ встрѣтилъ ихъ Московскій комендантъ И. И. Кизмеръ, и поздравилъ съ благополучнымъ приходомъ. Купечество, мѣщанство, цеховое общество, поднесли свою хлѣбъ-соль. Отъ заставы потянулось уже цѣлое, безконечное войско, безпрестанно умножавшееся, къ Серпуховскимъ воротамъ, между двумя стѣнами народа; третья стѣна шла впереди, четвертая позади. «Ура» гремѣло со всѣхъ сторонъ. Шапки летѣли вверхъ.

На Серпуховской площади приготовлено было откупомъ и купечествомъ угощеніе. Площадь вся покрыта была народомъ. Въ домахъ выставлены окна. Женщины громоздились на скамейкахъ, ребятишки торчали на крышахъ, около трубъ. Строились тутъ же подмостки, и вездѣ толкались люди. Сосѣднія улицы запрудились экипажами.

Матросы составили четвероугольникъ. Военный генералъ-губернаторъ поздоровался съ ними, обошелъ всѣ ряды, поздравилъ, и спросилъ себѣ чарку водки выпить за здоровье славныхъ моряковъ.

Какъ хороши они были въ дорожномъ своемъ платьѣ, съ Егорьевскими крестами и медалями, въ рубцахъ и царапинахъ, загорѣлые, почернѣлые, заскорузлые. Много, много читалося на этихъ грубыхъ лицахъ! Много, много говорили эти мозолистыя руки! Нѣкоторые изъ народа прикладывались къ Егорьевскимъ крестамъ!

Матросы, по данному знаку, начали одинъ за однимъ подходить къ столамъ, брали по стакану, выпивали, и покрякивали, откашливались: съ другихъ сторонъ сыпался дождь калачей и саекъ.

Какія-то знатныя дамы, стоявшія вблизи на скамейкахъ, вдругъ закричали: дайте намъ чарку, мы хотимъ пить за здоровье Севастопольскихъ матросовъ. Ура! Ура! Офицеры сѣ-

Digitized by Google

жались благодарить за прекрасное движеніе. «Здоровье Черноморскихъ офицеровъ! Общій крикъ: здоровье всѣхъ защитниковъ Севастополя, ихъ женъ и дѣтей! ура! ура!

Матросы размѣщены въ двухъ сосѣднихъ частяхъ города. Купцы рвали къ себѣ матросовъ наперехватъ, кто спрашивалъ 20, кто 30. К. Т. Солдатенковъ взялъ себѣ сто. Особые харчевники наняты были нѣкоторыми хозяевами угощать гостей «по вкусу».

За матросами тянулись повозки съ ихъ семействами. На каждое семейство роздано по 50 руб. сер.

Офицеры, пришедшіе съ экипажами, приглашены В. А. Кокоревымъ въ гостинницу Шевалдышева, гдѣ было приготовлено для нихъ помѣщеніе. Къ нимъ присоединились офицеры, съѣхавшіеся изъ сосѣднихъ губерній, Новгородской, Тверской, Рязанской, и проч., такъ что всѣхъ гостей собралось къ 19 числу около ста.

Обѣдъ приготовленъ былъ по гостинницамъ.

18 февраля день кончился въ подобающей тишинѣ.

Въ воскресенье 19 февраля, день всерадостнаго возшествія на престолъ Государя Императора, торжественная литургія и молебствіе о здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества въ Чудовѣ монастырѣ.

Поздравленія городскаго начальства.

Отъ генералъ-губернатора офицеры въ полной парадной формѣ, длиннымъ поѣздомъ, отправились засвидѣтельствовать глубочайшее свое почтеніе нашему славному, нашему достойному.... мудрено прибрать настоящее имя этому, что получилъ Егорьевскій крестъ изъ рукъ Суворова, что былъ начальникомъ штаба въ 1812 году у Барклая и Кутузова, что принялъ команду подъ Кульмомъ послѣ раненаго Остермана.... этому еще мощному, бѣлому льву, съ соколиными глазами, котораго имя стоитъ цѣлой арміи, и производитъ во всякомъ русскомъ сердцѣ какой-то особый трепетъ.... Алексѣю

Digitized by Google

Петровичу Ермолову. Къ нему, въ его военную лавру, на Пречистенкѣ, являются на поклонъ всѣ военные люди, проѣзжающіе Москву, смотрѣть, слушать, думать.... Нечего разсказывать, какъ принялъ молодыхъ Русскихъ бойцовъ боевый Русскій старецъ.

Обѣдъ у г. генералъ-губернатора для высшихъ чиновъ.

Оберъ-офицеры обѣдали въ гостинницѣ Шевалье, у В. А. Кокорева. Веселъ, шуменъ и радушенъ былъ этотъ обѣдъ.

Много было говорено, много прочувствовано, много передумано! Въ срединѣ обѣда М. П. П. всталъ и провозгласилъ: Мм. Гг. «Нынѣ день возшествія на престолъ Государя Императора. Дай Богъ ему царствовать долго, счастливо, милостиво, любовно! Сила не въ силѣ, сила въ любви. Да здравствуетъ возлюбленный Государь нашъ Императоръ Александръ Николаевичь!»

Громкими рукоплесканіями покрылась эта задушевная здравица!

Второй бокалъ поднятъ въ честь Севастопольцевъ. Н. А. Жеребцовъ произнесъ привѣтствіе, выразивъ чувства общей къ нимъ признательности, за ихъ подвиги и вмѣстѣ отдавъ честь ихъ скромности, благородству, ихъ образу дѣйствій сравнительно съ поступками нашихъ враговъ.

«Позвольте мирному гражданину», сказалъ онъ, «когда-то участвовавшему въ бояхъ отечественныхъ, сказать вамъ отъ глубины русской души привѣтное слово. . . . . .

. . . . . .

Прославить громко и во всеуслышаніе геройство Черноморскихъ моряковъ нашихъ, и увѣрить васъ, что каждый Русскій гордится тѣмъ, что онъ соотечественникъ съ вами, и что не только теперь, когда ваши подвиги такъ свѣжи у всѣхъ въ памяти, но и тогда, когда юнѣйшій изъ васъ будетъ преклоннымъ старцемъ, — всякій Русскій человѣкъ почтитъ этого старца и укажетъ его своему сыну, какъ примѣръ доблести, сказавъ: «Поклонись ему, онъ участвовалъ въ знаменитой защитѣ Севастополя», — и пылкій юноша преисполнится тогда благоговѣнія къ войску, котораго этотъ

Digitized by Google

старецъ будетъ представителемъ, и воспламенится живѣйшею любовью къ славному своему отечеству. Теперь же заключимъ историческимъ ура! въ честь славныхъ защитниковъ Севастополя.»

С. П. Шевыревъ прочелъ стихи, въ честь ихъ сочиненные. Выписываемъ нѣкоторыя строфы:

. . . . . .

Вамъ привѣтъ Москвы державной,
Вамъ народа общій гласъ:
Въ сердцѣ Руси православной
Горячо мы любимъ васъ.

Гости! въ васъ, покрытый славой
Изъ пучины бѣдъ и золъ,
Самъ великій, самъ кровавый,
Севастополь къ намъ пришелъ!

. . . . . .

Разстилай же скатерть брану,
Ты во всѣ концы Москва!
Наливай же брагу пьяну,
Осушай ковши до дна!

Лейся море, брызгай пѣна
Изъ бокаловъ въ добрый часъ!
Будетъ море по колѣна
Намъ на радости о васъ.»

Не знаемъ, какъ благодарить васъ, мм. гг., отвѣчалъ одинъ изъ моряковъ, но что мы сдѣлали? Мы исполняли только долгъ свой!

«О если бы всѣ исполняли долгъ свой», воскликнулъ Кокоревъ, «Россіи желать не осталось бы ничего! Мм. гг. во славу исполненія долга!»

«Исполненіе долга»—воскликнуло съ шумомъ все собраніе!

Передъ окончаніемъ обѣда явился Бутаковъ, капитанъ 2 ранга, описавшій Аральское море и теченіе рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, которому Гумбольдъ отдалъ полную справедливость. (Замѣчаю это обстоятельство потому, что мы любимъ чужія рекомендаціи. Какъ-то не вѣрится безъ нихъ ни въ какое

Digitized by Google

достоинство: ну гдѣ же намъ, что мы за люди! Такъ разсуждаемъ мы обыкновенно въ припадкѣ своей скромности или другой какой добродѣтели, сходной съ порокомъ).

Здоровье Алексѣя Ивановича! Здоровье Григорья Ивановича, раздалось между моряками.

М. П. П. сказалъ: «Господа! Враги хотятъ запереть вамъ Черное море, а вотъ вашъ товарищъ, прибывшій съ Аральскаго. Да развернется жъ Русскій флагъ и развѣвается на всѣхъ моряхъ — на Аральскомъ и Черномъ, на Нѣмецкомъ и Средиземномъ, на всѣхъ Океанахъ — Тихомъ, бурномъ.... (кто то произнесъ имя Сыръ-Дарьи), на всѣхъ Сыръ-Дарьяхъ и Аму-Дарьяхъ! Ура! Въ честь и славу Русскаго флота!»

Новый тостъ въ честь Генералъ-Адмирала.

М. П. П. сказалъ: «Господа, мы пили за флотъ, за моряковъ,—этотъ бокалъ въ честь вашего Генералъ-Адмирала. Онъ славно началъ! Дай Богъ продолжать ему съ бо́льшей и бо́льшей силою. Здоровье Великаго Князя Константина Николаевича!»

Какое грянуло ура — мудрено передать: всѣ офицеры бросились чокаться между собою и цѣловаться и поздравлять другъ друга и провозглашать имя Генералъ-Адмирала, какъ будто бъ онъ былъ между ними.

Потомъ обратились они къ выражателямъ общихъ чувствъ, предложили здоровье Жеребцова, Кокорева, Шевырева, Погодина. Тѣ благодарили, у кого сколько словъ нашлось. Началось качаніе. Шевыревъ отвѣчалъ:

. . . «Скромность ваша видитъ въ вашемъ подвигѣ только исполненіе долга. Съ васъ мы всѣ должны брать примѣръ. У каждаго изъ насъ, на всѣхъ поприщахъ жизни есть свой Севастополь: Севастополь правды, Севастополь истины, Севастополь всякаго добра въ Россіи! Отстаивать эту святыню противъ всѣхъ враговъ внутреннихъ, есть долгъ каждаго изъ насъ. Если всякій будетъ думать объ исполненіи долга, какъ вы думаете, счастлива будетъ Россія, и этимъ счастьемъ будетъ утѣшаться вполнѣ Государь ея!»

Вечеромъ великолѣпный балъ въ благородномъ собраніи.

Digitized by Google

20 февраля: въ понедѣльникъ, обѣдъ давалъ опять В. А. Кокоревъ въ залахъ купеческаго собранія, потому что общественные обѣды ожидали генералъ-губернаторскаго, а этотъ не могъ быть назначенъ прежде 21 числа!

Оркестръ Сакса разыгрывалъ русскія пѣсни, съ трудомъ отысканныя, и отрывки изъ италіанскихъ оперъ.

Послѣ обѣда всѣ присутствовавшіе дружнымъ хоромъ пропѣли пѣснь во славу Царя, стоя полукругомъ, передъ Его портретомъ.

Изъ тостовъ примѣчательные были за сестеръ милосердія и за сиротъ Севастопольскихъ. С П. Шевыревъ между прочимъ сказалъ:

. . . «Святы всѣ сироты міра, но сироты падшихъ защитниковъ Севастополя ближе къ нашему сердцу, потому что это дѣти людей, за насъ положившихъ животы и души свои. Да здравствуютъ сироты Севастопольскіе! Память ихъ падшихъ отцовъ да не умираетъ въ нихъ никогда! Да растутъ они и воспитываются, имѣя предъ собою живые образцы славныхъ героевъ Севастополя, насъ окружающихъ.»

Слово такъ пришлось по сердцу морякамъ, что они принялись качать говорившаго. Отвѣчая объятіями на ихъ дружескій привѣтъ, онъ благодарилъ ихъ за то, что они напомнили ему волну морскую, но безъ ея непріятностей: Что онъ хотя на морѣ и подверженъ его болѣзни, но отъ такой качки и больной бы выздоровѣлъ.

Вечеромъ благородный спектакль въ пользу Черноморскихъ экипажей.

---

21 февраля встрѣча втораго отряда, взвода (не хочется называть его эшелономъ), состоявшаго изъ экипажей, (не худо бы перевести на православный языкъ и это дикое названіе съ прочими) 38-го (бывшаго Корниловскаго) и 40-го. Кокоревъ, Мамонтовъ и Погодинъ, поднесли хлѣбъ-соль передъ Серпуховскою заставою и передали ихъ начальнику, знаменитому Винку, (стоявшему въ Севастополѣ цѣлый годъ на самомъ привольномъ для непріятельскихъ выстрѣловъ мѣстѣ.)

Digitized by Google

Московскія головы представили другую хлѣбъ-соль Комендантъ поздравилъ ихъ также какъ и предшественниковъ.

Народу было множество. Толпы валили одна за другою. Шествіе было живо, весело и шумно. Музыка играла военные марши. Вдругъ матросы грянули плясовую.

Они кончили, раздалось ура, и начали перекликаться этими кликами провожающіе съ ожидающими и встрѣчными. Потомъ опять заиграли маршъ, потомъ опять пѣсни и ура!

Въ пятьдесятъ третьемъ году,
Объявилъ Хранцузъ войну
На матушку на Москву,
На Россіюшку на всю,
А на Севастополь городокъ
Англичанскій сильной флотъ,
Сильну армію грузилъ,
Въ Черно море выходилъ.

На площади устроено было угощеніе, какъ прежде.

Нашлось между матросами три мальчика, изъ которыхъ одинъ былъ подъ Синопомъ, другой весь годъ прожилъ на какомъ-то переднемъ бастіонѣ, третій служилъ у Винка. Ихъ совсѣмъ было затормошили, да ужъ нашелся добрый человѣкъ, и увезъ ихъ въ фотографію.

Какой-то старикъ изъ толпы бросился обнимать Бирюлева и цѣловать за удалыя его вылазки. Другіе кланялись.

Роскошный обѣдъ у генералъ-губернатора графа Закревскаго.

Не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ, и у насъ теперь за всякимъ обѣдомъ требуется слово, которое даетъ смыслъ празднеству.

Заслуженный хозяинъ произнесъ слѣдующее привѣтствіе своимъ славнымъ гостямъ:

«Радушный пріемъ, который вы встрѣчаете на пути по родной землѣ — есть сердечный отголосокъ того сочувствія, которое возбуждено во всѣхъ геройскою защитою Севастополя, несокрушимою твердостію, блистательнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ Севастопольскаго гарнизона. Это вмѣстѣ и

Digitized by Google

голосъ глубокой народной признательности къ вашимъ доблестнымъ начальникамъ и всѣмъ боевымъ товарищамъ, которые погребли себя подъ развалинами Севастополя, но вѣчно будутъ жить въ лѣтописяхъ Россійской славы. Провидѣніе сохранило васъ, дабы вы передали новому поколѣнію Русскаго флота, во всей чистотѣ, тѣ воинскія доблести, которыми отличаются Черноморцы отъ адмирала до матроса.»

«Господа! За славу Русскаго оружія! За здоровье храбрыхъ защитниковъ Севастополя и за ваше здоровье!»

Дружное ура огласило залу въ отвѣтъ на привѣтствіе графа. Контръ-адмиралъ П. И. Кислинскій выразилъ отъ лица всѣхъ моряковъ чувство искренней благодарности.

Рѣчью профессора Шевырева заключился обѣдъ.

Вечеромъ маскарадъ въ Купеческомъ собраніи.

Въ среду 22 февраля, катанье подъ Новинскимъ, на тридцати тройкахъ, съ которыми познакомилась теперь уже вся Москва. Офицеры объѣхали весь Кремль, Новинское гулянье, и около часа собрались въ домъ М. П. П. на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ въ обществѣ московскихъ литераторовъ встрѣтили ихъ масляничные блины, пѣсни, пляски.

Поднявъ бокалъ за здоровье своихъ дорогихъ гостей, М. П. П. сказалъ:

«Вамъ угодно было удостоить благосклоннымъ посѣщеніемъ мою рабочую, смиренную келью.

Примите искреннюю мою благодарность! дорого цѣню я честь, вами мнѣ оказанную; она останется лучшимъ наслѣдствомъ моимъ дѣтямъ.

Если въ продолженіе послѣдняго времени мнѣ удавалось выражать нѣкоторыя Русскія чувства,—повѣрьте, что я не выразилъ и сотой доли того, что чувствовала Москва, что чувствовала вся Россія, слѣдя воображеніемъ за вашими опасностями, трудами и подвигами. Позвольте мнѣ здѣсь, у себя въ домѣ, еще разъ предложить тостъ за ваше драгоцѣнное для отечества здоровье. Многія лѣта вамъ, славные защитники Севастополя!»

Digitized by Google

Затѣмъ хозяинъ предложилъ выпить за здоровье В А. Кокорева, и сказалъ при этомъ:

«Есть русская пословица: хорошо тому, кто добро дѣлаетъ. Но хорошо и тому, кто добро помнитъ! Позвольте, господа, предложить вамъ выпить за здоровье того Русскаго человѣка, который отъ искренняго сердца выражаетъ такъ прекрасно общую нашу вамъ благодарность, и напоминаетъ старинное Русское гостепріимство. Въ качествѣ лѣтописателя я долженъ занести въ лѣтопись этотъ мирный, гражданскій почтенный подвигъ. За здоровье Василія Александровича Кокорева!»

Третій бокалъ посвященъ В. Ѳ. Тимму, М. П. П. сказалъ:

«Выпьемъ за здоровье того любезнаго художника, который бойкимъ, мастерскимъ своимъ карандашемъ увѣковѣчиваетъ и распространяетъ въ народѣ ваши драгоцѣнныя черты и изображаетъ ваши подвиги. Здоровье Василья Ѳедоровича Тимма!»

Раздались народныя русскія пѣсни, подъ звуки гитары. Лазаревъ, отличный нашъ пѣвецъ, превзошелъ самъ себя. Моряки слушали его пѣсни, и не наслушивались. Особенно переходы его отъ звуковъ протяжныхъ и заунывныхъ къ быстрымъ и веселымъ приводили ихъ въ восторгъ. Садовскій насмѣшилъ купеческими разсказами о Вѣнскомъ Конгресѣ, объ исторіи ста дней и кончинѣ Наполеона. Щепкинъ выскочилъ вдругъ отчаяннымъ охотникомъ, и разсказалъ со всѣмъ жаромъ молодости похожденіе своего налета. Лазаревъ затянулъ лучинушку. Садовскій передалъ повѣствованіе купца о февральской революціи 1848 года. «Разсказъ капитана Копейкина,» закричалъ кто то. Нѣтъ, господа, сказалъ хозяинъ. Копейкина не можетъ быть въ наше время. Это старый миѳъ! Зачѣмъ тревожить его кости!

Студентъ Потѣхинъ прочелъ стихи, только что имъ сочиненные, въ честь, защитниковъ Севастополя.

Богъ послалъ намъ испытаніе
Въ Севастополѣ родномъ:
Тяжело было страданіе —
Не покрылась Русь стыдомъ!

Digitized by Google

И развалины кровавыя,
На позоръ Европѣ всей,
Вновь возстанутъ, величавыя,
Съ громкой славою своей.

Въ хартіяхъ бытописанія
Черноморецъ живъ во вѣкъ:
Славныя его дѣянія
Вспомнитъ Русскій человѣкъ.

Вамъ, защитники-воители,
Здѣсь въ отчизнѣ торжество.
Падшихъ къ Господу въ обители
Вводятъ ангелы его!

Если-жь снова васъ отечество
Къ свѣжимъ лаврамъ позоветъ —
Вновь увидитъ человѣчество,
Что въ васъ Русскій духъ живетъ!

За нимъ студентъ Татлинъ явился съ своими. А блины, стыли. Молодежь звала плясать. Времени не доставало..

Съ Дѣвичьяго поля (*) поѣздъ отправился по новымъ улицамъ на поле Воронцово къ И. Ѳ. Мамонтову, и оттуда въ Сокольники къ О. Н. Гееру: Мамонтовъ и Гееръ: по письмамъ Кокорева, занимались преимущественно приготовленіями къ пріятію въ Москвѣ нашихъ дорогихъ гостей.

У И. Ѳ. Мамонтова была дополнительная перекусочка. Какой-то звѣрь морской протянулся чуть ли не во весь столъ, а около него расположилась всякая челядь помельче: стерлядки, рябчики, куропатки и прочее. Шампанское запѣнилось. Лазаревъ запѣлъ: не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлись.... Цвѣли, цвѣли цвѣтики, цвѣли да поблекли! Садовскій разсказывалъ похожденіе по судамъ Симбирскаго татарина, который

(*) На другой день поутру М. П. П. розослалъ любезнымъ посѣтителямъ вмѣсто визитныхъ карточекъ по портрету Нахимова, съ статьею въ память о немъ, и брошюрою о прибытіи Государя Императора въ Москву въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Digitized by Google

долженъ былъ давать во всѣхъ инстанціяхъ по рублю серебромъ, исторію крестьянина, который овдовѣлъ и женился въ другой разъ. Наконецъ разсказанъ былъ имъ заднимъ числомъ и блаженныя памяти капитанъ Копейкинъ.

У О. Н. Геера, въ Красномъ селѣ, устроенъ былъ вечерній чай съ новыми тостами за здоровье Черноморцевъ.

Вечеромъ благородный спектакль въ пользу Черноморскихъ Экипажей (сыгранъ былъ Гоголевъ Ревизоръ) и блестящій балъ у Домны Павловны Веселовской.

Въ четвергъ 23 февраля, утромъ, (извлекаемъ изъ описанія, сообщеннаго въ газетахъ), моряки кланялись святынямъ Московскихъ соборовъ. Главнымъ вожатымъ былъ намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Іоаникій, вмѣстѣ съ профессоромъ Шевыревымъ. Протосакеларіи Соборовъ Успенскаго и Архангельскаго показывали имъ историческіе памятники и всѣ драгоцѣнности, объясняя ихъ значеніе. Въ Чудовѣ, поклонившись мощамъ святителя Алексѣя и приложившись къ рукописному его Евангелію, они прошли прямо изъ соборной церкви въ малый Николаевскій Дворецъ, гдѣ видѣли комнату, въ которой родился нынѣ царствующій Государь Императоръ, и другую, гдѣ онъ покоился въ колыбели еще новорожденнымъ младенцемъ, тогда надежда, а нынѣ царь-надежа и любовь своего народа.»

«Въ Оружейной Палатѣ Директоръ А. Ѳ. Вельтманъ показывалъ и объяснилъ морякамъ всѣ ея древности съ тѣми подробностями, которыя доступны только знатоку и хозяину своего дѣла.»

«Историческая прогулка по Кремлю заключена была во дворцѣ и въ теремахъ царскихъ. Виды на замоскворѣчье, озаренное солнцемъ изъ дворцовыхъ оконъ, приводили ихъ въ восторгъ. Родное говорило ихъ сердцу въ златоглавой Москвѣ.»

Великолѣпный обѣдъ въ честь Черноморскихъ защитниковъ Севастополя давалъ въ этотъ день В. А. Кокоревъ Залы Купеческаго собранія были убраны великолѣпно.

Digitized by Google

Лѣстница усыпана цвѣтами. Число приглашенныхъ особъ простиралось до 300. Московскіе сановники, дворяне и купцы, ученые и художники, нѣсколько студентовъ, составляли избранное общество.

При первомъ тостѣ за здравіе Государя Императора моряки и всѣ присутствующіе пропѣли гимнъ: Боже Царя храни!

Второй тостъ провозглашенъ за здравіе Великаго Князя Генералъ-Адмирала. Далѣе—всѣхъ Адмираловъ Черноморскаго флота, Экипажныхъ Командировъ и Командировъ судовъ Черноморскихъ офицеровъ.

Всѣ слова и рѣчи, стихи и привѣтствія, произнесенные на этомъ веселомъ, живомъ, смѣю сказать, восторженномъ обѣдѣ, пришлись такъ всѣмъ по сердцу, составляли такое слитное цѣлое, что мы измѣняемъ здѣсь своему правилу описанія, и помѣщаемъ ихъ сряду, а не отлагаемъ до приложеній. Казалось, никто именно не говорилъ, а думалось, чувствовалось всѣми одно и тоже, и потомъ произносилось кѣмъ то случайно за всѣхъ.

Предъ возглашеніемъ здоровья защитникамъ Севастополя М. П. П. сказалъ:

Что сказать мнѣ нынче новаго въ честь славныхъ защитниковъ Севастополя? Я говорилъ въ пятницу, въ субботу, въ воскресенье, я говорилъ вчера, въ среду,—но нынѣ четвергъ! Чтожъ сказать мнѣ въ четвергъ? Въ четвергъ, какъ и въ пятницу, въ субботу, въ воскресенье, во всю недѣлю, всегда и вездѣ, я и всѣ мы будемъ говорить одно и тоже, повторять одно и тоже, твердить одно и тоже,—одно и тоже глубокое уваженіе къ вашимъ подвигамъ, одну и туже горячую благодарность за ваши труды! А развѣ одиннадцать слишкомъ мѣсяцевъ, круглый почти годъ, вы, дѣлали не одно и тоже? Развѣ не всякій день, не всякую ночь вы несли одинаково на жертву вашу жизнь? Развѣ не всякій часъ подставляли вы подъ удары вашу грудь? Развѣ не всякую минуту проливалась, щедро проливалась ваша кровь? Одно ли это и тоже? Разбитыя головы, оторванныя ноги, прострѣленныя руки, испорченное зрѣніе, поврежденный слухъ,

Digitized by Google

выхваченный бокъ,—раны, раны и раны, однѣ и тѣже! Не думаете ли, мм. гг, что я прибѣгаю къ риторическимъ фигурамъ?—Смотрите, вонъ сидитъ лейтенантъ Поль, у него часть бока накладная. А вотъ разбитая голова у контръ-адмирала Кислинскаго. А вотъ капитанъ Попандопуло: у него въ обоихъ ушахъ по инструменту, безъ которыхъ онъ слышать не можетъ. Меньшій его братъ, мичманъ, вотъ онъ сидитъ на краю, былъ засыпанъ землею. Вчера я слышалъ этотъ разсказъ: они сѣли обѣдать трое въ блиндажѣ. Вдругъ бомба. Одного повало Швейковскаго повалило наповалъ, у другаго офицера оторвало руку и ногу, а его засыпало землею по самую грудь. Матросы пришли провѣдать о своихъ офицерахъ, и успѣли откопать живаго покойника изъ новой могилы. Однимъ словомъ, изо ста офицеровъ, которыхъ вы здѣсь видите, не наберется пяти, которые были бы не ранены. Какіе же это не раненые? А вотъ какіе. Смотрите, вотъ тамъ молодой офицеръ съ Егорьевскимъ крестомъ, съ Владимирскимъ крестомъ, съ Анненскимъ крестомъ. Фамилія его уже прославилась: это Бѣлкинъ. Онъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ стоялъ впереди на шестомъ бастіонѣ, командуя батареей. У него перемѣнились три прислуги, тысячи двѣ человѣкъ было перебито около него, а его ни разу не задѣло, и онъ остался безъ царапины. Вы знаете изъ священной исторіи сказаніе о трехъ отрокахъ, которые ввержены были въ пещь огненную при царѣ Навуходоносорѣ, и вышли изъ нея цѣлые и невредимые, хваля и славя Бога. Севастопольскій огонь пожарче Вавилонскаго, когорый вѣдь разжигался безъ всякихъ газовъ, вновь открытыхъ. Такъ и эти не раненые отмѣчены были видно наверху; на звѣздахъ видно было написано, чтобъ ихъ не касалась никакая язва. Они къ смерти, а смерть отъ нихъ, они въ догонку, а та шибче,—ну вотъ и остались они чудомъ, какъ бы для образчика Божіей охраны. Такихъ уцѣлѣло во всемъ флотѣ не больше десяти человѣкъ!

Мм. гг. Я такъ взволнованъ, и такъ кружится у меня голова, что я боюсь замѣшаться Позвольте мнѣ прочесть вамъ привѣтъ, написанный мною для нынѣшняго дня. Мнѣ

Digitized by Google

это очень жаль, потому что прочтенная рѣчь совсѣмъ не то, что живое слово; но такова несчастная наша привычка: мы все боимся, чтобъ не сказать чего нибудь неприличнаго, чтобъ не вставить чего нибудь лишняго, чтобъ не позабыть чего нибудь нужнаго. Если почаще будутъ у насъ встрѣчаться подобные случаи, такъ и мы выучимся говорить безъ приготовленія, не стыдиться никакихъ недостатковъ, не бояться никакихъ кривыхъ толкованій, — отъ сердца прямо къ сердцу, и отъ души прямо въ душу.

Нѣтъ, не могу я и читать мою рѣчь! Въ эту минуту противны всякія писанныя строки, даже собственныя, все что напоминаетъ наше бумагобѣсіе и чернилонеистовство. Душа заговорила. Мы видимъ глазами то, что ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать. Я лучше перескажу вамъ, на сколько поворотится уставшій языкъ, что я слышалъ нынче же, вчера и третьяго дня.

Былъ у меня вчера отецъ Веніаминъ, служившій во время осады въ Севастополѣ. Онъ исповѣдывалъ и пріобщилъ святыхъ тайнъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ походныхъ госпиталяхъ 11,800 человѣкъ. Я попросилъ его сказать мнѣ, по чистой совѣсти какъ вообще умирали люди, въ какихъ чувствахъ. А вотъ въ какихъ чувствахъ М. П., отвѣчалъ онъ мнѣ, что я не могу припомнить вамъ ни одного примѣра ропота, даже сожалѣнія, неудовольствія. Рѣшительно всѣ кончали жизнь съ теплой вѣрой, раскаяваяся въ грѣхахъ своихъ, предавая себя въ волю Божію. Иной умиравшій былъ такъ хорошъ, что не отошелъ бы отъ него, да другіе зовутъ. (Замѣтьте, мм. гг , послѣднее выраженіе трогательное, высокое). Если хочешь, бывало, ободрить иного, протянуть ему жизнь, такъ скажи только: а наши пошли тамъ-то впередъ, или а наши прогнали, взяли верхъ,—и онъ тотъ-часъ привстанетъ, перекрестится, и видишь, какъ радость блеснетъ у него въ потухающихъ глазахъ.

Къ такимъ свидѣтельствамъ, мм. гг., что намъ прибавлять теперь, что сочинять?

Разскажу вамъ еще быль, самую новую. Этотъ же отецъ

Digitized by Google

Веніаминъ въ концѣ нашей бесѣды сказалъ мнѣ вчера: «а что, М. П., если бы офицерамъ доставить случай съѣздить помолиться къ угоднику нашему Сергію Чудотворцу? Я знаю, что многіе желаютъ. Ну—масляницу они погуляли, повеселились, а постъ хорошо бы начать молитвою.» Я передалъ тотчасъ слова отца Веніамина одному Русскому человѣку, вотъ онъ стоитъ, по срединѣ, большая голова: такъ и такъ. Не успѣлъ я договорить послѣднихъ словъ, какъ онъ оборотился и громкимъ голосомъ воскликнулъ: «не угодно ли, господа, ѣхать вамъ къ Тройцѣ, отслужить благодарственный молебенъ, панихиду?» Рады, рады,—я, я, я! «Тридцать троекъ приготовить въ Братовщинѣ, тридцать взять отъ креста. Ѣдемъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ!» — Хорошо ли?

Позвольте предложить вамъ вотъ какой тостъ, мм. гг!

За все доброе, прекрасное, высокое, что таится въ нашихъ душахъ, какъ бы глубоко и далеко оно у кого изъ насъ ни опустилось и ни спряталось. За все хорошее, что уберегъ въ насъ Русской Богъ, по неизреченной къ намъ своей милости, молитвами Московскихъ и всея Россіи Чудотворцевъ, сколько мы, грѣшные люди, ни старались себя портить и иностранить. Мы всѣ—одна семья. Вотъ нашъ отецъ добрый, любезный, милостивый, украшенный цвѣтами. Да здравствуетъ Святая Русь! Да живетъ въ ней и процвѣтаетъ всякое добро! Да здравствуютъ достойные сыны ея, наши други, наши братья, славные защитники Севастополя!

Вслѣдъ за нимъ С. П. Шевыревъ прочелъ слѣдующую пѣсню-сказаніе объ озерѣ Плещеевѣ.

Какъ не бѣль вдали забѣлѣлася,
Какъ ни синь вдали засинѣлася,
Засинѣлося озеро Плещеево,
Заплескали струи его бѣлыя.
Какъ на тѣхъ струяхъ яхта малая,
Яхта малая разубраная,
Разубраная все качается,
Бѣлымъ парусомъ повивается

Digitized by Google

Да въ глубь озера подвигается,
Рулевымъ сидитъ самъ Голландецъ брантъ;
Гребетъ веслами удалъ молодецъ,
Государь самъ Петръ Алексѣевичъ.
Кудри черныя по плечамъ летятъ,
Съ вѣтромъ озера разговариваютъ;
Очи зоркія далеко глядятъ,
Далеко глядятъ, думу думаютъ:
Чтоже Русской людъ? аль къ землѣ приросъ?
Чтожъ морской волны не попробуетъ,
На корабликѣ не потѣшится?
Вѣдь захочетъ же, рыбкой плаваетъ.
Ахъ! не даромъ же моря синія
Облегли у насъ землю дальнюю.
Озера, лежатъ что моря глядятъ,
Рѣки движутся полноводныя,
Полноводныя, судоходныя.»
Думу думалъ Царь—все качалася,
Все въ глубь озера подвигалася,
Бѣлымъ парусомъ повивалася
Яхта малая, разубраная,
Рай-игрушечка Петра перваго,
Колыбелочка моряковъ родныхъ,
Зерно малое флота Русскаго.

Вотъ росло зерно въ дубъ раскидистый,
Дало вѣточки круго-свѣтныя,
Съ Чесму выросло, съ Наваринъ, съ Синопъ,
Но завистливъ людъ на землѣ живетъ!
За бѣду ему красота дубка,
Обрубилъ вѣтки, да съ одной стороны,
Опалилъ листы многошумные.

Но тебѣ ль унывать, сила Русская?
Ты расти зерно, на зло зависти,
Собирай въ себѣ соки здравые,
Укрѣпляйся силой Божьею,
Даромъ разума, да наукою.
Помня Перваго, кто любилъ тебя,

Digitized by Google

На лазоревомъ своемъ озерѣ.
А въ томъ озерѣ вода свѣтлая,
Вода свѣтлая, все хрустальная,
Вся насквозь видна, небесамъ равна,
Что душа моря не порочная,
Что Корнилова, аль Нахимова,
Все нечистое вонъ выплескиваетъ:
Потому оно и Плещеево.

Сложилъ пѣсню я: въ ней сказаніе
О томъ озерѣ, о Плещеевѣ,
Славнымъ молодцамъ на послушанье,
Дорогимъ гостямъ на потѣшенье,
На честномъ пиру у Василія,
У Василія свѣтъ Александровича,
У хозяина хлѣбосольнаго,
У любителя славы Русскія,
У цѣнителя Русскихъ доблестей!

Флигель-адъютантъ П. А. Бирюлевъ объявилъ присутствующимъ, что славный живописецъ Айвазовскій подарилъ Черноморскимъ офицерамъ картину, изображающую Севастополь, и что они, въ знакъ благодарности за радушный пріемъ Московскихъ гражданъ, дарятъ ее купеческому клубу.

Картина была принесена и поднята на стѣнѣ предъ всѣми гостями. Съ Чернаго моря видѣнъ былъ Севастополь, городъ страданій и жертвъ, крѣпость любви и славы Русской, колыбель Черноморскаго флота. Передъ Севастополемъ пароходъ Владиміръ велъ на буксирѣ взятые съ бою у Турокъ пароходы: Первазъ-Бахры и Медари-Тиджаретъ.

Одинъ изъ старшинъ клуба, С. И. Сазиковъ отвѣчалъ:

«Позвольте мнѣ отъ лица всѣхъ членовъ купеческаго собранія выразить вамъ искреннѣйшую благодарность за вашъ подарокъ. Картина эта будетъ составлять лучшее украшеніе нашего собранія и напоминать намъ храбрыхъ моряковъ!

Ваша безпримѣрная защита Севастополя будетъ всегда служить примѣромъ храбрости, а мы купцы, возьмемъ при-

Digitized by Google

мѣръ съ Василія Александровича Кокорева, какъ должно цѣнить и уважать храбрыхъ.

Многія лѣта храбрымъ Черноморцамъ!»

Провозглашено здоровье славнаго Русскаго художника И. К. Айвазовскаго, увѣковѣчившаго въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Черное море съ его бурями, крѣпостями, сраженіями, берегами и прелестями.

Вдругъ получается телеграфическая депеша съ извѣстіемъ, что Генералъ-Адмиралъ разрѣшаетъ офицерамъ пробыть еще четыре дня въ Москвѣ.

Флигель-адъютантъ Бирюлевъ прочелъ депешу. Все собраніе воскликнуло въ одинъ голосъ новой тостъ за здравіе Великаго Князя. Благодарственное ура раздалось въ залахъ.

К. С. Аксаковъ произнесъ рѣчь:

«Обращаюсь къ вамъ, храбрые Черноморцы! Не въ первый разъ слышите вы тостъ, провозглашенный въ честь вашу. Этотъ тостъ, этотъ привѣтъ, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, дорогъ для васъ, какъ выраженіе глубокаго сочувствія и уваженія соотечественниковъ вашихъ къ славнымъ вашимъ подвигамъ. Но для человѣка то, что онъ любитъ, дороже его самаго. Вы любите Черное море, вы любите славу Русскаго Черноморскаго флота, вы любите Севастополь, за который бились вы съ врагами, гдѣ прославили вы Русское имя, гдѣ легли Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ и много другихъ,—Севастополь, который вашею кровью укрѣпили вы навѣки за Россіею. Можете ли вы, можетъ ли вся Россія забыть Черное море, Черное море, которое покрывали ладьи первыхъ нашихъ князей, Черное море, которое не даромъ называлось встарину Русскимъ моремъ? И такъ, я предлагаю тостъ за Черное море, за его священные берега, за будущее могущество Русскаго флота.»

Мы не говоримъ здѣсь о рукоплесканіяхъ, раздававшихся послѣ этой рѣчи, какъ и при прежнихъ, при слѣдующихъ.

Послѣ К. С. Аксакова говорилъ С. М. Соловьевъ, обратившійся къ отечественной исторіи и назвавшій Севастопольскую службу великимъ праздникомъ. «Вы славно отпраздно-

Digitized by Google

вали», сказалъ онъ, «великій праздникъ, на которомъ были почетными гостями. И весело мнѣ, человѣку, погруженному въ изученіе родной отчизны, весело мнѣ привѣтствовать васъ словами, столь дорогими для предковъ нашихъ, столь дорогими и для насъ, весело мнѣ привѣтствовать васъ добрыми страдальцами за Русскую землю, славно постоявшими на стражѣ родной земли.»

Рѣчью В. А. Кокорева кончился обѣдъ:

«Присутствіе ваше, доблестные Черноморскіе моряки, одушевляетъ меня желаніемъ высказать вамъ простыя чувства Русскаго человѣка. Ваши достославныя имена принадлежатъ уже Русской Исторіи: она присоединитъ ихъ къ тѣмъ именамъ, въ жизни коихъ были минуты, оживотворяющія собою цѣлыя столѣтія.

Всѣ подвиги князя Пожарскаго, Минина и Сусанина истекали отъ минутъ, породившихъ первую мысль.

Русскіе люди понимаютъ, что мысли, возводящія отечество къ пользѣ и славѣ, происходятъ не отъ холодныхъ справочныхъ соображеній, а отъ необъяснимаго прилива къ сердцу какой-то особенной крови, крови Русской. Въ эти минуты чудодѣйственная благодать касается сердца, отъ него зараждается мысль и обращается въ слово, слово въ дѣло, а дѣло въ неизживаемую жизнь.

Таковы были минуты Мининская и Сусанинская, которыми мы живемъ и до днесь.

Въ наше время подобная торжественная минута была въ Севастополѣ, когда вы, храбрые моряки, окруженные съ моря и суши непріятелемъ, вдесятеро сильнѣйшимъ противъ васъ, рѣшились защищаться и умереть. Сегодня рѣшили, а завтра всѣ пловцы обратились въ витязей, изумлявшихъ своею храбростью и исскуствомъ старыя боевыя войска цѣлаго свѣта.

Въ началѣ дѣла, днемъ, вы стояли на стражѣ въ ожиданіи приступовъ, а ночью сооружали дополнительныя бойницы, обставляя ихъ орудіями съ кораблей. Потомъ, подъ

Digitized by Google

градомъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ, воздвигали новыя укрѣпленія, изобрѣтаемыя геніемъ Тотлебена, и исправляли поврежденныя, облитыя кровью вашихъ братьевъ. Удаль морская перенесена вами съ палубы на батарею, и смѣлое крейсерство и вылазки судовъ замѣнились отчаянными вылазками, тревожившими и ослаблявшими непріятеля каждую ночь.

Всѣ эти чудеса сотворились отъ воспламененія вашихъ сердецъ огнемъ отчизнолюбія. Сила воспламененія была такъ велика, что въ каждомъ изъ васъ воскресалъ духъ истыхъ Русскихъ людей Минина и Сусанина. Воскресеніемъ этого духа задержаны первые натиски непріятеля и спасена Русская честь.

Нечего говорить о томъ, какое бы измѣненіе произошло въ войнѣ, если бы не былъ остановленъ успѣхъ нападающихъ до прибытія въ Севастополь храбрыхъ подкрѣпленій съ ихъ славными представителями, Хрулевымъ и княземъ Васильчиковымъ.

Вѣрные обѣту умереть, вы цѣлый годъ хладнокровно смотрѣли въ очи смерти, и не содрогнулся душею никто, ни офицеръ, ни матросъ.

Смерть громоздила около васъ груды труповъ, ваше тѣло раздроблялось на части, а духъ храбрости постоянно, постоянно возсталъ; умиравшіе завѣщавали силу воли живымъ, и она переходила у васъ изъ одного въ другаго, по закону тѣснаго единодушія, издавна соединявшаго Черноморскій флотъ союзомъ братской любви.

Такъ понимаетъ васъ и ваше великое дѣло все Русское купечество, вся Русь. Единство понятій привело тысячи Москвичей къ Серпуховской заставѣ навстрѣчу славныхъ Черноморскихъ моряковъ. Мы стремились безъ предварительныхъ извѣщеній; сердце сердцу вѣсть подавало и стукомъ своимъ говорило: «они идутъ, они идутъ!»

Теперь избранники Божіи, уцѣлѣвшіе отъ тысячи смертей, водворяются въ домахъ нашихъ, и съ ними невидимо сообитаетъ великій Севастопольскій духъ. Станемъ молиться теплѣе, чтобы духъ сей осѣнилъ нашихъ дѣтей, и усвоился хотя нѣкоторымъ изъ нихъ.

Digitized by Google

Не чувствуете ли, мм. гг., какъ всѣ мы наполняемся какою-то особенною любовью къ Царю и отчизнѣ отъ присутствія трапезующихъ съ нами дорогихъ гостей, язвы коихъ обратились намъ въ изцѣленіе?

Такъ чѣмъ же за все это можно возблагодарить васъ? И какъ опредѣлить ваше великое значеніе, когда мы видимъ въ васъ не только исполнителей славныхъ подвиговъ, но и вмѣстилище духа Корнилова, Нахимова, Истомина, Юрковскаго, и всѣхъ неустрашимыхъ моряковъ, положившихъ животъ свой при оборонѣ Севастополя?

Самъ Государь, среди своихъ царственныхъ трудовъ и особыхъ заботъ нынѣшняго времени, поѣхалъ въ Крымъ, и тамъ, въ соприкосновеніи съ вашими славными ранами и язвами, вымолвилъ вамъ, со слезами благодарности въ очахъ, свое Царское и Русское спасибо. Все царственное семейство на мѣстѣ брани и дома, со всею силою сердечнаго участія, неутомимо заботилось объ васъ мыслію и дѣломъ.

Теперь мы находимся въ началѣ мира и созерцаемъ въ будущемъ общее благоденствіе, истекающее изъ правильнаго развитія производительныхъ силъ Россіи. Если Европа достигнетъ мира, то конечно отъ того, что обѣ стороны убѣдятся въ безполезности войны между равно храбрыми противниками, и въ основаніи этого убѣжденія будетъ лежать все-таки та минута, въ которую вы рѣшились умереть въ Севастополѣ.

Многіе изъ вашихъ собратій принесли свою жизнь въ жертву отечественной чести и славы, а васъ, немногихъ, Богъ сохранилъ на радость и пользу Россіи. Да поддерживаетъ вашъ видъ біеніе Русскаго сердца, необходимое для одушевленія человѣчества въ его постоянной борьбѣ со всякою неправдою. Дай Богъ намъ способность воспріять хотя часть вашего самопожертвованія и забвенія о самихъ себѣ, и тогда, по приложеніи сихъ добродѣтелей къ дѣламъ общей пользы, мы нашли бы скорую возможность возвеселить нашего возлюбленнаго Монарха плодами внутренняго преуспѣянія.

Возвышаемые симъ духомъ, произносимъ къ вамъ, досто-

Digitized by Google

славные моряки-витязи, задушевныя слова: примите отъ насъ, Русскихъ людей, Русское спасибо; мы не позабудемъ вашей службы святой Руси, покуда живы, и память объ васъ завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ на сохраненіе въ роды родовъ!

Мм. гг. за здравіе всѣхъ доблестныхъ моряковъ Черноморскаго флота!»

Русскій скрипачъ Григорьевъ, приглашенный В. А. Кокоревымъ. доставилъ нѣкоторое развлеченіе и успокоеніе посѣтителямъ очаровательными звуками своей скрипки.

По окончаніи обѣда всѣ гости отправились въ сосѣднюю залу, гдѣ находился портретъ Государя Императора во весь ростъ. Портретъ украшенъ былъ цвѣтами. Съ бокалами въ рукахъ, громкимъ хоромъ, пропѣта была завѣтная пѣснь: Боже, Царя храни. Послѣ пѣсни, М. П. П. долженъ былъ повторить свое благожеланіе, выраженное имъ на обѣдѣ въ день возшествія на престолъ Его Императорскаго Величества. Каждое слово подхватывалось присутствовавшими и громко повторялось всѣмъ собраніемъ по нѣскольку разъ въ одинъ голосъ:

Дай Богъ ему царствовать долго.... долго! долго! долго!
Счастливо.... счастливо! счастливо! счастливо!
Милостиво.... милостиво! милостиво! милостиво!
Любовно.... любовно! любовно! любовно!
Сила не въ силѣ.... не въ силѣ! не въ силѣ! не въ силѣ!
Сила въ любви.... въ любви, въ любви! въ любви!

Да здравствуетъ возлюбленный Государь нашъ Александръ Николаевичъ! Да здравствуетъ! да здравствуетъ! да здравствуетъ!

Бокалы всѣ были разомъ выпиты, ударены по какому-то общему единодушному непонятному движенію о землю и разбиты въ дребезги.

М. П. П. примолвилъ: Да расточатся такъ всѣ враги его...

Загремѣла снова пѣснь: Боже Царя храни, за которою полились веселые русскіе звуки.

Digitized by Google

Дорого бы далъ Государь и Великій Князь, еслибъ они могли, невидимками, попировать теперь съ нами, сказалъ кто-то.

Да зачѣмъ же невидимками?—отвѣчалъ другой.

Славныя Русскія минуты! Такими минутами бываетъ силенъ Царь, бываетъ силенъ народъ. Дай Богъ намъ никогда не имѣть въ нихъ недостатка! Дай Богъ намъ имѣть всегда для нихъ свободное побужденіе.

Вечеромъ великолѣпный костюмированный балъ, или лучше—наряженное игрище, (слово въ настоящемъ смыслѣ) празднество, у графа А. А. и графини А. Ѳ. Закревскихъ. Двѣ кадрили (надо бы перевести и это слово, на первый случай, хоть вереницею), Венгерская и Малороссійская, отличались своими богатыми и изящными костюмами, т. е. нарядами, убранствами.

Пятницу 24 февраля можно назвать днемъ отдохновенія и успокоенія. Это не значитъ, чтобъ не было въ этотъ день роскошнаго и великолѣпнаго обѣда, но на этомъ обѣдѣ все было чинно, тихо, скромно и умѣренно, какъ и подобаетъ залламъ Благороднаго собранія.

При возглашеніи здоровья Черноморскихъ гостей С. П. Шевыревъ сказалъ:

Мм. гг. Г. Московскому губернскому предводителю угодно было возложить на меня теперь же порученіе, быть органомъ отъ лица московскаго дворянства въ выраженіи чувствъ его любви и благодарности къ славнымъ защитникамъ Севастополя. Я не готовился къ слову: но душа моя такъ полна событіемъ, такъ проникнута этими чувствами, что готова всегда до безконечности изливаться въ ихъ выраженіи, и могу ли я устранить отъ себя высокую честь быть выразителемъ ихъ отъ лица Московскаго дворянства?

Московскаго дворянства! При мысли о немъ невольно приходитъ на умъ историческая причина, на основаніи которой Москва называется сердцемъ Россіи. Въ ней, какъ жилы, срослись въ одно государство всѣ древніе удѣлы и города Русскіе. Такъ и Московское дворянство въ новое время, какъ

Digitized by Google

и въ древнее, по силѣ притяженія жизни къ сердцу Россіи, соединяетъ въ себѣ дворянъ всѣхъ губерній русскихъ. А потому я имѣю право сказать, что въ лицѣ Московскаго дворянства приноситъ любовь и благодарность свою защитникамъ Севастополя дворянство всей Россіи,—и увѣренъ, что если бы это было возможно, оно откликнулось бы намъ въ эту минуту со всѣхъ концовъ земли Русской и слилось бы съ нами теперь въ одно полное единодушное чувство, въ одно слово, въ одинъ голосъ....

. . . . . .

Здоровье Черноморцевъ и Русской арміи!

Капитанъ-лейтенантъ Кузминъ-Караваевъ отвѣчалъ:

«Мм. гг. Не удивляйтесь молчанію нашему на неслыханный еще до селѣ привѣтъ, которымъ вы насъ удостоиваете. Что можемъ сказать мы вамъ? Что можемъ вамъ отвѣтить? Что можетъ сказать сынъ, возвратившійся въ объятія нѣжно любимой имъ матери? Что можетъ отвѣтить онъ ей, когда она съ материнскою нѣжностью увеличиваетъ его достоинство, труды и опасности имъ претерпѣнные, и тѣмъ придаетъ еще больше цѣны его возвращенію.»

. . . . . .

Въ заключеніе обѣда С. П. Шевыревъ провозгласилъ здоровье морскому корпусу, къ которому многіе изъ присутствующихъ, съ особеннымъ чувствомъ, про себя присоединили здоровье Черноморской гардемаринской роты въ Николаевѣ.

Поутру офицеры осматривали библіотеку и музей университета, и потомъ завтракали у стараго своего сослуживца, сочинителя Исторіи морскаго кадетскаго корпуса, инспектора студентовъ Ѳ. Ѳ Веселаго.

Вечеромъ благородный спектакль въ пользу Черноморскихъ экипажей.

Въ субботу, 25 февраля, утренній балъ въ залахъ Благороднаго собранія, который всегда отличался въ Москвѣ особою живостью и весельемъ: нынѣ украшенный присутствіемъ дорогихъ гостей, онъ получилъ новую занимательность и прелесть.

Digitized by Google

Почетный обѣдъ Черноморцамъ въ этотъ день давали въ домѣ генералъ-губернатора Московскія дамы, приглашенныя къ устройству праздника графинею Аграфеной Ѳедоровной Закревской. Занесемъ въ нашу лѣтопись имена ихъ.

Великолѣпная зала освѣщена была ярко. Столы украшены въ обиліи лаврами, миртами, камеліями, гіацинтами. Музыка гремѣла.

Въ 5 часовъ дамы взяли своихъ гостей подъ руки, и повели торжественно за столъ.

Предсѣдательствовала графиня А. Ѳ. Закревская. Когда она подняла бокалъ за здоровье Государя Императора, громкое ура! огласило залу и умолкло только передъ гимномъ: Боже царя храни.

М. П. П. воспользовался правомъ, даннымъ ему дамами, чтобъ закрѣпить и утвердить ихъ свидѣтельствомъ истину своего положенія о силѣ любви, выраженнаго прежде. Онъ сказалъ:

«Назначенный дамами быть ихъ глашатаемъ на нынѣшнемъ праздникѣ, я присоединяю къ этой драгоцѣнной для насъ пѣсни Жуковскаго, которая удостоилась уже давно чести сдѣлаться народною, и которой сейчасъ мы отъ всей души вторили, я присоединяю для нынѣшняго Государя слѣдующее желаніе: Дай Богъ Ему царствовать долго, счастливо, милостиво, любовно. Свидѣтельствуюсь дамами: сила не въ силѣ, сила въ любви. Да здравствуетъ возлюбленный нашъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ!»

За тѣмъ провозглашены были тосты: первый за здравіе Государыня Императрицъ, второй за здравіе Великаго Князя Генералъ-Адмирала.

Наступилъ тостъ за здоровье героевъ Севастополя. Едва удерживая слезы начала говорить графиня, но заключила свое слово твердымъ голосомъ:

«Господа! Прежде всего прошу васъ выпить этотъ круговой кубокъ въ достославную память героевъ, падшихъ за Святую Русь!»

Digitized by Google

«Теперь скажу отъ души, что пока вы сражались, мы здѣсь, сочувствуя вашимъ богатырскимъ подвигамъ, гордясь вашей безсмертной славой — мы женщины молились о васъ. Теперь въ часъ отдыха вашего, мы сердечно радуемся, что намъ удалось первымъ встрѣтить храбрыхъ защитниковъ Севастополя, какъ встрѣтитъ ихъ и вся Православная Россія,— съ благоговѣніемъ, съ восторгомъ и съ благодарностью. Хвала и честь славнымъ Русскимъ морякамъ и всѣмъ защитникамъ Россіи. Ура!!!.

Лейтенантъ Бѣлиховъ, отвѣчая отъ лица моряковъ, сказалъ:

. . . . . .

«Счастливы мы, что Провидѣнію угодно было сохранить насъ подъ Севастополемъ и привести въ Москву! О какъ весело на душѣ и какъ трепещетъ сердце, видя то патріотическое чувство, которымъ соединено здѣсь это прекрасное общество! Эта минута принадлежитъ не нашимъ достоинствамъ, но нашему особенному счастію. Позвольте мнѣ увѣрить васъ, что день 25 февраля никогда не будетъ забытъ въ сердцѣ каждаго изъ моряковъ Черноморскихъ, день,—когда мы соединились съ вами въ пламенныхъ желаніяхъ блага отечеству, благоденствія Монарху.

Отъ души осушимъ мы этотъ поднятой заздравный бокалъ въ знакъ того, что чувствуютъ теперь, но чего не могутъ выразить признательныя сердца наши. За здоровье Московскихъ дамъ. Ура!!!

Графиня Е. П. Ростопчина привѣтствовала моряковъ своими звучными строфами:

Ура! защитники Россіи,
Добро пожаловать въ Москву!...
У ней вы гости дорогіе;
Про ваши подвиги святые
Давно ужъ чтитъ она молву.

Герои вѣрности и Вѣры,
Вы наши чудо-молодцы,
Затмили удалью безъ мѣры,

Digitized by Google

Всѣ древнихъ доблести примѣры,
Всѣ бранной чести образцы.

Что Данцигъ, Сарагосса, Троя,
Предъ Севастополемъ роднымъ?...
Нѣтъ битвъ страшнѣй, нѣтъ жарче боя.
Дыша въ огнѣ, вы гибли стоя
Подъ славнымъ знаменемъ своимъ!...
. . . . . .

Четыре смѣны вражьей силы,
Четыре войска тамъ легло,
И даромъ раннія могилы
Въ волнахъ морскихъ, въ степи унылой,
Въ борьбѣ безвыходно нашло.

У нихъ, у насъ, вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ сражалъ;
И много славныхъ, много чтимыхъ
Исчезло тамъ, незамѣнимыхъ,—
А Севастополь все стоялъ!...

Но Господу угодно было
Свою Россію испытать.
Не мощь враговъ насъ побѣдила,
Не длань ихъ городъ сокрушила,
А намъ пришлось его отдать.

Честь спасена, а съ ней и слава;
И вамъ та честь принадлежитъ!
Своею памятью кровавой
Вашъ Севастополь величавый
Въ скрижаляхъ родины блеститъ.

Ура! защитники Россіи,
Хлѣбъ-соль вамъ наша будь въ почетъ,
Отъ сердца мы слова простыя
Вамъ скажемъ, гости дорогіе:
Да здравствуетъ Россійской флотъ!

Digitized by Google

Княгиня Наталья Борисовна Шаховская съ чувствомъ произнесла:

«Не обладая даромъ слова, господа, не съумѣю выразить такъ краснорѣчиво, какъ графиня, моихъ чувствъ. Но что слова? Онѣ болѣе изреченіе мысли, нежели сердца. Слава ваша извѣстна не въ одной Европѣ. Лучемъ свѣтлымъ разнеслась она по свѣту, и сіяетъ нынѣ предъ нами въ ранахъ вашихъ, въ крестахъ и въ вѣнкахъ безсмертныхъ, коими увѣнчали вы главы свои, храбрые защитники Севастополя и честь Русскаго православнаго народа. Не словами намъ благодарить васъ; съ тѣхъ поръ какъ Москва съ хлѣбомъ-солью и шумнымъ торжествомъ встрѣчала васъ у Серпуховскихъ воротъ, вы уже привыкли къ громкимъ восклицаніямъ! И такъ въ сердцахъ дѣтей нашихъ лишь осталось намъ, признательнымъ матерямъ, запечатлѣть, съ Русской Исторіей, и священныя имена почившихъ героевъ, начальниковъ и товарищей вашихъ, сложившихъ славно на полѣ ратномъ геройскія главы свои.

Вѣчная имъ память, а вамъ, господа, многія счастливыя лѣта!»

Въ заключеніе, произнесъ рѣчь М. П. П.

«Дамамъ угодно, чтобы я выразилъ ихъ чувства дорогимъ нашимъ гостямъ, славнымъ защитникамъ Севастополя. Сейчасъ отъ нихъ самихъ вы слышали, мм. гг., столько прекраснаго, столько для васъ сладостнаго, что всякое мое слово кажется мнѣ лишнимъ. Но онѣ требуютъ, и я долженъ повиноваться ихъ волѣ: мудреную задачу получилъ я — передать, что чувствуетъ нѣжное женское сердце въ минуту своего лучшаго одушевленія, въ минуту своего благороднаго восторга! Позвольте мнѣ говорить, какъ историку: Русская женщина, когда случится ей возвыситься надъ обыкновенною жизнію, когда какія-нибудь обстоятельства или несчастія унесутъ ее изъ ежедневнаго вихря, гдѣ она иногда кружится, Русская женщина представляетъ собою, надо отдать ей справедливость, высокое явленіе. Въ прошедшее царствованіе мы видѣли много примѣровъ самоотверженія Русскихъ женщинъ. Какъ свято исполнены были ими обязанности женъ, дочерей,

Digitized by Google

матерей! А въ наше время сестры милосердія? На перевязочныхъ пунктахъ, въ самомъ жаркомъ огнѣ, подъ градомъ пуль, картечей и бомбъ, онѣ являлись ангелами-утѣшителями,—промыть запекшіяся ваши уста, освѣжить каплей воды пересохшее горло, остановить текущую кровь. Съ какимъ нѣжнымъ участіемъ онѣ совершали эти подвиги Христіанской любви въ походныхъ госпиталяхъ,—и между тѣмъ имъ незнакомы были никакія опасности, онѣ не имѣли понятія въ мирныхъ своихъ жилищахъ, что значитъ смерть на полѣ сраженія....

А присутствующія здѣсь не готовы ли онѣ сдѣлать того же завтра, если потребуютъ обстоятельства? Онѣ и теперь завидуютъ сестрамъ милосердія... нѣтъ, онѣ не завидуютъ, потому что носятъ въ себѣ твердое сознаніе своей готовности, и убѣждены въ нашемъ къ нимъ довѣріи. Гдѣ же найду я словъ, чтобъ обнаружить, выставить эти тончайшія, глубоко затаенныя фибры ихъ сердца, а говорить общими мѣстами мнѣ противно! Не лучше ли прервать начатую рѣчь, мм. гг? На этихъ лицахъ, въ этихъ глазахъ и улыбкахъ, читайте сами похвальное себѣ слово, самое трогательное. Вамъ вѣрно пріятнѣе смотрѣть на нихъ, чѣмъ слушать меня. А онѣ будутъ любоваться вами—обожженными, опаленными, избитыми, прострѣленными, изувѣченными! Ваши повязки, ваши перевязки, ваши костыли и эти кресты, сіяющіе ярче всякихъ алмазовъ на вашей груди, — это самая привлекательная для нихъ, мужественная красота. Пусть сердце сердцу вѣсть подаетъ — такое молчаніе сильнѣе всякаго краснорѣчія. Позвольте же мнѣ не говорить нынѣ ничего ни о вашихъ трудахъ, ни о вашихъ подвигахъ, ни о безпримѣрной оборонѣ Севастополя....

Вы сослужили славную службу Отечеству, вы сдѣлали много, мы всѣ это знаемъ и чувствуемъ, но вы сдѣлаете еще больше: пусть потоплены наши корабли, взорваны доки, разрушены крѣпости, живъ Русскій духъ! Онъ не упалъ, онъ возбудился, возвысился, онъ въ это тревожное время чуетъ въ себѣ силу. Враги хотѣли запереть вамъ путь въ Черное

Digitized by Google

море—вы найдете путь къ Океанамъ, и славный Русскій флагъ развернется и будетъ развѣваться постоянно на всѣхъ моряхъ, гдѣ являлся прежде только по временамъ и случайно. Изъ этого славнаго гнѣзда, изъ этой умаленной семьи воспитанниковъ Грейга, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Истомина, вылетитъ еще много орловъ, вслѣдъ за молодымъ орломъ, Генералъ-Адмираломъ. Кислинскій, Зоринъ, Попандопуло, Шкотъ, Кернъ, Астаповъ, Перелешинъ, Юрьевъ, Голенко, Чебышовъ, Винкъ.... Всѣ, всѣ вы прославите Русское имя, и дѣти наши, а можетъ быть, и мы успѣемъ еще, по милости Божіей, забыть наши настоящія потери, наши прошедшія бѣдствія; но ни мы, ни дѣти наши, ни внуки, ни правнуки, ни самые отдаленные потомки во вѣки вѣковъ не забудутъ вашихъ трудовъ и вашихъ подвиговъ.

Московскія дамы провозглашаютъ здравицу въ честь славныхъ защитниковъ Севастополя. Ура!»

Молодой воинъ на костыляхъ, поручикъ Лейбъ Гвардіи Волынскаго полка А. Е. Станкевичь, выразилъ общую благодарность словами:

«Благодаримъ васъ, ваше сіятельство, за выраженный вами привѣтъ, благодаримъ васъ, представительницы Московскаго благороднаго сословія, васъ, графиня, за звуки вашей патріотической лиры; наконецъ васъ, представители ученаго Московскаго сословія. Вполнѣ сочувствуемъ и цѣнимъ ваше высокое участіе къ намъ....

«Если мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, служили дѣлу и отечеству, то мы достойно награждены участіемъ и теплыми молитвами отечества за насъ. Какъ въ славный идеальный вѣкъ рыцарства дама вѣнчала подвиги рыцаря, и тѣмъ поощряла его на новые, такъ и мы, счастливые вашимъ искреннимъ привѣтомъ и задушевнымъ радушіемъ, поспѣшимъ на новые подвиги, если необходимость потребуетъ, зная какъ цѣнитъ отечество наши труды. Если воины съ гордостію и самоотверженіемъ умирали на батареяхъ Севастополя, и если исторія

Digitized by Google

достойно оцѣнитъ ихъ, то тѣмъ не менѣе съ любовью запишетъ она на страницахъ могучее проявленіе патріотизма и другихъ сословій: дворянство, купечество сыпало милліоны на пользу отечества, простолюдинъ несъ посильную лепту своихъ трудовъ, и вы, милостивыя государыни, явились достойными имени Русскихъ, служа по своему званію достойно нашей славной Россіи.

Кто не знаетъ на Руси святыхъ подвиговъ любви и милосердія семьи сестеръ, подъ градомъ пуль и картечи служившихъ любви къ ближнимъ на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя, подавая примѣръ высокой нравственной силы? И сколько храбрыхъ возвращено въ ряды славной арміи помощью и словами утѣшенія этихъ героинь самоотверженія, и сколько пало съ простой молитвою къ Всевышнему за своихъ матушекъ! Еще разъ благодаримъ васъ за ваше родное Московское радушіе. Благодарность никогда не умирала и не умретъ въ простомъ сердцѣ солдата.

За здоровье ея сіятельства и представительницъ Московскаго благороднаго сословія!»

Поздно уже было, когда разъѣхались гости, унося въ сердцахъ своихъ прекрасное, благородное удовольствіе.

Моряковъ ожидали на Тверской площади тридцать троекъ, которыя съ шумомъ и крикомъ помчали ихъ въ садъ Корсакова. Тамъ устроенъ былъ В. А. Кокоревымъ увеселительный вечеръ: катались съ горъ въ память о старинной Русской масляницѣ, пѣли и плясали цыгане, теряющіе впрочемъ со всякимъ днемъ свой характеръ, гремѣла музыка, горѣли потѣшные огни. Въ заключеніе открылся балъ въ колошахъ и ботинкахъ, салопахъ и шубахъ. Званныхъ билетовъ разослано было 500, а избранныхъ собралось безъ счету.

Въ воскресенье, 26 февраля, поутру, офицеры засвидѣтельствовали глубочайшее свое почтеніе Московскому Митрополиту, и имѣли счастіе получить его благословеніе, услышать изъ устъ его слова жизни и любви.

Digitized by Google

Обѣдъ давали въ честь ихъ нѣкоторые Московскіе купцы въ залахъ Купеческаго собранія.

Назовемъ старшинъ, которые озаботились прежде всѣхъ устройствомъ праздника въ честь моряковъ, употребили всѣ усилія, испытали многія неудачи, и достигли наконецъ своей цѣли, т. е. получили день, (вотъ о чемъ на Руси бываютъ хлопоты), и за то были награждены такимъ успѣхомъ, какого и не запомнятъ лѣтописи Московскаго гостепріимства: С. И. Сазиковъ, А. Н. Колесовъ, А. С. Кампіони, И. В. Борисовскій, С. С. Кашаевъ, М. М. Варенцовъ, В. И. Готье.

Всѣ залы были украшены цвѣтами, кустами и деревьями. Портретъ Государя Императора сверху до низу убранъ лаврами и цвѣтами. Картина Айвазовскаго, подаренная собранію, изображающая Севастополь, красовалась на самомъ видномъ мѣстѣ, въ столовой комнатѣ.

(Надпись надъ нею положено было выложить *изумрудами*).

Приготовленъ огромный, изящный, Сазиковской работы, позлащенный кубокъ, украшенный Всероссійскимъ орломъ, для поднесенія славнымъ защитникамъ Севастополя.

Надпись на крышкѣ славянскими буквами: Доблестнымъ офицерамъ Черноморскаго флота отъ Московскихъ купцовъ, 1856 года, февраля 26 дня. На поддонѣ вырѣзаны имена приносителей.

Въ три часа начали собираться гости и были встрѣчаемы старшинами въ первой залѣ. Многіе почтенныя особы въ городѣ искали чести приглашенія, наслышавшись о задушевныхъ Русскихъ праздникахъ Купеческаго собранія. Къ четыремъ часамъ нѣсколько обширныхъ залъ наполнились посѣтителями; на хорахъ помѣстились дамы.

Тосты начались чуть ли не съ перваго блюда. Прогремѣлъ первый тостъ за здравіе Государя Императора, Государынь Императрицъ и всего Августѣйшаго дома. Звучно раздался третій за здравіе любимаго и чтимаго Генералъ-Адмирала. Здоровье всѣхъ адмираловъ, начальниковъ экипажей и судовъ, офицеровъ и матросовъ, Черноморскихъ, Бѣломорскихъ, Балтій-

Digitized by Google

скихъ, Камчатскихъ. Старшины просили М. П. П. выразить торжественно ихъ чувства дорогимъ своимъ гостямъ, доблестнымъ офицерамъ Черноморскаго флота.

М. П. П. съ поднятымъ бокаломъ, сказалъ:

«Мм. гг. И сословія, и частныя лица, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее уваженіе, свою горячую благодарность. Восторженные клики народа ни умолкаютъ по пути вашего слѣдованія. Гдѣ вы не показываетесь, прохожіе останавливаются, снимаютъ шапки, передаютъ одинъ другому ваши имена. По домамъ, наши дѣти пересказываютъ между собою ваши подвиги и заучиваютъ ваши біографіи. Никогда наша масленица не праздновалась съ такимъ веселіемъ, движеніемъ, съ такимъ прекраснымъ настроеніемъ народнаго духа, какъ нынѣ, благодаря своимъ дорогимъ гостямъ! И еслибъ вы проѣхали вдоль всю Россію, отъ Москвы до Нерчинска и Якутска, и поперегъ отъ Архангельска до Астрахани, отъ Петербурга до Эривани, вы услышали бы вездѣ, въ городахъ и деревняхъ, въ палатахъ и избахъ, одно и тоже радушіе!

Нынѣ Московскіе купцы желали воздать вамъ подобающую вамъ честь. Они поручили мнѣ передать вамъ слѣдующія ихъ слова и мысли:

Вы сослужили славную службу отечеству, вы исполнили свято гражданскій свой долгъ. Десять отчаянныхъ приступовъ вы отразили, и оставили Южную часть Севастополя только въ исполненіе высшей воли Главнокомандующаго. До Сѣверной стороны, до бухты, непріятели до сихъ поръ не смѣютъ прикоснуться. Ни одной пяди Русской земли вы имъ не уступили, и они не смѣли нигдѣ отойдти отъ береговъ, изъ-подъ защиты безчисленнаго своего флота, какого до сихъ поръ не видало ни одно море. Европа призадумалась, размышляя о безпримѣрной оборонѣ Севастополя, и на вѣсахъ Парижскихъ негоціацій ваша стойкость, безъ сомнѣнія составляетъ одно изъ самыхъ тяжеловѣсныхъ доказательствъ, безъ всякаго сравненія съ паутинымъ плетеньемъ дипломація иностранной. Самый миръ, если

Digitized by Google

онъ состоится, съ пріобрѣтеніемъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ нашимъ Славянскимъ братьямъ, православнымъ христіанамъ Востока, за которыхъ начата была война, имѣетъ ближайшее отношеніе къ Севастопольскимъ одиннадцати мѣсяцамъ.

Да, вы сдѣлали много, но вы сдѣлаете еще больше, позвольте мнѣ повторить, въ исполненіе общаго требованія, мои вчерашнія желанія, которыя отъ души раздѣляетъ наше нынѣшнее общество. Пусть потоплены наши корабли, взорваны доки, сожжены арсеналы, разрушены крѣпости,—живъ Русскій духъ! Онъ не упалъ, онъ возбудился, онъ возвысился, онъ чуетъ въ себѣ силу. Непріятели хотѣли запереть намъ Черное море—вы найдете путь къ океанамъ, и славный Русскій флагъ развернется на тѣхъ моряхъ, гдѣ онъ прежде показывался только временно и случайно. Изъ этой умаленной семьи воспитанниковъ Грейга, Лезарева, Корнилова, Нахимова, Истомина, изъ этого славнаго гнѣзда вылетитъ еще много орловъ, вслѣдъ за молодымъ орломъ, своимъ любезнымъ Генералъ-Адмираломъ: Новиковъ, Ильинскій, Гедеоновы, Стеценко, Рябининъ, Бирюлевъ, Свѣшниковъ, Шумовъ, Давыдовъ, Бѣлкинъ, (мнѣ представляются теперь другія имена....) всѣ, всѣ вы прославите Русское имя, и дѣти наши, а можетъ быть и мы, успѣемъ еще забыть настоящія наши потери, прошедшія бѣдствія, но ни мы, ни дѣти наши, ни внуки, ни правнуки, ни самые отдаленные потомки во вѣки вѣковъ не забудутъ вашихъ трудовъ и вашихъ подвиговъ.

Да здравствуютъ славные защитники Севастополя!»

Тотчасъ по окончаніи рѣчи поднесенъ былъ приготовленный кубокъ, и представленъ старшему изъ бывшихъ по обѣдѣ, гостей контръ-адмиралу Кислинскому. В П. Буркинъ, передавая кубокъ, сказалъ:

«Въ воспоминаніе того, что мы имѣли счастіе угощать васъ, доблестные Черноморскіе моряки, по-просту Русскимъ хлѣбомъ-солью, просимъ васъ, вмѣстѣ съ нашею душевною благодарностію за вашу безпримѣрную службу святой Руси, принять подносимый нами кубокъ.

Мы почтемъ себя счастливыми, если это малое прино-

Digitized by Google

шеніе будетъ напоминать вамъ о московскомъ Купеческомъ собраніи, украшенномъ подаренною вами картиною славнаго русскаго художника Айвазовскаго.»

П. И. Кислинскій и всѣ офицеры воскликнули въ одинъ голосъ: Великому Князю! Великому Князю!

Кубокъ принялъ адъютантъ его капитанъ-лейтенантъ В. А. Стеценко, тотъ, который послѣ знаменитаго фланговаго движенія князя Меншикова на Бахчисарай, пробрался сквозь непріятельскія войска въ Севастополь и ободрилъ гарнизонъ доброю вѣстью; тотъ, который послѣ приплылъ на лодкѣ изъ Очакова въ Кинбурнъ, окруженный непріятельскимъ флотомъ, передъ самой бомбардировкою, и доставилъ коменданту нужныя свѣдѣнія, подобно Шеншину, проникавшему въ Бомарзундъ.

Предложено было выпить за здоровье всѣхъ присутствующихъ офицеровъ по одиначкѣ. Написаны ихъ имена и положены въ кубокъ. Лейтенанту Бѣлкину поручено вынимать свернутыя записки, а В. А. Кокореву читать.

Всякое вынутое имя сопровождалось рукоплесканіями и другими знаками одобренія. Кому вынется, тому сбудется.

Первое здоровье вынулось Кузмина-Короваева.

Всѣ гости стояли съ бокалами въ рукахъ, прихлебывали и пили. Кравчіе подливали.

По окончаніи переклички М. П. П. сказалъ:

Господа! здѣсь есть молодецъ изъ подъ Карса съ тремя пулями, пулей въ рукѣ, пулей въ ногѣ, и пулей въ шеѣ. Неужели мы обнесемъ его чаркой?

« Кто? кто?» Раздалось множество голосовъ.

Капитанъ Генеральнаго Штаба Казначеевъ!

Казначеева! Казначеева!

Гдѣ онъ? гдѣ онъ? Загремѣла вся зала.

Когда онъ былъ отысканъ и подведенъ къ столу, съ перевязанной головою, М. П. П. воскликнулъ: за здоровье Кавказскихъ братьевъ!

Капитанъ Казначеевъ сказалъ: благодарю васъ, мм. гг. Я самый меньшой, слабый представитель славныхъ Кавказскихъ войскъ, служащихъ подъ начальствомъ генерала Муравьева!

Digitized by Google

Здоровье генерала Муравьева, твердаго, мужественнаго!
Ура, ура, гремѣло и не умолкало.
С. П. Шевыревъ произнесъ прощальные стихи.

Черноморцы! кубокъ вамъ
Въ знакъ души привѣта:
Вамъ, морскимъ богатырямъ,
Золотыя лѣта!

***

Подвигъ вашъ изъ рода въ родъ
Перейдетъ въ преданье,
Сохранитъ его народъ
И бытописанье.

***

Только теплую любовь
И хлѣбъ соль родную
Принесли мы вамъ за кровь,
Вами пролитую.

***

Вотъ насталъ конецъ пирамъ!
Въ Русской день прощанья,
Разставаясь, скажемъ вамъ:
Братья! до свиданья!

Каждая строфа сопровождалась единогласнымъ откликомъ всеобщаго сочувствія. Строфы прочтены три раза.

И дамы съ хоръ подали свой голосъ. И. Ѳ. Мамонтовъ явился тамъ ихъ представителемъ, и отъ имени ихъ сказалъ:

«Дамы Московскаго купеческаго сословія, свидѣтельницы торжества настоящихъ минутъ, поручили мнѣ, голосомъ ихъ сердца, сказать вамъ ихъ задушевное слово.

«Вы явили свѣту подвиги безпримѣрной храбрости, неустрашимости и самопожертвованія; вы показали, какъ долженъ любить всякій Русскій человѣкъ свое отечество. Да послужитъ же этотъ примѣръ вашъ, примѣромъ всѣмъ юнымъ сы-

Digitized by Google

новьямъ нашего сословія: чтобы они были также преданы нашему отечеству и съ такимъ же самоотверженіемъ жертвовали для него трудами, умомъ, капиталами и всѣми силами, съ какимъ вы жертвовали своею кровію, забывая себя, своихъ женъ и дѣтей.

«Здоровье доблестныхъ храбрыхъ моряковъ!»

Въ отвѣтъ на привѣтствіе дамъ, выраженное г. Мамонтовымъ, раздались новые клики восторга.

За симъ слѣдовали стихи студента Потѣхина, которые также были повторены и покрыты рукоплесканіями.

На югѣ свершили вы честное дѣло,
Тамъ памятникъ вѣчный оставили вы;
Гордится имъ Русскій народъ также смѣло,
Какъ славнымъ пожаромъ родимой Москвы.
На Сѣверъ далекій зоветесь вы снова,
Быть можетъ, къ тяжелымъ, кровавымъ трудамъ.
О, скоро ли скажемъ опять вамъ здорово,
Помолимся вмѣстѣ Святымъ Небесамъ!
И взоромъ, и мыслью, и чувствомъ мы съ вами!
Въ тревогахъ военныхъ, въ весёльѣ побѣдъ,
Не розной душою живете вы съ нами, —
Вездѣ васъ найдетъ нашъ сердечный привѣтъ.
Святая минута для сердца настала,
Гдѣ Русское чувство сказалось вполнѣ;
Любовью высокой Москва васъ встрѣчала,
И земно вамъ кланялась,—по старинѣ.
Съ Богомъ, въ добрый часъ, родные,
Путь счастливый, дорогіе!
Выпьемъ же въ прощальный часъ
За Царя, за Русь, за васъ!

М. П. П. по прочтеніи ихъ предложилъ тостъ:

Мм. гг. За здоровье молодаго поколѣнія: да здравствуетъ оно, учится и учится, развивается и преуспѣваетъ въ чувствахъ преданности и любви къ отечеству, къ престолу, къ церкви, на пользу и славу Россіи.

Старшина Купеческаго собранія, С. И. Сазиковъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

Digitized by Google

«Всѣмъ намъ отъ души хотѣлось произнести вамъ, доблестные моряки Черноморскаго флота, рѣчь, чтобы выразить вамъ тѣ чувства, которыя находятся въ сердцѣ каждаго изъ насъ; но такъ безпримѣрна ваша храбрость и подвиги на славу отечества, что всякое краснорѣчіе слабо и безсильно, и нѣтъ словъ для передачи нашихъ чувствъ.

При видѣ васъ, храбрыхъ моряковъ и витязей, при видѣ васъ, чудо-богатырей, заговорило наше Русское сердце, и намъ хотѣлось бы, вмѣсто всякой рѣчи, обнять васъ, какъ лучшихъ дѣтей Царя Всероссійскаго, какъ родныхъ братьевъ всей Руси, и, крѣпко прижимая васъ къ сердцу, сказать:

Да здравствуютъ наши други, наши братья защитники, да здравствуютъ храбрые Черноморскіе моряки, и да процвѣтаетъ нашъ Русскій флотъ!....»

Капитанъ-Лейтенантъ Кузминъ-Кораваевъ, отъ лица моряковъ, произнесъ слѣдующее привѣтствіе московскому купечеству:

«Мм. гг. Чувства, возбужденныя въ насъ высокимъ почетомъ, который вы намъ оказываете, выше всякихъ словъ. Лестны, много лестны для насъ и ваша хлѣбъ-соль и ласковыя рѣчи. Что же сдѣлали мы, чтобъ удостоиться такой безпримѣрной чести? Нѣсколько дней изъ жизни нашей подвизались на пользу и славу нашей родины. Но не долгъ ли нашъ, не самая ли священная и вмѣстѣ съ тѣмъ высокопріятная обязанность — всѣ дни, часы и минуты нашего существованія отдать странѣ насъ родившей? Но вы сами, высокопочтенные граждане земли Русской — на пути вами избранномъ, не посвятили ли всѣхъ мгновеній своей жизни на пользу отчизны? Но вы сами, торговлею своею, презирая разнородныя препятствія и даже опасности, встрѣчаемыя вами, не увеличили ли благосостояніе и богатство государства нашего? И наконецъ вы сами, скромно-высокими трудами своими способствуя силѣ и славѣ Царя и Россіи, не возбудили ли зависти даже въ самыхъ отдаленныхъ сосѣдяхъ нашихъ?

Да здравствуетъ же и благоденствуетъ Русское купечество на славу Царя и Россіи и на зависть завистникамъ!»

Digitized by Google

Все собраніе пожелало засвидѣтельствовать свое уваженіе хозяевамъ пира. М. П. П. сказалъ:

«Перехожу на другой крилосъ, и прошу позволенія сказать нѣсколько словъ въ честь знаменитаго Московскаго купечества. Оно служитъ вѣрно отечеству своими трудами, и приноситъ на алтарь его безпрерывныя жертвы. Ни одинъ торговый городъ въ Европѣ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Москвою. Но наши купцы не охотники еще до исторіи: они не считаютъ своихъ пожертвованій, и лишаютъ народную лѣтопись прекрасныхъ страницъ. Если бы счесть всѣ ихъ пожертвованія за нынѣшнее только столѣтіе, то они составили бы такую цифру, какой должна поклониться Европа. И не бываетъ въ Москвѣ никогда промежутка, чтобъ переводились даже частные благотворители между купцами. Скончается одинъ, является другой. Свято мѣсто не бываетъ пусто. Каковъ былъ Крашенинниковъ? До 10 милліоновъ простиралось количество его пожертвованій. Колесовъ, Лепешкины, оставили завѣщанія, изукрашенныя дѣлами благотворительности. Сколько назначилъ для добра Рахмановъ, нашедшій себѣ достойнаго душеприкащика въ Солдатенковѣ. а самъ Солдатенковъ, а Набилковъ, Лобковъ, Гучковы, Прохоровы, Куманины, Алексѣевы! всѣхъ и не перечтешь! Да здравствуетъ и успѣваетъ во всѣхъ своихъ добрыхъ дѣлахъ знаменитое, благотворительное Московское купечество!

Достойнымъ вѣнцомъ пира была рѣчь В. А. Кокорева, которая произвела совершенный восторгъ. Вотъ она:

«Среди теплыхъ задушевныхъ торжествъ Москвы въ честь доблестныхъ моряковъ, невольно приходитъ на мысль, что Русская сила рѣдко имѣла постепенное развитіе, а всегда вдругъ, скачками. И эти скачки бывали только въ годы общаго горя. И въ эти годы мы особенно крѣпко прилѣплялись къ нашимъ Царямъ, приростали къ нимъ всѣмъ своимъ существомъ. Въ эти годы открывались въ насъ новыя достоинства, коими мы возвышались въ собственныхъ нашихъ

Digitized by Google

понятіяхъ и узнавали самихъ себя. Вотъ гдѣ нашъ всероссійскій ростъ!

Всѣ войны на Россію что значили? Это были, отъ самаго Провидѣнія, повѣрки Русскихъ сердецъ и общія намъ переклички. Какъ только слышалось въ отвѣтъ: всѣ любимъ Русь, всѣ станемъ за нее, — какъ только это подтверждалось дѣломъ, война утихала, а могилы павшихъ твердили намъ во время мира: любите, любите Русь, какъ мы ее любили.

Недаромъ же Русская пословица говоритъ болѣе пятисотъ лѣтъ устами всего народа: *вынеси ты меня мое горе!* Оно вѣдь и на дѣлѣ такъ. Развѣ не вынесло насъ горе Нарвское, Московское и всѣ прежнія горя, наши славные будильники, наши возносители на ту высоту, которая можетъ удовлетворить насъ по объему нашей земли. Никогда ни разу не измѣнялъ намъ нашъ вѣрный союзникъ—Русское горе. Это нашъ двигатель, положенный судьбою на крестъ Россіи при ея рожденіи. А какой онъ могучій, какія придаетъ крылья, какъ освѣжаетъ, обновляетъ, развиваетъ мысль, нагрѣваетъ сердца, соединяетъ всѣхъ къ единодушію, и толкаетъ впередъ!

Доказательствомъ единодушнаго соединенія служатъ десять дней, проведенные вами въ Москвѣ, доблестные моряки Черноморскаго флота.

Мощь Русскаго горя понятна въ одной Руси: у насъ оно никогда не производитъ унынія, а только одну кручину.

Не напрасно ты, кручинушка, воспѣваешься въ Русскихъ пѣсенкахъ! Не случайно же въ звукахъ ихъ тянетъ насъ что-то за сердце!

Доказано, что жизнь государствъ похожа на жизнь человѣка. Не лучшая ли пора въ жизни нашей та, когда коснется сердца кручина любви? Тогда мы и плачемъ и радуемся, восхищаемся, стремимся, хитримъ, да такъ хитримъ, что никто насъ не проведетъ; тогда мы очищаемся, возвышаемся, вдумываемся и тоскуемъ, но тоски свей не уступимъ никому. Представляя собою семью влюбленныхъ въ Россію людей, мы дорожимъ нашей кручинушкой, мы чувствуемъ, какъ много въ ней любви къ отечеству, душевной силы и сладости.

Digitized by Google

Дай Богъ мира,—мы всѣ того желаемъ,—желаемъ мира, согласно съ намѣреніями и будущими видами нашего батюшки-Царя. Но во всякомъ случаѣ мы готовы нынѣ, впредь и всегда, на то жертвоприношеніе отечеству, которое показали вамъ вы, храбрые Черноморскіе моряки!

Тостъ въ честь славнаго и могучаго Русскаго *горя!*»

Всѣ бросились обнимать, цѣловать и благодарить оратора за то, что умѣлъ онъ задѣть за живое своимъ словомъ Русскихъ людей.

Послѣ рѣчи все собраніе отправилось въ залу къ портрету Государя, и пропѣло въ одинъ голосъ: Боже Царя храни, какъ бы передавая Ему на руки свое спасительное сознанное горе, да преложитъ его на радость, согласно съ общими Русскими желаніями, надеждами и молитвами!

Торжественна была эта минута, за коей послѣдовало какое-то торжественное молчаніе.

Моряки принесли кубокъ, въ который влито восемь бутылокъ шампанскаго,—и пошёлъ онъ въ круговую за здравіе святой Руси!

Начались пляски подъ звуки Русскихъ пѣсенъ, хромые офицеры на костыляхъ пустились въ присядку. Зрители вторили имъ своими движеніями. Всѣ плеча, руки, ноги, говорили. Дамы съ хоръ бросали цвѣты, букеты, вѣнки. Старикъ Энгельгардъ съ Прейш-Ейлавскимъ Георгіемъ, старикъ Жерве, на деревяшкѣ, съ сыномъ, по имени котораго называется знаменитая баттарея, ходили въ толпѣ; купцы съ бородами, студенты, офицеры, обнимались и цѣловались.

Пиръ кончился въ 10 часовъ вечера.

Въ дверяхъ стояли старшины съ огромными подносами, и подчивали на прощанье уѣзжавшихъ гостей.

Во второмъ часу за полночь офицеры собрались къ В. А. Кокореву, въ гостинницу Шевалье, гдѣ у крыльца готовы уже были тройки, помчавшія ихъ въ крытыхъ возкахъ на богомолье къ Тройцъ-Сергію.

Digitized by Google

Въ восемь часовъ пріѣхали они въ Лавру. Тамъ ожидалъ ихъ Севастопольскій товарищъ, о Веніаминъ, — уѣхавшій заранѣе предупредить отца намѣстника Антонія о прибытіи Черноморскихъ гостей.

Трогательная была минута, когда, собираясь въ церковь, они начали записывать имена павшихъ своихъ товарищей для поминовенія. Листъ скоро былъ исписанъ. Любезные образы одинъ за другими вставали предъ ними въ воображеніи, и грусть овладѣвала ихъ сердцемъ....

Довольно, довольно, господа, воскликнулъ одинъ, напишемъ лучше: всѣхъ православныхъ убіенныхъ и умершихъ отъ ранъ подъ Севастополемъ!

Архимандритъ со всѣмъ соборомъ отслужилъ по нихъ торжественную панихиду, и клиръ превозгласилъ имъ вѣчную память. Потомъ принесено было благодарственное моленіе, и пропѣты многая лѣта Христолюбивому воинству. Офицеры приложились къ мощамъ великаго Русскаго молитвенника чудотворца Сергія, и потомъ осмотрѣли всѣ соборы, ризницу и прочіе достопримѣчательности монастыря, въ сопровожденіи отца Веніамина. Послѣ обѣда они ходили благодарить отца намѣстника за оказанное вниманіе, и получили отъ него въ благословеніе по образу Св. Сергія и описанію лавры.

Во вторникъ поутру, въ особомъ поѣздѣ, отправились наши дорогіе гости въ обратный путь. В. А. Кокоревъ повезъ ихъ тѣмъ же порядкомъ въ Петербургъ, какъ привезъ изъ Петербурга. Москвитяне всѣхъ сословій съ хлѣбомъ и солью проводили дорогихъ гостей на станціи желѣзной дороги, и пожелали имъ благополучнаго путешествія. Купцы поднесли хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ съ надписью славянскими буквами: блюдо съ хлѣбомъ-солью поднесено доблестнымъ офицерамъ Черноморскаго флота отъ Московскихъ купцовъ, 1856 года, февраля 28 дня.

Такъ кончились Московскія празднества, которыя оставили благотворное сѣмя во многихъ душахъ, и долго, долго, будутъ воспоминаться съ удовольствіемъ не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

ЕЩЕ О РУССКОМЪ ВОЗЗРѢНІИ НА НАУКУ

и

началѣ общинности въ древней Россіи.

Москвитянинъ привѣтствуетъ счастливыя предзнаменованія, среди которыхъ потекла общественная жизнь современной Россіи. Извнѣ спокойствіе мира, только-что покончившаго напряженное состояніе Европы, и, по самой новости положенія, вызывающее повсюду прекрасныя надежды; внутри благодатное возбужденіе духовныхъ силъ народа къ разносторонней дѣятельности, производимое просвѣщеннымъ правительствомъ. Миръ не долженъ быть ни апатіей отдыха, ни сномъ усталости, ни простымъ наслажденіемъ или торжествомъ по окончаніи дѣла. Общественному дѣлу нѣтъ конца, народамъ не суждено покоиться, пока они живы; а всякое дѣло есть своя борьба, — борьба съ предметомъ дѣятельности, борьба съ трудностями, борьба съ препятствіями, борьба съ расположеніемъ къ покою. Къ этой борьбѣ зоветъ насъ человѣческая наша природа, къ тому призываетъ насъ собственное положеніе, для того память наша хранитъ уроки прошедшаго, къ тому призываетъ насъ наше правительство. Изслѣдывать, находить, указывать различные источники для дѣятельности, и пользоваться этими источниками, для развитія матеріальнаго и духовнаго благосостоянія — вотъ программа, которой выполненія требуетъ

Digitized by Google

отъ насъ царственная воля Государя. И вотъ средства, помогающія порѣшенію задачи. Съ одной стороны гласность и публичность, сообщаемыя истинѣ и мнѣнію журналами, которыхъ число возрастаетъ видимо и быстро. Давно ли въ Москвѣ существовалъ только одинъ учено-литературный журналъ, Москвитянинъ, который уже съ нынѣшняго года привѣтствуетъ двухъ новыхъ товарищей на поприщѣ духовной дѣятельности, и при томъ весьма серьёзныхъ, и съ особымъ воззрѣніемъ у каждаго, такъ, что если одинъ изъ журналовъ защищаетъ западно-европейскій взглядъ, за то другой признаетъ только народно-русское воззрѣніе, и Москвитянину остается держаться своего всегдашняго начала: съ вѣрностію отражать въ себѣ настоящее, освѣщаемое разумнопонятымъ прошедшимъ. Съ другой стороны, могущественное средство развитія народа находится въ его образованіи, совершающемся при посредствѣ различныхъ учрежденій, которыя въ наше время такъ же обѣщаютъ возрастать въ числѣ, родѣ, устройствѣ, обнимая собою всѣ мѣстности земли, всѣ сословія народа, оба пола населенія. Великость этого явленія, въ царствованіе Александра II, видна уже изъ того, что Россія искони знаменовала свои историческія эпохи подобными учрежденіями, съ принятія Христіанства, съ освобожденія отъ Татарскаго ига, и уничтоженія удѣловъ, съ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, съ присоединенія Малороссіи, съ Петра В. Почаще да побольше такихъ блестящихъ точекъ въ нашей жизни, и мы будемъ имѣть довольно блага и блеску для завѣщанія потомству.

Указавши исходную точку, установленную для дѣятельности событіями, укажемъ для той же дѣятельности исходную точку, опредѣляемую литературой. Въ литературѣ знаменателенъ въ этомъ отношеніи вопросъ, предложенный Русскою Бесѣдою и поднятый Русскимъ Вѣстникомъ, съ Москов. Вѣдомостями,—вопросъ о воззрѣніи на науку, искусство и вообще духовную жизнь человѣка. Есть маленькое различіе въ оружіи противниковъ, изъ которыхъ одинъ ведетъ войну партизанскую, являясь три раза въ недѣлю на обществен-

Digitized by Google

ной аренѣ, и торжествуя побѣду по отсутствію соперника, который можетъ выходить на бой только четыре раза въ году; правда во всеоружіи, со всѣми запасами и снарядами, готовыми громить всякую мечтательную крѣпость ложныхъ теорій и взглядовъ; но за то съ невыгодою подновлять споръ за вопросъ забытый публикою, или къ которому она содѣлалась равнодушною. Не знаемъ, какъ отвѣтитъ въ свое время Русская Бесѣда на статью Вѣдомостей, помѣщенную на прошлой недѣлѣ; но считаемъ справедливымъ теперь же сказать свое мнѣніе о вопросѣ, который занимаетъ всякаго образованнаго человѣка. И вотъ въ чемъ состоитъ его общая занимательность.

Вопросъ о русскомъ воззрѣніи не установленъ, хотя онъ очень простъ. Неужели Русскому нельзя сдѣлать воззрѣнія на науку или искусство? А если можно, неужели не глядѣть ему, рожденному среди Руси и Русскаго народа, глазами Русскаго народа, просвѣщенными его вѣрою, нравами, исторіею? Развѣ иначе смотрѣлъ и смотритъ на то Французъ, Англичанинъ, Нѣмецъ? И развѣ можетъ человѣкъ отрѣшиться отъ среды, въ которой возросъ духовно и которою возмужалъ умственно? Истина одна, наука — одна, искусство — одно — для всего человѣчества; все это справедливо только въ идеѣ; наука — одна, какъ искомое, какъ цѣль стремленій, результаты же дѣйствительныхъ усилій на осуществленіе этихъ идей весьма различны, по мѣсту, времени, народности. Результаты идей ученыхъ составляютъ такъ же науку, какъ результаты во имя идей искусства — образуютъ искусство. Такъ наука и искусство, въ значеніи результатовъ, данныхъ въ извѣстное время, неужели для всѣхъ одни? И, что сдѣлала Европа, неужели только тѣмъ и пробавляться Россіи? Да вѣдь она не малолѣтокъ, котораго должно кормить изъ чужихъ рукъ; она можетъ, она должна сама искать и вырабатывать для себя свою духовную пищу. И такъ вопросъ о Русскомъ воззрѣніи есть вопросъ о народномъ воззрѣніи, не зависимомъ отъ западныхъ авторитетовъ. Прибавимъ, что Московс. Вѣдомости придали слову: авторитетъ, въ этомъ мѣстѣ, совер-

Digitized by Google

именно ложный смыслъ. Дѣло шло очевидно объ авторитетахъ литературныхъ; вѣдомости обратили ихъ въ авторитеты общественной жизни.

Вопросъ о Русскомъ, народномъ воззрѣніи, въ противоположность западному, европейскому, есть вопросъ о самобытности Руси и ея самостоятельности въ духовномъ отношеніи. Вопросъ не новый; онъ Русскій искони и вѣчно. Встарину не только спорили, ссорились, но дрались, воевали за это. Послѣ войнъ Руси съ Греками за бытіе матеріальное, послѣ войнъ Руси съ Половцами и Татарами за бытіе религіозное и политическое, настали войны съ Литвою и Ливоніею за бытіе самостоятельное, умственное. Петръ В. порѣшилъ борьбу въ пользу физическаго преобладанія Руси на ея западѣ, но въ то же время заставилъ этихъ побѣдителей слушаться шведскихъ уставовъ и шведскихъ плѣнныхъ. Повторилось, что разсказываютъ про Аннибала въ Капуѣ, и про Римлянъ, занявшихъ науку и искусство и всѣ воззрѣнія у Грековъ. И вотъ наше время предъявляетъ права свои на самобытное мышленіе, на собственное воззрѣніе, т.-е. на собственную дѣятельность, на собственный трудъ. Развѣ это не справедливо? Неужели то лишь вѣрно, что̀ сказано въ нѣмецкой или французской книгѣ, хоть бы то былъ краткій учебникъ? Неужели та лишь повѣсть хороша, которая сочинена въ Англіи и заимствована изъ англійской жизни? Неужели то лишь начало исторіи справедливо, которое высказано Гизо, Тьеромъ? Неужели та лишь философія истинна, которая вышла изъ головы Канта и Гегеля? Неужели тѣ лишь законы разумны, которые выданы во Франціи, Бельгіи, Германіи? Въ Россіи есть много своего, въ ея вѣрѣ, правительственныхъ началахъ, народной жизни, въ Русской Исторіи, что можетъ и должно сообщить нашей мысли основу, новую сторону, особый взглядъ свѣжій на область человѣческаго вѣдѣнія, которое только выигрываетъ отъ разнообразія, не теряя своего человѣческаго достоинства. Взглядъ Русскій есть тотъ же человѣческій взглядъ, только съ востока, со стороны, можетъ быть, болѣе освѣщенной.

Digitized by Google

Будемъ надѣяться; а между тѣмъ предложимъ для примѣра два-три вопроса, которые покажутъ дѣйствительное присутствіе въ исторіи и бытѣ Русской народа особыхъ основъ для воззрѣнія на исторію и на общественный бытъ народовъ. Такимъ образомъ мы коснемся здѣсь другаго спорнаго пункта литературы объ родовомъ бытѣ и общинности.

Вопросъ объ общинности до сихъ поръ имѣетъ видъ отрицательнаго предположенія, носитъ характеръ отрицательный. Имѣя въ виду подорвать основанія, на которыхъ опиралось предположеніе о родовомъ бытѣ древней Россіи, Г. Аксаковъ счастливо противополагалъ нѣкогда, въ Московскомъ Сборникѣ, бытъ общественный родовому. Принимая на себя разрушить предположенія г. Чичерина, по которому у насъ въ древности не было сельской общины, г. Бѣлявъ ясно доказываетъ, въ Русской Бесѣдѣ, несостоятельность мнѣній обсуждаемаго писателя, и необходимо наводитъ читателя на мысль, что въ Руси древней была и дѣйствовала общинность. Но что же такое сама эта община, общинность, и что такое быть общинный, столько въ исторіи крѣпкій, что пережилъ вѣка, и столько въ теоріи могучій, что помогъ уничтожить всякую противоположность! И по своему названію, и по своему противоположенію родовому и всякому другому быту, общинность, естественно, означаетъ особую форму общественной жизни народа. Община есть названіе для той связи лицъ, которою живутъ онѣ въ извѣстномъ мѣстѣ, городѣ, посадѣ, селѣ; общинность есть обозначеніе для жизни всего народа, если онъ живетъ по городамъ, посадамъ, селамъ, общинамъ. Жилъ ли нашъ народъ такою жизнію, жилъ ли онъ городами, селами, деревнями? Странно и предлагать подобный вопросъ людямъ, которые не совершенные невѣжды въ исторіи Россіи. Исконная древность Кіева, Новгорода, Смоленска, Суздаля, и т. д., неизвѣданная старина сельскихъ поселеній, о которыхъ упоминаютъ древнѣйшіе акты княжескихъ завѣщаній или договоровъ и правительственныя книги писцевыя, окладныя и т. д., все это ставитъ вопросъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но это—географическія общины,

Digitized by Google

связывавшія населеніе однимъ единствомъ мѣста, и допускавшія всякую другую связь внутри себя, въ средѣ самаго населенія; эти общины могли быть условлены союзомъ родства и единства происхожденія, — могли быть основаны и устроены по началу родоваго быта? Вотъ въ чемъ собственно расходятся предположенія о бытѣ родовомъ и общинномъ,—въ древней Россіи. Первое силится доказать, что напр. Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ построены родичами, населены родичами, и управлялись по родовымъ законамъ; и его не смущаетъ вопросъ о родствѣ двухъ сотъ, или даже тысячи, десяти и сорока тысячъ родственниковъ, сознающихъ свое родство, имѣющихъ въ средѣ своей родоначальника, и повинующихся ему, какъ общему отцу. Противоположная сторона уже въ этомъ видитъ невозможность предположенія о родовомъ бытѣ, находитъ и въ городахъ, и въ посадахъ, и въ селахъ и даже деревняхъ весьма много разнообразныхъ семействъ и фамилій, родовъ и племенъ, и необходимо приходитъ къ заключенію, что эта разнородная масса связывалась не родствомъ, управлялась не родовымъ произволомъ, а правилами, которыя вытекали изъ общей жизни, общихъ нуждъ и общихъ пользъ всего населенія, по началамъ общинности. И такъ вотъ въ чемъ вопросъ. Его должно было установить, прежде чѣмъ ратовать. Безъ этого г. Чичеринъ докажетъ, пожалуй, что сельскія общины у насъ существуютъ только съ Екатерины В., — что встарину города у насъ не отдѣлялись отъ селъ и деревень, а смѣшивались, и неизвѣстно почему носили названіе городовъ,—и что въ селахъ и деревняхъ, слѣдов. и въ городахъ, населенія настоящаго не было, оно постоянно ходило съ мѣста на мѣсто, постоянно шаталось, и народъ Русскій великаго Московскаго государства кочевалъ, не былъ народомъ — до XVIII столѣтія! — Дѣло идетъ не о внѣшней формѣ народнаго быта, а объ его внутреннемъ союзѣ и управленіи. Деревни, села, посады, города, существовали, какъ и въ наше время; въ общинахъ жилъ древній Русскій народъ, какъ и современный. Какъ онъ жилъ тутъ и дѣйствовалъ? Г. Чичеринъ хотѣлъ оказать су-

Digitized by Google

щественную пользу своей стороне, представивши на дѣлѣ бытъ древнихъ сельскихъ общинъ, безъ общиннаго управленія, и оказалъ услугу противникамъ, выведши вопросъ на свѣтъ событій, на свѣжую воду. Прежде всего кидается въ глаза, что отвергая общинное устройство селъ и деревень, г. Чичеринъ ни однимъ словомъ не подтверждаетъ предположенія о господствѣ въ нихъ родоваго быта, называя наши древнія общины владѣльческими и т. п., и только *во времена до Рюрика*—патріархальными, или родовыми. Довольно уступки. Съ другой стороны, не можетъ не броситься въ глаза и то обстоятельство, что г. Чичеринъ исключительно толкуетъ о селахъ, деревняхъ, и почти никогда не обращается къ посадамъ, слободамъ, торгамъ, городамъ, которые, при господствѣ родоваго быта въ Руси, имѣли бы существенно аналогическое или тождественное устройство. Наконецъ и въ этомъ ограниченномъ воззрѣніи на историческое развитіе сельскихъ общинъ онъ дѣйствуетъ преимущественно доказательствомъ отрицательнымъ; въ пользу своего мнѣнія онъ дѣлаетъ предположенія, а противникамъ говоритъ, что будто у нихъ нѣтъ документовъ для того или другаго положенія объ управленіи общинъ по селамъ и деревнямъ, слѣдственно такого управленія не было, onus probandi, переносится на другую сторону. Этимъ объясняется выборъ задачи. Труднѣе представить документы объ управленіи въ селахъ и деревняхъ до XVII, XVI вѣк., чѣмъ для подобнаго управленія въ городахъ, Новгородѣ, Псковѣ; а потому отрицаніе дѣлается, какъ бы законнымъ, и изложеніе автора идетъ побѣдоносно. Но г. Бѣляевъ, въ своей статьѣ, до очевидности показалъ несостоятельность предположеній г. Чичерина и документальность, возможную для нашего времени, общиннаго устройства нашихъ древнихъ селъ и деревень.—Съ своей стороны, отмѣтимъ здѣсь только то, въ чемъ сходятся и соглашаются обѣ стороны. Г. Чичеринъ допускаетъ, по совершенной невозможности отвергнуть, что наша древняя сельская община связывалась *экономическими, хозяйственными видами, интересами* и т. п., и сверхъ того, что эта сельская община составляла союзъ, по которому

Digitized by Google

она отвѣчала за голову человѣка, убитаго или найденнаго убитымъ на ея землѣ.—Ясно, что о родовой связи тутъ не можетъ быть рѣчи, что союзъ общины былъ и постояненъ, какъ платежъ подати и дани, и крѣпокъ, какъ отвѣтственность за убійство, совершенное на землѣ общины, и необходимъ, какъ явленіе, опредѣляемое мѣстомъ поселенія, предѣлами поземельнаго владѣнія. Находя такую связь между членами сельскихъ общинъ, въ Россіи XVII, XVI вѣка, недолжно выпускать изъ виду подобную же связь между членами общинъ по Русской Правдѣ, XII, XI вѣка. Распоряженія Русской Правды о верви, на землѣ которой лежитъ голова убитаго, извѣстны всѣмъ и каждому; а смыслъ ихъ и значеніе ясны съ перваго слова. Верви, а впослѣдствіи общины другихъ названій отвѣчали за всякое убійство, совершенное на ихъ землѣ, неизвѣстно кѣмъ изъ членовъ; стало быть отвѣчали всѣ члены за одного, и одинъ отвѣчалъ за всѣхъ. Если верви отвѣчали тѣмъ, другимъ платежемъ или дикою вирою, стало быть онѣ имѣли обязанность и право отыскивать виновнаго, преслѣдовать его. Если верви имѣли и обязанность и право преслѣдовать убійцу и выдавать его, по востребованію князя, съ прихода Рюрика; стало быть, до него онѣ имѣли право сами судить виновнаго такъ или иначе. Право суда должно было хоть частію остаться за общинами, въ родѣ верви, а право надзора за происшествіями внутри своихъ предѣловъ, и власть распорядка съ виновными сочленами должно было постоянно находиться въ рукахъ общинъ, отвѣчавшихъ за голову убитаго. И все это предполагаетъ внутреннее управленіе собственное, общее, общинное. Къ тому же вела отвѣтственность общины за платежъ дани и податей, которыя слѣдовали съ ея членовъ; отвѣтствуя передъ казною за недоимки и несостоятельность каждаго изъ своихъ членовъ, община необходимо имѣла власть надъ этими членами, власть ограничивать произвольный выходъ, право требовать дѣятельности, сообразной съ обычаями мѣстности, право распредѣлять участки между членами, и облагать ихъ повинностями. Все это не могло не

Digitized by Google

родить вліянія общины на самыя земли, и не содѣлать ихъ принадлежностію общины и ея правомъ. Присоединимъ къ тому, что народъ нашъ, живя по деревнямъ и селамъ, и устровая по селамъ церкви, не могъ не образовать особенной связи народной по приходамъ, которые имѣли свои общія обязанности, повинности, и свое общее, общинное управленіе. Не имѣя въ виду подробно излагать здѣсь вопросъ о русскихъ общинахъ, мы указываемъ на самыя общія, всѣмъ извѣстныя связи народа, которыя не могли не образовать общинъ сельскихъ. Общинность городовъ съ ихъ вѣчемъ, собственнымъ судомъ и управленіемъ, не подлежитъ сомнѣнію, и мы можемъ пристать къ сторонѣ, доказывающей, что русскій народъ древности жилъ и дѣйствовалъ по началамъ общинности, а не родовой или патріархальной связи. И сколько слѣдствій вытекаетъ для науки и научнаго взгляда на исторію, разсматриваемую подъ вліяніемъ общиннаго начала!

(До слѣд. книги.)

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) **СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА** Смоленской губерніи *составлена Я. Соловьевымъ, начальникомъ бывшаго Смоленскаго отряда уравненія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ. Издана иждивеніемъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.* Москва. 1856.

Статистику Россіи мы знаемъ плохо, хотя имѣемъ довольно большое количество сочиненій по этому предмету, написанныхъ лицами разныхъ сословій, или по собственному побужденію, или по порученію правительства. До сихъ поръ статистическіе труды у насъ недостаточны, ибо не вполнѣ обнимаютъ все наше пространное отечество, многія части котораго ждутъ еще опытныхъ статистиковъ, которые бы своими описаніями представили вѣрную картину ихъ промышленности, производительности, быта жителей и богатства, скрывающагося во мракѣ неизвѣстности отъ людей ученыхъ и предпріимчивыхъ промышленниковъ. По этому всякое сочиненіе въ этомъ родѣ, написанное съ желаніемъ пользы и сколько нибудь удовлетворительно, мы готовы встрѣтить одобрительнымъ привѣтомъ.—Сочиненіе Г. Соловьева, составленное на основаніи вѣрныхъ и полныхъ источниковъ, съ знаніемъ дѣла, съ любовью къ своему предмету, должно непремѣнно обратить на себя вниманіе не только спеціалистовъ, но и людей образованныхъ всѣхъ классовъ и сословій. Для жителей же Смоленской губерніи, сельско-хозяйственная статистика этого края должна быть книгой настольной.

Прежде г. Соловьевъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ свои ститистическія статьи: теперь онъ является на судъ образованной публики съ сочиненіемъ полнымъ, не отрывочнымъ, почерпнутымъ, какъ мы уже сказали, изъ вѣрныхъ и обильныхъ источниковъ. Весьма важно то, что авторъ, успѣвъ во время многочисленныхъ переѣздовъ по Смоленской губерніи ознакомиться съ своимъ дѣломъ съ многоразличныхъ сторонъ, руководствуется самостоятельнымъ взглядомъ.

Digitized by Google

2) **О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛАХЪ РОССІИ,** *сочиненіе тайнаго совѣтника, члена Государственнаго совѣта, Л. В. Тенгоборскаго. Части 2 выпускъ 1-й, переводъ Н. В. Вернадскаго.* Москва. 1855.

Книга г. Тенгоборскаго, заслужившая европейскую извѣстность, написана на французскомъ языкѣ; талантливой и трудолюбивой профессоръ нашего университета, Н. В. Вернадскій предпринялъ переводъ этого знаменитаго сочиненія на русскій языкъ, чѣмъ и заслужилъ полную благодарность. Остается получить новыя разсужденія на указанные предметы.

3) **ЗАПИСКИ КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,** книжка III, *изданная подъ редакціею В. А. Вердеревскаго.* Тифлисъ. 1855.

Русское Географическое общество, для успѣшнѣйшаго занятія своимъ предметомъ и для полнѣйшаго собранія тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть сообщены только жителями отдаленныхъ странъ Россіи, имѣетъ нѣсколько отдѣленій.

Первая статья принадлежитъ П. Ф. Риссу и знакомитъ насъ съ Талышинцами, ихъ образомъ жизни и языкомъ. Въ другой статьѣ князь Р. Д. Эристовъ описываетъ Тушино-Пшаво Хеврускій округъ. Обѣ статьи написаны съ знаніемъ дѣла и весьма любопытны, какъ описаніе малоизвѣстнаго намъ края и образа жизни его обитателей; но, не унижая достоинства трудовъ г. Рисса и князя Эристова, мы отдаемъ преимущество предъ нимъ статьѣ г. Н. А. Бартоломея, помѣщенной въ этой книжкѣ подъ названіемъ: Поѣздка въ вольную Сванетію. Всякій европейскій журналъ съ удовольствіемъ украсилъ бы листы свои подобной статьей.

4) **ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ПОМѢЩИКОВЪ И СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ,** соч. Крейсига, *переведя и пополнивъ съ примѣчаніями* С. Усовъ. *Изданіе 3-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное.* Спб. 1856.

Книга Крейсига написана слишкомъ двадцать лѣтъ, и давно уже переведена г. Усовымъ на русской языкъ. Нынѣ этотъ переводъ достигаетъ третьяго *вновь пересмотрѣннаго и дополненнаго* изданія. Скажите, пожалуйста, неужели въ двадцать лѣтъ сельское хозяйство не сдѣлало никакихъ успѣховъ,—и ручныя книги, вспомогательныя книги, руководства для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ, написанныя въ двадцатыхъ годахъ, могутъ быть удовле-

Digitized by Google

творительны и теперь?—Сомнѣваемся. Въ это время явились новыя потребности хозяйственной производительности, улучшились сообщенія, которыя сдѣлали удобнѣе сбытъ произведеній; нѣкоторыя производства вытѣснены другими гораздо выгоднѣйшими и полезнѣйшими, развитію которыхъ прежде мѣшали причины, уже устраненныя въ настоящее время. Соображая все это, не можемъ не сознаться, что книга г. Крейсига, не смотря на свое достоинство не современна.

5) **бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ** Пр. Я. Линовскаго. **скотоводство и шелководство.** М. 1856.

Покойный профессоръ Линовскій принадлежалъ къ числу молодыхъ профессоровъ, и неутомимо, съ пользою, трудился для науки. Еще прежде вышла первая книга Бесѣдъ его о сельскомъ хозяйствѣ; теперь вышла вторая, содержащая въ себѣ разсужденія о шелководствѣ и скотоводствѣ. Не смотря на спеціальность ея, она читается съ удовольствіемъ и не спеціалистами,—а это достоинство немаловажное! Какъ сочиненіе умнаго, образованнаго и современнаго агронома, Бесѣды покойнаго Линовскаго должны занять почетное мѣсто въ средѣ книгъ, написанныхъ по этому предмету. Нельзя сказать того же о брошюрѣ, напечатанной въ Москвѣ подъ названіемъ:

6) **полное наставленіе къ разведенію, выращиванію и употребленію сахарнаго сорго,** *дающаго двѣсти пудъ сахару съ десятины, — кромѣ краски на подобіе Ка(о) шенили, здоровой и вкусной пищи для народа, выгоднаго корма для домашней скотины, бумаги на подобіе Ватманъ, спирта, шипучаго напитка и другихъ предметовъ, получаемыхъ также отъ него,* М. Румакина. М.

Прочитавъ это длинное заглавіе, мы вспомнили о тѣхъ вѣрнѣйшихъ способахъ быть богатымъ, здоровымъ и долговѣчнымъ, или тысяча и одномъ секретѣ, какъ солить огурцы, составлять копытную мазь, сочинять столѣтній элексиръ, выращивать на плѣшивыхъ головахъ волосы, умножать свои доходы посредствомъ посѣва канареичнаго сѣмени, оберегать сады отъ заячьихъ набѣговъ посредствомъ спущенной съ цѣпи гончей собаки, излечивать водобоязнь отъ укушенія бѣшеной собаки шиповникомъ, сберегать индѣичьихъ цыплятъ, намазывая имъ головы деревяннымъ масломъ и проч.

Digitized by Google

и проч.—однимъ словомъ, тѣ книгопродавчатыя изданія, которыя развозятся по всѣмъ концамъ Россіи промышленниками, извѣстными подъ именемъ *афеней*, обманываютъ добродушныхъ провинціаловъ, и ловко извлекаютъ изъ ихъ кармановъ рубль, сберегаемый на черный день.

Вотъ видете ли въ чемъ дѣло: Недавно кто-то открылъ въ Китаѣ особенный родъ проса, стебли котораго содержатъ въ себѣ много сахаристаго начала. Просо это, называющееся сорго, разводится въ сѣверной части Китая, и, стало быть, можетъ хорошо акклиматизироваться въ средней части Европы. Сѣмена сорго были вывезены изъ Китая и розданы лучшимъ и ученѣйшимъ германскимъ сельскимъ хозяевамъ. Это растеніе, дѣйствительно, можетъ переносить климатъ даже сѣверной Германіи. Людьми образованными и дѣльными оно было подвергнуто многоразличнымъ опытамъ, которые доказали, что оно для сахарнаго производства можетъ съ пользою замѣнить свекловицу, содержитъ въ себѣ красильныя части, а сѣмена его могутъ быть питательны для человѣка. Результаты этихъ опытовъ были сообщены нашими учеными въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, и сѣмена сорго появились въ продажѣ у многихъ сѣменоторговцевъ. — Авторъ изъ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, составилъ книжку съ длиннымъ заглавіемъ, выписаннымъ нами слово въ слово, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что у издателя можно получать сѣмена сорго, но позабылъ прибавить, что въ другихъ мѣстахъ можно получить гораздо дешевле.

7) **КАБИНЕТЪ МАГИКА** *или шестьдесятъ опытовъ натуральной магіи* и проч., *составленное* М. Ж. Спб. 1856.

Вотъ это такъ чисто книгопродавческая выходка! Были же охотники, которые платили Боско, Мольдуано и прочимъ искусникамъ въ этомъ родѣ по двадцати пяти рублей за открытіе каждаго фокуса, а тутъ за два двугривенныхъ вамъ открываютъ ихъ 60!

8) **ВРАЧЕБНО-КОМНАТНАЯ ГИМНАСТИКА**, соч. доктора Шребера, *съ 45 ксилографическими изображеніями* М. 1856.

Польза гимнастики безспорна и признана всѣми: она была извѣстна древнимъ за тысячу лѣтъ до Р. Х: въ VI вѣкѣ до нашей эры мы встрѣчаемъ достовѣрныя описанія заведеній, учрежденныхъ въ Греціи для гимнастическихъ упражненій. Грекъ въ особенности поклонникъ изящнаго въ формѣ, требовалъ отъ человѣка пропорціональности въ тѣлосложеніи, стройности движеній, силы мускуловъ;

Digitized by Google

а до всего этого въ большей или меньшей мѣрѣ онъ достигаетъ гимнастическими упражненіями. Благодаря этому физическому образованію, Греція для своихъ художниковъ имѣла натурщиковъ, по которымъ произведены тѣ высоко-художественныя произведенія, которыя дивятъ своею красотою. Благодаря тому же физическому образованію, Греція имѣла баснословныхъ атлетовъ и могущественныхъ бойцовъ, которые, съ малолѣтства пріученные къ движенію и тяжелымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, могли составить непобѣдимую фалангу Александра Македонскаго. Потомъ мы видимъ развитіе гимнастическихъ упражненій въ Римѣ вплоть до того времени, когда римскіе граждане, разбогатѣвъ грабительствомъ цѣлаго міра, изнѣжились въ своихъ роскошныхъ домахъ и еще роскошнѣйшихъ теремахъ и предоставили труды и военную службу отпущенникамъ и варварамъ. У средневѣковыхъ народовъ мы также находимъ гимнастическія упражненія; каждый рыцарь германскій, каждый вивязь славянскій съ малолѣтства пріучался къ трудной жизни воина; для развитія юношескихъ силъ вездѣ, гдѣ только собирались молодые люди затѣвались бѣганье, борьба, кулачные бои, турниры, боевыя игрушки.... Съ исчезновеніемъ рыцарства на Западѣ осталось фехтованіе, танцы, верховая ѣзда, а у насъ стрѣляніе изъ лука, пляска и наѣздничество. Въ послѣднее время гимнастика примѣнена была въ ортопедическихъ институтахъ къ излеченію многихъ тѣлесныхъ недостатковъ.

Шреберъ недоволенъ общепринятой гимнастикой, и находитъ, что фехтованіе, верховая ѣзда, постепенное пріученіе себя къ поднятію тяжестей только насилуетъ природу человѣка. Онъ создаетъ особенную систему: по его системѣ надобно въ день пятьсотъ разъ присѣдать, триста разъ махать руками, двѣсти разъ выворачивать ноги, (отъ послѣдняго онъ избавляетъ женщинъ, но отнюдь не дѣвушекъ), полтораста разъ повертывать голову направо и налѣво, однимъ словомъ ничего не дѣлать, кромѣ этихъ пріятныхъ упражненій. Не знаемъ, въ какой степени эта книга полезна, но читать ее очень забавно.

9) **ПОСЛѢДНІЕ СЛѢДЫ СЭРА ДЖОНА ФРАНКЛИНА,** *съ картою новѣйшихъ открытій на сѣверѣ.* Спб. 1855.

Тщетны были всѣ поиски, предпринятые для отысканія смѣлаго мореплавателя, среди ужасовъ арктическихъ странъ,—сэръ Джонъ Франклинъ не найденъ, и, по видимому, Англичане окончательно убѣдились въ его погибели. Но экспедиціи, отправлявшіяся съ цѣлью

Digitized by Google 770968A

отыскать его, принесли пользу наукамъ естественнымъ и мореплаванію. Въ этомъ, конечно, убѣждаетъ насъ не прочитанная нами только сейчасъ книга, а тотъ рядъ дѣльныхъ статей и отчетовъ, которые были помѣщены въ англійскихъ и французскихъ журналахъ и переводы которыхъ иногда являлись у насъ. Что же касается до книжки «Послѣдніе слѣды Сира Джона Франклина и проч. то это не иное что какъ компиляція, составленная въ слѣдствіе спекулятивныхъ требованій лондонскихъ книгопродавцевъ, и переведенная на русскій языкъ, повидимому, съ французскаго перевода.

10) **РОССІЙСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ КНИГА**, *издаваемая* княземъ Петромъ Долгорукимъ *часть третья*. Спб. 1856.

Издатель этой книги, побуждаемый любовью къ своему предмету, трудится добросовѣстно, и, сколько возможно для одного человѣка принявшаго на себя такую огромную работу, удовлетворительно. Честь ему и слава и благодарность!

11) **КРАТКАЯ ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ** въ простыхъ разсказахъ Н. Берте. *Второе изданіе.* Спб. 1856.

Краткая Всеобщая исторія отличается краткостію и дѣльностью. Это прекрасный учебникъ для начинающихъ учиться исторіи. 6,000 экземпляровъ перваго изданія разошлись очень скоро, и вотъ является второе изданіе, которому мы смѣло предсказываемъ такой же успѣхъ, какъ и первому.

12) **РАЗСКАЗЫ ДѢТЯМЪ ОБЪ ИХЪ ОТЦАХЪ И БРАТЬЯХЪ.** *Изданіе* В. Генкеля. 1855.

Разсказы, слышанные въ эпоху самой сильной впечатлительности, въ эпоху дѣтства, глубокими, очень часто неизгладимыми чертами врѣзываются въ память. У иного мечтательность остается на всю жизнь, какъ слѣдствіе фантастическихъ сказокъ старой няни, которая любила разсказывать дѣтямъ похожденія жаръ птицы, царевны-лягушки, объ заинкѣ-горностаинкѣ и проч. Няня радуется, что дѣти, слушая ее сидятъ смирно, не шевельнутся, не пикнутъ, точно какъ *тѣсто на опарѣ*, и нисколько не подозрѣваетъ, что ея разсказы глубоко забрасываютъ сѣмена мечтательности въ душу маленькой Нади и развиваютъ силу воображенія насчетъ силы соображенія въ мозговыхъ органахъ Ѳединьки. Всякій можетъ судить, много ли толку и проку въ мечтательной дѣвушкѣ, которая съ безотчетною тоскою смотритъ на луну, съ нетерпѣніемъ ждетъ избранника своего сердца, двадцать разъ въ продолженіе своей дѣ-

Digitized by Google

вической жизни говоритъ: *Вотъ онъ*,—двадцать разъ влюбляется, очаровывается, разочаровывается, или въ женщинѣ, которая въ сорокъ пять лѣтъ не перестаетъ мечтать, очаровываться, разочаровываться, или въ мужчинѣ, который въ молодыхъ годахъ предается восторженности, въ совершенныхъ лѣтахъ фантазіи, и оканчиваетъ иногда мистицизмомъ, ничего не разрѣшающимъ. Разсказы нянюшекъ посѣваютъ въ душу ребенка—иногда на всю жизнь суевѣріе, мнительность, страхъ.... Вотъ почему мы всегда съ удовольствіемъ встрѣчаемъ занимательные дѣтскіе разсказы, написанные умнымъ авторомъ. А дѣти любятъ разсказы. Всѣ эти мысли пришли намъ на умъ при чтеніи Разсказовъ дѣтямъ объ ихъ отцахъ и братьяхъ, — разсказовъ, изданныхъ г. Генкелемъ. Умѣетъ ребенокъ читать, дайте ему эту книгу въ руки; не умѣетъ — прочитайте ему сами. Дѣти охотно, и съ пользою будутъ читать сами или слушать отъ васъ, какъ современные богатыри войска Русскаго мужественно и храбро шли на святую брань за Вѣру, Царя и отечество, безропотно умирали, исполняя свой долгъ, великодушно обращались съ побѣжденнымъ врагомъ: — они во сто разъ выше душою и дѣлами всѣхъ сказочныхъ витязей! Да, очень пріятно было бы, ежелибъ встрѣчалось подобныхъ занимательныхъ дѣтскихъ книгъ поболѣе.

13) **О ЗВАНІИ ГЕНЕРАЛА**, *или о воспитаніи, познаніяхъ и достоинствахъ, нужныхъ главнокомандующимъ и прочимъ офицерамъ для командованія арміями. Сочиненіе* Дюро Ласаль, Перевелъ г. Сведерусъ. Спб. 1855.

Наука ли образуетъ великихъ полководцевъ? — Военныхъ критиковъ, кабинетныхъ тактиковъ, военныхъ историковъ — безспорно образуетъ наука; но, чтобъ быть великимъ полководцемъ, одной науки мало конечно. Съ невѣжествомъ или даже полуобразованіемъ нельзя быть хорошимъ военоначальникомъ; но, чтобъ быть великимъ полководцемъ, надобно имѣть геній соображенія, творчества, всегдашнее присутствіе духа, познаніе людей. — Этого одна спеціальная наука дать не можетъ: прежде всего нужны врожденныя качества, развитыя образованіемъ. По поводу разбираемой нами книги, намъ представляется другой вопросъ: Можетъ ли быть составлено руководство для образованія главнокомандующаго?—Руководства для образованія торговца, сельскаго хозяина, законовѣда, профессора и проч. могутъ существовать, потому что они необходимы для людей при началѣ избираемаго ими поприща. Кто же

Digitized by Google

и когда избиралъ себѣ поприще главнокомандующаго? Кто, вступая въ военную службу, съ увѣренностью можетъ сказать: я буду двигать массами войска, буду рѣшать судьбу государствъ и цѣлаго міра? Говорятъ: плохой тотъ солдатъ, который не думаетъ быть генераломъ. Поговорка хороша; но согласитесь, смѣшенъ тотъ прапорщикъ, который, вчера выскочивъ въ офицеры, думаетъ сдѣлаться вторымъ Наполеономъ или Суворовымъ. Руководства, подобныя настоящему, могутъ ли быть полезны тому, кто своими талантами, умомъ или долговременной службой выдвинувшись впередъ, становится во главѣ воинства? Для человѣка съ талантомъ они безполезны; потому что талантъ его не уляжется въ ихъ педантическія рамки, и при томъ они не скажутъ ему ничего новаго. Безсильной же старости, съ годами достигшей до первой роли въ военномъ мірѣ, принявшей главное начальство надъ войсками по вакансіи, поздно учиться по руководствамъ. Однако не мѣшаетъ со вниманіемъ прочитать руководство Дюро Ласаля въ переводѣ г. Сведеруса, тѣмъ болѣе, что авторъ этой книги извѣстенъ по другому своему сочиненію, написанному имъ въ 10 томахъ подъ заглавіемъ: Droit et législation raisonée des armes de terre et de mer,—сочиненію, пользующемуся особеннымъ уваженіемъ въ кругу военныхъ писателей и преподавателей военныхъ наукъ.—Въ чемъ же заключаются совѣты ученаго автора? Онъ совѣтуетъ приготовлять главнокомандующихъ съ *раннихъ лѣтъ*: какъ будто возможно предвидѣть, что кадетъ непремѣнно будетъ главнокомандующимъ! не очень спеціальнымъ образованіемъ, развитіемъ ихъ способностей словесными и историческими науками, находитъ нужнымъ вездѣ учрежденіе библіотекъ, доступныхъ молодымъ офицерамъ; требуетъ производства въ высшіе чины не по вакансіямъ, а за отличіе. Тѣмъ изъ офицеровъ, которые своимъ образованіемъ и знаніемъ дѣла обратили на себя вниманіе начальства, по его мнѣнію, необходимо познаніе самого себя и усовершенствованіе своихъ физическихъ качествъ.... довольно покуда и этого. Разсмотримъ эти требованія руководства Дюро Ласаль. Допустите не спеціальное, а энциклопедическое образованіе у молодаго человѣка: онъ будетъ знать всего понемногу и ничего основательно; и потому прежде, нежели онъ достигнетъ званія генерала, его товарищи, спеціально приготовленные по какой нибудь части, и зная ее превосходно, болѣе принесутъ пользы въ военномъ дѣлѣ, скорѣе обратятъ на себя вниманіе начальства, и всегда въ глазахъ правительства станутъ выше недоученаго энциклопедиста. Энциклопедическое образованіе необходимо, но не одно, а вмѣстѣ съ какою-

Digitized by Google

нибудь спеціальностію. Развитіе умственныхъ способностей большимъ изученіемъ историческихъ и словесныхъ наукъ, безспорно, очень полезно; но это столько же полезно и главнокомандующему, сколько дипломату, администратору, юристу, агроному, всякому порядочному, т. е. образованному человѣку, а не вождю войскъ въ особенности. Доступность библіотекъ молодымъ офицерамъ, для дальнѣйшаго ихъ умственнаго развитія, необходима, и надобно сожалѣть, что она не во всякомъ мѣстѣ возможна. Нельзя не согласиться, что нужно принимать всѣ мѣры для отвращенія этого неудобства. У насъ во многихъ полкахъ заведены или были заведены полковыя библіотеки. Производство достойныхъ офицеровъ въ высшіе чины не по ваканціи, а за отличіе допускается вездѣ, кромѣ Англіи. Производство за отличіе очень сильно въ особенности во Франціи и Россіи. Познаніе самого себя необходимо для каждаго добраго человѣка, какъ для мирнаго гражданина, такъ и для воина. Усовершенствованіе физическихъ качествъ нужно для бойца, а не для главнокомандующаго. Ужели вы, г. Дюро Ласаль, скорѣе препоручите армію человѣку, который имѣетъ хорошее зрѣніе, но не имѣетъ соображенія, присутствія духа, геніальности вождя, чѣмъ тому, который имѣетъ это все, но близорукъ, — препоручите потому только, что маркизъ Тальяръ отъ близорукости потерялъ сраженіе при Гохталѣ? Вы, ученый авторъ, вѣрно позабыли, что вашъ маркизъ Тальяръ былъ близорукъ не только физически, но и нравственно. Пожалуй вы скажете, что и красота тѣлесная необходима для главнокомандующаго; но Суворовъ и Кутузовъ не были красавцами, Наполеонъ былъ пигмей по росту, Фридрихъ Великій не могъ похвалиться физическимъ могуществомъ....

Отъ военно-ученаго умозрительнаго руководства перейдемъ къ книгѣ положительной, но необходимой для всѣхъ военныхъ. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о сборникѣ, вышедшемъ подъ названіемъ:

14) **КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ,** *составленная по* Высочайшему повелѣнію *трудами полковниковъ*: Карцова, Платова, Рутенберга, *подполковниковъ*: Зотова, Карцова, Анненкова, Бушена, *штабсъ-капитана* Шевелева, *поручика* Карцова, *доктора медицины* Финне и надворнаго совѣтника Востимаго, *подъ общею редакціею генералъ-маіора* Милютина. Спб. 1855 г. Въ 18 д. съ 400 чертежей, 15 отдѣленій, въ 3 ч.

Digitized by Google

Первая часть этой книги заключаетъ въ себѣ отдѣленія I, II, III, IV, V и VI. Здѣсь помѣщены статьи, относящіяся до устройства войскъ, военнаго управленія и законодательства по части инспекторской, хозяйственной и военно-судной.

Во второй части, содержащей въ себѣ отдѣленіе VII, VIII, IX и X, находится краткое изложеніе уставовъ службы всѣхъ родовъ оружія, строевой, полевой, гарнизонной и внутренней.

Третья часть, самая любопытнѣйшая и состоящая изъ XI, XII XIII, XIV и XV-го отдѣленій, сообщаетъ полезнѣйшія для практическаго примѣненія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ военнаго искусства, а именно по части артиллерійской, инженерной, топографической, медицинской и наконецъ руководства о выборѣ лошадей и верховой ѣзды. Въ заключеніе приложенъ маленькій календарь, съ обозначеніемъ Господнихъ праздниковъ, царскихъ, викторіальныхъ и кавалерскихъ дней, и съ указаніемъ, когда въ какой быть формѣ. Здѣсь также помѣщены таблицы мѣры, вѣсовъ и другія т. п. свѣдѣнія. Это полное прекрасно-составленное энциклопедическое руководство для военныхъ чиновъ всѣхъ званій и оружій. Карманная справочная книжка стоитъ 3 р. с.

X. Z.

Digitized by Google

Замѣтка на матеріалы для біографіи А. С. Пушкина.

Ученый и добросовѣстный составитель матеріаловъ для біографіи нашего великаго поэта, П. В. Анненковъ, въ 1-мъ томѣ сочиненій Пушкина, (стр. 291) сообщаетъ публикѣ, что, между прочимъ, Пушкинъ хотѣлъ написать драматическій очеркъ подъ названіемъ: Берольдъ или Беральдъ Савойскій. Въ посмертныхъ бумагахъ Александра Сергѣевича этого очерка не найдено, и былъ ли онъ написанъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, всѣмъ, кто только дорожитъ памятью Пушкина, весьма свойственно знать даже имена тѣхъ лицъ, которыя занимали его творческое воображеніе. Г. Анненковъ присовокупляетъ: имя это (Берольдъ или Беральдъ Савойскій) намъ совершенно незнакомо. Предоставляемъ людямъ, болѣе насъ опытнымъ, и библіографамъ, объяснить его, что̀ напрасно старались сдѣлать мы сами, а пока остаемся при мнѣніи, что герой предполагавшейся сцены — лицо выдуманное.

Такое добросовѣстное объясненіе, должно вызвать такое же добросовѣстное изысканіе относительно сомнительнаго дѣла.

Не имѣя чести принадлежать ни къ числу опытныхъ людей въ литературѣ, ни къ числу библіографовъ, — я все-таки честь имѣю довести до свѣдѣнія издателя сочиненій Пушкина, что Беральдъ Савойскій лицо извѣстное литературѣ.

Повѣсть объ этомъ сѣвломъ рыцарѣ и несчастномъ любовникѣ, повѣсть во вкусѣ Боккаччіо, напечатана въ книгѣ, заглавіе которой выписываю буквально:

Bibliotheque de Campagne, ou Amusements de l'esprit et du coeur. Tome septiéme. A la Haye, chez Jean Neaulme.

M. DCC. XXXVIII (стр. 165—257).

Эта повѣсть, можетъ быть давшая Пушкину мысль написать драматическій очеркъ, называется: Beralde, prince de Savoye. Въ концѣ ея сказано, что Беральдъ былъ родоначальникомъ дома принцевъ Савойскихъ.

Князь Костровъ.

Г. Минусинскъ,
2 апрѣля 1856 года.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстія изъ Пензы.

I.

О МИРѢ (*).

Извѣстіе о заключенномъ мирѣ прибыло къ намъ со вчерашнею почтою, и со всѣмъ тѣмъ, что мы были уже предварительно увѣрены, что эта почта привезетъ намъ окончательное миролюбивое рѣшеніе Парижской конференціи, со всѣмъ тѣмъ всеобщая радость проявилась на всѣхъ лицахъ, и вмѣстѣ съ радостію глубокая благодарность и признательность къ нашему благодушному Царю, великодушно рѣшившему эту страшную борьбу.

Прочь отъ насъ всякое безпокойное чувство, касающееся нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Россіи. Уступки — принадлежность великодушія и могущества, но не безсилія. Прочь отъ насъ сомнѣніе въ будущности. Будущность для народа не въ рукахъ человѣка. Законъ для нее начертанъ святымъ Провидѣніемъ, а правила намъ извѣстны. Соблюдемъ правила — и будущность наша будетъ покойна и свѣтла, и грозна будетъ Россія для внѣшнихъ враговъ нашихъ, и честь, и слава и могущество наше, останутся непоколебимы.

Но заботясь объ охраненіи Россіи отъ внѣшнихъ враговъ, постараемся ее избавить отъ внутреннихъ. Ихъ немного. Всего только четыре врага со своими ассистентами. Именно:

1-й врагъ — *лесть*, сопровождаемая ложью и обманомъ.

2-й врагъ — *корысть*, при четырехъ своихъ неизмѣнныхъ спутникахъ: невѣжествѣ, пронырствѣ, воровствѣ и грабительствѣ.

3-й врагъ — *невѣдѣніе элементовъ русскихъ*, подкрѣпляемое

(*) Редакція получила эти двѣ статьи изъ Пензы отъ почтеннѣйшаго своего сотрудника Ивана Васильевича Сабурова, (которому читатели обязаны очеркомъ Исторіи земледѣлія въ Англіи см. N 23 и 24), но, сознается, не рѣшалась ихъ напечатать, какъ вдругъ появленіе первой статьи, въ N Сѣверной Пчелы ее ободрило, и она съ особеннымъ удовольствіемъ повторяетъ слова правды.

Digitized by Google

остроуміемъ на французскомъ языкѣ, стремящееся нашъ порядокъ жизни, основанный на неизмѣнныхъ нашихъ русскихъ элементахъ, замѣнить иностраннымъ порядкомъ, не согласнымъ съ условіями нашей жизни.

4-й врагъ — *эгоизмъ*, цвѣтущій терпимостію, ложною филантропіею, равнодушіемъ, тунеядствомъ и ничтожностію.

Замѣнимъ этихъ враговъ строгимъ исполненіемъ нашихъ обязанностей, на основаніяхъ данной нами присяги Царю и Отечеству: тогда эти враги человѣчества, враги отечества, враги правды, нашей чести, славы и народнаго преуспѣянія, будутъ обезсилены.

Но мы, отъявленные враги этихъ враговъ нашихъ, достаточно ли мы вооружены самоотверженіемъ, вѣрою, преданностію къ Престолу и отечеству и возможностію для того, чтобы однимъ нашимъ усиліемъ мы могли стереть съ лица русской земли враговъ внутреннихъ? — Желаніе наше сильно, но мощь слаба. Однако же наше безсиліе не помѣха дѣлу: нужно только наше содѣйствіе, а силу Богъ вручилъ Своему Помазаннику. На Него и надежда. Да здравствуетъ же нашъ Надежда-Царь-Миротворецъ; и да сохранитъ Святое Провидѣніе дни Его на подвигъ великій, отъ коего зависитъ преуспѣяніе Россіи и $\frac{\text{Его}}{\text{наша}}$ Слава: стереть съ лица русской земли враговъ отечества.

Пенза 27 марта.

Ив. Сабуровъ.

II.

Вольнодумцы въ Россіи.

Было время, когда въ Россіи были и могли быть вольнодумцы.

Нынѣ вольнодумцевъ нѣтъ. Ихъ уничтожило Милостивое Слово и Мысль, полная мудрости, принадлежащая благодушной и справедливой верховной нашей Власти. Эта благотворная мысль указала: открыть возможность уму, чести и справедливости, блюсти: честь, законъ и справедливость, и клеймить силою своего негодованія лесть, ложь, обманъ и невѣжество; эта благотворная мысль дала средство мысли, этому всемогущему *средству*, данному Богомъ человѣку, войдти въ законныя свои права: развить умъ свѣдѣніями, а свѣдѣнія утвердить умомъ и просвѣщеніемъ.

Digitized by Google

Да станетъ же наша Милостивая и благодушная верховная Власть, полная себѣ усвоенною этою благотворною мыслію, съ полнымъ сознаніемъ этой мысли, въ главѣ людей строгихъ, неподкупныхъ и справедливыхъ, и уничтоживъ вольнодумство своимъ просвѣщеннымъ свободномысліемъ, да положитъ она основаніе тому безграничному преуспѣянію Россіи, которое вызоветъ, подъ Ея покровительствомъ, умъ, знаніе и мнѣніе людей просвѣщенныхъ и дѣльныхъ.

Можетъ быть спросятъ: гдѣ они? — Конечно, этотъ вопросъ вездѣ, болѣе, или менѣе, затруднителенъ, но въ нашемъ отечествѣ онъ только кажется затруднительнѣе нежели гдѣ бы то ни было. Помилуйте, Россія не клиномъ сошлась, и ея 60 мил. жителей не поставлены Провидѣніемъ на низкую степень человѣческаго разумѣнія. Дѣло только въ томъ: «ищите и обрящете».

Ив. Сабуровъ.

Пенза.
2 апрѣля. 1856.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ разныхъ журналахъ нашихъ начали появляться политическія обозрѣнія. Русской Вѣстникъ составляетъ ихъ очень хорошо. Русская Бесѣда представила свой первый опытъ съ такими достоинствами, какія сдѣлали-бъ честь любому европейскому журналу. Москвитянинъ на первый случай будетъ ограничиваться указаніями на событія, которыя кажутся ему особенно-замѣчательными.

Нравственное освобожденіе христіанъ изъ-подъ ига Турокъ — вотъ пріятнѣйшая статья изъ парижскаго трактата. Къ сожалѣнію всѣ газеты, англійскія, французскія, нѣмецкія, наполняются извѣстіями, что рѣшительно нигдѣ не исполняется султанскій гатти-гумаюнъ. Выписываемъ изъ газетъ нѣсколько извѣстій.

Въ Assemblée Nationale сказано: «Послѣднія извѣстія изъ Константинополя, полученныя съ пароходомъ, отправившимся оттуда 7-го апрѣля, весьма печальны. Султанскій гатти-гумаюнъ въ пользу христіанъ встрѣтилъ въ азіятскихъ провинціяхъ со стороны мусульманъ сопротивленія, которыхъ впрочемъ можно было ожидать, и которыя теперь произвели грабежи и убійства. Въ тѣхъ провинціяхъ мусульмане составляютъ большинство жителей, и слѣдуютъ только духу своего племени и своей религіи, стараясь истребить христіанъ. Мусульмане могли сносить ихъ сосѣдство, пока христіане жили, такъ сказать, по ихъ милости, но теперь, когда христіане хотятъ быть съ ними равными въ правахъ, могутъ ли они иначе поступать съ ними, какъ не съ непріятелями? Чтобъ измѣнить эти чувства въ душѣ мусульманина, надобно, чтобъ онъ долго жилъ въ Константинополѣ вмѣстѣ въ Европейцами, или даже въ Европѣ, гдѣ Турки и Египтяне оставались мусульманами только по имени. — Извѣстія о насильствахъ въ Азіятской Турціи и о недавнемъ умерщвленіи въ Булгаріи одной христіанской дѣвушки, совершенномъ, какъ говорятъ, пашею, поразили боязнью константинопольскихъ христіанъ, опасающихся, что они будутъ лишены благодѣяній, обѣщанныхъ имъ союзными державами. Это положеніе дѣлъ вѣроятно возбудитъ вниманіе правительствъ, даровавшихъ миръ Европѣ».

Digitized by Google

Изъ Константинополя пишутъ газетѣ «Presse d'Orient»: «Если гатти-гумаюнъ былъ весьма-хорошо принятъ здѣсь и въ портахъ и городахъ, имѣющихъ христіанское и нѣсколько европейское населеніе, то нельзя сказать того же о другихъ. Въ Босніи напримѣръ опасаются большихъ безпорядковъ. Въ Азіи — въ Алеппѣ, Аденѣ, Дамаскѣ, губернаторы не читали гатти. Въ Коніи Греки сдѣлали демонстраціи, раздражавшія Турокъ. Муширъ арестовалъ Турокъ, которые били Грековъ и объявили, что послѣдніе хулили лжепророка. Это совсѣмъ измѣнило воззрѣніе мушира. Греки получили палочные удары: двое умерли подъ палкой, другіе очень-опасно больны, въ томъ числѣ, говорятъ, нѣсколько торбаджіевъ. — Муширъ призванъ въ Константинополь, куда уже и прибылъ.

Дѣло идетъ не объ исполненіи гатти-гумаюна, — объ этомъ — никто не помышляетъ, потому-что это оффиціальная мистификація. Когда видишь вещи ближе, то опасаешься не реакціи христіанскихъ народностей, облеченныхъ фантастическимъ правомъ, а скорѣе реакціи общественнаго мнѣнія на Западѣ, общаго восторга въ пользу Турціи. Онъ также скоро разочаруется, по мѣрѣ развитія нынѣшняго положенія, тѣмъ болѣе, что радикальная реформа, которой ожидаютъ, произведетъ одни только бѣдствія въ родѣ указанныхъ мною въ послѣднемъ письмѣ. Варнское дѣло продолжаетъ занимать всѣ умы.

Тамъ, гдѣ нѣтъ иностранныхъ войскъ, раіи (у меня дурная привычка употреблять это выраженіе, запрещенное гатти-гумаюномъ, хотя Турки продолжаютъ называть гяурами раіевъ и европейскія націи), раіи, говорю я, покоряются своей участи, и нѣтъ соблазновъ, въ родѣ варнскаго. Такъ въ Айдинѣ, паша во время самаго чтенія гатти-гумаюна, замѣтивъ, что это чтеніе производитъ неблагопріятное дѣйствіе на Турокъ, и вполнѣ убѣдившись въ необходимости щадить своихъ соотечественниковъ, выказалъ большой тактъ, воспользовавшись представившимся въ то время случаемъ объяснить фактами это публичное изложеніе теоріи оттоманскаго правительства.

Подъ окнами конака (дома паши и городскаго совѣта) происходила христіанская свадьба. Флейта и семиструнная скрипка сопровождали ее, по мѣстному обычаю, изстари терпимому Турками и начальствомъ. Паша приказалъ своимъ кавассамъ угостить побоями весь свадебный кортежъ, въ томъ числѣ и музыкантовъ и новобрачныхъ, и далъ знать епископу о запрещеніи этихъ оскорбительныхъ манифестацій, нарушающихъ спокойствіе и правительственныя думы его превосходительства. Никто не посмѣлъ на это жаловаться, и Турки немедленно поняли практическое значеніе терпимости, осяя-

Digitized by Google

щенной новымъ фирманомъ. Я привожу вамъ одинъ этотъ фактъ изъ тысячи, какъ характеризующій восточные способы соглашенія и особенно искусство управленія турецкихъ пашей.» *(Пет. Вѣд.)*

Къ этимъ извѣстіямъ иностранныхъ газетъ можемъ присоединить отрывки изъ писемъ, полученныхъ въ Москвѣ прямо изъ Болгаріи.

. . . . . .

. . . . Я былъ въ Болгаріи, городѣ Софіи, когда разнеслось извѣстіе о новомъ султанскомъ «гати-гумаюнѣ», и немного спустя самъ «гатти-гумаюнъ» былъ читанъ въ церквахъ и мечетяхъ. Мы, Болгаре, привыкшіе къ подобнымъ обѣщаніямъ, которыми тѣшили насъ въ продолженіе слишкомъ двадцати пяти лѣтъ, тѣ «гюльханейскими хатишерифами» то «гатти-гумаюнами» на этотъ разъ не могли увлечся и безусловно принять все краснонаписанное въ этомъ послѣднемъ за чистую монету. Ибо, говоря откровенно, отъ всѣхъ этихъ человѣколюбивыхъ указовъ, положеніе Болгаръ ни чуть не улучшилось по причинѣ весьма простой: указы оставались на бумагѣ, а порядокъ вещей былъ все прежній, т.-е. жизнь, честь и собственность Болгаръ по прежнему зависѣла отъ произвола Турокъ. Вотъ почему и нынѣшній «гатти-гумаюнъ» былъ принятъ Болгарами недовѣрчиво. Турки же, хотя и были увѣрены напередъ, что ничего изъ обѣщаннаго не будетъ приведено въ исполненіе, но тѣмъ не менѣе ужасно взволновались и роптали за то только: «зачѣмъ, говорили «они, баловать гяуровъ обѣщаніями хотя непримѣняемыми къ дѣлу, «но все-таки оскорбительными для Ислама, еслибъ они оставались «и безъ исполненія?» — Одно только обстоятельство заставляетъ Болгаръ надѣяться, что на этотъ разъ участь ихъ можетъ улучшиться: а именно настойчивость посланниковъ и консуловъ покровительствующихъ державъ за точнымъ исполненіемъ вновь-изданнаго султанскаго указа. Надежда ихъ не замедлила сдѣлаться основательнѣе вслѣдствіе слѣдующихъ фактовъ: Въ Видинѣ и Систовѣ сами консулы, французскіе и англійскіе, обратились къ Болгарамъ съ предложеніями и наставленіями, чтобы послѣдніе нисколько не стѣснялись поспѣшили бы вполнѣ пользоваться дарованными имъ правами. Такъ напримѣръ по ихъ настойчивости только Болгаре въ тѣхъ городахъ рѣшились между прочимъ и на совершеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ съ такою торжественностію, за какую, безъ всякаго сомнѣнія, за годъ тому, поплатились бы десятками болгарскихъ головъ. Били они въ желѣзную доску, даже звонили въ небольшіе колокола! Это послѣднее ужасно какъ—оскорбило Турокъ, которые нисколько не скрывая своего негодованія противъ

Digitized by Google

христіанъ, явно грозили послѣднимъ, что рано или поздно это не пройдетъ имъ даромъ. Однакожъ такъ-какъ начало уже сдѣлано безъ важныхъ безпорядковъ со стороны недовольныхъ Турокъ, и консулы продолжаютъ внушать Болгарамъ смѣлость и обѣщаютъ энергически дѣйствовать и заступиться за нихъ въ случаѣ опасности, то Болгаре начинаютъ уже разсчитывать на будущность болѣе отрадную. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ будетъ вліяніе Россіи у насъ по заключеніи мира, но во всякомъ случаѣ, намъ бы очень хотѣлось, чтобъ оно было господствующимъ передъ вліяніемъ другихъ державъ. Тогда только съ довѣрчивостію и безъ опасенія за отцовскую вѣру и народность можемъ быть вполнѣ увѣрены, что это общее покровительство будетъ благотворно для Болгаръ. Нашъ народъ еще необразованъ и не развитъ, однакожъ вполнѣ сознаетъ кто и что сдѣлалъ и можетъ сдѣлать, для него, и понимаетъ кто изъ-за чего хлопочетъ въ этомъ Восточномъ вопросѣ.

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НА 1856 ГОДЪ.

Изданіе начнется съ мая мѣсяца. Выдетъ 16 книгъ отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ въ книгѣ. Содержаніе Москвитянина составятъ статьи, имѣющія отношеніе преимущественно къ настоящему времени. Москвитянинъ имѣлъ счастіе получить Высочайшее соизволеніе на распространеніе своей программы политическимъ отдѣленіемъ.

Цѣна въ нынѣшнемъ году 7 р. а съ пересылкою 8 р. с.

Особы, приславшія лишнія деньги до объявленія о подпискѣ, получатъ оныя обратно, или какой-либо другой журналъ: Русскую Бесѣду, Русскій Вѣстникъ, Современникъ, Отечественныя Записки, Художественный Листокъ и проч., о чемъ Контора будетъ ожидать извѣщеній, съ приложеніемъ денегъ по расчету, чего стоитъ избранное другое изданіе, сравнительно съ имѣющимся у нея излишкомъ. Если же кому угодно за переданныя деньги имѣть какія-либо *изданія Москвитянина*, то онѣ будутъ доставлены по половинной цѣнѣ противъ каталога при семъ прилагаемаго.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

МОСКВИТЯНИНЪ

при книжной лавкѣ Ѳ. О. Свѣшникова

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ,

переводы, и изданія М. П. Погодина.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

Замѣчанія и Лекціи о *Русской Исторіи. М. Погодина.* Семь томовъ: въ 1-мъ—о Несторѣ и проч. источникахъ Русской Исторіи; во 2-мъ — о происхожденіи Варяговъ-Руси и о Славянахъ; въ 3-мъ—о Норманскомъ періодѣ вообще; въ 4-мъ—періодъ Удѣльный. М. 1846—1850 г. Ц. 5 р. 50 к. Отдѣльно 4-й томъ 1 р. 50 к. Томъ 5, междоусобныя войны, внѣшнія отношенія, Новгородъ и проч. Томъ 6-й, біографическій словарь Русскихъ князей до Монголовъ. Томъ 7, внутреннія учрежденія. М. 1856 г. Цѣна послѣднихъ томовъ по 1 р. 50 к.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

М. Погодина. Содержаніе: Взглядъ на Русскую Исторію.—Очеркъ Русской Исторіи.—Формація Государства. — Параллель Русской Исторіи съ Исторіею Западныхъ Европейскихъ Государствъ, относительно начала.—О старшинствѣ между Великими Князьями древней Руси.—Москва. — Приращенія Москвы. — О мѣстничествѣ. — Три статьи о характерѣ Іоанна Грознаго. — Двѣ статьи объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія. — Нѣчто объ Отрепьевѣ.—Петръ Великій.—Крестьянинъ Иванъ Посошковъ. — Историческія размышленія объ отношеніи Польши къ Россіи.—За русскую старину. М. 1846 г. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

НАЧЕРТАНІЕ РУССКОЙ ИСТОРІИ, причисленное къ руководствамъ для преподаванія въ Гимназіяхъ. Изд. 2-е, дополненное. М. 1838 г. Ц. 1 р.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ РУССКОЙ ИСТОРІИ для Уѣздныхъ Училищъ. М. 1838 г. Ц. 50 к.

ЛЕКЦІИ ПО ГЕРЕНУ, о политикѣ, связи и торговлѣ знаменитѣйшихъ народовъ Древняго Міра, въ 2-хъ ч. М. 1833—1836 г. Ц. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АФОРИЗМЫ. М. 1836 г. Ц. 1 р. 20 к.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ БОГОЛЮБСКІЙ. Соч. *М. П. Погодина*. М. 1850 г. Ц. 75 к.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАРАМЗИНУ, произнесенное при открытіи ему памятника въ Симбирскѣ, Академикомъ *М. П. Погодинымъ*. М. 1854 г. Ц. 1 р.

О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Изслѣдованіе Академика *М. Погодина*. Спб. 1852 г. Ц. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ КРЕСТЬЯНИНА ИВАНА ПОСОШКОВА о Россіи при Петрѣ Великомъ, съ снимками. М. 1845 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОБРАЗЦЫ СЛАВЯНО-РУССКАГО ДРЕВЛЕПИСАНІЯ (Палеографія). 2 тетради. М. 1841 г. Ц. 6 р.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ, или Снимки почерковъ знаменитыхъ Россіянъ, начиная съ древнихъ временъ до нашего (260). М. 1838 г. Ц. 3 р.

ПОВѢСТИ М. ПОГОДИНА. Въ 3-хъ ч. М. 1832 г. Ц. 3 р.

НЕВѢСТА НА ЯРМАРКѢ. Повѣсть въ 2-хъ ч. Соч. *М. Погодина*. Издан. 2-е. М. 1837 г. Ц. 1 руб.

МАРѲА ПОСАДНИЦА НОВОГОРОДСКАЯ, Траг. въ 5-ти дѣйст. въ стихахъ. Соч. *М. Погодина*. М. 1830 г. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЦЪ-ФОНЪ-БЕРЛИХИНГЕНЪ. Траг. въ 5-ти д. Соч. *Гете*, пер. съ нѣм. *М. Погодинъ*. М. 1828 г. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ВЪ ЛИЦАХЪ о Димитріѣ Самозванцѣ. Соч. *М. Погодина*. М. 1855 г. Ц. 1 р. 50 к.

ГОДЪ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ, дорожный дневникъ *М. Погодина*. 4 тома. М. 1844 г. Ц. 3 р.

ПОРТРЕТЪ незабвеннаго благотворителя Московскаго купца М. И. Крашенинникова, съ описаніемъ его жизни и благотвореній. М. 1851 г. Ц. 75 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ всѣхъ *пятнадцати* лѣтъ МОСКВИТЯНИНА, 1841—1855 годовъ, въ 90-хъ большихъ томахъ. Ц. 75 р. Отдѣльно каждый годъ 10 р.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ. 1827—1830 г. 24 тома Ц. 10 р. с.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, собранная и описанная покойнымъ *В. Н. Татищевымъ*, книга 5-я. М. 1848 г. Ц 2 р.

ИСТОРІЯ ПРУССІИ. Соч. Профес. *Пелица*, перев. съ нѣм., Въ 4-хъ ч. М. 1849 г. Ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ КОРОЛЕВСТВЪ НЕАПОЛЯ И СИЦИЛІИ. Сочин. Профес. *Германа*. Перев. съ нѣм. Въ 3-хъ ч. М. 1849 г. Ц. 1 р.

ИСТОРІЯ ЛОМБАРДІИ. Соч. Профес. *Гессе*. Перев. съ нѣм. Въ 4-хъ ч. М. 1849 г. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ САКСОНІИ. Соч. Профес. *Пелица*, въ 2-хъ ч М. 1839 г. Ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ НѢМЕЦКОЙ ГАНЗЫ. Соч. Докт. *Раушника*, въ 2-хъ ч. М. 1849 г. Ц. 1 р.

ИСТОРІЯ (*средняя*) ДЕМИШЕЛЯ. Перев. съ франц. 2 тома. М. 1846 г. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ (*древняя*) ГЕРЕНА. Перев. съ нѣмец. *Каляндера*. М. 1846 г. Ц 1 р. 50 к.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ въ Юго-Западной Россіи, въ XVII-мъ вѣкѣ. Состав. *Самуилъ Величко*, бывшій канцелярист Канцеляріи Войска Запорожскаго. 2 тома. Кіевъ. 1848—1851 г. Ц. 5 р. (Третій томъ полученъ).

Digitized by Google

СЛОВАРЬ СВѢТСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Соч. покойнаго Митрополита Кіевскаго *Евгенія*, 2 тома. М. 1845 г. Ц. 3 р.

О ИКОНОПИСАНІИ, М. 1845 г. Ц. 75 к.

ЗАПИСКИ О ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ. Состоявшаго при Ея особѣ Статсъ-Секретаря *А. М. Грибовскаго*, съ присоединеніемъ отрывковъ изъ его жизни. М. 1847 г. Ц. 75 к.

РАЗСКАЗЫ СТАРАГО ВОИНА О СУВОРОВѢ. Въ 3-хъ книгахъ. М. 1846 г. Ц. 1 р. 50 к.

АДЪ ДАНТА, АЛИГІЕРИ, съ приложеніемъ комментарія, матеріаловъ пояснительныхъ, портрета и двухъ рисунковъ. Перев. съ Итальянскаго размѣромъ подлинника *Дмитрій Минъ* М. 1855 г. Ц. 2 р. 50 к.

ПѢСНИ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ, перев. *Н. Берга* М. 1855 г. Ц. 2 р.

РУССКІЕ ВЪ НАЧАЛѢ ОСЬМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Разсказъ изъ временъ единодержавія Петра I-го, въ 2-хъ ч. Соч. *М. Загоскина*. М. 1848 г. Ц. 3 р.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *А. Ѳ. Писемскаго*, въ 3-хъ ч., заключающіе въ себѣ: Тюфякъ, Питерщикъ, Ипохондрикъ, М-г Батмановъ, Сергѣй Петровичъ Хазаровъ и Мари Ступицына, и Комикъ. М. 1853 г. Ц. 3 р.

КРЕСТЬЯНКА, Романъ *А. А. Потѣхина*, въ 3-хъ ч. М. 1854 г. Ц. 2 р.

ВИКТОРЪ. Повѣсть *Ел. Вельтманъ*. М. 1853 г. Ц. 1 р.

ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Соч. *М. Загоскина*. М. 1850 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

СВОИ ЛЮДИ СОЧТЕМСЯ. (Банкрутъ). Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Соч. *А. Н. Островскаго*. М. 1850 г. Ц. 1 р. 50 к.

БѢДНАЯ НЕВѢСТА. Комед. въ 5-ти дѣйст. Соч. *его же*. М. 1852 г. Ц 1 р. 50 к.

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ. Комед. въ 3-хъ дѣйст. Соч. *его же*. М. 1853 г. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ. Комед. въ 3-хъ дѣйств. Соч. *его же.* М. 1854 г. Ц. 1 р.

А за всѣ *четыре* вмѣстѣ 4 р.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ КАКЪ ХОЧЕТСЯ. Народная Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Соч. *его же.* М. 1855 г. Ц. 1 р.

НЕЛЮДИМКА Драма въ 5-ти дѣйств. Соч. *Гр. Ростопчиной.* М. 1850 г. Ц. 1 р. 50 к.

ДАРЕДЖАНА ИМЕРЕТИНСКАЯ. Драма въ 5-ти дѣйств. Соч. *Я. П. Полонскаго* М. 1852 г. Ц. 1 р. 75 к.

ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА. Драма въ 4 дѣйств. Соч. *Л А. Мея.* М. 1849 г. Ц. 1 р. 50 к.

МАКБЕТЪ. Трагедія Шекспира, пер. съ англ. *М. Лихонина.* М. 1854 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПИТЕРЪ СИМПЛЬ, романъ капитана *Марріэта,* перев. съ Англійскаго въ 2-хъ част. М. 1855 г. Ц. 1 р. 50 к.

КАКСТОНЫ, послѣднее сочиненіе *Сэра Эдуарда-Бульвера Литтонъ;* семейная картина, въ 18-ти ч. Перев. съ англ. М. 1850 г. Ц. 2 р. 50 к.

ЖИЗНЬ, ПРИКЛЮЧЕНІЯ, ОПЫТЫ И НАБЛЮДЕНІЯ *Давида Копперфильда* (младшаго). Новое соч. *Чарльза Диккенса* (перев. съ англ.) М. 1851 г. Ц. 2 р. 50 к.

ДУХОВИДЕЦЪ ИЛИ ДОГОВОРЪ СЪ ПРИВИДѢНІЕМЪ. Соч. *Чарльза Диккенса.* М. 1849 г. Ц. 1 р.

РУССКІЕ НА ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ. М. 1849 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПИСЬМА ОБЪ ИНДІИ. Соч. *Я. Д. Салтыкова.* М. 1851 г. Ц. 1 р. 25 к.

ПРАВИЛА ИГРЫ ВЪ КАРТЫ, Основанныя на математическихъ вычисленіяхъ, для незнающихъ математики. М. 1849 г. Ц. 75 к.

Digitized by Google

СОВѢТЪ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ БОЛѢЗНИ ХОЛЕРЫ. Соч. Доктора Медицины, бывшаго Профессора Московскаго Университета *П. Страхова.* Изд. 2-е. М. 1848 г. Ц. 30 к.

ПОРТРЕТЪ покойнаго адмирала *П. С. Нахимова* въ гробу, писанный съ натуры въ Севастополѣ, 1 іюля 1855 г. Н. В. Б. на лучшей китайской бумагѣ. Ц. 1 р.

ПОРТРЕТЪ литографированный покойнаго *Н. В. Гоголя* рисованный *П. Зеньковымъ.* Ц. 75 к. тожъ въ гробу, Ц. 1 р. с.

ПОРТРЕТЪ Графа Сергѣя Семеновича Уварова, литографированный на лучшей китайской бумагѣ. Ц. 1 р.

ПОРТРЕТЪ извѣстнаго благотворителя П. В. Голубкова. Ц. 1 р.

ПОРТРЕТЪ актрисы Спб. театровъ, *В. В. Самойловой 2-й,* литографированный на лучшей китайской бумагѣ. Ц. 1 р.

ПОРТРЕТЪ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ, въ краковякѣ (роли), въ минуту ея привѣтствія московской публикѣ, отдѣланный съ фотографіи, на лучшей китайской бумагѣ. Ц. 1 р.

Гг. иногородные съ требованіями своими благоволятъ обращаться на имя Конторы Москвитянина и при книжной лавкѣ Ѳ. О. Свѣшникова.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ I.

№ 2.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 2 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

О ДРЕВНЕМЪ

ЯЗЫКѢ РУССКОМЪ.

(Письмо къ И. И. Срезневскому.)

Вы заставили меня измѣнить моимъ князьямъ на цѣлый вечеръ, (такъ начиналъ я, занятый Біографическимъ словаремъ удѣльныхъ князей, настоящее письмо свое къ вамъ въ 1851 г.): увидѣвъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Отдѣленія ваше изслѣдованіе о Новогородскихъ лѣтописяхъ, я вздумалъ напечатать свою рецензію, написанную вскорѣ послѣ ихъ изданія Археологической Коммиссіей, въ 1841 году, но остававшуюся до сихъ поръ въ моихъ бумагахъ по особымъ обстоятельствамъ, о коихъ рѣчь впереди. Съ этой цѣлію я, послѣ вашихъ двухъ статей, принялся за чтеніе разсужденія г. Лавровскаго, по поводу котораго вы ихъ писали, а г. Лавровскій въ свою очередь привелъ меня къ вашимъ «Мыслямъ о Исторіи Русскаго языка», которыхъ, занятый исключительно удѣльнымъ періодомъ, а еще не читалъ, предоставляя себѣ это назидательное удовольствіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, по окончаніи моего труда. Тамъ, къ удивленію своему, нашелъ я одно новое положеніе, которое совершенно меня взволновало, — положеніе, вполнѣ согласное съ моими замѣчаніями, но *выведенное другими средствами, и обращенное совершенно къ другой цѣли.*

Digitized by Google

Вечерняя измѣна увеличилась до новыхъ сутокъ, и я рѣшился передать вамъ немедля свои мысли, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, когда Филологія наша оживотворилась дѣятельностью и трудами Академіи, эти мысли скорѣе и успѣшнѣе могутъ быть подвергнуты суду, и получить себѣ утвержденіе или осужденіе.

(Между тѣмъ этотъ примѣръ оправдываетъ отчасти мое воздержаніе отъ посторонних занятій, въ коемъ теперь, увлеченный занимательностію предмета, дѣлаю исключеніе).

Передамъ вамъ весь ходъ мыслей, въ ихъ послѣдовательности, какъ въ новомъ случаѣ, по поводу вашихъ разсужденій, такъ и въ прежнемъ, при моемъ размышленіи объ языкѣ лѣтописей.

Въ разсужденіи г. Лавровскаго меня поразило слѣдующее мѣсто (с. 19):

Мнѣніе «что письменный языкъ Русскій въ древнее время былъ Церковно-Славянскій, что *народный языкъ не могъ быть такимъ, какимъ встрѣчаемъ его въ памятникахъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ, до XIII вѣка, уже опровергнуто, какъ не имѣющее основанія.* Если народный языкъ, въ эпоху значительнаго уклоненія Церковно-Славянскаго, прорывался неоднократно своими особенностями въ памятникахъ Церковно-Славянскихъ, за чистотой языка которыхъ постоянно сторожило духовенство Русское, то тѣмъ легче, тѣмъ естественнѣе, и тѣмъ несравненно въ бо́льшемъ количествѣ должны были отразиться особенности южно-Русскаго нарѣчія въ произведеніяхъ свѣтскихъ, писанныхъ нерѣдко рукою мірянъ, излагающихъ событія, заимствованныя часто изъ жизни чисто-народной. Но ихъ (особенностей южно-Рускихъ) не видно въ этихъ произведеніяхъ, значитъ, ихъ не было еще и въ языкѣ; когда же появились онѣ въ послѣднемъ, то неизбѣжно стали выказываться и въ письменности.»

При этихъ словахъ г. Лавровскій ссылается на ваше изслѣдованіе, въ мысляхъ объ Исторіи Русскаго языка, гдѣ прочелъ я слѣдующее: (с. 95) «Прочное начало образованію книжнаго языка Русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ

Digitized by Google

говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же, какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка языкъ собственно книжный — языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи, *былъ одинъ и тотъ же*, до того, что и слово Луки Жидяты, и поученія Иларіона, и Русскую правду, и Духовную Мономаха, и Слово Даніила Заточника, и Слово о Полку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава Новогородскаго, *нѣкоторые позволяли себѣ считать написанными одинаково на нарѣчіи не Русскомъ, а Старославянскомъ.* Если бы языкъ народный въ то время, когда были писаны всѣ эти вещи, отличался отъ книжнаго, то онъ *не могъ бы не показать себя хоть кое-гдѣ своими особенностями* — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной Европы въ тоже время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ».

То-есть — вы утверждаете, что языкъ народный съ языкомъ письменнымъ въ это время былъ одинъ и тотъ же, и что въ немъ не было ничего Малороссійскаго нынѣшняго.

Это положеніе есть совершенно новое, никогда никѣмъ у насъ прежде не сказанное, и я удивился, какимъ образомъ не произвело оно волненія въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ въ минуту своего произнесенія; я удивился, какимъ образомъ всѣ наши профессоры Русской Словесности и Славянскихъ нарѣчій не сочли своей обязанностію произнести о немъ свое мнѣніе, одобрить или осудить оное. Въ журнальной критикѣ, съ коей я тотчасъ справился, не нашелъ я ни одного отзыва: нашимъ міросозерцателямъ видно не до Русскаго языка!

Вы дѣлаете заключеніе изъ второй части вашего наблюденія: если въ языкѣ не примѣчается ничего Малороссійскаго, слѣдовательно его и не было, а произошло оно, Малороссійское, уже въ послѣдствіи, начиная съ XIV вѣка. Вотъ ваши мысли!

Теперь приступаю я къ изложенію моего мнѣнія, какъ оно составилося, впродолженіи моихъ изслѣдованій и размышленій, независимо отъ посторонняго вліянія.

Digitized by Google

Въ 1859 году въ заключеніи своего изслѣдованія о лѣтописи Нестора я сказалъ, что изслѣдованіе объ языкѣ предоставляю филологамъ.

Прошло много лѣтъ, но на этотъ вопросъ никто не обращалъ вниманія. Между тѣмъ, начавъ приведеніе въ порядокъ своихъ изслѣдованій объ Удѣльномъ періодѣ, я принялся, послѣ Несторовой лѣтописи, за Кіевскую.

Мнѣніе мое объ ея языкѣ, какъ и объ языкѣ Нестора, было, извѣстно читателямъ, слѣдующее: Это языкъ церковный, для лѣтописателей чужой и мертвый, хотя родственный и понятный, употреблявшійся ими съ голоса, подобно употребленію Латыни на Западѣ (1).

По существу своихъ работъ, долженъ былъ я также выучить Кіевскую лѣтопись почти наизусть, какъ Несторову. Чѣмъ дольше я занимался ею, тѣмъ болѣе удивлялся отсутствію Малороссійскаго элемента. Обратившись назадъ къ Нестору съ этой мыслію, я убѣдился, что нѣтъ его и тамъ, хотя прежде, подъ вліяніемъ другаго предубѣжденія, отзывался иначе (2).

Я началъ отмѣчать на поляхъ у себя слова и обороты, явно не-Малороссійскіе и вмѣстѣ не-Церковные, и вскорѣ ихъ накопилось столько, что нельзя было быть не поражену ихъ совокупностію.

Мысль моя пошла слѣдующимъ путемъ — не строгой филологіи, а наведенія, скользя, такъ сказать, по поверхности предмета.

Я разсуждалъ такъ: Употребляя языкъ чужой, нельзя по мѣстамъ скрыть вовсе свой: Малороссіянинъ долженъ проговариваться подъ-часъ по-Малороссійски, Великороссіянинъ по-Великороссійски, Бѣлорусецъ по-Бѣлорусски, Сербъ по-Сербски, и т. д.

Еслибъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло слу-

(1) См. въ Изслѣдованіяхъ. Т. III, с. 355 и проч.
(2) Тамъ же, с. 357.

Digitized by Google

читься, чтобъ они не дали нигдѣ примѣтить своего Малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не обронили тамъ-сямъ какого-нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки, или удержались отъ междометія?

А между тѣмъ въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не Церковные, какъ не Малороссійскіе, которые слѣдовательно и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей.

Еще болѣе—слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату, сапоги, лапти, а не чоботы,—квасъ, медъ, жито, и т. п.

Вѣрно лѣтописи принадлежатъ не Малороссіянамъ, а какому-нибудь другому племени. *Слѣдовательно и племя другое жило въ Кіевѣ, а не Малороссіяне.* Вотъ какое заключеніе представилось мнѣ естественно.

Выпишу нѣсколько словъ и выраженій для примѣра, на выдержку, изъ лѣтописи Несторовой и Кіевской, отъ 862 до 1200 года.

Сзывая безчисленное множество народа, Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, с. 54.

Егда же *подпьяхуться*, начьнахуть роптати на князь: *зло есть нашимъ головамъ*, да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными. Се *слышавъ* Володимеръ, повелѣ исковати и проч. с. 54.

Видиши ли, колико ся мнѣ *сключи*? с. 86.

Бысть Іоаннъ.... *молчаливъ*. с. 89.

Всеволодъ бѣ издѣтьска *боголюбивъ*. с. 92.

Володимеръ.... нача *размышляти*. с. 93.

Не бѣ *лзѣ вкрастися* въ градъ. с. 94.

Бяше пришелъ Славята.... къ Володимеру отъ Святополка на нѣкое *орудье*, с. 97. (Выраженіе самое употребительное).

Половци землю нашю несуть *розно*. с. 109.

Digitized by Google

Уловъ уловивъ. с. 111.

Да *поправимъ* сего зла.... оже вверже въ ны ножь.... да еще сего не правимъ, то болшее зло *встанетъ* въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и *погыбнетъ* земля Русская, и врази наши Половци пришедше возмуть землю Русскую. ib.

Володимеръ—*росплакався*, с. 112.

Ти суть *намолвили* на Давыда. с. 113.

Поча выти (Бонякъ) *волчьскы*. с. 115.

Мы *изнемогаемъ* гладомъ. ib.

Подъ *пазуху*. ib.

Не сдравьлю. с. 118.

Половци *присунушася* къ Баручю, т. II, с. 10.

Мстиславъ.... *оставивъ* княженіе. с. 12.

Всеволодъ не хотя того, оже ся братья совокупила въ *едину мысль*, посла къ Давидовичема рка има: отступита вы отъ брату моею; азъ ваю *надьлю*. с. 19

Вячеславъ *смолвяся* съ Всеволодомъ. ib.

Не любяхуть сего Олговичи, и поропташа нань, (на Всеволода), оже любовь *имъеть* съ Мьстиславичи.... и *осажался* ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстіе и собѣ. ib.

Оже мя умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животѣ *помогу* ти про Кіевъ. с. 20.

За трудъ. ib.

Сыну, *тако ти и гораздо, готовъ буди*, напередѣ иди, доспѣй же на пугь. с. 31.

Рече Володимеръ послу Изяславлю: *пойди вонъ*. с. 32.

Того вы братъ мой не *велѣлъ*. с. 33.

То мнѣ есть *порока* всякаго отъ людій не уйти, тѣмъ рѣчи: Изяславъ *велѣлъ* убити. с. 35.

Доколѣ ся рѣки *установять*. с. 36.

Ледъ *лихъ*. с. 37.

Днѣпръ *роспловаеть*. ib. *Рушися* Днѣпръ. ib.

Се, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пришелъ, оже отецъ тя *пріобидилъ* и волости ти не далъ; язъ же тя пріялъ въ

Digitized by Google

правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь далъ, ако ни отець того вдалъ, *что я тебѣ вдалъ*, и еще есмь и Русской земли *приказалъ* стеречи тобѣ, с. 41.

Въ правду *ли* идеши на Изяслава? Гюрги же рече ему: како хощу не въ правду ити? Сыновецъ мой Изяславъ на мя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожеглъ, и еще и сына моего выгналъ изъ Русьской земли, и волости ему не далъ, и сромъ на мя возложилъ; а любо сромъ сложю, и земли своей мыщю, любо честь свою налѣзу, пакы ли а голову свою сложю. Изяславль же посолъ пріѣха у Кіевъ, повѣда ему Святославлю рѣчь, и что ему Володимиръ сказалъ. Изяславъ же слышавъ и не устряна, но посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: брате, хрестъ еси честьный цѣловалъ ко мнѣ, ако со мною быти, а ворожбу еси про Игоря отложилъ и товары его; нынѣ же, брате, сего ли дозрѣвъ, то поминаеши, оже стрый мой на мя ратью идеть? Нынѣ же чи хресту честьному управити, яко же еси цѣловалъ, буди со мною; а ты уже хрестное цѣлованіе переступилъ: а язъ есмь безъ тебе и на Волгу ходилъ, а цѣ что ми было? а нынѣ абы со мною Богъ былъ и хрестьная сила (1), с. 42.

Сыновецъ ваю Изаславъ.... передъ вами не творится правъ, но *кланяется и милости ваю хочеть*; азъ же не простъ есмь ходатай межи вами, с. 48.

К. Вячеславъ.... *потѣкнуся* къ ряду и къ любви: бяшеть бо К. Вячеславъ *незлобивъ* сердцемъ, поминая писаніе, и пр. ib.

Въ утрій день, по *зорямъ*, с. 51.

Язъ, брате, тѣмъ не труденъ есмь.... *радъ, пду*, с. 53.

Рѣки ся *смерзываютъ*, ib.

Язъ не могу на Изяслава одинъ поити; Изяславъ вчера со мною хотѣлъ ся бити, на вашего отца идя; а на мя ся *оборачивая, ловя* ся бити со мною, с. 56.

Будевѣ сев весны въ *порозна*, с. 58.

Ать вси *видимъ по мѣсту*, што вы Богъ *явитъ*, ib.

---

(1) Эту длинную выписку равно какъ и другую (со с. 445), я сдѣлалъ съ особымъ намѣреніемъ, о которомъ см. ниже.

Digitized by Google

Конь нача *совлтися* подъ нимъ, с. 63.

Володимеръ.... лежа творяся акы изнемогая съ ранъ, но *ранъ на немъ не было*, с. 69.

Приде вѣсть къ Ростиславу: Глѣбъ Дюргевичь съ множествомъ Половець идеть къ Переяславлю, с. 75.

Святославъ Ростиславичь, *отпроводя* Половци, ib.

Си ночи былъ веселъ съ своею дружиною и *шелъ спать здоровъ*, ib.

Всеволодовичь река: *избезумился* есмь, с. 77.

Яша коня *за поводъ*, с. 104.

Андрей князь толикъ *умникъ* сый, с. 109.

Половци яшася бѣгу *опять своею дорогою*, с. 122.

Они же *недогнавше* надъ берегъ, ib.

Бѣ рѣка *бережиста*, с. 123.

Святославъ *не любуя* на свою братью, с. 127.

Узрѣша Половци *помочныя* полкы, с. 128.

Половци *оборотилися* противу Русскимъ кнѣземъ, ib.

Поганы есть всимъ намъ *обычій* врагъ, с. 129.

Бишася крѣпко ту *днину*, с. 131.

Возлѣзше на заборолѣ, с. 132.

Опоздишася, с. 133.

Рюрикъ поча слати, *понуживая* его, с. 134.

Аже кто *раздумываеть* и не хочеть ити, ib.

Именины тогда бяхуть, с. 141.

Святославъ не *улюби*.... не *могу* съ *половиною* ихъ миритися, с. 142.

Бѣ бо нѣчто *извергълося* ему на нозѣ, с. 143.

Коли будеть святыхъ Маковѣй, ib.

Язъ переже всихъ далъ есмь тобѣ волость сю; но же Всеволодъ наслалъ на мя, жалуяся про тебе, ажь есми на немъ чести не положили прежде; я же есмь тобѣ являлъ вси рѣчи его, ты же ми еси ее отступился по волѣ, а намъ како любо ему было ю даяти. А намъ безъ Всеволода нельзя быти, положили есмы на немъ старѣйшиньство вся братья во Володимерѣ племени, а ты мнѣ свой, а то ти волость иная, той ровна, с. 145.

Digitized by Google

Кланяяся ему и моляся и *покладывая* на собѣ всю вину свою, с. 146.

Цѣлуи съ нами крестъ, како ти ся съ нами не воевати доколѣ со Всеволодомъ и Давыдомъ любо ся *уладимъ*, любо ся не *уладимъ*.

Сташа *отоптавшеся* въ снѣгу, с. 147.

Чему еси почалъ волость мою воевати, а поганымъ руцѣ *полнишь*, с. 148.

Володимеръ, *ѣхавъ* со Мстиславомъ, с. 149.

Ты же еси то лѣто и ту зиму *перевелъ*.... а про кого ми была и рать про зятя своего, с. 150.

Какія же это слова, обороты, формы—не Малороссійскія и не Церковныя?

Это слова, обороты и формы, чисто Великороссійскія.

Такъ неужели въ Кіевѣ, при Олегѣ, Владимирѣ, Рюрикѣ Ростиславичѣ, жили Великороссіяне?

Признаюсь — такое заключеніе сначала поразило меня, и я долго не могъ опомниться!

Но вѣдь нельзя отказаться отъ заключенія, если посылки вѣрны, а въ посылкахъ я былъ убѣжденъ.

Я продолжалъ разсуждать со страхомъ, безпрерывно впрочемъ ободряясь.

Дайте прочесть лѣтопись Несторову, Кіевскую и прочія, любому Великороссіянину, не знающему Церковнаго нарѣчія: онъ пойметъ ихъ, говоря вообще, кромѣ того или другаго стараго слова, вышедшаго изъ употребленія, а Малороссійской страницы онъ не пойметъ, даже образованный. Слѣдовательно въ лѣтописяхъ вѣрно господствуетъ Великороссійское нарѣчіе, а Малороссійскаго нѣтъ. Таковое заключеніе можно бы сдѣлать и a priori, мимо приведеннаго словаря.

Дайте прочесть лѣтописи Малороссіянину, не знающему Великороссійскаго нарѣчія, онъ пойметъ ихъ только, поколику понимаетъ Великороссійское и Церковное нарѣчія, а свое нарѣчіе не окажетъ ему никакой пользы для уразумѣнія.

Новыя подтвержденія, что въ Кіевѣ жили до Татаръ не Малороссіяне, а Великороссіяне.

Digitized by Google

Далѣе пришло мнѣ въ голову слѣдующее замѣчаніе: Малороссіяне есть народъ самой пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсень о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти пѣсни о Володимерѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимирѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять тоже заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимера, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской земли.

Характеръ князей, послѣ того какъ норманство подверглось вліянію туземному и мѣстному, гораздо ближе къ настоящему Великороссійскому характеру, чѣмъ къ Малороссійскому, обнаружившемуся въ казачествѣ, или извѣстному нынѣ. Тоже должно сказать и вообще о характерѣ военнаго древняго сословія и самой войны.

Еще: мнимые Малороссіяне съ Юрьемъ Долгорукимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую, казалось — они должны бы оказать свое Малороссійское вліяніе на что нибудь — въ обычаяхъ, въ языкѣ. Нѣтъ — мы не видимъ тогда никакой перемѣны на сѣверѣ: слѣдовательно пришли тогда не Малороссіяне, а тѣ же Великороссіяне!

Великороссійское племя жило въ Кіевѣ — эта мысль была первою добычею моихъ разсужденій. Возвращаясь къ первому мнѣнію своему объ языкѣ церковномъ и отношеніи его къ лѣтописямъ, я долженъ былъ теперь выразить его такъ: лѣтописатели, пишучи на чужомъ, мертвомъ нарѣчіи, невольно проговаривались по Великороссійски, и обличили свое Великороссійское происхожденіе.

Одна удача ободрила на другую.

Да на что же предполагать чужое, мертвое, церковное нарѣчіе?—сталъ разсуждать я дальше. Не слишкомъ ли это мудрено, неестественно?

Воображаю себѣ лѣтописателя Нестора или другаго монаха,—какъ могло придти ему въ голову ломать себѣ языкъ и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ церковными

Digitized by Google

образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизусть. Можно ли писать на чужомъ нарѣчіи, не зная его? А знать его было нельзя! за всякой формою ему надо бы справляться? Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженіяхъ? что за насиліе должно было дѣлать себѣ! Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это? Если теперь, во всякомъ нашемъ сочиненіи на церковномъ языкѣ, напримѣръ молитвахъ, сочиняемыхъ на новые случаи, просвѣчиваютъ наши руссизмы, какимъ образомъ можно бы уберегаться отъ нихъ въ древности, безъ нашихъ грамматическихъ и филологическихъ изслѣдованій и познаній. А въ лѣтописяхъ, въ грамотахъ, вы замѣчаете естественность, правильность, живость, (1) а не мертвенность!

Слѣдовательно *лѣтописатели писали на своемъ живомъ языкѣ*, не съ голоса, а по натурѣ,—второе заключеніе, представившееся мнѣ на пути моихъ размышленій, заключеніе, котораго съ перваго раза нельзя не испугаться еще болѣе, чѣмъ перваго о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами.

Смѣлѣе и смѣлѣе!

Языкъ лѣтописей, вмѣстѣ и языкъ Церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ Великороссіяне.

Слѣдовательно Церковный языкъ есть нашъ языкъ, или, по крайней мѣрѣ, наше древнее Великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тожественное.

А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ! Не похожи ли мы на Улисса, который не узналъ своей Итаки!

Я разсуждалъ, такъ сказать, движеніями мысли. Обратимся къ бытямъ, и представимъ опытъ ихъ объясненія при такомъ новомъ воззрѣніи на предметъ.

Прежде всего предлагаю задачу или вопросъ Филологамъ: могутъ ли они вывести естественно настоящій нашъ языкъ,

---

(1) Обращаю вниманіе на длинныя записки изъ Кіевской лѣтописи, со с 49 и 145. См. выше.

Digitized by Google

по законамъ правильнаго развитія, отъ языка лѣтописей и грамотъ, какъ напримѣръ производится новый Нѣмецкій языкъ отъ языка древняго Нѣмецкаго?

Судя, хоть поверхностно, по нѣкоторымъ новымъ нашимъ изслѣдованіямъ, можно кажется, утвердить это.

А нынѣшнее Сербское и Болгарское наръчія гораздо труднѣе произвести отъ церковнаго наръчія, чѣмъ наше Великороссійское наръчіе. Наше настоящее Великороссійское наръчіе, которымъ мы пишемъ и говоримъ, гораздо ближе къ древнему церковному наръчію, языку Остромирова Евангелія, лѣтописей и грамотъ, чѣмъ Сербское, Болгарское и всякое другое, во всѣ извѣстные періоды ихъ развитія. О западныхъ наръчіяхъ, Польскомъ, Чешскомъ, и говорить нечего.

Одно это замѣчаніе имѣетъ великую силу для подкрѣпленія моихъ заключеній.

Но какимъ же образомъ могло случиться, чтобъ въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, говорено было тѣмъ же языкомъ, какой употребляется гдѣ то около Селуна, въ нынѣшней Македоніи, и на какой переведено Св. писаніе Сс. Кирилломъ и Меѳодіемъ?

А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена Славянскія разсыпались по всей Европѣ, и представили собою въ историческое время растасованную колоду картъ?

Это мы знаемъ, въ этомъ мы увѣрены, и это мы положительно говоримъ (1).

Словене жили на Ильменѣ и въ Словеніи, близь Адріатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи, въ Исполинскихъ горахъ, въ Полабьѣ, Штиріи и Иллиріи.

Дреговичи между Припетью и Западной Двиной, въ Булгаріи, въ Германіи.

Дулебы по Бугу и въ Чехіи, Панноніи.

Древляне въ Волыни и Полабьѣ.

---

(1) См. Изслѣдованія Т. II, с. 386, 387 и проч.

Digitized by Google

Сѣверяне по Деснѣ, Семи, Сулѣ и въ Польшѣ, по Дунаю.
Поляне на Днѣпрѣ и Вислѣ и проч.

Племя, что мы называемъ теперь Великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Селуня, близь береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, и въ нынѣшней Великороссіи.

Положеніе историческое мы принимали безспорно—намъ слѣдуетъ теперь только распространить, такъ сказать, его, и придать ему смыслъ:

Если одно и тоже племя жило въ разныхъ мѣстахъ, то и говорило въ разныхъ мѣстахъ одинаково: Словене говорили сначала одинаково на Ильменѣ и на берегахъ Адріатическаго моря; Хорваты въ Галиціи и Иллиріи; Дулебы по Бугу и въ Чехіи.

Великороссіяне, (которыхъ мы теперь такъ называемъ), могли жить и говорить сначала одинаково около Селуня, въ Кіевѣ и нынѣшней Великороссіи.

Эта одна рѣчь по разнымъ мѣстамъ подверглася впослѣдствіи разнымъ вліяніямъ.

Самъ Церковный языкъ, заключенный такъ сказать въ формы, оставленный въ своемъ движеніи, носитъ теперь по мѣстамъ слѣды этихъ вліяній. Но не смотря на ихъ разность, все-таки единство языка, сходство въ переводѣ Евангелія по Остромирову списку, въ языкѣ лѣтописей и въ языкѣ живомъ настоящемъ Русскомъ, повторяю, гораздо виднѣе, нежели въ какихъ-нибудь другихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ нынѣшнемъ Болгарскомъ и церковномъ, нынѣшнемъ Сербскомъ и церковномъ и т. д.

Откуда же и когда пришли Малороссіяне, живущіе теперь въ сторонѣ Днѣпровской и окружной?

Они пришли послѣ Татаръ отъ Карпатскихъ горъ, и заняли Кіевскую губернію, такъ, какъ потомки ихъ въ XVI столѣтіи заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и Курску.

Digitized by Google

А можетъ быть и прежде Великороссіянами обитаемъ былъ только Кіевъ съ окрестностями, то есть Великороссіянами были только Поляне, которые такъ рѣзко отличаются отъ прочихъ племенъ даже по словамъ самого Нестора: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ великое стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имѣху: не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что вдадуче.»

Галиція, Волынь, Подолія, могли быть заселены искони Малороссійскими племенами, среди которыхъ жило Великороссійское на извѣстномъ пространствѣ (1).

Изслѣдуйте собственныя имена около Кіева, на Волыни, въ Подоліи, Галичѣ, и по собственнымъ именамъ можетъ быть можно будетъ прослѣдить разселеніе древняго Великороссійскаго племени въ нынѣшней Малороссіи, предѣлы занятаго ими пространства. При географическихъ моихъ изслѣдованіяхъ, (2) я былъ пораженъ характеромъ многихъ собственныхъ именъ тамъ, вовсе не Малороссійскимъ.

Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ къ стыду своему мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій.

Изслѣдованіе этого нарѣчія необходимо: покажите намъ степени его родства со всѣми прочими, такъ называемыми восточными и западными Славянскими нарѣчіями.

Покажите или лучше отъищите присутствіе въ немъ восточнаго элемента, то есть слѣды вліянія Торковъ, Печенеговъ, Черныхъ Клобуковъ. Изслѣдуйте особенности Малороссійскаго нарѣчія. Такія изслѣдованія прольютъ свѣтъ и на происхожденіе Казаковъ.

---

(1) Любопытно было бы имѣть свѣдѣнія о Польскихъ Полянахъ.
(2) См. Т. IV, с. 148 и проч.

Digitized by Google

Куда же дѣлись Кіевскіе Великороссіяне?

Послѣ Татаръ они отодвинулись на сѣверъ, да и до Татаръ они распространялись безпрестанно на сѣверъ вмѣстѣ съ князьями. Не даромъ же Несторъ, описывая разселеніе племенъ, по пространству нынѣшней Россіи, оставляетъ нашу Великую Россію почти пусту (1). Туда пришли Великороссіяне съ юга, какъ послѣ съ юга же начали наступать и Малороссіяне, къ Курску, Харькову, Воронежу.

Не странная ли судьба, замѣчу мимоходомъ, что назвалась таки Великою Россіей собственная сѣверная сторона, куда ушло, или гдѣ размножилось собственно Великороссійское племя.

А какъ объяснить то, что лѣтописи послѣ Татаръ писались прежнимъ языкомъ, и Малороссійскаго елемента все-таки въ нихъ не оказывается, хотя Малороссіяне заняли напримѣръ Галичь и Волынь, (если не жили тамъ искони), хотя поселились въ послѣдствіи безъ сомнѣнія въ Днѣпровской области.

На это отвѣчу я вотъ что: Лѣтопись, которая можетъ навести на это сомнѣніе, есть одна, Волынская, и только до конца XIII столѣтія. Можетъ быть Малороссіяне тогда еще не достаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Великороссійскіе въ княжескихъ родахъ, боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословіи. Пришли же туда еще позднѣе Литовцы или Бѣлорусцы, съ Гедеминомъ, и ввели въ письменное употребленіе свой языкъ, ведшійся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссіяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ и даже хоть до Петра I. Какъ Бѣлорусское нарѣчіе употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сна-

(1) См. Т. IV, с. 337.

Digitized by Google

чала при Великороссіянахъ, могло вестися тамъ между грамотѣями еще въ XIII столѣтіи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волынской лѣтописи (подъ г. 1205): бѣ Тимоѳей въ Галичѣ премудръ книжникъ, *отчество имѣя во градѣ Кыевѣ* (1).

Прицѣпясь къ послѣднему замѣчанію, могутъ возразить мнѣ:

Малороссійское нарѣчіе, говорите вы, не обнаруживалось на письмѣ при Бѣлорусцахъ, хотя Малороссіяне жили тогда уже безспорно: точно также могло оно не обнаруживаться и прежде, до Татаръ, а Малороссіяне все-таки тамъ жили.

Нѣтъ, это возраженіе неосновательное. Малороссійскаго послѣ Татаръ не обнаруживалось потому, что писали Бѣлорусцы, и писали на своемъ нарѣчіи, а не Малороссіяне; а въ первомъ періодѣ надо вѣдь въ смыслѣ возраженія предполагать Малороссіянъ писавшихъ.

Конечно здѣсь есть много еще темнаго, сомнительнаго, неопредѣленнаго,—предоставимъ объясненіе времени, а теперь удовольствуемся положеніями, для меня достовѣрными:

Великороссіяне древнѣйшіе поселенцы, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и окрестностяхъ.

Малороссіяне пришли въ эту сторону послѣ Татаръ.

Великороссійское нарѣчіе есть или само церковное нарѣчіе, или ближайшее къ нему, то есть родное, органическое чадо.

Формы письменнаго языка часто костенѣютъ, между тѣмъ какъ народная рѣчь течетъ своимъ потокомъ. Она врывается по временамъ въ письменный языкъ, который между тѣмъ и самъ, подъ перомъ писателей, подвергается своимъ измѣненіямъ. Сравните настоящую Великорусскую рѣчь съ письменнымъ и литературнымъ языкомъ; сравните языкъ Петровскій, Ломоносовскій, Карамзинскій, нынѣшній: сколько

---

(1) Повинюся кстати: когда-то и гдѣ-то, лѣтъ 15 кажется назадъ, я говорилъ, что слово отечество въ нынѣшнемъ смыслѣ patria, новое. Приведенный примѣръ показываетъ противное.

Digitized by Google

измѣненій на нашемъ вѣку и на письмѣ и въ устахъ! Еще больше должны мы предполагать ихъ въ древности, какъ было болѣе простора мысли, и въ языкѣ было болѣе жизненной силы.

На этомъ основаніи можетъ быть легче понять органическую связь между языкомъ Св. Кирилла въ Солуни, варіантомъ его на Черномъ морѣ (1) или Днѣпрѣ, въ IX вѣкѣ, языкомъ Нестора и Кіевской лѣтописи въ XI и XII в., языкомъ лѣтописей Московскаго періода, языкомъ Петровскимъ, Ломоносовскимъ и нынѣшнимъ.

II.

Обращаюсь къ старымъ мнѣніямъ, и по тщательномъ, внимательномъ ихъ разложеніи, что же нахожу въ нихъ?

Зародыши, залоги, намеки на эту истину, нами теперь сознанную; слѣды ея вездѣ, не смотря на невѣрности, излишки, ошибки.

Какое же заключеніе?

Мысли живутъ: онѣ зараждаются, зрѣютъ, даютъ плодъ, очищаются и умираютъ. Снисходительность, терпимость — должны быть непремѣнными правилами изслѣдователя. Мысль у инаго кажется тебѣ нелѣпостью: не сердись, не негодуй — въ нелѣпости есть зародышъ, которому суждено возрасти и развиться при нашихъ внукахъ; его нелѣпость дастъ поводъ къ отысканію истины. Это мимоходомъ, и отъ отвлеченно-

(1) Св. Кириллъ, пристав къ берегамъ Чернаго моря, нашелъ тамъ Евангеліе, переведенное по-Русски. Не осталось ли оно у насъ, замѣтимъ кстати, гдѣ-нибудь? Не найдемъ ли мы его въ какомъ-нибудь изъ тысячи нашихъ списковъ, столько разнообразныхъ, когда мы всмотримся въ нихъ по пристальнѣе? Я встрѣчалъ удивительные варіанты (особенно въ Апостолѣ), и сожалѣю, что ихъ не записывалъ. Укажу теперь на важнѣйшій варіантъ въ Евангеліи Іоанновомъ «въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ въ Богѣ» который по мнѣнію одного знатока предполагалъ древнѣйшее чтеніе Греческаго подлинника, давно нигдѣ не существующее.

Digitized by Google

стей возвратимся опять къ положительности — переберемъ мнѣнія, постараясь найдти въ нихъ генеалогію, какъ Максимовичъ въ системахъ растительнаго царства:

Старое мнѣніе: Церковный языкъ есть нарѣчіе древнее, неизвѣстное (одни говорили — Сербское, другіе Болгарское, Добровскій—Сербо-Булгаро-Македонское).

Это нарѣчіе есть прародитель всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, то-есть отъ него произошли всѣ настоящія Славянскія нарѣчія: нашъ Русскій языкъ, Сербскій, Болгарскій, Польскій, Чешскій, и проч.

(Такъ мы молоды въ ученомъ дѣлѣ, и такъ у насъ все еще дѣлается легко и поверхностно, что я не могу указать положительно на писателя, у кого это мнѣніе формулировано, а оно было общее).

Въ III томѣ изслѣдованій я опровергалъ это мнѣніе, разсуждая такъ: отъ Церковнаго языка произошелъ нашъ Русскій письменный языкъ. А Малороссійскій? Какъ же это случилось, и какія были условія такихъ различныхъ происхожденій? Исторія не помнитъ ихъ. Почему здѣсь произошло одно нарѣчіе, а тамъ другое, третье? Нѣтъ, этого не можетъ быть: нарѣчія эти всѣ ровесники, и существовали современно. Церковное можетъ быть старшее, но въ IX столѣтіи Великороссійское и Малороссійское уже образовались. Церковное мертвое, введенное случайно, употреблено у насъ на письмѣ, вмѣстѣ съ принесенными переводами, подобно Латыни, а Великорусское и Малорусское употреблялось въ устной рѣчи.

Въ XII столѣтіи южные князья переселились на сѣверъ— однако никакого Малороссійскаго вліянія на сѣверѣ ни въ чемъ они не оказали; слѣдовательно, заключалъ я, Малороссіяне не переселились съ ними, а остались на своихъ мѣстахъ, а на сѣверѣ жили тогда уже Великороссіяне.

Въ послѣдствіи я повелъ свое разсужденіе, какъ видѣли читатели, слѣдующимъ образомъ, изъ чего и составилось представленное мнѣніе: если Малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то за чѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ?

Digitized by Google

Если слѣдовъ нѣтъ, то должно заключить, что не Малороссіяне жили тамъ, гдѣ писаны лѣтописи.

А есть другіе слѣды. Какіе? Великороссійскіе.

Слѣдовательно жили Великороссіяне. И это былъ ихъ языкъ живой; не можетъ быть, чтобъ лѣтописатели вздумали ломать себѣ языкъ, и успѣли такъ счастливо; слѣдовательно Церковный языкъ есть нашъ, слѣдовательно Русскій языкъ точно происходитъ отъ Церковнаго, или лучше это есть одинъ и тотъ же языкъ, переходящій свои степени, и правильно впродолженіе тысячи лѣтъ развивающійся.

А прочія нарѣчія не происходятъ отъ него, но имѣютъ свое собственное происхожденіе, свою собственную судьбу, отъ того неизвѣстнаго корня, который скрывается въ глубинѣ вѣковъ, и до котораго, кажется, добираются или скоро доберутся, нѣкоторые изъ молодыхъ нашихъ филологовъ.

Слѣдовательно въ старомъ мнѣніи, сравнительно съ настоящимъ, вотъ что было справедливо:

Языкъ Русскій точно происходитъ отъ Церковнаго.

А несправедливо вотъ что: языкъ Русскій происходитъ отъ Церковнаго, но не какъ сынъ отъ отца, новый отъ стараго, и живой отъ мертваго; это не два языка, Церковный и Русскій, это *одинъ и тотъ же языкъ* живущій, ростущій, развивающійся, одинъ и тотъ же человѣкъ—младенецъ, юноша, мужъ, умножающійся годами.

Прочія же нарѣчія не отъ Церковнаго произошли, а вмѣстѣ съ нимъ въ одно время происходили, развивались изъ тѣхъ звуковъ, кои принесены были праотцами Славянъ изъ Индіи и по мѣстамъ сдѣлались родоначальниками разныхъ Славянскихъ нарѣчій. Церковное нарѣчіе (Великороссійское тожъ) имѣло на нихъ переводомъ священныхъ книгъ свое вліяніе, отъ котораго они теперь начинаютъ отчасти освобождаться, то есть писать съ живой рѣчи, а не съ церковнаго голоса, какъ поступали до сихъ поръ,—напримѣръ, Сербы.

Въ моемъ мнѣніи вотъ что было справедливо: въ эпоху перевода Священнаго писанія племена: Малороссійское, цер-

Digitized by Google

ковное, т. е. то, на чей языкъ переведены были книги, жили, каждое своею жизнію, какъ Чешское, Польское, Сербское, жили и говорили своими языками.

А вотъ что было несправедливаго, или лучше темнаго, непредѣленнаго, что теперь дополняется и уясняется: Великороссійское и Церковное не суть два нарѣчія, какъ тогда я полагалъ, а есть одно и то же нарѣчіе, по мѣстамъ (въ Селуни и на Днѣпрѣ) имѣвшее нѣкоторыя легкія отличія, подобныя нынѣшнему Малороссійскому Полтавскому и Малороссійскому Галицкому. Нынѣшнее письменное Великороссійское нарѣчіе есть тотъ же Церковный языкъ, въ устахъ народа подвергшійся измѣненіямъ и достигшій трудами писателей настоящаго совершенства, а не особое нарѣчіе.

Выражу главную мысль еще короче:

Прежде говорили: Церковный языкъ корень. Отъ него происходятъ всѣ нарѣчія.

Я говорилъ: Церковный языкъ и прочія Славянскія нарѣчія братья ровестники, и происходятъ всѣ отъ одного неизвѣстнаго корня, принесеннаго изъ Индіи.

Нынѣ я соединяю Церковный языкъ съ Русскимъ языкомъ, оставляя тоже происхожденіе.

Форма Церковнаго языка, нѣкогда живая, измѣняясь послѣдовательно въ устахъ народныхъ, образовываетъ собою языкъ лѣтописей, грамотъ, и наконецъ нашъ нынѣшній письменный и изустный языкъ.

Г. Срезневскій, своимъ разсужденіемъ обратившій было меня въ 1852 г. къ обработкѣ настоящаго моего разсужденія, справедливо утверждалъ тождество языка народнаго и письменнаго въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ и вмѣстѣ отсутствіе всякихъ признаковъ Малороссійскихъ.

Вотъ собственныя слова его и ученика его г. Лавровскаго:

Digitized by Google

Г. Срезневскій: «Если бы языкъ народный въ то время, когда были писаны всѣ эти вещи (лѣтописи, Русская Правда, грамоты, Слово о полку Игоревѣ и проч.), отличался отъ книжнаго, то онъ *не могъ бы не показать себя хоть кое-гдѣ своими особенностями*—по крайней-мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной Европы въ тоже время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ.» Мысли объ Исторіи Русскаго языка, с. 96.

Это для меня весьма важно въ устахъ профессора Славянскихъ нарѣчій, подтверждая вполнѣ мои разсужденія.

Г. Лавровскій (Объ языкѣ сѣверныхъ лѣтописей, с. 6). «Развѣ тотъ же самый Несторъ не обнаружилъ бы *хотя однажды и хотя одного признака* нарѣчія Малорусскаго, подобно лѣтописцамъ Новогородскимъ, которые никакъ не могли удержаться, чтобъ въ XIII—XIV столѣтіи, вмѣстѣ съ чертами языка обще-Русскаго древняго не включить особенностей своего говора мѣстнаго.»

А вотъ что невѣрно, и что сильнѣе моего опровергнется безъ сомнѣнія г. Максимовичемъ, котораго задеретъ оно за живое,—будто до Татарскаго времени совершенно не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія:

Лавр. с. 5. «Одинаковость Славянскаго происхожденія, однообразіе родоваго быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ Славянъ въ то отдаленное время, *не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югъ и сѣверъ.*

с. 7. «*Разнообразія* въ строѣ языка, его фонетикѣ и формахъ грамматическихъ, разнообразія, которое давало бы право и въ эпоху образованія Русскаго государства *видѣть въ языкѣ Русскомъ два нарѣчія, не было*, и по тогдашнему положенію Славянъ Русскихъ *быть не могло.*»

с. 11. «Съ XIII—XIV столѣтія южная Русь была покинута Сѣверомъ.... При такомъ положеніи дѣлъ могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе.»

Digitized by Google

с. 19. «Давнія, но неиспоконныя черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное — Великорусское и Малорусское.... не восходятъ выше XIII—XIV столѣтія (1).»

Гг. Срезневскій и за нимъ Лавровскій, не видятъ ничего Малороссійскаго въ лѣтописяхъ, изъ чего и заключаютъ, что Малороссійскаго совсѣмъ еще не существовало.

Нѣтъ, Малороссійское существовало, въ устахъ своего племени, а лѣтописи писаны Великороссіянами, которые потому и оставили свои слѣды, а не Малороссійскіе.

Къ сказанному прежде еще возражаю: Малороссійское нарѣчіе составилось, говорите вы, вновь, но народъ-то Малороссійской, характеръ его совершенно отличный отъ прочихъ Славянскихъ племенъ, неужели и народъ Малороссійскій и характеръ его образовался, объособился только послѣ Татаръ? Не можетъ быть: онъ носитъ всѣ признаки самобытнаго племени.

Кто же жилъ, напримѣръ, въ Галичѣ въ XIII вѣкѣ, если Малороссіяне тогда только раждались?

Малороссіяне жили въ Карпатахъ, какъ въ своей колыбели, въ Галичѣ, представляющемъ совсѣмъ другой характеръ, жили вѣроятно и на Волыни, гдѣ опять другой характеръ встрѣчаемъ мы, напримѣръ, во время Курбскаго, а характеръ времени Курбскаго тотъ же съ характеромъ Галицкихъ бояръ до Татаръ.

Далеко ли кругомъ около Днѣпра жили Малороссіяне, покажетъ, повторяю, Географія.

Далѣе на югѣ жили Торки, Берендѣи, остатки Печенѣговъ и всѣ Черные Клобуки.

Къ этимъ Торкамъ и проч. перешли, можетъ быть, скажемъ здѣсь кстати, Малороссіяне съ Волыни, (а среднее Великороссійское пространство опустошено Татарами), равно какъ и остатки всего военнаго сословія Русскаго, и составили тамъ новое племя Казацкое (2).

---

(1) У Срезневскаго Мысли объ Исторіи Русскаго языка, с. 95—96. См. выше.
(2) Срав. т. V, с. 206.

Digitized by Google

Теперь естественно я вспомнилъ о г. Сенковскомъ, противъ котораго вооружался въ 1843 году, по поводу замѣчаній на Исторію Малороссіи, Маркевича.

Въ его мысли брежжило понятіе о новости Малороссіянъ въ Малороссіи, происшедшее впрочемъ отъ нерасположенія къ качеству. П. А. К. напечаталъ сильную филиппику въ Москвитянинѣ (1), къ коей приложилъ я тогда слѣдующее примѣчаніе, повторяемое мною здѣсь, потому что оно дополняетъ нѣсколько разсужденіе о нашемъ вопросѣ (2):

«Библіотека говоритъ: что Малороссіяне произошли отъ бѣглецовъ Литовскихъ.»

«А отъ кого же произошли, спрошу я его, жители Галицкаго княжества, которые во время Владимира Святаго, передъ Монголами и послѣ Монголовъ, наконецъ и въ наше время, живутъ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, и говорятъ однимъ языкомъ; жители Галицкаго княжества, которые до Литовцевъ были слишкомъ хорошо извѣстны Исторіи, которые во времена Даніиловы властвовали надъ Литовцами, которымъ Воишелгъ предоставлялъ по завѣщанію свою Литву? Слѣдовательно и они бѣглецы Литовскіе? Они вѣдь одни и тѣже люди съ нынѣшними Малороссіянами Чернигова, Полтавы, Переяславля? Неужели Бибіотека не видитъ, что она съ своимъ утвержденіемъ доходитъ до исторической безсмыслицы, не простительной даже г. Полевому, не только ея учености. Я говорилъ о Галиціи, но сѣверо-восточная Венгрія по Карпатамъ населена тѣми же Русинами: и они бѣглецы Литовскіе? А если они не бѣглецы, то и прочіе Малороссіяне также. Мнѣ кажется довольно и этихъ двухъ словъ для показанія нелѣпости старыхъ бредней о Малороссіи, кои господствовали между Польскими историками.»

Перечитывая все относящееся къ моему предмету, я нашелъ слѣдующія весьма важныя для меня строки у г. *Каткова* въ его разсужденіи — Объ элементахъ Русскаго языка:

(1) Москвитянинъ, 1843, N 5. (2) Москвитянинъ, 1843, N 6, с. 354.

Digitized by Google

«Въ древнѣйшихъ памятникахъ Русской письменности до Московскаго періода встрѣчаемыя формы исконнаго быта языка, (и между ними форма двойственнаго числа), почему непремѣнно должны быть относимы ко вліянію Церковнаго нарѣчія? И Церковное и Русское нарѣчіе суть видоизмѣненія одного и того же языка. Правда, нарѣчіе Церковныхъ книгъ представляетъ намъ формы Славянскаго языка бо́льшею частью въ полнѣйшемъ и древнѣйшемъ видѣ, нежели прочія нарѣчія; однако причина этого преимущества состоитъ только въ томъ, что церковные памятники языка суть древнѣйшіе памятники.»

«У насъ еще доселѣ не найдено мѣрила для различенія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго. Послѣднее такъ сопроникло съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту. Бо́льшею частію, говоря объ Русскомъ языкѣ, имѣютъ въ виду только либо языкъ Московскаго государства, либо нынѣшнюю Русскую рѣчь. Не забудемъ, что Русскій языкъ сложился изъ многихъ коренныхъ Славянскихъ стихій, даже доселѣ не совсѣмъ угасшихъ, и даже доселѣ не совсѣмъ извѣстныхъ, а частію и вовсе неизвѣстныхъ. Почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи, сіи разнообразные, богатые памятники нашей письменности, почему непремѣнно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать, что эти памятники писались по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, но Русскому же? Я такъ думаю, что не только лѣтописи, или Русская Правда, или Слово о Полку Игоревѣ, или Вопросы Кирика и проч.; но и тотъ проповѣдникъ Туровской каѳедры въ своихъ столь же глубокихъ, сколь простодушныхъ словахъ, исполненныхъ живаго сочувствія съ настоящимъ, всенародно говоренныхъ, и часто, какъ рѣченіями, такъ даже и формами напоминающихъ свое мѣсторожденіе, сторону Руси югозападную, что Кириллъ Туровскій входитъ не только въ исторію Русской словесности, но по многому и въ исторію Русскаго языка» (1)

(1) Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка. М. Каткова, 1835, с. 215 и проч.

Digitized by Google

Эти строки для меня весьма важны. Г. Катковъ представилъ свое изслѣдованіе, чисто филологическое, объ элементахъ и формахъ, по строгимъ законамъ новой филологіи. Слѣдя языкъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, какое я сдѣлалъ почти a priori; тождество ихъ доставляетъ мнѣ сильное подкрѣпленіе.

Г. *Кубаревъ* подкрѣпляетъ меня совсѣмъ съ другой стороны, какъ вы думаете, съ какой? Съ орѳографіи Въ своемъ разсужденіи о Патерикѣ Печерскомъ (1) онъ указываетъ на многіе признаки Великороссійскаго произношенія въ древнихъ нашихъ рукописяхъ.

Выпишу еще нѣсколько словъ изъ разсужденія профессора *Григоровича*, кои показываютъ также движеніе мысли около нашихъ положеній: «Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма Церковно-Славянская, потому именно, что она не находится въ Русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи Церковно-Славянскаго языка на Русскій смѣшиваетъ два начала—древне-Славянскій и древній Русскій, и едва ли не будетъ справедливѣе признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія Церковно-Славянскаго языка, *постепенное исчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ*» Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о связи Церковно-Славянскаго языка съ судьбами нашей образованности. «Въ исторіи нашего просвѣщенія — говоритъ онъ — не столько важенъ вопросъ о вліяніи Церковно-Славянскаго языка на Русскій, сколько обратно вліяніе Русскаго на Церковно-Славянскій. Внесенный вмѣстѣ съ св книгами онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но не принимая въ себя ничего, что разнитъ Русскія нарѣчія, усвоилъ что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно въ немъ есть много Русскаго, но ничего Мало-Россійскаго, ничего Велико-

(1) Чтенія Моск. Историческаго Общества, 1847, N 9, с. 98 и проч.

Digitized by Google

Русскаго, ничего Бѣло-Русскаго. Онъ былъ связью племенъ, наречій, былъ символомъ единства Россіи» (1).

Выпишемъ еще одно любопытное замѣчаніе изъ статьи г. *Сухомлинова*: *Тождество* языковъ Славянскаго и Русскаго признавалось не только Русскими, но и другими Славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что Св. писаніе первоначально переведено на «Русскій тончайшій» языкъ (2).

Соображая теперь всѣ сіи отдѣльныя замѣчанія, въ разныя времена, по разнымъ поводамъ, разными лицами сдѣланныя, я убѣждаюсь въ моихъ заключеніяхъ болѣе и болѣе, и приглашаю филологовъ стать на мою точку, и разсудить безпристрастно объ этомъ дѣлѣ по законамъ ихъ науки.

Съ самаго начала я счелъ свои мысли фантастическими, и предложилъ ихъ такъ Шафарику, кажется еще въ 1840 г. Онъ одобрилъ ихъ, и я напечаталъ тогда отзывъ изъ его письма, но теперь не найду гдѣ.

Узнавъ о занятіяхъ В. И. Даля, я послалъ ему свое замѣчаніе о наречіи Великороссійскомъ, и онъ напечаталъ его въ своемъ изслѣдованіи о Русскихъ наречіяхъ, въ Трудахъ нашего Географическаго Общества, въ 5 книгѣ Вѣстника на 1852 годъ, см. с. 16.

Не могу не прибавить въ заключеніе: Великороссійское наречіе заключаетъ столько свойствъ, общихъ всѣмъ Славянскимъ наречіямъ, по свидѣтельству многихъ нашихъ филологовъ, что по всей справедливости считается ихъ представителемъ. Удивительную судьбу предназначилъ ему Богъ, вложивъ въ уста того племени, которому суждено первое мѣсто между всѣми племенами въ мірѣ Славянскомъ, и можетъ быть Европейскомъ!

---

(1) Ученыя Записки 2 Отд. Академіи Наукъ, т. I, с. 247. (2) Ib. с. 249.

Digitized by Google

Многіе Славяне, разсуждая о необходимости избрать въ наше время одно общее Славянское наръчіе для основанія, облегченія и укрѣпленія взаимности между Славянами, для обезпеченія ихъ успѣховъ и возбужденія способностей, рѣшаются писать на Церковномъ Славянскомъ языкѣ. Причиною такого выбора поставляютъ они то, чтобъ не обидѣть ни одно племя и не возбудить ни въ комъ зависти — въ Полякахъ, Сербахъ, Чехахъ и проч. То есть, они берутъ языкъ IX вѣка, языкъ остановившійся, и хотятъ заднимъ числомъ говорить имъ, писать на немъ, воротиться, такъ сказать, къ нему назадъ,— но онъ вѣдь жилъ, шелъ, развивался, богатѣлъ—такъ возьмите его себѣ не изъ могилы, а изъ жизни, возьмите жизнь, а не смерть, то есть *пишите по-Русски!*

(Я говорю это только въ отношеніи къ взаимному сообщенію, а впрочемъ всѣ наръчія, каждое у себя, должно жить своею особою жизнію, развиваться и совершенствоваться).

Русскій языкъ долженъ въ свою очередь обогатиться всѣми наръчіями, а онъ и теперь уже первый языкъ въ Европѣ! Что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань съ живой рѣчи, которая раздается на пространствѣ 15 тысячъ верстъ въ длину и 10 въ ширину, безпрестанно богатѣетъ еще въ устахъ народа, творится, — что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань и со всѣхъ Славянскихъ живыхъ наръчій, со всѣхъ ихъ литературъ древнихъ и новыхъ? Это — чудное явленіе, такое же чудное, какъ Русская исторія, какъ Русская пѣсня, какъ Русское право, какъ вся Россія....

М. Погодинъ.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЪ

Севастопольскаго матроса,

въ москвѣ (*).

....Я вамъ скажу: отличнѣйшій былъ пароходъ нашъ Владиміръ; лучше парохода у насъ на Черномъ морѣ и не было, да и у непріятеля мало такихъ было. У него только маленькіе пароходы съ паровиками, а большіе все винтовые; а винтовые такъ шибко не бѣгаютъ, какъ съ паровиками. У! куда шибко бѣгалъ нашъ Владиміръ, и размѣровъ былъ большихъ! Пушекъ на немъ было шесть, да все бомбическія, и такой величины, что и на крѣпости такихъ не было: хватали на четыре версты. Капитанъ нашъ Бутаковъ, вотъ ужъ сказать, молодецъ, храбрецъ, какихъ мало, — чисто въ Корнилова пошелъ весь. Съ нимъ мы до войны ходили на Владиміръ и къ Царьграду, и въ Грецію, по Средиземному морю плавали, и къ Венеціи приставали, — много мѣстъ обходили. Какъ началась война съ Туркою, мы крейсеровали на Владиміръ по Черному морю; къ Варнѣ подходили и у Царьграда были: все высматривали, гдѣ флотъ непріятельскій. Въ тѣпоры Англійскаго, да Французскаго флота еще въ Черномъ морѣ не было, и какъ разъ можно бъ было взять нашему флоту не только какую-нибудь приморскую турецкую крѣ-

(*) На словахъ простаго матроса или солдата нельзя, разумѣется, основывать никакихъ разсужденій. Не видя ничего дальше своего ряда, они не могутъ имѣть яснаго понятія о военныхъ дѣлахъ. Предлагаемый разсказъ, (доставленный въ Редакцію И. Ѳ. Мамонтовымъ, помѣщается только какъ образчикъ низшихъ взглядовъ, кои знать любопытно, но не болѣе. *Ред.*

Digitized by Google

пость, а и самый Царьградъ. Вотъ мы крейсеровали, крейсеровали по Черному морю, да и повстрѣчали турецкій пароходъ Первазъ-Бахри. По началу мы не знали, чей это пароходъ: нашъ аль Туркинъ. Вотъ и стали мы стрѣлять въ него изъ пушекъ холостыми зарядами, т.-е. это значитъ нашъ сигналъ отъ него спрашивать. Слышимъ—пароходъ молчитъ, не даетъ сигнала. Тутъ ужъ мы и узнали, что это не нашъ, а Туркинъ пароходъ. Перекрестились мы тогда, да первые и начали на морѣ войну съ Туркою — пустили въ пароходъ его зарядъ съ ядромъ. Турка намъ отвѣчалъ тѣмъ же, и пошли мы съ нимъ драться. Три часа бились, обсилили его и взяли пароходъ въ плѣнъ. Ну, извѣстное дѣло, радость у насъ сдѣлалась большая и Государю послужили, и себѣ призъ добыли, т.-е. знаемъ, что намъ всѣмъ Владимирцамъ за него начальство денежное награжденіе дастъ. Вотъ и пошли мы къ Севастополю, ведемъ Турецкій пароходъ съ собою. Тутъ вдругъ мы наткнулись на флотъ. Не видать было чей онъ, за туманомъ, и мы такъ и думали, что Туркинъ. Мы дали сигналъ выстрѣлами, и намъ отвѣтили съ флота нашими сигналами. Обрадовались мы встрѣчѣ, и тотчасъ съ своей добычей пристали къ нашему флоту. Что и сказывать вамъ, сами смекнете, пошло поздравленіе, и была большая благодарность намъ отъ начальства.

Подъ Синопомъ вотъ мы не были. Нашъ Владимиръ чинился въ тѣ-поры въ Севастополѣ. Видите, мы предъ тѣмъ буксировали на немъ большой корабль, да и попортили машину. Нашъ Бутаковъ въ то время, какъ чинили Владиміръ, ходилъ на пароходѣ Одесса. Корниловъ съ этимъ пароходомъ, съ Херсонесомъ, да еще третьимъ, вышелъ изъ Севастополя къ Синопу, посмотрѣть гдѣ флотъ Туркинъ. Вишъ былъ туманъ и вдали показался флотъ. Распознать его, чей онъ, за туманомъ, было нельзя, такъ Корниловъ и велѣлъ оттягивать назадъ пароходы. Оттянули ихъ до того, что только верхушки мачтъ стало видно у флота. Корниловъ съ Бутаковымъ пошли на одной Одессѣ, чтобъ разсмотрѣть поближе флотъ. Какъ стали они приближаться къ флоту, по-

Digitized by Google

слышалась пушечная пальба и вдругъ видятъ улепетываетъ оттуда Турецкій пароходъ Таифъ. Опосля сказывали, что двадцать восемь малыхъ пушекъ на немъ, и съ Туркой Англичанинъ былъ. Корниловъ погнался за Таифомъ. Таифъ бѣжать отъ него. Корниловъ за нимъ. Да что, на Одессѣ и такъ бы не догнать Таифа, а тутъ еще онъ пустилъ два ядра въ Одессу. Однимъ ядромъ разорвало пополамъ знаменщика, да рулевому руку оторвало, а другимъ попортило колесо у машины. Пришлось остановиться. Кабы Корниловъ гнался на нашемъ Владимирѣ за Таифомъ, не убѣжать бы ему отъ насъ.

Какъ воротились наши моряки въ Севастополь изъ-подъ Синопа, то-то празднество у насъ пошло. Множество Турокъ плѣнныхъ привезли они, да въ томъ числѣ не токмо разнаго начальства ихъ, а и самаго главнаго адмирала Туркина. Больно жалѣли мы, что насъ не было подъ Синопомъ. Посказали товарищи, что вишь молодецъ Нахимовъ часа въ два-три раскаталъ такъ всю Туркину эскадру у Синопа, что вся тамъ погибла, только убѣжалъ одинъ Таифъ.

Пароходъ нашъ Владиміръ всю зиму чинился въ Севастополѣ. Какъ на Страстной недѣлѣ Французъ съ Англичаниномъ бомбардировали Одессу, мы не выходили изъ Севастополя, по той причинѣ, что близко отъ него стояла часть флота непріятельскаго. Французъ съ Англичаниномъ воротились изъ-подъ Одессы, знаете, не солоно хлебавши, еще у нихъ же тамъ три парохода попортили. По началу у Камышовской бухты стояли, какъ торчекъ на глазахъ нашихъ, три парохода французскихъ, да англійскихъ. Вѣстимо, знать наблюдали за нами. Смотрѣли мы, смотрѣли на эти пароходы, да индо сердце насъ взяло на нихъ. Вотъ мы и вышли изъ бухты тремя же пароходами, чтобъ прогнать ихъ прочь. Мы было начали нападать на нихъ, да поопаслись, что близко корабли ихніе, такъ мы, знаете, назадъ и повернули. Пароходы бросились за нами, да не догнали. А мы вотъ ихъ подвели подъ наши Севастопольскія батарси, да и ушли въ бухту. Какъ съ батарей грянули по тѣмъ пароходамъ, такъ Французъ съ Англичаниномъ поскорѣй и убрались прочь.

Digitized by Google

Всю ту весну да лѣто разхаживалъ Французъ съ Англичаниномъ на корабляхъ своихъ, около насъ, да зарился на нашъ Севастополь, а сунуться брать его съ моря боялся. Случалось въ ту весну и лѣто мы съ Бутаковымъ на Владимирѣ нашемъ выходили изъ бухты въ море, высматривать флотъ непріятельскій. Этакъ разъ пароходъ нашъ и въ Одессу сходилъ въ тѣ поры.

Такъ все дѣло шло до осени. Полагалось, что Французъ съ Англичаниномъ станутъ брать Севастополь съ моря, такъ наши и укрѣпляли тогда его съ одного моря. Съ сухопутья не ждали непріятеля, и никакихъ тамъ укрѣпленій не дѣлали. Тамъ было только прежнихъ всего батареи двѣ. Какъ есть совсѣмъ открытъ былъ Севастополь съ сухопутья. Когда узнали наши, что Французъ высадился у Евпаторіи, такъ князь Меньщиковъ взялъ всю армію нашу, что была въ Севастополѣ, (а армія была малая), и пошелъ съ нею навстрѣчу Французу съ Англичаниномъ. Въ Севастополѣ остались только одни мы моряки. И день и ночь дѣлали мы укрѣпленья съ сухаго пути на южной сторонѣ Севастополя. Тѣмъ временемъ Меньщиковъ жарко дрался съ Французомъ, да Англичаниномъ, подъ Альмою. Легло, сказывали, много тамъ и ихнихъ и нашихъ, да не пришлось намъ одолѣть тогда Француза. Вотъ и сталъ его князь Меньщиковъ водить за собою взадъ и впередъ, а мы тѣмъ временемъ, какъ онъ водилъ его, успѣли съ сухаго пути поукрѣпить Севастополь. Входъ въ Севастопольскую бухту-то съ моря, мы затопили четырьмя старыми кораблями; такъ пушки-то съ нихъ и поставили на батареяхъ, что устроили мы съ сухопутья. Когда воротился князь Меньщиковъ съ арміею въ Севастополь, такъ подступилъ къ нему съ сухаго пути и Французъ съ Англичаниномъ. Мостъ-то чрезъ Черную рѣчку мы уничтожили, и непріятелю нельзя было переходить на Сѣверную сторону Черной. Въ эту пору привалилъ съ моря къ Севастополю страшный флотъ Англійскій, да Французскій. Словно лѣсъ дремучій обхватилъ онъ съ моря Севастополь. И принялся тутъ Французъ съ Англичаниномъ страшно бомбардировать

Digitized by Google

Севастополь и съ моря, и съ сухаго пути. Наши моряки, съ затопленныхъ кораблей и другихъ были переведены на южныя батареи, защищать родной Севастополь съ сухопутья. Казалось бы тѣмъ, кто дѣла не зналъ, что нашимъ морякамъ съ непривычки не ловко будетъ драться на сухомъ пути; да по началу требовалось только мѣтко стрѣлять, а наши моряки стрѣляли отлично: катали изъ пушекъ все прицѣльными выстрѣлами. Дней четырнадцать сряду бомбардировалъ Французъ съ Англичаниномъ, и съ моря, и съ сухопутья Севастополь нашъ. Особливо, что за ужаснѣйшая бомбардировка была пятаго октября. Отъ тысячи пушечныхъ выстрѣловъ свѣту Божьяго было не видно Словно туманъ страшный стоялъ надъ моремъ и Севастополемъ. На близкомъ разстояньи человѣка различить было не можно. Мы стояли на Владимирѣ въ нашей Севастопольской бухтѣ. Непріятельскій флотъ страшно палилъ и въ бухту по насъ. Да нѣтъ, какъ ни бомбардировалъ тогда Французъ съ Англичаниномъ и съ моря и съ сухопутья Севастополь, да наши моряки отстояли его. На утро, послѣ той бомбардировки, послалъ непріятельскій флотъ пароходъ свой разсмотрѣть, что сдѣлалось вчера съ нашими приморскими батареями отъ его тысячей выстрѣловъ, и увидѣлъ пароходъ, что они цѣлехоньки, порча самая малая. Одно только жалко, что въ эту страшную бомбардировку пятаго октября оторвало на смерть ногу Корнилову на Малаховомъ курганѣ. Корниловъ былъ отличнѣйшій начальникъ. Конечно строгъ онъ былъ, однако больно любилъ насъ матросовъ; а строгость иногда и нужна нашему брату; всякіе и изъ насъ бываютъ. Корниловъ-то у насъ былъ на мѣсто покойнаго Лазарева. А всѣмъ извѣстное дѣло, что вѣдь Лазаревъ такъ сильно укрѣпилъ съ моря Севастополь, и отъ его старанья сталъ такимъ отличнѣйшимъ флотъ у насъ на Черномъ морѣ. Лазаревъ поѣхалъ лечиться за границу, да тамъ и померъ, лѣтъ за нѣсколько до войны. Его тѣло вывезли оттоль къ Черному морю. Мы взяли на Владимиръ его и привезли хоронить въ Севастополь. Два дни тѣло его было на нашемъ пароходѣ. Какъ только поранили

Digitized by Google

Корнилова, то тотчасъ поступилъ на его мѣсто, оборонять Севастополь, Нахимовъ. Вотъ душа-то былъ, царство ему небесное! какъ есть отецъ былъ намъ матросамъ. Бывало—провинится кто изъ насъ, придетъ къ нему съ повинною, все разскажетъ ему, какъ на духу, и проститъ тебя отецъ. До Синопа за одно недолюбливали его матросы — не охотникъ былъ въ порты заходить. Бывало мѣсяцевъ по шести все въ морѣ ходитъ, ни въ какой иностранный портъ не зайдетъ. Коли вода вся, провіантъ выйдетъ, — такъ вернется въ свой портъ, запасется, и опять въ море. Бывало кто съѣздитъ съ корабля въ иностранный портъ, да какъ воротится, такъ Нахимовъ и спрашиваетъ: «Что-съ, хорошо-съ въ городѣ?» отвѣтятъ, что хорошо, а онъ скажетъ: «нѣтъ, что вы говорите пустое, въ морѣ лучше, спокойнѣй: тутъ ни пы́ли, ни духоты нѣтъ». Женщинъ не любилъ онъ; и никакихъ городскихъ увеселеній не терпѣлъ. Плавалъ Нахимовъ все больше на кораблѣ Двѣнадцать Апостоловъ, любимой это корабль его былъ. Бывало проснется онъ на кораблѣ чуть свѣтъ, и тотчасъ надѣнетъ сертукъ. Онъ спалъ на кораблѣ всегда и въ панталонахъ, и въ сапогахъ, снималъ только на ночь сертукъ, а во время осады Севастополя не снималъ и сертука: такъ во всемъ одѣвшись и спалъ. Вотъ всегда бывало, какъ только подымется онъ поутру, то и начнетъ съ своего корабля осматривать весь флотъ нашъ. Коль замѣтитъ, что на какомъ-нибудь кораблѣ веревка какая не исправна, такъ тотчасъ пошлетъ на тотъ корабль съ выговоромъ. Душа его была, чтобъ всѣ корабли въ полной исправности были, и команда вся въ лучшемъ порядкѣ. Послѣ Синопа, мы всѣ моряки, такъ крѣпко полюбили Нахимова, что никого изъ всѣхъ начальниковъ не любили такъ. Съ нимъ отцемъ мы ради были идти на смерть. Вотъ какъ Нахимовъ поступилъ оборонять Севастополь съ сухаго пути, такъ и тамъ,—у, куда-какъ все время осады наблюдалъ порядокъ. То и дѣло объѣзжалъ всѣ бастіоны, да батареи.

Вотъ славный былъ еще начальникъ Истоминъ, онъ помогалъ Нахимову, да Истомина въ половинѣ осады тоже убило ядромъ непріятельскимъ на Корниловскомъ бастіонѣ. 10

Digitized by Google

Во все время осады Севастополя мы были на Владимирѣ и не выходили изъ бухты. Французъ съ Агличаниномъ своими кораблями такъ и караулилъ нашъ выходъ изъ бухты. На ночь мы и другіе пароходы наши по перемѣнкамъ подходили къ Черной рѣчкѣ, сторожить, да тревожить тамъ непріятеля. У другихъ-то нашихъ пароходовъ до войны было только по четыре пушки, а въ войну прибавили еще по двѣ. У насъ для ночи приготовлены были ночные сигналы, красные, да другіе фонари. Въ случаѣ, естьлибъ непріятель тронулся ночью на наши укрѣпленья, то мы бы этими сигналами тотчасъ дали знать съ Черной нашимъ укрѣпленьямъ. Да этого не случалось ни разу. Такъ, какъ близко къ берегу-то мелко на Черной, и на параходъ нельзя подойдти къ нему, то съ нами были лодки, и на нихъ находилось по пушкѣ. Лодки наши подплывали къ берегу, и иногда матросы изъ нихъ выходили на берегъ непріятельскій, и были случаи даже тамъ въ плѣнъ обходныхъ его захватывали. Французу въ потьмахъ по началу не видать было нашихъ пароходовъ на Черной. А какъ онъ узналъ, что мы всякую ночь караулимъ его, такъ и устроилъ на своемъ берегу замаскированную батарею. Какъ-то ночь была не такъ темна, и караулилъ на Черной пароходъ Херсонесъ, Французъ и разсмотрѣлъ его, да и началъ стрѣлять по немъ. У насъ свои были устроены батареи на нашемъ берегу Черной. Вотъ и пошли перестрѣливаться. Херсонесъ воротился въ бухту, и съ той поры, мы, какъ пароходъ нашъ ходилъ на дежурствѣ, такъ не стояли на одномъ мѣстѣ. Бывало въ потьмахъ выпалимъ по Французской батареѣ. Она и намѣтитъ на то мѣсто, отколь мы выпалили, да и выстрѣлитъ, думаетъ по насъ. А ужъ мы давно не тутъ, а на другомъ мѣстѣ Черной, да опять выпалимъ въ Француза, а онъ опять бухъ въ пустое мѣсто. Такъ бывало иногда и пробавляешься съ нимъ ночью.

Куда, какъ больно жалѣли мы всѣ, какъ не поспѣла нашимъ помощь при Инкерманѣ, въ тѣ поры, какъ напала наша армія въ расплохъ на Англичанина съ Французомъ. Наши пошли было такъ ихъ катать, что индо начали, какъ пухъ,

Digitized by Google

весь лагерь ихней разметывать. Прорвались было ужъ наши чрезъ три редута ихнихъ, а одинъ полкъ прочесалъ къ самой Балаклавѣ. Англичанинъ съ Французомъ совсѣмъ сробѣлъ, разтерялся весь. Сказываютъ, что ихъ главный начальникъ ужъ сигналъ отдалъ: быть готовымъ садиться на корабли, да бѣжать изъ Крыма. А, какъ вотъ не поспѣла подмога нашимъ, такъ Французъ и справился, да и поворотилъ нашихъ назадъ. Неча сказать—молодецъ Французъ, особливо тѣ, что въ красныхъ штанахъ ходятъ. И начальники больно хороши у Французовъ. Я вамъ скажу, кабы ни Французъ, такъ давнымъ бы давно и помину не было въ Крыму Англичанина съ Туркою. Англичанинъ на сухомъ пути все едино, что Турокъ; — оба они просто — дрова! Англичанинъ больно искусенъ только на морѣ. Сами плѣнные Французы говорили намъ: Англичанинъ, да Турка пфу! т.-е. значитъ плеваго дѣла стоютъ. «А Французъ, да Русской вотъ!» говорили плѣнные и пилили себя пальцами по горлу, т.-е. показывали: вотъ такъ оба и ради рѣзаться на смерть другъ съ другомъ. Особливо куда солоны были Французу наши моряки; радъ онъ былъ до смерти, когда ему случалось полонить нашего брата моряка.

Вотъ я вамъ еще скажу про Великихъ Князей Николая Николаевича, да Михайла Николаевича. Чистыми Русскими молодцами они вели себя въ Севастополѣ. Первые шли впередъ въ опастность, страху не знали; по всѣмъ бастіонамъ, на корабляхъ и пароходахъ нашихъ бывали. Всѣ лазареты обхаживали, утѣшали тамъ всѣхъ раненныхъ и помогали имъ отъ щедротъ Своихъ Царскихъ. Время стояло осеннее, грязь страшная, а Они ходили по Севастополю изъ лазарета въ лазаретъ пѣшкомъ, въ большихъ по колѣна сапогахъ.

Еще до зимы, въ началѣ ноября, послалъ Богъ такую бурю на Черномъ морѣ, что никто изъ стариковъ такой не запомнитъ. Во всю ночь шелъ дождь и перемочилъ до костей всѣхъ нашихъ солдатъ, что стояли на цѣпяхъ около Севастополя. А тутъ поднялась такая буря, что всѣ корабли и суда французскіе да англійскіе поразбило у Евпаторіи, да близъ Балаклавы. Тѣ корабли ихъ, что стояли у Севастополя,

Digitized by Google

въ Бухтѣ уцѣлѣли, имъ не што̀ дѣлалось. Насъ тоже качало такъ въ нашей бухтѣ, что индо кушанье нельзя было готовить. Котлы съ щами выплескивались отъ страшной качки. А у насъ на корабляхъ готовилось кушанье для всѣхъ моряковъ нашихъ, что были въ Севастополѣ на батареяхъ. Имъ водой возили туда кушанье, а въ такую небывалую бурю и перевезти нельзя было его. Кабы еще денекъ постояла такая буря, такъ бы всѣ непріятельскіе корабли погубила на Черномъ морѣ. У насъ буря эта разнесла затопку, что мы сдѣлали при входѣ съ моря въ нашу бухту. Какъ прошла буря, такъ мы тотчасъ еще крѣпче затопили то мѣсто, четырьмя, ужъ новыми кораблями.

Зима въ Крыму намъ была не почемъ, по той причинѣ, что тамъ какая зима, — осень грязная она, а не зима. Снѣгъ выпадетъ въ ночь, а поутру и растаетъ. А Французу съ Англичаниномъ и она была не въ могуту. Извѣстное дѣло они привыкли къ теплу и одѣты были по лѣтнему, что называется на босу ногу. Въ зиму ихъ много къ намъ перебѣгало: вѣрно не въ терпежъ имъ приходило. Все больше Англичанинъ бѣжалъ къ намъ. Бывало вишь подползетъ къ нашей цѣпи и засвищетъ и говоритъ: Русь! Англичанъ! Ну, солдатъ и тащитъ его на наши укрѣпленья, а оттоль провожаютъ его въ Севастополь. Перебѣжчиковъ къ намъ было много только до тѣхъ поръ, пока цѣпь держалъ Англичанинъ, а какъ сталъ держать Французъ, такъ перебѣжчики прекратились, да къ тому жъ и весна подошла. Одинъ изъ перебѣжчиковъ, Французъ, попалъ тогда къ намъ на пароходъ, и куда былъ радъ, какъ у насъ тотчасъ же напоили его чаемъ, да дали выпить вина и накормили до сыта. По-русски онъ не говорилъ, а по-нѣмецки зналъ, и все разговаривалъ на этомъ языкѣ съ нашимъ матросомъ изъ Поляковъ.

Къ веснѣ посѣтилъ Господь тяжкимъ горемъ наше Царство, скончался нашъ батюшка Императоръ Николай Павловичъ. Три дня ходили тихіе слухи о томъ у насъ, а какъ объявили намъ о горѣ этомъ, и узнали мы, что покойный Государь предъ самой смертью своей благодарилъ насъ за-

Digitized by Google

очно за оборону Севастополя, такъ еще пуще жаль стало намъ Его. Слѣдомъ тутъ же, какъ объявили намъ о горѣ, наступила и радость: вошелъ на престолъ новый Императоръ Александръ Николаевичъ, и тотчасъ мы всѣ присягнули вѣрой и правдой служить Ему, какъ служили покойному Государю.

Вотъ, какъ Французъ съ Англичаниномъ опять ожили весной, такъ и принялись попрежнему вести впередъ траншеи свои, да строить батареи. Наши тоже обнесли Севастополь тройнымъ рядомъ укрѣпленій. Подъ землей Французъ рылся, и наши къ нему подрывались, да портили взрывами его работы. А на траншейныя-то работы его выходили по темнымъ ночамъ наши охотники. Что онъ бывало надѣлаетъ днемъ, а наши охотники ночью нападутъ на нихъ въ расплохъ, да и разорятъ. Во всю осаду Севастополя только раза два были вылазки днемъ,—а на десятое марта была большая вылазка и ночная. Видите почему: строили Камчатскій люнетъ, а Французъ съ ближнихъ къ тому мѣсту новыхъ траншей своихъ мѣшалъ намъ устроивать его. Вотъ, чтобъ отогнать съ тѣхъ мѣстъ непріятеля, въ ночь на 10 марта и сдѣлали наши большую ночную вылазку изъ Севастополя. Вышло всего войска слишкомъ 18 тысячъ. Нагрянули въ расплохъ на Француза, онъ поспѣшно отступилъ назадъ отъ новыхъ работъ своихъ. Наши за нимъ слѣдомъ, а саперы въ тѣ поры поразорили и срыли на томъ мѣстѣ всѣ непріятельскія работы, просто съ землей сравняли ихъ. Человѣкъ семьсотъ Француза, да Англичанина, попались нашимъ въ плѣнъ, да еще сколько перебили наши ихъ, и пушекъ у нихъ довольно позаклепали. Ну и у насъ уронъ былъ, безъ того нельзя: схватка была большая, наши нападали, а они батареями защищались. Вотъ послѣ этой вылазки-то и докончили наши совсѣмъ Камчатскій люнетъ, и пошли наносить съ него вредъ Французу съ Англичаниномъ. Я вамъ скажу, куда наши молодцы охотники были на ночныя вылазки ходить и разорять непріятельскія работы. Бывало съ вечера еще, какъ замѣтятъ, что ночь темная будетъ, такъ ужъ и начнетъ готовиться вы-

Digitized by Google

вылазка, а средь ночи тихомолкомъ и нападутъ наши молодцы въ расплохъ на Француза съ Англичаниномъ. Ну бывало, наши перебьютъ много Французовъ, да Англичанъ въ ночной вылазкѣ, и въ плѣнъ наберутъ иногда, и пушки позаколотятъ; а случалось какъ наши въ расплохъ не попадутъ, наткнутся на большую непріятельскую силу, то и нашимъ доставалось, — ворочались съ урономъ. Да это рѣдко случалось. Въ ночныхъ вылазкахъ ходили все храбрецъ на храбрецѣ, большею частью наши моряки. Кто ходилъ часто на ночныя вылазки, такъ мало тѣхъ осталось не раненыхъ, и Кошка храбрецъ тоже тяжело раненъ.

На второй день Свѣтлой недѣли началъ Французъ съ Англичаниномъ опять страшно бомбандировать Севастополь. Думалъ Французъ, что мы въ Свѣтлый праздникъ пируемъ въ Севастополѣ, такъ вотъ и можно нагрянуть на насъ въ расплохъ. Да нѣтъ, мы Богу молились, а были всѣ въ стрѣлѣ. Восемь сутокъ, и день и ночь палилъ изо всѣхъ пушекъ своихъ непріятель по Севастополю. Ужастнѣйшая пальба была. Да и тутъ ничего не взялъ Французъ съ Англичаниномъ, хоть и сказать страшно сколько истратилъ всякихъ зарядовъ. И то сказать—имъ заряды было легко привозить на корабляхъ; а вотъ какъ къ намъ, такъ все шло сухимъ путемъ. Сказываютъ, въ грязь то по всей дорогѣ на Перекопѣ валялись дохлыя лошади: вѣдь у нашихъ русскихъ мужиковъ лошаденки плохія. Спасибо нѣмцамъ-колонистамъ: много послужили они намъ подвозомъ. У нихъ лошади хорошія, такъ больше все они и возили къ намъ заряды. Говорятъ Государь за эту службу избавилъ колонистовъ отъ податей во все время войны, да я чай еще и награда имъ будетъ.

Съ мѣсяцъ спустя послѣ бомбандированья, Французъ началъ съ новыхъ батарей своихъ осыпать ядрами нашъ Камчатскій редутъ. Бѣльмомъ стоялъ онъ на глазахъ у непріятеля, больно тревожилъ его. Французъ своей стрѣльбой добился до того, что попортилъ нѣсколько орудій на Камчатскомъ редутѣ. Конечно, на бастіонахъ и батареяхъ наши

Digitized by Google

молодцы поправляли порчу и ставили опять подбитыя пушки, да Французъ такъ подвелъ къ Камчатскому редуту новыя батареи свои, что трудно было намъ оставаться въ немъ. Вотъ стрѣлялъ-стрѣлялъ Французъ по Камчатскому редуту, да и затихъ. Мы думали, Французъ отдыхать сталъ, а онъ послѣ полдня вдругъ бросился большими силами на редуты Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій, и какъ разъ взялъ ихъ. Французъ съ Англичаниномъ шли на приступъ этотъ выпивши. Они, вишь, всегда, когда хотятъ на приступы, выпиваютъ для смѣлости. У нихъ у каждаго солдата всегда двѣ манерки есть: въ одной ромъ, а въ другой вода. Гольемъ они ромъ не пьютъ, а все пополамъ съ водою. Какъ послышалъ Хрулевъ, что Французъ нападаетъ на наши редуты, такъ тотчасъ прискакалъ туда, и отбилъ у Француза Камчатскій редутъ. Бросился Хрулевъ отбивать Волынскій, да Селенгинскій, а Французъ завладѣлъ онять Камчатскимъ. Какъ не старались наши отбить назадъ отъ Французовъ редуты, а не удалось. Жалко наши пароходы были не подъ парами въ тѣ поры, какъ напалъ Французъ на редуты. Мы были подъ парами нѣсколько дней сряду предъ тѣмъ: опасались, что пойдетъ Французъ на приступъ, а какъ увидали, что онъ все только стрѣляетъ съ батарей, такъ, на грѣхъ, утромъ въ тотъ день, какъ напасть ему на редуты, мы потушили машину нашу. Еще жаръ оставался у насъ въ печахъ въ тѣ поры, какъ Французъ привалилъ къ редутамъ. Пока мы разводили пары, а онъ ужъ взялъ редуты. Кабы пароходы наши были подъ парами, можетъ мы бы и отбили Француза отъ редутовъ. И то одинъ нашъ морякъ до самой ночи защищалъ только двумя пушками свою прибрежную батарею, близъ Камчатскаго редута, броситься взять ее Французу было не рука: батарею эту защищали выстрѣлы, направленные къ ней съ Камчатскаго бастіона и съ другихъ батарей. А какъ пришла ночь, морякъ видитъ, что не удержать ужъ здѣсь намъ одну малую батарею, такъ заколотилъ онъ пушки и вернулся къ своимъ. Жалко намъ всѣмъ было редутовъ, по той причинѣ, что, какъ поселился на Камчатскомъ Французъ, такъ

Digitized by Google

и началъ стрѣлять въ бухту по нашему флоту и портить корабли у насъ. Разлакомились Французъ съ Англичаниномъ, что взяли редуты и думали, что вотъ также возьмутъ и Севастополь. Въ началѣ іюня страшно бомбардировали они его слишкомъ сутки, а на другой день пошли огромной силой на приступъ брать его. Когда шелъ непріятель къ Севастополю, такъ мы съ пароходовъ нашихъ видимо не видимо сколько положили его. Какъ не лѣзъ онъ на батареи наши, а молодцы наши братья моряки да армейскіе отбили его отъ всѣхъ батарей. Только прорвался было онъ чрезъ батарею Жерве, да подоспѣлъ Хрулевъ, и съ тѣми же солдатами, которыхъ оттѣснилъ Французъ съ этой батареи, прогналъ ихъ съ нее. Когда увидалъ Французъ, что не одолѣть ему насъ и сила гибнетъ у него страшная, то давай скорѣй отступать въ свои укрѣпленья, а наши при отступленіи то еще пуще принялись катать его изъ орудій. И сказать страшно, сколько легло тутъ непріятельской силы; все поле предъ Севастополемъ такъ и краснѣлось отъ красныхъ штановъ, да мундировъ убитыхъ непріятелей. На другой день Французъ попросилъ перемирія для уборки тѣлъ своихъ убитыхъ. Какъ дали наши перемирье, такъ непріятель сталъ просить насъ, чтобъ мы помогли ему убирать тѣла. Наши отказались, и вся армія непріятельская съ 11 часовъ утра до глубокой ночи убирала своихъ убитыхъ. Куда ужъ было таскать на носилкахъ, просто волокли за ноги. Плѣнныхъ непріятелей тоже довольно взяли мы въ этотъ приступъ. А знаете ли, что между плѣннымъ непріятелемъ попадались намъ съ оружіемъ въ рукахъ женщины въ солдатскомъ платьѣ. Однажды секретъ нашъ наткнулся на ихъ секретъ и взялъ изъ него четырехъ плѣнныхъ. Двое было мужчинъ, а двѣ женщины. А одинъ разъ взяли мы раненаго, вся нога держалась на одной жилкѣ, оказалось, что и это женщина.

Ну, какъ отбили наши такъ славно приступъ, такъ весело намъ всѣмъ стало. Только не долго веселились мы, — вдругъ Французъ ранилъ на смерть нашего отца Нахимова. Сказываютъ, что съ Камчатскаго редута попала ему въ го-

Digitized by Google

лову штуцерная-то пуля. Какъ бы не задѣла она мозгъ, такъ бы можетъ и живъ остался отецъ нашъ. Больно мы всѣ плакали, какъ онъ померъ; вотъ точно что отъ сердца у насъ оторвалось. Въ вечерню вынесли его въ соборъ хоронить, и до семи часовъ вечера прощались все съ нимъ матросы. Ни одного человѣка не было, чтобы не плакалъ, прощаясь съ отцомъ нашимъ. Сердце чуяло, что не устоять безъ него Севастополю. И взаправду не долго онъ устоялъ послѣ Нахимова. Французъ все ближе, да ближе подводилъ къ Севастополю батареи свои, и бомбами, да ракетами почти всѣ дома въ немъ, которые разбилъ, которые попортилъ. Весь женскій полъ благородный и другаго званья давно ужъ выбрался изъ Севастополя, и остались въ немъ только однѣ сердобольныя-милосердія сестры, да еще наши матросскія жены. Какъ не объявляло начальство нашимъ женамъ, чтобъ онѣ выбирались изъ Севастополя, такъ нѣтъ же не ушли,—остались съ мужьями, помогать намъ. Да вы, я чай, знаете, и наши матросскіе ребята, даже одиннадцатилѣтніе, были на бастіонахъ во все время осады. Они таскали на нихъ заряды и смотрѣли, въ назначенномъ каждому разстояньи, на бастіонахъ на солдатъ, и которыхъ изъ солдатъ тяжело ранили или убивали, то тужъ минуту мальчуганы бѣгали къ запаснымъ войскамъ, и сказывали о томъ. На мѣсто выбывшихъ на бастіонѣ солдатъ, являлись другіе, изъ запасныхъ, а за ранеными и убитыми приходили носильщики и уносили ихъ съ бастіоновъ. Мальчуганы говорили, что имъ страшно было только по началу осады, а тамъ привыкли. Гранатъ только боялись, а бомбъ не боялись; знали, что отъ бомбы спрятаться можно: видно по полету куда упадетъ она; а отъ гранаты не спрячешься она невзначай убьетъ. Этимъ мальчуганамъ нашимъ дали медали за оборону Севастополя, такія же какъ и намъ. А вотъ я помянулъ на счетъ милосердія-сестеръ: куда онѣ больно помогали своимъ уходомъ раненымъ и больнымъ, даже операціи легкія дѣлали онѣ раненымъ, — когда заняты были всѣ лекаря.

Говорятъ, что подъ конецъ осады изъ Питера не разъ

Digitized by Google

приходилъ приказъ: коль не въ могату больше защищать Севастополь, такъ оставить бы его и перейдти на Сѣверную. Да матросы все не хотѣли покинуть его непріятелю. На послѣдній-то приступъ, и Господи! какой силой пошелъ Французъ съ Англичаниномъ. Однако наши отъ всѣхъ батарей отбивали его, только успѣлъ Французъ забраться на Корниловъ бастіонъ, и то сначала только на два уступа, а всѣхъ уступовъ было три. Кабы тогда не тяжело ранили Хрулева, такъ онъ прогналъ бы Француза и съ Корнилова Бастіона. Когда, вишь, онъ увидѣлъ, что Французъ на Корниловѣ, такъ закричалъ: «Ничего! мы прогонимъ его сейчасъ. За мной ребята, впередъ!» закричалъ онъ солдатамъ, бросился самъ, и тутъ тяжело ранили его въ руку. За Хрулевымъ переранило много начальниковъ, и главное-то, что бомбами да гранатами непріятельскими било много арміи нашей, которая стояла за бастіонами, да въ городѣ; такъ Горчаковъ и велѣлъ отступать войскамъ нашимъ на Сѣверную. Мы во время этого приступа стрѣляли съ нашего Владимира по Французамъ, какъ шли они на приступъ, и попали въ нихъ, когда они взобрались на Корниловъ: наши выстрѣлы дохватывали и туда. Въ тѣ поры, какъ наши стали оставлять батареи, то пушки на нихъ позаклепали, а потомъ повзорвали батареи на воздухъ. Часть и Корниловскаго бастіона разметано, и тутъ погибло много Француза. Говорятъ, будто, часовой, что стоялъ у дного изъ пороховыхъ погребовъ Корниловскаго бастіона убилъ трехъ бросившихся къ нему Французовъ; а какъ увидалъ, что подступаетъ къ нему ихъ много, такъ бросился въ погребъ и взорвалъ его. Самъ погибъ и Француза много погубилъ. Армію нашу перевозили на пароходахъ, и переходила она по мосту. Этотъ мостъ чрезъ бухту только за мѣсяцъ предъ тѣмъ сдѣлали. Какъ выстроили-то его, то гораздо стало сподручнѣй переправлять по немъ сухимъ путемъ заряды и провіантъ съ Сѣверной на Южную, а то все возили ихъ на пароходахъ чрезъ бухту. А въ тѣ-поры, какъ отступала армія, то не было замедленія, а то бы скоро ли перевезли ее водою, особливо обозы. Какъ армія отступила, принялись и мы

Digitized by Google

топить свои корабли и пароходы; затопили ихъ со-всѣми пушками. Владимира своего мы не топили долго. Три дня ужъ былъ Французъ въ Севастополѣ, а мы все разхаживали на своемъ пароходѣ взадъ и впередъ по бухтѣ, и стрѣляли по Французу на Южную. А какъ устроилъ Французъ на Южной батарею, то нашему Владимиру и пришло плохо. Сталъ Французъ осыпать насъ выстрѣлами; того и ждать было надо, что зажжетъ нашъ пароходъ. Дѣлать было нечего затопили мы и свой Владиміръ. Онъ пошелъ ко дну, а мы отправились на Сѣверную. Я вамъ скажу—мы было хотѣли спасти Владимира, думали было уйти на немъ въ Николаевъ. и пары было стали разводить, да машина была попорчена; такъ подумали: шибко не побѣжитъ, догонитъ насъ Французъ съ Англичаниномъ. оттого остались въ бухтѣ. Не велику находку нашелъ Французъ съ Англичаниномъ въ Севастополѣ: имущество-то все вывезено, а дома-то остались одни развалины. Которые изъ домовъ и поуцѣлѣли, такъ мы сожгли да повзорвали ихъ. Конечно флота жалко, да сказать правду и то: не годились ужъ корабли—не винтовые были. Надобнобъ его и безъ того передѣлывать весь. Одинъ корабль на пробу и то было разшилили на двое, хотѣли вставлять машину, да не пришлось, и его такъ не конча затопили съ другими кораблями. Кабы живы были Корниловъ, да Нахимовъ и не ранили тяжело Хрулева—не быть бы въ Севастополѣ Французу.

Digitized by Google

МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: О ВОСПИТАНИИ,

ВЪ МОРСКОМЪ СБОРНИКѢ, 1856 г. ЯНВАРЬ.

(Статья В. И. Даля) (*).

Статья о воспитаніи, въ Январской книгѣ Морскаго Сборника, пробудила во мнѣ нѣсколько завѣтныхъ думъ, которыя мнѣ давно хотѣлось высказать. Новаго въ нихъ нѣтъ ничего — мужикъ говоритъ: лапти бываютъ новые, а прочее все старо; не менѣе того хорошо иногда и задъ пройти, и это не безполезно, особенно если всякому дозволено дѣлать это по своему, для обмѣна понятій, мыслей и убѣжденій.

Не столько въ сочиненіяхъ о воспитаніи, сколько на дѣлѣ, весьма не рѣдко упускается изъ виду бездѣлица, которая однакоже неизмѣримо важнѣе и полновѣснѣе всего остальнаго: *Воспитатель самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника*, или по крайней мѣрѣ долженъ искренне и умилительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

(*) Напечатаніе этой статьи считаю эпохою въ лѣтописяхъ Русской педагогіи. Сердце радуется, послушавъ жизнь, какъ она есть, безъ бѣлилъ и румянъ. Перо порывалось у меня тотчасъ написать въ pendant къ этой статьѣ другую объ экзаменахъ, составляющихъ почти повсемѣстную систему взаимнаго обольщенія, но врачи гонятъ меня на воды. Разве воротясь! Считаю долгомъ присоединить голосъ, голосъ долговременнаго опыта и наблюденія, къ словамъ почтеннаго В. И. Даля. *М. Погодинъ.*

Digitized by Google

Послѣдите же нѣсколько за нравственною жизнію воспитателей, познайте съ какою искренностію и съ какимъ убѣжденіемъ они слѣдуютъ не на словахъ, а на дѣлѣ — своему ученію, и у васъ будетъ мѣрило для надеждъ вашихъ на всѣ ихъ успѣхи.

Если бы, напримѣръ, воспитанники, по общей молвѣ, разсказывали другъ другу, что-де такой-то воспитатель нашъ безпутно промоталъ все, и свое и чужое, и спасся отъ окончательнаго крушенія въ мирной пристани, въ заведеніи, при которомъ состоитъ, не отказываясь впрочемъ и нынѣ кутнуть на чужой счетъ, гдѣ случай представится — но дѣлаетъ это очень ловко, осторожно и скрытно; если бы говорили о другомъ, что онъ, какъ хорошій хозяинъ, былъ въ свое время всегда избираемъ товарищами для завѣдыванія общимъ столомъ, и также счелъ за лучшее удалиться подъ конецъ съ этого поприща и отъ довѣрчивыхъ товарищей, и вступить въ новый и болѣе чужой кругъ; если бы разсказывали о третьемъ, что онъ ставитъ въ *поведеніи* полные баллы всѣмъ воспитанникамъ, которые не берутъ казенныхъ сапоговъ, а ходятъ въ своихъ; о четвертомъ, что бесѣдуя въ классахъ о разныхъ пустякахъ, при внезапномъ входѣ начальника, съ удивительнымъ спокойствіемъ и находчивостію продолжаетъ бесѣду, тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же выраженіемъ — но отрывая прежнее пустословіе свое на половинѣ слова, и переходя къ продолженію преподаванія, котораго прежде того и не начиналъ; словомъ, если бы воспитанники были такого или подобнаго мнѣнія о воспитателямъ своихъ — какихъ вы бы ожидали отъ этого послѣдствій? — Повѣрите ли вы, что изъ рукъ такихъ воспитателей выйдутъ молодые люди высокой нравственности, благородные, правдивые?

Кто полагаетъ, что можно воспитывать ребенка обманомъ, что достаточно, поучая его словами, остерегаться при немъ неосторожныхъ выраженій и поступковъ, словомъ, кто дѣло воспитанія считаетъ задачею ловкаго надувательства, тотъ жестоко ошибается и беретъ на себя страшный отвѣтъ.

Не спорю, что даже и при такомъ воспитаніи часть во-

Digitized by Google

питанниковъ выйдутъ современемъ порядочными людьми; но это будетъ уже не вслѣдствіи воспитанія, а вопреки ему.

Такъ больной не рѣдко выздоравливаетъ, не вслѣдствіи дурнаго и превратнаго леченія, а вопреки ему; мало того, такъ иногда гнусность воспитателя до того поражаетъ воспитанника омерзеніемъ, что онъ прійдя въ свою память и разумъ, дѣлается ревностнымъ поборникомъ добра и истины. Но такія послѣдствія конечно ничего не доказываютъ на пользу дурныхъ воспитателей; развѣ кто нибудь рѣшится установитъ воспитаніе на такихъ началахъ?

Что вы хотите сдѣлать изъ ребенка? Правдиваго человѣка, который думалъ бы не столько объ удобствѣ и выгодахъ личности своей, сколько о пользѣ общей, не такъ ли? — Будьте же сами такими; другаго наставленія вамъ не нужно. Незримое, но и не отразимое, постоянное вліяніе вашего благодушія побѣдитъ зародыши зла и постепенно изгонитъ ихъ. Если же вы должны сознаться, въ самомъ завѣтномъ тайникѣ души своей, что правила ваши шатки, слова и поступки не одинаковы, приноравливаясь къ обстоятельствамъ; что облыжность свою вы оправдываете словами: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; что вы наконецъ и въ воспитатели попали потому только, что безъ хлѣба и безъ мѣста жить нельзя; словомъ, если вы въ тайникѣ совѣсти своей должны сознаться, что вы желаете сдѣлать изъ воспитанника своего совсѣмъ не то, что вышло изъ васъ, тогда, добрый человѣкъ, вы въ воспитатели не годитесь, какихъ бы наставленій вы ни придерживались, чего бы ни начитались. Не берите этого грѣха на душу; несите съ собой, что запасли, и отвѣчайте за себя.

Есть вѣчныя, святыя истины, которыя опошлены грязными, неумытыми устами; боишься поруганія святыни и обходишь ихъ; но онѣ остаются вѣчными и святыми.

Вѣрите ли вы, по убѣжденію, по совѣсти, а не по катихизису только, что жизнь во плоти есть временный искусъ, такая-жь школа воспитанія, какую долженъ пройдти ребенокъ подъ вашимъ гнетомъ, и что за тѣмъ человѣкъ пере-

Digitized by Google

ходить въ жизнь невещественную, духовную, отрѣшаясь отъ личности своей?

Вѣрите ли вы тому, что эта духовная жизнь уготовится жизнію во плоти, что сущность человѣка составляетъ не ученость и познанія его, не умственная, а нравственная половина его, воля, желанія, наклонности, а не память?

Вѣрите ли тому, что благо, то есть истину и добро, должно любить ради блага, не изъ видовъ корысти, — а худо, то есть ложь и зло, ненавидѣть ради худа, чтобы не усвоить его себѣ и не отправиться на тотъ свѣтъ съ такимъ неудобнымъ напутствіемъ и подорожникомъ?

Если въ васъ нѣтъ глубокаго и полнаго убѣжденія во всемъ этомъ, то не беритесь за воспитаніе дѣтей, а удаляйтесь отъ нихъ, на сколько можете. Никакой личины не станетъ долѣе, чѣмъ на одну скоморошью ночь, а вѣкъ неразгаданнымъ въ ней не проходишь. Безсознательное чутье ребенка тонко и остро; вы сами послѣднимъ, а потому и поздно узнаете, что ребенокъ васъ разгадалъ прежде, чѣмъ вы его разгадали. Посудите же, кому впрокъ пошло все ваше стараніе!

Если бы, напримѣръ, воспитатель, по врожденнымъ или наслѣдственнымъ свойствамъ своимъ, на *дѣлѣ*, стоялъ на трехъ сваяхъ — *авось, небось, да какъ нибудь* — *а на словахъ* неумолчно проповѣдывалъ: *добросовѣстность*, *порядокъ* и *основательность* — то что бы изъ этого вышло? Вѣрьте мнѣ, и воспитанники его станутъ въ свою очередь поучать хорошо, а дѣлать худо.

Еслибы воспитатель не находилъ въ себѣ самомъ основательныхъ причинъ, для чего ему отказываться отъ обычныхъ средствъ жизни, то есть: прокармливая казеннаго воробья, прокормить и свою коровушку; то какія убѣжденія онъ въ этомъ отношеніи невольно и неминуемо передастъ воспитаннику?

Если бы воспитатель свыкся и сжился, можетъ быть и безсознательно, съ правиломъ: не за то бьютъ, что укралъ, а за то, чтобъ не попадался; то какія понятія онъ объ этомъ передастъ другому, младшему? Какія правила, конспекты, программы, курсы и наставленія на бумагѣ и на словахъ

Digitized by Google

могутъ совершить такое чудо, чтобы воспитанники современемъ держались понятій и убѣжденій противоположныхъ?

Всего этого къ кожѣ не пришьешь. Если остричь шипы на дичкѣ, чтобы онъ съ виду походилъ на садовую яблоню, то отъ этого не дастъ онъ лучшаго плода; все тотъ же горько-сладъ, таже кислица. Надобно, чтобы прививка принялась и пустила корень до самой сердцевины дерева, какъ оно пускаетъ свой корень въ землю.

Съ чего вы взяли, будто бы изъ ребенка можно сдѣлать все, что вамъ угодно, наставленіями, поученіями, приказаніями и наказаніями? — Внѣшними усиліями можно передѣлать одну только наружность. Топоромъ можно оболванить какъ угодно полѣшко, можно даже выстрогать его, подкрасить и покрыть лакомъ — но древесина отъ это не измѣняется; полѣно въ сущности осталось полѣномъ.

Воспитатель долженъ видѣть въ мальчикѣ живое существо, созданное по образу и подобію Творца, съ разумомъ и со свободной волей. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы изнасиловать и пригнести всѣ порывы своеволія, предоставляя имъ скрытно мужать подъ обманчивою наружностью, и вспыхнуть современемъ на просторѣ и свободѣ; нѣтъ, задача эта вотъ какая: примѣромъ на дѣлѣ и убѣжденіями текущими прямо изъ души, заставить мальчика понять высокое призваніе свое, какъ человѣка, какъ подданнаго, какъ гражданина; заставить страстно полюбить — какъ любитъ самъ воспитатель, не болѣе того — Бога и человѣка, а стало быть и жить въ любви этой, не столько для себя, сколько для другихъ.

Мальчикъ, съизмала охочій копаться надъ какою-нибудь ручною работой, слушая въ заведеніи, гдѣ воспитывался, Физику, вздумалъ самъ построить электрическую машину. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ собиралъ онъ и копилъ гривенные доходы свои, и отправившись на каникулы къ дядѣ, съ жаромъ принялся за это дѣло. И спитъ и видитъ свою машину. Накупивъ на толкучемъ нѣсколько стеклянныхъ стѣкъ — остатки какой-то великолѣпной люстры или паникадила и

Digitized by Google

разбитое зеркало толстаго стекла, — онъ около двухъ недѣль провозился за обдѣлкой его, чтобы, чуть не голыми пальцами да зубами, округлить стекло, обтереть или обточить его и просверлить въ срединѣ дыру. Съ этимъ-то запасомъ подъ мышкой, онъ, по окончаніи каникулъ, отправился обратно въ заведеніе, счастливый и довольный, и при томъ пѣшій, потому что гривенникъ, отпускаемый ему на извощика, ушелъ на строительные припасы.

Ему надо было пройти Исакіевскую площадь; только что успѣлъ онъ поровняться съ домомъ, стоявшимъ тогда рядомъ съ домомъ графини Лаваль, какъ надъ нимъ раздался громкій голосъ: «мальчикъ, эй, мальчикъ, поди сюда!» Взглянувъ на помянутый домъ, мальчикъ нашъ встрѣтилъ въ растворенной форточкѣ знакомое и страшное лицо воспитателя, которому однакоже онъ лично знакомъ не былъ, и прозванія его онъ не зналъ, потому что былъ изъ другаго класса. — «Поди сюда, мерзавецъ, что ты это несешь?» Робкій дѣтскій голосъ пробормоталъ что-то, неслышное при стукѣ каретъ по мостовой; тотъ, перекрикивая и стукъ каретъ этихъ, повторилъ вопросъ свой до нѣсколькихъ разъ, и наконецъ, разсыпавшись бранью, приказывалъ самымъ настоятельнымъ образомъ бросить стекло и свертокъ на мостовую. «Брось, брось сей-часъ, мерзавецъ», кричалъ онъ, выходя изъ себя, а пойманный съ поличнымъ стоялъ на вытяжку недвижно подъ окномъ, хлопалъ глазами, молчалъ, но стекло свое крѣпко прижималъ подъ мышку. Разстаться съ этимъ стекломъ, бросить его на мостовую — это вовсе не вмѣщалось въ головѣ мальчика, онъ словъ этихъ не понималъ. «Такъ я жь тебя» — закричалъ тотъ въ отчаянномъ негодованіи своемъ, и, захлопнувъ форточку, вѣроятно поспѣшилъ распорядиться на счетъ поимки и представленія подъ карауломъ ослушника. Но этотъ бѣднякъ, съ электрическою машиной подъ мышкой, самъ не зная что дѣлаетъ, бросился безъ памяти бѣжать въ Галерную улицу, кинулся на перваго извощика, дрожа всѣмъ тѣломъ переправился на перевозъ, запряталъ стекло съ принадлежностями въ самое скрытное, никому недоступное мѣсто, и только черезъ мѣсяцъ, когда всякая молва и розыски по этому страшному дѣлу миновали, снова принялся за работу и благополучно окончилъ свое произведеніе.

Помяну еще и о другомъ случаѣ.

Digitized by Google

Въ то время въ заведеніи, гдѣ мы воспитывались, въ новый годъ всегда давался маскерадъ, на который мы являлись — готовясь къ тому задолго — въ шпалерныхъ кафтанахъ, пеньковыхъ парикахъ и бумажныхъ латахъ, со львиными головами на оплечьяхъ, изъ хлѣбнаго мякиша. Почти каждая рота изготовляла тайкомъ и приносила въ маскерадную залу свою пирамиду, великолѣпное бумажное зданіе, расписанное и раскрашенное, пропитанное масломъ и освѣщенное изнутри, гдѣ бѣдный фонарщикъ сидѣлъ какъ въ банѣ, задыхаясь отъ жару и чаду. Я сказалъ не безъ умысла: «изготовляла тайкомъ»; пирамиды эти строились очень скрытно и тайно, не столько ради нечаянности, какъ ради того, что подобное занятіе — какъ вообще всякая забава или занятіе, подающее поводъ къ отвлеченію отъ ученія и къ неопрятности и сору въ спальняхъ — строго запрещалось. Между тѣмъ, когда, съ крайнымъ страхомъ и опасеніемъ, удавалось скрытно окончить такое бумажное египетское произведеніе къ сроку, принести и поставить его на мѣсто и освѣтить, то всѣ воспитатели, низшихъ, среднихъ и высшихъ разрядовъ, не безъ удовольствія ходили вокругъ бреннаго памятника, отыскивали и свои вензеля, съ иносказательными вѣнзелями и украшеніями, любовались этимъ и громко хвалили художниковъ, отдавая преимущество той, либо другой ротѣ.

Вы спросите, можетъ быть, какой же смыслъ и толкъ въ поступкахъ этихъ? — а вотъ послушаемъ дальше.

Вторая рота отличалась два или три года сряду огромностію и изяществомъ своей пирамиды; въ первой ротѣ составленъ былъ заговоръ, перещеголять на сей разъ вторую. Сдѣлали общій сборъ; гроши и гривны посыпались отовсюду; помню что одинъ мальчикъ, вовсе безденежный, не захотѣлъ однакоже отстать отъ товарищей, и продавъ богачамъ утреннюю булку свою за три дня, по грошу каждую, внесъ три гроша въ общественное казначейство. Опытные художники взялись за дѣло; изготовленная лучина отнесена была на чердакъ, картузная бумага склеена, выкроена и скатана, чтобы удобнѣе было ее спрятать; вырѣзки разныхъ видовъ, для картинъ, вензелей и украшеній, розданы для работы по рукамъ, и каждый пряталъ свою у себя, какъ и гдѣ могъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Всѣ принялись за работу такъ дружно, такъ усердно, что недѣли за двѣ или за три

Digitized by Google

до срока знаменитая пирамида поспѣла: надо было собрать лучинковые лѣса, пригнать чехолъ и — наконецъ оставалось только смазать масломъ просвѣты.

Но въ декабрѣ на чердакѣ холодно, особенно въ одной курткѣ. Рѣшено было собрать пирамиду наскоро въ *умывальнѣ*, въ такое время, когда нельзя было ожидать прихода воспитателя, и при томъ разставивъ изъ предосторожности часовыхъ, какъ дѣлаютъ журавли, воруя хлѣбъ, да обезьяны, опустошая сады и огороды. Бѣготня, суматоха, крикъ, радость — у главныхъ зодчихъ болѣе десяти помощниковъ, у каждаго помощника по десяти подносчиковъ — дѣло кипитъ.... но внезапно входитъ дежурный воспитатель, котораго называли внукомъ тогдашняго директора и очень боялись.... Не берусь описывать подробностей происшедшаго побоища; негодованіе, неистовство этого человѣка превзошло всякое пониманіе. Много розогъ было охлестано тутъ же, на мѣстѣ — это бы еще ничего — да безпримѣрное въ лѣтописяхъ маскерадныхъ зданіе, пирамида въ семь аршинъ вышины, была изломана, истоптана ногами, и сожжена тутъ же въ печи.

Однако, почесавъ затылки, погоревавъ и опомнившись, предпріимчивые и рѣшительные строители не упали духомъ: давай собирать что осталось; иное было тутъ и тамъ, въ рукахъ, иное успѣли во-время выхватить и спасти отъ конечнаго истребленія и — черезъ недѣлю поспѣла новая пирамида, ни въ чемъ не уступавшая первой. Она красовалась на маскерадѣ 31 декабря 1817 года; первенство осталось на сей разъ за нею, за первой ротой; это подтвердили всѣ, обхаживая вокругъ и любуясь необыкновенно пестрыми и кудрявыми вензелями; подтвердилъ даже и самъ внукъ директора, который былъ такъ незлопамятенъ, что, во уваженіе общей радости и удовольствія на маскерадѣ, и не поминалъ о томъ участіи, какое принималъ онъ въ сооруженіи этого знаменитаго зданія.

Теперь, кончивъ разсказъ, я васъ спрошу: что это такое? Чего вы ожидаете отъ такого воспитателя? — Но вы опять отвѣчаете мнѣ, что это, либо выдумка злословія, либо примѣръ, который въ примѣры не годится, потому что представляетъ неслыханное исключеніе. И такъ, возьмемъ что нибудь обиходное.

Начальникъ, при воспитанникѣ, спрашиваетъ въ сомнѣніи: исполняется ли такое-то правило или приказаніе? И воспитатель

Digitized by Google

удостовѣряетъ его въ этомъ, самымъ положительнымъ образомъ, не смигивая глазомъ, хотя и лжетъ наголо.

Воспитанникъ зналъ дома два чужихъ языка и позабылъ ихъ въ заведеніи на половину, а воспитатель увѣряетъ радушнаго посѣтителя на испытаніи, что мальчикъ выучился этимъ языкамъ здѣсь.

Воспитатель ходитъ въ церковь; или водитъ туда мальчиковъ по положенію: при начальникѣ даже много и часто крестится, но понятія и убѣжденія его о вѣрѣ и вѣчности не могутъ укрыться отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ проводитъ по нѣсколько часовъ въ день, еслибы это и были малолѣтки. — Облыжность, ханжество, безчестность, самотничество, въ какихъ бы мелкихъ и скрытныхъ видахъ и размѣрахъ оно ни проявлялось, прилипчивѣе чумы и поражаетъ вокругъ себя все, что не бѣжитъ безъ оглядки. Но можетъ быть всего этого нѣтъ и не бывало и быть не можетъ, все это выдумка и клевета? Вотъ такое-то отрицательное направленіе насъ и губитъ; донесенія о *благополучіи* ослѣпительны, какъ вешній снѣгъ.

Не будемъ спорить, я ищу и желаю совсѣмъ иного. Выкиньте всѣ примѣры мои, какъ непригодные къ дѣлу, и вставьте свои, то есть случаи вамъ самимъ извѣстные. Поройтесь въ памяти, вы ихъ найдете. Подведите къ нимъ мое, или пожалуй также свое, заключеніе и оно ничѣмъ не будетъ разниться отъ того, что сказано, по глубокому и полному убѣжденію, въ этой статейкѣ:

Воспитатель, въ отношеніи нравственномъ, самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника: по крайней мѣрѣ долженъ искренно и умилительно желать быть такимъ, и всѣми силами къ тому стремиться.

Но вы скажете: ангеловъ совершенства нѣтъ на землѣ, мы всѣ люди; для того-то я, сказавъ: «воспитатель долженъ быть такимъ», прибавилъ: «или искренне хотѣть быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.» Будь же онъ прямъ и правдивъ, желай и ищи добра; этого довольно. Ищи онъ случая, въ присутствіи воспитанниковъ, но безъ похвальбы, безъ малѣйшаго тщеславія, сознаваться въ ошибкахъ своихъ — и одинъ подобный примѣръ направитъ на добрый путь десятки малолѣтковъ.

Вотъ въ чемъ заключается наука нравственнаго воспитанія.

Digitized by Google

ЗАГРАННЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Миръ. — Рожденіе сына Франціи. — Судьба Сербскаго племени. — Божичъ. — Бадинъ-динъ (день Колодъ). — *Печницъ или Печиво.* — «День бойнѣ» *Тученъ-динъ.* — Рождественскій сочельникъ.—Рождественское розговѣнье у Сербокъ. —Рождественскій хлѣбъ — *Чеснау.* — Рождественскіе поцѣлуи или мирные поцѣлуи. — Обычаи Аравитцевъ: торговые Юпты. — Встрѣча и пріемъ дикарей. — Брачные обычаи Аравитцевъ. — Новыя театральныя пьесы. — Пирогъ королевъ (Le gateau des reines) Леона Гозлана. — Театръ Зуавовъ (Le théâtre des Zouaves), Гг. Кармона и Гранже; Зять г. Помье (le Gendre des M-r Pomier). — Любить или умереть (aiuer ou mourir).—Братецъ Вердюръ (le cousin Verdure). — Турецкіе театры — Нравственность пьесъ и составъ публики. — Китайскіе садовники; китайское садоводство; тождество чернаго и зеленаго чая. — Садоводство у Персіянъ и пристрастіе ихъ къ розамъ. — Докторъ Валихъ и его заслуги по садоводству. — Калькутскій ботаническій садъ. — Путешествіе и возвращеніе доктора Барта. — Какимъ образомъ Китайцы даютъ ароматъ своимъ чаямъ. — Фабрикація пудрета во Франціи. — Заводы въ Бонди. — Сравненіе пудрета съ гуано. Рыбій гуано на Нью-Фаундлендѣ. — Фабрикація стѣнныхъ часовъ въ Шварцвальдѣ. Школа часоваго мастерства въ Футвангенѣ. — Слухи о новой статистической картѣ. — Лондонскія афиши прекраснаго пола. — Новыя книги: о физическомъ и нравственномъ воспитаніи, Доктора Клавеля. — Тѣло и душа или натуральная исторія человѣческаго рода, его же. Исторія Директоріи французской республики, соч. графа Баранта. — Нравственная исторія женщинъ, соч. Эрнеста Легуве. — Публичныя библіотеки въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Исторія и дѣятельность Географическихъ обществъ. — Мнѣніе Коскалона о воспитаніи и предназначеніи домашнихъ рабочихъ животныхъ. — Продажа скакового коня Штокуэля. — Сила организаціи у животныхъ. — Исторія учрежденія ордена Бани. — Встрѣча тещи съ невѣсткой. — Мистеръ Манжпуль.

Миръ! миръ! благодатный миръ! — вотъ радостное извѣстіе, которое болѣе всего возбуждаетъ современное участіе западныхъ народовъ. Торговля и промышленность, задержанныя въ своихъ дѣйствіяхъ стѣснительнымъ положеніемъ, происходящимъ въ слѣдствіе военныхъ дѣйствій, воспрянули съ новыми силами. Англія и Франція разсчитываютъ на большую покупку нашего хлѣба и нашихъ сырыхъ матеріяловъ, въ замѣнъ которыхъ предполагаютъ, уже не

Digitized by Google

посредствомъ Пруссіи, а прямымъ путемъ, черезъ наши рынки сбыть огромное количество своихъ произведеній. Въ слѣдствіе чего цѣны на хлѣбъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ понизились, цѣны же на работу возвысились; — и народъ, въ особенности въ Парижѣ, неизобразимымъ восторгомъ выразилъ свое сочувствіе къ миру. Личность графа Орлова и барона Брунова, уполномоченныхъ Россіи на Парижскомъ конгрессѣ, сдѣлались личностями народными.

Къ этой радости о заключеніи мира у Французовъ есть другая радость — Императоръ Людовикъ Наполеонъ имѣетъ наслѣдника. Во время самыхъ переговоровъ о мирѣ сто одинъ выстрѣлъ возвѣстилъ Парижу, что родился «сынъ Франціи».

Но пожелавъ всякаго благополучія нашимъ недавнимъ врагамъ, а теперешнимъ благопріятелямъ, обратимся въ среду народовъ, болѣе намъ близкихъ и по одному происхожденію съ нами, и по нашему къ нимъ сочувствію. Сообщимъ нѣсколько извѣстій, взятыхъ изъ новѣйшихъ Европейскихъ изданій о мірѣ славянскомъ, именно — сообщимъ объ обычаяхъ празднованія Рождества Христова у Сербовъ.

Широкъ этотъ Славянскій миръ, намъ братскій по крови, намъ близкій по сродству языка! Хотя не подъ крыломъ Русскаго орла находятся наши западные братья; но они на столько же сочувствуютъ намъ, на сколько мы и сами любимъ ихъ. А что это сочувствіе довольно сильно, въ томъ убѣдила насъ Венгерская кампанія, въ продолженіе которой вездѣ славянское народонаселеніе встрѣчало войска наши съ необыкновеннымъ радушіемъ, въ особенности же тамъ, гдѣ тлетворное вліяніе запада и обольщеніе Римской церкви не отторгло нашихъ братій отъ общей матери нашей — церкви Православной. «Да, могущественно царство Русское, говорили они нашимъ воинамъ,—процвѣтаетъ въ немъ православіе подъ защитою Бѣлаго Царя; и мы не нарадуемся этому, зная, что ежели какіе случатся недостатки велелѣпія нашей церкви, мы найдемъ всегда благодушное вспомоществованіе у нашихъ братій по Православію».

Сербы, раздѣленные между имперіями Австрійскою и Турецкою, стѣсняемые изувѣрствомъ магометанства и Римскимъ католичествомъ, не утратили ни своей народности, ни своего вѣроисповѣданія. Хвала вамъ, братья наши! Крѣпитесь и мужайтесь,— покуда взойдетъ надъ вами заря тишины и благополучія. Отрадно намъ слѣдить за вашею внутреннею и внѣшнею жизнію, отыскивать у васъ общія съ нами преданія и повѣрья, подсматривать тѣ особенности, которыя свойственны только Славянскому характеру.

Digitized by Google

Сербы, какъ и Словаки называютъ праздникъ Рождества Христова *божичь*; но вечеръ сочельника не *святъ вечеръ*, какъ у послѣднихъ, а *бадній данъ* (день колодъ). Передъ Рождествомъ у Сербовъ бываетъ, по уставу православной церкви, шестинедѣльный постъ (у насъ въ простонародьи называемый *Филиповымъ* или *Филиповками*),—постъ, соблюдаемый весьма строго, такъ что Сербы по середамъ и пятницамъ не вкушаютъ и рыбы. Розгавляются они, обыкновенно, поросенкомъ, по-сербски *печеницемъ*, по-черногорски *печевомъ*. Этимъ печеницемъ питаются они цѣлую недѣлю, и, разумѣется, мясную пищу послѣ продолжительнаго поста кушаютъ съ удовольствіемъ и вдоволь; а потому этотъ поросенокъ или лучше сказать, годовалая свинья, выбирается и откармливается заблаговременно (*). Бѣдные, у которыхъ нѣтъ поросенка, и не начто купить его, не стыдятся получать его въ подарокъ отъ богатыхъ. Послѣдніе часто въ прибавокъ къ поросенку жарятъ овцу: при обычномъ славянскомъ гостепріимствѣ, при угощеніи безродныхъ или неимущихъ, у нихъ на цѣлую недѣлю не достало бы *печеницкой мясины* (жаренаго мяса), а она должна быть непремѣнно приготовлена на все это время въ день сочельника, иначе Богъ не дастъ плодородія скоту. Только горожане, не занимающіеся скотоводствомъ, избалованные вкусомъ, а потому не охотно кушающіе холодное жаркое и уже больше вольнодумные, чѣмъ сельскіе жители, позволяютъ себѣ печеницъ жарить утромъ въ самый праздникъ Рождества Христова. Колятъ эту скотину, назначенную для праздничнаго продовольствія наканунѣ сочельника; почему этотъ день и называется «днемъ бойни» *тучекъ динъ*. Ежели у кого мала печь и поросенокъ или овца не могутъ быть посажены въ нее цѣликомъ, то ихъ жарятъ гдѣ-нибудь въ лѣсу на еловомъ пнѣ.

Къ Рождественскому вечеру, всякій домохозяинъ добываетъ въ лѣсу три толстые, дуплистые обрубка, длиною до двухъ съ половиной аршинъ, называемые *бодняци* (колоды), при помощи членовъ своего семейства приноситъ ихъ домой и оставляетъ у входа вплоть до вечера. Какъ только начнетъ смеркаться, старшій въ домѣ вноситъ эти колоды въ домъ и кладетъ въ растопленную печь. Входя съ первой колодой, онъ говоритъ: «Доброй вечеръ въ день колодъ», и бросаетъ въ присутствующихъ хлѣбныя зерна, на что всѣ находящіеся въ горницѣ отвѣчаютъ: «Дай, Господи, всѣмъ доброй ве-

(*) И у насъ въ степныхъ губерніяхъ крестьяне почитаютъ необходимостью послѣ Рождественскаго поста разгавливаться свининой

Digitized by Google

черъ; намъ счастіе и чествованіе дню колодъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушки убираютъ эти бодняци лавровыми листьями, лентами, шелкомъ, фольгою, и, при вносѣ ихъ въ горницу, зажигаютъ у дверей свѣчи. Въ Черногоріи бодняци обрызгиваются изъ большой кружки виномъ, и, когда начинаютъ горѣть, всѣ домашніе пьютъ остальное вино изъ этой кружки, заѣдаютъ нарочно испеченнымъ продолговатымъ хлѣбомъ, и прославляютъ Бога, испрашивая у Него плодородіе садамъ и нивамъ на будущее лѣто.

Наконецъ колоды сильно загораются. Кто-нибудь изъ младшихъ въ семействѣ садится подлѣ нихъ, и, чтобъ они не сильно пылали, чтобы не скоро сгорѣли, поливаетъ ихъ виноградным виномъ или за неимѣніемъ его, уксусомъ, разведеннымъ водой. Въ это время глава семейства разбрасываетъ въ комнатѣ охапку соломы и кричитъ, подражая куриць *кро! кро! кро!* маленькія же дѣти, ухватившись за его платье, стараются пищать какъ цыплята, а другіе въ полголоса повторяютъ «гдѣ солома, тамъ и слава» т. е. счастіе, ибо слава и счастіе у Сербовъ синонимы. Обычаи эти, кажется, суть остатки древняго славянскаго идолопоклонства.

Потомъ всѣ усаживаются въ кружокъ, и какой-нибудь разскащикъ начинаетъ всѣмъ извѣстныя, но всегда милыя повѣсти объ Милошѣ, Стояновичѣ, Малишѣ, Петровичѣ или о какомъ-нибудь другомъ знаменитомъ воителѣ Сербіи, либо нараспѣвъ, однообразнымъ речитативомъ передаетъ своимъ слушателямъ дѣянія св. Апостолъ, или библейскія сказанія о рождествѣ Іисуса Христа. Незамѣтно приближается полночь: вдругъ раздается пистолетный выстрѣлъ, другой, третій, и по всей деревнѣ гремитъ праздничная перепалка, вплоть до перваго удара въ колоколъ, тогда всѣ спѣшатъ въ церковь къ заутренѣ.

Между тѣмъ хозяйка или та женщина, которая осталась дома для домашняго хозяйства, отправляется за водою, беретъ съ собою горсть ржи, или ячменя, или кукурузы и бросаетъ въ колодезь или ручей; на этой водѣ замѣшиваетъ пресный рождественской хлѣбъ *чеснау* (*), въ который запекаютъ деньги. За обѣдомъ этотъ хлѣбъ

(*) Желательно, чтобы авторъ указалъ, какъ произносить здѣсь *у* — кратко, т. е. какъ несоставляющее слога, или протяжно, т. е. какъ составляющее слогъ. — Въ сѣверномъ, на прим. Вологодскомъ, нарѣчіи великорусскаго языка вмѣсто *в*, *л* и *г*, въ извѣстныхъ случаяхъ, выговаривается *у*, и какъ *в*, *л* и *г*, въ выговорѣ вообще несоставляютъ слога, то и *у*, замѣняющее ихъ, всегда краткое, т. е. несоставляетъ слога. *Дѣука*, *лаука*, *покроу*, *са-*

Digitized by Google

семья дѣлитъ по ровной части; и въ чьей долѣ окажется монета, тому предрекаютъ счастіе. Послѣ обѣдни замѣчаютъ, кто первый взойдетъ въ село. Ежели нищій, то быть бѣдѣ, — селеніе постигнетъ или неурожай или пожаръ. Въ предосторожность отъ этого заранѣе приглашаютъ людей или чиновныхъ или богатыхъ. Между окончаніемъ ранней обѣдни и обѣдомъ, который бываетъ, обыкновенно, въ двѣнадцать часовъ, Сербы ходятъ другъ къ другу поздравлять съ праздникомъ. Каждый гость приноситъ съ собою ржи, пшеницы, ячменя или другаго какаго-либо зернового хлѣба и разсыпаетъ его на порогѣ, говоря: «Христосъ родился! хлѣбъ въ дому!» На это кто нибудь изъ внутренности дома отвѣчаетъ: «Во истинну родился! печеницъ на столѣ!» и отворяя дверь, самъ осыпаетъ входящаго рожью. Послѣ сего ежели это ближній родичъ или *побратимъ* (названный братъ) кому либо въ семействѣ, онъ подходитъ къ полуистлѣвшимъ, а иногда уже совершенно перегорѣвшимъ колодамъ, и раздуваетъ еще непогасшій огонь, и такъ сильно, что начинаютъ разлетаться искры, Тогда онъ скороговоркой говоритъ: «сколько искоръ, столько овецъ, сколько угольковъ, столько лошадей, коровъ съ молокомъ и свиней съ *порсуками*» (поросятами). Потомъ онъ бросаетъ нѣсколько монетъ въ золу, и садится за столъ отвѣдать давно уже красующагося на немъ *печеница*, и запить это по истинѣ гомерическое блюдо кружкой, другою, а иногда и третьею виноградnаго вина. Самые ближніе *подруги* (друзья), *покрове* (родные), ежели они люди безсемейные, холостые, остаются обѣдать. Послѣ разнообразной, вкусной трапезы расходятся по домамъ и гостей дарятъ носовыми платками, полотенцами, кушаками или чѣмъ нибудь подобнымъ домашняго произведенія, и каждаго отпускаютъ съ длиннымъ Рождественскимъ пирогомъ. Разумѣется, такъ бываетъ только въ богатомъ домѣ. У бѣдныхъ наоборотъ: богатый побратимъ или покровицъ приноситъ къ нимъ съ собою кушанье, напитки и подарки. Надобно, чтобъ въ каждомъ домѣ былъ праздникъ; и огорченныхъ потерею кого либо изъ ближнихъ, въ день Рождества Спасителя, стараются чѣмъ либо развлечь или утѣшить (въ этомъ принимаютъ участіе даже совершенно посторонніе люди);

напау, пцу, куда, и т. д.—произносятся тамъ во столько слоговъ и темповъ, какъ и въ бытовомъ образованнаго великорусскаго языка тѣже слова—*Дѣвка, лавка, покровъ, санапалъ, пилъ, когда*.... Если у Сербовъ въ словѣ *чеснау* у краткое; то любопытно знать, несоотвѣтствуетъ ли оно въ чемъ нибудь великорусскому сѣверному и какую замѣняетъ оно букву. *Ред.*

Digitized by Google

къ нимъ являются гости съ кружками вина (вмѣсто хлѣба), красиво убранными лентами, и пьютъ пополамъ эту влагу, доставляющую «веселіе сердцамъ человѣческимъ».

Во время рождественскаго обѣда также, въ знакъ торжества, вездѣ раздаются выстрѣлы. Столъ накрывается не скатертью, а мѣшками, назначенными для ржи и муки. Садясь за столъ, всѣ читаютъ *Отче нашъ*, держа въ рукахъ зажженыя восковыя свѣчи. Послѣ молитвы даютъ другъ другу братской поцѣлуй, говоря: «Миръ Господень съ тобою; — Христосъ родился; — воистину родился;—преклонимся передъ Христомъ и Его Рождествомъ!» Въ Ризанѣ это цѣлованіе бываетъ въ церкви, также какъ у насъ послѣ заутрени Свѣтлаго праздника. Обычай этотъ называется поцѣлуемъ рождественскимъ или поцѣлуемъ мира. И дѣйствительно, не рѣдко враги мирятся въ это время, и изъ церкви или передъ обѣдомъ съ чувствомъ дружбы садятся кушать печеница. Но обращаемся къ Рождественской трапезѣ; въ половинѣ обѣда пьютъ во славу Бога и гасятъ свѣчи, которыя, отобранныя у присутствующихъ главою семейства, воткнуты были въ кувшинъ, наполненный рожью или пшеницей (зерна эти потомъ отдаютъ курамъ, чтобъ они лучше неслись). Трое сутокъ столъ остается накрытымъ, въ каждомъ домѣ гостепріимство развертывается вполнѣ—по-славянски; и во все это время вмѣсто обычнаго «здорово и прощай»—говорятъ: «Христосъ родился», а отвѣчаютъ: «во истинну родился.»

Отъ извѣстій о обрядахъ народовъ, намъ близкихъ, такъ сказать, единокровныхъ намъ, перейдемъ къ повѣствованію о обычаяхъ людей въ нѣкоторомъ родѣ для насъ другаго міра — о жителяхъ Америки, именно объ Ароканцахъ.

Араканіей называется обширная страна Америки къ югу отъ Чили, между Андами и Восточнымъ Океаномъ. Нравы обитателей этой страны намъ мало извѣстны. Г. Делапортъ, директоръ національной Земледѣльческой Школы въ Чили, нѣсколько познакомилъ Европу съ этими отдаленными обитателями статьею своей, помѣщенной въ Бюллетенѣ Географическаго Общества (Bulletin de la société de Géographie), издаваемомъ въ Парижѣ. Оттуда мы и заимствуемъ эти извѣстія.

«Я находился, пишетъ г. Делапортъ, въ провинціи Ароко на Ферьмѣ, (hacienda), называющейся Санта-Фе, на самой границѣ Чили, когда узналъ, что у Индійцевъ въ непродолжительномъ времени будетъ большое собраніе (junta или parlamento) въ пятнадцати миляхъ отъ мѣста моего пребыванія на берегу небольшой рѣки

Digitized by Google

Ренайко. Тогда было начало весны, обычное время собранія подобныхъ *юнтъ*. Послѣ дождливаго времени, въ продолженіе котораго перерываются частыя сообщенія, лишь только установится хорошая погода, Испанцы и Индійцы спѣшатъ другъ къ другу для размѣна своихъ товаровъ, желая вознаградить себя скорыми оборотами за бездѣйственность своей торговли во время продолжительнаго ненастья. Эти *юнты* бываютъ всегда подъ предсѣдательствомъ начальника или *Кацика*, собравшаго вокругъ себя болѣе или менѣе многочисленную толпу воиновъ разныхъ дружественныхъ племенъ, живущихъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обычаевъ и установленій. Когда цѣлью этихъ собраній бываетъ грабежъ или война, тогда они составляются тайно: напротивъ, ежели дѣло идетъ о торговлѣ или какомъ либо другомъ мирномъ дѣлѣ, что нынѣ бываетъ очень часто, тогда эти *юнты* бываютъ публичны, и какъ бы принимаютъ на себя характеръ оффиціальный. Чилійское правительство увѣдомляется объ этомъ посредствомъ гонцевъ, которыхъ отправляетъ *Кацикъ* къ разнымъ ближнимъ правительственнымъ лицамъ, въ особенности къ губернатору Ароко, резиденція котораго находится въ Лосъ-Анжелесѣ. Гонцы эти не обвѣшаны оружіемъ и кровавыми своими трофеями, содранными съ череповъ убытыхъ непріятелей, у нихъ въ рукахъ одно только ружье, или топоръ, или сабля,—однимъ словомъ, какое нибудь завѣтное оружіе, съ которымъ Индіецъ и въ мирное время и среди спокойнаго сна въ своей хижинѣ никогда не разстается.»

«Торжественное собраніе дикарей, на которое я предполагалъ отправиться, было именно съ мирною торговою цѣлью подъ предсѣдательствомъ Кацика *Манилья*, пользующагося въ этой странѣ особеннымъ уваженіемъ. Подъ его начальствомъ находилось не менѣе тысячи воиновъ, которые въ половинѣ ноября были собраны на берегахъ Ренайко.»

«Въ сопровожденіи слуги и навьючивъ мулъ необходимыми вещами, какъ-то: складною кроватью, легкою палаткой, нѣсколькими бутылками вина (всѣми этими вещами меня снабдилъ Аннибалъ-Пинто, сынъ генерала, который въ это время былъ президентомъ республики). Не смотря на неблагопріятную погоду, въ особенности на нестерпимый вѣтеръ, который воздымалъ тучи пыли и песку я довольно скоро достигъ до Негрете, пограничнаго пункта Чилійцевъ, занятаго отрядомъ изъ двадцати-пяти человѣкъ солдатъ. Здѣсь ко мнѣ присоединился католическій священникъ, миссіонеръ, постоянно живущій въ Націементо, — онъ также отправлялся на

Digitized by Google

эту *юнту*. Я обрадовался его сотовариществу, зная какъ Индійцы уважаютъ христіанскихъ священниковъ. Онъ могъ мнѣ служить и любезнымъ собесѣдникомъ и надежною защитой въ случаѣ какихъ-либо непріятностей. Изъ Негрете мы отправились въ Мальвель, лежащій уже среди индійскихъ владѣній—это самое дальнее жилище нашихъ миссіонеровъ, это авангардный пунктъ христіанства и гражданственности, которые неутомимо, но безъ пролитія крови, безъ насилія, а словами любви и мира, борятся съ дикостью и идолопоклонствомъ. Въ этомъ мѣстѣ мы нашли другаго проповѣдника слова Божія; нищенская полуразвалившаяся хижина служитъ ему жилищемъ. Лучшаго не позволяютъ ему воздвигнуть Индійцы, боясь, и не безъ основанія, что близъ прочнаго дома, крытаго черепицей, бѣлые воздвигнутъ другія строенія и завладѣютъ страной. По этому вы легко можете судить, что пребываніе этого миссіонера въ Мальвелѣ, вполнѣ зависитъ отъ Кацика, который, по своей прихоти, можетъ его изгнать во всякое время. Впрочемъ Индійцы дорожатъ его пребываніемъ среди нихъ: они толпами приходятъ къ его жилищу за лекарствами, которыя этотъ отшельникъ составляетъ изъ разныхъ около растущихъ травъ, и нѣкоторыхъ весьма простыхъ медикаментовъ, легко помогающихъ недугамъ этихъ здоровыхъ, неиспорченныхъ натуръ. Переночевавъ въ Мальвелѣ, мы отправились далѣе, взявъ съ собою переводчика и человѣкъ двадцать пять Испанцевъ, которымъ дикари дозволяли временно обработывать впустѣ лежащія ихъ степи. Путь нашъ лежалъ по странѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ, и совершенно безлѣсной; мы шли, можно сказать, наобумъ и не видѣли ничего, кромѣ зеленыхъ равнинъ, поросшихъ густою, сочною травою. Изрѣдка глазъ останавливался на группѣ посаженныхъ деревьевъ, возлѣ которыхъ были расположены хижины дикарей. Неподалеку отъ хижинъ мы встрѣчали стада и табуны, оберегаемые малолѣтными дѣтьми туземцевъ. Но нигдѣ не примѣчали мы и малѣйшихъ слѣдовъ земледѣлія. Однако и эти предметы дикой жизни рѣдко попадались глазамъ нашимъ — одна только степь, однообразная какъ море, зеленая, усѣянная цвѣтами и сливающаяся вдали съ голубымъ небомъ, представлялась нашимъ взорамъ. Иногда эта равнина неожиданно перерывалась глубокимъ, крутоберегомъ и узкимъ, какъ трещина, оврагомъ (crevet); и мы дѣлали большіе обходы, чтобъ миновать эти провалы. Наше тихое шествіе было безмолвно; какъ то неловко говорить въ этихъ безконечныхъ пустыняхъ; кажется, какъ будто совѣстно прерывать эту вѣковѣчную тишину, нарушаемую только разнообразнымъ пѣніемъ

Digitized by Google

птицъ, изъ которыхъ многія, скрывшись отъ нашихъ взоровъ, сыпали звуки своихъ пѣсенъ съ недосягаемой выси безоблачнаго лазурнаго неба, а мириады насѣкомыхъ, спрятавшись въ высокой травѣ, своимъ чириканьемъ какъ будто бы вторили ихъ радостному гимну. Нашъ путеводитель, онъ же и переводчикъ, держался параллельно цѣпи Кордильеровъ; издали мы видѣли два великолѣпнѣйшіе волкана Чили, Антуко и Симмарика. Послѣдній нынѣ совершенно потухъ, или, по крайней мѣрѣ, давно не извергаетъ ни лавы ни пепла, и какъ будто откачнувшись отъ прочихъ горъ, одинюко подымаетъ свою вершину къ небесамъ и своею величественною, дикою красотою поражаетъ взоры путника. Антуко напротивъ, окруженный невысокими горами, которыя порождены потрясеніями земли, происшедшими отъ его же изверженій, выказываетъ изъ нихъ только свое чело, какъ старецъ, окруженный многочисленнымъ семействомъ малолѣтныхъ дѣтей. Недавно, не болѣе тому двухъ лѣтъ, какъ онъ извергалъ страшныя массы дыма, огня, пепла и лавы.»

«Проѣхавъ около трехъ миль, мы увидѣли, что къ намъ несутся верхомъ во всю прыть два Индійца. Эти люди были посланы къ намъ навстрѣчу Манильемъ, и, приглашая насъ слѣдовать за ними, порядочно торопили насъ. Вскорѣ другіе всадники просоединились къ нашему отряду и сопровождали насъ до мѣста *юнты*. Нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ длинныя бамбуковыя палки, на которыхъ развѣвались бѣлые значки. Эти маленькія знамена мира называются на ихъ языкѣ *калигуя*. Одинъ изъ нашихъ несъ также знамя, имѣвшее цвѣтъ бѣлый съ краснымъ. Это дало поводъ Индійцамъ замѣтить намъ, что красный цвѣтъ, въ ихъ понятіяхъ цвѣтъ войны совершенно неумѣстенъ среди мирнаго собранія *юнты*, образовавшейся для торговыхъ дѣлъ и увеселеній. Мы приняли къ соображенію ихъ замѣчаніе, и перемѣнили свое знамя, навѣсивъ вмѣсто бѣлаго съ краснымъ только бѣлую ткань. Однако я скоро замѣтилъ, что ежели имъ непріятенъ былъ красный цвѣтъ на знамени, то они не придавали ему никакого значенія въ одеждѣ. Когда мы подъѣхали къ *юнтѣ*, то увидѣли, что весьма многіе индійскіе всадники были одѣты въ платье изъ красной и бѣлой матеріи. Группы этихъ мужественныхъ дикарей на рьяныхъ коняхъ, бо́льшею частію вороной масти, были живописны. Едва завидѣли они насъ, какъ изъ главной толпы, окружающей кацика, отдѣлились два всадника и поскакали къ намъ во всю прыть, размахивая саблями. Мы оста-

Digitized by Google

новились, чтобъ выслушать ихъ привѣтствія, которыя намъ и передалъ нашъ переводчикъ. Эти два воина назначены были для оффиціальной встрѣчи насъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, они сдѣлали нѣсколько вопросовъ о числѣ насъ, о благополучіи *уинкасовъ*, т. е. Испанцевъ. Потомъ они обратили вниманіе собственно на мою особу, разспрашивали: кто я, откуда и зачѣмъ прибылъ къ нимъ? Имъ отвѣчали, что я изъ Санто-Яго, пріѣхалъ посмотрѣть *юнту*, засвидѣтельствовать свое почтеніе Манильи и что я другъ. Спутники мои, миссіонеры, въ особенности рекомендовали меня ихъ вниманію, и они дружески меня привѣтствовали. Послѣ этихъ вопросовъ, мы въ свою очередь стали разспрашивать ихъ объ *юнтѣ* и объ Манильи. Они сообщили намъ, что ихъ старики и воины съѣхались въ большомъ уже количествѣ, что Манилья прибылъ, и что они готовы проводить насъ къ нему. Они поѣхали впереди насъ прямо къ небольшой рощѣ, которая, загороженная съ двухъ сторонъ довольно крутыми обрывами, какъ будто бы украдкой выросла въ этой глубокой долинѣ, или, лучше сказать, ущельи, гдѣ катились струи быстраго Ранайко. Роща эта назначалась преимущественно для помѣщенія женщинъ, для которыхъ было поставлено нѣсколько шалашей, устроенныхъ изъ вѣтвей и покрытыхъ широкими листьями лапушныхъ травъ».

«Было около полудня; солнце палило немилосердо, и южный вѣтеръ, который сильно дуетъ и, обыкновенно, въ это время года охлаждаетъ воздухъ, совершенно затихъ. Лишь только мы вступили подъ древесную тѣнь, какъ слова явились два воина: одинъ изъ нихъ былъ весь одѣтъ въ красное, другой въ бѣлое одѣяніе, они повторили обычные вопросы своихъ товарищей, и наставили насъ, въ чемъ и какъ мы должны принимать участіе въ *юнтѣ*. Потомъ они, испустивъ пронзительный крикъ и размахивая саблями, поскакали во весь духъ, приглашая насъ слѣдовать за собою. Мы пустились за ними, окруженные со всѣхъ сторонъ краснокожими, которые скакали какъ изступленные, вопили какъ грѣшники въ аду, и неистово потрясали обнаженными своими саблями. Облака пыли покрываютъ насъ, порядокъ нашего отряда разстроивается; лошади, испуганныя этой суматохой и нестерпимыми завываніями, начинаютъ брыкать или дѣлать курбеты; глядишь—тотъ потерялъ свой хлыстъ, другой не можетъ поймать потерянныхъ стремянъ, третій очутился на шеѣ у лошади, четвертый слетѣлъ съ своего коня, и молится всѣмъ святымъ, чтобъ эти краснокожія черти-пріятели не растоптали его въ прахъ. Я, будучи плохимъ ѣздокомъ, не знаю, какимъ чудомъ усидѣлъ на своей лошади, и, примѣтивъ, что отцы миссіонеры тихонько удаля-

Digitized by Google

ются къ рощѣ, направилъ свои стопы за ними. Тѣ, которые были изъ насъ постарше или поскромнѣе, послѣдовали нашему примѣру; а другіе, не желая показаться *скваузами* (женщинами) въ глазахъ своихъ новыхъ пріятелей, продолжали скакать съ ними, въ знакъ пріязни; и вся эта толпа изступленныхъ всадниковъ сдѣлала около рощи круговъ шесть. Потомъ Индійцы удалились отъ насъ, оставивъ насъ въ покоѣ; мы поспѣшили воспользоваться этими минутами отдыха, чтобъ раскинуть наши палатки, разостлать *пончосы* (полсти) и овчины въ томъ мѣстѣ, гдѣ было намъ указано отъ нашихъ воинственныхъ хозяевъ. Это мѣсто находилось среди шалашей, занятыхъ женщинами; и мы вдоволь могли любоваться на прекрасный полъ нашихъ степныхъ сосѣдей. Зрѣлище этихъ несчастныхъ труженицъ, съ самой юной молодости обремененныхъ работой, предназначенныхъ судьбою со дня рожденія быть рабами мужчины, истомленныхъ, худыхъ и не красивыхъ, не доставляло большаго удовольствія. Намъ очень хотѣлось спать; но дымъ отъ костровъ, на которыхъ готовилось кушанье, громкіе разговоры старухъ, пронзительныя пѣсни матерей, которыя убаюкивали грудныхъ младенцевъ, крикъ дѣтей, вой голодныхъ собакъ и пыль отъ поднявшагося вѣтра, не давали намъ средства предаться отдохновенію; къ тому же дикіе вздумали, въ знакъ привѣтствія и дружбы къ намъ, уже одни, сочинить такую же скачку, какую совершали они въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ нашихъ всадниковъ. Долгъ вѣжливости требовалъ, чтобъ мы вышли полюбоваться на ихъ ловкость. И дѣйствительно эта толпа всадниковъ, взвѣвая пыль, которая осыпала насъ съ ногъ до головы, съ невыразимо страшными криками неслась, какъ грозные духи, отпущенные на срокъ, и по крику пѣтуха спѣшащіе возвратиться съ свое темное жилище. Одежда дикарей была разнообразна: на одномъ была надѣта квакерская шляпа и красные штаны въ обтяжку; на другомъ развѣвалась *пончо* съ прорѣзанными дырами вмѣсто рукавовъ, а на головѣ была надѣта фуражка солдата; этотъ красовался въ бархатной, вышитой золотомъ, куртцѣ, безъ штановъ, а тотъ вмѣсто всякаго одѣянія, носилъ на себѣ только широкія бѣлыя понталоны. Весьма многіе изъ нихъ были въ однихъ только бѣлыхъ и красныхъ плащахъ съ открытыми головами, и у отявленныхъ щеголей, длинные вьющіеся волосы развѣвались и падали на плечи правильными локонами. Немногіе имѣли обувь, но почти у каждаго ноги были вооружены длинными и острыми шпорами. Скачка продолжалась около получаса; и *я*, почти совершенно ослѣпленный пылью, удалился въ свою палатку.»

Digitized by Google

«Лишь только мы отдохнули немного, какъ пришла къ намъ старая Индіянка. Она была давнишняя знакомка миссіонеровъ, и принесла имъ въ бизоновомъ рогѣ пики, (хмѣльнаго напитка изъ ягодъ, имѣющаго вкусъ яблочнаго сидра.) Въ слѣдъ за ней явились два посланца отъ кацика и объявили намъ, что Манилья готовъ принять насъ. Надобно было садиться снова верхомъ и, по указанію переводчика, ѣхать гусемъ другъ за другомъ,— младшіе по лѣтамъ или меньшіе по значенію ѣхали впереди. Я, какъ самое важное лицо среди моихъ товарищей, заключалъ шествіе. Отъѣхавъ саженъ двѣсти, мы увидѣли два полукруга всадниковъ, стоящихъ другъ противъ друга, а между этими полукругами былъ проѣзъ аршина въ четыре. Лошади дикарей стояли неподвижно, точно будто вылитыя изъ бронзы. Мы поочередно, начиная съ самаго крайняго изъ нихъ, стали здороваться съ ними; и всякому изъ насъ каждый изъ нихъ говорилъ *маи, маи печки*, (здорово, здорово другъ или братъ), или просто *маи, маи*. Мы подвигались шагомъ. Миссіонеры, ѣхавшіе впереди меня, при встрѣчѣ съ знакомыми имъ кациками, останавливались и говорили имъ привѣтствія на ихъ языкѣ, что новидимому, очень нравилось дикарямъ. Въ серединѣ полукруга стоялъ Манилья. Онъ отличался ото всѣхъ красивостью своего коня, своимъ воинственнымъ видомъ и какимъ-то изяществомъ костюма. Кацикъ высокій мужчина, уже очень пожилыхъ лѣтъ; глубокія морщины видѣлись на лицѣ его, и по чернымъ волосамъ, что рѣдкость между Индійцами, стала пробивать сѣдина. Но онъ былъ могучъ и силенъ, какъ вѣковой дубъ, который истиннымъ царемъ подымается среди окрестныхъ деревьевъ, мужественно борется съ бурями и непогодами и твердо стоитъ, пренебрегая удары времени. На головѣ кацика надѣта была шляпа съ высокой тульей, лѣвое поле которой было поднято и приколото стальною блестящею пряжкою англійскаго издѣлья. Широкая бархатная куртка алаго цвѣта составляла его верхнее платье, широкія бѣлыя шаровары исподнее; на ногахъ у него не было ничего, кромѣ прекрасныхъ золотыхъ шпоръ; за золотымъ поясомъ торчала пара пистолетовъ; съ боку висѣла сарацинская сабля, украшенная дорогими каменьями; въ рукѣ у него было легкое камышевое древко, на которомъ развѣвался бѣлый флагъ. Это древко было такъ пристегнуто, что онъ могъ откидывать его назадъ, какъ польскіе уланы свою пику. Сбруя его коня была изукрашена, по испанской модѣ, огромными шелковыми кистями, перемѣшанными съ золотою битью. Миссіонеры давно были знакомы со старымъ кацикомъ, и онъ долго говорилъ съ ними; когда же дошла очередь до меня, онъ взялъ меня

Digitized by Google

за руку и привѣтствовалъ длинною рѣчью, изъ которой я ровно ничего не понялъ, потому-что переводчикъ уѣхалъ впередъ. Къ тому же лошадь моя, оставшись одна, кинулась за своими товарищами, и я чуть-чуть не слетѣлъ съ сѣдла; но меня поддержалъ Манилья въ самую критическую для меня минуту. Онъ далъ шпоры своему коню, могучею рукою схватилъ меня за мое пальто, захвативъ притомъ не только верхнее платье и сорочку, но даже и кожу на спинѣ....и плотно всадилъ меня въ сѣдло. Объѣхавъ одинъ полукругъ, мы съ тѣми же «*маи, маи*» и въ томъ же порядкѣ объѣхали и другой, а потомъ возвратились къ своему стану.»

«Здѣсь мы нашли нашихъ сосѣдокъ, убранныхъ въ лучшіе свои наряды. Я со вниманіемъ разсматривалъ ихъ уборы; у многихъ голова была покрыта сѣточкой жемчугомъ и бусами разныхъ цвѣтовъ; у щеголихъ волосы были заплетены въ двѣ косы, перевитыя нитками бусъ; эти длинныя косы, спускающіяся гораздо ниже пояса, соединялись между собою вязью изъ точеныхъ костей и монетъ, на рукахъ и на ногахъ надѣты были металлическіе браслеты, въ ушахъ серьги изъ колецъ неимовѣрной величины. Главная ихъ одежда состояла изъ *котомало*, нѣчто въ родѣ коротенькой юбки, или лучше сказать, небольшаго куска яркой шерстяной матеріи, перепоясанной по чресламъ и спускающейся немного ниже колѣнъ. Прочее все было обнажено и расписано самымъ разнообразнымъ и разноцвѣтнымъ татунированіемъ. У одной степной красавицы на выпуклыхъ щекахъ были синіе іероглифы, на лбу сходились и расходились круги разной величины, по шеѣ выше грудей были наколоты красные узоры въ видѣ монистовъ; обѣ руки ниже плеча, повыше локтя, разрисованы такъ, что казалось на нихъ надѣты желтые рукавчики изъ прозрачной матеріи. Присоедините къ этому, что уши у нея были выкрашены синей краской, около глазъ густо положены ранжевыя румяна, цвѣтъ ея кожи темнокрасный, двѣ черныя косы жесткихъ волосъ, перевитыя нитками бусъ, толстыя какъ боа-констрикторъ, падали почти до пятокъ, и вы будете имѣть полное понятіе о степной прелести. Хотя многоженство и дозволено у Араканцевъ; но имъ рѣдко кто пользуется, ибо это не выгодно,— надобно дорого платить за похищеніе дѣвушки, а потомъ, въ случаѣ смерти жены, и за ея смерть. Я говорю за похищеніе дѣвушки, ибо здѣсь бракъ иначе не совершается, какъ посредствомъ насилія. Юноша, вступивши въ ряды воиновъ, выбираетъ себѣ невѣсту, приглашаетъ съ собою своихъ товарищей, и улучивъ минуту, когда ея отецъ и братья въ отлучкѣ, по большой части на охотѣ съ цѣлымъ племенемъ,

Digitized by Google

нападаетъ съ своими товарищами на беззащитную хижину, и не глядя на вой старухъ, крикъ дѣтей, драку женщинъ, которыя иногда подчуютъ ихъ горячими головнями, они увлекаютъ красавицу въ какую-нибудь рощу, и тамъ совершается бракъ. Потомъ родственники ея отправляются къ похитителю, требуютъ вознагражденія за похищенную работницу, торгуются, и при помощи двухъ трехъ стариковъ всегда улаживаютъ дѣло миролюбно, но ежели не получатъ вознагражденія лошадьми, телками или бизоновыми шкурами, тогда между ними и похитителемъ возгарается смертельная вражда, которая иногда, вовлекая въ междоусобную брань воинственныя племена, принимаетъ видъ корсиканскаго кровомщенія и оканчивается уничтоженіемъ какого-нибудь племени. Эти междоусобія случаются не за однѣхъ женщинъ: два властолюбивые кацика поссорились между собою, воины подрались и убили кого-нибудь въ свалкѣ, побили *скваузу* и вражда вспыхиваетъ, начинаются битвы, люди гибнутъ сотнями.... Впрочемъ здѣсь не такъ, какъ въ Корсикѣ или у Черкесовъ— ненависть не переходитъ отъ отца къ сыну, и какъ миръ между семействами, такъ и миръ между племенами возстановляется или, по приговору приглашенныхъ посредниковъ, уплатою виновными убытковъ или взаимными дарами.»

«Но возвращаюсь къ моимъ сосѣдкамъ. Разряженныя, онѣ съ подобострастьемъ ожидали своихъ воинственныхъ супруговъ. Послѣдніе, сошедши съ лошадей, потребовали у нихъ ѣсть, и покуда мужья насыщались, жены прислуживали имъ съ рабскою угодливостью. Потомъ, когда эти несчастныя *скваузы* принялись за остатки обѣда своихъ повелителей, мужчины занялись разными играми. Одни снова скакали на своихъ бѣгунахъ и представляли примѣръ коннаго единоборства; другіе показывали свое искусство въ обученіи лошадей, которыя, по ихъ знаку, ложились какъ мертвыя на землю; или поднявшись на дыбы, ходили на заднихъ ногахъ; или приносили имъ поноску, какъ хорошо выученыя собаки; или чесали зубами у нихъ въ головѣ и дѣлали другія тому подобныя продѣлки, не уступая въ своемъ разумѣніи конямъ, получившимъ образованіе въ парижскомъ Олимпійскомъ циркѣ. А между тѣмъ мѣновая торговля шла своимъ порядкомъ.»

«Вечеромъ мы, снова сѣвъ на лошадей, отправились къ Манильи. Тамъ видѣлъ я великолѣпную скачку съ факелами изъ какой-то смолы и высокой травы, произведенную пятью стами всадниковъ,

Digitized by Google

завыванія которыхъ были такъ дики и пронзительны, что испуганный мулъ мой, сорвавшись съ привязи, убѣжалъ въ степь, и его могли поймать только лишь за пять миль».

Достопочтенный директоръ земледѣльческой школы, описываетъ потомъ, въ чемъ состоитъ торговля дикарей. ихъ образъ домашней жизни, ихъ вѣрованія и проч. и проч. Къ сожалѣнію, ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ вполнѣ познакомить нашихъ читателей съ этою любопытною статьею. И мы отъ степныхъ зрѣлищъ переходимъ къ обозрѣнію европейскихъ театровъ.

Съ чего же начнемъ мы это обозрѣніе? Развѣ съ *Пирога королевъ* (Le gâteau des reines) г. Леона-Гозлана? Съ Пирога королевъ! Какое вкусное заглавіе!! Поди ка, выдумай кто-нибудь другой! Самое заглавіе говоритъ, что Леонъ-Гозланъ великій мастеръ своего дѣла. Да, нельзя не согласиться, что онъ, въ настоящее время, первый искусникъ на парадоксы. Положимъ, что вы знаете несправедливость его басни; положимъ, что вы будете увѣрены въ ложности его идей: но эта басня, выданная вамъ за историческую истину, такъ сплетена вѣроподобно, эти ложныя идеи выставлены такъ увлекательно, что вамъ стоитъ большаго труда не повѣрить всему этому. Парадоксы и литературное обморочиваніе составляютъ особенность Гозлана, а потому, ради Бога, не вѣрьте ему ни въ чемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишайте себя наслажденія читать его болтовню и смотрѣть на его театральную *неправду*,—въ жизни такъ мало удовольствій, что не надобно пренебрегать и бесѣдой съ милымъ болтуномъ. Но обращаюсь къ Пирогу королевъ. Позвольте мнѣ его отвѣдать, благосклонный читатель, и разсказать вамъ, какая въ немъ начинка. Мы переносимся во эпоху Людовика XV, въ то время, когда Французскій народъ называлъ его *желаннымъ* (le Bieu-aimé). Дѣло идетъ о бракосочетаніи короля. Первый актъ происходитъ въ замкѣ Вейссенбургѣ, постоянной резиденціи безземельнаго короля Станислава, живущаго на пенсіи французскаго правительства. Станиславъ у г. Леона-Гозлана такъ философически хладнокровно разсуждаетъ о потерѣ польскаго трона, что, право, кажется ему не стоило труда и всходить на него. Онъ, подобно старому идиллическому пастуху Геснера, наслаждается тишиною спокойствія и любовью своей дочери, которая очень мила для пастушки. Она воркуетъ своему родителю нѣжнѣйшія фразы, чинитъ его старое платье и наслаждается вмѣстѣ съ нимъ прелестями природы.—Право, Маріи Лещинской не достаетъ только барашка на розовой ленточкѣ, чтобъ стать настоящей Дафной!... У ней даже есть свой Дафнисъ, — молодой и хорошенькій

Digitized by Google

собою графъ д'Эстре, офицеръ королевской гвардіи, въ которомъ столько же воинственнаго, какъ въ какой-нибудь сентиментальной Лотхенъ, воспитанной на нѣмецкихъ слезливыхъ романахъ. Станиславъ не прочь сочетать влюбленныхъ; но, при всемъ философическомъ равнодушіи своемъ къ благамъ міра сего, онъ еще не совершенно забылъ, что когда то,—хотя и недолго,—носилъ корону. Не могши удержать за собою и своими польскаго трона, онъ однако непремѣнно хочетъ теперь, чтобъ дочь его при дворѣ имѣла покрайней мѣрѣ табуретъ. Этого достигнуть не трудно молодому д'Эстре, надобно только сдѣлаться герцогомъ и перомъ; а эти титулы онъ легко можетъ получить, благодаря снисходительности министровъ. д'Эстре отправляется въ Версаль хлопотать объ герцогствѣ и перствѣ, нѣжно прощается съ Маріей, и, поднявъ ея платокъ, тихонько его прячетъ и уѣзжаетъ. Конечно, присвоеніе чужаго платка не очень похвально; но что же дѣлать? Простите графа великодушно, онъ влюбленъ, а страсть побуждаетъ иногда и не къ такимъ поступкамъ, какъ вы увидите ниже.

Лишь только графъ отправился, какъ прибылъ вѣрный сопутникъ развѣнчаннаго короля, Стюрмеръ, который ѣздилъ въ Версаль за пенсіей.

— Выдали ли тебѣ пенсію? спрашиваетъ его экономка Станислава.

— Нѣтъ!...

— Такъ, стало быть, мы опять безъ сантима! — И она повѣсила носъ. Да оно, признаться, — поневолѣ задумаешься, когда не на что купить фунта говядины.

Но Стюрмеръ успокоиваетъ ее — онъ привезъ деньги; онѣ достались ему страннымъ случаемъ. Не далеко отъ замка на него напалъ разбойникъ, и, приставивъ къ груди его пистолетъ, грозно закричалъ: кошелекъ или жизнь. Стюрмеръ смиренно объяснилъ разбойнику, что не получилъ королевской пенсіи и кошелекъ его пустъ. — Несчастный!—воскликнулъ великодушный разбойникъ, — ты попадешься моимъ товарищамъ, — они убьютъ тебя, ежели ты не удовлетворишь ихъ алчности! И съ тѣмъ вмѣстѣ сунулъ въ руки Стюрмеру свой собственный кошелекъ. Удивительный разбойникъ!—Однако Станиславъ считаетъ нужнымъ сообщить объ этомъ полиціи, чтобы она приняла мѣры къ уничтоженію разбойнической шайки. Но ночной рыцарь, нападавшій на Стюрмера, въ торопяхъ вмѣстѣ съ деньгами вручилъ ему въ руки носовой платокъ—платокъ Маріи Лещинской. Такъ стало быть, это былъ влюбленный графъ и хотѣлъ

Digitized by Google

инкогнито подать милостыню обнищавшему королю — великодушный молодой человѣкъ! — Видите ли, мы съ нимъ, для свой любезной, готовы сдѣлаться разбойниками, — не настоящими разбойниками, а разбойниками насмѣхъ! Вѣдь я говорилъ вамъ, что любовь доводитъ и до большаго, чѣмъ похищеніе носоваго платка.

Но уже полночь, пора спать. Въ замкѣ холодно, по самой простой причинѣ,—не на что купить дровъ. Дочь Лещинскаго, укутавшись въ старое платье своего отца, обвязавъ шею платкомъ, увезеннымъ д'Эстре и привезеннымъ Стюрмеромъ, засыпаетъ сномъ невинности, то-есть, такимъ крѣпкимъ сномъ, что съ ней дѣлай что́ хочешь—она не услышитъ. Вотъ отворяется дверь, является д'Эстре (у бѣднаго короля, видно, въ замкѣ нѣтъ и замковъ) подкрадывается къ спящей Маріи, нѣжно цѣлуетъ ее и обратно беретъ носовой платокъ, который уже былъ у него въ карманѣ. Стоило изъ того входить въ комнату любимой дѣвушки!... воскликнулъ бы какой-нибудь «Фоблаза давній ученикъ», но д'Эстре жилъ прежде Фоблаза, и, находясь при дворѣ въ эпоху регентства, сохранилъ въ себѣ чистоту нравовъ, рыцарскую честность и застѣнчивость пансіонерки.. Удивительные парадоксы! Гозлановскіе парадоксы!!...

Во второмъ актѣ мы въ Версали, у перваго министра, герцога Бурбонскаго, или, какъ называютъ его короче, *герцога*. Герцогъ не показывается; но является госпожа де При, его любовница. Она принимаетъ, или, лучше сказать, не принимаетъ вмѣсто министра, отказывая въ дерзкихъ и ядовитыхъ выраженіяхъ тѣмъ, которые пришли къ нему съ просьбами. Депеши и конверты, относящіеся до государственнаго управленья, она кидаетъ въ каминъ. Такъ управляли въ то время бѣдною Франціей!... Но успокойтесь, любезный читатель, такъ дѣла не могутъ идти даже и въ татарской ордѣ. — Это не иное что, какъ опять парадоксъ г. Гозлана. Однако не всѣмъ же отказываетъ госпожа де При—она принимаетъ д'Эстре. А почему? того еще не видать, быть можетъ потому, что онъ молодъ, хорошъ собою, — этѣ фаворитки такъ капризны... Да, она принимаетъ графа, даже даетъ ему герцогскій дипломъ; и министръ застаетъ молодаго человѣка на колѣняхъ передъ своей любовницей. Сначала онъ ревнуетъ, но потомъ успокоивается, когда объясняется дѣло, и даже, для приличнаго поддержанія новаго титула, даетъ новому герцогу богатое аббатство. Это опять парадоксъ, но однимъ болѣе, однимъ менѣе—что нужды? Итакъ продолжаемъ нашъ разсказъ. Покуда новый перъ и герцогъ прогуливается въ ожиданіи г-жи де При за шпалерами изъ плюща, она ведетъ въ первымъ министромъ

Digitized by Google

бесѣду о важномъ политическомъ дѣлѣ, — о томъ, что пора бы женить молодаго короля. Но на комъ? Герцогу надобно такую женщину, которая бы съ красотой и любезностью соединяла расположеніе къ г-жѣ де При и покорность ея волѣ. Вопросъ мудреный.. Наконецъ эти всемогущіе правители рѣшаютъ женить Людовика XV на сестрѣ герцога, дѣвицѣ де Вермандуа, находившейся въ то время въ монастырѣ Фонтевро. Госпожа де При возьметъ ее оттуда монастыркой и привезетъ королевой.

Весь третій актъ происходитъ въ Фонтевро. Здѣсь нѣтъ ни одного мужчины, — вы даже не видите на сценѣ монастырскаго садовника. Хитрая фаворитка пріѣзжаетъ. Она при первой встрѣчѣ поражена скромностью и благонравіемъ дѣвицы де Вермандуа; но на основаніи парадокса г. Гозлана, что монахиня всегда перехитритъ свѣтскую женщину, г-жа де При вполнѣ обманута этою притворною личиною. «Вы будете королевою Франціи» — наконецъ говоритъ она дѣвицѣ де Вермандуа и подаетъ ей письмо отъ ея брата. «Королева Франціи!—вскрикиваетъ затворница, — я, королева Франціи!!.. для меня свѣтъ и его наслажденія! для меня роскошь двора! въ моихъ рукахъ власть!!.. О, ѣдемте, ради неба, ѣдемте поскорѣе!...» Чувствуешь, что эту женщину жжетъ шерстяное платье монастырки, какъ туника Деяниры, что скромная бѣлая повязка готова отъ волненья свалиться съ головы ея и уступить свое мѣсто тяжелой королевской коронѣ. Это очень хорошо, почти вѣроподобно, но въ сущности неестественно, несправедливо — это опять только лишь парадоксъ. Упоенная надеждами, съ гордыми замыслами, дѣвица де Вермандуа оставляетъ монастырь и беретъ съ собою Марію Лещинскую, которая въ тишинѣ монастыря пришла искать спокойнаго убѣжища до возвращенія своего возлюбленнаго.

Въ четвертомъ актѣ мы опять въ Версали. Онъ весь состоитъ изъ придворной интриги. Пріѣхала испанская инфантина, пріѣхала и дѣвица де Вермандуа въ сопровожденіи Маріи Лещинской. Онѣ всѣ три могутъ быть невѣстами короля. Пирогъ испеченъ, разрѣзанъ бѣленькими ручками г-жи де При: кому достанется бобъ? кто будетъ королевой?

Король не очень-то занимается инфантиной —она очень смугла, смугла до того, что походитъ на цыганку. Онъ долго, внимательно смотрѣлъ на дѣвицу де Вермандуа; но ее монастырское одѣяніе наводитъ на него страхъ. Марія нравится ему больше всѣхъ; къ тому же и хитрая фаворитка министра сильно выхваляетъ ему дочь отставнаго короля. Марія еще не думаетъ о блестящей участи, ее

Digitized by Google

ожидающей; блескъ короны не ослѣпляетъ ея глазъ; и сладостнѣйшія мечты ея, мечты любви. Но, признаюсь, на мѣстѣ д'Эстре я былъ бы не очень спокоенъ: ей уже очень нравятся придворныя увеселенія, она уже принимаетъ въ нихъ живое участіе, — а женщина, которая любитъ что-нибудь другое, кромѣ любимаго человѣка, скоро перестанетъ его любить или уже и разлюбила совсѣмъ.

Въ пятомъ актѣ развертывается настоящая драма. Новопожалованный герцогъ д'Эстре узнаетъ, что его невѣста, его Марія Лешинская, предназначается быть не герцогиней, а королевой. — Крикъ отчаянія вырывается изъ груди его, и находитъ сочувствіе во всѣхъ, кто терялъ женщинъ, милыхъ ихъ сердцу, кто на вѣки хоронилъ свои радости, убитые измѣною ихъ идоловъ. Марія спѣшитъ успокоить юношу: она любитъ его попрежнему—и только его, одного его. Король Станиславъ, какъ истинный философъ, можетъ быть, по опыту зная, какъ тяжело носить королевскій вѣнецъ, желаетъ, чтобъ дочь его была только герцогиней. — Признаемся, для насъ это желаніе странно: но говорятъ, что у всякаго барона своя фантазія, а у короля, хотя и отставнаго, ихъ можетъ быть и не одна; а потому и не мудрено, что онъ лучше желаетъ, чтобъ дочь его носила одну фамилію съ прославленной Габріэлой д'Эстре, чѣмъ была женою коронованнаго Бурбона, таковъ парадоксъ г. Гозлана; и мы хотя не согласны съ нимъ, однако не желаемъ и спорить. Король Станиславъ между тѣмъ предположилъ оставить дворъ и только втроемъ взвратиться подъ мирный кровъ Вейссенбурга. Къ несчастію госпожа де При все это слышала, и, какъ она во что бы ни стало хочетъ сдѣлать Марію королевой, то употребляетъ всѣ средства поссорить любовниковъ. Это очень легко. Она нѣсколько минутъ тихо разговариваетъ съ д'Эстре, живо высказываетъ ему свое расположеніе за то, что онъ когда-то дрался за нее, и—кажется, даже намекаетъ ему, что къ нему неравнодушна. Молодой человѣкъ, за которымъ зорко слѣдитъ министръ, не хочетъ выдать госпожу де При, и молчитъ на вопросъ его, о чемъ онъ говорилъ съ фавориткой. Марія Лешинская, думая, что она обманута, что ей предпочтена любовница министра, изволитъ кушать кусокъ пирога королевъ съ бобомъ — и тутъ же отдаетъ свою руку счастливому Людовику XV. Вотъ и вся пьеса въ пять актовъ, или, лучше сказать, парадоксъ въ пяти дѣйствіяхъ. Піеса была первый разъ дана на сценѣ *Французской* комедіи, или, какъ называютъ иначе, на театрѣ Французскомъ.

За симъ посмотримъ, что было новаго на другихъ сценахъ. *Театръ Разнообразія* представилъ *Театръ Зуавовъ* (Le théâtre

Digitized by Google

des Zouaves) гг. Кормона и Гранже—солдатская піеса, наполненная казарменными остротами и неблагопристойными фарсами. *Пале-Рояльскій театръ* попотчивалъ зрителей *Зятемъ г. Помье*, (le gendre de M. Pommier) скучной комедіей въ трехъ дѣйствіяхъ, состряпанной втроемъ бездарными писателями. Кто-то смастерилъ *для водевиля* мелодраму въ трехъ же актахъ: *Любить или умереть* (Aimer ou mourir), глупую, какъ большая часть или лучше сказать, какъ всѣ мелодрамы на свѣтѣ. На томъ же театрѣ давали *Братецъ Вердюръ* (Le cousin Verdure),—веселый водевиль, содержаніе котораго невозможно передать,—оно улетучится, какъ игра шампанскаго, которое безъ игры никуда не годится. Вотъ, кажется и все. Да кстати скажемъ нѣсколько словъ о турецкихъ театрахъ.

Въ Allgemeine Zeitung мы находимъ статью, гдѣ говорится, что одинъ германскій путешественникъ сообщаетъ извѣстія о драматическихъ зрѣлищахъ, которыя могутъ дать понятіе о турецкомъ образованіи. Въ продолженіе двухъ часовъ, говоритъ Германецъ,—идутъ одна за другою самыя неприличныя и неестественныя сцены, какія только можетъ выдумать разстроенный разсудокъ. При томъ сцены эти сопровождаются разными остротами и двусмысленностями, къ которымъ такъ способенъ турецкій языкъ. Но чтобы исчерпать до послѣдней капли эту способность его, нарочно раздаютъ роли Грекамъ и Гречанкамъ, потому-что ихъ выговоръ даетъ еще болѣе повода къ двусмысленностямъ. Самыя отвратительныя сцены разыгрываются бо́льшею частію подъ музыку, и зрители заставляютъ повторять ихъ по три и по четыре раза. Наконецъ, когда герой уже прошелъ разныя положенія, въ сущности составляющія одно и тоже, представленіе оканчивается, и главное лицо, нѣчто среднее между арлекиномъ, Карагезомъ и Донъ-Жуаномъ, проваливается и исчезаетъ въ преисподней. Но это еще не худшее, оно впереди: публика, которая съ вниманіемъ слѣдитъ за драмой, понимаетъ ея остроты и награждаетъ ихъ хохотомъ, встрѣчаетъ гнусныя сцены крикомъ «афферимъ!» (браво!) и требуетъ ихъ повторенія—Публика эта дѣти!... дѣти по седьмому, восьмому и десятому году!... И чтобы они не упустили ни малѣйшей черты изъ дѣйствія или разговора, могли все видѣть и слышать, для нихъ отводится первое мѣсто въ оркестрѣ предъ самымъ занавѣсомъ, гдѣ они сидятъ на высокихъ табуретахъ (отцы ихъ помѣщаются позади и радуются понятливости и веселости своихъ дѣтищъ). Впечатлѣніе, производимое на Европейцевъ при видѣ партера, непріятное

Digitized by Google

самой піесы. Въ самомъ дѣлѣ, ужасно видѣть милыя дѣтскія личики съ невинными взглядами, которые кривляются, какъ будто сатиры! Чуть не плачешь при этомъ хохотѣ дѣтей, и въ тоже время хочется поколотить отцовъ, которыя съ удовольствіемъ глядятъ на дѣтей своихъ, какъ-будто заранѣе пріучая ихъ къ разврату. Театры эти посѣщаются всѣми. Туда какъ богачъ паша, такъ и имамъ посылаютъ своихъ дѣтей съ евнухами. Въ Стамбулѣ есть нѣсколько театровъ, въ которые ходятъ женщины и дѣвицы. Для нихъ устроены ложи съ рѣшетками, изъ которыхъ слышенъ громкій смѣхъ и хлопанье въ ладоши!

Надобно отдать справедливость германскимъ путешественникамъ — они разъѣзжаютъ не даромъ, не какъ англійскіе туристы, которые шляются по всѣмъ закоулкамъ міра отъ нечего дѣлать или для того, чтобы прогнать свой сплинъ. Много Германцы подсмотрѣли, въ разныхъ частяхъ свѣта, народныхъ обычаевъ, особенностей природы, диковинокъ растительнаго царства, и обо всемъ этомъ отдали читающей публикѣ подробный отчетъ. Представляемъ замѣчаніе одного изъ нихъ о садоводствѣ Китайцевъ. Проѣзжая чрезъ городъ Шанхай, въ январѣ мѣсяцѣ, онъ видѣлъ тамъ на рынкахъ множество великолѣпныхъ растеній въ полномъ цвѣту и между прочимъ *Magnolia purpurea*, растеніе весьма рѣдкое въ Европѣ, замѣчательное величиною и необыкновенною красотою своихъ цвѣтовъ. Камеліи были не такъ разнообразны породами, какъ у насъ въ Европѣ, но замѣчательны тѣмъ, что представляли образцы такихъ породъ, которыя удобно могутъ цвѣсти въ зимнее время. Тамъ были также въ изобиліи породы персиковыхъ деревьевъ и китайская слива съ бѣлыми цвѣтами; но особенно пріятно удивилъ его—піонъ мутонъ, который въ самое холодное время года былъ покрытъ множествомъ вполнѣ распустившихся великолѣпныхъ цвѣтовъ. Шанхайскіе садовники хорошо знаютъ, что цвѣты, распустившіеся такимъ образомъ при пособіи искусственныхъ средствъ, скоро наклоняются отъ собственной своей тяжести и вянутъ, и потому всегда поддерживаютъ ихъ искусственно въ прямомъ положеніи, привязывая ихъ къ подпоркамъ. Путешественникъ нашъ изслѣдовалъ лучшія породы чайнаго дерева и уходъ за ними; и наблюденія его привели, между прочимъ, къ положительному рѣшенію вопроса, что черный и зеленый чай приготовляется изъ одного и того же растенія, а не изъ двухъ различныхъ видовъ чайнаго дерева, какъ прежде полагали. По словамъ его въ Китаѣ воздѣлываютъ, между прочимъ, съ особеннымъ раченіемъ и искусствомъ хризантемы; число породъ

Digitized by Google

этого прекраснаго цвѣтка простирается до восьмидесяти. Китайцы до того ихъ любятъ, что украшаютъ ими свои домы и столы во время празднества, привязываютъ букеты хризантемъ къ головѣ парадныхъ лошадей, изображаютъ ихъ на фарфоровой посудѣ и т. д. Одно изъ преимуществъ этого цвѣтка состоитъ въ способности противиться холоду; въ то время, какъ всѣ другіе цвѣты давно отцвѣли и исчезли, хризантема (золотоцвѣтъ, половникъ, воловье око) еще продолжаетъ красоваться. Цвѣтокъ этотъ очень извѣстенъ въ Европѣ; но садовники наши, столь искусные въ разведеніи розъ, камелій, ацалей и проч., далеко уступаютъ Китайцамъ въ умѣньи ухаживать за хризантемами.

Китай есть также отечество древовидныхъ піоновъ. Они бываютъ тамъ разныхъ цвѣтовъ: бѣлые, розовые, пунцовые, лиловые и малиновые—самые обыкновенные. За нѣсколько лѣтъ, благодаря стараніямъ князя Воронцова, европейское цвѣтоводство обогатилось пріобрѣтеніемъ знаменитаго желтаго піона (peonia Witmanniana), растенія очень дорогаго и рѣдкаго. Но въ Китаѣ есть еще одинъ болѣе рѣдкій видъ піоновъ, голубой или *лань*. Цвѣты этого піона имѣютъ пріятный лазорево-фіолетовый цвѣтъ, подобный цвѣту вистеріи китайской (Wisteria sinensis). Какъ ни высоко цѣнится эта порода піоновъ, Китайцы ставятъ еще выше другой видъ, именно піонъ *ванъ* или желто-палевый піонъ, который отличается отъ *лана*, или просто желтаго піона, болѣе нѣжнымъ цвѣтомъ. Въ императорскихъ садахъ Богдыхана разводятъ еще другой видъ того же цвѣтка, пурпуровый, тысячелистный или *тзе* и также черный піонъ, цвѣты котораго имѣютъ бархотистую поверхность темно-пунцоваго цвѣта. Онъ бываетъ величиною съ тосканскую или прованскую розу; края листьевъ у него съ красивыми выемками. Ацалеи разводятся въ Китаѣ, также въ спеціально посвященныхъ имъ садовыхъ заведеніяхъ. Садовники срединнаго государства убѣждены, что каждый человѣкъ можетъ хорошо заниматься однимъ только дѣломъ, и что въ дѣлѣ садоводства особенно кто за многое хватается, тотъ ни въ чемъ не успѣваетъ. Пушанскій садъ посвященъ исключительно ацалеямъ.

Въ числѣ новыхъ видовъ ацалей въ Пушанскомъ саду, одна, по всему вѣроятію, сдѣлается извѣстнѣе прочихъ. Она отличается густою зеленью мелкихъ листьевъ и также большимъ изобиліемъ мелкихъ, но довольно красивыхъ цвѣтовъ ярко-пунцоваго цвѣта. Этотъ видъ ацалей, названный Azalea amoena (пріятная ацелея),

Digitized by Google

отличается предъ другими особенною бодростью; но, при всемъ томъ, едва ли будетъ въ состояніи выдерживать на открытомъ воздухѣ зиму даже умѣренныхъ странъ Европы.

Теперь кстати поговоримъ о садоводствѣ у Персіянъ.

Садоводство въ Персіи остается неподвижнымъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ; и хотя флора этой страны не обогащается чужеземными растеніями, тѣмъ не менѣе старинная, но роскошная растительность заслуживаетъ полнаго удивленія. Сады Тегеранскіе, по которымъ можно судить о садахъ всей Персіи, имѣютъ стѣны и террасы, усаженныя тополями, ивами и фруктовыми деревьями, и наполнены безчисленнымъ множествомъ разныхъ кустовъ. Въ этихъ садахъ въ особенности поражаютъ взоры розовыя деревья, достигающія до двухъ саженной вышины. Тысячи розановъ во всѣхъ возможныхъ степеняхъ развитія наполняютъ атмосферу ароматомъ на большое разстояніе. Говорятъ, что ни въ одной странѣ розаны не имѣютъ такого аромата, какъ въ Персіи; вѣроятно, развитію его способствуютъ особенныя климатическія условія мѣстности. За то и ни въ одной странѣ нѣтъ въ народѣ такого пристрастія къ розамъ, какъ въ Персіи: тамъ ни одинъ садъ не обходится безъ розановъ; во всякомъ свободномъ уголкѣ земли близъ жилища садятъ розанный кустъ; сверхъ того въ самыхъ жилицахъ Персіянъ, обыкновенно, красуются въ вазахъ букеты изъ цвѣтущихъ розанныхъ вѣтвей. Наконецъ по наблюденіямъ путешественниковъ, тамъ существуетъ какая-то симпатія между розами и соловьями.

Недавно скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей по садоводству д-ръ Валихъ. Онъ былъ главнымъ директоромъ Калькутскаго ботаническаго сада. Родомъ Датчанинъ, (родился 1786), Валихъ съ раннихъ лѣтъ предался наукамъ естественнымъ и медицинскимъ; въ 1807 году онъ былъ опредѣленъ старшимъ врачемъ Датской торговой конторы въ Серамporѣ. Потомъ онъ вступилъ въ службу англійскій Ость-Индской компаніи и не замедлилъ здѣсь открыть себѣ дорогу, которая довела его до высокаго и завиднаго поста—главнаго директора Калькутскаго ботаническаго сада. Садъ этотъ, основанный въ 1768 году, заключалъ въ себѣ въ 1795 г., подъ управленіемъ Роксбурга, не болѣе 300 породъ, но въ 1814 при Гамильтонѣ, въ немъ считалось уже 35,000 породъ. Преемникомъ Гамильтона, съ 1814 года былъ Валихъ.

Епископъ Эберъ, въ описаніи этого сада, говоритъ: это заведеніе полезное, прекрасное, богатое, заключающее въ себѣ всѣ замѣчательныя деревья и растенія, свойственныя Индіи, съ присое-

Digitized by Google

дивеніемъ экзатическихъ породъ, собранныхъ докторомъ Валихомъ въ Наполѣ, Левантѣ, на Явѣ и Суматрѣ. Флоры — Капская, Бразильская и другихъ частей Америки и Африки, Австралійская и острововъ Тихаго Океана также есть въ немъ. Такимъ образомъ, садъ этотъ представляетъ богатѣйшее и единственное въ цѣломъ свѣтѣ собраніе тропическихъ и другихъ рѣдкихъ растеній, произрастающихъ свободно на открытомъ воздухѣ, и превосходно изображаетъ въ самой дѣйствительности поэтическое описаніе Мильтономъ земнаго рая, съ тою только разницею, что расположенъ на холмѣ, а не на равнинѣ.

Съ 1820 по 1832 годъ докторъ Валихъ издалъ цѣлый рядъ сочиненій, in folio, украшенныхъ великолѣпными рисунками. Изданія эти, по своей дороговизнѣ, рѣдки и въ самыхъ богатыхъ библіотекахъ. Въ числѣ ихъ наиболѣе замѣчательны: *flora indica* Роксбурга, опытъ флоры Непало, открывшій столько новыхъ сокровищъ любителямъ цвѣтоводства, и наконецъ *Plantae asiaticae variores* (рѣдкія азіятскія растенія) въ 3 огромныхъ фоліантахъ, украшенныхъ 300 иллюминованныхъ рисунковъ. Послѣднее твореніе, стоившее первоначально 972 франка, по счастію для науки продается теперь не дороже 360 фр. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Валихъ обращалъ особенное вниманіе на растенія, наиболѣе полезныя по употребленію ихъ въ искусствахъ, медицинѣ и т. п.

Въ 1828 году, состояніе здоровья принудило его возвратиться, на время, въ Европу и это послужило къ большому распространенію собранныхъ имъ ботаническихъ свѣдѣній. Онъ привезъ съ собою изъ Калькуты 8,000 породъ растеній, собранныхъ имъ лично, и сверхъ того значительное число дубликатовъ, для раздачи европейскимъ и американскимъ ботаникамъ. Щедрость г. Валиха вполнѣ согласовалось въ этомъ случаѣ съ видами Ость-Индскаго ботаническаго общества, которое ожидало, отъ наибольшаго распространенія вновь открытыхъ растеній, полезныхъ приложеній въ торговлѣ и промышленности.

Въ 1832 году Валихъ снова возвратился въ Индію, для производства опытовъ разведенія чая въ Ассамской провинціи; но здоровье его не могло долго противиться вредному вліянію климата, и въ 1847 г. онъ долженъ былъ окончательно проститься съ Ость-Индскимъ полуостровомъ и возвратиться въ Лондонъ. Здѣсь жилъ онъ постоянно, до самой кончины, постигшей его 28 апрѣля прошлаго года, окруженный любовью и почтеніемъ всего ученаго міра, оплакиваемый многочисленнымъ кругомъ друзей, испытавшихъ доброту его сердца, пріятность обращенія и неизмѣнную дружбу.

Digitized by Google

Передъ этими садоводо-цвѣточными новостями мы упомянули о заслугахъ германскихъ путешественниковъ — вотъ еще одинъ изъ нихъ. — Знаменитый докторъ Бартъ былъ отправленъ Географическимъ Лондонскимъ обществомъ и снабженъ средствами для путешествія, по распоряженію англійскаго правительства. Его считали уже совершенно погибшимъ въ негостепріимной Африкѣ, а онъ здравымъ и невреднымъ прибылъ въ Марсель. Путешествіе его продолжалось пять лѣтъ; онъ изучалъ страны внутренней Африки, отъ озера Чадъ до Нигера и королевства Томбукту. Нѣсколько разъ носились слухи объ его смерти; но промыслъ Божій, среди опасностей и лишеній всякаго рода, сохранилъ его для пользы науки. Онъ пріобрѣлъ расположеніе многихъ туземныхъ властителей, въ особенности Борусскаго султана, который и далъ ему возможность дѣлать ученыя изслѣдованія. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода его записокъ и результатовъ его многострадальнаго путешествія. Теперь же намъ извѣстно изъ краткаго очерка, составленнаго Петерманомъ только то, что Бартъ 8 декабря 1849 года въ сопровожденіи Овервега отправился изъ Марсели въ Триполи. Здѣсь они осматривали хребетъ Гхаринскихъ горъ. Послѣ того съ покойнымъ Ричардсономъ направили путь свой къ озеру Чадъ. Проѣхавъ оазисы Илеси, Чіати, Мурзукъ и Жерданъ, они 15 іюля прибыли въ Казаръ-Янунъ или *дворцы демоновъ* въ сосѣдствѣ съ Гхатомъ. Покуда они осматривали эту группу пустынныхъ холмовъ, Бартъ заблудился, былъ на краю погибели, подъ зноемъ тропическаго солнца, пробылъ безъ воды двадцать восемь часовъ, и принужденъ былъ утолять жажду собственною своею кровью. Переѣхавъ Гхатъ, Талесель и Азонъ, смѣлые путешественники прибыли въ королевство Аиръ или Асбенъ. Здѣсь только энергіей Барта они спасли свою жизнь, будучи принуждены отступить передъ толпой Гуармесъ, которая хотѣла ихъ истребить. Оставивъ своихъ товарищей въ Гентелостѣ, Бартъ одинъ предпринималъ путешествіе въ страну Агадовъ, и совершилъ его благополучно въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Экспедиція проникнула въ Суданъ 1-го января 1851 года, а 11-го прибыла въ Гегелавъ, гдѣ путешественники наши разъѣхались въ разныя стороны. Бартъ отправился къ Качнѣ и Кано. Въ послѣднемъ мѣстѣ онъ запасся драгоцѣнными свѣдѣніями для предстоящихъ изысканій. На пути въ Куву, онъ получилъ печальное извѣстіе о смерти Ричардсона, который умеръ 4-го марта въ Унгурутвѣ. Онъ

Digitized by Google

поспѣшилъ сюда, чтобы отдать послѣдній долгъ умершему собрату, привелъ въ порядокъ всѣ его бумаги и отправилъ ихъ въ Лондонъ, гдѣ и были напечатаны записки Ричардсона.

Пріѣхавъ въ Куну 2-го апрѣля, Бартъ нашелъ экспедицію совершенно разстроенною и упавшею духомъ; у бѣдныхъ путниковъ не было ни провизіи, ни денежныхъ средствъ. Ловкій путешественникъ умѣлъ занять денегъ у баркусскаго визиря, расплатился съ долгами Ричардсона и такимъ образомъ вторично спасъ экспедицію отъ неминуемой погибели.

Марта 29 дня 1851 года Бартъ предпринялъ свое знаменитое путешествіе въ Адамаву и открылъ рѣку Бинуо, теченіе которой дѣлаетъ доступными наукѣ и торговлѣ незнаемыя и прежде недосягаемыя страны внутренней Африки.

По возвращеніи изъ Куни 22 іюля, Бартъ, въ сопровожденіи Обервега, осмотрѣлъ страну Канемъ, проникнулъ до Мусою и даже далѣе. Здѣсь онъ прожилъ до 1-го февраля 1852 года. Снова оставшись одинъ, онъ предпринялъ путешествіе въ другомъ направленіи. Переправившись черезъ рѣку Шари, онъ черезъ Баггермію проникнулъ до Масельны, главнаго мѣста этой страны, и обогатился положительными свѣдѣніями о земляхъ и народахъ, обитающихъ къ югу отъ Чада вплоть до бассейна Нила.

Въ 1852 году 27 сентября, Бартъ потерялъ своего послѣдняго товарища и друга Обервега. умершаго на берегахъ Чада. Огорченный, но не упавшій духомъ, путешественникъ смѣло пустился на дальнѣйшія изысканія, въ Томбукту. Въ концѣ ноября онъ оставилъ Куну, въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 года достигъ до Качны, въ апрѣлѣ до Санату и 7-го сентября прибылъ въ Томбукту—подвигъ великій, Пробывъ болѣе года въ этомъ знаменитомъ городѣ, онъ поворотилъ на Кано, гдѣ 1-го декабря 1854 года встрѣтилъ д-ра Фогеля, оттуда онъ пробрался черезъ Сахару до Триполи, и, какъ мы говорили выше, прибылъ въ Марсель. Гамбургъ, родина знаменитаго путешественника, приготовилъ ему золотую медаль; всѣ ученые общества наперерывъ спѣшатъ его поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Европу.

Поговоривъ о китайскомъ цвѣтоводствѣ и садахъ поднебесной имперіи, я хочу теперь сообщить моимъ читателямъ, какимъ образомъ Китайцы даютъ ароматъ своимъ чаямъ, отправляемымъ въ Европу. Знаменитый англійской путешественникъ Робертъ Фортуна, который

Digitized by Google

путешествуетъ съ цѣлью, а не отъ нечего дѣлать, какъ это дѣлаютъ разтолстѣвшіе его соотечественники изъ лондонскаго Сити, пишетъ объ этомъ предметѣ слѣдующее письмо.

« Я уже давно слышалъ о любопытной операціи, которою Китайцы даютъ аромать своимъ чаямъ, предназначеннымъ для европейскихъ рынковъ. Я разспрашивалъ объ этомъ многихъ; но всѣ отвѣты были до того сбивчивы и неудовлетворительны, что я ровно ничего не понималъ. Наконецъ представился мнѣ случай самому быть свидѣтелемъ всего этого производства. Во время моего послѣдняго пребыванія въ Кантонѣ я узналъ, что мнѣ легко будетъ видѣть всю эту операцію съ малѣйшими ея подробностями въ мастерской, устроенной для приготовленія чая на островѣ Гоналѣ. Госпожи Фальконгсганъ и Торбурнъ, хорошо знакомыя съ различными чаями, отправляемыми въ Европу и Америку, вызвались сопровождать меня на этотъ островъ. Всѣ вмѣстѣ отправились туда съ китайскимъ купцомъ, которому принадлежало это заведеніе. Стало быть, я находился въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобъ изучить предметъ со всѣхъ его сторонъ. На фабрикѣ было множество женщинъ и дѣтей— они отбирали желтые и темнокоричневые листья изъ чернаго чая. Этою работою они могутъ добыть себѣ въ день до 30 сантимовъ (около 8 коп. сер. на наши деньги): мастерская, наполненная этимъ народомъ, походила на мастерскую большой сигарной фабрики правительства, которую видѣлъ я на Маниллѣ. Въ сѣверныхъ провинціяхъ торговцы для Кяхтинской торговли покупаютъ чай, отлично разсортированный самими производителями: въ Кантонѣ это происходитъ не такъ, — здѣсь самъ купецъ долженъ сдѣлать настоящій разборъ чаю, а *чаевоздѣлывателю* очень легко обмануть его; оттого иногда чаи, какъ говорятъ лондонскіе торговцы, выходятъ *неудачными*. На Кяхту отправляютъ чай съ собственнымъ его ароматомъ, очень слабымъ, но ничѣмъ незамѣнимымъ для истинныхъ любителей чая. Здѣсь же на югѣ Китайской имперіи, такъ какъ листья чая собираются въ періодъ позднѣйшаго ихъ развитія, когда они уже много утратили изъ своего природнаго букета, и такъ-какъ кантонскій чай предназначается для перевозки моремъ, отъ которой и самый кяхтинскій чай утратилъ бы свой запахъ, то этотъ продуктъ, прежде отправки его за границу, сильно ароматизируютъ».

«Въ одномъ углу заведенія была навалена огромная куча свѣжихъ померанцевыхъ цвѣтовъ, которые наполняли воздухъ превосходнѣйшимъ благоуханіемъ. Работникъ перебиралъ эти цвѣты, отдѣляя отъ нихъ стеблельки и другія части, которыя очень хрупки. Это

Digitized by Google

необходимо для того, чтобы цвѣты быстро могли быть отобраны отъ чая, какъ только послѣдній получитъ надлежащую степень ихъ аромата. Померанцевый цвѣтъ былъ въ полномъ развитіи, такъ-что очень легко было отдѣлять отъ него и стебельки и самые мелкіе лепесточки. Дабы лучше исполнить свое предназначеніе, померанцевый цвѣтъ тогда только можетъ быть употребляемъ, когда чашечка его развернулась вполнѣ.—Но жасминъ, который употребляется на то же самое, можетъ передавать свой ароматъ и въ бутонахъ. Между тѣмъ чай уже совсѣмъ приготовленъ для принятія въ себя этого постороннаго благоуханія. Онъ весьма сухъ, тогда какъ душистые цвѣты *сочны*. Этотъ *сухой* чай и *сочные* цвѣты перемѣшиваютъ вмѣстѣ, въ слѣдующей пропорціи: на сто фунтовъ чаю кладутъ сорокъ фунтовъ цвѣтовъ, и оставляютъ цѣлыя сутки лежать ихъ вмѣстѣ. Потомъ посредствомъ машинъ и грохотовъ особеннаго устройства цвѣты отбираются, остаются только мельчайшіе ихъ обломки, которые иногда можно замѣтить въ чаю даже и по прибытіи его въ Лондонъ. Чай принимаетъ въ себя сильный запахъ тѣхъ цвѣтовъ, съ которыми находился въ продолженіе сутокъ вмѣстѣ; но съ своей стороны свѣжіе цвѣты передали ему вмѣстѣ съ своимъ ароматомъ и часть своей сырости, которую необходимо изъ него вывести. Для этого снова всыпаютъ его въ металлическіе цилиндры и корзины, нарочно для этого приготовленные, и такъ сказать, пропускаютъ ихъ надъ легкимъ жаромъ тлѣющихъ углей. Запахъ цвѣтовъ послѣ того временно очень уменьшается; но потомъ, когда чай совершенно укупоренъ, дней черезъ пятнадцать тотъ же запахъ возвращается съ удвоенною силою. Иногда находятъ, что чай не очень еще надушился, тогда операція повторяется. Главный подмастерья на этой фабрикѣ мнѣ сказывалъ, что очень часто для померанцеваго духа эта операція бываетъ до трехъ разъ. Но цвѣты жасмина (по-китайски мо-ли) всегда въ одинъ, много въ два раза удовлетворительно облагоухаютъ листья чая.»

Далѣе путешественникъ говоритъ, что не одни только цвѣты померанца и жасмина употребляются на это дѣло. Иногда вмѣсто ихъ кладутъ розу (чинъ мон кви-гва), бергамотовый цвѣтъ (мон-гва), жасминъ японскій (сьючингъ-гва), аглаю душистую (ланъ-гва), олію (кью-гва) и гарденію флориду (пакъ-зема-гва).

Надобно отдать справедливость Китайцамъ, у нихъ въ хозяйственной экономіи ничто не пропадаетъ даромъ; каждый листокъ чая, прильнувшій къ свѣжимъ, сырымъ цвѣтамъ, тщательно отъ нихъ отдѣляется и снова идетъ въ употребленіе. Такъ они цѣнятъ дары

Digitized by Google

Всемогущаго, хлопочутъ объ усиленіи производительности земли!— И не мудрено: нигдѣ нѣтъ столь густаго народонаселенія, какъ въ Китайской имперіи; а извѣстно, что гдѣ земля производитъ недостаточное число продуктовъ въ сравненіи съ требованіями потребителей, тамъ стараются искусственнымъ образомъ увеличить ея производительность. Такъ въ настоящее время и на Западѣ, особенно въ Англіи и Франціи, истощаютъ всѣ возможныя усилія, чтобы добиться возможно большихъ урожаевъ; тамъ нужда заставила прибѣгнуть къ дренажу, о которомъ мы говорили въ прошлой нашей статьѣ; тамъ устроены огромныя заведенія для выработки матеріаловъ, утучняющихъ землю.

Пудретъ во Франціи производится въ окрестностяхъ большихъ городовъ изъ массъ, получаемыхъ отъ очищенія отхожихъ мѣстъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя подробности этого производства въ Парижѣ, замѣчательнаго по огромности своихъ размѣровъ, и по связи его съ общественной гигіеной. Подрячики, очищающіе отхожія мѣста въ Парижѣ, обязаны во время очищенія уничтожать зловоніе и притомъ такимъ составомъ, который не оставлялъ бы послѣ себя черныхъ слѣдовъ. По этому желѣзный купоросъ, употребляемый обыкновенно для этой цѣли, замѣненъ цинковымъ. Полужидкая масса, собранная такимъ образомъ, отвозится въ бочкахъ въ Ла-Вальетъ и сливается въ большія цитерны, откуда посредствомъ помпъ, которыми дѣйствуютъ двѣ паровыя машины, гонится по чугунной трубѣ въ 11 верстъ длиною и въ 1 футъ толщиною, въ Бонди, гдѣ и употребляется для приготовленія пудрета; всѣ издержки на это устройство и работу дѣлаются насчетъ города. Въ Бонди устроенъ огромный заводъ, отданный на откупъ одному фермеру за 200,000 франковъ въ годъ, такъ что каждый кубическій метръ массы, доставленной въ заводъ, обходится ему въ 65 сантимовъ (т. е. 16¼ коп. серебромъ).

Заводъ пудрета въ Бонди помѣщается въ лѣсу того же имени и занимаетъ пространство въ 10 гектолитровъ, т. е. около 9 десятинъ. Тамъ находится нѣсколько бассейновъ величиной въ гектолитръ, наполняемыхъ массою, которая проводится по трубѣ изъ Ла-Вальета, болѣе тяжелыя вещества осѣдаютъ на дно бассейна, а легкія особенно солома и пробки, всплываютъ. Говорятъ, что эти пробки тщательно собираются, перемываются и потомъ продаются аптекарямъ въ Парижѣ, для закупориванія стклянокъ. Въ бассейнахъ масса сгущается отъ испаренія на открытомъ воздухѣ. Часто случается, что всѣ бассейны переполняются, но избытокъ жижи не пропадаетъ: нашлись

Digitized by Google

спекулянты, которые, разсчитывая на этотъ избытокъ, построили тутъ же довольно большую фабрику для приготовленія аммоніакальныхъ солей и летучаго спирта.

Эта фабрика платитъ содержателю завода съ Бонди 60,000 франковъ за право брать ежедневно по 300 кубическихъ литровъ жижи изъ его бассейновъ. Послѣ сказанной операціи массу сгущаютъ на особенной площадкѣ для того, чтобы можно было брать ее лопатой; этого достигаютъ чрезъ 18 мѣсяцевъ или 2 года. Потомъ складываютъ сгущенную массу въ огромныя пирамидальныя кучи. Года чрезъ два, когда масса въ кучкахъ отлежится и еще больше высохнетъ, кучи эти разрываютъ и массу просѣваютъ сквозь рѣшета. При этомъ обыкновенно находятъ тамъ золотыя и серебряныя монеты, карманные часы и множество разныхъ другихъ дорогихъ и рѣдкихъ вещей. Въ 1848 году, было собрано въ этой массѣ нѣсколько возовъ обломковъ ружей, сабель и всѣхъ родовъ оружія, не считая множества подобныхъ вещей, найденныхъ рабочими при выгрузкѣ массы въ бассейны.— Послѣ просѣванія, массу опять складываютъ въ кучи, и чрезъ годъ распродаютъ земледѣльцамъ.

Коснувшись удобренія, скажемъ кстати о новомъ изслѣдованіи пудрета и гуано, сдѣланномъ Берралемъ для опредѣленія достоинства пудрета и для сравненія силы этихъ двухъ удобреній. Извѣстно, какъ полезно земледѣльцу всегда имѣть въ запасѣ сильныя удобренія, употребляемыя въ маломъ объемѣ, каковы напримѣръ пудретъ и гуано. Первый употребляется въ огромномъ количествѣ во Франціи, а употребленіе втораго во Англіи безпрерывно возрастаетъ и доходитъ теперь ежегодно до нѣсколькихъ сотъ тысячъ пудовъ. Но, кромѣ Англіи, которая выписываетъ этого удобренія 113,000,000 килограммовъ, его употребляютъ:

Во Франціи и ея колоніяхъ	5,700,000 килограммовъ.
На островѣ Св. Маврикіи	1,200,000 — — — —
Въ Испаніи — — —	5.100,000 — — — —
Въ Китаѣ — — — —	500,000 — — — —

По изслѣдованію Берраля оказалось, что пудретъ гораздо полезнѣе въ земледѣліи, чѣмъ гуано, не смотря на его огромную славу, которая поддерживается, быть можетъ, потому только, что это произведеніе заморское, а пудретъ домашнее.

Непосредственно послѣ упомянутыхъ нами, такъ сказать, современныхъ двигателей сельскаго хозяйства на Западѣ, недавно еще открыто новое удобреніе это *рыбій гуано*.

Digitized by Google

Свѣдѣнія объ этомъ удобреніи недавно сообщены графомъ Гаспареномъ французскому центральному обществу сельскаго хозяйства. Оно есть не иное что, какъ кости, чешуя и разные остатки отъ рыбъ, найденные въ большихъ массахъ на Нью-Фаундлендѣ и сосѣднихъ съ нимъ островахъ, около которыхъ съ давняго времени сосредоточивается обширный китовый и рыбный промыслъ. Госпаренъ говоритъ, между прочимъ, въ своей запискѣ, что массы этого удобренія могли бы быть еще гораздо больше, если бы промышленники не бросали въ море остатковъ отъ чистки рыбы. О количествѣ этихъ остатковъ можно судить потому, говоритъ онъ, что изъ 700,000 квинталовъ ловимой ежегодно рыбы при берегахъ Нью-Фаундленда, только 350,000 квинталовъ просаливается и отвозится въ Европу. Изъ находимыхъ тамъ остатковъ можно приготовлять ежегодно сто тысячъ квинталовъ порошка, который не уступаетъ въ достоинствѣ гузно. Одинъ хозяинъ промышленникъ въ Сен-Мало уже устроилъ фабрикацію этого удобренія на Нью-Фаундлендѣ, и теперь ходатайствуетъ у правительства для поощренія этой новой промышленности объ уменьшеніи пошлинъ.

Не рѣдко и при дорогомъ и превосходномъ удобреніи земля остается безплодна, или не вознаграждаетъ за трудъ и капиталъ, на нее употребленный. Тогда люди принимаются за фабрикацію и въ собственной производительности, безъ участія земли, ищутъ безъѣднаго пропитанія. Удалось одному устроить свое благосостояніе этимъ путемъ, другіе спѣшатъ подражать ему на томъ же поприщѣ.... бываетъ, что цѣлая деревня, цѣлая область, цѣлое государство заняты фабрикаціей одного и того же предмета! Мы видимъ тому живой примѣръ въ части Германіи, называемой Шварцъ-вальдъ (Черный лѣсъ). Тамъ все народонаселеніе занято исключительно только выдѣлкою стѣнныхъ часовъ. Эти часы очень незамысловатаго, простаго, можно сказать, *первичнаго* устройства. Они въ огромномъ количествѣ расходятся въ Альзасѣ, западной и южной Германіи, Австрійско-Славянскихъ владѣніяхъ и у насъ въ Россіи. Не смотря на ихъ баснословную дешевизну (здѣсь въ Россіи, по очисткѣ таможенныхъ пошлинъ съ перевозкой и барышемъ торговца, ихъ можно купить отъ 4-хъ до $2^1/_2$ рублей серебромъ), производство ихъ занимаетъ руки значительнаго числа работниковъ: въ одномъ Баденѣ фабрикацію стѣнныхъ деревянныхъ часовъ производило въ прошломъ году 5680 человѣкъ мужчинъ и 3760 женщинъ и дѣтей; тамъ каждогодно дѣлается этихъ часовъ отъ 700,000 до 800,000 штукъ. Не думайте, чтобъ каждые часы были сдѣланы вполнѣ однимъ работникомъ, — нѣтъ!

Digitized by Google

одинъ въ продолженіе всей своей жизни только вырѣзываетъ колеса; другой размалевываетъ и лощитъ кадранты, этотъ устроиваетъ маятники, а тотъ только сколачиваетъ ящики. Величина часовъ дѣлается на 8 №. Изъ однихъ часовъ вы можете смѣло взять какую угодно часть и вставить въ другіе часы того же номера—и она придется какъ нельзя лучше. Баденское правительство вполнѣ понимаетъ пользу этой промышленности и старается поддержать ее: оно учредило школу часоваго мастерства въ Футфангенѣ, на которую отпускается изъ государственнаго казначейства отъ шести до восьми тысячъ руб. серебромъ на наши деньги каждогодно.

Говорятъ, что скоро выйдетъ въ свѣтъ статистическая карта Европы съ обозначеніемъ разными колерами вѣтвей мѣстной промышленности. Такъ страны, болѣе или менѣе земледѣльческія, будутъ обозначаться болѣе или менѣе густымъ слоемъ коричневой краски; для обозначенія скотоводства употребленъ будетъ цвѣтъ синій; фабричная промышленность будетъ представляема желтымъ колеромъ, а заводская производительность зеленымъ; для торговли предназначается красный. Вѣроятно самою красной краской будетъ отмѣченъ Лондонъ, гдѣ торговля приняла громадные размѣры. Тамъ торговля даже ничтожными предметами иначе не производится какъ на значительные капиталы. Тамъ самое устройство магазиновъ и объявленія объ нихъ (афиши) доведены до неимовѣрной степени, ежели не совершенства, то ловкости. Конечно всѣ помнятъ занимательный разсказъ путешественника, спасшагося по милости патентованной ваксы отъ людоѣдовъ, разсказъ написанный собственно для распространенія извѣстности этой ваксы и для указанія магазина, въ которомъ она продается. Теперь желаніе уловить покупателей представляетъ еще любопытнѣйшія и забавнѣйшія явленія: теперь славу домовъ торгующихъ туфлями, вязанными чулками, сапогами, галстухами распространяютъ посредствомъ афишъ прекраснаго пола. Такъ напримѣръ въ Гайдъ-Паркѣ вы видите ловкую амазонку, галопирующую въ сопровожденіи двухъ великолѣпно-одѣтыхъ грумовъ и всѣмъ пріятно улыбающуюся. Не робѣйте — вы можете смѣло подъѣхать къ ней или ежели вы черезъ-чуръ робки, черезъ-чуръ Шотландецъ, т. е. провинціялъ, то можете разспросить о ней у ея грумовъ. Не бойтесь,—ни госпожа, ни ея служители на васъ за это не разсердятся, не сочтутъ это дерзостью, а напротивъ — съ пріятною улыбкою будутъ васъ привѣтствовать, и всучатъ вамъ въ руки карточку съ адресомъ магазина, въ которомъ продаются сосиски. И амазонка, и грумы — агенты гастрономическаго заведенія

Digitized by Google

мистера Притча! На публичномъ балѣ въ Сити васъ заинтересовала блѣдная, интересная блондинка; вы подходите къ ней и приглашаете ее вальсировать; она граціозно кладетъ свою руку на ваше плечо и какъ сильфида, кружится съ вами; вы окончили; она дѣлаетъ пристойный реверансъ и оставляетъ въ вашей рукѣ объявленіе объ открытіи колпачнаго магазина! Въ театрѣ обращается къ вамъ съ какимъ нибудь вопросомъ черноволосая брюнетка; вы съ ней разговорились и она предлагаетъ вамъ адресъ не своей квартиры, а сапожника, насчетъ котораго она пріѣхала въ театръ. Вы выходите изъ какаго нибудь общественнаго мѣста, женщины и дѣти окружаютъ васъ толпою, всучиваютъ вамъ въ руки, кладутъ въ шляпу, втираютъ въ карманы разныя объявленія, напечатанныя на разноцвѣтной бумагѣ, разнообразнѣйшими шрифтами.... И будьте увѣрены: чѣмъ замысловатѣе эти объявленія, тѣмъ малоцѣннѣе товаръ. Такъ бываетъ и въ литературѣ: чѣмъ болѣе расхваливаютъ книгопродавцы какую-нибудь книгу, тѣмъ болѣе она, значитъ, надоѣла имъ своею неподвижностью на занимаемыхъ ею полкахъ. О книгахъ хорошихъ нѣтъ—да и не нужно—особенныхъ широковѣщательныхъ объявленій — они и безъ того разойдутся по рукамъ читающаго міра. Traité d'éducation physique et morale par M. le docteur A. Clavel (о физическомъ и нравственномъ воспитаніи соч. д-ра Клавеля). Эта настольная книга матерей и воспитателей въ продолженіе мѣсяца разошлась въ числѣ восьми тысячъ экземпляровъ. Чтобъ написать хорошее руководство къ физическому и нравственному воспитанію надобно быть медикомъ и философомъ. Достойный докторъ Клавель въ новомъ своемъ сочиненіи вполнѣ удовлетворяетъ этому двойному требованію, какъ удовлетворилъ и въ книгѣ вышедшей въ свѣтъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ подъ названіемъ Le corps et l'âme ou histoire naturelle de l'espèce humaine. (Тѣло и душа или натуральная исторія человѣческаго рода). Эти два сочиненія, написанныя въ одномъ духѣ, съ одной точки воззрѣнія, дополняютъ другъ друга. Основное положеніе Клавеля заключается въ слѣдующемъ: дайте развиваться тѣлу человѣка какъ можно свободнѣе, не стѣсняйте его развитіе требованіями условной красоты, которая будетъ всегда уродливѣе, безобразнѣе и вреднѣе той красотѣ, которую Творецъ далъ человѣку; но, предоставивъ силамъ природы физическое развитіе ребенка, съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдите за его развитіемъ умственнымъ, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, съ самыхъ юныхъ дней, даже съ самыхъ первыхъ часовъ его существованія давайте направленіе его волѣ и разсудку. Добрый

Digitized by Google

докторъ въ обѣихъ книгахъ даетъ множество наставленій, какъ достигнуть лучшихъ результатовъ умственнаго и тѣлеснаго образованія человѣка.

Графъ Барантъ явился на поприщѣ литературы съ новою книгою—это: Histoire du Directoire de la republique française p. M. de Barante: (Исторія директора французской республики): Эпоха директоріи есть примѣчательная по своей славѣ, эпоха въ Исторіи Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно правленіе въ мірѣ не заслужило такого всеобщаго презрѣнія, какъ правленіе той же директоріи... Что было причиной этой славы и безславія? То ли, что при директоріи раздавались громы великолѣпныхъ побѣдъ республики надъ Австрійскою монархіею? то ли, что въ Люксанбургскомъ дворцѣ развратничалъ Баррасъ, умничалъ комическимъ образомъ Сіесъ и ломались на ходулях величія ихъ товарищи?

Виновата ли директорія въ этихъ побѣдахъ и — въ пошлости тогдашнихъ властелиновъ Франціи? — Директорія была основана на развалинахъ терроризма,—это было повтореніе наслѣдства Клавдія послѣ Калигулы. Виноватъ ли былъ этотъ Клавдій, что его, никогда не думавшаго облечся императорской багряницей, преторіанцы превозгласили Цезаремъ? Онъ чувствовалъ, что не могъ править имперіей, но не смѣлъ и противиться волѣ Преторіанцевъ изъ страха неминуемой смерти. Онъ не могъ властвовать, но могъ наслаждаться жизнію и—наслаждался ею, разумѣется, по своему. Такъ и директорія: — она сознавала свою слабость, но не сѣла отказаться отъ власти, потому, что это бы было тоже, что отказаться отъ собственнаго существованія, подвести головы директоровъ подъ гильотину и дать возможность нечистовымъ санъ-кюлотамъ выставивъ красное знамя возстановить опять царство палача. И директоры Французской республики, подобно Клавдію, не имѣя силъ быть истинными правителями, покрайней мѣрѣ хотѣли до дна выпить чашу наслажденій. — А между тѣмъ войска республики торжествовали надъ врагами Франціи! Тщетно Директорія напрягала свои силы къ уничтоженію военнаго вліянія, —она только показала этимъ свое безсиліе и мелочную зависть. Люди разсудительные, по ходу тогдашнихъ обстоятельствъ, предвидѣли, что скоро, очень скоро эту ничтожную директорію смѣнитъ военный деспотизмъ, и своевольная республика преклонитъ колѣни передъ мечемъ. Но въ чьей рукѣ блеснетъ этотъ властительный мечъ? угадывать также было не мудрено. — Генералъ Бонапарте, при заключеніи уже перваго мира съ Австріей, говорилъ, что онъ далъ миръ монархіи Маріи Терезіи;—стало быть, уже тогда онъ чувствовалъ, что

Digitized by Google

въ немъ заключалась вся правительственная сила Франціи. Директорія, отправивъ опаснаго ей генерала за море воевать изъ какихъ-то фантастическихъ выгодъ, и оградившись отъ него англійскими крейсерами, повидимому могла не бояться его, и спокойно спала на пуховой подушкѣ сладострастія, но Бонапартъ прокрался между англійскими крейсерами. «Что вы сдѣлали съ моей Франціей!» воскликнулъ онъ къ тогдашнему правительству и уничтожилъ его. Графъ Барантъ осыпаетъ директорію упреками за то, что она не сдѣлала того-то и того-то, что она мѣшала великому Наполеону гораздо раньше сокрушить ея власть, и въ продолженіе всей своей книги восхищается только своимъ героемъ Бонапарте. Его книга — не исторія директоріи, а исторія генерала Бонапарте, во времена Директоріи. Впрочемъ книга написана прекраснымъ перомъ, увлекательна, и для занимающагося изученіемъ исторіи новѣйшихъ временъ представляетъ несомнѣнный интересъ.

Также изъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ примѣчательная или лучше сказать, болѣе другихъ примѣчательна книга Histoire morale des Femmes, par M. Ernеste Legouvé (Нравственная исторія женщинъ, соч. г. Эрнеста Легуве). Чтобы судить о женщинѣ, назначить ей то мѣсто, которое она должна занимать въ обществѣ и семействѣ, опредѣлить ея права, указать на то, что ей возможно и невозможно, мало быть братомъ, мужемъ или сыномъ, надобно быть непремѣнно отцомъ. Братъ непремѣнно хочетъ покровительствовать женщинѣ даже и въ такомъ случаѣ, когда это покровительство для нея тягостно; мужъ непремѣнно хочетъ повелѣвать; любящій сынъ, всѣмъ обязанный матери, готовъ дать ей совершенную волю. Одинъ отецъ, какъ мужчина, чувствующій свое достоинство, какъ глава семейства, привыкшій покровительствовать и повелѣвать, какъ отецъ нѣжно любящій дочь и потому желающій ей счастія и спокойствія,—одинъ отецъ можетъ безпристрастно опредѣлить права женщины и степень ея свободы. — И Легуве въ своей книгѣ является твердымъ, попечительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ защитникомъ прекраснаго пола. Женщина—вожделѣнная дщерь его сердца, онъ заботится объ ея воспитаніи съ самой колыбели. Онъ хлопочетъ о пріуготовленіи молодой дѣвушки къ тѣмъ великимъ и святымъ обязанностямъ, которыя ожидаютъ ее, когда она вступитъ въ бракъ; онъ ходатайствуетъ о равенствѣ семейныхъ ея правъ съ мужемъ; онъ требуетъ ей свободы,—не той свободы, которая, дозволивъ женщинамъ все, дѣлаетъ ихъ рабами своихъ страстей, но той свободы дѣйствій и мыслей, которая прилична существу разум-

Digitized by Google

ному; онъ выставляетъ огромную заслугу женщины-матери передъ обществомъ. И все это написано съ тою теплотою, и, такъ сказать, любовію къ предмету, которая для женщины имѣетъ необыкновенную прелесть. — Мы увѣрены, что общество много бы выиграло, ежели бъ почаще встрѣчались подобныя книги. Въ одну Америку выписано 10,000 экземпляровъ книги Легуве.

Въ Америкѣ читаютъ очень много. Вотъ таблица, показывающая число публичныхъ библіотекъ и находящихся въ нихъ томовъ въ разныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Штаты.	число библ.	число том.
Менъ.	77	51,439.
Невъ-Гампширъ.	47	42,017.
Вермонтъ.	30	21,061.
Массачусетъ.	177	257,735.
Красная Исландія.	26	42,007.
Конститути.	42	38,609.
Нью-Іоркъ.	43	197,229.
Нью-Жерзей.	77	43,903.
Пенсильванія.	90	184,666.
Делавара.	4	10,250.
Мариландъ.	17	54,750.
Колумбія.	7	66,100.
Виргинія.	21	32,595.
Сѣверная Королина.	1	2,500.
Южная Королина.	16	73,758.
Георгія.	3	6,500.
Флорида.	1	1,000.
Алабама.	4	3,848.
Миссисипи.	4	7,264.
Лузіана.	5	9,800.
Техасъ.	3	2,100.
Арканзасъ.	1	250.
Теннесее.	9	5,373.
Кенетуки.	47	40,424.
Мисури.	13	23,106.

Digitized by Google

Штаты.	число биб.	число том.
Иллинуазъ.	33	35,982.
Индіана.	58	46,238.
Огіо.	65	65,703.
Миччиганъ.	280	75,116.
Фисконзинъ.	9	12,040.
Іова.	4	2,650.
Калифорнія.	»	»
Итого. .	1,217	1,446,013.

Безъ всякаго сомнѣнія, публичныя библіотеки сильно распространяютъ просвѣщеніе въ массахъ народа; но онѣ не могутъ однѣ быть представительницами этого просвѣщенія. Библіотека продуктъ науки, а скопленіе какого-либо продукта на какой-либо точкѣ земнаго шара не означаетъ еще, что этотъ продуктъ тамъ и производится. Онъ потребляется тамъ въ большомъ количествѣ, — это быть можетъ; но производиться можетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ. Такъ и публичныя библіотеки и сильно развитая книжная торговля въ Америкѣ не даютъ еще права этой части свѣта гордиться своею ученостью. Академіи, университеты, ученыя общества — вотъ настоящіе представители высшаго образованія. Въ особенности ученыя общества приносятъ наукѣ наибольшую пользу: здѣсь нѣсколько людей, посвятившихъ себя спеціальному изученію и разработкѣ одного предмета, трудятся общими силами, и масса ихъ общихъ свѣдѣній проливаетъ яркій свѣтъ знанія на тотъ предметъ, которому они посвятили труды свои. Такъ въ послѣднее время землевѣдѣніе сильно подвинулось впередъ, благодаря Географическимъ обществамъ. Бросимъ краткій взглядъ на исторію и дѣятельность Географическихъ обществъ, заимствованный нами изъ журнала Берлинскаго Географическаго Общества.

Еще въ половинѣ XVII столѣтія почувствована была необходимость собраній ученыхъ мужей, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ Европы, и зародилась мысль объ учрежденіи ученыхъ обществъ, которая скоро и была приведена въ исполненіе. Въ непродолжительное время возникли ученыя собранія въ Англіи, Германіи, Италіи и Франціи. Въ 1645 году образовалось Королевское ученое общество въ Лондонѣ, въ 1652 г. Императорская Академія Естествоиспытателей въ Швейнфуртѣ, въ 1657 г. Academia del Cimento во Флоренціи;

Digitized by Google

и наконецъ въ 1666 г. Королевская Академія Наукъ въ Парижѣ. Польза, приносимая наукѣ подобными собраніями ученыхъ мужей, была до того очевидна, такъ сказать, осязательна, что въ продолженіе остальныхъ годовъ XVII и въ первое десятилѣтіе XVIII столѣтія во всѣхъ западно-европейскихъ столицахъ, подъ покровительствомъ правительства, были учреждены различныя ученыя общества. Это покровительство выражалось и матеріяльнымъ вспомоществованіемъ, которое каждое государство болѣе или менѣе, смотря по своимъ средствамъ, давало обществамъ. Въ XVIII столѣтіи начали образовываться ученыя общества и для отдѣльныхъ наукъ. Только наука землевѣдѣнія не получила еще тогда полнаго своего развитія, чтобъ обратить на себя спеціальное вниманіе мужей ученыхъ. Число географовъ въ истекшемъ столѣтіи было такъ незначительно, что они нигдѣ не могли составить правильнаго общества. Ученые, посвящавшіе себя географіи, какъ-то: Делиль, д'Анвиль, Барбье-дю-Бокажъ, Ренель и другіе принуждены были присоединиться къ образовавшимся уже академіямъ и вносить свои знанія въ общую массу ихъ энциклопедическихъ трудовъ. Иные, какъ напримѣръ Бюшингъ, не принимали даже никакого участія въ основанныхъ обществахъ, вѣроятно потому, что географія тогда не получила еще въ семействѣ наукъ своего надлежащаго мѣста, которое предоставили ей въ настоящее время труды Гумбольта, Леопольда фонъ Буха, Риттера и проч. Въ нынѣшнее только столѣтіе великія географическія изысканія обратили на эту науку всеобщее вниманіе; и въ Парижѣ въ 1821 году возникло Географическое Общество. Эпоха основанія этого общества многознаменательна для исторіи географіи: общество доказало, что наука землевѣдѣнія очень богата, разнообразна, важна для знанія человѣка и справедливо можетъ требовать основанія отдѣльнаго ученаго общества, которое только бы ей одной посвятило свои занятія. Парижское Географическое Общество, какъ мы говорили сейчасъ, было учреждено въ 1821 году. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года собрались въ Парижѣ ученые мужи, задумавшіе основать это общество; 7-го ноября былъ сдѣланъ ими вызовъ друзьямъ землевѣдѣнія собраться къ 15 декабря въ Парижской Ратушѣ, чтобъ окончательно основать предположенное общество; вызовъ этотъ былъ подписанъ Барбье-дю-Бокажемъ, Фурье, Жомаромъ, Ланглезомъ, Летропемъ, Малтебрюномъ, адмираломъ Рэссенемъ и Валькенеромъ. Общество составилось сверхъ ожиданія очень многочисленное и избрало первымъ своимъ предсѣдателемъ Лапласа. Между членами были Кювье, Ал. Гумбольтъ, Бертоле, Лапи, Дюмонъ д'Юрвиль, Дюперэ,

Digitized by Google

рейсинэ, Ботанъ Бопрэ, Гей-Люсакъ, Шамполіонъ-Фижакъ, Клапротъ, Сирбье, Ал. Делабордъ, Ферюсакъ и друг. И лица высшаго сословія приняли участіе въ трудахъ Общества и записались въ числѣ его членовъ, какъ напр. тогдашній принцъ Христіанъ Датской, герцоги Дальбергъ, Фицъ-Джемсъ, и министръ Ленз, генералы Гаксо, Грометенъ, и проч. Общество, считавшее уже 217 членовъ, окончательно утверждено эдиктомъ Карла X отъ 14 декабря 1827 года. Оно неусыпно трудится со дня своего основанія и въ особенности замѣчательно ревностными трудами ученаго Жомара, который до сихъ поръ неутомимо работаетъ для него. Съ 1822 имъ издано 4 серіи превосходнаго изданія съ картами и планами, подъ заглавіемъ Bulleten de la Société de Géographie. Общество каждогодно издаетъ по два тома Бюллетеней; сверхъ того оно прежде издавало періодически свои большія работы подъ названіемъ Memoires, въ 7 частяхъ in 4°. Здѣсь между прочимъ были помѣщены: исправленное изданіе Марко-Паоло, Европейская ореографія Брюссера; переводъ арабской географіи Эдризи г. Жобера, Французско-Кабильскій словарь, составленный Вентурою Парадизомъ. Каждогодно Общество выдаетъ денежную премію наиболѣе значительному географическому труду и медаль въ двѣ тысячи франковъ, съ капитала покойнаго герцога Орлеанскаго, за полезное изобрѣтеніе въ пользу земледѣлія, промышленности или вообще чего-либо для блага человѣчества.

Вслѣдъ за Парижскимъ Географическимъ Обществомъ, въ 1824 году учредилось во Флоренціи общество для изслѣдованій географическихъ, статистическихъ и естественной исторіи. Оно имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ ученѣйшихъ мужей Сѣверной Италіи: Тарьони, Тоцети, Либри, Цуканьи, Орландини, и проч. Почти въ одно время съ этимъ обществомъ и съ тѣми же цѣлями образовалась въ Сициліи въ Катаніи Academia de scienze naturali. Труды этой академіи заслуживаютъ полнаго вниманія ученаго міра.

Въ Германіи первое Географическое Общество основано въ 1828 году, во время празднованія пятидесятилѣтняго ученаго юбилея славнаго Реймана, получившаго извѣстность своею картою Германіи и другими картографическими трудами. При первомъ засѣданіи 7-го іюня 1828 года Общество считало уже двадцать шесть членовъ, изъ которыхъ восемь: Вольфъ, Бергхаузъ, Штейнъ, Рау, д'Эденъ, Бейеръ, Рейманъ, Кледенъ были его учредителями; изъ прочихъ членовъ укажемъ на Риттера, фонъ Демена, Фалькенштейна, Винке, Мед-

Digitized by Google

лера, Шамиссо и Энгельгарта, болѣе или менѣе уже извѣстныхъ по географическимъ трудамъ. Оно приняло наименованіе Берлинскаго Географическаго Общества. Сначала оно было ограничивалось однимъ ежемѣсячнымъ собраніемъ; но съ 1840 г. труды его приняли бо́льшіе размѣры и оно начало знакомить ученый миръ съ своими работами, издавая «Monathsberichte der Berliner geographischen Gesellschaft. Этого изданія вышло 14 томовъ. Потомъ ежемѣсячныя извѣстія замѣнились статьями Общества, помѣщаемыми въ «Zeitschrist für allgemeine Erdknnde» изд. Гумпрехтомъ въ Берлинѣ. Одна изъ лучшихъ заслугъ Общества въ томъ, что оно содѣйствовало денежными пособіями путешественникамъ Овервегу, Фогелю и Блику.

Другое Общество въ Германіи, заслуживающее особенное вниманіе, это Дрезденское, созданное стараніями Фонъ Шлипена. Оно открылось въ 1831 году съ цѣлью лучшей разработки статистическихъ свѣдѣній Саксоніи. Въ 1833 году ему данъ полуофиціальный характеръ, и оно заслужило всеобщую похвалу своимъ изданіемъ: Mittheilungen des statistischen Vereins für das Königreich Sachsen.

Въ Германіи же съ 1831 по 1845 годъ образовались еще два Географическія Общества, — первое во Франкфуртѣ въ 1837, другое въ Дармштатѣ въ 1838 году. Франкфуртское Географическое Общество ограничивается извѣщеніями о томъ, сколько оно въ продолженіе года имѣло засѣданій, и о числѣ своихъ членовъ. Дармштатское Общество заслужило большую извѣстность и благодарность изданіемъ Beiträge zur Landes—Uolks und Staatenkunde des Grossherzogsthums Hessen. Кстати должно упомянуть, что въ Померанiи существуетъ статистическое общество, которое также занимается и географическими вопросами.

Но самое значительное географическое общество, какъ по своимъ средствамъ, такъ и по числу своихъ членовъ, сотрудниковъ и корреспондентовъ, безсомнѣнія есть Лондонское географическое общество. Оно возникло въ 1830 году стараніями Джона Барроу, и въ первой же годъ своего существованія имѣло 535 дѣйствительныхъ членовъ. Король Вильгельмъ IV принялъ на себя званіе патрона, а герцогъ Суссекскій, который всегда былъ ревностнымъ покровителемъ наукъ, вице-патрона. По смерти короля патронство перешло къ королевѣ Викторіи, а вице-патронство къ принцу Альберту. Знаменитый государственный человѣкъ, виконтъ Годеричъ избранъ первымъ президентомъ, вице-президентами — извѣстные въ ученомъ мірѣ Барроу, Гриноу, Гамильтонъ и Лезкъ. Съ самаго основанія общество

Digitized by Google

приступило къ изданію своихъ записокъ, объемъ которыхъ, впрочемъ въ слѣдствіе своихъ денежныхъ обстоятельствъ, оно должно было поуменьшить. Въ настоящее время оно имѣетъ 729 членовъ.—Лондонское Географическое Общество со времени своего учрежденія ежегодно выдаетъ большую золотую медаль (Founders medal): въ награду за значительнѣйшія работы и открытія по части географіи. Съ 1838 г. оно выдаетъ сверхъ того вторую премію, основанную Вильгельмомъ IV, а при королевѣ Викторіи увеличенную на сумму 42 фун. стерлинговъ. Эта вторая премія также состоитъ изъ золотой медали.

Доходъ Общества въ 1852 году состоялъ изъ 1220 фун. стерлинговъ, а съ остатками отъ предъидущаго года изъ 1540 фун. Во все время своего существованія оно получило 33, 551 фунтъ стерлинговъ. Труды общества представлены публикѣ въ двадцати трехъ томахъ «Journal of the Geographical Society of London» съ рисунками и планами. Сверхъ этихъ премій и великолѣпнаго изданія общество много расходуетъ денегъ на вспомоществованіе и даже содержаніе многихъ путешественниковъ, отправляемыхъ имъ въ ученыя экспедиціи.

Примѣръ, поданный Европою, не остался безъ послѣдствій и въ другихъ частяхъ свѣта. Сначала въ Азіи, а потомъ и въ Америкѣ образовались общества по примѣру Лондонскаго Географическаго Общества. Эти первоначальныя общества имѣли цѣлію только изслѣдованія своей земли. Первое общество съ болѣе обширнымъ предназначеніемъ открылось въ 1836 году въ Бомбаѣ и начало издавать Transction of the Geographical Society of Bombay. Въ 1840 году въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ въ Бостонѣ открылось Бостонское географическое общество, но не достигло своего полнаго развитія и даже не издало вполнѣ трудовъ своихъ. Въ Мексикѣ, и въ Бразиліи, въ Ріо-Жанейро, тоже образовались Географическія Общества. Но изъ обществъ, учрежденныхъ въ послѣднее время, важнѣе, богаче по матеріальнымъ средствамъ и прочнѣе другихъ установлены Русское Географическое Общество и Нью-Іоркское. О первомъ не мѣсто говорить въ заграничныхъ извѣстіяхъ; и такъ мы представляемъ другимъ сотрудникамъ Москвитянина сообщить читателямъ о предназначеніи, дѣйствіяхъ и заслугахъ этого Общества въ отношеніи Россіи и цѣлаго образованнаго міра. Нью-Іоркское географическое общество, получивъ свое начало въ 1852 году, открыло свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Гринеля и съ того же времени начало издавать труды свои подъ названіемъ: «Bulletin of the

Digitized by Google

American Geographical and Statistical Society». Это общество недавно слилось въ Нью-Іоркскимъ этнографическимъ обществомъ, которое съ 1845 года издаетъ свои «Transactions of the American Ethnological Society».

Въ другое время мы сообщимъ нашимъ читателямъ о дѣйствіяхъ другихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью болѣе практическую цѣль — именно земледѣліе. На сей разъ мы ограничимся только тѣмъ, что во Франціи, по поводу окружныхъ выставокъ скота, — выставокъ, находящихся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ этихъ обществъ, — извѣстный агрономъ и ученый, г. Канкалонъ высказалъ слѣдующія, весьма примѣчательныя, мнѣнія, которыя, мы полагаемъ, съ пользою могутъ быть приняты и нашими хозяевами: «человѣкъ, говоритъ г. Канкалонъ, покорилъ себѣ разныхъ животныхъ съ цѣлью извлеченія изъ нихъ практической пользы въ разныхъ отношеніяхъ. Животное, которое съ наименьшими издержками на него выполняетъ наилучшимъ образомъ предположенную хозяиномъ цѣль, есть, по моему, самое лучше и совершенное животное, и внѣшніе признаки, свидѣтельствующіе о пріобрѣтенныхъ имъ качествахъ, будутъ составлять красоту его. И такъ условія красоты животнаго зависятъ отъ цѣли, съ которою онъ воспитывается. Взгляните на коня благородной породы, на коня верховаго: голова у него маленькая, легкая, уши также малыя, прямыя и подвижныя; глаза большіе, сверкаютъ огнемъ, широкія ноздри втягиваютъ и выпускаютъ воздухъ съ шумомъ, губы всегда въ движеніи, ноги съ силою поражаютъ землю; всѣ члены его стройны и упруги, мышцы ясно обозначаются подъ тонкою кожею, словомъ все показываетъ отвагу, чувствительность, быстроту и ретивость, при звукѣ военной трубы, онъ съ гордостью поднимаетъ голову, ржетъ отъ нетерпѣнія, грызетъ удила и готовъ летѣть навстрѣчу опасности.

«Посмотрите, напротивъ того, на тяжелую возовую лошадь; голова ея объемиста, уши длинныя и толсты, глаза лишены всякого огня. Всѣ формы ея массивны, мускулы и кожа чрезвычайно развиты, для того, чтобъ масса тѣла увеличивала силу при тягѣ и напорѣ какого-нибудь препятствія. Человѣкъ нарочно уничтожилъ ея природный пылъ, безполезный въ ея назначеніи, и развилъ въ ней характеръ спокойный, покорную силу и сносливость, способныя выполнять терпѣливо тяжкій и продолжительный трудъ. Оба эти типа животныхъ хороши и красивы; но какое различіе въ ихъ сложеніи. Хотите ли требовать быстроты и ретивости?— первый типъ пред-

Digitized by Google

ставляетъ къ тому всѣ условія. Арабская лошадь на неопытный глазъ кажется иногда мелкою, не казистою, и незнатокъ предпочтетъ ей нормандскаго, массивнаго коня; но какая порода сравнится въ быстротѣ съ Арабскою?»

«Какихъ качествъ, какого характера требуете вы отъ рогатаго скота? Англичане создали породы исключительно для убоя, достоинство которыхъ заключается въ способности скоро тучнѣть; для достиженія этой цѣли они старались лишить животныхъ всякого огня и живости, не позволяя имъ дѣлать почти никакого движенія, и усиливъ кормъ ихъ до нельзя, они сдѣлали члены ихъ короткими и тонкими, и довели ихъ до совершенной неспособности къ работѣ. Такъ точно и люди тучные въ высшей степени чувствуютъ отвращенье къ труду, всѣ ихъ впечатлѣнія тупы, умъ лѣнивъ и они вѣчно хотѣли бы спать.„

«Напротивъ того, рабочіе волы въ Англіи бодры, сильны, поворотливы; оконечности ихъ гораздо длиннѣе, формы не такъ массивны и тучны. Ихъ можно сравнить съ рабочими людьми, отличающимися силой, развитыми мышцами и никогда не бывающими тучными. И такъ животное, способное къ скорому откармливанію, составляетъ совершенную противоположность съ типомъ, особенно пригоднымъ для работы; соединить тѣ и другія качества въ одномъ и томъ же животномъ — невозможно; слѣдовательно условія красоты того и другаго типа совершенно различны.»

«Хозеева, являвшіеся на выставку съ крупными быками сомбрской и лимузенской породы, откормленными до удивительной тучности, по моему мнѣнію, не даютъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ, и, слѣдуя ихъ примѣру, не трудно испортить эти двѣ прекрасныя породы, обладающія превосходными качествами. Чего требуютъ земледѣльцы наши отъ этихъ породъ? Они требуютъ отъ нихъ во-первыхъ, рабочей силы и пользуются ими, какъ двигателями въ продолженіе большой половины ихъ жизни; наконецъ, когда они сдѣлаются неспособными къ работѣ, ихъ начинаютъ откармливать и тогда — никакъ не ранѣе — они хорошо отъѣдаются и даютъ мясо превосходнаго качества.»

«Изъ множества событій оказывается, что волъ можетъ дать 230 рабочихъ дней въ годъ и работать такимъ образомъ 8 лѣтъ сряду, что составитъ 1840 дней; полагая цѣнность рабочаго дня 1 ф. 33 сант. получимъ сумму въ 2,547 фран. Извѣстно, что волъ можетъ сработать въ одинъ день не болѣе, какъ $^{5}/_{6}$ работы, выполняемой лошадью, равной съ нимъ силы и роста. И такъ ежели

Digitized by Google

бы можно было произвесть такую породу рогатаго скота, которая работала бы какъ лошадь, то работа такого вола составляла бы 3,054 фр. т. е. онъ работалъ бы въ теченіе 8 лѣтъ 507 дней болѣе, чѣмъ обыкновенный волъ. Синклеръ упоминаетъ объ одномъ Англійскомъ фермерѣ, у котораго волы работали столько же, какъ лошади. При множествѣ состязаній плуговъ Англіи случалось, что волы работали такъ же скоро, какъ и состяжавшіяся съ ними лошади. Въ 1303 году лордъ Соммервиль выставилъ на состязаніе нѣсколько паръ воловъ, которые опередили всѣхъ лошадей, состязавшихся съ ними. Также волы лорда Шеффильда извѣстны тѣмъ, что работаютъ проворнѣе, нежели всѣ туземныя рабочія лошади. Шварцъ говоритъ, что въ Бельгіи не рѣдко запрягаютъ въ одинъ и тотъ же плугъ вола и лошадь, и первый, безъ особеннаго усилія, работаетъ такъ же скоро, какъ и послѣдняя. Ланкастерскіе волы, будучи рослы и длинны станомъ, имѣютъ такой крупный шагъ, что идутъ очень скоро. Такіе легкіе волы имѣютъ, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи преимущество предъ волами, скоро откармливаемыми. Пока они должны служить для работы, ихъ не должно ослаблять излишнимъ кормомъ и недостаткомъ движенія. Откармливая преждевременно такія породы, ихъ только портятъ. Издержки, на то употребленныя, не окупаются и получаемая порода не соотвѣтствуетъ окружающимъ ее обстоятельствамъ мѣстнымъ и экономическимъ.»

Изъ этихъ словъ г. Конкалона можно ясно уразумѣть, что все таки Англія остается первенствующею страною въ дѣлѣ воспитанія животныхъ. О скаковыхъ лошадяхъ, быстрота которыхъ доведена тамъ до изумительнаго, и говорить нечего. За этихъ быстроногихъ животныхъ Англичане платятъ огромныя деньги; напримѣръ, при распродажѣ лошадей съ конюшни маркиза Экцетра, знаменитый скакунъ *Штокуэлъ* купленъ лордомъ Ландсборугомъ за три тысячи сто гиней (на наши деньги 20,150 руб. серебромъ.)

Ежели изъ животныхъ, предназначенныхъ человѣкомъ для возки и перевозки, нѣтъ быстрѣе лошади; то, безъ всякаго сомнѣнія изъ всѣхъ животныхъ нѣтъ сильнѣе слона, въ которомъ сверхъ этой силы такъ крѣпка вся организація, что его трудно уничтожить. Недавно одинъ Англичанинъ, имѣвшій у себя слона для удовольствія какъ другія имѣютъ комнатныхъ собачекъ, попугаевъ, обезьянъ и т. п. вздумалъ избавить Тома (такъ звали животное) отъ жизни, которая его тяготила, — ибо слону уже было слишкомъ сто двадцать лѣтъ, и ноги его до того ослабѣли, что онъ не могъ ходить. Достопочтен-

Digitized by Google

ному Джонъ-Буллю хотѣлось, чтобы его любимецъ не долго томился въ агоніи и легко сдѣлалъ переходъ отъ жизни къ смерти. Онъ призвалъ врача и аптекаря, чтобы они, по правиламъ науки, легчайшимъ образомъ окончили его существованіе. Врачъ и аптекарь взялись лечить слона «отъ жизни» и рѣшили предварительно дать ему понюхать хлороформа. Для этой цѣли они привязали къ хоботу сильно нахлороформленное полотенце; минутъ черезъ десять слонъ заснулъ, и ему влили въ горло.... синильной кислоты. Но она не оказала никакого дѣйствія, слонъ храпѣлъ самымъ сладкимъ сномъ. Потомъ они дали ему два сильные пріема стрехнины, — престарѣлый великанъ безвредно проглотилъ и ее, какъ пріятное лакомство. Врачъ призадумался. Что было дѣлать съ этою гранитною натурою?.. думали, думали и снова прибѣгли къ хлороформу: слонъ три часа вдыхалъ его,—и только тогда отняли отъ ноздрей его это усыпительное вещество, когда онъ совершенно пересталъ дышать. Представьте же ужасъ доктора Оксфордскаго университета, когда послѣ трехъ часоваго оцѣпенѣнія слонъ проснулся!... Тогда уже не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ ножу: слона снова усыпили хлороформомъ и во время сна вскрыли ему сонную артерію—это средство подѣйствовало.

Чудаки эти Англичане! у нихъ и нѣкоторыя важныя учрежденія явились какимъ-то страннымъ образомъ. Орденъ подвязки принялъ свое существованіе отъ подвязки, свалившейся съ женской ноги; орденъ бани образовался и еще страннѣе того.

Разсказываютъ, что король англійскій Генрихъ IV однажды сидѣлъ въ ваннѣ, и въ тоже время доложили ему, что двѣ бѣдныя вдовы, притѣсняемыя лихоимцемъ, пришли къ нему просить правосудія. Король, воскликнувъ, что отправленію обязанностей монарха должны уступать всѣ удовольствія и необходимости, оставляетъ ванну и выходитъ къ просительницамъ, — въ какомъ костюмѣ, объ этомъ умалчиваетъ преданіе, но, вѣроятно, не въ костюмѣ Тритона; подобный поступокъ былъ великимъ подвигомъ со стороны государя жестокаго, себялюбиваго и подозрительнаго государя, похитившаго корону у Ричарда II и обагрившаго свои руки его кровью, и, повидимому, показался самому королю или его подданнымъ столь необыкновеннымъ, что въ ознаменованіе его учрежденъ кавалерскій орденъ Бани.

Въ заключеніе нынѣшней моей статьи разскажу два анекдота.

Во время втораго посѣщенія королевою Викторіею Парижской выставки, для дамъ были оставлены мѣста на диванахъ, окружаю-

Digitized by Google

щихъ середній фонтанъ центральнаго корпуса. Мужчины не были допускаемы въ это привилегированное мѣсто: счастливая пара супруговъ, дочь съ отцемъ, или братъ съ сестрою, или какой нибудь романическій другъ съ своею нѣжною подругою, должны были разлучиться и мужчина долженъ былъ оставлять свою даму; она вступала одна въ то мѣсто, гдѣ королева Англіи должна была отдыхать, окруженная лучшими или, покрайней мѣрѣ, нарядньйшими представительницами прекраснаго пола Франціи и Англіи. Подданные ея британскаго величества были перемѣшаны съ Парижанками. Подлѣ одной милой молодой Француженки усѣлась пожилая Англичанка, повидимому, принадлежащая къ высшему кругу; на ней было напутано кружевъ на нѣсколько тысячъ, богатая шаль, накинутая на сухія плечи старухи, была прикрѣплена брилліантовой брошей, которая въ серединѣ имѣла солитеръ значительной цѣны. Француженка не имѣла на себѣ такого великолѣпнаго наряда, какъ ея сосѣдка, даже одѣта была очень просто; но во всемъ ея нарядѣ видно было то умѣнье наряжаться безукоризненно, сообразно съ обстоятельствами, которымъ въ высшей степени обладаютъ Парижанки хорошаго общества. Сосѣдки вступили въ разговоръ, разумѣется, сначала о нарядахъ, (первый разговоръ женщинъ, когда онѣ начинаютъ между собою говорить), потомъ о лицахъ, пользующихся извѣстностью въ Парижѣ и Лондонѣ. Старая лади говорила остро, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень ядовито; молодая собесѣдница ея каламбурила, смѣялась, но всѣ эти шутки не были ни для кого обидны. Это поразило Англичанку: кажется, она въ первый разъ встрѣтила женщину, которая осуждала безъ обиды, говорила объ отсутствующихъ безъ клеветы. Потомъ разговоръ ихъ перешелъ къ предметамъ болѣе важнымъ; старуха узнала, что ея молодая собесѣдница замужемъ, что мужъ ея принужденъ былъ обстоятельствами вступить въ службу, и имѣетъ должность при выставкѣ; далѣе онѣ начинали разсуждать о семейной жизни, о обязанностяхъ супруги и матери, о воспитаніи женщинъ. Старая лади, которая отчасти была синій чулокъ, и могла вѣрно судить о степени образованности своей собесѣдницы, была сильно поражена энциклопедическими свѣдѣніями и здравымъ образомъ мыслей молодой женщины, и провела время до прибытія королевы незамѣтно. Наконецъ ея британское величество изволила вступить въ зданіе выставки. Лади, имѣя значительную должность при королевѣ, должна была находиться въ ея свитѣ; но ей жаль было разстаться съ молодой Француженкой,— она подала ей руку и ввела ее въ кругъ аристократіи, столпив-

Digitized by Google

шейся около королевы. Подъ кровомъ неизвѣстной ей дамы, сама неизвѣстная ей Француженка проходитъ по всѣмъ галлереямъ выставки какъ штатсъ-дама одного изъ союзныхъ дворовъ. Эти женщины не разлучаются два часа, оказываютъ другъ другу взаимное вниманіе и — лади В***, окончательно очарованная Француженкой, даетъ себѣ непремѣнное слово узнать, кто она.

Безконечное шествіе по стеклянным галлереямъ выставки окончилось; королева уѣхала, страшная толпа стѣснилась у выхода.

— « Боже мой! говоритъ молодая женщина, какъ отыскать Эдуарда?

— Эдуарда? вашъ мужъ называется Эдуардомъ?

— Точто такъ, миледи.

— Хорошее имя, — проговорила Англичанка и задумалась. Повидимому, грустныя и печальныя мысли волновали ея душу.

— Ахъ, вотъ онъ! воскликнула Парижанка, на наше счастіе вотъ онъ!

— Онъ! произнесла лади и съ полупростертыми руками, какъ будто бы для объятія, смотрѣла на молодаго человѣка, который, глядя на нихъ, отъ удивленія не могъ двинуться съ мѣста. Наконецъ онъ подошелъ къ молодой женщинѣ, и, взявъ ее за руку, спросилъ:

— Какъ, Полина, ты съ моей матерью?

— Съ твоей матерью? Лади твоя мать?

— Да, милая Полина, — я мать твоего Эдуарда, который женился на бѣдной Француженкѣ противъ воли своихъ родныхъ. Я дала себѣ честное слово, что никогда не прощу моего сына, баронета Д***, за его непослушаніе; но, я не знала тебя, — прости меня, милая дочь моя. Да вы плачете, вы улыбаетесь, вы болѣе не сердитесь на старую лади В***. Сядитесь въ мою карету, поѣдемте ко мнѣ.

Они сѣли въ ея экипажъ и поѣхали къ ней.

— Однако, матушка, — говорилъ молодой человѣкъ, цѣлуя ея руки,—вы не хотѣли меня прощать за то, что я ослушался васъ.

— Я не хотѣла прощать баронета Д*** и сдержала слово. Но старшій братъ твой, послѣ смерти своего бездѣтнаго дяди получилъ достоинство маркиза П***; — ты наслѣдуешь теперь послѣ него слѣдующій титулъ, — ты теперь лордъ В**; а я клялась не прощать только баронета.

— Однако согласитесь, лади, что я обязанъ вашимъ прощеніемъ болѣе всего моей Полинѣ.

Digitized by Google

— Правда; но ты не говори объ этомъ никому, — подумаютъ, что я не умѣю держать даннаго слова.

Не правда ли, что это оригинальная черта британской гордости?

Вотъ другой анекдотъ.

Въ Парижскомъ клубѣ иностранцевъ (cercle des Etrangers) очень много членовъ изъ Англичанъ. Между ними нѣкто мистеръ Манжпуль, который всѣмъ и каждому разсказывалъ, что ведетъ свою родословную за 2220 лѣтъ, т.-е. равно за 350 лѣтъ до Рождества Христова, и въ подтвержденіе своей родословной всегда ссылался на саги, которыхъ никогда не читывалъ, — этотъ Манжпуль терпѣть не могъ одного Итальянца Комбузини, который, будучи зараженъ идеями юной Италіи, вопреки своему патриціанскому происхожденію, грудью рвался казаться самымъ грязнымъ и отвратительнымъ демократомъ. Имѣя хорошее состояніе, онъ курилъ грошевыя сигары, и разъ усѣлся курить подобную гадость подлѣ Англичанина, который изволилъ что-то кушать.

— Государь мой! — сказалъ ему сынъ Британіи, — вы безпокоите меня запахомъ вашей сигары: порядочный человѣкъ не станетъ пускать табачныхъ пуфовъ подъ носъ другимъ, когда они заняты пудингомъ.

— Я этого и знать не хочу.

— Но знаете ли вы съ кѣмъ говорите?

— Съ кѣмъ?

— Я мистеръ Манжпуль.

— Да хоть бы вы были Манжбефъ (*),—мнѣ какое дѣло?

— Вы, синьеръ Камбузини, видно плебей,— сказалъ Англичанинъ вставая, — я васъ извиняю.

— А вы аристократъ?

— Конечно, моя профиль доказываетъ, что я происхожу отъ римскихъ патриціевъ, воевавшихъ въ Британіи при Цезарѣ.

Итальянецъ, любуясь комическою важностью Англичанина, дѣйствительно согласился съ нимъ, что онъ походитъ на аристократа.... изъ Сити.

I. P. Г.

(*) Острота непереводимая: Манжпуль значитъ куроѣдъ а Манж-бефъ—мясоѣдъ.

Digitized by Google

Американскія письма

въ редакцію Москвитянина.

Нью-Іоркъ. Декабря 8, 1855 г.

Никогда Россія не блистала въ большемъ блескѣ, никогда не наполняла она свѣтъ громомъ своей славы, какъ теперь. О, мужайтесь защитники родины, и да расточатся вражія полчища. О тѣни падшихъ въ бою, ведите дружины къ побѣдѣ! Вамъ рукоплескаетъ Америка, на васъ смотритъ Новый свѣтъ. Онъ юнъ, какъ мощная Россія; ей, да Соединеннымъ Штатамъ принадлежитъ будущее.

Американскій пароходъ «*Севастополь*» потонулъ незадолго передъ сдачею южнаго Севастополя, но Американцы готовы выстроить цѣлый флотъ своимъ пріятелямъ Русскимъ.

О, какъ много измѣнились мои мысли съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Америкѣ! Все напоминаетъ мнѣ Россію, а все, что не походитъ на нея, миритъ меня съ нею. Переворотъ въ моихъ мысляхъ совершенъ. Правда и то, что это путешествіе совпадаетъ съ началомъ второй части моей жизни и съ полнотою, чтобъ не сказать концемъ моихъ горькихъ испытаній.

Народное правленіе здѣсь систематически удаляетъ способности, точно оно имъ завидуетъ или ихъ ненавидитъ, постоянно предпочитаетъ посредственность, какъ бы она была больше въ уровень съ способностію толпы. Нѣмцы жалуютъ сюда сотнями тысячъ въ годъ, и довершаютъ разрушеніе американскихъ учрежденій *Krow Nothings* серьёзно ищутъ средствъ оборониться отъ этого наводненія самыхъ худшихъ слоевъ европейскаго народано населенія. Они восторжествовали на послѣднихъ выборахъ, и удалятъ авось либо Ирландцевъ, католиковъ и іезуитовъ, покрайней мѣрѣ отъ избираній. Они хотятъ, чтобы иностранцы пріобрѣтали права гражданства не черезъ пять, а черезъ двадцать лѣтъ. Порча нравственная велика въ самыхъ возвышенныхъ слояхъ общества, и журналисты безпрестанно кричатъ противъ взяточничества.

Иногда кажется, что законы здѣсь были писаны плутами противъ честныхъ людей, или исполняются первыми противъ послѣднихъ. Особенно въ торговлѣ честные люди не имѣютъ никакой обороны противъ мошенниковъ. Небо здѣсь чисто, но совѣсть

Digitized by Google

не ясна, точно кровь Индѣйцевъ вопіетъ къ небу, и точно ихъ достояніе не должно служить въ пользу бѣлымъ. Своеволіе, происходящее отъ слабости правительства, угрожаетъ каждому, и на югѣ люди не выходятъ безъ оружія. Американцы, какъ всѣ молодыя націи, весьма чувствительны къ хулѣ, частію потому, что они ее заслуживаютъ.

Какъ ни велико вещественное образованіе Американскаго народа умственное и сердечное особенно женщинъ много оставляетъ желать. Дѣтей воспитываютъ слишкомъ вольно, дѣвушки кокетничаютъ слишкомъ много, а учатся мало: ни языковъ иностранныхъ, ни исторіи иностранной не знаютъ, а американская начинается только 75 лѣтъ тому назадъ.

Соединенные Штаты, какъ ни велика ихъ будущность, распадутся на Сѣверныя, Восточныя, Южныя и Западныя. Сіи послѣдніе займутъ самое важное мѣсто. Всемірное владычество не на Атлантическомъ, а на Тихомъ океанѣ. Санъ-Франциско сдѣлается со временемъ важнѣе Нью-Іорка, и между Калифорніею и Китаемъ будетъ столь же важное сообщеніе, какъ нынѣ между Нью-Іоркомъ и Ливерпулемъ. Что недостаетъ Америкѣ? Рукъ, людей; просвѣщеніе велико только тамъ, гдѣ многочисленное народонаселеніе. Америка не есть нація, а соединеніе націй, и гордые *Ганки* ко всѣмъ чужеземцамъ сами здѣсь только пришельцы *(intruders)*. Вышельцы сдѣлали изъ Соединенныхъ Штатовъ то, чѣмъ они есть, и если я говорилъ о серьёзной сторонѣ *Но-Нотингъ*, то есть и смѣшная. Такъ напр. я спрашивалъ одного изъ нихъ пойдетъ ли онъ на празднество дня прибытія *Пилигримовъ*. Какое мнѣ дѣло до этихъ чужеземныхъ бродягъ! отвѣчалъ онъ мнѣ.

Америка не демократія, а республика, т. е. половина безпорядка, а половина аристократіи, и не лучшей, а денежной. Всемогущій доларъ управляетъ Соединенными-Штатами. Это тѣнь; свѣтлая же сторона состоитъ въ Библіи, которая есть грамота Америки, религіозной республики, — наслѣдство Англіи, но какъ въ Англіи много лицемѣрства и въ этой набожности.

Что же рабство? спросите вы меня. Не оно переворотитъ Америку, оно незамѣтно исчезаетъ, уже нѣту язычниковъ между Неграми, и африканская порода достигла здѣсь, да въ *Либеріи*, высочайшей точки своего развитія.

Америка второе увеличенное и исправленное изданіе Англіи, особенно увеличенное Вражда Американцевъ къ Англіи объясняетъ

Digitized by Google

ихъ сочувствіе съ Русскими. Все зависитъ отъ выбора будущаго президента: миръ или война съ Англіей. Къ Бонапарте же здѣсь чистое и открытое мнѣніе противъ.

Жизнь здѣсь даже дороже Англіи. Европа одѣваетъ и обуваетъ Америку; налоги же на привозные товары велики. Другихъ почти и нѣтъ. Работа также дорога. Въ слѣдствіе того земля на сѣверѣ совсѣмъ тѣхъ доходовъ не приноситъ, которыхъ ожидаютъ Европейцы.

Литература и театръ живутъ большею частію *займомъ* у Англіи.

Журнализмъ не обремененъ никакими таксами, и такъ какъ владычествующій народъ нуждается въ просвѣщеніи, то журналы и составляютъ отличный источникъ доходовъ. Господа Гарнеры милліонеры, и ихъ *Магазинъ* расходится въ 200,000 экземплярахъ, Г. Беннетъ изъ *Геральда* получаетъ въ годъ до 30,000 рублей серебромъ. Писатели же здѣсь бѣдный и презрѣнный народъ. Что ни говори, капиталъ бьетъ и угнетаетъ работу, и нѣтъ мѣста безъ Феодальнаго барона, т. е. безъ поземельнаго ростовщика. Въ Америкѣ есть объ чемъ подумать и надъ чѣмъ задуматься. Женщины здѣсь царствуютъ, т. е. бьютъ мужчинъ въ лице, если они съ ними не учтивы—преступленіе великое; но нравы здѣсь измѣняются ежедневно. Ни Америка повелѣваетъ Европѣ, а европейскіе нравы завладѣваютъ Америкой.

Города здѣсь изъ отличнаго кирпича, но есть и мраморные и гранитные дома. Старые голландскіе деревянные спорятъ въ чистотѣ съ каменными. Нью-Іоркъ непремѣнно будетъ имѣть милліонъ жителей черезъ десять лѣтъ; но Санъ-Луи ростетъ еженедѣльно, Каиро имѣетъ въ моихъ глазахъ большую будущность, находясь при соединеніи Огайо съ Миссисипи; новый же Орлеанъ явственно падаетъ, будучи построенъ въ болотѣ, производящемъ желтую горячку, не смотря на огромныя суммы, издержанныя на высушеніе этой мѣстности. Туда я ѣду, прощайте! Да хранитъ Господь Богъ нашу Святую Русь.

Князь Х....

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВЫПИСКИ.

Опасенія дипломатовъ. Уполномоченные, готовясь уѣхать изъ Парижа, обнаруживаютъ нѣкоторую заботливость. О чемъ? Они подписали мирный трактатъ: не достаточно ли этого для ихъ удовлетворенія? Нѣтъ, у нихъ особыя причины къ безпокойству. Въ Парижской конференціи происходили несогласія, которыя заставляютъ предвидѣть будущую борьбу въ другихъ странахъ Европы и съ другими союзами. Недавно графъ Кавуръ, обѣдая у одного важнаго придворнаго сановника, сильно жаловался на конференцію, которая отказалась вступиться за Италію противъ Австріи, увлекшей на свою сторону большинство уполномоченныхъ, и кончилъ слѣдующими словами: «Чрезъ годъ вспыхнетъ въ Италіи революція.» Министръ Виктора-Эммануила могъ предсказать это событіе навѣрное. Въ ту минуту, какъ ожидаютъ, что Піемонская армія изъ Крыма высажена будетъ въ Спеціи, Австрія сближаетъ свои войска съ піемонтскою границею, слѣдственно тамъ можетъ произойдти столкновеніе. Англія будетъ поддерживать Піемонтъ; Франція захочетъ согласить революцію съ выгодами Папы, а можетъ ли Австрія, въ случаѣ войны въ Италіи, разсчитывать на помощь Россіи, которую оставила одну сражаться противъ союзныхъ державъ? Вотъ вопросы, представляющіеся прежде размѣна мирныхъ ратификацій, слѣдственно вы поймете причину заботливости уполномоченныхъ. *С. П.* N 86.

Австрійскій флотъ. 25-го числа марта отправился изъ Гріеста главный начальникъ Австрійскаго флота эрцгерцогъ Фердинандъ, на военномъ пароходѣ «Елисавета» въ Полу, гдѣ на другой день должна была происходить закладка перваго австрійскаго линѣйнаго корабля «Императоръ». Торжество будетъ происходить на островѣ Оливи. Въ Полѣ будетъ по сему случаю собрано девять австрійскихъ военныхъ кораблей. Новый корабль девяносто-однопушечный въ шестьсотъ силъ. Въ тотъ же день эрцгерцогъ отправятся съ семью кораблями въ Фіуме, для закладки морской академіи. Это огромное зданіе во сто саженъ длины и въ три этажа уже почти подведено подъ крышу, но камень закладки букеъ, положенъ только теперь. Послѣ завтра эрцгерцогъ отправляется въ Луссинъ для закладки большой корабельной верфи. Извѣстно, что Австрія начала усиливать военный свой флотъ для того, чтобъ имѣть превосходство надъ Піемонтомъ, и не играть въ Средиземномъ Морѣ второстепенной роли противъ великихъ морскихъ державъ. Всѣ сіи новыя постройки подтверждаютъ эту мысль. *Ib.* N 67, также 48.

Въ другомъ мѣстѣ сказано, что восточныя дѣла ставятъ въ необходимость *Австрію* усилить свой *торговый флотъ*. *Ib.*

Digitized by Google

Въ отношеніяхъ Турціи и Австріи. По послѣднимъ донесеніямъ Али-Паши, кажется, сами *Турки* начинаютъ *не довѣрять Австріи*. Избѣгнувъ опасностей войны, они начинаютъ бояться опасностей мира. Въ случаѣ новой войны, намъ уже не дадутъ такихъ выгодныхъ условій, какъ нынѣ, хотя мы и находимся въ худшемъ положеніи, нежели до войны. Недавно еще, во время самой войны, Турки болѣе всего были расположены къ Русскимъ, и всѣ думали, что по заключеніи мира, Русскіе будутъ опять имѣть прежнее вліяніе въ Константинополѣ. Но теперь, по извѣстіямъ изъ Парижа, видно тѣсное сближеніе Франціи съ Россіею, и это очень пугаетъ Турокъ. Австрія будетъ придумывать на Востокѣ новые случаи, чтобъ поссорить Францію съ Россіей, и для этого нужна ей довѣренность Турокъ. И вдругъ, въ самомъ началѣ, Порта не расположена ввѣриться опекѣ Австріи, подозрѣвая ее въ своекорыстныхъ видахъ на Дунайскія Княжества. Порта болѣе всего опасается равнодушія Россіи, отъ котораго могутъ произойдти въ будущемъ величайшія опасности для Турціи. Всѣ безъ исключенія сожалѣютъ теперь, что въ 1853 году не согласились на требованія Россіи. *ib.* N 87.

Сербскія желанія. 29 марта, *являлась* къ владѣтельному князю депутація изъ двѣнадцати торговцевъ съ бѣлградскимъ градоначальникомъ, и представила просьбу о нижеслѣдующихъ пунктахъ: составить коммерческій уставъ; учредить коммерческій судъ; построить дороги во всей области, которыя соединялись бы съ дорогами сосѣдственныхъ державъ; завесть правильную почту для отправленія писемъ, товаровъ и пассажировъ въ Австрію, Булгарію, Валахію и Боснію; очистить главныя рѣки, какъ напримѣръ Мораву; учредить пароходство по Савѣ и Дунаю, вдоль турецкихъ границъ до Галаца; содѣйствовать къ построенію желѣзной дороги; завесть публичное и словесное судопроизводсто въ судахъ; основать сословіе адвокатовъ; нарядить постоянный комитетъ опытныхъ негоціантовъ, который имѣлъ бы прямыя сношенія съ министрами финансовъ и торговли; завесть коммерческія школы и преобразовать прочія училища въ Бѣлградѣ; ввесть кадастръ. Наконецъ депутація просила, по осуществленіи большей части сихъ полезныхъ реформъ, устроить національный банкъ, для преуспѣянія котораго готовы всѣ матеріялы. *С. П.* N 81.

Сообщаемъ о немъ дѣльное свѣдѣніе изъ Petersb.-Zeitung: Гератъ обратилъ въ послѣднее время на себя вниманіе политики.

Digitized by Google

Гератъ и его значеніе. Городъ Гератъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ по дорогѣ между Ираномъ и Индостаномъ пунктовъ, гдѣ мирно путешествующій купеческій караванъ, какъ побѣдоносная армія, въ богатой, всѣмъ обильной землѣ непріятельской, находитъ продовольствіе и спокойствіе. Какъ главное звѣно этой цѣпи городовъ и рынковъ въ пустынѣ, чрезъ которую идутъ сношенія между передней и задней Азіей, городъ и страна, лежащіе при р. Герирудѣ, съ давнихъ временъ были предметомъ завоевательныхъ стремленій Монголовъ, Персовъ и Афганцевъ. Прямая дорога изъ Герата въ Кабулъ чрезъ ущелья Парапоннеза и землю дикихъ племенъ доступна лишь для малыхъ отрядовъ; и султанъ Баберъ, извѣстный какъ полководецъ и какъ писатель, оставилъ намъ въ ужасъ приводящее описаніе страшныхъ усилій и опасностей, которыя онъ долженъ былъ преодолѣть на этомъ пути. Большая, такъ называемая, царская дорога изъ Персіи въ Кабулъ черезъ Гератъ, Кандагаръ и Гасну, на протяженіи 85 географическихъ миль, нигдѣ не представляетъ войску препятствій. Караванъ обыкновеннымъ ходомъ совершаетъ путь изъ Герата въ Кабулъ въ 30 — 40 дней, а всадники, усиленными переходами, въ 11 дней.

Мѣста, удобныя для стоянокъ, есть здѣсь повсюду; населенныя мѣста рѣдки, а большіе города, резиденціи мелкихъ князьковъ или намѣстниковъ, лежатъ на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, и съ окрестностями своими, тщательно обработанными, походятъ на оазисы Сахары. Торговыя сношенія здѣсь, правда, не въ такомъ уже блестящемъ положеніи теперь, въ какомъ были до открытія мыса Доброй Надежды или даже при Великомъ Аббасѣ; но и теперь еще многочисленное сословіе странствующихъ купцовъ и проводниковъ каравановъ находитъ ихъ достаточно прибыльными для того, чтобы продолжать ихъ, не смотря на всѣ опасности, которыми грозитъ имъ сосѣдство дикихъ ордъ различныхъ племенъ.

До установленія водныхъ путей сообщенія и кругосвѣтнаго мореходства, Кабулъ и Кандагаръ считались у восточныхъ народовъ воротами въ Индію, а царская дорога единственнымъ туда путемъ, которымъ долженъ былъ каждый завоеватель овладѣть прежде, нежели думать о покушеніяхъ на богатыя страны по Инду и Гангу. При всѣхъ государственныхъ переворотахъ въ тѣхъ мѣстахъ, караванная торговля сихъ странъ съ незапамятныхъ временъ осталась вѣрною одному и тому же пути, а такимъ образомъ царская дорога изстари была сборнымъ мѣстомъ всѣхъ хищныхъ народовъ и ихъ предводителей.

Digitized by Google

Герать есть столица государства того же имени на восточной окраинѣ Ирана, знаменитая уже съ отдаленныхъ временъ какъ «столица Хорасана» или какъ «благодатное мѣсто». Всѣ восточные писатели,—за исключеніемъ Абульфеды и Ибнъ-Батуты, при которыхъ Герать, разрушенный Чингисъ-Ханомъ, не возсталъ еще изъ развалинъ, наперерывъ другъ передъ другомъ восхваляютъ его богатство и великолѣпіе. «Хорасанъ раковина міра, а Герать его жемчужина,—говоритъ персидская поговорка, которая, конечно, по тѣмъ понятіямъ, которыя мы, Европейцы, имѣемъ о прекрасныхъ городахъ, заключаетъ въ себѣ смѣшное преувеличеніе. Подобно большей части восточныхъ городовъ, внутренность Герата представляетъ лабиринтъ узкихъ, грязныхъ, темныхъ улицъ и переулковъ, которые, съ выступами и навѣсами на зданіяхъ, образуютъ лишь мрачные проходы,—маленькіе тѣсные домики, которые можетъ считать красивыми и удобными для житья только восточный человѣкъ, четыре большіе крытые базара съ 1,200 лавокъ, гдѣ сосредоточена вся жизнь народная.

Въ этой «жемчужинѣ міра» нѣтъ недостатка въ обыкновенныхъ принадлежностяхъ восточныхъ большихъ городовъ, т.-е. въ кучахъ навоза, въ стоячихъ болотахъ, въ гніющей падали на улицахъ; по описанію Коноллы, Герать даже грязнѣе самыхъ грязныхъ захолустьевъ Константинополя, Каира и Туниса.

Но подобно большей части восточныхъ городовъ, которые обязаны своимъ существованіемъ и положеніемъ не особенному какому-либо случаю, не политическимъ видамъ, не прихоти властителей, охотниковъ до построекъ, а своей плодоносной почвѣ и благорастворенному климату—среди безплодныхъ и безлюдныхъ пустынь, ихъ окружающихъ, Герать обязанъ своимъ процвѣтеніемъ и славой, точно такъ же какъ Дамаскъ, Брусса и Самаркандъ, благодатнымъ окрестностямъ, которыя, какъ роскошнѣйшій вѣнокъ самой богатой растительности, обхватываютъ большой грязный городъ. По этимъ цвѣтущимъ окрестностямъ Персы называютъ Герать «городомъ съ 100 т. садовъ».

Обширная долина, орошаемая рѣкою Герирудомъ, которая теряется въ пескахъ степей Туркоманскихъ, вовсе не достигая до моря, покрыта превосходными садами плодовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ, виноградниками, воздѣланными полями и деревнями, ключами и водометами, которыхъ свѣжая, прохладная и вкусная вода превосходитъ, по мнѣнію восточныхъ народовъ, всѣ воды Азіи, кромѣ кашемирскихъ. Климатъ здѣсь похожъ на весенній, и производитъ плоды

Digitized by Google

только умѣреннаго пояса. Плодовыхъ деревьевъ жаркаго пояса — померанцевыхъ, лимонныхъ, сахарнаго тростника, пальмъ — здѣсь нѣтъ. Конолли разсказываетъ о странномъ обычаѣ жителей — употреблять плоды. Вмѣсто того, чтобъ покупать плоды на рынкѣ, ихъ ѣдятъ прямо съ деревьевъ. По этому всякій посѣтитель сада взвѣшивается при входѣ и выходѣ изъ него, и долженъ платить соразмѣрно съ разницей вѣса при входѣ и выходѣ.

Великолѣпныя зданія, по описанію древнихъ восточныхъ писателей украшавшія нѣкогда столицу Гератъ, частію исчезли съ поверхности земли, частію же лежатъ въ развалинахъ. Историческія катастрофы, страшныя опустошенія при монгольскихъ и персидскихъ завоевателяхъ, въ разныя времена превращали городъ въ груду развалинъ, изъ которой однако онъ, подобно фениксу, опять возставалъ снова, потому что ничѣмъ непобѣдимая благодатная почва, дарованная природою этому счастливому уголку земли, привлекала сюда новыхъ жителей, садоводовъ и хлѣбопашцевъ, а положеніе на большой дорогѣ между Персіей и Индіей — торговцевъ. Царскій садъ въ Гератѣ—Багъ-Шаги, какъ называетъ его Гаммеръ—считался нѣкогда на Востокѣ чудомъ свѣта. Теперь онъ съ своими дворцами лежитъ въ развалинахъ, какъ единогласно утверждаютъ новые путешественники—Киннейръ, Конолли и Фразеръ. Въ высшей степени величественны, не смотря на самый крайній упадокъ, близъ Герата развалины Муссалаха, «мѣста поклоненія», построеннаго однимъ изъ потомковъ Тимура для бренныхъ останковъ Имаша Резы, но недоконченнаго, потому что въ слѣдствіе несогласій и споровъ останки Имаша перенесены въ Мешедъ. Архитектурный стиль въ Гератѣ находитъ Конолли болѣе величественнымъ, чѣмъ въ Мешедѣ. Онъ описываетъ большія колоннады съ мозаиками изъ бѣлыхъ кварцевыхъ плитъ и цвѣтныхъ жженыхъ кирпичей, украшающими высокій куполъ при входѣ, съ остатками множества аркадъ, столбовъ и 20 минаретовъ. На высочайшій изъ минаретовъ онъ всходилъ по 140 ступенямъ, и съ этой высоты наслаждался прекраснымъ зрѣлищемъ садовъ и воздѣланныхъ полей, далеко раскинувшихся по окрестностямъ,—что напомнило ему самыя цвѣтущія страны Италіи.

Изъ произведеній своей почвы Гератъ отправляетъ въ Индію шафранъ, асафетиду, фисташковые орѣхи, мастику, древесную муку, особенное красильное вещество — испирунъ и древесный клей — бирзундъ, особенно же много лошадей и сушеныхъ плодовъ. Шелку получается въ сосѣдствѣ много, но недостаточно для вывоза. Желѣзныя и свинцовыя руды могли бы доставлять богатую добычу, но дурно разработываются, какъ признался самъ Камранъ-Шахъ

Digitized by Google

Дружерарду. По показанію Фразера здѣсь работаютъ превосходные клинки: Тимуръ переселилъ сюда изъ Дамаска цѣлую колонію мастеровъ этой промышленности. Между фабричными произведеніями Герата Конолли хвалитъ шелковые и шерстяные ковры, которые, всякой мѣры и великолѣпнѣйшихъ цвѣтовъ, приготовляются по 10—1,000 рупій за штуку. Самые дорогіе изъ нихъ дѣлаются рѣдко, потому перевозка такого товара изъ одного мѣста въ другое не безопасна.

Англійскій страхъ за Мадагаскаръ. Въ Morning Advertiser напечатано письмо г. Кавендиша-Анджело, бывшаго англійскаго резидента въ Мадагаскарѣ. Въ немъ сказано: Должно ли, по здравой политикѣ, позволить Французамъ владѣть Мадагаскаромъ, однимъ изъ прекраснѣйшихъ и величайшихъ острововъ въ свѣтѣ, въ девятьсотъ миль длиною, производящимъ всѣ потребности для существованія человѣка: лѣсъ для построенія кораблей, множество минераловъ и въ особенности мѣди, огромныя земледѣльческія богатства, многочисленныя стада, однимъ словомъ все, что нужно для обширной страны! На Мадагаскарѣ много портовъ, могущихъ дать вѣрное убѣжище всѣмъ европейскимъ флотамъ. Неужели мы позволимъ Французамъ имѣть колонію въ Мадагаскарѣ въ двухъ дняхъ пути отъ острова Маврикія? Если мы это допустимъ, наши Остъ-Индскія владѣнія вскорѣ увидятъ на Мадагаскарѣ грознаго и опаснаго сосѣда, могущаго явиться у береговъ ихъ съ пароходнымъ флотомъ въ семь или восемь дней. Теперь важная мадагаскарская торговля находится въ рукахъ Американцевъ, Французовъ и жителей Остъ-Индіи. Обладая Мадагаскаромъ Французы будутъ командовать въ Мозамбикѣ, на одной изъ главныхъ дорогъ въ Индію. *С. П.* N 86.

Анекдотъ о Рашидъ пашѣ. Онъ присутствовалъ на аукціонѣ; когда онъ всталъ, чтобы уйдти, то одинъ дервишъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Два года назадъ, аллахъ доставилъ тебѣ удовольствіе присутствовать при продажѣ съ молотка наслѣдства перваго твоего врага Хозрева-паши; теперь ты присутствуешь при продажѣ съ публичнаго торга имущества втораго врага твоего, Галиля-паши; ты низвергъ и разорилъ ихъ одного за другимъ и одного черезъ другаго; съ тѣмъ же усердіемъ занимаешься ты уже 17 лѣтъ разореніемъ и Оттоманской Имперіи. Молимъ аллаха, чтобы онъ не даровалъ тебѣ наслажденія пережить нашу имперію! *П В.* N 87.

Digitized by Google

Англійское частное мнѣніе о мирѣ. Одинъ англійскій дипломатъ, недовольный миромъ, старался доказать, что всѣ условія трактата обратятся въ пользу Россіи. Матеріальная потеря Севастополя будетъ слишкомъ вознаграждена пріобрѣтеніемъ огромнаго вліянія въ силу гатти-гумаюна въ пользу христіанъ. И въ этомъ отношеніи Императоръ Александръ былъ совершенно правъ, сказавъ, что цѣль войны Россіею достигнута. Со стороны же Запада Россія будетъ укрѣпляться на Вислѣ, и имѣть вліяніе на Германію. Миръ придастъ Россіи средства къ улучшенію внутренняго своего состоянія, къ поправленію финансовъ, распространенію своей торговли, построенію желѣзныхъ дорогъ. «Пусть этотъ миръ продолжится десять лѣтъ, сказалъ въ заключеніе Англичанинъ, и мы увидимъ Россію вдесятеро сильнѣе и могучѣе нынѣшняго». *С. П.* N80.

Дай Богъ его устами медъ пить!

Испанскія дѣла. «Положеніе Испаніи сильно трѣвожитъ французское правительство. Ожидаютъ большаго движенія прогрессистской партіи, которая желала бы восторжествовать надъ умѣренными, и низвергнуть О'Доннеля. Если это движеніе произойдетъ насильственно и станетъ всеобщимъ, одному Богу извѣстны пагубныя послѣдствія онаго. Во всякомъ случаѣ, Испанскія дѣла готовы принять обширные размѣры, и вступить въ новый порядокъ вещей. Французское правительство находитъ малую помощь въ своемъ посланникѣ при Мадридскомъ дворѣ, г. Тюрго, который до сихъ поръ не вникнулъ надлежащимъ образомъ въ положеніе Испаніи, и далеко уступаетъ во вліяніи посланнику англійскому, находящемуся въ лучшихъ отношеніяхъ къ Эспартеро. Обстоятельство сіе не безъ значенія.» *С. П.* N 102.

Раздѣлъ Турціи. *(Nord.)* Выписываемъ изъ Morning Advertiser нѣсколько строкъ, не придавая имъ, разумѣется, никакой важности: «Не смотря на всѣ увѣренія англійскихъ и французскихъ министерскихъ газетъ, мы узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что между Франціею, Англіею и Австріею заключенъ секретный трактатъ. Сверхъ того столь же положительно утверждаютъ, что трактатъ основанъ на предположеніи, что Турція будетъ безсильна къ произведенію реформъ, возложенныхъ на нее Парижскимъ трактатомъ. Въ этомъ предположеніи условлено раздѣлить Турецкую Имперію. Мы не знаемъ подробностей, но вообще можно сказать, что Австрія получитъ Дунайскія Княжества и другія прилежащія области; Франція

Digitized by Google

возьметъ Константинополь и большую часть Европейской Турціи, а Англія Сирію и Египетъ. Достаточно было бы, безъ сомнѣнія, рѣшительнаго вопроса въ Парламентѣ Лорду Кларендону или Пальмерстону, чтобъ эти показанія были опровергнуты или подтверждены.» *С. П.* N 111.

Оккупаціонное войско въ Греціи. Аѳины, 2-го мая. (N. Pr. Z.) Съ тѣхъ поръ, какъ Лордъ Пальмерстонъ въ Нижнемъ Парламентѣ гнѣвнымъ образомъ отозвался о Греціи, и несправедливо напалъ на королевство, въ которомъ теперь спокойнѣе, нежели въ самомъ Лондонѣ (*), всѣ приверженцы лорда и газеты ихъ удвоили усилія для доказательства, что англійскіе агенты справедливо доносятъ о положеніи Греціи. Военное занятіе служитъ теперь только для того, чтобъ останавливать дѣйствія греческаго правительства и лишать оное уваженія, и чтобъ поддерживать всѣ замыслы противъ короля Оттона. По счастію, здѣсь все это понимаютъ и усильно работаютъ противъ этой системы. Англійская политика, въ Греціи и на всемъ Востокѣ, болѣе повредила собственному вліянію Великобританіи, нежели Греціи. Каждый понимающій восточныя дѣла долженъ сознаться, что лучшими союзниками Россіи были западныя державы сами. Маврокордато и помощники его, служа усердно англійской политикѣ, сдѣлали ее совершенно ненавистною. Калерджи, служившій Людовику-Наполеону, до конца уничтожилъ французскую партію въ Греціи. Кому же принесло все это пользу, какъ не Россіи? Между Греціею и Турціею заключенъ теперь трактатъ объ охраненіи границъ съ обѣихъ сторонъ регулярными войсками, и въ Аѳинахъ надѣются, что эта мѣра прекратитъ разбои, поощряемые турецкими пограничными начальствами. — О положеніи христіанскихъ подданныхъ въ Турціи пишутъ, что имъ теперь хуже, чѣмъ когда-либо было. *С. П.* N 112.

Гроза въ Италіи. Чѣмъ болѣе англійское министерство уклоняется отъ объясненій по дѣламъ Италіи, тѣмъ болѣе думаютъ всѣ, что готовятся важные опыты не только преобразованій въ управленіи, но и измѣненія границъ. Въ Италіи уже шесть недѣль ожидаютъ этого, и тайна откроется вскорѣ. Замѣтьте, что Англо-Италіянскій легіонъ не распущенъ, англійскія войска сосредоточены въ Среди-

(*) Въ Morning Post пишутъ изъ Аѳинъ, что въ предмѣстьѣ Навплія портретъ Лорда Пальмерстона былъ сожженъ публично.

Digitized by Google

земномъ морѣ, Ліонская армія усилена, и въ Варскомъ департаментѣ учреждены лагери. Это составляетъ прологъ къ Италіянскому вопросу. Австрія не могла убѣдить Германскаго Союза, чтобъ онъ поручился за цѣлость италіянскихъ ея владѣній. Будетъ ли она въ этомъ счастливѣе съ Франціею и Англіею? Молчаніе Монитера объ отвѣтѣ императора на рѣчь барона Гюбнера оставляетъ вопросъ сей въ сомнѣніи. Думаютъ, что въ іюнѣ вспыхнетъ Италіянскій переворотъ. Это слишкомъ рано; мы, вѣроятно, дождемся іюля, то есть нашихъ революціонныхъ эпохъ.

(Странная несообразность обнаружилась на конференціяхъ: тамъ, въ отношеніи къ Турціи, утверждено на всѣ времена правило о невмѣшательствѣ въ ея дѣла, а въ Европейско-Христіанскихъ государствахъ сохранено это право). *С. П.* N 115.

Показанія политическаго барометра. Нынѣшнее положеніе можно, кажется, опредѣлить слѣдующимъ образомъ: Англія, недовольная миромъ, выказываетъ свое неудовольствіе и отнюдь нерасположена терпѣть злоупотребленія силы, которыя позволила бы себѣ нынѣшняя ея союзница, и, можетъ-быть, завтрашняя непріятельница; Австрія, вѣрная своимъ политическимъ преданіямъ, лавируетъ, интригуетъ и употребляетъ всевозможныя средства для того, чтобы выйдти изъ состоянія одиночества, въ которомъ нѣкоторое время находилась; Россія, со спокойствіемъ и достоинствомъ силы, ожидаетъ, чтобы положеніе яснѣе обозначилось; Сардинія, обманутая въ своихъ надеждахъ, выражаетъ свое неудовольствіе въ дипломатическихъ документахъ и парламентскихъ рѣчахъ; Турція исчезла со сцены; а Франція, верховная властительница судебъ Запада, ожидаетъ мановенія своего повелителя, котораго воля сдѣлалась теперь закономъ для большей части Европы. *П. В.* N 115.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ I.

№ 3.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 22 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЕ

о

Н. И. НАДЕЖДИНѢ.

Вчера, 27 марта, получивъ 5-й нумеръ Русскаго Вѣстника, я съ живѣйшимъ любопытствомъ прочелъ въ немъ «Автобіографію» Н. И. Надеждина, доведенную до 1841 года, и «Дополненія» къ ней П. С. Савельева. Глубоко-грустное впечатлѣніе оставили во мнѣ — и эта недокончennая повѣсть о самомъ-себѣ, и — біографическій очеркъ, набросанный въ виду свѣжей могилы!... Съ близкимъ знаніемъ покойнаго и любовью къ нему, Савельевъ означилъ послѣдніе 13 лѣтъ жизни его, проведенные въ Петербургѣ, и говоритъ: «Московская жизнь его, это начало его общественной жизни, должна быть не менѣе примѣчательна, и знавшіе его въ ту пору, вѣроятно, сообщатъ о ней свои воспоминанія».

— Вѣрно сообщатъ! Въ Москвѣ осталось еще нѣсколько друзей и товарищей; остались ученики его, конечно, запечатлѣвшіе въ своей памяти университетскія лекціи его — эти живыя *импровизаціи*, возбуждавшія къ себѣ столько вниманія и сочувствія.... Я узналъ Надеждина лично еще въ первый пріѣздъ его изъ Рязани въ Москву, 1827 года, когда онъ проживалъ, не вдалекѣ отъ Сухаревой-Башни, и профессора Дядьковскаго, который не могъ довольно налюбо-

Digitized by Google

ваться своимъ даровитымъ землякомъ; а съ 1831 года, на вечерахъ у С. Т. Аксакова, я сошелся съ Надеждинымъ въ близкое, дружеское братство; и многія воспоминанія моей жизни тѣсно связаны съ воспоминаніемъ о немъ....

Въ настоящую минуту я не могу еще отдѣлить отъ мысли своей печальный образъ угасающаго Надеждина; а къ тому я до сихъ поръ еще не видалъ «Словаря профессоровъ Московскаго Университета» гдѣ есть краткая біографія его, упоминаемая г. Савельевымъ.... Но я могу теперь же дать нѣкоторыя дополнительныя черты, къ его недоконченной *автобіографіи*—собственными его словами, изъ нѣсколькихъ писемъ его ко мнѣ, писанныхъ въ 1835—40 годахъ. Въ автобіографіи, которую онъ уже больной чертилъ въ концѣ 1854 года, и которая была послѣднимъ его произведеніемъ»—первое путешествіе его за границу показано *1832* года (см. стр. 65). Это должна быть описка. Въ *1832* году онъ читалъ свои лекціи въ Университетѣ; и я какъ теперь слышу одну изъ нихъ, въ *сентябрѣ*, которую безъ предваренія посѣтилъ достопамятный С. С. Уваровъ, обозрѣвавшій тогда Университетъ, въ качествѣ министра. Надеждинъ и въ ту лекцію, по своей особенной привычкѣ, сидя на каѳедрѣ—то навивалъ себѣ на палецъ цѣлый платокъ, то распускалъ его во всю длину; а между тѣмъ въ продолженіе часа, онъ пересказалъ ученіе Канта и Фихте объ изящномъ—такъ ясно и красиво, какъ одинъ только Павловъ умѣлъ, въ своихъ писанныхъ, округленныхъ лекціяхъ излагать намъ глубокомысленныя, но темнословныя теоріи нѣмецкихъ геніевъ.... Краснорѣчивый писатель-министръ, по выходѣ изъ аудиторіи, сказалъ сопровождавшимъ его профессорамъ: «въ первый разъ вижу, чтобы человѣкъ, который такъ дурно пишетъ, могъ говорить такъ прекрасно!» — Слогъ первопечатныхъ статей Надеждина не нравился вообще въ литературномъ кругу, будучи еще не устроенъ — излишне витіеватъ, недовольно художественъ. — А кромѣ того, президентъ Академіи былъ тогда весьма недоволенъ на издателя Телескопа, за помѣщеніе безъименной статьи «О первой раздачѣ

Digitized by Google

Демидовскихъ наградъ» — написанной, помнится, П. А. Мельгуновымъ. Что же касается до перваго путешестія Надеждина за границу, (для котораго, чтобы собраться съ средствами, онъ предпринялъ изданіе *Телескопа*), то оно было въ *1835* году Я это очень помню; ибо я тогда былъ уже въ Кіевѣ; и въ одно *октябрское* утро былъ несказанно обрадованъ, получивъ слѣдующую записку М. П. Погодина: «Пріѣхали, а онъ гдѣ? Ждемъ! Я, Надеждинъ, Княжевичъ, Киреевскій и проч. Скорѣе въ объятія... Колонія остановилась въ Зеленомъ трактирѣ.»

Изъ Кіева Надеждинъ отправился *17 октября*, въ ту *Экскурсію* на берега Чернаго моря, объ которой говоритъ онъ въ своей автобіографіи. Изъ его дружескихъ бесѣдъ, въ которыхъ проходили цѣлыя ночи, я узналъ, что у него въ душѣ была тогда *живая эстетика*, которая могла бы дать высокій строй и новое, полное развитіе его *эстетикѣ философской*; но къ сожалѣнію онѣ сошлись въ его душѣ не подъ счастливою звѣздою.... Я не предвидѣлъ добра отъ его возвращенія въ Москву, потому и хотѣлъ я зазвать его на службу въ Кіевъ для пользы и славы новаго Университета; ибо я всегда думалъ, что университетская каѳедра, которую онъ уже покидалъ, была настоящимъ его призваніемъ и поприщемъ.... Но на мое письмо къ нему объ этомъ я получилъ не удовлетворительный отвѣтъ, изъ Симферополя, отъ *7 ноября*. Между прочимъ, онъ писалъ: «Совѣтъ твой мнѣ не по сердцу; но разсудокъ невольно одобряетъ его.... Конечно, такъ бы должно; авторитетъ, на который ты ссылаешься, очень важенъ; стало, по неволѣ надо слушаться.... Какъ не печальна была наша дорога сюда во всѣхъ отношеніяхъ; но въ дорогѣ всегда бываетъ мнѣ легче. Движеніе, безпрестанное движеніе — разсѣеваетъ меня; но пребываніе на одномъ мѣстѣ — меня душитъ.... И вотъ почему я боюсь принять предложеніе, сдѣланное мнѣ вашимъ попечителемъ.. Одно только утѣшаетъ меня въ немъ — возможность жить вмѣстѣ съ тобою.... Но такъ далеко *оттуда*, такъ далеко!... Впрочемъ я еще не отказываюсь рѣшительно. Скажи попе-

Digitized by Google

чителю, что я дамъ ему окончательный отвѣтъ немедленно по прибытіи въ Москву.... Жаль мнѣ, что ты непремѣнно хочешь отказаться отъ ректорства.... Оставайся братъ! Я бы сталъ помогать тебѣ, сколько могу.... впрочемъ какъ хочешь!... Прощай, друже! обнимаю тебя братски! Не знаю когда мы выберемся изъ Крыма и доберемся до Москвы. Дорога гнусная. Мы ѣхали снѣгомъ отъ Браулова до Перекопа.... Одесса завалена сугробами.... половина Буга замерзла подъ Николаевымъ. Днѣпръ подъ Берисловомъ переѣзжаютъ по льду... Въ Крыму грязь непроходимая — туманы свинцовые.... солнце едва продирается сквозь тучи. Мы пріѣхали сюда во вторникъ, 5 ноября, вечеромъ; и въ субботу думаемъ ѣхать на Южный берегъ.... я привезу тебѣ раковинъ.... и т. д.

Онъ былъ тогда въ Крыму, вмѣстѣ съ незабвеннымъ Дмитріемъ Максимовичемъ Княжевичемъ, который и послѣ съ такимъ нѣжнымъ попеченіемъ дружбы, — отогрѣлъ его въ Одессѣ, послѣ прохлады Вологодской. Тутъ на берегахъ Чернаго моря и развиться бы вполнѣ новоизбранному его — *историко-этнографическому* поприщу, которымъ у него замѣнилась эстетика въ предѣлахъ гиперборейскихъ!

Въ отвѣтъ на мое письмо къ нему въ Усть-Сысольскъ, онъ писалъ изъ Вологды, отъ *27 мая 1837* г. между, прочимъ.... «послѣ этого вѣрь могуществу фантазіи поэтовъ! Можетъ ли она сравниться съ изобрѣтательностью дѣйствительности?... Но я боюсь утомить тебя. Прости моей нескромной говорливости. Какъ удержать себя, когда на душѣ такъ тяжело — и вдругъ почувствуешь просторъ,— увидишь себя на свѣжемъ, открытомъ воздухѣ дружбы.... Въ глуши изгнанія, я самъ посвящаю досуги мои, которыхъ такъ много, — отечественной исторіи. Помянухъ дни древнія и поучихся. Прошедшее имѣетъ несказанную *(отраду)* для того, у кого не осталось ничего, кромѣ прошедшаго. Ты скоро прочтешь думаю, нѣкоторые изъ моихъ трудовъ, гдѣ увидишь, что ты на берегахъ Днѣпра, подъ свѣтлымъ небомъ Украйны, я на берегахъ Сылолы, въ сырыхъ туманахъ Лукоморья, разными путями дошли почти до однихъ результатовъ».

Digitized by Google

Въ слѣдующемъ году отъ *28 февраля* писалъ онъ: «Здорово любезнѣйшій другъ и братъ! Ты видишь, что я пишу къ тебѣ уже изъ Вологды, гдѣ обрѣтаюсь другой мѣсяцъ. Гнѣвъ Провидѣнія начинаетъ прелагаться на милость. Я уже тысячью верстами ближе къ свѣту. Я уже опять на Руси, между людьми; а не въ Лукоморьѣ, среди Югры, языка нѣма. Но прошедшее прошло! что безпокоить тебя имъ!... Письмо твое и книги я получилъ еще тамъ. Рѣчь о Кіевѣ прочелъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Да! Кіевъ былъ востокъ Русской жизни. Ему теперь предлежитъ дѣятельное участіе въ ея полуденныхъ трудахъ; и какъ я радъ видѣть тебя въ челѣ новаго поприща, открывающагося для древней «матери градовъ Русскихъ». Драгоцѣнно и для меня лично, что я во время изгнанія моего изъ предѣловъ Руси наслаждался постояннымъ сношеніемъ съ Кіевомъ черезъ «Воскресное чтеніе....»

«До сихъ поръ я не дозволялъ себѣ излить всю мою благодарность почтеннѣйшей редакціи, которая почтила меня приглашеніемъ участвовать въ ея достохвальныхъ трудахъ. Но это происходило отъ того, что я хочу выразить эту благодарность не словами, а дѣломъ. Въ Усть-Сысольскѣ я не могъ этого сдѣлать: «како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей? На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ!» Теперь, чувствуя себя спокойнѣе и свѣжѣе, я поставлю себѣ священною обязанностью исполнить этотъ долгъ признательности Уже собралъ я матеріалы для статьи, гдѣ хочу напомнить Кіеву его животворящее вліяніе на Русскій Сѣверъ чрезъ спасительный свѣтъ христіанства. Здѣсь слѣды этого вліянія еще такъ свѣжи, здѣсь древности, особенно церковныя, не завѣялись еще новизною.... Если Богъ продолжитъ ко мнѣ свои милости, если изгнаніе коснется своего предѣла, то я обниму тебя скорѣе, нежели какъ ты думаешь. Потерявъ *все* въ Москвѣ, не имѣвъ никогда ничего въ Петербургѣ — я имѣю твердое намѣреніе пуститься на Югъ, какъ скоро не буду привязанъ къ Сѣверу. Это тѣмъ болѣе необходимо для меня, что здоровье мое требуетъ укрѣп-

Digitized by Google

ленія физическаго. Мнѣ необходимо южное небо, южный воздухъ.

Въ Одессѣ и въ Крыму дружба истинная, высокая, безпримѣрная, дружба, вынесшая огненную пробу — готовитъ мнѣ спокойный пріютъ. По дорогѣ я непремѣнно заѣду въ Кіевъ—полюбоваться съ тобою на Днѣпръ, купѣль Руси, съ тѣхъ горъ, гдѣ Орелъ нашъ свилъ свое первое гнѣздно подъ сѣнью креста Андреева!... Ты не узнаешь меня, если увидишь. Сколько бурь пронеслось надо мной съ того времени, какъ я отпустилъ тебя изъ Москвы въ Кіевъ! О жизнь, жизнь человѣческая! Судьба поставила тебя самимъ близкимъ свидѣтелемъ главнѣйшихъ катастрофъ моей чудной драмы. Оставя меня въ блаженной безпечности, у домашняго мирнаго очага.... Черезъ годъ ты встрѣтилъ меня странникомъ, напрасно искавшимъ размыкать свою тоску за предѣлами отечества. Теперь я больше чѣмъ странникъ! Тоска моя утоплена во глубинѣ души. Изгнаніе дорого мнѣ стоило. Оно разрушило всѣ очарованія прошедшаго. Въ будущемъ вижу только одно, что видѣлъ и Шиллеръ, когда не стало въ немъ «вѣры милой въ творенье пламенной мечты» — вижу только наслажденія *дружбы* и *труда*! Богъ подкрѣпитъ меня!...»

Черезъ два мѣсяца, отъ *25 апрѣля*, онъ писалъ мнѣ: «если мое письмо освѣжило тебя отрадною прохладою, братъ и другъ! то твое согрѣло меня благодатною теплотою. Лично уже отблагодарю тебя за все. Да — *лично!* Какъ я счастливъ, какъ безконечно счастливъ, произнося это слово.... Слава Господу Богу, который такъ скоро, такъ внезапно осуществилъ твое Благовѣщенское желаніе! Да — я совершенно счастливъ — потому, что совершенно прощенъ милосердымъ Монархомъ, совершенно возвращенъ къ жизни, совершенно свободенъ!—Я все еще пока въ Вологдѣ; но уже не отъ того, что не могу, а отъ того, что нельзя тронуться съ мѣста. У насъ только—что начинается весна. Рѣки и болота вскрылись. Надо сидѣть покрайней мѣрѣ до мая. Но при первой возможности я взмахиваю крыльями и лечу вольною

Digitized by Google

пташкою. Куда—спросишь ты. Конечно уже не въ Москву, которую ты справедливо назвалъ мачихою въ отношеніи ко мнѣ. Я ѣду прямо въ Питеръ. Есть у меня желаніе завернуть въ Архангельскъ и на Соловецкій островъ. Это сдѣлаетъ мнѣ розницы тысячу верстъ; но по здѣшнему пространству, которое я вымѣрялъ взадъ и впередъ, тысяча верстъ яко поприще едино! мнѣ же хотѣлось бы узнать вполнѣ сѣверъ. прежде чѣмъ я переселюсь къ вамъ на югъ; хотѣлось бы, по твоему выраженію — вполнѣ проморозиться и просвѣтиться сѣвернымъ сіяніемъ!... Впрочемъ это будетъ зависѣть главное отъ погоды.

У насъ теперь апрѣль такъ хорошъ, что невольно заставляетъ трепетать за май. Во всякомъ случаѣ, съ полученія этого письма, ты адресуйся ко мнѣ уже въ Петербургъ, надписывая «въ канцелярію министерства финансовъ» Изъ Петербурга я выберусь уже съ Дм. Макс. Княжевичемъ, который будетъ тамъ въ половинѣ іюля, съ которымъ вѣрно ты увидишься еще прежде, когда онъ поѣдетъ черезъ Кіевъ. Охъ, какъ сердце замираетъ при одной мысли, что я такъ скоро увижу всѣхъ любящихъ меня и любимыхъ мною! Да, любезный братъ! Провидѣніе не вовсе обошло меня своею благостію.... Твои отрывки изъ Украинскихъ мелодій истинно превосходны. Особенно послѣдній стихъ, съ которымъ и я чувствую «безконечное»:

— А що-жъ наша доля, якъ не Божа воля!

Да, этотъ стихъ высказываетъ глубокую истину. которую я почерпнулъ на днѣ моей души, тяжкимъ, скорбнымъ опытомъ! И я — «не журюся» — увѣряю тебя! Тихая, безусловная преданность волѣ Божіей — отнынѣ составляетъ всю жизнь мою!...»

Въ 1829 году *24 іюня* онъ писалъ ко мнѣ изъ Одессы: «Я пишу это письмо, уже занесши одну изъ скудѣльныхъ ногъ своихъ за порогъ Одессы; то-есть — я на пути къ сѣверу, къ холодному, но тѣмъ не менѣе притягательному сѣверу. Въ концѣ этого мѣсяца, или много — въ началѣ буду-

Digitized by Google

щаго. я ѣду въ Москву.... но не пугайся!.. Въ Москвѣ, въ нашей родной Москвѣ, въ этой колыбели нашихъ лучшихъ мечтаній и надеждъ — я предполагаю быть только проѣздомъ въ гранитный Петербургъ!... Не нужно пускаться въ дальнѣйшія объясненія.... Ты лучше другихъ понимаешь, что я навсегда оторвался отъ Москвы, что между ею и мною нѣтъ и не можетъ уже быть ничего общаго! Ты конечно спросишь: что жь я намѣренъ сдѣлать съ собой въ Петербургѣ? Отвѣчаю искренно, что и самъ пока не знаю!... Ничего впередъ не загадываю. Скажу только тебѣ, что я ѣду до самаго Петербурга съ Дм. Максимовичемъ, съ которымъ связанъ я священнѣйшими узами благодарности и которому отдаю въ безусловное распоряженіе всего себя. Можетъ быть я и возвращусь назадъ въ Одессу: это нисколько не противно моимъ желаніямъ и притомъ едва ли не необходимо для моего здоровья, которое, не смотря на южное небо и цѣлебную силу моря, плохо поправляется и весьма неблагонадежно; но это зависитъ отъ множества обстоятельствъ. Дай Богъ чтобы они уладились! Тогда на обратномъ пути, я непремѣнно увижусь съ тобою и даже погощу у тебя въ Кіевѣ. Теперь же мы ѣдемъ на Харьковъ и на Рязань, гдѣ давно уже мои родные томятся ожиданіемъ увидѣть меня на-воскресе» и т. д.

Вотъ отрывокъ послѣдняго письма его ко мнѣ изъ Одессы, отъ *16 іюня 1840 года*.—«Я сочувствовалъ тебѣ всею душою, когда получилъ роковую вѣсть о смерти нашего незабвеннаго Павлова. Да, братъ! меня это огорошило можетъ быть еще больше, чѣмъ тебя: ибо я зналъ покойника ближе и продолжительнѣе; я видѣлъ его еще такъ не давно, въ послѣдній проѣздъ черезъ Москву. Боже Ты мой Господи! Истинно неисповѣдимы Судьбы Провидѣнія! Вотъ бы кому жить, да жить еще—если не для себя, то для кучи дѣтей.... А мы съ тобой—такъ вотъ все еще маемся. И какъ еще маемся? Слышалъ я, братъ, о тебѣ живую отповѣдь отъ Брадке, бывшаго твоего начальника. Онъ описалъ твое положеніе самыми ужасными красками. Что жь ты это не радишь о себѣ? Что ты

Digitized by Google

не ѣдешь куда-нибудь по-теплѣе? Вотъ бы собрался съ нами подъ благодатное небо Авзоніи! — А?... Вѣдь живемъ-то мы только однажды! Стало, можно и подорожить этою жизнію, какъ ни гадка бываетъ она подъ часъ; а для насъ съ тобой, и не подъ часъ только! Но ты даже отказываешься и отъ Крыма. Дай Богъ тебѣ *возродиться* хоть въ *родномъ*. Не умирай безъ меня! Умирать, такъ вмѣстѣ!—Я ѣду, какъ ты уже знаешь. Ѣду я далеко. Хочу объѣхать Балканъ и Карпатъ, эти родимыя гнѣзда нашего доблестнаго рода и могучаго языка. Ѣду черезъ Молдавію, Валахію, Седмиградію, Сербію и Венгрію — сначала до Вѣны; потомъ побывши въ Прагѣ и Мюнхенѣ—спускаюсь въ Италію до Неаполя. Оттуда хочу пробраться черезъ Адріатику, — до Рагузы (Дубровника) и Черной Горы, и по Далматскому берегу, черезъ Кроацію и Стирію, опять въ Вѣну. Изъ Вѣны уже обыкновенною дорогою проѣду во Львовъ, и думаю заглянуть къ Венгерскимъ Руснякамъ въ Сѣверовосточные комитаты; буду и на развалинахъ Галича. Радъ-радехонекъ буду, если найду возможность привалить къ тебѣ, на святыя Кіевскія Горы, и привѣтствовать родину первымъ лобзаніемъ вмѣстѣ съ тобою....

Но случилось на оборотъ: *въ сентябрѣ 1842 года*, я къ нему притянулъ въ Кіевъ, (въ первый разъ послѣ отставки моей) вызванный Неволинымъ и Богородскимъ, у которыхъ странникъ нашъ пролежалъ болѣе мѣсяца, на пути изъ Одессы въ Петербургъ, гдѣ его ожидала уже должность чиновника особыхъ порученій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ и редакція журнала того министерства. Я нашелъ его на постели, изнеможеннаго въ сильныхъ страданіяхъ отъ нашего съ нимъ общаго врага — ревматизма. А между тѣмъ, онъ былъ неистощимъ въ разсказахъ о своихъ странствіяхъ и со смѣхомъ читалъ мнѣ про капитана Копѣйкина, изъ Мертвыхъ душъ, которыми запасся онъ въ дорогу. Такимъ же видалъ Надеждина еще и въ Москвѣ. Разъ, въ исходѣ іюня 1853 года, узнавъ что онъ заболѣлъ, я поспѣшилъ къ нему (въ домъ М. Н. Загоскина, у Покрова въ Левшинѣ): онъ лежалъ въ постелѣ, съ распухшими отъ ревматизма ко-

Digitized by Google

лѣнями, и писалъ свою знаменитую «Рѣчь о современномъ направленіи изящныхъ искусствъ» для приближавшагося университетскаго акта; корректура Телескопа лежала на столѣ. Гроза заставила меня ночевать у него; по утру онъ прочелъ мнѣ два новыхъ листа своей Рѣчи, насѣянныхъ мачкомъ впродолженіе безсонной для него грозовой ночи; и корректура то же была вся исписана, бодрость мысли у него была независима отъ немощи тѣлесной; и онъ представлялъ собою живое опроверженіе классической пословицы: mens sana in corpore sano. Нашъ общій цѣлитель, незабвенный физіологъ Дядьковскій, (которому тоже впослѣдствіи подкосилъ ноги постылый ревматизмъ) говаривалъ, что онъ съ роду не видывалъ такой крѣпкой и благоустроенной нервной системы, какъ у Надеждина, и потомъ объяснялъ необычайную силу ума его. Однако и эта нервная система была наконецъ поражена.... Узнавъ уже не скоро, что съ Надеждинымъ былъ ударъ, я просилъ Неволина извѣстить меня, что съ нимъ? и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее, послѣднее его письмо ко мнѣ, отъ *18 мая* 1854 года....

(Прилагаю въ подлинникѣ).

Думалъ ли тогда нашъ трудолюбивый историкъ-юристъ, что онъ предупредитъ своего друга? Что гробъ Надеждина въ Петербургѣ, въ церковномъ склепу, будетъ поджидать къ себѣ въ товарищи его гробъ, изъ столицы Австрійской?...

Миръ праху вашему, други-товарищи, незабвенные труженики и строители въ мірѣ наукъ!...

М. Максимовичъ.

28 и 29 марта, 1856 года.
Михайлова гора.

Digitized by Google

С.-Петербургъ, 18 мая 1854.

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Ваше обозрѣніе полковъ и сотенъ Малороссійскихъ, ч. 1, я передалъ Вл. А. Милютину, секретарю Географич. Общ. и издателю Вѣстника Общества. Въ Вѣстникѣ онъ хотѣлъ напечатать и вашу статью, — навѣрное не знаю, напечаталъ ли уже, ибо въ сію минуту, какъ пишу вамъ, не имѣю возможности справиться, потому что хотя на верху я написалъ вамъ: Спб., но пишу собственно не въ самомъ Петербургѣ, а на дачѣ въ деревнѣ Парголовѣ, которая отстоитъ отъ границы Петербурга на 7 верстъ, а отъ моей городской квартиры верстъ на 16. — Съ нашимъ общимъ другомъ Надеждинымъ дѣйствительно былъ ударъ и довольно сильный. Это случилось 28 или 29 августа прошедшаго года, на дачѣ у однихъ его знакомыхъ, къ которымъ онъ пріѣхалъ-было погостить на нѣсколько дней. Не скоро достали тамъ лекаря, и отъ того, можетъ быть, послѣдствія удара были довольно продолжительны. Отнялась было вся лѣвая сторона тѣла. Силы умственныя не были поражены; только сначала былъ небольшой бредъ. Больнаго привезли въ городъ на свою квартиру, и цѣлая стая лекарей, знатныхъ и незнатныхъ, знакомыхъ и не знакомыхъ стала лечить его. Къ Рождеству онъ поправился столько, что могъ уже ходить съ костылемъ и выѣзжать для прогулки. Но на него нашла-было скука и даже уныніе: и лѣкаря запрещали ему ломать голову надъ чѣмъ либо, и самъ онъ чувствовалъ въ себѣ большую для того слабость; сверхъ того, какъ поправленіе шло медленно, то онъ сталъ опасаться даже, поправится ли когда-нибудь совершенно. Весна, которая у насъ въ этомъ году очень хороша, оживила его и, что главное, возвратила бодрость духа: онъ говоритъ теперь самъ, что надѣется совершенно выздоровѣть. Онъ почти уже владѣетъ всѣми своими пораженными членами; наиболѣе остаются еще замѣт-

Digitized by Google

ными слѣды большаго паралича на лицѣ, нѣсколько искревленномъ и дикомъ. Языкъ началъ голосить почти по прежнему. На лѣто онъ хотѣлъ переѣхать куда нибудь на дачу къ знакомымъ, и можетъ быть, уже переѣхалъ,— я не видѣлъ его уже нѣсколько дней? Параличь приключился ему, по общему мнѣнію, отъ усиленныхъ занятій при сидячей городской жизни прошлымъ лѣтомъ и отъ разныхъ, большихъ и малыхъ, непріятностей, произшедшихъ для него съ перемѣною начальства. Вотъ вамъ обстоятельный разсказъ очевидца о семъ событіи.

Свидѣтельствуя искреннее почтеніе вамъ лично и всѣмъ вашимъ, остаюсь душевно вамъ преданный

К. Николинъ.

Digitized by Google

ЕЩЕ О РУССКОМЪ ВОЗЗРѢНІИ.

(Окончаніе).

Пора намъ освобождаться отъ иноземныхъ воззрѣній, пора намъ самимъ разработывать и познавать свое настоящее и прошедшее. Одна изъ майскихъ книжекъ Русскаго Вѣстника уже близко подходитъ къ этой мысли, и видимо содѣйствуетъ къ сближенію сторонъ, спорящихъ за національное и европейское воззрѣніе. Статьи гг. Бабста и Чичерина, дружелюбно поставленныя вмѣстѣ въ № Московскихъ Вѣдомостей, уже не одинаково рѣшаютъ дѣло, и, въ явномъ противорѣчіи между собою, кажется, приготовляютъ новое направленіе вопроса. Г. Чичеринъ говоритъ, что западъ имѣетъ вліяніе только на моды въ Россіи; г. Бабстъ всею статьею доказываетъ, что и въ наукѣ западная новость не безъ вліянія, на Руси. Лейпцигскій профессоръ Рошеръ предложилъ, и г. Бабстъ переноситъ въ русскую литературу мысль объ исторической методѣ въ политической экономіи. Далѣе г. Чичеринъ силится доказать, что только западъ имѣетъ матеріалъ годный, для наученія русскаго народа; г. Бабстъ напротивъ, требуя полнаго историческаго изученія политической экономіи, налагаетъ на всѣхъ ученыхъ обязанность, поучиться кое-чему и у русской исторіи, у русскаго народа, у русскаго замона. Мы не можемъ не согласиться съ г. профессоромъ Бабстомъ, что

Digitized by Google

узъученіе и установленіе началъ политической экономіи невозможны безъ историческаго изъученія нравовъ и обычаевъ, литературы и законодательства у разныхъ народовъ, слѣд. и у русскаго. Только система такихъ экономическихъ началъ, которыя соображены со всѣми явленіями исторіи древней и средневѣковой, западной и русской, можетъ содѣлаться истинною наукою. Но мы не согласны съ г. профессоромъ въ томъ, что онъ Рошеру приписываетъ и мысль и первое исполненіе мысли объ исторической методѣ въ политической экономіи, и что онъ дожидался сочиненія Рошера, для провозглашенія методы, которая у насъ высказана и существуетъ въ ученой литературѣ по многимъ вопросамъ политической экономіи, напр. по вопросу о путяхъ сообщенія, о промышленности, о продовольствіи, призрѣніи и т. д. Прибавимъ, что историческая метода необходима не для одной политической экономіи, а для всѣхъ наукъ, не исключая даже математическихъ, и что требованіе такой методы основано на мысли, что каждый народъ и каждый вѣкъ что нибудь отъ себя можетъ внести и вносилъ въ науку, въ это человѣческое достояніе, добывая это что нибудь своими силами, своими способностями, своими средствами, самодѣятельностію, самомышленіемъ. Народъ, который хочетъ войти въ исторію, долженъ самъ произвести достойное человѣчества; а повторяя только чужое, принимая только чужія воззрѣнія, довольствуясь только переводами да иностранными авторитетами, онъ не будетъ достоинъ названія историческаго дѣятеля. Самостоятельное же знаніе—необходимо народно, какъ у частныхъ людей оно необходимо лично; и, въ высшей степени, народное, истинно-народное дѣлается общечеловѣческимъ, какъ въ высшей степени личное, истинно-личное претворяется въ народное. — И такъ еще разъ, пора намъ освобождаться отъ иноземныхъ воззрѣній.

Замѣчательно, что нашъ народъ только одинъ разъ, въ древнѣйшія времена, при самомъ началѣ своей тысячалѣтней государственной жизни прибѣгнулъ къ иноземному содѣйствію,

Digitized by Google

для установленія порядка; а наши писатели то-и-дѣло, особенно въ новѣйшія времена, ищутъ иностранныхъ авторитетовъ, для установленія наряда въ литературѣ. Такъ исходными точками для русской исторіи служатъ напр. понынѣ чужія мнѣнія, то Еверса, то Зибена, то. — Конечно, жизнь европейскаго христіанскаго народа представляетъ много аналогическихъ сторонъ съ жизнію другихъ европейскихъ образованныхъ обществъ; но, начиная судить объ этой жизни, по аналогіи, при нуждѣ, когда еще ничего своего не было выработано, мы не имѣетъ права продолжать аналогію въ безконечность, особенно тогда, когда уже издано, обнародовано и открыто всякому много актовъ, лѣтописей, источниковъ, могущихъ ознакомить всякаго съ особенностями отечества. Времена измѣнились, и, если прежде проводили у насъ параллели между исторіею запада и древнимъ бытомъ Руси, то нынѣ можно писать только о расходящихся линіяхъ, да о противоположныхъ путяхъ, пройденныхъ въ исторіи народами запада и народомъ русскимъ. Кто въ наше время не знаетъ этихъ различій и противоположеній? Кто можетъ говорить теперь о Россіи, не обращая вниманія на эти отличія? Кто можетъ, безъ особеннаго пристрастія, безъ особой натяжки, находить одинаковыми слѣдствія, вытекающія изъ различныхъ началъ? — Упомянемъ при этомъ, хоть всколзь о главнѣйшихъ различіяхъ между Русью и западомъ, для полученія задачи, которую должно порѣшить по началу общинности.

Вѣра въ Руси была и осталась вѣрою, въ истинномъ значеніи слова, настоящею вѣрою, недоступною для личныхъ мудрованій, свободною отъ произвольныхъ толкованій, таинственною областію вѣры и добрыхъ дѣлъ, а не холоднаго знанія. И религіозное положеніе Руси существенно разнится отъ положенія Византіи, Рима, Запада. Борьба за богословскія мнѣнія была намъ неизвѣстна; споры по вопросамъ о власти и устройствѣ въ церкви, оказались невозможными, злоупотребленія въ церкви со стороны частнаго произвола не могли явиться; война противъ злоупотребленій не нарушала обще-

Digitized by Google

ства, не разгорячала умовъ, не разжигала страстей; и мы не знали ни партій византійскихъ, ни войнъ альбигенскихъ, ни преслѣдованія гусситовъ, ни борьбы протестантовъ, ни того разложенія догматическаго и церковнаго единства, отъ котораго до нынѣ страждетъ западъ. При всей религіозной терпимости, у насъ существуетъ господствующая, единая, общая всему народу вѣра; тогда какъ на западѣ, при всемъ стараніи установить и укрѣпить централизацію въ управленіи, не легко назвать исповѣданіе, котораго держится *основное, образованное*, лучшее общество во Франціи, въ Германіи. — Недаромъ 1848 г. въ Виттенбергѣ собирался протестантскій синодъ, подъ предсѣдательствомъ доктора Вихерна, который предложилъ установить внутреннюю миссію, для проповѣданія Евангелія, уже не in partibus infidelium, не для язычниковъ, а внутри Германіи, и, хоть бы, посредствомъ *романа*, съ заглавіемъ: Eritis sicut deus. Не даромъ, въ наше время, Виземанъ, въ Англіи пишетъ и издаетъ *романы съ нравственнымъ содержаніемъ*, и т. д. — Россія, стоя твердо на камени вѣры, можетъ основательно — критически смотрѣть на происшествія въ западной церкви, съ минуты, когда рождалось и укрѣплялось ея колоссальное могущество, до времени, когда столбъ ея основанія раскололся на двое, и наконецъ, когда самое зданіе распалось на части католическую, протестанскую, и т. д.

Государственная власть и государственное устройство Руси установились съ призваніемъ Варяжскихъ князей, образовались по акту призванія, и съ того времени постепенно и органически развивались въ позднѣйшія установленія. Призывая варяжскихъ князей володѣть и княжить въ Руси, народъ ясно сознавалъ значеніе правъ, предоставленныхъ его князьямъ, потому что никогда впослѣдствіи не отрекался отъ нихъ, а напротивъ всегда утверждалъ эти права за князьями, и только помогалъ осуществить ихъ въ своей исторіи. Народъ постоянно искалъ одной общей власти, высшей, верховной, равной для всѣхъ, одинаково строгой и судящей, одинаково любовной и милующей, сообразно самой идеѣ верховной вла-

Digitized by Google

сти, которой оставалось только расширять свое могущество въ пространствѣ, посредствомъ удѣловъ, и возрастать внутренно во всѣхъ своихъ существенныхъ аттрибутахъ — въ единодержавіи, самодержавіи, наслѣдственности. Не то было въ политическомъ быту западныхъ обществъ Европы. Тамъ верховная власть почти вездѣ явилась въ формѣ и актѣ завоеванія, которое не могло произойдти безъ пособниковъ и не могло не дать пособникамъ участія въ самой власти. Установившись войною или внутреннею борьбою, власть должна была держаться и развиваться только этими же средствами. Являются повсюду различныя пріобрѣтенія и уступки, различные результаты ума и силы, хитрости и деспотизма, различныя формы правленія по государствамъ, по вѣкамъ, по царствованіямъ. Часто одинъ ложный совѣтъ, одинъ неловкій шагъ заставлялъ преемника терять все, что цѣлый рядъ предковъ пріобрѣталъ цѣною жизни и добраго имени въ исторіи. Отсюда особенный характеръ государственнаго права, какъ собранія статей договорныхъ, писанныхъ, условныхъ, остановившихся на томъ, на чемъ стороны помирились; но миръ между внутренними врагами не-проченъ, онъ бываетъ только перемиріемъ; и при новыхъ силахъ, новыя борьбы съ новыми пріобрѣтеніями и уступками на обѣихъ сторонахъ. Гдѣ же предѣлы и конецъ требованіямъ, уступкамъ, формамъ?—Съ высоты начала неизмѣннаго и оправданнаго тысячалѣтнимъ опытомъ, Россія можетъ основательно-критически судить о событіяхъ западно-европейской внутренней политики съ Іоанна Безземельнаго, Фридриха Барбароссы, Людовика XI, до событій временъ Карла XII, Людовика XVI, Густава IV и т. д.

Право и его понятія, какъ бы, не существуютъ въ народахъ средневѣковаго запада. Каждый изъ нихъ заимствуетъ право и законы или изъ страны, въ которой селится, или изъ чужихъ предѣловъ, изъ Италіи, изъ Рима; и установленіямъ иноземнымъ и учрежденіямъ чуждымъ обыкновенно даетъ перевѣсъ передъ своими, и чужимъ убѣжденіямъ жерт-

Digitized by Google

вуетъ собственными. Напротивъ въ Руси право и его понятія искони присущи самому народу; онѣ не занесены къ нему извнѣ, онѣ не навязаны ему чьею нибудь волею, даже не даны тою или другою властію, а въ народѣ родились, имъ выработались, въ немъ существуютъ. Народъ дорожитъ своими установленіями и защищаетъ ихъ, требуя ото всѣхъ соблюденія установленій *по-старинѣ*. Если гдѣ, то особенно въ русскомъ правѣ господствуетъ историческое начало, и здѣсь-то особенно къ изученію права должно прилагать историческую методу. И сколько человѣческаго элемента въ этихъ установленіяхъ, и сколько разумныхъ началъ въ древнемъ русскомъ правѣ! Это можно видѣть изъ нашей древней дипломатіи, равно какъ изъ системы внутренняго законодательства. Въ дипломатіи встрѣчаемъ мы человѣколюбивыя распоряженія о правѣ иностранцевъ, съ отрицаніемъ права береговаго, заморщины, рабства христіанъ — плѣнныхъ, и съ узаконеніемъ самыхъ свободныхъ сношеній торговыхъ. Въ системѣ внутренняго законодательства замѣчаемъ вѣрный взглядъ на многія стороны юридической жизни народа. Гражданское, или имущественное право постоянно ищетъ оффиціальности и публичности для гражданскихъ сдѣлокъ, пятнанія, или наложенія клейма на вещи, свидѣтелей, записей, крѣпостей, обезпечивающихъ судъ правый. Оно уважаетъ имущества родовыя, но и лично пріобрѣтаемыя, купли, продажи, по законамъ публичности, называетъ благопріобрѣтенными, *пока не будетъ доказано противное!* Выраженіе одного западнаго государя, назвавшаго домикъ своего кондитора построеннымъ изъ королевскаго сахара, по русскимъ законамъ, должно почесть незаконнымъ оскорбленіемъ. Почему же свято лишь одно доставшееся по наслѣдству? Но родовое есть все-таки *благопріобрѣтенное* имущество. — Въ семейномъ и общественномъ правѣ, личность имѣетъ столько же признанія, сколько и происхожденіе; ибо уже *Володимеръ великимъ мужемъ сотвори того и съ его отцемъ*, кто задавилъ въ своихъ рукахъ Печенѣга, и далъ тѣмъ Руси побѣду. Въ уго-

Digitized by Google

ловѣкъ издревле господствуетъ мысль объ исправленіи преступника, котораго не увѣчили собственно русскіе законы и не осуждали на смерть. Вообще же законъ, какъ власть, въ Россіи, стремился быть ровнымъ для всѣхъ, безъ вниманія къ гражданскимъ различіямъ виновныхъ; ибо наказывается за преступленіе не князь, бояринъ, дворянинъ, купецъ, а *человѣкъ*, и *каждый только по его винѣ*. Заключимъ общимъ замѣчаніемъ, что на Руси мы не встрѣчаемъ самоуправства въ такомъ размѣрѣ и такъ постоянно, какъ это было на западѣ, гдѣ оно получило названіе *кулачнаго права*, и осталось *въ правѣ поединка*, жертвою котораго сталъ недавно Гинкельдей въ Берлинѣ.

Всѣ эти особенности русскаго народа легко объясняются изъ его общиннаго быта. Общинность есть осѣдлость, общинность есть гражданственность, которыя составляютъ основу нашей исторіи, съ первыхъ страницъ лѣтописи. Незапамятная древность осѣдлости, въ Россіи, уже чувствуется въ выраженіи Нестора объ Уграхъ времени Олега: *бѣша бо ходяще, аки се Половцы* (1); онъ не нашелъ въ русскихъ преданіяхъ предмета сравненія для кочевой жизни. Древность осѣдлости, въ Руси, очевидна изъ древности нашихъ городовъ, Кіева, Чернигова, Смоленска, Суздаля, которыхъ названіе не имѣли значенія уже при Несторѣ. — Незапамятная древность общественности доказывается исконнымъ раздѣленіемъ народа на классы или общественныя сословія, *людей и мужей* вносившихъ напр. по случаю похода Ярослава противъ Святополка по 4 куны,—*старѣйшинъ и старцевъ*, представлявшихъ въ этомъ случаѣ, по 10 гривенъ, и *бояръ* съ *посадниками* обложенныхъ взносомъ по 18 гривенъ (2). Но особенно осязательно выказывается общественность Руси въ событіяхъ, которыя касаются внутренняго управленія. Нельзя не видѣть ея въ *совѣтахъ*, которыхъ требуютъ князья отъ народа и его сословій, обращаясь къ нимъ съ вопросами, какъ Влади-

(1) Лаврент. лѣт. стр. (2) Тамъ же, 46, 54, 57, 61, 62.

Digitized by Google

міръ, въ дѣлѣ вѣры: *что ума придасте? Что отъимете?* (3) Нельзя не видѣть ея *въ формулѣ: тако буди*, которою князья утверждали приговоры сословій (4). Нельзя не видѣть ея *въ той важности*, которую придавали князья положенію сословій, требуя, во взаимныхъ отношеніяхъ, чтобы ихъ *поряды* или *условія* были *положены*, по нашему, обезпечены, предъ епископами, игуменами, предъ мужами, и градскими людьми (5). Наконецъ тамъ же, на этихъ первыхъ страницахъ лѣтописи, мы встрѣчаемъ *вѣча*, или народныя собранія, для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ. Вѣче, въ Кіевѣ, разсуждаетъ и рѣшаетъ дѣло по случаю осады (6); не безъ *общаго согласія*, не безъ вѣча скрываютъ кіяне смерть Владиміра, не пускаютъ Мстислава, требуютъ оружія у князя противъ Святополка, равно какъ впослѣдствіи противъ Ляховъ (7). Эти вѣча сохранились въ Новгородѣ и Псковѣ, но и во всей Россіи оставили глубокіе слѣды; мы можемъ видѣть ихъ во всемъ, и можемъ сказать, что народъ нашъ постоянно жилъ крѣпкими общинами, начиная съ верви, отвѣчавшей за убійство, совершенное въ ея предѣлахъ, до погостовъ и сотенъ, требовавшихъ отовсюду своихъ членовъ, до волостей имѣвшихъ всѣ права древнихъ вервей, до городовъ, съ ихъ вѣчемъ, съ ихъ присудомъ, съ ихъ уѣздомъ, до областей, составившихъ собственно Россію. Эта общинность имѣетъ аналогію только съ древнею Германскою маркою, и ничего общаго съ послѣдующими общинами запада, которыя разбили союзъ марки, образовали независимые города, обратили въ рабство крестьянское сельское населеніе, помогли разрушить государственное единство. Русская общинность содѣйствовала союзу народа въ обществѣ и въ государствѣ, родила указанныя различія отъ запада, образовала русскую исторію, и пріобрѣла два великія начала общественности — личную свободу и общественное владѣніе въ землѣ. Напрасно думаютъ, что военный плѣнъ служитъ единственнымъ или преимуще-

(3) 46, 47. (4) 33, 44 (5) 98. (6) 55. (7) 61, 63, 73, 74.

Digitized by Google

ственнымъ источникомъ рабства. Для того, чтобы плѣнные обращались въ рабовъ, рабство уже должно существовать внутри общества, въ его жизни, въ его убѣжденіяхъ. Рабство древнѣе войнъ; и въ обществѣ, которое не знаетъ рабства, плѣнъ самъ собою не родитъ его. Свидѣтельство императора Маврикія о состояніи плѣнныхъ въ земляхъ славянскихъ, имѣетъ весьма важное историко-философское значеніе. Сверхъ того, обозначеніе рабовъ въ языкѣ нашего народа, доказываетъ, что неволя произошла изъ родовой связи; холопъ, хлопецъ, рабъ, ребенокъ и т. д. ясно говорятъ, что рабство имѣетъ корень въ родовомъ быту и, если его не было въ Руси, то бытъ ея былъ не родовой, а противоположный родовому — общинный. Общинность народа должна была также дать особый видъ поземельному владѣнію, содѣлавъ землю общественнымъ, общимъ достояніемъ, доступнымъ для всѣхъ, и чрезъ то могущественнымъ средствомъ для обезпеченія личной свободы, и широкимъ основаніемъ для всякой свободной дѣятельности. Наконецъ эта общинность народа и общественность земли послужили основою для всѣхъ общественныхъ установленій, которыхъ бытіе, форма и юридическое значеніе въ Россіи такъ отличны отъ западныхъ. Наши земскіе дороги, существующія до послѣдняго времени, появившіяся въ незапамятныя времена, для сближенія деревни съ деревней, села съ селомъ, и селъ съ городами, произошли въ Руси, по особому началу, только во имя общественныхъ потребностей, независимо и безъ возраженія со стороны частнаго владѣнія. Яиская гоньба, первоначально сливающаяся съ подводной повинностію, и постоянно составлявшая общую народную повинность, условлена общинностію и естественно должна была принять форму общаго народнаго права и обратиться въ учрежденіе почты. Промышленность сельская, съ ея однообразнымъ на всемъ пространствѣ Россіи, трехпольнымъ хозяйствомъ, съ ея однообразными и опредѣленными отношеніями крестьянъ къ владѣльцамъ, по записямъ, опредѣлявшимъ переходы, отказы, дѣятельность; равно какъ мѣры противъ

Digitized by Google

болѣзней, голодовъ, бѣдности, преступленій, постоянно состоявшія въ общихъ общинныхъ усиліяхъ; — все это суть прямыя слѣдствія общинности древняго русскаго народа. — И понятно, что въ Россіи, въ странѣ такихъ особенностей въ трудѣ и землѣ, служащихъ основаніемъ для рѣшенія многихъ вопросовъ права, политики и государственнаго хозяйства, начала наукъ объ этихъ вопросахъ должны быть существенно различны отъ началъ, принятыхъ на западѣ. Изучая напр. начала полит. экономіи въ Россіи, съ русской точки зрѣнія, мы не будемъ повторять чужаго, а, можетъ быть, скажемъ такое свое, которое войдетъ въ науку и тѣмъ будетъ содѣйствовать достиженію общечеловѣческаго идеала — истины.

В. Лешковъ.

Digitized by Google

ЗАДУШЕВНОЕ ПРИВѢТСТВІЕ

СКАЗАННОЕ НА ДРУЖЕСКОМЪ ОБѢДѢ

у С. С. Шиловскаго,

Черноморскимъ героямъ.

Хозяинъ съ хозяйкой позволятъ, конечно,
По русски, *спасибо* промолвить и намъ?
Спасибо родное да слышится вѣчно,
И всюду, героямъ лихимъ морякамъ!
Я знаю, что слабо, не полно, не мѣтко
Вамъ выскажу мой задушевный привѣтъ,—
Но славныхъ поэтовъ мы видимъ такъ рѣдко....
Гомеровъ, Байроновъ и Пушкиныхъ нѣтъ!
Да впрочемъ, собрать хоть-бы *всѣхъ* стихотворцевъ,
И темой одинъ Севастополь имъ дать:
То *всѣ* чудеса и дѣла Черноморцевъ
Едвали кто-бъ *достойно* съумѣлъ описать!
Представить защиту намъ края роднова
Поверхностно можно, *вполнѣ*—мудрено!
Нѣтъ столько могучаго, сильнаго слова,
Чтобъ *все* что тамъ было, сказало оно!
Чтобъ все что тамъ жило, и умерло смѣло,
Что Западу грозно предстало въ Крыму,
Все это, громадно—великое дѣло,
Словами возможноль представить кому?!

Digitized by Google

(Обращаясь къ гостямъ моякамъ).

Защитники чести Россіи и славы!
Вашъ подвигъ и древнихъ героевъ затмилъ:
Отъ васъ получили *четыре* Державы
Лишь груды развалинъ! да груды могилъ!
Мы любимъ отчизну! но вы намъ явились
Примѣромъ высокой, священной любви!
Одиннадцать мѣсяцевъ слишкомъ вы бились
Подъ адскимъ огнемъ, утопая въ крови!
Нѣтъ! въ жизни народовъ *все* можетъ случиться!
Вновь силу событій извѣдаетъ свѣтъ,
Но Крымское дѣло едваль повторится,
Хоть Русь проживетъ за три тысячи лѣтъ!!
Такъ тостъ нашъ за тѣхъ, кто отъ бомбъ и отъ дыма,
Отъ вылазокъ, штурмовъ, остался въ живыхъ!
За васъ, безпардонные витязи Крыма,
Мы пьемъ какъ за кровныхъ, безцѣнныхъ родныхъ!

***

Дай Богъ, вамъ, друзья родимые
Послѣ тяжкихъ испытаній всѣхъ:
Чтобы васъ, вся Русь лелѣяла!
Чтобы вами вѣкъ гордилася!
Вы могучимъ Провидѣніемъ
Изъ объятій смерти вырваны,
Чтобъ служить примѣромъ доблестей
Молодымъ сынамъ отечества
Въ предстоящихъ боевыхъ трудахъ!
Дай Богъ вамъ найдти на сѣверѣ
Все, что въ жизни тѣшитъ, радуетъ,
Чтобъ до самой гробовой доски
Хлѣбъ-соль русская встрѣчала васъ
Съ непритворною любовію!
Какъ встрѣчаетъ васъ и чествуетъ
Государь! и Государевъ Братъ,
Чувствъ и правды преисполненный!!
Какъ васъ любитъ моряковъ семья,

Digitized by Google

И какъ любитъ самъ хозяинъ здѣсь
Сотоварищь вашъ по корпусу!
Чтобъ по *Кокоревски* дѣйствуя,
Вся святая русь съ почтеніемъ
За служеніе Отечеству
До земли вамъ поклонялася!
Ну, цѣлуйтесь други! чокайтесь,
Однокашники—товарищи!
Отъ меня жъ, поклонъ вамъ также *всѣмъ!*
И *спасибо* всѣмъ вамъ русское!!

П. Григорьевъ.

С.-Петербургъ.
Апрѣля 5 1856 г.

Digitized by Google

ОБѢДЪ,

ДАННЫЙ ВЪ ЧЕСТЬ ГЕНЕРАЛА ОТЪ КАВАЛЕРІИ, ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГРАФА

Остенъ-Сакена,

въ залѣ Благороднаго Собранія, марта 4-го дня 1856 г.

Москвитяне, въ послѣднее время, чествовали славныхъ защитниковъ Севастополя, офицеровъ и матросовъ Черноморскаго флота, составлявшихъ мужественный, геройскій гарнизонъ крѣпости.

Узнавъ на прошедшей недѣлѣ о проѣздѣ чрезъ Москву графа Остенъ-Сакена, бывшаго начальникомъ гарнизона въ продолженіи почти всей осады, многіе граждане, въ томъ числѣ его сослуживцы и знакомые, сочли своею обязанностью выразить ему также чувства своей признательности. Генералъ-адъютантъ Шиповъ, товарищъ графа Остенъ-Сакена, по званію генералъ-адъютанта и близкій къ нему по давней дружбѣ, принялъ на себя распоряженіе предположеннаго празднества. Московскіе сановники показали живое участіе. Въ два дня записалось около двухъ сотъ человѣкъ,—и депутація отправилась къ заслуженному воину, просить, чтобы онъ удостоилъ посѣщенія устроенный въ честь его обѣдъ.

Въ первое воскресенье поста, къ четыремъ часамъ, собралось избранное Московское общество, изъ всѣхъ сословій безъ различія, въ обширныя залы Благороднаго Собранія.

Digitized by Google

Столъ убранъ былъ великолѣпно цвѣтами, плодами и зеленью. Въ началѣ пятаго часа грянула полковая музыка, и возвѣстила прибытіе честнаго гостя.

Генералъ-адъютантъ Шиповъ встрѣтилъ его въ первой гостинной, и ввелъ въ главную залу, гдѣ и представилъ участниковъ.

Въ срединѣ обѣда, когда наполнились шампанскимъ бокалы, старшій изъ участвовавшихъ, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, всталъ и провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома.

Во всѣхъ концахъ залы раздалось громкое, живое ура, и непрерывалось до самаго окончанія знаменитой пѣсни. Музука слышалась только въ краткихъ передышкахъ, за которыми клики вырывались громче и громче, не только въ залѣ, но и на хорахъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили, что эти клики на всякомъ новомъ обѣдѣ слышатся crescendo, такъ что музыка скоро окажется совершенно ненужною, и достаточно будетъ только услышать возлюбленное имя, чтобъ въ ту же минуту раздался громъ Русскаго общаго сердечнаго чувства, во славу того, кого мы любимъ, на кого мы надѣемся, кому мы вѣримъ....

Второй тостъ предложилъ генералъ-адъютантъ Шиповъ слѣдующими словами: Мы, жители Москвы, почитатели заслугъ и достоинствъ графа Остенъ-Сакена, за особенную честь себѣ поставляемъ видѣть сегодня между нами доблестнаго мужа. За здоровье вождя, сколько храбраго, столько же и скромнаго!

Пишущій эти строки произнесъ рѣчь, которая имѣла счастіе встрѣтить самое живое сочувствіе. Не придавая ей никакой цѣны въ отношеніи искусства, какъ самому простому выраженію мыслей, принадлежащихъ всему обществу, онъ, въ качествѣ лѣтописателя, считаетъ своею обязанностью въ исполненіе общаго требованія, отмѣтить, при пособіи свидѣтелей, мѣста, кои присутствовавшими признаны торжественно и громко за свои. Рукоплесканія, слѣдовательно, не принадле-

Digitized by Google

жали словамъ, а служили только всякому выраженіемъ его собственныхъ мыслей. Не рѣчь важна, а важна была, важно дѣло!

«Московскіе граждане сочли непремѣннымъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать чувства глубокаго своего почтенія вамъ, графъ, начальнику Севастопольскаго гарнизона, покрывшаго себя блистательною славою впродолженіи осады, безпримѣрной въ лѣтописяхъ военнаго искусства.

На прошедшей недѣлѣ мы привѣтствовали офицеровъ Черноморскаго флота, славили ихъ храбрость, неустрашимость, отвагу.

Эти доблести для всѣхъ очевидны, но сокровенныя дѣйствія военачальниковъ остаются долго въ неизвѣстности....

Позвольте намъ, графъ, воздавая вамъ честь, пропустить событія, которыхъ мы не знаемъ еще основательно. Позвольте намъ вспомнить теперь только тѣ подвиги изъ вашей долговременной службы, которые сдѣлались уже достояніемъ отечественной исторіи, которые мы всѣ здѣсь знаемъ.

Мы знаемъ, что начавъ службу еще въ отрочествѣ, вы участвовали въ Аустерлицкомъ сраженіи, сдѣлались вскорѣ адъютантомъ Милорадовича и принимали сдѣдовательно дѣятельное участіе во всѣхъ славныхъ сраженіяхъ 1812, 13 и 14 годовъ.

Мы знаемъ, что въ Персидскую войну вы начальствовали всею кавалеріею.

Мы знаемъ, что въ Турецкую войну вы были начальникомъ Главнаго Штаба у Паскевича, взошли прежде всѣхъ на стѣны Ахалциха, и содѣйствовали преимущественно взятію приступомъ Карса.

Мы знаемъ, что въ Польскую войну вы охранили Вильну, стянувъ съ особеннымъ искусствомъ разсѣянные отряды, и разбивъ шедшаго противъ васъ многочисленнѣйшаго непріятеля.

Мы знаемъ, что въ продолженіи нынѣшней войны вы защитили Одессу.

Digitized by Google

Мы знаемъ, что Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій редуты были воздвигнуты и оборонены блистательно во время вашего военачальства.

Мы знаемъ наконецъ, что не было ни одного опаснаго мѣста въ Севастополѣ, гдѣ бы вы ни являлись въ случаѣ нужды съ вашими распоряженіями. *(Восклицанія).*

Вотъ что мы знаемъ о вашихъ подвигахъ въ военное время.

Мы знаемъ, что въ мирное время вы были строгимъ блюстителемъ необходимой въ войскѣ дисциплины; но ваши полки, дивизіи, корпуса, всегда были накормлены сыто *(восклицанія)*, одѣты и обуты тепло *(восклицанія)*, не изнурялись никакими излишними трудами, и всѣ люди находили себѣ всегда свободный доступъ и справедливое покровительство. *(Восклицанія).*

Мы знаемъ еще одно ваше достоинство, которое дѣлаетъ васъ особенно любезнымъ для насъ, жителей Православной Москвы, достоинство, котораго для Русскаго солдата не замѣнитъ никакая наука, никакая ученость, никакой умъ, никакія способности, достоинство, которое завѣщалъ своимъ примѣромъ всякому Русскому военачальнику нашъ великій мастеръ «науки побѣждать», Суворовъ. Я не смѣю назвать этого достоинства по имени, но будьте увѣрены, что у православныхъ Московскихъ людей, которыхъ вы здѣсь видите, сердце забилось въ эту минуту сильнѣе, и почувствовало къ вамъ особенное влеченіе! *(Восклицанія).*

Вотъ что мы знаемъ, графъ, о вашихъ подвигахъ военныхъ и мирныхъ! Мм. гг. Довольно ли этого, чтобъ поднять высоко бокалъ и воскликнуть громко: честь, честь и благодарность соотечественниковъ графу Остенъ-Сакену!» *(Восклицанія).*

Графъ отвѣчалъ:

«Глубоко тронутый радушнымъ пріемомъ и сочувствіемъ Москвы, сердца Россіи, колыбели Русской народности, я могу сильно чувствовать, но не съумѣю высказать живѣйшей моей

Digitized by Google

признательности. Скажу только съ простодушіемъ закаленнаго въ бояхъ солдата, что это вниманіе, это сочувствіе даютъ мнѣ новыя силы, къ добросовѣстному продолженію моего служенія. Да здравствуетъ и благоденствуетъ Православный, истинно Русскій Царь нашъ! Да здравствуетъ и благоденствуетъ благочестивая наша Россія, и да погибнетъ ложь и все гнилое, ей приразившееся! Да здравствуетъ и благоденствуетъ Москва, и да сотрутся съ лица земли Русской враги правды и безкорыстія!»

Третій тостъ посвященъ былъ Севастопольскому гарнизону.

К. С. Аксаковъ, съ особеннымъ чувствомъ, сказалъ слѣдующую рѣчь, возбудившую многими мѣстами и ихъ выраженіемъ общее сочувствіе:

«Весьма понятно, что люди, знакомые съ боевыми подвигами, собрались, чтобъ выразить вамъ, графъ, свое глубокое уваженіе. Но между участниками этого обѣда есть люди, которымъ никогда не случалось видѣть боеваго поля, которые вовсе незнакомы съ военнымъ дѣломъ, съ военною наукою. Какое же право имѣютъ они цѣнить военные подвиги и привѣтствовать боеваго генерала, еще недавно испытаннаго, укрѣпленнаго и освѣженнаго дымомъ и громомъ сраженій? Почему присутствуютъ здѣсь люди вовсе не военные? Потому что во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, слѣдовательно въ дѣлѣ военномъ, есть нравственная сторона, есть внутренняя сила, которая доступна и понятна всякому человѣку, которую чтобъ почувствовать и оцѣнить, достаточно быть человѣкомъ. Вотъ та сторона вашихъ подвиговъ, доблестный военачальникъ, которая доступна и не военнымъ людямъ, неимѣющимъ никакого знанія собственно военнаго дѣла. И сказать ли, что сторона столь живо ощутительная во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ едва ли не существенная сторона всякаго дѣла. Недавно удалось мнѣ слышать выраженіе одного воина, закаленнаго въ Севастопольскомъ огнѣ: «мало одного ума, мало одного знанія, надобно души подбавить. Какъ бы ни шло впередъ военное

Digitized by Google

искусство, какія бы новыя изобрѣтенія ни совершались, но души они не замѣнятъ, ибо души ни выдумать, ни изобрѣсти нельзя. *(Восклицанія).*

Среди всѣхъ усовершенствованій и машинъ, среди новыхъ открытыхъ двигателей на землѣ, первымъ двигателемъ въ человѣчествѣ всегда останется духъ! *(Восклицанія).*

Русскій народъ знаетъ, графъ, что вы глубоко чтите то, что составляетъ основу всего бытія Русскаго народа. Я разумѣю вѣру: вѣра связуетъ насъ неразрывно союзомъ братской любви съ отдаленными единовѣрцами Греками и единоплеменными Славянскими народами. *(Восклицанія).* Въ вѣрѣ побѣда, въ вѣрѣ неодолимая сила. Она одна даетъ истинное мужество; въ этомъ мужествѣ уже нѣтъ кипѣнья крови, нѣтъ подстреканія самолюбія, а одно высокое безстрашіе, ибо страхъ Божій избавляетъ отъ всякаго страха! *(Взрывъ восклицаній).*

Эти мысли и слова внушаются присутствіемъ вашимъ, графъ. Государство чтитъ заслуги человѣка, возводя его по степенямъ государственныхъ почестей, украшая его внѣшними знаками отличія. Общество чтитъ человѣка добровольнымъ выраженіемъ своего внутренняго сочувствія и уваженія. Примите жъ, Русскій православный воевода, этотъ обѣдъ, какъ общественное выраженіе сочувствія и уваженія къ вамъ, какъ къ воину и какъ къ человѣку.» *(Восклицанія).*

Послѣдній тостъ, или здравица посвящена была защитникамъ Одессы. С. П. Шевыревъ сказалъ:

«При словахъ: «за храбрыхъ защитниковъ Одессы!» по влеченію собственнаго чувства, неуполномоченный никѣмъ, я выхожу сказать вамъ мое привѣтствіе. Конечно не мое дѣло цѣнить ваши воинскія доблести: намъ ли мирнымъ труженикамъ науки судить о нихъ?... Не они вызываютъ меня теперь на слово и влекутъ къ вамъ, а та добродѣтель, которая озаряетъ ихъ и служитъ имъ источникомъ. Я не усумнюсь назвать ее вовсеуслышаніе, особливо въ недѣлю православія — это наше древнее Русское благочестіе. Я не посягнулъ бы на вашу скромность, еслибъ эта добродѣтель въ васъ не принадлежала

Digitized by Google

уже отечеству, и несвязывалась съ тѣмъ великимъ историческимъ событіемъ, которое оживилось въ нашей памяти, когда вы подняли бокалъ «за храбрыхъ защитниковъ Одессы».

«Сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя; противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы Русскія будутъ, пока силы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ его въ нашемъ древнемъ Русскомъ благочестіи.»

По окончаніи рѣчи, раздались новыя восклицанія, долго неумолкавшія.

Предъ концемъ обѣда А. С. Хомяковъ, начавшій службу въ кирасирскомъ полку подъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена, подошелъ къ нему и сказалъ ему нѣсколько задушевныхъ словъ, выражавшихъ его глубокое личное сочувствіе, или, говоря его словами, сочувствіе гордой любви.

Гости встали изъ за стола веселые, довольные, въ пріятномъ волненіи, радуясь, что случилось имъ сказать вслухъ лежавшее на сердцѣ, и услаждаясь единодушными вѣрно-подданническими чувствами....

М. Погодинъ.

5 марта. 1856.

Digitized by Google

СЛѢДОВАНІЕ ЧЕРНОМОРСКИХЪ МАТРОСОВЪ

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ,

И РУССКІЙ ОТКЛИКЪ

НА МОСКОВСКІЯ ПРАЗДНЕСТВА.

I.

Слѣдованіе.

Москва подала примѣръ, и мирный походъ Севастопольцевъ сдѣлался тріумфальнымъ шествіемъ. Всѣ города наперерывъ старались встрѣтить ихъ какъ можно торжественнѣе, угостить великолѣпнѣе. Откликъ народа послышался въ письмахъ со всѣхъ концовъ Россіи. Знатные и не знатные, старые и молодые, мужчины и женщины, выразили одинаковыя чувствованія. Мы надѣемся угодить нашимъ читателямъ, сообщая извѣстія Губернскихъ Вѣдомостей и письма дѣйствовавшихъ лицъ.

Начинаемъ съ письма г. Никулина, сообщеннаго И. Ѳ. Мамонтовымъ, о встрѣчѣ матросовъ въ Троицко-Сергіевскомъ посадѣ.

«3-го марта въ субботу, въ 11 часовъ, жители посада начали стекаться огромными толпами на Московскую дорогу, поджидая гостей-моряковъ, которыхъ съ особымъ удовольствіемъ желали принять и угостить по мѣрѣ средствъ своихъ. Не доходя до черты посада, моряки дружно начали строиться въ порядокъ, съ развернутымъ знаменемъ и музыкою вступили въ посадъ; въ главѣ ихъ былъ капитанъ-лейтенантъ П. Н. Никоновъ, начальникъ 32-го флотскаго экипажа,

Digitized by Google

которому была поднесена отъ градскаго общества хлѣбъ-соль, и громкое Русское ура! привѣтствовало защитниковъ Севастополя отъ Московскаго въѣзда до обители преподобнаго Сергія.

Они вступили въ Троицкій соборъ для поклоненія Угоднику. Намѣстникъ Лавры съ братіею совершилъ молебствіе Живоначальной Троицѣ и Преподобному Сергію при возглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему Христолюбивому воинству; за тѣмъ онъ благословилъ героевъ финифтяными образами, нарочно для сего случая приготовленными, съ гробницы Преподобнаго Сергія. Моряки, принимая сей даръ съ особенною благодарностію, и какъ бы по особой волѣ надѣвали на себя, и украшали грудь свою новымъ непобѣдимымъ щитомъ-защитникомъ, Преподобнымъ Сергіемъ. По окончаніи раздачи намѣстникъ предложилъ гг. офицерамъ и матросамъ обѣдъ приготовленный въ трапезной церкви. Кончивши обѣдъ, моряки были размѣщены по квартирамъ жителей, изъявившихъ желаніе имѣть по нѣсколько человѣкъ въ своемъ домѣ; а гг. офицеры помѣстились въ монастырской гостинницѣ, гдѣ сдѣлано было распоряженіе о трехъ-дневномъ ихъ спокойствіи и о удовлетвореніи ихъ всѣмъ нужнымъ и необходимымъ.

Въ воскресенье, въ недѣлю православія, соборный колоколъ возвѣстилъ начало литургіи, и моряки дружною толпою начали стекаться въ Троицкій соборъ, который наполнился почти весь героями Синопа, защитниками Севастополя, отстаивавшими грудью колыбель вѣры, начало православія. Божественную литургію совершалъ намѣстникъ Лавры, архимандритъ Антоній.

По совершеніи молебствія гг. офицеры и матросы были приглашены намѣстникомъ Лавры въ трапезу, гдѣ были приготовлены столы, за которыми моряки начали предложенный обѣдъ по благословенію намѣстника. Чрезъ десять человѣкъ матросовъ сидѣлъ іеромонахъ и іеродіаконъ, пищу же имъ подавали рясофорные монахи. Передъ началомъ обѣда было предложено каждому по чаркѣ водки, и отдано каждому въ руки по двадцати-пяти копеекъ и по просфорѣ. Столъ же

Digitized by Google

состоялъ изъ хорошихъ рыбныхъ кушаньевъ, пива и меду; по окончаніи обѣда моряки принесли молитву, и принявши благословеніе отъ отца намѣстника, отправились толпами въ Скитъ и Виѳанію для поклоненія святыни гроба Преподобнаго Сергія, принявшаго ихъ въ Святую обитель.

На вечеръ гг. офицеры были приглашены г. смотрителемъ посада Рекъ, въ которомъ приняли участіе гг. Дмитровскій лѣсничій, Грейлихъ и аптекарь Иверсенъ.

Въ понедѣльникъ моряки были у утренней и обѣдни.— разсматривали достопримѣчательности Лавры: ризницу, соборы, архіерейскіе покои, живописную и даже нѣкоторые еще разъ посѣтили Скитъ и Виѳанію. Жители посада этотъ день угощали моряковъ по домамъ, гдѣ имъ отведены были квартиры. Общество, собравши до 264 рублей, предложило для раздачи нижнимъ чинамъ.

Во вторникъ утромъ въ 9 часовъ гг. офицеры и матросы, приложась къ мощамъ Преподобнаго Сергія и отблагодаривши радушно отца намѣстника, начали собираться въ путь, на который отъ Дмитровскаго акцизно-откупнаго коммиссіонерства было предложено по чаркѣ водки и калачу. Крестьяне Дмитровскаго уѣзда 1-го стана съ большимъ удовольствіемъ изъявили готовность безвозмездно вмѣсто марша вести весь 32-й экипажъ до черты Владимирской губерніи на подводахъ.

Большое было стеченіе жителей посада и крестьянъ сосѣднихъ деревень, желавшихъ отдать послѣдній поклонъ героямъ Севастополя; моряки же, усѣвшись на подводахъ, съ крикомъ ура! тронулись по дорогѣ къ Переславлю.»

Экипажъ состоялъ изъ 16 человѣкъ гг. офицеровъ и 390 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Digitized by Google

Вступленіе въ Ярославскую губернію.

Въ 12-мъ часу утра, когда экипажъ показался въ виду Петровска, граждане и жители окрестныхъ селеній толпами бросились къ нему на встрѣчу и привѣтствовали храбрыхъ воиновъ громогласнымъ *ура!* При вступленіи экипажа въ городъ, голова, съ прочими должностными лицами, и прибывшимъ изъ Ростова содержателемъ виннаго откупа, почетнымъ гражданиномъ Первушинымъ, поднесъ командующему экипажемъ хлѣбъ и соль, послѣ чего экипажъ церемоніальнымъ маршемъ подошелъ къ соборной церкви, и былъ встрѣченъ здѣсь духовенствомъ со св. иконами, при чемъ отпѣтъ молебенъ съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и Августѣйшему Дому. Протоіерей собора окропилъ воиновъ св. водою и привѣтствовалъ ихъ приличною рѣчью. Потомъ Первушинъ отъ своего лица и отъ имени Московскаго почетнаго гражданина Мамонтова пригласилъ гг. офицеровъ къ обѣденному столу, за которымъ предложены были тосты за здоровье и долгоденствіе Государя Императора, Государынь Императрицъ, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, весь Августѣйшій Домъ, въ честь морскихъ офицеровъ, за Черноморскій флотъ, за все Христолюбивое воинство, въ память убіенныхъ адмираловъ: Корнилова, Нахимова и Истомина, за нижнихъ чиновъ 32-го экипажа, за Московскаго почетнаго гражданина Кокорева, и за всѣхъ посѣтителей пиршества. Нижніе чины тоже угощены были отъ Первушина, въ постоялыхъ домахъ, сытнымъ обѣдомъ съ порціею вина; кромѣ того на каждаго человѣка дано по бутылкѣ пива. Послѣ этого угощенія нижніе чины приняты были обывателями Петровска въ свои семейства и имѣли у нихъ вечеромъ ужинъ, а на другой день завтракъ. При выступленіи экипажа въ дальнѣйшій путь, мѣстное дворянство, для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, какъ непривыкшихъ къ сухопутному походу, безвозмездно поставило изъ своихъ имѣній на три слѣдующія станціи по 165 подводъ.

Digitized by Google

12-го марта въ 10½ часовъ по-полуночи 32-й флотскій экипажъ прибылъ въ Ростовъ. Еще за два часа до прибытія моряковъ, у Московской заставы стояли граждане и все городское начальство въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Здѣсь дорогіе гости встрѣчены съ хлѣбомъ-солью, а въ самомъ городѣ отъ соборнаго духовенства съ животворящимъ крестомъ и св. водою, при чемъ въ соборѣ послѣ молебна протоіерей роздалъ имъ по финифтяному образу Ростовскихъ чудотворцевъ. По выходѣ изъ собора нижніе чины экипажа угощаемы были водкою и булками на площади отъ купечества, а потомъ въ квартирахъ ожидало ихъ новое радушіе и гостепріимство отъ домохозяевъ во все время пребыванія экипажа въ городѣ. Между тѣмъ городской голова, почетный гражданинъ Морокуевъ, пригласилъ офицеровъ экипажа къ себѣ въ домъ на обѣдъ, при чемъ въ собесѣдованіи дворянъ и купечества пили здоровье Государя Императора, всего Августѣйшаго Дома, Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, офицеровъ и нижнихъ чиновъ экипажа, и начальника Ярославской губерніи. Всѣ тосты сопровождались музыкой экипажа и громкимъ *ура*, которое долго не прекращалось и послѣ обѣда. На другой день городской голова пригласилъ офицеровъ на обѣденный столъ отъ имени общества, гдѣ съ общимъ восторгомъ повторены прежніе тосты. Между тѣмъ нижнимъ чинамъ во время стоянки ихъ въ городѣ предложена была отъ домохозяевъ *баня*; *бѣлье* имъ вымыли, а 14 числа въ 9 часовъ утра Ростовскій 3-й гильдіи купецъ Захаръ Киселевъ и Ярославскій 3-й гильдіи купецъ Николай Киселевъ угощали моряковъ въ гостинницахъ *чаемъ*; послѣ того почетный гражданинъ Дмитрій Плѣшановъ собственноручно роздалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по 50 коп. сер. и по *булкѣ*, почетный гражданинъ Хлѣбниковъ подарилъ тоже по булкѣ, а городской голова *по 5 руб.* въ роту на вино. Въ дальнѣйшій путь отправился экипажъ на приготовленныхъ отъ дворянства подводахъ, и прибылъ въ тотъ же день для ночлега въ село Семибраты, принадлежащее княгинѣ Черныщевой. Здѣсь моряки встрѣчены были мѣстнымъ священникомъ съ крестомъ, и, по

Digitized by Google

окропленіи святою водою, привѣтствованы Семибратовскими и окрестными жителями съ крикомъ *ура!* Въ слѣдъ за тѣмъ почетный гражданинъ Первушинъ съ купцемъ Тюневымъ пригласилъ морскихъ офицеровъ къ обѣденному столу, въ продолженіе котораго предложены были патріотическіе тосты; нижнимъ же чинамъ дано между тѣмъ по порціи вина, а вотчинный княгини Чернышевой бурмистръ и его односельцы по-родному приняли ихъ въ дома свои для угощенія обѣдомъ, ужиномъ и завтракомъ. 15-го числа въ 7-мъ часу утра дорогіе для Русскаго сердца посѣтители, размѣстясь на обывательскихъ подводахъ, отправились далѣе къ Ярославлю.

Между тѣмъ здѣсь пронесся слухъ, что флотскій экипажъ 15 марта будетъ имѣть дневку въ селѣ Карабихѣ, на послѣднемъ переходѣ предъ Ярославлемъ. Но городу въ порывѣ братскихъ чувствъ не терпѣлось; поскорѣе увидѣть предметъ своихъ ожиданій, выиграть золотое время и продлить кратковременный срокъ бесѣды съ дорогими гостями— было общее желаніе гражданъ, потому утромъ того же дня отправили въ Карабиху пять ухорскихъ троекъ для гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, съ просьбою поспѣшить въ городъ, а губернскій предводитель Ярославскаго дворянства П. А. Бемъ, озабоченный Русскимъ хлѣбосольствомъ и походными удобствами путешественниковъ, послалъ имъ туда изъ ближняго своего имѣнія завтракъ. Прибывшія тройки были во всей роскоши Русскаго вкуса, лошади въ каждыхъ саняхъ— одной масти, убраны лентами, сани выстланы коврами, ямщики молодецъ къ молодцу, въ праздничныхъ кафтанахъ, шапки съ украшеніемъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ; это добровольная и безплатная постановка отъ содержателей постоялыхъ дворовъ въ Ярославлѣ. Для нижнихъ чиновъ выставлены были тоже свѣжія подводы.

Къ половинѣ 12-го часа по-полуночи площадь предъ святыми воротами Спасскаго монастыря, шоссейная дамба и Московская застава покрылись несмѣтнымъ множествомъ народа, ожидавшаго прибытія Черноморцевъ. Чрезвычайному многолюдству способствовала, кромѣ необычайности настоящаго

Digitized by Google

случая, и бывшая тогда въ городѣ годовая ярмарка. Около полудня прибылъ къ заставѣ и флотскій экипажъ, встрѣченъ здѣсь частнымъ приставомъ съ двумя конными жандармами, и потомъ, въ сопровожденіи ихъ, не выходя изъ повозокъ, слѣдовалъ до дамбы. Въ это время толпившійся на пути слѣдованія Черноморцевъ, народъ пришелъ въ восторгъ, привѣтствовалъ ихъ громкими кликами, кланялся, бросалъ вверхъ шапками, махалъ платками. Моряки отвѣчали улыбкой и поклонами. Изъ казармъ 3-го учебнаго Стрѣлковаго полка неранжированный баталіонъ выведенъ былъ къ дорогѣ и построился по взводно для привѣтствованія славныхъ воиновъ. Они въ свою очередь обласкали товарищески юное поколѣніе полка, имѣвшаго также честь отличиться въ бою съ общимъ для нихъ врагомъ въ минувшую кампанію.

У начала дамбы поѣздъ остановился, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины экипажа сошли съ саней и построились въ отдѣленія, музыка заиграла, и экипажъ, въ походной аммуниціи, съ разпущеннымъ знаменемъ, стройно двинулся впередъ по дамбѣ, между густыхъ куртинъ народа и въ виду безчисленныхъ зрителей, разположившихся во всю длину Которостной набережной.

Между тѣмъ при всѣхъ градскихъ церквахъ происходилъ торжественный колокольный звонъ; изъ каѳедральнаго собора и ближайшихъ къ нему церквей слѣдовалъ крестный ходъ съ чудотворными иконами и хоругвями къ Спасскому монастырю; въ крестовой церкви архіерейскаго дома собрались члены консисторіи, градскіе благочинные и отъ каждаго благочинія по шести священниковъ съ діаконами и клиромъ, для торжественнаго молебствія. Приближившись къ монастырю, крестный ходъ остановился у святыхъ воротъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, въ сопутствіи преосвященнаго архіепископа Нила, совершенъ крестный ходъ къ тому же мѣсту изъ архіерейской домовой церкви, съ св образами Богоматери и Ярославскихъ чудотворцевъ. По прибытіи туда архипастыря, святыя иконы и кресты обращены ликами къ площади, чрезъ которую должны были проходить Черноморцы, а духовенство обра

Digitized by Google

зовало полукругъ, въ центрѣ котораго сталъ преосвященный. Въ тоже время съ сѣверо-западной площади открылось церемоніальное шествіе ремесленныхъ цеховъ, по два человѣка въ рядъ, въ двѣнадцати отдѣленіяхъ, каждое съ своимъ значкомъ; впереди шелъ ремесленный голова съ жезломъ. Подойдя къ монастырскимъ воротамъ, цехи раздѣлились на двѣ половины и заняли мѣста позади духовенства; тутъ же находились городской голова съ прочими должностными лицами и почетнѣйшіе члены общества—въ мундирахъ. Площадь не могла вмѣстить всѣхъ любопытныхъ; всѣ окна зданій, къ ней обращенныя, были заняты зрителями, народъ тѣснился на церковныхъ оградахъ, на крышахъ домовъ и другихъ возвышеніяхъ.

Когда экипажъ пошелъ къ Которостному мосту, встрѣтили его, верхомъ, командиръ Ярославскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, полиціймейстеръ и адъютантъ штабъ-офицера корпуса жандармовъ, и сопровождали до мѣста встрѣчи духовенствомъ. Здѣсь Черноморцы остановились и построились въ колонну, ставъ на молитву. При глубокой, благоговѣйной тишинѣ, воцарившейся на площади, архіерейскій хоръ запѣлъ: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое».... потомъ: «Вознесыйся на крестъ волею».... наконецъ: «Предстательство христіанъ непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное».. Пѣніе сихъ возвышенныхъ пѣсней нашей святой церкви, всегда дѣйствующее глубоко на духъ Русскаго человѣка, въ настоящемъ случаѣ произвело на слушателей потрясающее дѣйствіе и преклонило всѣхъ, до кого доходили священные звуки, къ умиленной молитвѣ.— За симъ архипастырь произнесъ къ морякамъ рѣчь, исполненную задушевной теплоты и силы:

«Христоименитые защитники Севастополя!

Вѣрное Богу и Царю Россійское воинство всегда являло примѣры высокихъ доблестей, всегда увѣнчавалось славою и честію на поляхъ битвъ.

Но и для героевъ есть мѣра славы; не всякъ подвизающійся пріемлетъ вѣнецъ и не всѣ ревнующіе о славѣ вводятся

Digitized by Google

во храмъ безсмертныя славы. *Будн вѣренъ даже до смерти, и дамъ тн вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10), вотъ условіе почестей вышняго званія Божія (Фил. 3, 14). Гдѣ же искать сихъ вѣрныхъ даже до смерти, какъ не въ сонмѣ храбрыхъ защитниковъ Севастополя? Ибо не они ли понесли всю тягость лютаго обстоянія, представляя себе, яко добрые воины Христовы, съ неодолимымъ терпѣніемъ въ бѣдствіи и нуждахъ, въ тѣснотѣ и ранахъ, въ трудѣ и бдѣніяхъ (2 Кор. 6, 4)? Не они ли паче всѣхъ въ правѣ сказать о себѣ: *Богъ ны яви яко насмертники, зане позоръ быхомъ міру и Ангеломъ и человѣкомъ* (1 Кор. 4. 9); *умерщвляемы есмы весь день: вмѣнихомся якоже овцы заколенія. Но во всѣхъ сихъ преподѣбждаемъ за возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 36).

Истину словъ сихъ исторія давно начертала на скрижалахъ своихъ. Тѣмъ неизгладимѣе печатлѣются въ благодарной памяти сыновъ Россіи славныя имена Черноморскихъ защитниковъ Севастополя.

Престольный градъ уже явилъ вамъ силу священнаго сего чувства, и оно не престанетъ услаждать горечь скорби вашей о падшихъ вождяхъ и братьяхъ.

Примите же, доблестные витязи, и отъ нашего града привѣтственный глаголъ устъ и сердца. Съ радостію срѣтаемъ васъ, какъ героевъ моря и суши, какъ представителей на землѣ воинства небеснаго, споборствующаго Царю и царству православному, облеченнаго *въ виссонъ бѣлъ и чистъ* (Апок. 19, 14) Этотъ виссонъ и вы стяжали, *пришедши отъ скорби великія, исправши и убѣливши ризы своя въ крови* (Апок. 7, 14).

И такъ паки реку: съ веселіемъ срѣтаемъ мы васъ, и съ умиленіемъ пріемлемъ въ объятія любви и благодарности, благословляемъ путь шествія вашего, молимся и не престанемъ молиться, да будете выну благословенны: *Господь да сохранитъ васъ отъ всякаго зла, сохранитъ души ваши Господь, Господь сохранитъ вхожденіе ваше отнынѣ и довѣка.* (Пс. 120, 7—8)»

Въ слѣдъ за тѣмъ протодіаконъ сказалъ общую эктенію, а потомъ возгласилъ многолѣтіе Государю Императору, всему

Digitized by Google

Августѣйшему Дому и православному побѣдоносному воинству. При пѣніи многолѣтія чины подходили къ св. кресту и были окроплены св водою, а потомъ архипастырь, предшествуемый пѣвчими и почетнымъ духовенствомъ, обошелъ и ряды воинскіе, также съ крестомъ и св. водою. Въ заключеніе священнодѣйствія, преосвященный благословилъ каждаго изъ морскихъ офицеровъ финифтянымъ образомъ Ярославскихъ чудотворцевъ, а городской голова съ цехами поднесъ командующему экипажемъ хлѣбъ и соль.

Послѣ этого преосвященный съ монастырскими иконами возвратился въ домовую церковь, а соборныя и приходскія съ хоругвями, при всеградскомъ колокольномъ звонѣ, несены были къ каѳедральному собору. За крестнымъ ходомъ послѣдовалъ и экипажъ, въ прежнемъ порядкѣ, на Ильинскую площадь, въ сопутствіи военныхъ и полицейскихъ чиновъ, должностныхъ и почетныхъ лицъ городскаго общества, цеховъ и народа, бывшихъ при прежней встрѣчѣ экипажа. Въ это время особо-откомандированный полицейскій чиновникъ провелъ повозки морскихъ офицеровъ въ домъ коммерціи совѣтника Пастухова, прислуга котораго указала офицерскимъ людямъ приготовленныя для каждаго комнаты.

На Ильинской площади, среди безчисленнаго народа, экипажъ построился развернутымъ фронтомъ. Тотчасъ послѣ того прѣхалъ сюда верьхомъ военный губернаторъ города Ярославля и Ярославскій гражданскій губернаторъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ, Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ. Командующій экипажемъ капитанъ-лейтенантъ Никоновъ встрѣтилъ его превосходительство и представилъ рапортъ о состояніи экипажа. Принявъ рапортъ, генералъ обнялъ и поцѣловалъ капитана, потомъ подъѣхалъ къ фронту и воскликнулъ: «Здравствуйте, молодцы! Здравствуйте, удальцы! Здравствуйте, храбрецы!» Послѣ отвѣтнаго привѣтствія моряковъ, его въ послѣдующей рѣчи высказалъ онъ свое и всей Ярославской губерніи удивленіе къ подвигамъ Черноморцевъ, задушевныя мысли и чувства, кипѣвшія въ насъ о нихъ въ

Digitized by Google

продолженіе всей войны, и молитвы за нихъ св. церкви и народа. Въ заключеніе генералъ воскликнулъ: «вамъ честь и безсмертная слава.—*Ура!*»

При послѣднихъ словахъ народъ подхватилъ въ одинъ голосъ: *ура!* Тотъ же кликъ раздался и въ рядахъ экипажа, повторенный еще нѣсколько разъ народомъ. Въ слѣдъ затѣмъ экипажъ прошелъ мимо г. губернатора при звукахъ музыки, справа по отдѣленіямъ.

Много на нашей памяти происходило здѣсь торжественныхъ церемоній, сопровождавшихся сильными ощущеніями въ зрителяхъ; но всѣ онѣ, величественныя въ своемъ родѣ, въ особомъ значеніи, далеко уступаютъ тому, что видѣлъ и чувствовалъ на площади св. пророка Иліи житель Ярославля въ настоящія минуты, стоя лицомъ къ лицу съ 32-мъ флотскимъ экипажемъ, увѣнчаннымъ Синопскими лаврами, совершившимъ сверхъестественные подвиги при безпримѣрной оборонѣ Севастополя, живщимъ почти годъ въ царствѣ смерти, и сохраненнымъ въ живыхъ, волею Провидѣнія, ради молитвъ святой церкви, на радость Россіи, для будущей славы Русскаго флота. Для полнаго выраженія чувствованій подобнаго рода,—народныхъ, а не своеличныхъ, вѣковыхъ, а не ежедневныхъ, волновавшихъ до дна глубокое сердце Россіи только въ эпохи славнаго спасенія ея самобытности, при встрѣчѣ Куликовскихъ витязей, Полтавскихъ героевъ, сподвижниковъ Пожарскаго и Кутузова, и безсмертныхъ защитниковъ Севастополя,—слово недостаточно. Вотъ и нынѣ свою радость, свой восторгъ, свою благодарность при видѣ Черноморцевъ народъ выражалъ какъ-то безотчетно, дѣйствіями, движеніями, звуками, а не словами.

Послѣ вышеописаннаго церемоніала знамя отнесено было съ воинскими почестями въ квартиру командира. Потомъ всѣ нижніе чины экипажа раздѣлились на четыре части, и подведены были къ приготовленному на той же площади столу съ виномъ и булками, пожертвованными содержателемъ виннаго откупа, почетнымъ гражданиномъ Мамонтовымъ. Военный губернаторъ, первый взявъ чарку, провозгласилъ:

Digitized by Google

«За здоровье Государя Императора!» Моряки и народъ дружно подхватили: *ура!* музыка заиграла народную молитву: «Боже, Царя храни!» Генералъ, осушивъ первую чарку, налилъ другую и воскликнулъ: «За здоровье Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала!» Черноморцы вновь огласили площадь восторженнымъ кликомъ *ура*, при этомъ дорогомъ ихъ сердцу имени. Наконецъ военный губернаторъ съ живымъ удовольствіемъ почтилъ и экипажъ заздравнымъ тостомъ.

Затѣмъ всѣ нижніе чины выпили по чаркѣ водки и получили по булкѣ, а купцы братья Вахрамѣевы предложили каждому по фунту курительнаго табаку.

Послѣ этого угощенія оставалось размѣстить экипажъ по квартирамъ. Полиціймейстеръ приглаеилъ штабъ и оберъ-офицеровъ въ домъ коммерціи совѣтника Пастухова, для чего поданы имъ были особо приготовленныя лошади. Хозяинъ дома съ почтеніемъ встрѣтилъ дорогихъ гостей у подъѣзда и ввелъ въ общую залу, гдѣ ожидали уже ихъ накрытый столъ и полное удобство во всѣхъ отношеніяхъ. Вообще, во все время пребыванія офицеровъ въ Ярославлѣ, гостепріимный хозяинъ этого дома старался предупреждать малѣйшія ихъ желанія. Во всѣ четыре дня и по ночамъ у подъѣзда безотходно стояли лучшіе биржевые извощики, которые, по взаимному соглашенію между собою, предложили себя офицерамъ въ услуженіе безплатно.

Что касается до размѣщенія нижнихъ чиновъ, то заботы начальства въ этомъ отношеніи совершенно предупреждена гражданами: на площади купцы да купеческіе прикащики подлетѣли къ нимъ съ биржевыми извощиками, и расхватили весь экипажъ въ двѣ минуты; одинъ взялъ себѣ человѣкъ 30, другой 20, третій 10, смотря по состоянію, и усадили въ биржевыхъ саняхъ по-двое да по-трое, сами усѣвшись рядомъ съ ними, или ставъ на запяткахъ. Въ домахъ ожидало моряковъ родственное радушіе и полное довольство, лучшія комнаты, сытный и роскошный столъ, водка и чай, прислуга, мягкія постели и неограниченное приволье. Многіе,

Digitized by Google

многіе почли бы за особенное счастіе имѣть у себя хоть по одному такому гостю, но всѣ моряки были уже разобраны.

Къ пяти часамъ по-полудни морскіе штабъ и оберъ-офицеры приглашены были на обѣдъ, за которымъ находились также высшіе чиновники, всѣ находящіеся въ городѣ раненые штабъ и оберъ-офицеры другихъ войскъ и иныя почетнѣйшія лица. Обѣдъ былъ оживленъ радушіемъ хозяина и общею веселостію, къ которой настроило присутствіе собесѣдниковъ—Черноморцевъ. Къ концу обѣда военный губернаторъ, высоко поднявъ искрометный бокалъ, торжественно возгласилъ: «За здоровье Государя Императора!» *Ура* торжественно раздалось въ залѣ. Другой тостъ провозглашенъ былъ въ честь Государынь Императрицъ и всей Императорской фамиліи,—третій за здоровье Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала. Всѣ эти тосты сопровождались громкимъ и продолжительнымъ *ура*. Тутъ генералъ, обратясь къ морскимъ офицерамъ, произнесъ:

«Съ восторженнымъ чувствомъ благоговѣнія, невыразимой признательности и великаго уваженія обращаюсь къ вамъ, Русскіе герои!

Да вознесется здравный кубокъ отъ лица вѣрныхъ Царю всѣхъ сословій Ярославской губерніи въ честь незабвенныхъ и изумившихъ всю вселенную защитниковъ Русской земли, украсившихъ себя вѣнцомъ безсмертной славы въ неслыханно-блестящихъ подвигахъ за Вѣру, честь Престола Царскаго и любезнаго отечества нашего!

Да здравствуютъ храбрые воины, достойные милостей Великаго нашего Государя и вѣчной благодарности Россіи!—*Ура!*»

Моряки приняли этотъ тостъ съ скромнымъ чувствомъ благодарности, а прочіе гости съ восторгомъ и громкимъ *ура*.

16-го числа, въ залѣ Сиротскаго Дома, служащей, такъ сказать, храмомъ для всѣхъ достопримѣчательныхъ событій въ скромной жизни губернскаго города, морскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ угощалъ обѣдомъ дворянство. Здѣсь присут-

Digitized by Google

ствовали также находящіеся въ городѣ раненые въ послѣднюю войну штабъ-и оберъ-офицеры. Они, какъ представители славнаго Русскаго воинства, съ самоотверженіемъ бившагося противу четырехъ соединенныхъ народовъ, были однимъ изъ лучшихъ украшеній этого обѣда.

По средствамъ, какими можетъ располагать губернскій городъ, обѣдъ былъ самый роскошный; но истинною приправою его было радушіе угощавшихъ. Въ немъ яснѣе всего высказался Русскій человѣкъ, съ задушевнымъ своимъ добросердечіемъ. Не съ бо́льшей бы теплотою чувствъ тѣшилъ и нѣжилъ отецъ своего единственнаго сына, избавившагося отъ такихъ опасностей, какія ежеминутно, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, угрожали героямъ Севастополя, отстаивавшимъ съ самоотверженіемъ колыбель свою.... Передъ началомъ заздравныхъ тостовъ, г. Николаевскій произнесъ стихи Ю. Н. Жадовской, сочиненные на настоящій случай:

«Вамъ глубокій отъ насъ и поклонъ, и почетъ,
Наша Русская хлѣбъ-соль съ привѣтомъ.
Вы народа краса, Руси крѣпкій оплотъ,
Ваша слава гремитъ передъ свѣтомъ.

И встрѣчаемъ мы здѣсь васъ гостей дорогихъ,
И гордимся присутствіемъ вашимъ, —
И чего не доскажетъ смиренный мой стихъ,
Полнымъ сердцемъ доскажется нашимъ.

Мы молились за васъ, были съ вами душой,
Какъ вы твердо предъ смертью стояли,
И не день, и не часъ, — цѣлый годъ роковой
Вы въ лицо ей безстрашно взирали....

Отдаленныхъ потомковъ сыны затвердятъ
Имена ваши, славныя вѣчно;
Отъ конца до конца вашихъ подвиговъ рядъ
Пронесется молвой безконечной.

Здѣсь же, каждый изъ насъ, и теперь, и позднѣй,
Съ восхищеньемъ и гордостью скажетъ:
«Я ихъ видѣлъ, героевъ, желанныхъ гостей!»
И гдѣ видѣлъ, то мѣсто покажетъ.»

Digitized by Google

Потомъ одинъ изъ угощавшихъ, г. Секованов, передъ каждымъ изъ послѣдующихъ тостовъ читалъ свои стихи:

«Что за пиръ, за ликованье?
Кто твой бытъ разшевелилъ,
Ярославово созданье, —
Русскій городъ-старожилъ?
Что такъ вмѣстѣ все столпилось, —
Жены, дѣти, старъ и младъ, —
И весельемъ огласилось
Отъ лачуги до палатъ?
Обновляются преданья
Здѣсь завѣтной старины....
Послѣ вражьяго изгнанья
Шли здѣсь Минина сыны,
А теперь пришли другіе,
Севастополя бойцы,
Разудалые лихіе,
Черноморцы-молодцы.

Русь, голубка, чародѣйка,
Царь, — завѣтныя слова!
О, для васъ имъ жизнь копейка,
Пустяки все, трынъ-трава!
И давно ли мы молились,
Чтобъ спасла ихъ благодать,
Какъ они, съ восторгомъ, бились,
Щеголяли умирать!
Тѣже мы, что встарь, и нынѣ,
Таже льется въ жилахъ кровь,
Таже чистая къ святынѣ,
Къ родинѣ, къ Царю любовь....
Всѣ вы намъ родные братья, —
Васъ зовемъ къ себѣ на грудь,
Въ распростертыя объятья,
Отъ тревогъ поотдохнуть.
Лейте жъ въ чашу круговую
Искрометнаго вина;
За Царя семью драгую,
Осушимъ ее до дна!»

Digitized by Google

При этомъ губернскій предводитель дворянства провозгласилъ: «За здоровье Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи.»

Чтобы понять и оцѣнить любовь и преданность каждаго Русскаго къ Царственному Дому, надобно быть участникомъ подобныхъ торжественныхъ случаевъ. Восторгъ, выразившійся при возглашеніи здоровья Государя Императора въ непрерывныхъ возгласахъ *ура*, смѣнился на нѣсколько минутъ благоговѣйнымъ чувствомъ при звукахъ музыки, исполнившей народный гимнъ «Боже, Царя храни», чтобы въ слѣдъ за тѣмъ съ вящшею силою огласить многознаменательнымъ *ура* залу.

«Въ честь брата Царскаго бокалъ!
Красой онъ былъ измлада,
Вполнѣ достойный Адмиралъ
Россійскія армады.
И наше къ Вышнему моленье, —
Да дастъ ему возможныхъ благъ,
И да на славу, удивленье,
Вновь разцвѣтетъ Россіи флагъ!»

«За здоровье Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала Константина Николаевича!» — продолжалъ губернскій предводитель. Этотъ тостъ принятъ былъ съ равнымъ предыдущему восторгомъ.

«Вамъ, виновники пирушки,
Вамъ привѣтъ и вамъ почетъ!
Опорожнимъ полны кружки
Въ честь бойцовъ Эвксинскихъ водъ.

Память вѣчная — почившимъ
Защищая край родной!
Долгодействіе — почтившимъ
Нашъ радушный кругъ собой.

Затѣмъ губернскій предводитель, обратясь къ Севастопольцамъ, сказалъ:

Привѣтствую васъ отъ лица Ярославскаго дворянства, храбрые защитники Севастополя! Россія вами гордится за вашу доблесть. Примите-жъ и нашу благодарность, какъ изъ

Digitized by Google

сердца Россіи; вы истинные сыны ея. Да будетъ миръ павшимъ героямъ, положившимъ животъ свой за Вѣру, Царя и отечество; вамъ же слава и благоденствіе! За здоровье славныхъ защитниковъ Севастополя.

Едва только умолкъ восторгъ, вызванный этимъ тостомъ, какъ съ новою силою отгрянулъ по провозглашеніи въ слѣдъ за тѣмъ: «За здоровье всего Русскаго флота!»

«За здоровье купно съ вами
Здѣсь пирующихъ гостей,
Состязавшихся съ врагами
За здоровье ихъ дружнѣй!

За честь родимыя Земли —
Себя вы въ жертву принесли, —
Дѣянья ваши не умрутъ....

Съ тѣмъ же одушевленіемъ приняты были предложенные послѣ того тосты: за здоровье сподвижниковъ славнымъ защитникамъ Севастополя, и, особо, за здоровье Русскаго воинства.

«Да цвѣтетъ же Русь святая!
Дай Богъ больше ей добра!...
И воскликнемъ, допивая,
Вмѣстѣ съ ней Царю: *ура*!»

За этимъ слѣдовалъ тостъ благоденствію Россіи. Въ заключеніе питы были тосты за здоровье начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, дамъ, присутствовавшихъ на хорахъ, и подвизавшихся въ Крыму сестеръ милосердія.

Потомъ встали изъ-за стола, и всѣ присутствующіе, слившись въ общій родственносемейный кругъ, обступили явившихся тутъ пѣсельниковъ гарнизоннаго баталіона, которые тѣшили общество до вечера. Говоръ каждаго, для кого было славно прошедшее, смѣхъ, и между ними возобновлявшіеся безпрестанно возгласы, оглашали стѣны, гдѣ совершился пиръ, о которомъ долго, долго сохранится самое пріятное воспоминаніе въ участвовавшихъ.

Digitized by Google

Вечеромъ того же дня артистами здѣшняго театра даны были въ пользу нижнихъ чиновъ 32-го флотскаго экипажа живыя картины и концертъ, послѣ котораго хоръ артистовъ исполнилъ народный гимнъ: «Боже царя храни!» Въ спектаклѣ этомъ присутствовали гг. офицеры экипажа, для которыхъ оставленъ былъ первый рядъ креселъ. Театръ былъ полонъ. Изъ вырученной за спектакль суммы, пришлось на каждаго изъ нижнихъ чиновъ экипажа по 50 к. сереб., которыя и розданы имъ по рукамъ.

17-е число досталось преимущественно на долю купечества для публичнаго выраженія своихъ чувствъ экипажу. Въ полдень нижнимъ чинамъ данъ былъ богатый обѣдъ въ манежѣ 3-го учебнаго Стрѣлковаго полка содержателемъ виннаго откупа, почетнымъ гражданиномъ Мамонтовымъ. Здѣсь присутствовали также морскіе офицеры и мѣстные высшіе чиновники военнаго и гражданскаго вѣдомства Для нихъ на срединѣ манежа приготовлена была холодная закуска, во время которой играла музыка гарнизоннаго баталіона, при соучастіи хора пѣвчихъ 3-го учебнаго Стрѣлковаго полка. Радушный хозяинъ употребилъ съ своей стороны все возможное, чтобы оживить это пиршество и угостить дорогихъ гостей достойнымъ образомъ: прислугу набрали изъ лучшихъ трактирныхъ служителей, щеголевато одѣтыхъ въ красныя рубашки; сервизъ и кушанья на столѣ нижнихъ чиновъ сдѣлали бы честь и барскому столу; вина, пива и меду стояло море разливное. Сначала пиршество шло скромно и степенно. Но съ учащенными тостами за здравіе Государя Императора, Царственнаго Дома, Августѣйшаго Генералъ-Адмирала, Россійскаго побѣдоноснаго воинства и флота, одинъ за другимъ возглашенными, оно постепенно оживлялось, говоръ гостей становился слышнѣе, чаши съ виномъ заходили по столу бойче, *ура* гремѣло все громче и громче. Наконецъ, начальникъ губерніи, обратясь къ нижнимъ чинамъ, сказалъ: «Не оставляйте вина, осушимъ всю глубину товарищеской ча ши въ знакъ взаимной любви, въ честь Царя, въ честь нашей матушки — Россіи. Здоровье моряковъ, *ура*!» И пиръ пошелъ на весь міръ, стѣ-

Digitized by Google

снительныя узы внѣшнихъ отношеній распались, разнообразное общество представило одну семью, и Русскій человѣкъ явился на — роспашку; музыка, пѣсни, пляска, взаимныя объятія — все пришло въ движенье, въ выраженіе общаго веселья....

Послѣ обѣда и продолжительнаго ликованья, радушіе общества къ морякамъ выразилось въ новомъ видѣ: почетный гражданинъ И. С. Соболевъ роздалъ нижнимъ чинамъ по 50 к. сер. на каждаго, помѣщикъ Трушинскій пожертвовалъ 10,000 сигаръ, а г. Колонтай нѣсколько пудовъ куительнаго табаку и каждому по трубкѣ съ чубукомъ, на которомъ изображенъ морской якорь и сдѣлана надпись: «*32-му флотскому экипажу. Ярославль. 17 марта 1856 года.*»

Къ вечеру былъ обѣдъ въ честь морскихъ офицеровъ въ домѣ городскаго головы, отъ всего купечества, въ кругу высшихъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ, гдѣ, какъ и на всѣхъ прочихъ пирахъ, лилось вино и гремѣло *ура* въ честь Государя Императора съ Его Семействомъ, въ честь Русской арміи и флота, и въ честь виновниковъ пиршества.

---

18 марта, всѣ офицеры и нижніе чины экипажа собрались въ крестовой церкви архіерейскаго дома слушать божественную литургію и приложиться къ мощамъ св. Благовѣрныхъ Князей, Ярославскихъ чудотворцевъ. То было ихъ искреннее желаніе. Преосвященный архіепископъ Нилъ, не знавшій о благочестивомъ намѣреніи Черноморцевъ, когда вошелъ въ церковь, былъ глубоко тронутъ внезапнымъ зрѣлищемъ. Слухъ о присутствіи ихъ въ церкви, привлекъ въ монастырь необыкновенное стеченіе народа, и богослуженіе совершалось съ особеннымъ величіемъ. Передъ заамвонной молитвой архипастырь вышелъ съ напрестольнымъ крестомъ на мѣсто архіерейскаго облаченія, и, подозвавъ моряковъ къ себѣ, произнесъ къ нимъ импровизованное слово хвалы и назиданія, пользуясь праздничною того дня темою о Крестѣ. Слово это умилило Черноморскихъ воиновъ, и они расплакались. Послѣ обѣдни преосвященный благословилъ ихъ архипастырскимъ благословеніемъ.

Digitized by Google

Потомъ морскіе офицеры отправились, по приглашенію, на обѣдъ къ губернскому предводителю дворянства, на его дачу, въ 13 верстахъ отъ Ярославля, куда приглашены были начальникъ губерніи, раненые гг. штабъ и оберъ-офицеры и нѣкоторыя изъ почетнѣйшихъ лицъ города.

Пиршествомъ П. А. Бема закончился рядъ общественныхъ праздниковъ въ честь 32-го экипажа. Но этими праздниками и собраніями обозначилась только торжественная сторона радушія и уваженія Ярославцевъ къ Черноморцамъ, какъ существенная принадлежность цивилизаціи, между тѣмъ въ тоже самое время, въ частномъ быту, въ отдѣльныхъ семействахъ и даже у людей низшаго сословія, чувства эти во всѣ четыре дня выражались съ не меньшею силою и искренностію, только въ простыхъ, безъискуственныхъ дѣйствіяхъ. Офицеры, какъ скоро оказывался у нихъ часъ свободнаго времени, ѣхали на утренній чай или закуску, или на вечеръ къ какому-нибудь сановнику или купцу, увлекаемые непреодолимою силою просьбъ и убѣжденій. Идутъ ли нижніе чины по улицѣ, — одинъ встрѣчный безъ этикета останавливаетъ моряка, и цѣлуетъ серебряную медаль у него на груди, другой сажаетъ одного или двоихъ на извощика и катаетъ по городу, третій по-просту зоветъ матроса въ трактиръ откушать чаю или выпить водки; цѣлковые и гривенники посылались въ руку моряка изъ кармана встрѣчныхъ на каждомъ шагу. А въ домахъ, кромѣ угощенія столомъ, питьями и лакомствами въ семейномъ кругу, гостямъ дорогимъ приготовили нѣкоторые домохозяева бѣлья и наградили всѣхъ деньгами на дорогу, отъ 25 к. до 3 руб. сер. на человѣка. Но объ этомъ никто и не подумалъ разсказывать, не только хвастаться своимъ доброхотствомъ. Содержатель общественной бани предложилъ нижнимъ чинамъ экипажа мыться въ ней безплатно каждый день отъ 2 до 9 часовъ пополудни; но изъ нихъ едва ли былъ кто въ ней, потому что каждый домохозяинъ, у кого квартировали моряки, поставилъ для себя за первую обязанность вымыть гостя у себя.

Въ день выступленія въ походъ весь экипажъ вновь со-

Digitized by Google

брался на площадь. Здѣсь нижніе чины получили отъ купца Дунаева по полуфунту куритѣльнаго табаку, сѣли въ сани, и, сопровождаемые благословеніями сроднившихся съ ними жителей Ярославля, отправились въ дальній путь. Полиціймейстеръ и бывшіе при первой встрѣчѣ чиновники, сопровождали экипажъ до Вологодской заставы.

22-го марта въ 11 часовъ по-полуночи городъ Даниловъ былъ осчастливленъ вступленіемъ въ него 32-го флотскаго экипажа. Съ ранняго утра граждане толпились, отъ мала до велика, у городской Ярославской заставы, горя нетерпѣніемъ встрѣтить желанныхъ и дорогихъ гостей. Наконецъ колокольный звонъ возвѣстилъ, что первые ряды героевъ показываются изъ-за лѣса, въ двухъ верстахъ отъ упомянутой заставы, а гг. офицеры подъѣхали къ городу на пяти тройкахъ, посланныхъ отъ Даниловскаго дворянства на станцію Пасынково. Сани въ тройкахъ были покрыты коврами, а лошади, сбруя и ямщики убраны лентами и бахрамой. Изъ собора для встрѣчи моряковъ вышло съ хоругвями и иконами все духовенство и остановилось въ ожиданіи ихъ не далеко отъ городской площади, а дворяне, пріѣхавшіе нарочно для этого случая изъ своихъ помѣстьевъ, уѣздные чиновники, Даниловское купечество и всѣ граждане отправились къ заставѣ. Моряки построились, и, съ распущеннымъ знаменемъ, при звукахъ музыки, вступили въ городъ. Тутъ командующему экипажемъ городской голова Коматовскій, съ членами Думы и Магистрата, поднесъ хлѣбъ-соль, потомъ крестный ходъ началъ шествіе впереди моряковъ къ площади, и наконецъ остановился за приготовленнымъ тамъ столомъ, на которомъ поставлена была чаша съ св. водою. Моряки окружили мѣсто священнодѣйствія. Начался молебенъ. Въ заключеніе пропѣли многолѣтіе Государю Императору съ Августѣйшимъ Домомъ, знамя и моряки окроплены святою водою, и протоіерей привѣтствовалъ защитниковъ отечества словомъ благодарности и благословенія. По отшествіи священной процессіи съ площади, оркестръ музыки экипажа исполнилъ народный гимнъ: *Боже, Царя храни.*

Digitized by Google

Нижніе чины выпили потомъ по чаркѣ вина, поднесеннаго содержателемъ Даниловскаго питейнаго откупа, почетнымъ гражданиномъ Самсоновымъ, и закусили калачомъ, которымъ попросилъ ихъ городской голова Коматовскій. Тутъ граждане сотнями подбѣжали къ городничему съ просьбой о назначеніи къ каждому побольше нижнихъ чиновъ экипажа на постой, и онъ отсчиталъ каждому просителю отъ 10 до 25-ти человѣкъ, смотря по удобствамъ домовъ и избѣгая тѣсныя помѣщенія. Но по неизбѣжной необходимости онъ оставилъ многихъ недовольными, которымъ, по случаю такого неудобства въ ихъ домахъ, не досталось счастія принять къ себѣ дорогихъ гостей. Объѣзжая черезъ часъ всѣ квартиры, отведенныя морякамъ, городничій лично убѣдился въ истинномъ радушіи къ нимъ жителей города: гостепріимство было по возможности полное, вина и пива у каждаго домохозяина было поставлено для гостей столько, сколько душѣ ихъ угодно, обѣды и ужины состояли вездѣ изъ щей съ рыбою, пироговъ съ рыбою, холодной рыбы, жареной рыбы и каши пшенной или гречневой; кромѣ того предлагался по три раза въ день, чай или, вѣрнѣе сказать, сколько разъ желали его постояльцы. Словомъ, вездѣ безъ исключенія сочувствіе и восторгъ жителей Данилова къ экипажу выражались изумительно. Между тѣмъ, какъ нижнихъ чиновъ экипажа угощали и лелѣяли въ обывательскихъ домахъ, морскіе штабъ и оберъ-офицеры приглашены были въ тотъ же день на обѣдъ въ домъ дворянства, и здѣсь возливались тосты за здравіе и многолѣтіе Государя Императора, Государынь Императрицъ, всего Августѣйшаго Дома, Генералъ-Адмирала, Черноморскаго флота и славныхъ гостей, семействъ раненныхъ, и сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ воиновъ.

Въ слѣдующій день содержатель виннаго откупа вторично угощалъ матросовъ на городской площади чаркою вина и сайкою, а гг. офицеры съѣхались на обѣдъ къ городскому головѣ. На третій день экипажъ выступилъ благополучно по назначенному ему маршруту.

Digitized by Google

24 марта граждане Любима узнали о слѣдованіи 32-го флотскаго экипажа къ Архангельску, черезъ село Пречистое, и, въ чувствахъ глубокаго уваженія къ подвигамъ храбрыхъ воиновъ, совершеннымъ при защитѣ Севастополя, сожалѣя, что эти храбрые воины не могутъ быть въ Любимѣ, съ душевнымъ радушіемъ изъявили желаніе отправить въ село Пречистое депутацію для выраженія своей благодарности экипажу. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было посланнымъ представить командующему экипажемъ 115 руб. сер. съ просьбою, отъ имени Любимскихъ купцовъ, роздать эти деньги нижнимъ чинамъ по-ровну. Такое-же радушіе къ морякамъ выражено и отъ всѣхъ сословій Любимскаго уѣзда. Дворянство, узнавъ о проходѣ экипажа уѣздомъ, изъявило готовность выставить безвозмездно до 300 обывательскихъ подводъ для препровожденія его до Грязовецкаго уѣзда, и, сверхъ того, вмѣстѣ съ чиновниками, пожертвовало деньгами на улучшеніе пищи нижнихъ чиновъ и на угощеніе офицеровъ. На границѣ Любимскаго и Даниловскаго уѣздовъ, экипажъ встрѣченъ 25 марта земскимъ исправникомъ, и отсюда на обывательскихъ подводахъ слѣдовалъ до села Пречистаго. Здѣсь, при многочисленномъ стеченіи народа, встрѣтили его уѣздный судья и мѣстное духовенство съ хоругвями и крестами. Послѣ молебна вотчинные начальники села поднесли командующему экипажемъ хлѣбъ и соль, а государственный крестьянинъ деревни Ферезева, Иванъ Чагиновъ привѣтственные стихи своего сочиненія. Другіе стихи въ честь экипажа поднесъ Любимскій священникъ Петръ Бѣляевъ. За тѣмъ нижніе чины угощаемы были отъ содержателя виннаго откупа виномъ и обѣдомъ, а офицеры приглашены, по просьбѣ дворянства, уѣзднымъ судьею на обѣдъ въ его имѣніе, сельцо Малачугово, за полторы версты отъ села Пречистаго; здѣсь ихъ принялъ и привѣтствовалъ уѣздный предводитель дворянства съ избранными дворянами и чиновниками. За обѣдомъ провозглашены были тосты за здоровье Государя Императора и Его Августѣйшей Фамиліи, Генералъ-Адмирала и штабъ и оберъ-офицеровъ 32-го флотскаго экипажа, сопровождаемые громкимъ крикомъ *ура*.

Digitized by Google

На другой день офицеры имѣли обѣдъ собственно отъ лица уѣзднаго судьи Зографъ. Нижніе же чины во все пребываніе свое въ Любимскомъ уѣздѣ получали отъ откупщика Пегова и управляющаго откупомъ купца Герасимова винную порцію и по одному калачу на человѣка; кромѣ того, на пожертвованныя дворянствомъ деньги, имъ даны два обѣда, два ужина и одинъ завтракъ, состоящіе изъ бѣлыхъ рыбныхъ щей, капусты съ рыбой, крупичатыхъ пироговъ съ рыбой и съ гречневой крупой, и просовой каши съ лучшимъ постнымъ масломъ. Былъ имъ и чай отъ дворянства. 27 марта, послѣ завтрака, экипажъ выступилъ изъ села Пречистаго въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи исправника и непременнаго засѣдателя до границы Вологодской губерніи.

Такъ Россія принимаетъ и чтитъ достославныхъ защитниковъ Севастополя!...

Съ границъ Вологодской губерніи начальникъ Ярославской губерніи получилъ отъ командующаго 32-мъ флотскимъ экипажемъ, капитанъ-лейтенанта Никонова, письмо и рапортъ, въ коихъ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

....«27-го числа сего мѣсяца съ ввѣреннымъ мнѣ экипажемъ выступилъ я изъ предѣловъ Ярославской губерніи. Донося о семъ, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, что при проходѣ по Ярославской губерніи люди ввѣреннаго мнѣ экипажа встрѣчаемы были жителями съ истиннымъ радушіемъ и тѣми патріотическими чувствами, которыми постоянно отличаются вѣрные сыны Престола и отечества. Духовенство выходило на встрѣчу экипажа съ иконами и крестами, земскіе чиновники старались предупреждать и исполнять всѣ требованія, необходимыя для успокоенія людей; купечество и жители городовъ и селеній раздѣляли безвозмездно хлѣбъ и соль. Однимъ словомъ, проходъ ввѣреннаго мнѣ экипажа по Ярославской губерніи былъ нескончаемымъ праздникомъ для гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ 32-го флотскаго экипажа. Донося о семъ, считаю святымъ долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство отблагодарить дворянство, купечество и всѣхъ радушныхъ жителей Ярославской губерніи, отъ лица гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ экипажа».

Digitized by Google

ВОЛОГДА.

День радостной встрѣчи у насъ Черноморцевъ былъ 31 марта. Съ утра этого дня, жители обоего пола и всѣхъ возрастовъ спѣшили къ Московской городской заставѣ, и многіе, въ нетерпѣливомъ ожиданіи видѣть дорогихъ гостей, далеко удалились за городъ. Въ часъ по полудни прибыли ожидаемые гости. Трогательна была ихъ встрѣча; толпы народа, почтительно раздвигаясь предъ доблестными воинами, привѣтствовали дружнымъ ура! многіе, въ сердечномъ упоеніи, кидали шапки на воздухъ, иные махали платками. У заставы города, Градскій голова съ членами городскаго общества, по Русскому обычаю, поднесъ хлѣбъ-соль. Съ музыкою и пѣснями, при неумолкаемомъ ура! экипажъ двинулся къ Спасовсеградской церкви. Здѣсь, на обширной площади, ожидали ихъ г. начальникъ губерніи, дворянство, чины военные и гражданскіе, и представители городскихъ цѣховъ съ своими значками. Здѣсь же, Преосвященный Θеогностъ, Епископъ Вологодскій и Устюжскій, вышелъ изъ Спасской церкви, въ предшествіи хоругвей, святыхъ иконъ и духовенства, совершилъ благодарственное Господу Богу молебствіе за благополучное прибытіе экипажа въ Вологду. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору, августѣйшей Его фамиліи и Христолюбивому Русскому воинству, Преосвященный привѣтствовалъ начальника экипажа и окропилъ воиновъ св. водою По окончаніи молебствія, начальникъ губерніи поздравилъ воиновъ съ благополучнымъ прибытіемъ, объявилъ имъ, что для него двойная радость поздравить ихъ, по прежнему служенію его лейтенантомъ въ 32-мъ экипажѣ. Отвѣтомъ на это привѣтствіе было троекратное ура! По предложенію управляющаго откупомъ купца Пегова, нижніе чины угощались водкою и булками, а гг. офицеры и многіе чины гражданскаго управленія приглашены были на обѣдъ къ начальнику губерніи. Во время обѣда, послѣ тоста за обожаемаго Монарха, г. губернскій прокуроръ, предъ тостомъ за здоровье моряковъ, живою

Digitized by Google

рѣчью высказалъ сильныя чувства, одушевляющія всѣхъ Русскихъ, о славѣ Россіи и участіи въ ней нашего флота въ прошедшемъ, настоящемъ и свѣтлыхъ надеждахъ въ будущемъ.

Вспомнимъ, сказалъ онъ въ заключеніе, что Севастопольская бухта открыта Генераломъ Мекензи въ 1783 году, а въ 1787 красовался уже Севастополь, и на рейдѣ былъ флотъ изъ 15 кораблей, которые три, четыре года спустя, разбили громадный турецкій флотъ! Что было, то и будетъ! Ура Русскому флоту съ его юнымъ Генералъ-Адмираломъ!!!

Ура! ура! ура!

Прибавимъ къ этому, что усердные Вологжане съ полною охотою вызвались принять гостей въ свои дома и продовольствовать ихъ на свой счетъ пищею, во все время пребыванія ихъ въ Вологдѣ.

Всѣ чувства и заботы жителей Вологды устремлены въ настоящее время къ тому, чтобы выразить искреннюю, глубокую признательность храбрымъ защитникамъ чести Русской — нашимъ дорогимъ гостямъ — славнымъ морякамъ Черноморцамъ. И это одушевляющее чувство, живое, жгучее, это истинно Русское чувство не въ силахъ часто бываетъ передать, во всей полнотѣ и силѣ, даже опытное перо писателя....

Среди празднествъ и разнаго рода собраній, среди всякихъ развлеченій, коими начальникъ губерніи, дворянство и купечество стараются угождать дорогимъ гостямъ, задумана и исполнена мысль, въ честь квартирующихъ нижнихъ чиновъ Черноморцевъ, дать благородный спектакль.

Осуществленіе этой мысли исполнилось въ среду, 25 апрѣля. Благотворительная цѣль спектакля и дарованія благородныхъ артистовъ, свидѣтельствовали, что минуты, проведанныя въ театрѣ, будутъ пріятнѣйшими минутами. И дѣйствительно. Къ назначенному времени театръ былъ полонъ, и едва ли когда было здѣсь такъ весело, отрадно и привольно душѣ, какъ въ этотъ вечеръ; куда ни взглянешь, видишь веселыя лица, слышишь беззаботную рѣчь....

Digitized by Google

Спектакль открылся *Живыми картинами*, изображавшими *Три поры изъ жизни матроса*. Художественное исполненіе этихъ картинъ было принято шумными восклицаніями, и, по единодушному требованію зрителей, каждая изъ картинъ повторилась по нѣскольку разъ. — Потомъ слѣдовала піеса *Дѣдушка и внучекъ*, драма-водевиль, передѣланная съ французскаго П. А. Коровкинымъ. Не смотря на то, что эта піеса была уже дана тѣми же благородными артистами въ благотворительный спектакль — 24 февраля, мы просмотрѣли ее съ новымъ наслажденіемъ. Главный интересъ въ этой піесѣ сосредоточивается въ роли 80-лѣтняго дѣдушки Филиппа Степановича Гринева, которую такъ увлекательно исполнилъ П. А. З.... Его воспроизводительная, художественная натура облекла роль этого добродушнаго старичка въ такую правдивую, а потому и прелестную, по своей правдивости, форму, что невольно зритель, забывая настоящее, переносится мыслію въ то давноминувшее время, когда точь-въ точь такъ жили и дѣйствовали наши дѣдушки. — Роли: внучки, 17-лѣтней Маши и внучка, 8-лѣтняго Пети, были такъ мило и граціозно переданы г-жами: К. Ф. С. и Н. Н. Л., что лучшаго исполненія этихъ ролей и быть не могло. Прочіе персонажи въ этой піесѣ Д. И. С. и Ю. М. З., въ особенности П. И. О., исполнили свои роли съ знаніемъ и рѣдкимъ умѣньемъ, исключая, какъ намъ казалось, роли Хамова, которая была нѣсколько утрирована. — Второю и послѣднею піесою былъ водевиль подъ названіемъ *Разбитая чашка*. — Благодаря прекрасной игрѣ гг. П. А. З., Е П. З—ой и А. М. С—ой, этотъ водевиль сошелъ тоже какъ нельзя лучше, и вызвалъ громкіе апплодисменты, въ особенности когда одно изъ участвующихъ лицъ, Е. П. З., съ чувствомъ прочла, въ заключеніе, слѣдующіе стихи Ю. А. Волкова.

Не представители искусства,
Для васъ актеры въ этотъ часъ, —
Насъ согрѣвающее чувство,
Извѣстно каждому изъ васъ:
У насъ есть гости дорогіе,

Digitized by Google

Есть изъ далека пришлецы,
Намъ братья милые, родные,
Севастопольцы молодцы!
Не въ сильномъ словѣ, громкой рѣчи,
Не въ громѣ пушекъ мы могли
Пересказать вамъ радость встрѣчи
Все, что въ сердцахъ своихъ нашли.
Мы что имѣли предложили,
Нашъ бѣденъ мирный уголокъ,
А потому васъ попросили,
Сюда забыться на часокъ.
Ужъ какъ съумѣли, не взыщите,
Желанья много, мало средствъ;
А въ заключеніе примите,
Отъ всѣхъ насъ искренній привѣтъ.

Вообще этотъ спектакль доставилъ всѣмъ истинное удовольствіе и новое доказательство живаго участія нашей публики въ патріотическомъ усердіи. **П. Сорокинъ.**

Изъ Вологды въ Архангельскъ, В. А. Кокоревъ предложилъ перевезти матросовъ на свой счетъ водою, вмѣсто длиннаго путешествія по сѣвернымъ пустынямъ, трудно-проходимымъ въ весеннее время.

Его Императорскому Высочеству Генералъ-Адмиралу угодно было принять съ благоволеніемъ это предложеніе.

...За день до отплытія 32-го экипажа изъ Вологды, Пѣговъ далъ балъ для гг. офицеровъ, на которомъ и я былъ по приглашенію; на этомъ балѣ былъ начальникъ губерніи съ семействомъ и вся вологодская аристократія.—За ужиномъ, между прочими, былъ предложенъ отъ хозяина тостъ за здоровье В. А., принятый съ одушевленіемъ, за что я благодарилъ хозяина.

Наканунѣ отъѣзда былъ завтракъ у предсѣдателя Казенной Палаты, а вечеромъ балъ у губернатора; на то

Digitized by Google

и другое я былъ приглашенъ. На завтракѣ прокуроръ сказалъ рѣчь на ту тему, что моряки плывутъ теперь по слѣдамъ Великаго Петра, путешествіе котораго было эрою образованія русскаго военнаго флота, и очень можетъ быть, что теперешнее ихъ плаваніе, состоявшееся по усердію и радушію русскаго купца-патріота, есть предзнаменованіе усиленія *Русскаго купеческаго флота*. За симъ начальникъ губерніи предложилъ тостъ за здоровье нашего достойнѣйшаго патріота В. А. Кокорева, — это были его слова, подтвержденныя общими чувствами, ибо и тостъ принятъ былъ съ живымъ одушевленіемъ, и громкое общее ура долго не умолкало. Я въ немногихъ словахъ поблагодарилъ его превосходительство за этотъ лестный тостъ.

Письмо А. Н. Бойчинко къ И. Ѳ. Мамонтову.

26 апрѣля, въ день ангела Василья Александровича, собрались ко мнѣ, къ обѣду, всѣ гг. офицеры 32-го экипажа, для чего они отказались отъ другихъ приглашеній. Я старался, чтобы обѣдъ былъ отличный, и не пожалѣлъ ничего сообразно мѣстныхъ средствъ. – Не стану описывать мелочей, скажу главное— первый тостъ предложилъ командующій экипажемъ Петръ Ивановичъ Никоновъ: Мм. гг. тостъ за здоровье В. А. Кокорева, далеко отсутствующаго; но близкаго намъ по душѣ и чувствамъ— за симъ слѣдовали восторженные клики и громъ военной музыки экипажа — скажу вамъ истинно, что душа моя была преисполнена сильныхъ чувствъ въ эту минуту,—такихъ сладостныхъ минутъ было немного въ моей жизни; въ эту минуту я увидѣлъ, ту не поддѣльную любовь, высокое расположеніе, сочувствіе и оцѣнку патріотическихъ русскихъ чувствъ моего любезнаго благодѣтеля, какое питаютъ къ нему наши храбрые, безцѣнные моряки. Въ отвѣтъ на этотъ тостъ я сказалъ, экспромтомъ, краткую рѣчь: «Мм. гг. позвольте выразить мою живѣйшую признательность за расположеніе и любовь къ моему довѣрителю, за лестное вниманіе ко мнѣ, выраженное особенно сегодня

Digitized by Google

участіемъ въ моемъ обѣдѣ! За здоровье ваше, гг. офицеры 32-го экипажа!» Онять слѣдовали клики, потомъ былъ тостъ, отъ меня же, за здоровье командира экипажа, достойнѣйшаго П. И. Никонова. Онъ предложилъ тостъ за мое здоровье. Всѣ цѣловались, бесѣда была живая, одушевленная, родная; это былъ холостой обѣдъ, гдѣ душа и чувства были на распашку. Кромѣ гг. офицеровъ были на немъ немногіе изъ жителей Вологды, тѣ только, на приглашеніе коихъ указали гг. офицеры.—Музыка гремѣла потомъ по улицѣ подъ нашими окнами до вечера.

Въ знакъ благодарности Вологдѣ, за радушный пріемъ, офицеры думаютъ устроить гондольное катанье по рѣкѣ съ дамами, при звукахъ своей военной музыки, такъ недавно еще гремѣвшей въ стѣнахъ грознаго Севастополя, а въ настоящее время услаждающей мирную и радушную Вологду. Этимъ удовольствіемъ, кажется, и закончится рядъ торжествъ, ибо во вторникъ, 1 мая, наша маленькая эскадра отплываетъ отъ теплой, по радушію, Вологды къ сѣвернымъ льдамъ Архангельска; эти льды, конечно, поспѣшатъ растаять съ прибытіемъ Севастопольскихъ героевъ, ибо безъ горячихъ чувствъ ихъ нигдѣ не встрѣчаютъ.

28 апрѣля 1856 г. Вологда.

Отплытіе было въ полдень послѣ обѣдни и молебна, отслуженныхъ архіереемъ въ церкви Спаса Всемилостиваго По прибытіи команды къ мѣсту отправленія, губернаторъ осмотрѣлъ всѣ суда внутри, и лично сказалъ мнѣ, при пожатіи руки, въ присутствіи всѣхъ, что онъ не знаетъ, какъ бы полнѣе выразить мнѣ свою благодарность за все сдѣланное: онъ нашелъ все удобнымъ и хорошо устроеннымъ, какъ лучше сдѣлать было нельзя, и присовокупилъ, что считаетъ долгомъ донести обо всемъ сдѣланномъ до свѣдѣнія министра. Отплытіе было эффектно, при звукахъ музыки, пѣсняхъ, обоюдныхъ крикахъ ура, выстрѣлахъ, безконечномъ маханіи зонтиками, платками, шляпами; густая толпа смѣшенія черни и лучшаго общества, которое украшали почти всѣ вологодскія дамы высшаго круга,

Digitized by Google

провожала по берегамъ далеко, до невозможности идти далѣе; быстрое теченіе уносило насъ скоро отъ теплорадушной Вологды, которая въ синеватомъ туманѣ еще долго виднѣлась, и наконецъ скрывшись изъ вида, оставила въ грустныхъ сердцахъ моряковъ пріятное о себѣ воспоминаніе.

Изъ Вологды 32-й экипажъ отплылъ 3-го числа. Прибыли благополучно въ Тотьму 7-го. Плаваніе продолжалось четверо сутокъ. Въ дорогѣ заболѣлъ только одинъ матросъ.

Плаваніе было довольно медленно въ озерахъ; на протяженіи 70-ти верстъ мы плыли лугами и кустарникомъ, потомъ вошли въ быстрое теченіе, и плыли по 100 верстъ въ сутки, и чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣка течетъ быстрѣе, и ускоряетъ плаваніе, а 7-го числа мы при попутномъ вѣтрѣ переплыли почти 135 верстъ въ 14 часовъ. По пути жители деревень встрѣчаютъ доблестныхъ моряковъ съ иконами, хоругвями, хлѣбомъ-солью, предлагаютъ угощеніе; мѣстами мы привалывали, а мѣстами проплывали для спѣшности, принимая на суда все предлагаемое,—а на колокольняхъ трезвонятъ при проплытіи доблестныхъ героевъ. Нельзя не умиляться при видѣ этого русскаго радушія, искренняго, неподдѣльно-теплаго. Въ Тотьмѣ, нарочно сдѣланная пристань Михаиломъ Ивановичемъ (*) была украшена флагами, берегъ рѣки былъ унизанъ цвѣтистой народной толпой. Моряковъ встрѣтилъ монастырскій архимандритъ съ духовенствомъ, иконами и всѣ чины города. На другой день Михаилъ Ивановичъ угощалъ у себя въ заводѣ обѣдомъ нижнихъ чиновъ, водкою и пивомъ, для чего устроены были на лугу нарочно столы; для офицеровъ былъ въ домѣ особый обѣденный столъ, и мы пріятно провели у него весь день 9-го былъ обѣдъ у головы и балъ, данный чиновниками города. 10-го завтракъ у управляющаго откупомъ. Офицеры предполагали сдѣлать катанье для дамъ на нашемъ маленькомъ суднѣ съ музыкою,—но оно по дождливой погодѣ не состоялось. **Бойчинко.**

11 Мая 1856 г. Тотьма.

(*) Дядя В. А. Кокорева; ему подъ 70 лѣтъ.

Digitized by Google

Отплыли отсюда 10-го вечеромъ. До Архангельска проплывутъ не болѣе десяти дней, а если будетъ попутный вѣтеръ, то и менѣе, не считая остановокъ въ городахъ, по пути лежащихъ. Окончивъ возложенное на меня порученіе, я передалъ контрактъ, съ поставщикомъ заключенный, по надписи г. Никонову. Съ подрядчикомъ совершенно разсчитался въ Тотьмѣ, и проведя здѣсь нѣсколько дней съ моими знакомыми, буду имѣть честь явиться къ вамъ въ С. Петербургъ. Деньги я получилъ, а также и книжки, которыя и передалъ гг. офицерамъ, при задушевномъ отъ васъ поклонѣ. Они просили засвидѣтельствовать вамъ душевное ихъ уваженіе, и благодарить за все, сдѣланное для нихъ, о чемъ и г. Никоновъ хотѣлъ писать къ вамъ особо, и вѣроятно пишетъ въ особомъ письмѣ, которое слѣдуетъ съ этой же почтой.

11 мая, 1856 г. Тотьма.

Письмо г. Никонова къ В. А. Кокореву.

Какъ истинный патріотъ и ревнитель всего прекраснаго и благороднаго, стремящійся къ пользамъ Россіи, нашего любезнаго отечества, вы изъявили Его Императорскому Высочеству желаніе ваше отправить 32-й флотской экипажъ водою изъ Вологды въ Архангельскъ. Въ настоящее время желаніе ваше осуществилось на дѣлѣ: мы отплыли изъ Вологды 3-го мая на четырехъ баркахъ и одной тихвинкѣ, и теперь находимся въ г. Тотьмѣ. Путешествіе наше покойно и сопряжено съ такими удобствами, какихъ трудно было прежде и ожидать, смотря на эти чуть-чуть недопотопной конструкціи барки. Люди размѣщены просторно и живутъ какъ въ казармахъ, а гг. офицеры имѣютъ прекрасныя и удобныя каюты; всѣ довольны, всѣ въ восторгѣ отъ такого путешествія; не знаю какъ бы мы дошли сухимъ путемъ до Архангельска при теперешнемъ разливѣ рѣкъ?

Позвольте же, м. г. выразить вамъ мою, гг. офицеровъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ 32-го экипажа душевную благодар-

Digitized by Google

ность за все, что сдѣлали вы для насъ; переѣздъ 32-го экипажа водою изъ Вологды въ Архангельскъ останется навсегда памятенъ въ сердцахъ признательныхъ Черноморцевъ!

Сообщая вамъ о семъ, считаю святымъ долгомъ просить васъ поблагодарить отъ лица всѣхъ гг. офицеровъ вашего повѣреннаго Александра Никитича Бойченко, который расторопностію и неутомимымъ усердіемъ во многомъ ускорилъ отправленіемъ ввѣреннаго мнѣ экипажа: дай Богъ, чтобы на святой Руси было поболѣе такихъ дѣльныхъ и смышленыхъ людей.

1856 года. Мая 9 дня.

Черноморцы прибыли благополучно въ Устюгъ 18-го числа, проплывъ слишкомъ 300 верстъ въ двое сутокъ; о встрѣчѣ и проч. еще ничего не извѣстно.

Безъ сомнѣнія, 26 мая сохранится въ лѣтописяхъ Архангельска. Въ этотъ день мы, жители сѣвера, были осчастливлены прибытіемъ доблестныхъ защитниковъ отечества, — 32-го экипажа Черноморскаго Флота, — явившихся къ намъ съ далекихъ отъ насъ предѣловъ юга Долго Архангельскъ горѣлъ нетерпѣніемъ встрѣтить желанныхъ гостей, долго готовился воздать имъ должный привѣтъ радушнымъ пріемомъ. Такъ еще до прибытія Черноморцевъ, у насъ съ восторгомъ были приняты всѣ мѣры къ ихъ встрѣчѣ и радушному пріему. Въ 10 часовъ утра, разнеслась по городу радостная молва о прибытіи экипажа на судахъ московскаго купца, коммерціи совѣтника В. А. Кокорева, взявшагося доставить его на свой счетъ изъ Вологды въ Архангельскъ. Чье сердце не забилось призывами любви и признательности къ доблестнымъ воинамъ отчизны, покрывшимъ себя безсмертною славою за незабвенную оборону Севастополя! Тотъ же патріотизмъ, тѣ же чувства восторга и признательности, которыя встрѣчали Черноморскіе герои на всемъ пространствѣ отъ Крыма до Архангельска, въ той же силѣ отразились и у насъ на сѣверѣ.

Digitized by Google

РУССКІЙ ОТКЛИКЪ

на московскія празднества.

Письма къ В. А. Кокореву. (*)

Изъ Петербурга.

Только что прочиталъ ваши застольныя рѣчи 23 и 26 февраля къ доблестнымъ черноморскимъ морякамъ, и, подъ вліяніемъ прекраснаго вашего слова, сказалъ вамъ отъ русскаго сердца русское спасибо! Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ 3 экземпляра оныхъ рѣчей, а приложенные здѣсь сто рублей доставить по принадлежности отъ неизвѣстнаго въ пользу матросовъ, раненныхъ при защитѣ Севастополя.—Дай Богъ, чтобъ общее благоденствіе, истекающее изъ правильнаго развитія производительныхъ силъ нашего отечества и вами предрекаемое, вскорѣ наступило! Не то—да здравствуетъ русское горе!

Душевно преданный вамъ

Князь Григорій Волхонской.

С. П. 1 марта 1856 года.

(*) Редакція получила собраніе этихъ писемъ отъ М. П. Погодина, предъ отъѣздомъ его за границу, для составленія по нимъ статьи о общемъ впечатлѣніи Московскихъ празднествъ, въ подтвержденіе словъ, сказанныхъ имъ въ началѣ своего описанія. Разсмотрѣвъ письма, Редакція разсудила напечатать ихъ въ подлинникахъ, какъ pièces justificatives. Она смѣетъ надѣяться, что писавшіе и получившіе не оскорбятся ея нескромностію, а читатели будутъ благодарить за сообщеніе этой любопытной и мѣстами умилительной переписки. Здѣсь дѣло не въ самолюбіи, не въ тщеславіи, а въ чувствѣ, которое возбудилось вездѣ и во всѣхъ одинаково въ Петербургѣ и Чухломѣ, у государственаго сановника и уѣзднаго купца, у знатной дамы и склоняющагося въ могилу старца, возбудило и хотѣло выразиться, у кого какъ случилось. Вотъ въ чемъ состоитъ интересъ этихъ писемъ, и мы полагаемъ, что немного найдется думающихъ иначе. Такимъ мы напомнимъ старинное изреченіе: Honny soit qui mal y pense.

Digitized by Google

Изъ Сергача.

Читая 25-й № Московскихъ Вѣдомостей о торжественной встрѣчѣ прабабушкою нашею Москвою черноморскихъ богатырей, нѣтъ моего терпѣнія, чтобы не выразить своихъ чувствъ.

Припоминая бывалое, прошедшее, и сравнивая настоящее, къ высокой благодарности отечества, слезы рѣкою по лились изъ послѣдняго моего глаза, оставшагося отъ польской войны.

Три раза переправлялся я за границы съ навостреннымъ штыкомъ, и три раза возвращался съ притупленнымъ о кости враговъ; предъ нами падала вражеская твердыня, и низко кланялись грозныя Балканы.—Но вспоминая прошедшее съ настоящимъ возвращеніемъ на родину, тогда было не то, кромѣ привѣта отъ родныхъ родному и отъ знакомыхъ знакомому. Въ настоящее время завидна доля! нѣтъ чужихъ: всѣ родные, и все совокуплено въ одно.

Благословляйте и не забывайте, наши ученики, благодѣяній нашего Царя и общихъ щедротъ отечества, — воскрешайте наши угасающія силы; начали — и окончите, какъ сыны одной матери Русской земли.

Примите, милостивѣйшій государь, отъ инвалида лепту заваше о собое вниманіе къ Севастопольскимъ героямъ, буду просить Бога, да наградитъ васъ Творецъ Всевышній съ десятерицею.

Съ истинною признательностію, дышущій на ладанъ, собирающійся къ послѣднему переходу.

Григорій В. Александровъ.

Марта 15 дня 1856 г.
Городъ Сергачъ,
Нижегородской губерніи.

....Безъ сомнѣнія нѣтъ ни одного читающаго русскаго человѣка, который не откликнулся бы душою на горячій привѣтъ родной Москвы—этого сердца земли Русской,—оказанный ею нашимъ Севастопольскимъ героямъ. Быть можетъ никогда

Digitized by Google

еще она такъ кстати, такъ радушно и такъ блистательно не выражала публично своей признательности и сочувствія къ доблестнымъ подвигамъ храбрыхъ сыновъ Россіи.—За то каждый изъ насъ съ возрастающимъ и живымъ участіемъ слѣдилъ по газетамъ, какъ любовно и вмѣстѣ роскошно угощала первопрестольная столица дорогихъ своихъ гостей. Сколько невольныхъ слезъ умиленія было выронено людьми самыми твердыми при чтеніи этого описанія! Москва въ пріемѣ Севастопольцевъ явилась истинною представительницею нашего народнаго чувства, подобно тому, какъ всегда умѣетъ быть непритворнымъ выраженіемъ народной любви и преданности къ обожаемому нами Царю. А вы, достойнѣйшій В. А., явились въ настоящемъ случаѣ вѣрнымъ и живымъ ея органомъ! Съ этой замѣчательной минуты вы стали предметомъ общаго, искренняго и безпристрастнаго уваженія! Вашимъ высокимъ сочувствіемъ къ доблести храбрыхъ Черноморцевъ, непоколебимое мужество которыхъ, по истинѣ, превосходитъ все, что содержитъ въ себѣ военная исторія всѣхъ извѣстныхъ народовъ, — вы какъ-бы связали себя съ ихъ достославными подвигами.

Простите же уединенному отшельнику, утруждающему васъ, среди многоразличныхъ и серьёзныхъ вашихъ занятій, этимъ нескладнымъ, но изъ глубины души и невольно высказавшимся выраженіемъ чувствъ признательности къ вамъ, какъ главному виновнику этого дивнаго торжества народной признательности, которое оказала добродушная Москва дивнымъ защитникамъ Севастополя! Но можетъ быть, я еще и сдержалъ бы порывы моей къ вамъ благодарности и уваженія, если бы я самъ нѣкогда не былъ морякомъ, если бы незабвенный Нахимовъ нѣкогда не былъ моимъ сотоварищемъ, и, скажу болѣе, другомъ моимъ юности; если бы наконецъ значительная часть изъ старшихъ моряковъ—этихъ знаменитыхъ героевъ,—не были нѣкогда моими воспитанниками,— я бы не рѣшился обременить васъ, благороднѣйшій В. А. но теперь вы уважите и привѣтно примете мои чувства, высказанныя отъ души!

Digitized by Google

Въ глубинѣ моего сердца молю Подателя всѣхъ благъ продлить вамъ Его милости, и да пребудетъ Его святое благословеніе на васъ и семействѣ вашемъ!

Глубоко и неизмѣнно васъ почитающій и преданный вамъ.

Смиренный отшельникъ и братъ по одинакимъ нашимъ чувствамъ къ возлюбленной нашей родинѣ. (*)

1856 г. марта 19-го. Приснопамятный день вступленія побѣдоноснаго Русскаго Царя и его воинства въ Парижъ, даровавшаго ему миръ въ замѣнъ разрушенной Москвы.

Изъ Чухломы.

Читая въ газетахъ описаніе встрѣчи Черноморскихъ моряковъ, въ Москвѣ, душа и сердце въ восторгѣ! Въ эти минуты самая теплая слеза умиленія катится прямо къ Богу за того, кто устроилъ все бывшее въ Москвѣ въ благодарную честь Черноморскимъ гостямъ. Высокой, небывалый примѣръ вашъ благодарности морякамъ, безподобнѣйшій В. А., не одну Москву разшевелилъ, одушевя поднялъ на ноги, но всѣхъ русскихъ людей въ отдаленныхъ, темныхъ уголкахъ провинцій заставилъ взвѣсивъ — сочувствовать той признательности, которую вы такъ отлично устроили и блестяще исполнили, и которой честь и слава переживетъ не только насъ, но и многихъ потомковъ. Все, все происходившее по этому случаю, не только удивляетъ, — изумляетъ всѣхъ! истинно изумляетъ! 1-е, тѣмъ, что по желѣзной дорогѣ катитъ экстренный поѣздъ! 2-е, пассажировъ этого поѣзда встрѣчаютъ въ Москвѣ съ крикомъ ура! и на 30 тройкахъ везутъ ихъ по Москвѣ въ лучшія гостинницы, въ которыхъ все уже готово для пріѣзжихъ гостей съ предупредительностію ихъ требованій. 3-е, у Серпуховскихъ воротъ встрѣча и благодарной поклонъ до земли! 4-е. Награда 20 семействамъ матросовъ! А за тѣмъ: роскошные завтраки! великолѣпные обѣды! праздники! гулянья! катанья! рѣчи говоренныя! знаменитое, отборное общество гостей-Москвичей! —

(*) На пакетѣ значилась, кажется, Епифань.

Digitized by Google

Все, все это вмѣстѣ не только удивляетъ — изумляетъ такъ, что и языка нѣтъ, и перо всякое слабо, чтобъ выразить тѣ чувства, которыми преисполнены души и сердца людей благодарныхъ вамъ за все то, что вы творите! Всѣ эти отличныя ваши черты задѣли за живое чувство каждаго изъ насъ, а васъ, — поставили высоко! недосягаемо высоко! высоко предъ всѣми — не въ одной Москвѣ, а вездѣ. Я убѣжденъ, что такое событіе со всѣми прекрасными подробностями будетъ извѣстно не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Достойно и праведно быть тому! Намъ же остается съ благодарною любовію молиться за васъ по чувству глубокой признательности; гремѣть въ трубы и литавры, звонить въ колокола и бить тревогу не стукомъ барабановъ, а стукомъ сердецъ! Еслибъ я владѣлъ перомъ литератора, то написалъ бы много, написалъ бы, но увы! долженъ остаться при желаніи. Не прогнѣвайтесь и за то, что, быть можетъ, не по нраву что сказалось вамъ, писалось подъ диктовку сердца, и оно чисто Русское, а не Китайское; смѣю увѣрить, что сердце мягкое и влажное, какъ грецкая губка, — однимъ словомъ истинно вамъ преданнаго и благодарнаго.

П. Зыковъ.

20 марта, 1856 г.
Ново-Павловское.

Изъ Харькова.

Такъ какъ первоначальное предположеніе ваше встрѣтить моряковъ представляло много затрудненій, которыя вы находили невозможнымъ устранить, то я и думалъ, что это останется безъ исполненія, какъ вдругъ получаю отъ добраго Матвѣя Алексѣевича шесть экземпляровъ застольныхъ рѣчей вашихъ, а потомъ во всѣхъ газетахъ описаніе этого неслыханнаго праздника. Если въ Москвѣ встрѣча эта произвела восторгъ—это не удивительно, потому что Москва всему была свидѣтелемъ, но вы не можете себѣ представить, какое удивительное впечатлѣніе произвело событіе это на провинціи, о

Digitized by Google

чемъ сужу по Харькову и по письмамъ изъ другихъ губерній. Куда ни зайдешь, вездѣ слышишь оживленный разговоръ о встрѣчѣ Севастопольцевъ, и благодарность вамъ, какъ виновнику праздника. Многіе пріѣзжали ко мнѣ нарочно, чтобъ прочитать ваши рѣчи, и сказанная 26 февраля всякій разъ производила такое же чувство, какое по выраженію вашему производятъ звуки русскихъ пѣсенокъ, въ которыхъ воспѣвается кручинушка. Ощущеній, испытываемыхъ при чтеніи этой сердечной рѣчи, лучше объяснить не умѣю. Да, многоуважаемый В. А., вы сдѣлались человѣкомъ близкимъ людямъ Русскимъ, изъ коихъ огромное большинство васъ никогда и не увидитъ, а потому не даромъ нѣкоторые спрашивали у меня: не знаю ли я, гдѣ можно достать портретъ вашъ?...

А. Чиплякинъ.

Харьковъ,
марта 22 дня, 1856 г.

Изъ Торжка.

Съ сердечнымъ умиленіемъ, обращаемся къ вамъ, сочувствуя вашимъ чувствованіямъ и высоконравственнымъ мыслямъ, высказаннымъ вами, при радушномъ вашемъ угощеніи доблестныхъ моряковъ Черноморскаго флота, славныхъ героевъ-защитниковъ Севастополя, облитаго драгоцѣнною русскою кровію, знаменитыхъ Черноморскихъ моряковъ воиновъ, спасшихъ честь и славу нашего отечества на сушѣ.

Дай Богъ, чтобы мы, наши дѣти и все потомство русскаго купечества, на вѣки, научились говорить, вашими словами, любили бы Царя Батюшку и благословенное наше отечество Россію вашею любовію.

Вы, достойнѣйшій представитель нашего сословія, высказали сокровенныя чувства Русскаго купечества, которое обязано вамъ вѣчною благодарностью за высказанную преданность и вѣрность къ Царю и Отечеству, и за воспоминаніе при великоторжественномъ событіи, о славныхъ заслугахъ сотечественниковъ нашихъ, гражданъ: Минина и Сусанина.

Digitized by Google

Въ лицѣ древняго нашего города, мы, избранные купечествомъ, искренно просимъ васъ, милостивый государь, принять истинную нашу благодарность отъ всѣхъ гражданъ г. Торжка, и увѣреніе въ неизмѣнномъ къ вамъ почтеніи нашемъ.

Отъ полноты душевныхъ чувствъ, въ простотѣ русскаго сердца, благодаримъ васъ, достойнѣйшій гражданинъ Россіи, любезнаго нашего отечества, и съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣемъ честь быть вашими, милостивѣйшій государь, покорнѣйшими слугами:

Градскій голова г. Торжка **Василій Половцевъ.**
Бургомистъ **Василій Свѣшниковъ.**
Гласный **Василій Козловъ.**
Попечитель больни. купецъ **Ефремъ Елизаровъ.**
Почетный гражданинъ Новоторжской 2 гил. купецъ **Александръ Петровъ Овчинниковъ.**
Почетный гражданинъ Новоторжской 2 гильдіи купецъ **Степанъ Никитинъ Уваровъ.**
Почетный гражданинъ Новоторжской 2 гильдіи купецъ **Василій Григорьевъ Луковниковъ.**
Новоторжской 2 гильдіи купецъ **Александръ Матвѣевъ Цвѣтковъ.**
Новоторжской 3 гильдіи купецъ **Иванъ Васильевъ Козминыхъ.**
Новоторжской 3 гильдіи купецъ **Егоръ Сургучовъ.**
Новоторжской 3 гильдіи купецъ **Андрей Петровъ Росляковъ.**

29 марта 1856 г. г. Торжокъ.

Его высокоблагородію, господину коммерціи совѣтнику, почетному гражданину, Василію Александровичу Кокореву.

Изъ Петербурга.

Зная, что превосходныя, исполненныя истиннаго русскаго духа и краснорѣчія, застольныя рѣчи ваши 23-го и 26 февраля, появились въ печати, независимо отъ газетъ, и въ

Digitized by Google

отдѣльныхъ оттискахъ, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою почтить Императорскую Публичную Библіотеку экземпляромъ ихъ. Отечественному книгохранилищу слишкомъ прискорбно было бы не имѣть этихъ произведеній, столько по справедливости всѣми оцѣненныхъ, отечественнаго чувства и слова.

Публичная библіотека нынѣ обновилась во всемъ ея составѣ и устройствѣ. При этихъ улучшеніяхъ и число пользующихся ею противъ прежняго удесятерилось. Во мнѣ давно уже живетъ желаніе показать ее вамъ, какъ горячему патріоту, которому дорого все, что имѣетъ цѣлію пользу и славу Россіи.... **Баронъ Корфъ.**

4 апрѣля.

Состоящій при посольствѣ нашемъ въ Вѣнѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Демидовъ распорядился о напечатаніи въ нѣмецкихъ журналахъ произнесенной вами, милостивый государь, рѣчи за обѣдомъ 26-го февраля, даннымъ въ честь офицеровъ Черноморскаго флота, — и проситъ меня нынѣ отъ его имени доставить вамъ экземпляръ № 72 газеты «Wiener Zeitung», въ которомъ помѣщенъ этотъ переводъ. Исполняя желаніе г. Демидова, имѣю честь и проч.

Графъ Дмитрій Толстой.

Произнесенная вами на обѣдѣ въ честь Черноморскихъ героевъ, безподобная рѣчь, служитъ такимъ вѣрнымъ выраженіемъ Русскаго чувства, что я долгомъ счелъ дать сему краснорѣчивому порыву самыхъ благородныхъ и высокихъ чувствъ гласность и въ той части Европы, гдѣ Россія такъ мало понятна.

Посылаю вамъ, милостивый государь, статью мою съ переводомъ вашей рѣчи, сожалѣя, что редакція сократила ее.

Digitized by Google

Хотя переводъ мой и далекъ отъ подлинника, чему приписываю неподвижность французскаго языка, составленнаго почти изъ готовыхъ какъ пряники фразъ, я тѣмъ не менѣе прошу васъ принять трудъ мой, какъ знакъ особеннаго къ вамъ уваженія.

В. Л.

С.-Петербургъ, 6 апрѣля, 1856 г.

Изъ Дмитрова.

Помѣщенныя (въ Москов. Вѣдом.) ваши двѣ полныя, ясныя, краснорѣчивыя рѣчи, произнесенныя въ честь офицеровъ Черноморскаго флота — для чести Русскаго народа, я имѣлъ величайшее удовольствіе прочесть и списать себѣ для памяти. Онѣ служатъ зеркаломъ чистаго сердца, а въ немъ, какъ въ чистомъ стеклѣ, отражается ясно портретъ души благородной, возвышенной, искренно-любящей — вполнѣ Русской.

Вамъ не трудно было вмѣстить въ себя, въ свое сердце, всѣ сердца Русскаго народа, движимыя благовѣйными чувствами благодарности, вполнѣ заслуженной защитниками Севастополя. За тяжкіе труды, за самоотверженіе, за душу и тѣло,—лучшей награды на землѣ нельзя ожидать. За привѣтъ, радушіе, хлѣбъ-соль, испеченный на днѣ души, растворенный солью чистаго, добраго сердца, и поданный съ колѣнопреклоненіемъ и слезами живѣйшей благодарности, все это для морскихъ героевъ было отрадно и пріятно. Да! истинные герои Севастополя! вы съумѣли побѣдить множество враговъ, но и съумѣли нажить безчисленное множество друзей!...

Вами, В. А. остались какъ нельзя болѣе довольны и благодарны морскіе офицеры, какъ дорогіе гости; а вмѣстѣ съ ними и весь простой Русскій людъ:—за сочувствіе, благородныя побужденія и стремленія ко всему прекрасному, высокому....

Я, какъ простолюдинъ, проникнутый до глубины души вашими живыми, одушевленными рѣчами, согрѣтыми теплымъ

Digitized by Google

чувствомъ искренней любви ко всему Русскому, родному, дорогому, и умѣющій сознавать прекрасное однимъ только сердцемъ, имъ видѣть, слышать, понимать, чувствовать, рѣшаюсь по простотѣ своей, все что чувствую, высказать съ смѣлою откровенностію. Въ вашихъ рѣчахъ, дышащихъ искренно любовію, ни одно слово не пало даромъ, а прильнуло, какъ прилипаетъ искра, высѣченная огнивомъ къ труту—отъ сердца прямо къ сердцу. Примитежъ отъ моего простаго сердца — мое полное, теплое, искреннее спасибо.

Михаилъ Петровъ.

Дмитровъ (Моск. губ.)
апрѣля, 5 дня 1856 г.

Къ М. А. Богданову.

Приношу вамъ самую восторженную благодарность за скорую высылку застольныхъ рѣчей близкаго намъ человѣка Василій Александровичъ много пожертвовалъ, что бы обнаружить Русское спасибо морякамъ-удальцамъ; но рѣчи его высказали, что эти щедрые пиры были только слабымъ выраженіемъ тѣхъ высокихъ мыслей, тѣхъ глубокихъ, теплыхъ чувствованій, которые одушевляли его при оцѣнкѣ подвиговъ Черноморцевъ. Онъ такъ поблагодарилъ ихъ высокими сравненіями, что уже невозможно придумать ничего ни лучше, ни славнѣе. А сколько оригинальности въ его словѣ? каждый чувствуетъ, что онъ слышитъ такой разсказъ, котораго никто еще неговорилъ! А что за прелесть вторая его рѣчь?

Меня замучили просьбами о подаркѣ этихъ рѣчей; будьте добры—пришлите по больше экземпляровъ: раздавать такіе подарки чрезвычайно пріятно. Одинъ экземпляръ отослалъ къ Херсонскому губернскому предводителю—бывшему командиру казачьяго полка въ знаменитую годину *Московскаго горя*; другой подарилъ Г. Гладкому, управляющему палатою Государственныхъ Имуществъ, разумному и честному потомку Запорожцевъ, а третій оставилъ у себя для ежедневныхъ декламацій.

Digitized by Google

Газеты завалены рѣчами, прекрасными, сильными, назидательными, и все это золото мысли и народнаго сочувствія открылъ Василій Александровичъ!

Сейчасъ губернаторъ прислалъ мнѣ сказать, что фелдьегерь отъ графа Никитина привезъ ему радостную вѣсть о мирѣ. Читаю: «*Если Европа достигнетъ мира*, то конечно отъ того, что обѣ стороны убѣдятся въ безполезности войны между равно храбрыми противниками, *и въ основаніи* этого убѣжденія будетъ лежать, все таки, *та минута, въ которую вы рѣшились умереть въ Севастополѣ.*»

Жалѣю, что я не морякъ; теперь бы вышелъ я на улицу и встрѣчнымъ всѣмъ кричалъ: «дорогу! Черноморецъ идетъ и миръ несетъ!»

Щербаковъ.

Екатеринославль
20 марта 1856 года.

Къ И. Ѳ. Мамонтову.

Вы сдѣлали мнѣ, многоуважаемый И. Ѳ., самый пріятный для меня подарокъ, — приславъ двѣ рѣчи Василья Александровича, произнесенныя имъ на бывшихъ въ Москвѣ пирахъ въ честь Севастопольскихъ героевъ. Отъ души благодарю васъ. Для насъ, мирныхъ гражданъ, рѣчи эти имѣютъ ту еще особенную важность, что въ нихъ, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ В. А., возвышается голосъ нашей народности, давно у насъ не слышимый, и заглушаемый какъ заглушаются пчелы въ своемъ ульѣ трутьнями. Да,—гдѣ бы и въ чемъ бы ни являлся Василій Александровичъ, вездѣ отъ него вѣетъ Русью. Исполать ему! Мы должны гордиться имъ....

Н. Акатьевъ.

16 Марта, 1856 г.
Ставрополь.

Къ В. Ѳ. Тимму.

Нельзя читать безъ слезъ умиленія вашего трогательнаго разсказа о встрѣчѣ, сдѣланной морякамъ почетнымъ гражданиномъ Василіемъ Александровичемъ Кокоревымъ. Нашлись

Digitized by Google

однако люди, которые не уразумѣли всего величія души *въ земномъ поклонѣ* достойнаго русскаго гражданина предъ храбрыми защитниками отечества. Жалкіе люди, они называютъ *униженіемъ то*, что для нихъ самихъ недосягаемо высоко! Оспаривая различные свѣтскіе толки, возникшіе по этому предмету, впервые пожалѣла, что не въ состояніи заказать художнику картину, изображающую г. Кокорева, дѣлающимъ земной поклонъ предъ храбрыми матросами.

Радуюсь однако, что находясь при воспитаніи дѣвицъ, я могла заранѣе предостеречь эти чистыя души отъ ложнаго стыда и отъ ложныхъ свѣтскихъ мнѣній. Я прочла имъ вашъ прекрасный разсказъ, и научила заранѣе моихъ юныхъ питомицъ уважать имя почтеннаго гражданина В. А. Кокорева. Онъ послужилъ дѣтямъ живымъ урокомъ благороднаго употребленія денегъ, а въ его *земномъ поклонѣ* дѣти оцѣнили его благородное сердце и его возвышенную душу. Слушая чтеніе описаннаго вами празднества, дѣти плакали. Теперь обращаюсь къ вамъ, и прошу васъ мнѣ указать, гдѣ могу я пріобрѣсть портретъ *г. Кокорева*; кажется, вы съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ, и можете передать ему желаніе одной дамы имѣть у себя его портретъ.

Мнѣ бы пріятнѣе было, чтобъ этотъ портретъ былъ имъ самимъ переданъ для доставленія мнѣ по адресу. Вѣроятно В. А. Кокоревъ вамъ въ этомъ не откажетъ, а вы, милостивый государь, исполнивши мое желаніе, доставите мнѣ возможность, хотя по портрету, познакомиться съ тѣмъ человѣкомъ, который, благотворя ближнимъ, умѣетъ смиряться до величія! И портретъ В. А Кокорева будетъ мнѣ каждый день напоминать его поступокъ, который мнѣ такъ нравится. Многое можно еще сказать, но я боюсь утомить васъ слишкомъ длиннымъ и нескладнымъ моимъ письмомъ.

Разсчитывая на вашу любезность, буду ждать вашего отвѣта и съ должнымъ къ вамъ уваженіемъ остаюсь, *но прошу убѣдительно забыть мое имя*, какъ скоро вы его прочтете.

N N.

15 марта 1856 г.

Digitized by Google

Къ М. П. Погодину.

Мнѣ пришла мысль, чтобы для увѣковѣченія въ Москвѣ на всегда памяти посѣщенія столь дорогихъ гостей, оставшихся отъ осады Севастополя храбрыхъ моряковъ, возымѣвшихъ желаніе посѣтить Свято-Троицкую Сергіеву Лавру,—сдѣлать на Сухаревой башнѣ часы съ боемъ. и написать на стѣнахъ внутри оной, гдѣ найдется для сего удобнѣе мѣсто, всѣхъ поименно, а нижнихъ чиновъ съ означеніемъ родины. На Сухаревой башнѣ болѣе потому прилично ознаменовать память Севастопольскихъ моряковъ, что она до сего времени принадлежала Морскому вѣдомству, и отсюда поступали всѣ пожертвованныя вещи для раненыхъ въ Севастополѣ Если вы эту мысль неотринете, то просилъ бы я васъ предложить русскому патріоту господину Кокореву, или Московскому градскому главѣ. Навѣрное кто нибудь изъ нихъ ваше предложеніе приметъ съ удовольствіемъ. Какъ мнѣ извѣстно, у братьевъ Бутенопъ есть готовые большіе часы, и они могли бъ продать съ уступкою.

Константинъ Прохоровъ.

26 Февраля, 1856 г.

ВСТРѢЧА ВЪ МОСКВѢ

СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ МАТРОСОВЪ,

НА ПУТИ ИХЪ СЛѢДОВАНІЯ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ.

(Первое напрѣченіе).

Сборное мѣсто—въ Подольскѣ. Изъ Подольска походъ не отдѣленіями, а вмѣстѣ.

Предъ выступленіемъ всѣ люди получаютъ по чаркѣ вина, по сайкѣ, по куску варенаго мяса и по бутылкѣ пива.

Также и на половинѣ дороги въ Бирюлевѣ.

Передъ Москвою. на Поклонной горѣ, всѣ люди должны находиться въ 8 часовъ утра.

Московскіе жители, мужчины и женщины, изъ дворян-

Digitized by Google

ства, купечества и проч., встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ и солью, и сажаютъ къ себѣ на извощиковъ, или, у кого есть, въ свои экипажи, по одному въ экипажъ.

Весь поѣздъ, 1200 экипажей, въ стройномъ порядкѣ, отправляется въ Москву, и останавливается у Спасскихъ воротъ, гдѣ прохожіе гости встрѣчаются священникомъ со крестомъ.

Потомъ они идутъ въ Успенскій соборъ, гдѣ служится панихида по убіенныхъ и скончавшихся вслѣдствіе ранъ при оборонѣ Севастополя. Провозглашается вѣчная память покойному Императору Николаю I, адмиралам: Лазареву, Корнилову, Нахимову, Истомину и проч.

Наконецъ многолѣтіе царствующему Государю Александру Николаевичу, его Дому, христолюбивому воинству и православному народу.

По окончаніи священнослуженія матросы прикладываются къ Святымъ мощамъ Московскихъ Чудотворцевъ, и идутъ вмѣстѣ съ обывателями на Красную площадь, къ памятнику Пожарскаго и Минина.

Саешники отъ Лобнаго мѣста, перенеся туда свои палатки, одѣляютъ матросовъ сайками и кренделями. Сбитенщики и блинники угощаютъ сбитнемъ и блинами, купечество красными рубашками, кушаками, полотенцами, платками.

По окончаніи угощенія обыватели Московскіе разбираютъ гостей между собою, и развозятъ по своимъ домамъ, по человѣку на домъ.

Въ тотъ же вечеръ нанимаются три торговыя бани, въ которыхъ матросы съ дороги вымоются и выпарятся Московскими вѣниками.

Остаются матросы въ гостяхъ у обывателей столько времени, сколько имъ по маршруту назначено.

Впродолженіе этого времени, всякой хозяинъ распрашиваетъ своего гостя о Севастопольской осадѣ, и записываетъ его рѣчи просто, безъ всякихъ украшеній.

Всѣ рѣчи собираются въ едино и прилагаются къ описанію праздника, вмѣстѣ съ портретами примѣчательныхъ лицъ.

Digitized by Google

Редакцію принимаетъ на себя М. П. Погодинъ.

Изданіе посвящается Генералъ-адмиралу.

Вырученныя деньги обращаются въ пользу семействъ раненыхъ и убитыхъ.

Провоженные съ хлѣбомъ-солью, у Троицкой заставы, матросы получаютъ по чаркѣ водки, и по сайкѣ, и благословясь отправляются въ дальнѣйшій путь....

Отправленіе Егорьевскихъ Кавалеровъ.

Письмо къ В. А. К.

...У А. А. Зорина я встрѣтился съ офицеромъ, слѣдующимъ съ партіею Черноморскихъ матросовъ, Георгіевскихъ Кавалеровъ, избранныхъ лично Государемъ Императоромъ въ Николаевѣ въ гвардейскіе экипажи. Эти кавалеры слѣдуютъ въ Петербургъ, должны пробыть въ Москвѣ нѣсколько дней, окопироваться и продолжать путь далѣе. Ихъ принимаетъ здѣсь командированный отъ Великаго Князя штабъ-офицеръ Шилингъ. Онъ затруднился тѣмъ, что кавалерамъ даны квартиры у Серпуховской заставы, а одѣваться и пригонять аммуницію должны въ Сухаревой Башнѣ, для чего нужно ходить взадъ и передъ каждый день два раза. Мерекали и толковали, какъ бы имъ избавиться этого затрудненія, для походныхъ людей тягостнаго. Мнѣ пришло въ голову предложить имъ услугу, помѣстить всѣхъ моряковъ-кавалеровъ (ихъ 112 человѣкъ) въ гостинницу Петербургскую, что близъ станціи ж. д., недалекую отъ Сухаревой башни. Предложеніе принято. Кавалеры съ ихъ командиромъ помѣстились въ номерахъ нижняго этажа гостинницы, гдѣ предлагается имъ полная хлѣбъ-соль съ порціями вина, пива и чаепитіемъ. Сегодня же въ 9 часовъ я былъ при ужинѣ ихъ. Прекрасная картина: въ одной большой горницѣ сто человѣкъ кавалеровъ, сидящихъ за хлѣбомъ солью! Завтра въ 12 часовъ буду съ ними обѣдать, а въ четвергъ или пятницу они отправятся въ путь представиться къ Батюшкѣ Царю»...

И. Мамонтовъ.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ

В. А. Жуковскаго

о привидѣніяхъ.

Въ N 1 Русской Бесѣды помѣщена статья нашего знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго *о привидѣніяхъ*: это заглавіе не вполнѣ впрочемъ обнимаетъ предметъ, ибо статья вообще имѣетъ въ виду явленія духовнаго міра. При всей теплой вѣрѣ, которою согрѣта душа автора къ міру духовному, статья отличается такимъ прекраснымъ, умѣреннымъ тономъ, какой вполнѣ приличенъ предмету, столько же любопытному для насъ, сколько недоступному для точнаго изслѣдованія. Въ бо́льшей части случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе приведены въ любопытной статьѣ Жуковскаго, невозможно сдѣлать рѣшительнаго приговора въ пользу или противъ фактической истины извѣстнаго случая. Это положеніе дѣла нисколько однакожъ не можетъ оправдать совершеннаго безучастія къ явленіямъ другаго незримаго для насъ міра: такое безучастіе очень близко граничитъ съ забвеніемъ о жизни загробной. По нашему мнѣнію дѣло сохраняетъ всю свою важность, какъ бы оно ни было загадочно само по себѣ, и потому необходимо съ возможною историческою вѣрностію

Digitized by Google

слѣдить и дѣлать общеизвѣстными всѣ замѣчательные случаи, въ которыхъ открывается сколько нибудь это чудное, обыкновенно для насъ закрытое, отношеніе нашего міра къ міру духовному. Въ этомъ убѣжденіи мы предлагаемъ вниманію читателей два небольшихъ разсказа, которые записаны были нами со словъ Александра Павловича Петрова (бывшаго сенатора, недавно скончавшагося въ Москвѣ) и имъ самимъ провѣрены. Передаемъ оба разсказа въ томъ видѣ, какъ они сохранились въ нашихъ замѣткахъ.

Г. С. П.

I.

«Тетушка моя, камеръ-фрейлина графиня Протасова, Анна Степановна, долгое время жившая во дворцѣ въ С.-Петербургѣ, была въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ бывшимъ Русскимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, а послѣ сенаторомъ, В. С. Томарой. Томара вѣрилъ въ явленія духовнаго міра, зналъ нѣкоторые случаи такихъ явленій, и иногда о нихъ разсказывалъ. Однажды Томара пріѣхалъ къ тетушкѣ при мнѣ: у ней были въ это время графиня Растопчина Е. П., урожд. Протасова и княжна Голицына Е. А. Незадолго передъ тѣмъ вышло въ свѣтъ въ Русскомъ переводѣ сочиненіе Юнга Штиллинга Scenen aus der andern Welt. Русскій переводчикъ — одинъ изъ уважаемыхъ и прекрасно образованныхъ людей того времени, Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ — издалъ сочиненіе Штиллинга подъ названіемъ «Приключенія по смерти». Въ разговорѣ объ этой, новой тогда книгѣ, Томара въ собраніи упомянутыхъ лицъ разсказывалъ:

«По поводу этой книги я передалъ Александру Ѳедоровичу одинъ очень замѣчательный случай: если вы еще не знаете его, то я разскажу вамъ Мой родной братъ, полу-

Digitized by Google

чивъ отставку, жилъ въ провинціи: онъ былъ женатъ, и имѣлъ сына и дочь, уже совершеннолѣтнихъ. Когда въ Германіи вышло въ свѣтъ сочиненіе Юнга Штиллинга Scenen aus der andern Welt, я, какъ новое сочиненіе, послалъ его брату. Между тѣмъ вскорѣ узнаю, что братъ мой умеръ, сынъ его началъ мотать, и промоталъ бы все, что̀ принадлежало ему по наслѣдству изъ отцовскаго имѣнія, если бы обстоятельства не перемѣнились; невѣстка моя и племянница приходили въ отчаяніе, видя, что ничѣмъ нельзя остановить мота, и что его мотовство угрожаетъ имъ почти нищетою — слѣдовавшія имъ по закону части имѣнія (седьмая и четырнадцатая) были очень незначительны. Но прошло очень немного времени, какъ племянница моя видитъ во снѣ своего покойнаго отца. Обрадовавшись его явленію, она обращается къ нему во снѣ съ распростертыми объятіями и восклицаніями:

« Батюшка! Батюшка! какъ я рада васъ видѣть! Скажите, каково теперь ваше положеніе?

— Не совсѣмъ хорошо, отвѣчалъ отецъ. А я дѣлаю еще хуже, что являюсь къ вамъ, мнѣ не слѣдовало бы этого дѣлать. Но скажи матери, что въ моемъ старомъ бюро есть секретный ящикъ и въ немъ оставлено мною завѣщаніе отъ крѣпостныхъ дѣлъ, въ которомъ я назначаю въ продолженіе жизни жены моей пользоваться ей всѣми доходами съ имѣнія (имѣніе было благопріобрѣтенное). Если же не найдете, то пусть мать возметъ въ гражданской палатѣ копію съ моего завѣщанія. Прощай!

« Батюшка! куда же вы? постойте, дайте поговорить съ вами!

— Мнѣ нельзя, отвѣчалъ отецъ.

« Сновидѣніе прекратилось. Дочь разсказала матери свой сонъ и такъ вѣрила въ истину видѣннаго явленія, что настояла передъ матерью, что бы бюро, въ которомъ на первый разъ ничего не нашли, было взломано. Бюро взломали

Digitized by Google

и въ секретномъ ящичкѣ нашли завѣщаніе покойнаго точь-въ точь, какъ самъ онъ говорилъ въ своемъ явленіи дочери. А въ кабинетѣ его нашли присланное мною и незадолго до смерти полученное имъ новое сочиненіе Юнга Штиллинга, еще не совсѣмъ разрѣзанное. Въ разрѣзанной части изображалось, что состояніе душъ, по отшествіи изъ земной жизни, дотолѣ не можетъ быть свѣтлымъ, доколѣ совершенно не исчезаетъ въ нихъ всякое пристрастіе къ оставленнымъ на землѣ лицамъ, какъ бы ни были дороги и близки эти лица.

«Когда Томара окончилъ свой разсказъ, графиня, не вѣрившая явленіямъ духовнаго міра въ нынѣшнее время, только пожала плечами и съ сожалѣніемъ посмотрѣла на Томара, а послѣ отъѣзда его сказала мнѣ, что удивляется, какъ такой прекрасный и умный человѣкъ могъ такъ ослабѣть въ разсудкѣ отъ старости лѣтъ!

II.

«Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, оберъ-камергеръ, однажды съ присутствіи многихъ у себя на дачѣ, на Каменномъ Острову, передавалъ замѣчательный и доселѣ не напечатанный разсказъ о Шведенборгѣ, слышанный имъ лично отъ Русскаго посланника при Шведскомъ дворѣ. Въ Стокгольмѣ, въ одномъ аристократическомъ домѣ былъ однажды блестящій балъ, на которомъ былъ и Русскій посланникъ. Неожиданно встрѣчаетъ онъ на этомъ балу Шведенборга, который уже извѣстенъ былъ тогда какъ знаменитый духовидецъ. Нашъ посланникъ столько изумился этой встрѣчѣ, что не могъ не высказать своего изумленія. «Какъ? — сказалъ онъ Шведенборгу: прилично ли вамъ, человѣку, который столько занятъ предметами духовными, столько углубленъ въ духовный міръ, прилично ли вамъ быть на балу? — А мнѣ кажется еще болѣе страннымъ, отвѣчалъ Шведенборгъ, видѣть на балу Рус-

Digitized by Google

ского посланника, тогда какъ Русская Императрица такъ недавно скончалась. — Посланникъ оскорбился и съ строгимъ видомъ обратился къ хозяину дома, замѣчая, что есть границы шуткамъ и что шутки господина Шведенборга не позволительны. Между тѣмъ проходитъ слѣдующій день, и посланникъ получаетъ оффиціальное извѣстіе о неожиданной для него кончинѣ Императрицы (Елисаветы Петровны): она скончалась въ тотъ самый день, когда говорилъ объ этомъ Шведенборгъ.

ЕСТЬ ЛИ ЖИВЫЯ СУЩЕСТВА

НА ДРУГИХЪ ПЛАНЕТАХЪ, КРОМѢ ЗЕМЛИ?

Луна не имѣетъ атмосферы, способной поддерживать жизнь и самомалѣйшаго растенія; на ней нѣтъ воды, нѣтъ никакой жидкости, могущей давать испареніе; на ней нѣтъ кислорода и вообще никакого газа, сколько нибудь намъ извѣстнаго; а слѣд. нельзя представить себѣ на лунѣ ничего, сколько нибудь похожаго на человѣческую ограницію. Точно также не можемъ мы представить себѣ тѣлесныхъ существъ на Вестѣ, гдѣ человѣкъ упавшій съ башни, летѣлъ бы внизъ съ тяжестью и медленностью легчайшаго пуха. Представьте себѣ, если можете, жизнь на Юпитерѣ, гдѣ выражаясь по нашимъ земнымъ понятіямъ, вода была бы материкомъ для земли, надъ нимъ плавающей, — ибо поверхость Юпитера состоитъ изъ вещества, которое имѣетъ плотность или тяжесть почти только въ половину противъ воды; и однакожъ сила тяжести на Юпитерѣ такъ велика, что нашъ фунтъ тянетъ тамъ больше, чѣмъ вдвое, что самый сильный человѣкъ не можетъ тамъ плавать на водѣ и даже погрузился бы въ материкъ Юпитера съ такою же быстротою, съ какою у насъ падаетъ вещь на землю. Наконецъ представьте себѣ

Digitized by Google

чудныя отношенія на Сатурнѣ, жизнь почти безъ свѣта и тепла на Ураиѣ и Нептунѣ, и на оборотъ невыносимый жаръ и блескъ на Меркуріѣ и Венерѣ! — Такъ, стало быть, мы, люди, дѣйствительно единственныя живыя существа въ безконечномъ пространствѣ звѣзднаго міра? Мы — отшельники, достойные всякаго сожалѣнія и немогущіе найдти себѣ отрады въ безпредѣльной пустынѣ? Наука, — на сколько ей позволяютъ это ея изслѣдованія, — должна на такой вопросъ отвѣчать рѣшительнымъ *да*, если мы съ словомъ жизнь соединяемъ понятіе о нашей земной тѣлесной организаціи. (Изъ S.-Petérsb. Z.)

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

15) **СТИХОТВОРЕНІЯ НИКИТИНА**, изданныя графомъ *Д. Н. Толстымъ*, Воронежъ и Петербургъ. 1856.

Г. Никитинъ принадлежитъ къ мѣщанскому сословію. Поэтъ мѣщанинъ—это рѣдкость, вслѣдствіе чего стихотворенія и издаются. Кажется, г. Никитинъ получилъ хотя первоначальное, но порядочное образованіе, много читалъ стиховъ, не мало писалъ ихъ, и хорошо усвоилъ себѣ механизмъ стихосложенія. Стихи его гладки, звучны; но каждое стихотвореніе его непремѣнно напоминаетъ стихотворенія другихъ поэтовъ. — Это варіаціи на извѣстные мотивы; это свѣжія копіи съ старинныхъ мастеровъ. Конечно, слава Богу, что мѣщанинъ Никитинъ не изъ тѣхъ простонародныхъ (только не народныхъ) поэтовъ, къ разряду которыхъ принадлежатъ Слѣпушины, и подобные писатели; еще болѣе того скажемъ слава Богу, что и мѣщанское сословіе въ наше время начинаетъ получать образованіе. Желаемъ новому поэту самостоятельнаго развитія.

16) **ЗАТАЕННАЯ МЫСЛЬ**, *романъ М. И. Воскресенскаго въ трехъ частяхъ*. Москва 1856 года.

Г. Воскресенскій не въ первый уже разъ является на поприще литературы. Многіе изъ его романовъ, повѣстей и драматическихъ сочиненій подвергались жестокимъ ударамъ критики и, по правдѣ сказать, весьма заслуженно. Что въ нихъ новаго, увлекательнаго, справедливаго въ этихъ романахъ, повѣстяхъ и драматическихъ сочиненіяхъ г. Воскресенскаго? — ровно ничего—и всякое отсутствіе *правды* и *дѣйствительной жизни*. Авторъ сочиняетъ себѣ, для каждаго своего произведенія, какой-то особенный не бывалый міръ, беретъ изъ этаго міра и дѣйствующія лица и произшествія,—увѣренъ самъ и хочетъ увѣрить и другихъ, что его *неправдоподоб-*

Digitized by Google

ные разсказы очень *правдоподобны.* Авторъ въ этомъ случаѣ слишкомъ ясно доказываетъ, что у каждаго свой взглядъ на жизнь и вещи, и что есть взгляды совершенно ложные, съ отсутствіемъ всякой наблюдательности и критики. Конечно, простительно молодому автору, (какимъ былъ г. Воскресенскій, когда онъ написалъ свой первый романъ *Онъ* и *Она*), вчера только сошедшему съ скамейки студента и явившемуся въ новое для него общество, почитать аристократомъ какого нибудь господина, который обитаетъ на Плющихѣ, потѣшается смѣшными, полубарскими затѣями, даетъ маскарады и въ нихъ самъ щеголяетъ въ оленьемъ костюмѣ, позволяетъ своей женѣ дѣлать непристойныя глупости, почитаетъ своего пріятеля умнѣйшимъ человѣкомъ, потому что онъ вмѣстѣ съ нимъ женился на одной изъ подругъ его жены.... А этотъ пріятель?—это такое лицо, которое можетъ родиться только въ воображеніи неопытнаго студента, въ свободное время отъ лекцій, начитавшагося французскихъ романовъ. Вообразите, что онъ, герой перваго разсказа г. Воскресенскаго, женится потому только, что дѣвушка, которую онъ любилъ, вышла замужъ, и не иначе соглашается, забывъ святыя обязанности жены, принадлежать ему, какъ когда преступленіе ихъ будетъ равно, — т. е. тогда только, когда онъ женится. И онъ сочетается бракомъ съ первою попавшеюся ему на глаза дѣвушкою! Не правда ли, что это нелѣпо до крайней степени? но то ли еще есть въ этомъ знаменитомъ романѣ *Онъ и Она!*... Этотъ юноша съ любящимъ сердцемъ выходитъ никуда негоднымъ мужемъ, недостигши своей женитьбой предполагаемой цѣли, онъ влюбился въ жену своего пріятеля; жена его имѣетъ преступленіе ревновать его; наконецъ она умираетъ, — ее хоронятъ,—она отрыта и спасена могильнымъ татемъ, гробовщикомъ Кирюшей. Спасенная такимъ образомъ дышетъ только мщеніемъ къ своему мужу, въ слѣдствіе чего выходитъ много мелодраматическихъ сценъ—и вся книга есть необузданный бредъ неистоваго воображенія. Давно, давно уже написалъ г. Воскресенскій этотъ неправдоподобный разсказъ; послѣ того онъ много писалъ, много печаталъ; воображеніе его, по законамъ природы, должно бы было много потерять своей пылкости, опытъ жизни долженъ бы былъ заставить его взглянуть повѣрнѣе на жизнь: но авторъ Онъ и Она, Мечтателя, Самопожертвованія и проч. и проч. остался вѣренъ своимъ молодымъ годамъ и спустя двадцать лѣтъ пишетъ точь въ точь такія же небылицы, какія писалъ во время своихъ юношескихъ лѣтъ. — Блаженны натуры, которыя никогда не старѣются!...

Digitized by Google

Не думайте, будто мы сказали неправду: вотъ содержаніе Затаенной мысли, — послѣдняго романа г. Воскресенскаго. Судите сами, любезный читатель.

Семинаристъ Алеша Борисовъ, окончивъ курсъ въ семинаріи, ѣдетъ къ своему родителю. Дорогой близь родительскаго дома, онъ слѣзаетъ съ телѣги и отправляется для прогулки въ лѣсъ. Въ лѣсу онъ встрѣчаетъ молоденькую дѣвушку, которая въ испугѣ стоитъ передъ бѣшеной собакой. Не правда ли, у васъ волосы стали дыбомъ, вамъ страшно за бѣдную дѣвушку? Но не безпокойтесь, — вы видите, она хранима провидѣніемъ; бѣшеная собака на нее не кидается и, по видимому, дожидается Борисова. А вы знаете, что студенты семинаріи иначе не ѣздятъ въ дорогу, какъ вооруженные съ ногъ до головы; по этому и не удивительно, что герой Затаенной мысли застрѣливаетъ изъ пистолета опасное животное и, какъ нѣкій неизвѣстный витязь, спасаетъ юную красавицу, которая оказывается княжной Софи, дочерью князя, владѣтеля Борисовки, откуда Борисовъ родомъ. Сначала молоденькая княжна, пораженная храбростью своего избавителя, очень мило привѣтствуетъ его, но потомъ узнавъ, что онъ сынъ священника, говоритъ по-французски своему отцу, что она жалѣетъ о своемъ привѣтствіи и лучше бъ было дать ему денегъ. Вотъ тутъ то и начинается у Борисова *Затаенная мысль*. Эта Затаенная мысль есть мщеніе — о! онъ храбрый семинаристъ; онъ жестоко отомститъ гордой аристократкѣ; онъ докажетъ ей, что онъ не рабъ, которому можно заплатить деньгами за спасеніе жизни. А между тѣмъ Борисовъ, не смотря на то, что подслушалъ, какъ княжна величаетъ его *Алешой Поповичемъ*, болѣе и болѣе влюбляется въ нее. Да какъ въ нее и не влюбиться при этомъ безпрестанномъ столкновеніи съ хорошенькой дѣвушкою, когда онъ, напримѣръ, видитъ ее красивую, обнаженную до плеча ручку, которую она просовываетъ своему отцу изъ купальни, когда онъ видитъ княжну Софи, въ *мокрыхъ одеждахъ* пришедшую послѣ этого просовыванія ручки въ павильонъ, гдѣ неосторожный отецъ ея сидѣлъ вмѣстѣ съ студентомъ? О! ненависть и любовь живутъ рядомъ въ сердцѣ человѣка: и нашъ семинаристъ неистово и любитъ и ненавидитъ княжну.... Но авторъ сажаетъ насъ, по его словамъ, на коверъ-самолетъ, разомъ переноситъ насъ черезъ десять лѣтъ времени изъ деревни въ Москву и снова представляетъ намъ своего героя, который уже *славно бо прославися*. Его Борисовъ уже не Алеша Поповичъ, не темный семинаристъ, храбро сражающійся съ бѣшенными собаками,— нѣтъ! онъ теперь

Digitized by Google

что называется съѣлъ собаку въ наукахъ, кончилъ курсъ въ Университетѣ, побывалъ за границей; онъ человѣкъ европейскій, общеизвѣстный; онъ теперь равенъ княжнѣ Софи, которой теперь уже двадцать пять лѣтъ, и которая изъ деревни переселилась для чего то въ Москву,—вѣроятно для того, чтобы встрѣтиться съ своимъ Алешой Поповичемъ, для того, чтобы влюбиться въ него, для того, чтобы за него выдти замужъ.... Но — потише, ваше сіятельство, княжна Софи! вы можете влюбиться въ г. Борисова, но замужъ за него не думайте выходить:—у него есть Затаенная мысль! Онъ самъ страстно влюбленъ въ васъ; но свою Затаенную мысль онъ любитъ болѣе, чѣмъ васъ. И въ торжественную минуту, когда княжна признается Борисову, что она любитъ его, Борисовъ говоритъ ей, что онъ ея не любитъ!... Вотъ это знаніе эффекта! это очень драматически и очень естественно, въ особенности потому, что, какъ сказано, Борисовъ самъ влюбленъ въ отвергнутую имъ красавицу. Пораженная стыдомъ и отчаяньемъ, княжна уѣзжаетъ въ деревню; но, увы! уже не въ Борисовку, гдѣ она имѣла несчастіе въ первый разъ встрѣтиться съ жестокимъ побѣдителемъ ея сердца, ибо Борисовка принадлежитъ уже господину Борисову,—а въ какое то другое захолустье. Такимъ образомъ Затаенная мысль героя романа проявилась. Теперь существованіе его болѣе не нужно,—онъ и произведенъ г. Воскресенскимъ только для Затаенной мысли; и такъ авторъ посылаетъ его въ Севастополь, гдѣ храбрый семинаристъ умираетъ смертью храбрыхъ,—онъ убитъ вражеской пулей. Отецъ Петръ, священникъ села Борисовки и родитель Алеши Петровича, служитъ панихиду; во время этой панихиды, какъ то мимоѣздомъ, авторъ завернулъ въ церковь и получилъ отъ маститаго старца подробныя извѣстія, на которыхъ основанъ романъ его — романъ во сто разъ менѣе правдоподобный, чѣмъ любая сказка изъ Тысячи и одной ночи.

17) **ГРАФИНЯ ПОЛИНА,** *повѣсть Авдотьи Глинки* Спб. 1856 Небольшой нравственный разсказъ, преисполненный теплоты чувства.

Х. Z.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Намъ не разъ придется бесѣдовать съ читателями о многихъ возникшихъ въ послѣднее время политическихъ вопросахъ, получившихъ уже нѣкоторое историческое развитіе. Для уясненія послѣдующихъ *фактовъ*, о которыхъ вынуждены мы будемъ упоминать, слѣдя за современными событіями, намъ пришлось бы иногда восходить къ первоначальнымъ причинамъ проявленія этихъ *фактовъ*, возвращаться къ предшествовавшимъ событіямъ, безъ свѣдѣній о которыхъ многія новѣйшія событія не были бы достаточно ясны. Это уваженіе подало намъ мысль представить читателямъ Москвитянина послѣднія политическія событія, такъ сказать, въ панорамѣ или синоптической таблицѣ. Этотъ бѣглый обзоръ начнемъ мы со времени заключенія мира.

Парижскій конгресъ установилъ новый порядокъ вещей въ Турціи. Не смотря на то, что дорога къ преобразованіямъ въ этой странѣ уже проложена Султаномъ Магмудомъ, западныя теоріи встрѣчаютъ самое упорное противудѣйствіе въ массѣ народа, закоренѣлой въ предразсудкахъ исламизма. Въ Оттоманской имперіи не существуетъ еще оппозиціи парламентовъ, журналовъ и народныхъ митинговъ; возстаніе общественнаго мнѣнія выражается тамъ насиліями, кровопролитіемъ и убійствами, мрачную картину которыхъ мы не будемъ развертывать передъ нашими читателями. Происшествія въ Варнѣ, Салоникѣ, Марашѣ и многихъ городахъ Сиріи и Малой-Азіи побудили правительство къ энергическимъ мѣрамъ: Турецкія войска поспѣшно вызываются изъ Крыма—съ театра внѣшней войны на сцену внутреннихъ смятеній; учреждается корпусъ жандармовъ, по образцу французскихъ подвижныхъ колоннъ въ Алжирѣ; мѣстное начальство получило строгія повелѣнія, пребываніе союзныхъ войскъ въ Турціи продолжено еще на шесть мѣсяцевъ, считая съ 30 марта н. ст. Фирманъ Султана, воспрещающій продажу

Digitized by Google

невольниковъ, не могъ не произвести открытаго возстанія въ Аравіи, колыбели правовѣрія, гдѣ власть Султана опиралась не столько на его вещественномъ могуществѣ, сколько на религіозномъ уваженіи народа къ главѣ исламизма. Большой совѣтъ имамовъ и шейховъ объявилъ Абдулъ-Меджида еретикомъ, недостойнымъ званія Халифовъ и исключилъ его имя изъ общественной молитвы.

Это возстаніе день отъ дня принимаетъ бо́льшіе и бо́льшіе размѣры, весь Іемень присталъ къ мятежникамъ. Усмиреніе поручено пашѣ египетскому, который доноситъ изъ Каира, что ему необходимо на это тридцать тысячь войска. Здѣсь можетъ быть кстати припомнить подобное обстоятельство въ первые года правленія Мегмеда-Али. Тогда возникла въ Аравіи секта Вагхабитовъ и возстала за несоблюденіе Турціею исламизма въ его первобытной чистотѣ. Порта поручила Мегмеду-Али успокоеніе этого опаснаго мятежа, грозившаго охватить весь мусульманскій міръ. Чтобы исполнить повелѣніе Порты, нужно было сформировать сильную армію, и вскорѣ подъ знаменами египетскаго паши, собралось до полутораста тысячь правильно организованнаго войска. Эти силы помогли въ послѣдствіи властолюбивому Мегмеду потрясти самый Стамбулъ, и утвердить въ Египтѣ свою династію, а безъ вмѣшательства европейскихъ державъ, могли доставить ему и самый престолъ Оттоманской имперіи.

Но восточный вопросъ занимаетъ теперь второстепенное мѣсто на страницахъ журналовъ. Дѣла американскія, бельгійскія и италіянскія теперь болѣе обращаютъ на себя общественное мнѣніе. Толки по поводу свободы тисненія въ Бельгіи, вызванные нѣкоторыми указаніями графа Валевскаго на засѣданіяхъ конгреса, возбудившіе опасенія Голландіи и Сардиніи и взволновавшіе англійскій Парламентъ, затихли послѣ объявленія въ французскомъ Монитерѣ, что правительство Франціи могло замѣтить какое либо зло по внутренней администраціи Бельгіи, но никогда не имѣло въ мысли указывать на соотвѣтственныя мѣры къ устраненію этого зла. Послѣ этого нѣтъ болѣе спорнаго вопроса и дѣло начинаетъ затихать. Вопросъ по несогласіямъ Англіи съ Америкой начинаетъ осложнятся новыми столкновеніями. Поводъ къ этимъ несогласіямъ подали вербовки въ Америкѣ солдатъ въ англійскіе иностранные легіоны, формированные для пополненія значительной убыли въ рядахъ крымской арміи, и утвержденіе Англіи, вопреки Клейтонъ-Больверову трактату, въ ЦентральнойАмерикѣ подъ предлогомъ покровительства мечтательному Москитосскому королевству, нарочно созданному ею для этой цѣли. Новыя

Digitized by Google

событія еще болѣе раздули пламя этого раздора: Американскій авантюристъ полковникъ Вокеръ (Walker) вторгся съ горстью искателей приключеній въ владѣнія Никарагуа. Послѣ происшедшихъ при этомъ кровопролитій, резидентъ Соединенныхъ Штатовъ Виллеръ протестовалъ противъ мѣръ, принятыхъ президентомъ Костариканской республики къ вытѣсненію Сѣверо-Американцевъ изъ Никарагуа. Этотъ протестъ, оправдывающій вторженіе Сѣверо-Американцевъ въ владѣнія Центральной Америки, уже далъ поводъ Англіи къ обвиненію въ свою очередь Американцевъ, въ нарушеніи Клейтонъ-Бульверова трактата, по подозрѣнію въ содѣйствіи ихъ этому предпріятію, а признаніе правительства Вокера, которому удалось похитить и присвоить верховную власть, придаетъ основаніе этому обвиненію: признаніе его правленія, если извѣстіе это справедливо, обличаетъ стремленіе Штатовъ къ завладѣнію Центральною-Америкою. Тогда Американцы сдѣлались бы обладателями континентальнаго пути чрезъ Панамскій перешеекъ, а отправленіе ими къ Панамѣ эскадры, въ слѣдствіе кровопролитій случившихся на тамошней желѣзной дорогѣ по поводу ничтожной ссоры пасажировъ съ туземцами, усиливаетъ подозрѣніе, что они покупаются утвердиться на этомъ важномъ пунктѣ; сверхъ того этотъ вопросъ получаетъ еще большее развитіе отъ столкновенія интересовъ означенныхъ двухъ державъ на водахъ Персидскаго залива. Американцы, уже давно слѣдившіе зоркимъ и ревнивымъ глазомъ за возрастаніемъ англійскаго вліянія на Востокѣ, воспользовались временнымъ несогласіемъ Англіи съ Персіею, чтобы утвердиться въ Персидскомъ заливѣ. Они заключили съ Персіею трактатъ, по которому въ замѣнъ нѣкоторыхъ торговыхъ выгодъ обязались принять на себя защиту персидскихъ береговъ и укрѣпились въ Карнахѣ на берегу Евфрата. Этому обстоятельству придаетъ особенное значеніе предполагаемое прорытіе Суэзскаго перешейка, по поводу близости этого новаго пути въ Индію къ позиціи, выбранной Американцами съ такою мудрою предусмотрительностію.

Взглянемъ теперь на дѣла Италіи.

Парижскій конгресъ, такъ успѣшно уладившій важнѣйшія недоразумѣнія по дѣламъ Востока, далъ первое толкованіе вопросу, давно уже подготовленному на мѣстѣ и вызвалъ его на судъ европейской политики. Меморандумъ графа Кавура, сообщенный графу Валевскому, и того же содержанія нота, поданная сардинскими уполномоченными въ послѣднее засѣданіе конгреса, выставили на судъ общественнаго мнѣнія зло, происходящее отъ раздробленія Италіи

Digitized by Google

и отъ присутствія въ этой странѣ чужеземной власти. Достаточно самаго поверхностнаго взгляда для того, чтобы понять въ какомъ положеніи находится Италія, какъ шатки и непрочны всѣ ея учрежденія, и какъ условенъ порядокъ вещей, тамъ установленный. Европѣ давно извѣстно, что правленія многочисленныхъ государствъ, на которыя раздѣлена Италія, поддерживаются оружіемъ чужеземныхъ войскъ: въ Неаполѣ охраняютъ спокойствіе швейцарскіе полки; Папу оберегаютъ Французы и Австрійцы; въ прочихъ областяхъ расположены Австрійскія войска. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ нельзя ручаться за прочность существующаго порядка. Это безсиліе мѣстныхъ правительствъ не дозволяетъ имъ обратить попеченія на государственное устройство своихъ владѣній; и прекраснѣйшая страна въ Европѣ, одаренная столькими естественными удобствами, остается самою нищенскою страною въ семьѣ европейскихъ государствъ, существующею почти одною милостынею туристовъ. Такое положеніе вещей продолжается уже сорокъ лѣтъ; въ послѣднее же время, съ 1848 года смуты въ Италіи не прерываются, такъ что иностранныя войска не выходятъ изъ этой страны. Недавнія событія въ Пармѣ доказываютъ что и на будущее время мало предвидится надежды на освобожденіе края отъ иноземной стражи.

По убѣжденію италіянскихъ патріотовъ причина зла—владычество Австріи въ Ломбардіи и политическое раздробленіе Аппенинскаго полуострова. Отсюда ожесточенная ихъ ненависть противъ Австрійцевъ, въ которыхъ они видятъ варваровъ, вторгшихся за добычею въ классическую Италію; отсюда мысль соединить италіянскія государства въ одно политическое цѣлое, поставить эту страну въ возможность охранять собственными силами внутреннюю и внѣшнюю безопасность, и тѣмъ ввести новую Италію въ число первенствующихъ европейскихъ державъ. Вотъ мечта италіянскихъ патріотовъ, господствующая не только въ Піемонтѣ, но точно также въ Миланѣ, въ Пармѣ и въ Римѣ.

Не смотря на единство стремленія, патріоты Италіи раздѣляются на три партіи: федеральную, республиканскую и конституціонную.

Федералисты, въ главѣ которыхъ сталъ Манини, мужественный защитникъ Венеціи во время осады ея Австрійцами въ 1848 году, полагаютъ раздѣлить Италію на штаты, соединенные подъ одною общею центральною властію. Ихъ теорія опирается на томъ историческомъ преданіи, что Италія, со времени паденія Римской Имперіи, никогда

Digitized by Google

не составляла одного политическаго цѣлаго, и что въ государствахъ ея, жившихъ долгое время отдѣльною жизнію, выработался въ каждомъ свой особенный типъ національности, который долженъ представить огромныя препятствія къ общему сліянію, такъ что оно становится возможнымъ только подъ формою федеральнаго учрежденія. Впрочемъ движимые общею идеею съ другими партіями, федералисты готовы пристать къ той изъ партій, которая будетъ имѣть болѣе средствъ къ достиженію цѣли и безпрекословно принесутъ ей въ жертву свои любимыя убѣжденія. Это видно изъ письма Манини, напечатаннаго въ Сардинскомъ журналѣ il Dirrito, въ которомъ онъ совѣтуетъ своимъ приверженцамъ присоединиться къ Піемонту.

Вторая партія крайнихъ республиканцевъ состоитъ бо́льшею частію изъ людей низшаго сословія и мечтательныхъ головъ средняго. Цѣль этой партіи, которою предводительствуетъ Мадзини, также независимость и единство Италіи, съ тою только разницею, что приверженцы Мадзини полагаютъ, что цѣль эта тогда только можетъ быть достигнута, когда Италія разорветъ всякую связь съ прошедшимъ, сброситъ съ себя иго старинныхъ учрежденій и внезапнымъ порывомъ ринется въ новую будущность, устроивъ государство на совершенно новыхъ началахъ, заимствованныхъ изъ теорій соціялистовъ Франціи. Мадзини ненавидитъ Францію, недовѣряетъ силамъ Сардиніи, убѣжденный, что сардинскія войска, сражающіяся за династическіе интересы, не могутъ завоевать свободу Италіи, и всѣ свои надежды полагаетъ на общее народное движеніе.

Третья партія—конституціонная; въ главѣ ея стоятъ Кавуръ и Азеліо. Это самая сильная изъ трехъ теперешнихъ партій Италіи; къ ней принадлежитъ вся Сардинія; мнѣнія ея раздѣляетъ и самое правительство этой страны, въ которой государственное благоустройство стоитъ наравнѣ съ прочими государствами Европы. Сардинія дѣйствуетъ открыто, чрезъ своихъ министровъ. Свобода тисненія подаетъ ей возможность распространять свои мнѣнія и пріобрѣтать ежедневно новыхъ приверженцевъ, а правильно организованная армія представляетъ средства поддержать, въ случаѣ нужды, свои убѣжденія въ дѣлѣ, въ которое нельзя ожидать вмѣшательства тѣхъ посторонникъ державъ, которыхъ государственные интересы не потерпятъ отъ измѣненія системы правленія въ Италіи.

Не мудрено предвидѣть, что къ Сардиніи примкнутъ и прочія партіи. Партія Мадзини видимо ослабѣваетъ, приверженцы его толпами присоединяются къ піемонтской; она овладѣла теперь

Digitized by Google

сочувствіемъ цѣлой Италіи, которое такъ рѣзко проявилось въ Миланѣ, гдѣ несмотря на всевозможныя предосторожности полиціи, на стѣнахъ зданій ежедневно появлялись надписи: Viva Piedemonte, Viva Kavour, а во Флоренціи открыта подписка для сооруженія Кавуру памятника. Одна общая идея господствуетъ въ цѣлой Италіи и придаетъ ей всю силу единодушнаго стремленія.

Только Сицилія разнится въ видахъ своихъ съ видами другихъ государствъ Италіи, что неудивительно, если вспомнимъ, что эти государства всегда находились болѣе или менѣе въ связи между собою, испытывая общую участь въ главнѣйшихъ переворотахъ Аппенинскаго полуострова, между тѣмъ какъ судьбы Сициліи вязались болѣе съ судьбами Пиринейскаго полуострова. Основаніе государственнаго устройства положено въ Сициліи въ началѣ XI вѣка Норманами; государь имѣлъ въ ней значеніе какъ первенствующее лицо парламента. Сицилійскія вечерни были возбуждены негодованіемъ народа за то, что Карлъ Анжуйскій былъ назначенъ Папою, а не избранъ парламентомъ. Послѣ изгнанія Карла, Сицилія призвала на свой престолъ, сначала домъ Кистильскій, а потомъ Арагонскій и во все время правленія этихъ династій Сицилія сохраняла свои права, свое отдѣльное устройство, имѣла свою армію. Тотъ же порядокъ вещей продолжался и въ правленіе Бурбоновъ, до самой французской революціи. Съ этихъ поръ правительство Неаполя начало подкапываться подъ ея старинныя учрежденія, что возбудило сильное негодованіе въ народѣ. Не смотря на то, когда король прибылъ на островъ, онъ былъ встрѣченъ изъявленіями любви и преданности и нашелъ въ народѣ усердное содѣйствіе; но онъ воспользовался своимъ вліяніемъ въ Сициліи, чтобы еще болѣе стѣснить ея старинную парламентскую свободу. Неоднократныя представленія посланника Англіи, помогавшей ему въ войнѣ съ Французами, понудили его измѣнить на время свою политику; но какъ скоро Наполеонъ былъ заключенъ на островъ св. Елены, Мюратъ разстрѣлянъ въ Пиццо, Фердинандъ воспользовался обстоятельствами и уничтожилъ конституцію Сициліи. Слѣдствія этой мѣры были самыя плачевныя; съ этой поры начинаются тамъ непрерывныя смуты, приведшія государство на крайнюю степень упадка, такъ что въ настоящее время внутреннее ея устройство находится въ самомъ плачевномъ состояніи: на цѣломъ островѣ одна проѣзжая дорога: отъ Месинны въ Палермо. Неаполитанское правительство упразднило сицилійскую армію и съ тѣхъ поръ Сицилія отказалась поставлять въ войска Неаполя свой контингентъ рекрутъ; попытки насильствен-

Digitized by Google

ныхъ наборовъ показали, какъ опасна эта мѣра. Кромѣ того неаполитанское правительство вынуждено держать въ Сициліи войска для охраненія спокойствія, что развлекаетъ ея силы.

Изъ этого видно, что положеніе Сициліи отлично отъ положенія прочихъ государствъ Италіи. Тамъ идетъ дѣло объ установленіи новаго порядка, а въ Сициліи о возстановленіи старинныхъ правъ. Поэтому идея, господствующая повсемѣстно на полуостровѣ, не пользуется здѣсь большимъ сочувствіемъ. Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Сицилія представляла неодолимое препятствіе для слія-нія: она можетъ найти осуществленіе своихъ желаній подъ формою федеральнаго правленія или даже присоединиться ко всякой другой партіи, которая будетъ обѣщать ей возстановленіе ея прежнихъ правъ и преимуществъ. И такъ со стороны Сициліи нѣтъ по крайней мѣрѣ противудѣйствія общему стремленію Италіи; но каждое новое стремленіе къ измѣненію существующаго порядка встрѣчаетъ реакцію со стороны прошедшаго; каждая новая идея должна выдержать борьбу съ тѣми личностями, сословіями или государствами, которыхъ интересы, иногда даже самое существованіе, тѣсно связаны съ прежнимъ положеніемъ дѣлъ. Чѣмъ болѣе такихъ личныхъ видовъ противудѣйствуетъ общему стремленію, тѣмъ затруднительнѣе воплощеніе идеи; и если оно становится несовершенно невозможнымъ, то часто замедляется цѣлыми вѣками, производитъ народныя ненависти, политическіе и религіозные расколы.

Сардинцы жестоко ошибались, думая, что независимость Италіи будетъ завоевана на берегахъ Тавриды; кажется, нѣтъ надежды на вмѣшательство въ это дѣло посторонихъ державъ. Пруссія торжественно уже объявила объ этомъ Австріи, а Франція привѣтствуетъ радушными встрѣчами австрійскаго эрцъ-герцога. Французскій и австрійскій посланники предложили нѣкоторыя преобразованія папскому правительству, но и это предложеніе отвергнуто папою. Австрія, съ своей стороны, если и предприметъ какія либо преобразованія въ своихъ италіянскихъ владѣніяхъ; то это будетъ сдѣлано скорѣе, чтобы отвратить народный взрывъ противъ ея власти, чѣмъ съ искреннимъ желаніемъ улучшить положеніе вещей. Не станемъ говорить о важности и значеніи этихъ преобразованій для Италіи, равно какъ и о значеніи новѣйшихъ преобразованій въ Турціи; послѣдующія событія—вотъ лучшее объясненіе всякой политической мѣры. Между тѣмъ партіи безпрерывно усиливаются. Патріоты примыкаютъ къ Сардиніи, которая дѣйствуетъ съ большою дѣятельностію, заводитъ новыя дипломатическія связи, назначаетъ посланниковъ въ Мадридъ и Франкфуртъ. Съ другой стороны италіянскіе государи тѣснѣе сближаются съ Австріею, которая подала сильный протестъ противъ сардинской ноты на конгресъ, слагая съ себя обвиненія на Сардинію; Неаполь также подалъ протестъ, въ которомъ оправдываетъ свои дѣйствія; кардиналъ Антонели готовитъ немнѣе сильную ноту изъ Рима.

Digitized by Google

Еще одинъ вопросъ, можетъ быть, не столь важный въ политическомъ отношеніи, возбуждаетъ теперь сильную журнальную полемину. Мы говоримъ о занятій Греціи англо-французскими войсками. Вотъ что пишутъ въ газетѣ *Le Nord*:

«Около трехъ лѣтъ тому, союзныя державы признали нужнымъ занять своими войсками независимую Грецію, объявя впрочемъ, что мѣра эта, вызванная явнымъ и дѣятельнымъ сочуствіемъ греческой націи къ Россіи, а равно и нѣкоторыми стратегическими соображеніями, будетъ только временною мѣрою.

Не будемъ входить въ разсмотрѣніе законности этою распоряженія: прошедшее неизмѣнимо, обратимся къ настоящему.

Причины, побудившія лондонскій и парижскій кабинеты занять союзными войсками владѣнія Греціи, не существуютъ болѣе со времени заключенія мира: съ окончаніемъ войны стратегическія соображенія не могутъ имѣть мѣста; съ того времени, какъ Россія возобновила свои пріязненныя отношенія съ прочими державами Европы, сочуствіе къ ней Греціи не должно уже возбуждать опасенія и не можетъ быть приятно въ вину греческой націи.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ настоящее время занятіе Греціи чужестранными войсками не можетъ опереться ни на какое законное основаніе, и что державы, прибѣгнувшія къ этой мѣрѣ, вынужденной по ихъ словамъ войною, не могутъ продлить пребыванія своихъ войскъ въ независимомъ государствѣ, не отрекаясь отъ принятыхъ на себя обязательствъ и не посягая на только что востановленное всеобщее спокойствіе.

Въ Англіи нашлись люди, движимые національнымъ эгоизмомъ, которые полагаютъ, что распри и несогласія на европейскомъ материкѣ, благопріятствуютъ интересамъ ихъ отечества; они то проповѣдуютъ необходимость занятія Греціи, на неопредѣленное время англо-французскими войсками, а журналы, эти органы и часто руководители общественнаго мнѣнія, ревностно поддерживаютъ эту опасную пропаганду.

Въ *Morning-post* такъ оправдываютъ эту мѣру: преступленіе, обида и дикость сдѣлались въ Греціи единственнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ силу въ этой несчастной странѣ.

Англо-французскіе войска, пишутъ въ другомъ англійскомъ журналѣ, должны оставаться въ Греціи, чтобы защитить эту страну противъ нея самой, потому что безначаліе и разбои, господствующіе тамъ, не подаютъ надежды, чтобы спокойствіе и порядокъ могли тамъ возстановиться безъ внѣшней помощи.

Читая подобныя обвиненія, замѣчаютъ въ газетѣ *le Nord*, невольно возникаетъ вопросъ: по какому международному праву можно допустить произвольное вмѣшательство первенствующихъ

Digitized by Google

державъ въ дѣла внутренней администраціи державъ второстепенныхъ?

Конечно, есть случаи исключительные, угрожающіе всеобщему спокойствію и политическому равновѣсію государствъ; но и тогда надобно изслѣдовать, какъ велика предстоящая опасность и нѣтъ ли средствъ, устранить ее другими не столь *крайними* мѣрами. Что сталось бы наконецъ съ порядкомъ дѣлъ въ Европѣ, если бы каждая могущественная держава, по своему усмотрѣнію, вздумала вводить въ независимыя отъ нея страны международную полицію, о которой проповѣдуютъ англійскіе журналы? На этомъ основаніи Франціи пришлось бы занять Ирландію, гдѣ не престаютъ смуты, нарушающія общественный порядокъ, и гдѣ совершается втрое болѣе преступленій, чѣмъ въ Греціи, судя по статистическимъ даннымъ объ этихъ странахъ. Пруссія могла бы занять своими войсками Венгрію, Австрія должна бы принять эту мѣру противъ герцогства Познанскаго, а Пьемонтъ былъ бы вынужденъ отправить вооруженныя силы въ Ломбардію. Что сталось бы съ общественнымъ благосостояніемъ, если допустить повсюду примѣненіе этого произвольнаго вмѣшательства.

Взглянемъ теперь на положеніе дѣлъ въ Греціи по внутреннему ея управленію.

Согласіе властей въ Греціи, со времени политическаго переворота дѣлъ на Востокѣ, подтверждается донесеніями англійскаго посланника при аѳинскомъ дворѣ. Доказательства недалеко; ихъ можно найти въ *синей книгѣ (the Blue-Book)* британскаго правительства.

Какая же *анархія* господствуетъ въ Греціи, какъ увѣряютъ англійскіе журналы? не парламентская-ли, какъ это случается въ другихъ государствахъ?... Если англійскіе журналисты намекаютъ на безначаліе въ народѣ, пусть укажутъ они страну, въ которой народъ болѣе Грековъ любитъ верховную власть и болѣе ихъ преданъ этой власти. Въ послѣдніе четыре года одинъ только человѣкъ возсталъ противъ короля, это Калерджи; народъ отвергъ его, а король лишилъ его власти, дарованной ему прежде.

Что касается до разбоевъ, противъ которыхъ Греція приняла дѣятельныя мѣры, источникъ ихъ не въ безсиліи греческаго правительства. Причина этихъ своеволій кроется въ порочной системѣ администраціи въ смежныхъ съ Греціею Ѳессаліи, Эпирѣ и Македоніи, гдѣ господствуютъ насилія, безпорядки въ управленіи и произволъ расправы. Атаманы шаекъ, грабившихъ на сѣверѣ Греціи, тогда какъ въ Пелопонезѣ спокойствіе и порядокъ не были нарушены: Коломата, Самара, Лагось и тринадцать другихъ, всѣ выходцы изъ турецкихъ владѣній. Распространенію этихъ разбоевъ не мало содѣйствовало расформированіе иррегулярныхъ войскъ, содержавшихъ пограничный кордонъ. Распоряженіе это, сдѣланное по представленію генерала Калерджи, пустило на волю, безъ средствъ къ содержанію, до 4,000 человѣкъ, привыкшихъ къ кочевой жизни по горамъ и къ употребленію оружія.

Digitized by Google

Газета *le Nord*, обсуживая этотъ вопросъ, дѣлаетъ еще одно важное замѣчаніе: по трактату, подписанному въ Лондонѣ, не только Англія и Франція признаны державами, покровительствующими Греціи и потому нельзя распоряжаться судьбами Греціи иначе, какъ по взаимному соглашенію всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ трактатѣ державъ, изъ которыхъ каждая вправѣ ожидать неуклоннаго соблюденія установленныхъ условій.

НОВѢЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ

Изъ отчета о преніяхъ, происходившихъ въ обѣихъ палатахъ парламента 13 Іюня по американскому вопросу, видно, что желаніе сохранить миръ съ Америкою сильно обнаружилось въ обѣихъ палатахъ, преимущественно въ нижней. Надобно ожидать, пишутъ въ *Independance Belge*, что дѣла уладятся миролюбиво, если бы даже лондонскій кабинетъ и вынужденъ былъ возвратить паспорты американскому посланнику г-ну Даллассъ, какъ увѣряла газета *Morning-Post* 14 Іюня.

Желаніе это нашло сочувствіе и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ ньюіоркскомъ журналѣ *Herald* пишутъ, что президентъ Штатовъ *изъявилъ г-ну Крамптону* желаніе, чтобы англійская канцелярія не закрывала своихъ засѣданій, не смотря на возвращеніе британскому посланнику паспортовъ. Изъ этого видно, что правительство Соединенныхъ Штатовъ признаетъ, что поводъ къ несогласіямъ подали не правительство Англіи, а неумѣстныя распоряженія ея агентовъ въ Америкѣ.

Преобразованіе Придунайскихъ Княжествъ идетъ медленно. Участвующія въ этомъ дѣлѣ державы еще не рѣшили его окончательно. Россія, Англія, Франція и Пруссія, согласны на соединеніе Княжествъ, но Австрія и Турція еще возстаютъ противъ этого предположенія.

Въ Бузео, одномъ изъ окружныхъ городовъ Валахіи произошло кровопролитіе. Австрійскіе солдаты схватились съ туземными, за которыхъ вступились жители. Говорятъ, что при этомъ случаѣ четверо убиты и человѣкъ восемнадцать ранены.

Въ Монитерѣ 14 Іюня н. ст. напечатанъ отвѣтъ Императора Французовъ папскому легату, изъ котораго можно заключить, что отъ Франціи нельзя ожидать настоятельнаго вмѣшательства къ ускоренію обнародованія со стороны папы тѣхъ преобразованій, о которыхъ въ журналахъ было столько толковъ въ послѣднее время. Тѣсный союзъ Франціи съ Австріею по этому вопросу не допускаетъ предполагать, чтобы въ ходѣ и учрежденіяхъ папскаго правительства могли произойти какія либо рѣзкія измѣненія. Вѣроятно, что преобразованія, предоставленныя на произволъ папы, будутъ весьма умѣренны.

Н. П.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ I.

№ 4.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюля 7 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

ВСѢ ПРАВЫ—ПО СВОЕМУ.

КОМЕДІЯ

въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Андрей Николаичъ Гольтепинъ, богатый помѣщикъ, но разстроившій неумѣстной роскошью свое состояніе; имѣющій вѣсъ и значеніе въ губерніи; служащій по выборамъ; статскій совѣтникъ, вловецъ, лѣтъ за 55-ть, но до сихъ поръ молодится; уменъ по своему и весьма хитеръ; отъ части смѣшонъ своимъ устарѣлымъ фатствомъ; пропитанный езуитствомъ и идеями XVIII вѣка, и само собой разумѣется, страшный эгоистъ.

Николай Андреичъ Гольтепинъ, сынъ его, лѣтъ 27-ми; свѣтскій молодой человѣкъ, окончившій курсъ наукъ и служившій сперва въ столицѣ; наскокомъ побывавшій за границей, а теперь служащій чиновникомъ особыхъ порученій у мѣстной власти; франтъ, фатъ, шикаръ, короче *ни то, ни се;* недуренъ собой, пристоенъ; лошадиный охотникъ, по манію подражательности.

Наталья Андреевна Гольтепина, дѣвушка лѣтъ 25-ти; недурна собой, умна, вдумчива, много читала, вовсе не сантиментальна, а черезъ чуръ даже матерьяльна, но съ тѣмъ вмѣстѣ и мечтательна; любящая свѣтъ, роскошь—и всему предпочитающая богатство; характеръ самобытный, но не всегда ровный, сложившійся по усвоеннымъ себѣ понятіямъ; слывущая въ губерніи львицей, и сама охотно придающая себѣ значеніе эмансипированной женщины.

Степанида Андреевна Гольтепина, дѣвушка лѣтъ 18-ти; очень хорошенькая, миловидная, умненькая, наивная; недавно изъ института; отчасти замуштрованная старшей сестрицей и братцемъ; характеръ не сложившійся; фаворитка отца, потому что привѣтлива, не дерзка, и не такъ самонадѣянна съ нимъ, какъ старшая. Въ семействѣ ее зовутъ *Стефани*, (такъ будемъ и мы ее называть).

Платонъ Платонычъ Илецкій, лѣтъ 30-ти; холостякъ, отставной подполковникъ; не богатый, но и не совсѣмъ бѣдный помѣщикъ; много читавшій, довольно вдумчивый и желчный, съ самаго малолѣтства знакомый старику Гольтепину, сосѣдъ ему по имѣнью, и по старымъ отношеніямъ; свѣтскій

Digitized by Google

пріятель и молодаго Гольтепина, съ которымъ почти вмѣстѣ росъ; но однюдь не вдающійся въ его безсознательный прогрессъ, фатство, пустошь и мотовство; человѣкъ съ убѣжденіями.

Анна Павловна Уточкина. По рожденію небогатая дворянка, воспитанная въ пансіонѣ, а по мужѣ купчиха; богатая бездѣтная вдова, лѣтъ за 40; жеманная, сантиментальная щеголиха; съ нѣкоторой придурью, и съ претензіями на свѣтскость и общежительность; любитъ, чтобы за ней волочились, ухаживали, и желающая *какихъ-то любвей*.

Николай Петровичъ Конниковъ. Молодой купецъ, почетный гражданинъ, лѣтъ 23-хъ, гдѣ-то учившійся и, разумѣется, не доучившійся, а нахватавшійся зря, *того сего*, а *болѣе ничего*! красивъ собой, одѣтъ по послѣдней модѣ; кутиловецъ, болтающій изъ пятаго въ десятое по французскому; сынъ богатаго отца, человѣка по природѣ смышленаго, очень крутаго, сухаго, самовластнаго и даже скряги. По довѣренности отца завѣдываетъ онъ однимъ изъ его хлѣбныхъ заподрядовъ; но сыну приданъ въ дядьки прикащикъ, старый служащій и довѣренный отца.

Иванъ Ѳомичъ Кутепинъ. Купецъ того города, гдѣ развивается комедія; 21-го года; очень красивъ лицомъ, и вообще молодцоватъ русской природной удалью, съ своей братіей; но въ постороннемъ обществѣ застѣнчивъ, неловокъ, примѣтно смѣшонъ; по натурѣ влюбчивъ, но тоже по натурѣ далеко и не глупъ; богобоязливъ, любящій мать старуху, малый съ разсчетцемъ; очень богатъ по отцѣ, который былъ именитымъ гражданиномъ въ томъ городѣ.

Надворный совѣтникъ Титъ Изотычъ Типунинъ. Мужчина толстый, невзрачный, лѣтъ 40; служащій безголоснымъ членомъ при какихъ-то заведеніяхъ, имѣющій небольшой капиталецъ; влюбчивый, съ претензіями на волокитство и составленіе пристойной партіи. Человѣкъ глупый, но добрый и честный.

Сысой Сысоичъ Безфамильный. Изъ отставныхъ приказныхъ; приживальщикъ въ домѣ Гольтепина съ незапамятныхъ временъ; что-то въ родѣ довѣреннаго лица у стараго барина, шута у молодыхъ господъ; человѣкъ низенькій, подслѣповатый, лѣтъ за 60; былъ когда-то чѣмъ-то неглупымъ, а теперь выживающій изъ ума. По натурѣ подловатъ; любящій чарку и деньгу.

Ѳедосей Лужниковъ. Прикащикъ молодаго Конникова; неопредѣленныхъ лѣтъ, но плѣшивый, съ просѣдью, и старобразый; смѣтливый, по своему хитрый, но человѣкъ добросовѣстный, преданный старому хозяину и дѣлу его; русскій мужичекъ, считающій пожалуй и по биркамъ, но котораго и цифирью не обочтешь, и грамотой не проведешь.

Андрюша. Петруша. Такъ себѣ губернскіе франты, пустельги; люди общественные; одѣты по модѣ; прихлебатели и пріятели всѣхъ и каждаго, въ томъ числѣ и молодаго Гольтепина; одинъ въ усахъ, другой прилизанный, длинноволосый. Лица, не имѣющія ни опредѣленной физіономіи и рѣшительно никакого характера; а такъ себѣ толкающіеся въ обществѣ.

Digitized by Google

Николай. Камердинеръ Коникова, вольнонаемный, парень ухо; изъ цырюльниковъ; лѣтъ 25-ти.

Ванька. Мальчикъ подъ-камердинеръ стараго барина, фаворитъ, прощелыга, повѣса, лѣтъ 17-ти.

Лиза. Служанка обѣихъ барышенъ Гольтепиныхъ.

Ѳоминишна, старая, полуглухая няня; преданная безусловно всему барскому дому, лѣтъ за 70-ть; бывшая горничная старой барыни; няньчившая молодыхъ господъ, и любящая ихъ, простой и сильной любовью; но потомъ какъ водится полузабытая всей семьей Гольтепиныхъ.

Слуга Гольтепиныхъ. (Лицо безличное).

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ на Святкахъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ I.

(Театръ представляетъ комнату; въ право и въ лѣво двери, столы, неизбѣжный шкафъ въ перспективѣ; диваны, зеркала, кресла и стулья; прочее и прочее; обыкновенная обстановка и декорація).

ЯВЛЕНІЕ I.

НИКОЛАЙ АНДРЕЙЧЪ ГОЛЬТЕПИНЪ И ПЛАТОНЪ ПЛАТОНЫЧЪ ИЛЕЦКІЙ.

(Гольтепинъ, одѣтъ какъ обыкновенно одѣваются фаты, и наша теперешняя молодежь, щеголевато, по утреннему. Илецкій одѣтъ степенные, со вкусомъ, пристойно).

ГОЛЬТЕПИНЪ.

А что! каковъ пикникъ? не правдаль, удался!
Я ихъ устраивалъ не мало;
По просьбѣ дамъ, я за него взялся,
Чтобъ слово: какъ нибудь въ пикникъ напъ не попало!
Просторенъ и хорошъ для танцевъ былъ салонъ,
Во всемъ былъ видѣнъ вкусъ, пластичность, стройность, тонъ.
Всѣмъ было весело, и много танцовали,
И музыкантишки порядочно играли!
И въ этотъ вечеръ въ ротъ хмельнаго не брали;
Я не велѣлъ давать; а то, помилуй, срамъ! —

Digitized by Google

Напьются, — и пойдетъ не музыка, а гамъ!
А главное, скажи: что ухорская тройка,
Вся въ бляхахъ, въ бубенцахъ, скакавшая такъ бойко,
Какой эффектъ произвела?
Ты Славянистъ, иль англоманишь?
Ну говори — была иль не была!

ИЛЕЦКІЙ *(улыбаясь)*.

Меня, какъ въ пыткѣ ты, такъ за языкъ и тянешь.
Пикникъ вашъ удался; ты задалъ шику всѣмъ.
Всѣ наши львы, всѣ наши львицы,
Въ восторгѣ отъ тебя; ну словомъ, городъ нѣмъ!

ГОЛЬТЕПИНЪ.

А каково, мои красавицы, сестрицы
Одѣты были?... Шелкъ, мантильи, кружева,
Изъ Брюсселя привезъ! Такія, братъ, дѣвицы,
Такой ужъ comme il faut, какихъ найдешь едва
Въ Пальмирѣ Сѣверной, изъ всѣхъ столицъ — столицы!
Да и каковъ рысистый коренникъ?
А пристяжныя-то, замѣтилъ ли пріѣздку?

ИЛЕЦКІЙ.

Завистникамъ твоимъ досталось отъ тебя,
Какъ говорилось встарь, — невѣсткѣ наотмѣстку.
За то и стихли всѣ!...

ГОЛЬТЕПИНЪ *(съ самодовольствіемъ)*.

Ты говоришь любя;
Но впрочемъ знаю самъ, что все шло складно, ладно;
Хотя карману и накладно!...
На пошевняхъ моихъ замѣтилъ ли коверъ?
Куда ни взглянешь, все узоръ!...
А шили дома, мастерицы,
Но я идею далъ, да помогли сестрицы.
А Филька, кучеръ мой, Торжковскій вѣдь ямщикъ!
Хватилъ пусть черезъ край, зато и не подгадилъ.

Digitized by Google

Ужъ какъ доволенъ я, что современный шикъ
Я съ русской удалью уладилъ!

ИЛЕЦКІЙ, *(видимо скучая этой болтовней).*

А что родитель твой! влюбленный селадонъ,
За мотовство ворчитъ? а вдовушка вздыхаетъ?

ГОЛЬТЕПИНЪ, *(насмѣшливо).*

Отецъ ужасно какъ смѣшонъ!
Она во мнѣ души не знаетъ,
А онъ-то думаетъ, что онъ!...
За пятьдесятъ ужъ лѣтъ! туда же селадонятъ!

ИЛЕЦКІЙ.

Смотри, чтобъ не былъ ты смѣшонъ!
Старикъ хитеръ, пожалуй за носъ водитъ
Тебя лишь одного, чтобъ отвести глаза;
Читай ты азбуку не съ ижицы, съ аза!

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Не промахъ я и самъ! все знаю, все провижу;
Но лишь до подлостей себя я не унижу:
Какъ ни хитри отецъ, а денегъ долженъ дать.

ИЛЕЦКІЙ.

А если нѣтъ, то гдѣ ихъ взять?

ГОЛЬТЕПИНЪ *(съ настойчивостью и даже съ сердцемъ).*

Занять!

ИЛЕЦКІЙ.

А если не даютъ?

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Вотъ вздоръ какой городишь!
У насъ хотя въ долгу, но тысяча все душъ, —
Да за подрядъ вина, превыгодный къ тому жъ,

Digitized by Google

Третныя можно взять! Сестра жъ съ ума вѣдь сводитъ
Обоихъ богачей, брадатыхъ жениховъ,
Купеческихъ сынковъ!

ИЛЕЦКІЙ *(пожимая плечами).*

Кого жъ изъ двухъ: Кутепина, или Коннпкова?

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Ей право все равно, — того или другаго!...
Надъ нею, братецъ, вьется рой.

ИЛЕЦКІЙ.

Въ ловушку кто попалъ, тотъ вамъ и будетъ свой;
Не ошибется въ разсчетѣ!...

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Нашъ городской женихъ, хотя большой балбесъ,
Но мы повышколимъ; за то богатъ какъ Крезъ.
А тотъ, саратовскій, — въ огромномъ оборотѣ,
По хлѣбнымъ поставкамъ въ казну;
Одинъ сынъ у отца, шикарствомъ весь пропитанъ,
Собой молодцоватъ, и даже попачитанъ!...

ИЛЕЦКІЙ *(впадая въ рѣчь)*

То есть схватилъ вершки!

ГОЛЬТЕПИНЪ.

А хочетъ взять жену
Изъ нашего дворянскаго сословья!

ИЛЕЦКІЙ *(съ ироніей).*

Чтобъ деньги занимать, пожалуй всѣ условья,
Какъ быть подведены! не понялъ, извини!

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Вотъ, тото же, моншеръ Илецкій!
Хотя ты и уменъ, а вышелъ умъ съ осѣчкой;
Я, для сестеръ своихъ: Наташи, Стефаши,

Digitized by Google

Такой ужъ нѣжный братъ, что поискать со свѣчкой,
Въ вѣкъ игонзма — я совсѣмъ не философъ....
Я для сестеръ на все готовъ!
Наташа жъ такъ умна, полна эмансипацій,
Что, знаешь!... я того.... *(не договариваетъ).*

ПЛЕЦКІЙ *(впадая въ рѣчь).*

Боишься катавасій....

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Не въ дѣвкахъ же Наташѣ вѣковать!
И по преданью нашихъ дѣдовъ,
Какъ мѣтко высказалъ безсмертный Грибоѣдовъ:
«За пялицами сидѣть, за святцами зѣвать!»
Ужъ радъ, или не радъ, устраивай веселье!
Будь для сестеръ на все готовъ;
Терпи, какъ ближе всѣхъ, въ чужомъ пиру похмѣлье!

ПЛЕЦКІЙ *(съ сердцемъ).*

Вербуй и завлекай сестрицамъ женишковъ;
Такихъ или сякихъ, но только лишь богатыхъ,
По преимуществу купеческихъ сынковъ, —
Но не съ бородками, а модно бородатыхъ, —
Какъ Крезъ Кутепинъ, какъ подрядчикъ Конниковъ!

(Съ усиленной иронісй).

Ты правъ, ты нѣжный братъ, и будь на все готовъ!
Ты ладишь потому ихъ выдать за купцовъ,
Что въ нашемъ-то быту, хоть жаль, а все неспрочно,
Что поколѣнье худосочно,
Живемъ все на фуфу! Чуфаримся, должаемъ,
И это жизнію, прогрессомъ называемъ!...
Купцы живутъ умнѣй! хотя вошли въ идею,
Что надо же идти впередъ!
Но какъ практическій и смѣтливый народъ,
Жизнь не пускаютъ въ лотерею!
У нихъ во всемъ коммерческій разсчетъ.

Digitized by Google

Но тѣ изъ нихъ, которые, преданья
Забывъ священной старины,
Все предали на поруганье
Одной нелѣпой новизны,
Ломаются изъ подражанья,—
Купцы тѣ жалки и смѣшны!
Иной огромнѣйшій балбесъ,
Вошелъ въ такой огромнѣйшій прогрессъ,
Котораго въ умѣ у умныхъ не бывало, —
А онъ и думаетъ, что онъ-то умный малый!
Одѣтъ какъ арлекинъ, французскій мелетъ дрязгъ,
Брянчитъ по фортепьянамъ польку
И пить, и въ карты онъ гораздъ, —
А много въ годъ, иль въ два, и прогорѣлъ безъ толку!

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Ну, вижу, заблажилъ! какъ хочешь ты блажи,
Моя идея fixe,—люблю я буржуази!
Когда она притомъ богата!

ИЛЕЦКІЙ.

Прибавь, когда глупа, чуфарна, мотовата,
Сама невѣдая за чѣмъ ей и начтò, —
За нами лѣзетъ сплошь—въ ничто!...
И подражая намъ, и модному уродству,
Такъ подвигается безсмысленно къ банкротству
И раззоряется къ концу
Изъ глупой гордости, она ей и къ лицу!...
Чтобъ послѣ упрекать ее потомки стали,
Что имъ досталось то, чего и не желали:
Чтобъ также обмельчать, какъ мы ужъ обмельчали.

ГОЛЬТЕПИНЪ *(беретъ шляпу)*.

Прощай! всего не перескажешь вдругъ,—
Какъ долго бъ мы здѣсь ни болтали.
Иду къ отцу; разшевелю въ немъ старческій недугъ

Digitized by Google

О вдовушкѣ его! потомъ къ ней безъ оглядки,
И деньгами ея допразднуемъ мы Святки!...

(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ II.

ИЛЬЦКІЙ *(въ раздумьи)*

Какая пустельга! и молодежъ вся наша
Похожа на него, — и это ихъ прогрессъ!
А прогрессивность вся привѣшена вотъ здѣсь....

(указывая на грудь)

Въ лорнеткѣ на шнуркѣ! въ усахъ, и въ бородѣ,
Въ нахальствѣ, въ мотовствѣ, въ уродливомъ нарядѣ,
Въ самоувѣренной осанкѣ, въ дерзкомъ взглядѣ,
Вотъ прогрессивность ихъ. Какая выйдетъ каша
Изъ этого всего?... А жаль мнѣ Стефани!...
Я началъ знать ее дитей въ былые дни;
Теперь ее люблю, пожалуй и пассивно,
Но все, что̀ вижу здѣсь, — такъ глупо, такъ противно,
Ужель и это прогрессивно?
Отецъ, до старости, развратный селадонъ,
Развалина осьмнадцатаго вѣка!
Какъ всякій езуитъ, — по старому умѣнъ;
Хитритъ, и всё хитритъ, и корчитъ человѣка,
Который и въ тотъ вѣкъ былъ выпукло смѣшонъ,
А сынъ его.... сейчасъ былъ здѣсь, —
Какимъ въ натурѣ есть! Ну словомъ, былъ онъ весь!
Съ своей врожденною и привитой натурой,
На человѣчество съ прямой каррикатурой!...
А жаль мнѣ Стефани!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

(Стефани Гольтепина почти что вбѣгаетъ, одѣта по утренему, но очень мило и просто).

СТЕФАНИ *(наивно лукавя)*

Вы здѣсь!... А братца нѣтъ?

ПЛЕЦКІЙ.

Ушелъ онъ къ батюшкѣ.

СТЕФАНИ.

Какой онъ непосѣдъ!
А мнѣ его такъ нужно, нужно....

ПЛЕЦКІЙ.

Живете съ братцемъ вы, какъ вижу, очень дружно:
Онъ такъ васъ веселитъ!...

СТЕФАНИ.

Да и бранитъ подъ часъ,
За то, что говорю, что мнѣ на умъ приходитъ;
Болтаю часто вздоръ.... про васъ смѣется! Да-съ!

ПЛЕЦКІЙ.

Смѣется вамъ онъ про меня?
Вотъ удивительно! Чѣмъ провинился я?

СТЕФАНИ *(наивно)*.

Да онъ вѣдь не бранитъ, а только руководитъ!..
Трунитъ онъ надо мной за васъ, за то и то —
Сама не знаю я за что! *(Задумывается и потомъ смѣется).*

ПЛЕЦКІЙ.

Такъ онъ и моралистъ! не зналъ за нимъ такого
Я пошлаго грѣха.... идетъ въ этомъ нѣтъ!...

СТЕФАНИ.

Меня за то бранятъ, что съ вами я готова —
Болтать безъ умолку, съ другимъ же ни полслова

Digitized by Google

Я не могу сказать.—Ну хоть бы нашъ сосѣдъ
Типунинъ.... онъ такой услужливый, степенный,
А богомольный ужъ какой!
И смотритъ на меня, какъ будто вдохновенный;
А право, право, пресмѣшной....
Онъ, говорятъ, не глупъ, какой-то и совѣтникъ!
И нравственный такой, не злорѣчивъ, не сплетникъ,
Но самъ онъ, жесты всѣ, зеленый вѣчно фракъ,
Ну такъ и кажется, что страшный онъ.... *(смѣется и не договариваетъ).*

ИЛЬЦКІЙ, *(улыбаясь, договариваетъ).*

Дуракъ!

СТЕФАНІЯ.

Не то, совсѣмъ не то! я думала — пустякъ!

ИЛЬЦКІЙ.

Вы, рифмы подбирать, я вижу мастерица.

СТЕФАНІЯ, *(увидя, входящую сестру, въ полголоса).*

Молчите!... вотъ идетъ наставница—сестрица!
Достанется ужъ мнѣ.... но за меня папа!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Входитъ такъ позитивно, одѣта потретенску, но съ нѣкоторой изысканностію; за ней плетется старая няня Ѳоминишна и что-то бормочетъ ей на ухо.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(обращаясь къ нянѣ).*

Отстань же, нянюшка! глуха ты....

ѲОМИНИШНА.

Что? глупа?

Digitized by Google

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(громче).*

Глуха! поди къ себѣ....

ФОМИНИШНА *(уходя бормочетъ, но довольно громко).*

Съ ней няньчилась не мало!
А съ кѣмъ вчера каталась, танцовала,
Какъ я ни билася, небось не разсказала!

(Ворчитъ и уходитъ).

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(къ Илецкому).*

Bien le bonjour, monsieur Илецкій.

ИЛЕЦКІЙ *(кланяется молча).*

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(къ сестрѣ, улыбаясь и качая головой).*

А ты ужъ здѣсь шалунья! стрекоза!
(Къ Илецкому) А вы, какъ кавалеръ военный, модный, свѣтскій,
Съ ней tête à tête!

СТЕФАНИ *(надувая губки).*

Прошу хоть не въ глаза —
Меня такъ величать! Вѣдь это страхъ обидно,
Ma soeur ainée! Вамъ просто стыдно!

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ужъ и обидѣлась.... *(съ нѣкоторой примѣтной, но скрываемой досадой, при словѣ* soeur ainée).
Вамъ soeur ainée велитъ
Къ папа идт—и *(протягивая и ударяя на послѣднее слово).*
Онъ васъ зоветъ.

СТЕФАНИ, *(немного сконфуженная и обиженная, уходитъ).*

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА И ИЛЕЦКІЙ.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА, *(продолжая)*.

Мила!... а страшная вострушка!
И въ институтѣ звали всѣ, какъ бралъ ее папа,
Не Стефани, а мальчикомъ и душкой,
Тамъ есть surnom для всѣхъ! Вѣдь юность вся глупа!...

ИЛЕЦКІЙ *(вдумчиво, говоря какъ будто съ собой; помолчавъ немного)*.

Да, молодость.... завидна эта доля!...
Ей поле жизни широко....
Ей и неволя неневоля!
Живется ей, привольно и легко!
Прощайте! Мнѣ пора!

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА.

Куда, m-eur Илецкій?

ИЛЕЦКІЙ.

Я заболтался здѣсь.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(иронически)*.

Но только не со мной!...

ИЛЕЦКІЙ.

Меня же ждетъ сосѣдъ, сутяга деревенскій,
По межеванью.... Ухъ, какой!..

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА. *(одна; садится на диванъ; сперва говоритъ отрывисто, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе, и одушевляется до истерической иронiи)*.

Онъ честенъ, онъ уменъ, пристоенъ и не фатъ;
Но небогатъ!...

Digitized by Google

Судьбу съ нимъ раздѣлить.... другой, пожалуй, можно,
Которой такъ ужъ суждено судьбой,
Чтобъ быть семейницей, женой....
И жизнь прожить, такъ вяло, такъ ничтожно....
Сегодня какъ вчера, а завтра какъ сегодня,
И утѣшаться тѣмъ: *что такъ ужъ власть Господня!*
Которая себя пріучитъ ко всему,—
Глядѣть въ глаза лишь мужу одному;
Но мнѣ такъ кажется, нечеловѣчно, ложно
Такъ пріучать себя къ ярму!

(Помолчавъ, съ большой иронiей).

Жизнь не идиллiя! и женщины не стадо,
Что нуженъ имъ пастухъ, чтобъ только ихъ берегъ!
Свободой жертвуя, — нужна имъ и ограда, —
Міръ на распашку, не острогъ!

(Вдумчиво).

Безъ роскоши, безъ блеска, жизнь скелетъ!
По крайней мѣрѣ я такъ чувствую, такъ мыслю....

(Насмѣшливо вставая).

И въ добровольныя рабыни не зачислю —
Себя, для васъ, мной избранный предметъ!
Прошли тѣ времена, когда пѣвали *тиги*,
И съ милымъ находить рай въ шалашѣ могли!..

(Гордо и почти истерично).

И, если я надѣну ужъ вериги, —
То ужъ не за любовь, — а просто за рубли!..

(Грустно задумывается).

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Вбѣгаетъ Ванька бойко, и чрезъ чуръ развязно. Наталья Андреевна, взглянувъ на него пристально, такъ его огорошиваетъ, что онъ становится въ пристойное положеніе).

ВАНЬКА.

Къ намъ, Анна Павловна!..

Digitized by Google

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА.

Проси...

(Ванька уходитъ).

Нелѣпъ обычай на Руси
Имѣть мальчишекъ фаворитовъ!...
Вбѣжитъ, зашаркаетъ, какой-то русскій гномъ,
Которому все ни почемъ.
А виноватъ папаша въ томъ,
Что въ нашемъ домѣ все содомъ!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(Входитъ, или правильнѣе, вплываетъ Анна Павловна Уточкина; одѣта щеголевато, модно, но черезъ-чуръ вычурно; въ горностаевой мантильи, съ собольей муфточкой, видно что съ иголочки).

УТОЧКИНА.

Полутра ѣзжу все... устала отъ визитовъ!
А къ вамъ на отдыхъ забралась,
Къ намъ блажь визитная ужасно привилась....
А принялъ лишь одинъ, *совѣтникъ Неумытовъ!*
А то, всѣмъ карточки бросала на подъѣздъ, —
Не удалось нигдѣ присѣсть.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(оглядывая ее).*

А я какъ посмотрю на васъ, всегда съ обновой:
Соболья муфточка.... и какъ ужъ хороша!
Мантилья, зибелинъ чистѣйшій....

УТОЧКИНА.

Прислали все, моя душа,
Изъ Питера; фасонъ первѣйшій.
Ужъ какъ измучилась!... Дорога сущій адъ!
Хотя и ѣздила, въ своей каретѣ новой, —
Ее отъ Іохима двоюродный мнѣ братъ

Digitized by Google

На днях прислалъ; за то ужъ какъ и *cher*!...
Ее ты видѣла, ma chère?

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА.

Въ окошко видѣла....

УТОЧКИНА.

Поразсмотри вблизи,
Внутри атласъ.... все крамуази!
Въ ухабахъ не тряхнетъ; ну, сущая качалка!
У насъ въ провинціи, въ ней ѣздить, право, жалко!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

(Входятъ: старикъ Гольтепинъ и Типунинъ. Гольтепинъ въ пиджакѣ, въ цвѣтномъ галстукѣ, съ большими воротничками; одѣтъ модно, не по лѣтамъ смѣшно; въ парикѣ. Типунинъ, въ зеленомъ вицъ-мундирѣ, съ квакерской шляпой въ рукахъ, ужасно неуклюжъ).

ГОЛЬТЕПИНЪ *(расшаркивается, и отходитъ къ Уточкиной, жметъ ей руку, и обращается къ дочери)*.

Ко мнѣ ты нынче не зашла!
А мальчикъ-Стефани вспрыгнула, забѣжала!...

ТИПУНИНЪ *(свысока)*.

Да, эта дѣва идеала!
Вспорхнула! и *(запинается и не договариваетъ)*.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(насмѣшливо)*.

И по просту ушла.

ГОЛЬТЕПИНЪ (къ *Типунину съ улыбкой*).

На идеалахъ ты, мой милый, страхъ помѣшанъ!

(Къ Уточкиной, кивая головой на Типунина).

Не правда ль, Анна Павловна, что онъ....

Digitized by Google

УТОЧКИНА, *(вполголоса)*.

Ужасно какъ смѣшонъ....

ГОЛЬТЕПИНЪ.

А я такъ нынче страхъ взбѣшонъ

(глядитъ умильно на Уточкину).

И только лишь теперь немножко поутѣшенъ....
Съ утра сегодня я бумагами заваленъ;
А секретарь мой новъ; студентъ былъ, но не далекъ!
И все серьёзныя дѣла:
Дорожныя раскладки, магазины,
Отъ губернатора письмо!... о выставкѣ вопросъ, —
Ну словомъ, все важнѣйшія причины,
Сижу, работаю, въ бумаги сунувъ носъ,—
Вбѣгаетъ, сынъ мой Николя,
Чмокъ въ руку, и пошелъ—пошелъ, затараторилъ
О пикникѣ, что шику задалъ всѣмъ,
Что отъ него весь городъ нѣмъ,
И кончилося тѣмъ:
Чтобъ денегъ я ему пожаловать изволилъ,
На новый déjeuné dansant!...

УТОЧКИНА *(жеманясь)*.

Вашъ Nicolas charmant!
Онъ всѣхъ насъ веселитъ! *(Обращаясь къ Натальѣ Андреевнѣ)*
Не правда ли, Наташа?

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА *(хмурясь)*.

А, вы, я думаю, папаша,
Такъ разворчались на него,
Что просто вонъ бѣги....

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Я не далъ ничего,
И просто протурилъ его!

Digitized by Google

ТИПУНИНЪ.

Нашла горячая минута!
А денегъ надо дать: вѣдь завтракъ для пріюта....
Вчера нашъ комитетъ объ этомъ разсуждалъ.

ГОЛЬТЕПИНЪ.

И радъ бы далъ,
Но нѣтъ того, что̀ дать: годъ былъ неурожайный!...
Въ Совѣтъ проценты заплати;
А вздумай-ка не довзнести,—
Хоть будь ты статскій, или тайный,
А описи того и жди;
А жизнь-то, жизнь, самъ посуди!
Чего все стоитъ мнѣ!... подчасъ обѣдъ случайный
Я долженъ дать.... а выѣздъ дочерей....
Наряды ихъ.... а содержанье сыну!
Мы здѣсь изъ первыхъ вѣдь!... Хоть на кого кручину
И раннюю сѣдину
Нагонитъ это все! А смотришь—тамъ червякъ
Въ поляхъ все съѣлъ, тамъ винокуръ, дуракъ,
Вина не докурилъ.
Прикащикъ поставку въ палатѣ пропустилъ....
А у крестьянъ, и въ срокъ теперь не жди оброка,—
А въ старь бирали и до срока!...
Теперь прикащикъ, иль бурмистръ,
Какъ хочешь поднимай кулакъ, иль хлыстъ,
Да я и не люблю!... всегда былъ филантропомъ,
И воли не даю прикащикамъ-холопамъ.
Благотвореніе отрада для меня!
Благотворителей я постигаю цѣли!
Но вотъ идея въ чемъ моя,—
Чтобы купечество не слишкомъ ужъ жалѣли!
Оно заѣлося... Неурожайный годъ
Не страшенъ имъ! Кладутъ лишь деньги въ Опекунскій....
Со всѣхъ и со всего берутъ они доходъ....
Объ этомъ разсуждалъ, со мною, князь Солунской....
На дняхъ изъ-за границы онъ;

Digitized by Google

Вотъ голова, скажу! какъ книга, просвѣщенъ!
Онъ монополій врагъ, Кобденомъ такъ и дышетъ!...
Огромнѣйшій проектъ объ этомъ дѣлѣ пишетъ!...

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА (*съ сердцемъ*).

Не въ духѣ вы, папа....

УТОЧКИНА (*умильно глядя на Гольтепина*).

Пускай его пылитъ;
А déjeuné dansant устроимъ непремѣнно:
Для бѣдныхъ я на все готова!...

ТИПУНИНЪ (*глубокомысленно басомъ*).

Не сомнѣнно,
Что христіанскій долгъ имъ помогать велитъ!

УТОЧКИНА, (*Гольтепину*).

Со мной, на déjeuné, пройдете полонезъ?

ГОЛЬТЕПИНЪ (*молодится, охарашивается, въ полголоса*).

Вы знаете, что я вашъ весь!...

ЯВЛЕНІЕ X.

(*Уточкина раскланивается манерно всѣмъ, и уходитъ. Гольтепинъ провожаетъ ее и что-то нашептываетъ на ухо. Наталья Андреевна глядитъ имъ въ слѣдъ изподлобья, и говоритъ вполголоса*).

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА.

Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша влюбленный.
Какъ увивается!... Смѣяться не грѣшно,
Надъ тѣмъ, что̀ кажется смѣшно!

(*Уходитъ въ боковую дверь*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XI.

(Гольтепинъ, проводивъ Уточкину, возвращается, потирая руки).

ГОЛЬТЕПИНЪ *(обращаясь къ Типунину).*

Не правда-ль! вдовушка прелакомый кусокъ?

ТИПУНИНЪ.

По мнѣ, такъ золотой мѣшокъ—
И больше ничего!.. кокетокъ устарѣлыхъ
Я не люблю: въ тѣлахъ жеманныхъ и дебелыхъ,
Повѣрьте, сердца не ищи!...

ГОЛЬТЕПИНЪ *(съ иронiей).*

Ну, Титъ Изотычъ, не взыщи!
Не намъ любить сильфидъ и барышень незрѣлыхъ.
Душистъ въ распуколкѣ цвѣтокъ!
Но только не для насъ, вѣдь мы не Аполлоны!
Красны лицомъ, стары, желты,
Взглянись-ка въ зеркало! какой ты пастушокъ!
Годимся ль мы въ Эндимiоны?
А вдовушка по насъ; она не ищетъ красоты,
А ищетъ имени, почету и отличій,
И вѣсу въ обществѣ....

ТИПУНИНЪ.

И мужа изъ приличій. ..
Такъ, что-то въ родѣ ширмъ,—нѣтъ, это не по мнѣ!
Взаимности ищу я въ будущей женѣ,
Хочу одной любви, любви!...

ГОЛЬТЕПИНЪ *(напѣваетъ вполголоса старинный романсъ).*

Лови, лови!
Часы любви,
Пока огонь горитъ въ крови!...

Digitized by Google

ТИПУНИНЪ *(съ досадой).*

Прощайте, ухожу! *(про себя)* бездушный ты старикъ!
Но ради Стефани я прикушу языкъ!...

ГОЛЬТЕПИНЪ *(его останавливаетъ и очень вкрадчиво).*

Послушай, милый Титъ Изотычъ,
Пришли же тысячу, вчера что обѣщалъ,
Тогда у насъ съ тобой и круглый будетъ счетецъ,
Вѣдь мы съ тобой свои!

ТИПУНИНЪ *(отрывисто).*

Пришлю, когда сказалъ!...

(Гольтепинъ остается одинъ, ходитъ въ раздумьи, потираетъ руки и свищетъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВАНЮШКА *(вбѣгаетъ и вытягивается въ струнку).*

Изволили свистать?

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Что, былъ ли тамъ, пострѣлъ?
Картонку снесъ?

ВАНЬКА.

Благодарить велѣли.

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Сказалъ ли то, что̀ я велѣлъ?
Чтобъ ждали въ сумерки....

ВАНЬКА.

И какъ ужъ были рады!
Когда картонку развернуть изволили онѣ,
Сестрица чуть не лопнула съ досады!

Digitized by Google

Двугривенный пожаловали мнѣ.
Вамъ-съ Анна Павловна.... велѣла-съ доложить-съ....
Какъ выходить изволила.... чтобъ къ ней вы завернули,
Какъ изъ присутствія поѣдете....

ГОЛЬТЕПИНЪ (*грозя ему пальцемъ*).

Смотри же, тцы-съ!
Не проболтайся, пострѣленокъ!

ВАНЬКА (*отважно*).

Помилуйте-съ, вѣдь я ужъ не ребенокъ!...

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Налѣво кругомъ, маршъ! (*Ванька повертывается бойко, на одной ногѣ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ГОЛЬТЕПИНЪ (*глядя Ванькѣ вслѣдъ*).

Преловкій прощелыга!
Чиновница Танюша.... такъ себѣ.... бутончикъ!
Сорвалъ, пообщипалъ.... А вдовушка!—верига,
Давно прочитанная книга!...
Хотя и початой, но лакомый кусочекъ....
Тутъ пахнетъ узами.... Но я непрочь никакъ;
Вѣдь этотъ бракъ афера, а не бракъ!
Финансовая часть у ней въ большомъ устройствѣ,
Мои жъ дѣлишки всѣ въ ужаснѣйшемъ разстройствѣ,
Такъ мнѣ и на руку.... (*Подумавъ*) Огромный капиталъ
Достался ей отъ мужа по наслѣдству,
Крупчатка, и луга, со мною по сосѣдству,
А я теперь чуть чуть не генералъ!
Въ губерніи почтенъ, слыву пока богатымъ,
Она же мѣтитъ въ даль!... и съ мужемъ бородатымъ
Вступить въ супружество не хочетъ ни за что,
Теперь ей нужно ужъ не то,
Позаразилася прогрессомъ,

Digitized by Google

Вошла въ идею мотовства,
Ей нуженъ мужъ, какъ я,—съ умѣньемъ жить и съ вѣсомъ!...
По моему она права!...
А что заговорятъ? (*подумавъ хладнокровно*). Пожалуй, ври молва!
Что я такой, сякой! мнѣ право трынъ-трава!
Поговорятъ.... и перестанутъ,
А только позовемъ, гурьбой къ намъ ѣздить станутъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

(Подкрадывается Сысой Сысоичъ Безфамильный, изгибается, кланяется, немножко навеселѣ).

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Сысоичъ! что̀, мою коммиссію отправилъ?
Поспѣлъ и на пирогъ, понасандалилъ носъ!

СЫСОИЧЪ (*пришепетывая*).

Приказъ вашъ, батюшка, какъ слѣдуетъ исправилъ,
Кутепиной старухѣ чашку снесъ
И ей передъ лицо поставилъ на подносъ,
И съ ангеломъ отъ васъ поздравилъ!
И выпилъ чарочку....

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Нѣтъ, видно чепаруху,
Что такъ разобрало! Сказалъ, что буду самъ?

СЫСОИЧЪ.

Ужъ какъ изволите утѣшить тѣмъ старуху!...
Нашъ баринъ молодой, тамъ до меня ужъ были-съ....

ГОЛЬТЕПИНЪ.

А! Николай ужъ былъ!—Не промахъ, молодецъ!
(*Съ самодовольствіемъ*).
Ни дать, ни взять отецъ!...

Digitized by Google

СЫСОИЧЪ.

Тамъ былъ-съ и Конниковъ, саратовскій купецъ,
Вонъ тотъ-съ подрядчикъ, удалецъ....
И все о барышняхъ о нашихъ—говорили-съ!...

ГОЛЬТЕПИНЪ.

А что Кутепинъ молодой?
Пока еще не одержимъ прогрессомъ,
Разсыпался, я чай, передъ всѣми мелкимъ бѣсомъ!
И потчивалъ, и угощалъ
И на подносѣ самъ вино вамъ подавалъ.

СЫСОИЧЪ.

Ну что и говорить! Кутепинъ самъ не свой:
Сперва краснѣлъ, потомъ все мялся, мялся,
Изъ-подъ тиха смѣялся,
И все за бариномъ за нашимъ увивался. —
Шампанское лилось!...

ГОЛЬТЕПИНЪ.

И ты наугощался!...
Ступай, Сысоичъ, отдохни;—
Смотри же, больше не хлебни!

СЫСОИЧЪ (*кланяясь и ухмыляясь*).

Помилуйте, родной,
Вѣдь я не пьяница какой!...

(*Уходитъ пошатываясь, а вслѣдъ за нимъ Гольтепинъ уходитъ въ боковую дверь*).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ II.

(Театръ представляетъ трактирный нумеръ; вправо дверь въ другую комнату, гдѣ спальня. Прямо противъ сцены дверь въ корридоръ. Комната убрана щеголевато: диванъ, отоманка, ломберные столы, письменной большой столъ, на немъ разныя бездѣлушки; принадлежности письменнаго стола съ претензіями; въ сторонѣ каминъ, надъ каминомъ зеркало, предъ столомъ мягкое сафьянное кресло).

ЯВЛЕНІЕ I.

(Николай Петровичъ Конниковъ, въ щегольскомъ халатѣ, сидитъ передъ столомъ и читаетъ почту. Подлѣ него стоитъ прикащикъ Ѳедосей Лужниковъ и чрезъ плечо заглядываетъ зорко въ письма. Одѣтъ онъ въ длиннополую синюю сибирку на крючкахъ. Высокъ ростомъ, плѣшивъ, борода съ просѣдью; какъ описанъ въ дѣйствующихъ лицахъ).

КОННИКОВЪ *(съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ отдаетъ письмо прикащику, а одно изъ нихъ рветъ и бросаетъ въ каминъ).*

Ну вотъ и почта вся!... На, вотъ тебѣ она...
Распорядись!...

ЛУЖНИКОВЪ.

Вамъ эвта грамота скучна!
Къ дѣламъ коммерческимъ не больно пріобыкли:
Вотъ мы такъ, съ батюшкой, втянулись въ нихъ и вникли,
И тянемъ лямку мы свою
Безъ устали.... бурлацкое мы племя!...

Digitized by Google

конниковъ (*полуразсѣянно*).

Другіе дни, другое время!
Взгляни-ка на себя, на лысину твою:
Отъ этой лямки ты такъ рано оплѣшивѣлъ,
Что больно былъ ретивъ!...

лужниковъ.

Признаться, не фальшивилъ;
За то теперь, по милости Творца,
Да вашего родителя, отца,—
Имѣю кое-что на старость, хоть не слишкомъ;
Оставлю, какъ умру,—старухѣ, ребятишкамъ,—
Чѣмъ и прожить, и помянуть меня!
Служилъ не языкомъ, и былъ прямой прикащикъ,
Чужимъ проказамъ не потатчикъ;
Хотя подчасъ любилъ и разгуляться я,—
Когда сберется все одна семья своя;—
Но не загуливалъ, и ни въ бильярдъ, ни въ банчикъ....

конниковъ (*прерывая его насмѣшливо*).

То есть въ три листика, въ купеческой, съ подходцемъ....

лужниковъ (*съ отвращеніемъ*).

Ни въ жизнь не игрывалъ, и жилъ всегда съ разсчетцемъ!

конниковъ (*видимо скучаетъ*).

Поди, распорядись; оставь пока меня!

лужниковъ (*лукаво глядя на него*).

А батюшка что̀ пишетъ, не сказали?

конниковъ (*съ досадой*).

Что̀ пишетъ батюшка?—извѣстно, пѣснь одна!...
Чтобъ жилъ степеннѣе, чтобъ меньше пилъ вина.

лужниковъ (*глядя на него пристально*).

Чтобъ въ карты съ барямъ не играли,
Чтобъ дружбы не водили съ нимъ!...

Digitized by Google

Чтобъ не поддѣла васъ съ подборомъ картъ колодка,
Чтобъ не доѣхала боярышня чечетка!

конниковъ *(не слушая его, закуриваетъ сигару и вдыхаетъ въ себя сигарный дымъ).*

Какъ ароматенъ дымъ!
Cabanos, Trabucos, ну просто nec plus ultra!
(*Къ Ѳедосею*). Ступай же Ѳедосей! — Съ нимъ до другаго утра
Не сговоришь!...

лужниковъ (*качаетъ головой и уходя говоритъ про себя*).

Не долго потерпѣть: недѣльки только двѣ, —
А тамъ пріѣдетъ вашъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

конниковъ (*одинъ съ горячностію и даже запальчивостью*).

О мой Творецъ!
И вотъ по ихнему дѣлецъ, —
И вотъ по старому купецъ....
Мужланъ, невѣжда, щепетильникъ!
Прижать, обчесть, въ душѣ алтынникъ!
Пронюхать, — если гдѣ есть выгодишка чуть, —
Явиться, кланяться, надуть!
Вотъ вся премудрость ихъ! — и что же? эту братью
Въ примѣръ велятъ намъ брать, по старому понятью.
И въ чемъ ихъ кругозоръ? въ чемъ высказалъ субъектъ
Экономическій проектъ?..

(*Важно вдумывается*).

Мы непонятны имъ! намъ ходу не даютъ! —
Стремимся мы впередъ, хотимъ слѣдить за вѣкомъ, —
Они ль, кроты, насъ ясновидящихъ поймутъ, —
Что можно быть дѣльцомъ и вмѣстѣ человѣкомъ!

Digitized by Google

Чѣмъ упрекаютъ насъ? въ вину намъ ставятъ что жъ?
Нашъ молодеческій, безгрѣшный нашъ кутежъ,
Что одѣваемся мы модно,
Шикаримъ — такъ себѣ — пристойно, благородно, —
И подчиняемся лишъ только одному
Уму!
Что чада мы цивилизацій,
Фанатики идей и всѣхъ эмансипацій;
Что съ нами справиться не такъ какъ встарь легко, —
Что не сивуху пьемъ, а вдовушку клико!...
Что будто въ лавку рѣдко ходимъ,
Что у красотокъ колобродимъ, —
Играемъ въ палки, въ ералашъ,
А не по ихнему въ три листика, въ марьяжъ....

(Постепенно завирается).

Что не чураемся мы бѣса,
Во многое не вѣримъ кое что....
Ну словомъ, дѣти мы прогресса, —
А ужъ не прежнее ничто!...

ЯВЛЕНІЕ III.

(Входитъ Николай, камердинеръ Конникова).

НИКОЛАЙ.

Закуску подавать прикажете сюда?

КОННИКОВЪ.

Ну да!
Куда же иначе?

НИКОЛАЙ.

А въ залу табла — д'ота,
Для пущей важности....

КОННИКОВЪ.

Кому идти охота.

Digitized by Google

Въ губернскій, грязный этотъ залъ?
Особенно тому, кто въ печкинскомъ бывалъ!...
Здѣсь встрѣтишь приказныхъ, не бритыхъ, угреватыхъ,
Губернскихъ франтиковъ, прикащиковъ брадатыхъ....
Такихъ антиковъ встрѣтишь тамъ, —
Что удивляешся и самъ, —
Откудова въ нашъ вѣкъ взялись такія хари!
Не люди, просто твари!...

(Плюетъ).

Одѣться я иду. *(Уходитъ въ боковую дверь).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

НИКОЛАЙ *(глядя ему вслѣдъ).*

Да, важная ты птица!
Но моря не зажжемъ, какъ нѣкая синица!...
Въ павлиныхъ перьяхъ ты индюкъ!
А прогоришь, такъ выйдешь пфукъ!.. *(Дуетъ на воздухъ и уходитъ за Конниковымъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

АНДРЮША И ПЕТРУША *(сталкиваются въ дверяхъ).*

АНДРЮША.

И тутъ мы встрѣтились!

ПЕТРУША.

Какъ будто сговорились, —
Съ тобой во всемъ мы близнецы!

АНДРЮША *(насмѣшливо).*

И подлинно сказать, съ тобой мы молодцы!
Вчера ужъ какъ мы накутились....
Сего дня же опять поспѣли на кутежъ!

Digitized by Google

ПЕТРУША.

За то насъ и зовутъ: съ прогрессомъ молодежь!
Да гдѣ жъ Амфитріонъ, подрядчикъ нашъ богатый?

АНДРЮША.

Конечно рядится, чтобъ шику всѣмъ задать!

ПЕТРУША.

Смѣшны ужасно мнѣ купеческіе фаты,
И имъ ли насъ чѣмъ удивлять?

АНДРЮША *(грозя ему пальцемъ).*

Потише говори, самъ знаешь, намъ онъ нуженъ....

ПЕТРУША *(тише).*

Чтобъ позвалъ на обѣдъ, съ цыганками на ужинъ....

АНДРЮША *(тоже тихо, смѣясь).*

Чтобъ денегъ у него при случаѣ занять....
Но тише, вотъ и онъ....

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОННИКОВЪ *(входитъ развязно, одѣтъ франтовски, но безвкусно).*

ПЕТРУША *(трясетъ его за руку фамиліарно, дружески).*

А, здравствуй, другъ, — душа!

КОННИКОВЪ *(жметъ обоимъ руку).*

Bonjour, messieurs! люблю васъ за обычай, —
Ждать не заставите....

АНДРЮША.

Да, мы враги приличій!
Жизнь наша тѣмъ и хороша.

Digitized by Google

ПЕТРУША.

Живемъ, Никоша, нараспашку!...

КОННИКОВЪ.

Товарищество—жизнь моя!
Самъ не умѣю жить по старому, въ натяжку, —
За то, за свой прогрессъ, какъ и страдаю я!...

АНДРЮША.

Страдаешь ты за то, что не даетъ поблажку
Повѣрьямъ старымъ! отъ кого жъ?...
Отъ варваровъ, отъ идіотовъ,
Отъ старовѣровъ, отъ безсмысленныхъ Илотовъ.
Къ нимъ просвѣщенія, прогресса не привьешь,
Какъ лошадь не привьешь ты къ чуму Готентотовъ.
Недавно книгу видѣлъ я, —
Въ ней Готентотства бытъ описанъ съ критицизмомъ,
Тамъ просто коммунизмъ, тамъ все одна семья,
Тамъ общество не страждетъ эгоизмомъ!...

ПЕТРУША *(заливаясь смѣхомъ, обнимаетъ его).*

Какъ онъ ихъ разгромилъ! Дай мнѣ обнять себя:
Какъ въ повосъ мы войдемъ, — на каѳедру тебя!

КОННИКОВЪ *(съ одушевленіемъ).*

Я вамъ сочувствую.... А гдѣ же Николаша?
Гольтепинъ молодой, нашъ первый прогрессистъ....
Люблю отдать таланту справедливость!..

АНДРЮША.

Предстанетъ предъ тебя, какъ предъ травою листъ.

КОННИКОВЪ.

Хотѣлъ пріѣхать съ нимъ, чтобъ соблюсти учтивость,
И даже самъ его пречопорный папаша!

Digitized by Google

ПЕТРУША.

Изъ прочихъ стариковъ онъ больше всѣхъ терпимъ:
Не скаредъ онъ, не нелюдимъ;
Подчасъ поспорить можно съ нимъ....
Слова его — не поучительны, не громки,
А тамъ, что на душѣ, — какое дѣло намъ —
Чужая вѣдь душа потемки!...

КОННИКОВЪ.

Сегодня, къ завтраку, я вамъ того подамъ, —
Что пальчики оближете вы, братцы!...

ПЕТРУША И АНДРЮША *(въ одинъ голосъ)*.

Давай, давай! — Ну что за цацы!...

КОННИКОВЪ.

Прислали мнѣ издалека
Такого балыка, —
Что просто жиромъ такъ и залитъ,
Ну такъ во рту и таетъ!...

(Подходитъ къ столу и звонитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Входитъ Николай, и становится въ дверяхъ у притолки).

КОННИКОВЪ *(съ досадой)*.

Ну, что же всталъ! торчишь, какъ вкопанный у двери;
Пріѣхали, ты видишь, все виверы!
Закуску подавать!...

НИКОЛАЙ.

Я думалъ, что не всѣ....

КОННИКОВЪ *(пожимая плечами)*.

Чтожъ, намъ и голодать, пока пріѣдутъ тѣ?

Digitized by Google

Мы не кабальные какіе!
Смотри же у меня: что тамъ ни есть въ печи —
Все намъ сюда на столъ мечи! —
И вина принести, — ну, тѣ, *(съ важностью) что дорогія*

(Николай уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(Входитъ старикъ Гольтепинъ, молодой Гольтепинъ и съ ними Типунинъ).

КОННИКОВЪ, АНДРЮША И ПЕТРУША *(въ одинъ голосъ).*

Почти всѣ собрались!

АНДРЮША *(на ухо Петрушѣ).*

Въ добавокъ съ толстымъ Титомъ!

(Конниковъ съ видимой предупредительностью прежде всего спѣшитъ къ старому Гольтепину, раскланивается передъ нимъ церемонно, съ Типунинымъ вѣжливо, но не такъ предупредительно, а молодому Гольтепину жметъ руку болѣе фамиліярно. Всѣ другъ другу кланяются. Сцена нѣсколько минутъ нѣмая, но выразительная).

ГОЛЬТЕПИНЪ СТАРИКЪ *(важно съ особенной интонаціей).*

Сказалъ, —
И слово я сдержалъ!
Я думаю, вы насъ немного заждались!
Но мы къ Кутепинымъ заѣхали съ визитомъ;
Тамъ именинница, старушка, мать его;
И онъ за нами скоро будетъ.

КОННИКОВЪ.

Помилуйте-съ, не заждались мы ничего!
А вашъ покорнѣйшій, повѣрьте, не забудетъ,
Что нынче такъ его пріѣздомъ обязали!

Digitized by Google

ГОЛЬТЕПИНЪ МОЛОДОЙ.

Да вамъ, какъ вижу, господа,
Ни выпить, ни поѣсть еще не подавали....
Вы на антоньевской....

КОННИКОВЪ, АНДРЮША И ПЕТРУША *(въ одинъ голосъ).*

Покамѣстъ да!

ТИПУНИНЪ.

А мы такъ пирожка порядкомъ поубрали;
Семейный былъ пирогъ, — а испеченъ былъ всласть!

ГОЛЬТЕПИНЪ МОЛОДОЙ *(полунасмѣшливо Типунину).*

Все, что̀ семейное, такъ это ваша часть.

(Вполголоса Петрушѣ и Андрюшѣ).

Въ семейники ему страхъ хочется попасть!...

ТИПУНИНЪ *(нѣсколько обидясь).*

Смѣшнаго ничего не прозрѣваю въ этомъ.

ГОЛЬТЕПИНЪ МОЛОДОЙ *(Конникову).*

А я хоть ѣлъ пирогъ, но и твоимъ котлетамъ
Найду мѣстечко, здѣсь, повѣрь. *(Треплетъ себя по животу).*
Не такъ ли, господа? *(обращаясь къ Петрушѣ и Андрюшѣ).*

АНДРЮША И ПЕТРУША *(въ одинъ голосъ).*

Конечно такъ, монъ-шеръ!
И будемъ пить и ѣсть, какъ будто не ѣдали.

(Николай и двое трактирныхъ слугъ вносятъ на подносахъ закуски и бутылки съ винами, и разставляютъ ихъ на столахъ).

КОННИКОВЪ *(указывая на закуску).*

Пожалуйте-съ!

АНДРЮША.

Не потчуй, безъ того приступимъ,
И въ этомъ дѣлѣ мы другъ другу не уступимъ.

Digitized by Google

(Всѣ присуспѣживаются къ закускамъ; пьютъ, ѣдятъ и разговариваютъ между собой. Гольтепинъ старикъ выпиваетъ чего-то и беретъ изъ закуски тоже что-то, и выходятъ съ Конниковымъ на авансцену. Конниковъ замѣтно около него увививается).

КОННИКОВЪ.

А я какой профанъ! — И не спросилъ — что ваши —
Домашнія?...

ГОЛЬТЕПИНЪ СТАРИКЪ.

Здоровы; у Наташи
Все книги на умѣ, отъ ночи до утра;
А Стефани — рѣзва, добра;
Поетъ, работаетъ, и нынче какъ вчера....
Ребенокъ до сихъ поръ. — А вы такъ насъ забыли!...

КОННИКОВЪ *(съ нѣкоторой ужимкой).*

Помилуйте-съ, могу ль!...

ГОЛЬТЕПИНЪ СТАРИКЪ.

Дней нѣсколько не были.

КОННИКОВЪ.

Все занятъ былъ, дѣла! —
Въ коммерческихъ дѣлахъ намъ день бываетъ важенъ; —
Ну словомъ, голова такъ кругомъ и пошла!

ГОЛЬТЕПИНЪ СТАРИКЪ.

По мнѣ тотъ коммерсантъ и долженъ быть уваженъ,
Который дѣлаетъ все самъ, —
А не какой нибудь, съ бородкой, плутъ прикащикъ!

КОННИКОВЪ.

Ни Богу, ни людямъ отвѣту въ томъ не дамъ.
Прикащикамъ я солонъ, не потатчикъ;
И у родителя я въ этомъ не въ долгу!
Все знаю практикой, все дѣлать самъ могу.

Digitized by Google

(Этимъ временемъ, пока они говорятъ, остальное общество ѣстъ и пьетъ порядочно и начинаетъ подпивать).

ГОЛЬТЕПИНЪ МОЛОДОЙ *(подходя къ нимъ).*

Помилуйте, папа! да вы заговорили
У насъ хозяина: — онъ выпить неуспѣлъ.

ГОЛЬТЕПИНЪ СТАРИКЪ.

Успѣетъ, толькобъ захотѣлъ!...
Я не люблю мѣшать, и сами мы кутили....
И если стариной тряхну —
То всѣхъ васъ за поясъ заткну!

КОННИКОВЪ *(конфузясь).*

Вы знаете-съ, я не большой питокъ!

(При этомъ словѣ молодой Гольтепинъ улыбается двусмысленно, а Андрюша и Петруша смѣются, хотя не совсѣмъ нагло, да и не совсѣмъ пристойно).

КОННИКОВЪ *(старается поправиться и замять этотъ смѣхъ, говоритъ не со всѣмъ впопадъ).*

Чему смѣетесь вы? — Кутепинъ ужъ небудетъ.

ТИПУНИНЪ.

Онъ не таковъ: далъ слово — не забудетъ.

(Отворяются двери).

АНДРЮША И ПЕТРУША *(вскрикиваютъ въ одинъ голосъ).*

А на поминѣ онъ, вотъ видите, легокъ!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IX.

(Входитъ Кутепинъ застѣнчиво; всматривается, охарашивается пораскрасневшись, не много на веселѣ послѣ домашняго пирога. Собой онъ молодцоватъ. Одѣтъ хотя мѣстнымъ портнымъ, но не безобразно; онъ старается быть развязнымъ, а вино придаетъ ему эту натянутую развязность).

КУТЕПИНЪ.

Ужь не меня ли поминали-съ? *(увидя стараго Гольтепина)*,
Извините-съ, —
Я васъ не ожидалъ....

ГОЛЬТЕПИНЪ МОЛОДОЙ *(полунасмѣшливо)*.

На этомъ невзыщите-съ!
Мы поминали васъ теперь, —
Анъ — глядь, — а вы ужь въ дверь! —

(Вся молодежь обступаетъ его; старикъ Гольтепинъ подходитъ къ нему дружественно, но солидно, и пожимаетъ ему руку. Кутепинъ съ молодежью обходится фамиліарно, а со старикомъ Гольтепинымъ почтительно.)

КОННИКОВЪ.

По правдѣ думали, что ты, Иванъ Ѳомичъ,
Неявишься на дружескій нашъ кличь!...

АНДРЮША.

А мы готовили ужь спичъ.
Чтобъ разгромить тебя!...

КУТЕПИНЪ.

Вы, съ вашимъ модньмъ словомъ,
Смѣшны мнѣ господа; въ кругу у насъ торговомъ

Digitized by Google

Не такъ: далъ слово, такъ держись, —
Покамѣстъ не далъ, такъ крѣпись! —

(Вся молодежь въ одинъ голосъ).

Ай Ваня! молодецъ, отбрилъ насъ, всѣхъ отбрилъ!

ТИПУНИНЪ *(важно)*.

Я до прихода ихъ того же мнѣнья былъ.

ГОЛЬТЯПИНЪ СТАРИКЪ.

А мы, Иванъ Ѳомичъ, сперва васъ посѣтили,
Почтенную старушку вашу, мать, —
Поздравили съ днемъ ангела, не множко закусили....
Обычьи старины люблю я наблюдать,
Мы съ вашимъ батюшкой пріятели вѣдь были!...
И что былъ за старикъ! такихъ ужъ нѣтъ теперь....

ГОЛЬТЯПИНЪ МОЛОДОЙ *(Андрюшѣ и Петрушѣ вполголоса)*.

Ну вотъ, поди, ему повѣрь.

КУТЯПИНЪ.

Отецъ мой прожилъ такъ, какъ дай Богъ намъ прожить;
И память по себѣ онъ добрую оставилъ;
Весь городъ нашъ объ немъ съ почтеньемъ говорилъ, —
Служилъ онъ обществу и службу не безславилъ.

ГОЛЬТЯПИНЪ СТАРИКЪ *(лицемѣрно)*.

Ѳома Ѳомичъ былъ точно рѣдкихъ правилъ!
А вы дичитесь насъ, со всѣмъ вы запропали;
Грѣшно вамъ; съ батюшкой не такъ мы встарь живали:
То я къ нему, то онъ ко мнѣ...

ГОЛЬТЯПИНЪ МОЛОДОЙ.

Да полно толковать вамъ все о старинѣ!
Пора за дѣло намъ, за завтракъ приниматься.

ПЕТРУША.

Пора искать намъ истину на днѣ,
Въ винѣ!...

Digitized by Google

КОННИКОВЪ *(указывая на завтракъ).*

Прошу распоряжаться!

КУТЕПИНЪ.

И мы не прочь въ компанствѣ разгуляться!

(Всѣ подходятъ къ завтраку, пьютъ и ѣдятъ).

ГОЛЬТЕПИНЪ СТАРИКЪ.

Прощайте господа!
А мнѣ такъ дѣло есть, въ присутствіе заѣду,
Потомъ еще кое-куда, —
И доберусь домой — едва-едва къ обѣду.

(Обращаясь къ Конникову и Кутепину).

А васъ прошу къ себѣ всегда:
Радъ очень сблизиться; совсѣмъ я не изъ тѣхъ, —
Которые вамъ все готовы ставить въ грѣхъ, —
И то, и се: и вашу удаль молодую!...
Морализировать нашъ молодой народъ —
Нелѣпо и смѣшно. — Отъ дрязговъ самъ пасую,
Отъ моралистовъ былъ и есть всегда ошую....
Живалось встарь и намъ, теперь же вашъ чередъ!...

ТИПУНИНЪ.

И я за вами вслѣдъ! —

ГОЛЬТЕПИНЪ СТАРИКЪ.

Тебѣ вѣдь дѣла нѣтъ!
Ты Титъ Изотычъ оставайся, —
И съ молодежью самъ помолодѣть старайся.

(Раскланивается и уходитъ;
Конниковъ его провожаетъ).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ГОЛЬТЕПИНА СТАРИКА.

ГОЛЬТЕПИНЪ МОЛОДОЙ.

Ну господа! теперь всѣ нараспашку! —
Цыгане будутъ ли?

КОННИКОВЪ.

Сердитъ я на Ульяшку:
Вдалась въ какой-то ложный стыдъ. —
Возми ее со всѣмъ, заладила, твердитъ, —
А такъ, вишь, нехочу. Ревнуетъ и блажитъ!...
Туда жь съ своей цыганской кровью
За нравственность взялась, — забредила любовью!

АНДРЮША.

Плюнь просто на Ульяшку,
А намъ за цыганьемъ пошлика Николашку!

КОННИКОВЪ.

Утѣшься! приказалъ; сегодня таборъ весь —
Съ утра былъ съ поздравленьемъ здѣсь;
Цыганская извѣстна ужъ натура.

ПЕТРУША.

Извѣстно, что у нихъ и губа-то не дура, —
Вся жизнь ихъ торгъ и магарычъ (*обращаясь къ Кутепину*).
Не такъ ли, другъ. Иванъ Ѳомичъ?

КУТЕПИНЪ (*видимо развеселившійся*).

Такъ, такъ, согласенъ я, давай сюда цыганъ!
Сегодня праздную, и я готовъ быть пьянъ....
Сей часъ у матушки тряхнулъ на именинахъ —
Не все жь аршинничать и думать объ алтынахъ!...

Digitized by Google

ГОЛЬТЯПИНЪ.

Ну просто молодецъ, ну просто прогрессистъ!

КУТЯПИНЪ.

Отъ иноземщины былъ, есть, и буду чистъ!
Живу по старинѣ, гуляю я посвойски,
А вы какъ знаете, толкуйте позаморски.

ГОЛЬТЯПИНЪ.

Рѣшили всѣ: цыганъ!

АНДРЮША.

Безъ нихъ и пиръ не въ пиръ!

ТИПУНИНЪ.

Цыгане, господа, какъ вижу, вашъ кумиръ!
Орутъ себѣ, орутъ, и пляшутъ такъ себѣ безстыдно....

ГОЛЬТЯПИНЪ.

Вы не кутиловецъ!

ПЕТРУША (*въ полголоса*).

И по фигурѣ видно!

ГОЛЬТЯПИНЪ.

Вы въ этомъ дѣлѣ не знатокъ! (*съ иронiей*).
Чиновникъ нравственный, Аркадскiй пастушокъ....
Ну гдѣ же вамъ тягаться съ нами, —
И съ прогрессистами,
И съ цыганистами.

АНДРЮША.

Я доскажу: съ виверами и съ молодцами!

ТИПУНИНЪ (*про себя качая головой*).

И во всей формѣ съ сорванцами!

Digitized by Google

ПЕТРУША.

А мы съ цыганами кутнемъ,
И пѣсенокъ споемъ,—
И поведемъ, вотъ такъ—плечами! (*Становится въ позицію и поводитъ плечами*).

ТИПУНИНЪ.

Тягаться съ вами мнѣ смѣшно,
Мнѣ дорого общественное мнѣнье,
Я знаю про себя, что дико и грѣшно,
А вамъ—и во грѣхахъ спасенье!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ БЕЗЪ ТИПУНИНА.

КОННИКОВЪ.

Ушелъ! Вѣдь экой жидоморъ!

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Жаль трехрублевой депозитки
Цыганамъ дать!

АНДРЮША.

На службѣ полотеръ,
И деньги есть, и грабитъ всѣхъ до нитки.

КОННИКОВЪ.

И не понашему, не терпитъ онъ убытки!

КУТЕПИНЪ. (*Немного пьяный съ досадой*).

За то не щелкоперъ;
Онъ честный человѣкъ! городите вы вздоръ!

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Чортъ съ нимъ! (*къ Коннікову*). Ну другъ, Никоша!
Свалилась нравственная ноша!

Digitized by Google

(Напѣвлетъ какую-то цыганскую пѣсню и насвистываетъ).

Въ картишки перекинемъ, другъ!
Что въ палки, или такъ,—что любишь иль не любишь?

КОННИКОВЪ.

Боюсь, Гольтепинъ, въ послѣднюю погубишь!...

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Да что туманенъ ты?

КОННИКОВЪ *(вдумчиво).*

Идея есть! недугъ!...

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Сердечный.... знаю я! разгонимъ, уврачуемъ....

(Въ полголоса).

Объ этомъ послѣ потолкуемъ.

КОННИКОВЪ. *(Жметъ ему руку, и звонитъ; входитъ Николашка).*

Цыгане скоро ли?

НИКОЛАШКА.

Сей часъ, всѣ на лицо!

КУТЕПИНЪ.

Покамѣсть, до цыганъ, намъ подливай винцо;
Вишь, молодецъ, мы разгулялись!

НИКОЛАШКА *(ему вполголоса).*

Вамъ въ рѣдкость, батюшка.... а мы, не то видали-съ!

КОННИКОВЪ.

Скорѣе карты намъ! шампанскаго давай!

НИКОЛАШКА. *(Уходитъ).*

(Всѣ запѣваютъ въ одинъ голосъ).

Наливай, братъ, наливай!
Наливать не уставай!...

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XII.

(Николашка приноситъ карты, развертываютъ столы; другой слуга несетъ шампанское въ стаканахъ и подаетъ всѣмъ).

ГОЛЬТЕПИНЪ (*распечатываетъ колоду картъ и обращается къ Конникову).*

Во что жъ?

КОННИКОВЪ (*видимо пьянѣетъ*).

Хоть въ палки, хоть въ полѣнья!
(*Къ Кутепину*).
А ты Иванъ Ѳомичъ?

КУТЕПИНЪ.

Прошу прощенья!
Вы знаете я не мастакъ.

ГОЛЬТЕПИНЪ (*вполголоса*).

Вахлакъ!
Всегда ужъ такъ,—
Боится картъ онъ словно бѣса!...

КУТЕПИНЪ.

Вы знаете, не смыслю въ нихъ бельмеса;
Вотъ выпить, я не прочь, другое это дѣло;
А въ картахъ, какъ-то все не смѣло!...

ГОЛЬТЕПИНЪ И КОННИКОВЪ (*садятся за карточный столъ. Андрюша и Петруша подходятъ къ Гольтепину и говорятъ ему вполголоса*).

Намъ третью часть?

ГОЛЬТЕПИНЪ (*сухо*).

Идетъ!

Digitized by Google

КОННИКОВЪ (*Андрюшѣ и Петрушѣ*).

А вы ужъ тутъ, какъ тутъ!

(*Обращаясь къ Гольтепину и выпивая залпомъ стаканъ*).

Самимъ вѣдь не на что махнуть!

(Конниковъ и Гольтепинъ играютъ, а прочіе ходятъ, пьютъ, разговариваютъ; входятъ и еще гости разныхъ лѣтъ, въ разныхъ костюмахъ, въ томъ числѣ и военные. Всѣ подходятъ къ Конникову, кланяются, жмутъ ему руку; онъ разсѣянно киваетъ головой, указываетъ на завтракъ и бутылки и продолжаетъ играть. По пріему видно, что гости неважные, а такъ себѣ, прихлебатели. Андрюша стоитъ у картъ, и смотритъ пристально на игру. Петруша, обнявшись, расхаживаетъ съ Кутепинымъ, подходитъ ко вновь прибывшимъ гостямъ, говоритъ со всѣми; продолжаетъ пить. Оживленная, нѣмая картина.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

(Является хоръ цыганъ. Цыганки по обыкновенію разодѣты пестро; съ ними три молодые цыгана, въ казакинахъ, подтянутые ремнями; у одного изъ нихъ въ рукахъ гитара. Входятъ, раскланиваются. Гости подходятъ къ хору, говорятъ, шутятъ съ цыганками. Вмѣстѣ съ цыганами прокрадывается и Сысой Сысоичъ Безфамильный; полу-пьяненькій).

КОННИКОВЪ И ГОЛЬТЕПИНЪ (*встаютъ изъ-за картъ, считаются и записываютъ*).

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Вѣдь будемъ продолжать?

КОННИКОВЪ.

Конечно! не везло!

Digitized by Google

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Бездѣлица всего, не круглое число!

АНДРЮША *(пересчитывая).*

До тысячи пять-сотъ полсотни не хватило.

КОННИКОВЪ.

Ну вотъ и цыганье! шампанскаго сюда!
Пусть льется такъ вино, какъ съ горъ бѣжитъ вода....
(Къ Кутепину).
А у тебя я чай сердчишко защемило! *(Указывая на одну цыганку).*

АНДРЮША *(Петрушѣ вполголоса, на авансценѣ).*

Метафору хватилъ! и самъ онъ метафоренъ!
А Гольтепинъ втасовкѣ страхъ проворенъ.
(Указывая глазами на Конникова и Кутепина).
Кого же, какъ не ихъ, виверамъ обирать!
Вѣдь нами всѣ живутъ, и насъ же грабятъ сплошь....
А нынѣшній денекъ намъ выдался хорошъ!
И мы таки себѣ зашибли сотенъ пять.

ПЕТРУША.

Но надо ихъ скорѣй къ своимъ рукамъ прибрать.
А Гольтепинъ возьметъ, и тотчасъ промотаетъ;

АНДРЮША.

Молчи! онъ къ вечеру и больше наиграетъ.—

КОННИКОВЪ *(обнимая Кутепина).*

Съ романсовъ ли начать? *(Обращаясь къ одной цыганкѣ)*
Смотри, Ульяша, пой!
Залейся соловьемъ.... разсыпчатою трелью
Пройдися по сердцамъ; вторь нашему веселью!..
(Подмигивая ей на Кутепина).

Digitized by Google

И маха не давай.... плѣняй!... онъ самъ не свой!..

ГОЛЬТЕПИНЪ *(увидя Сысоича).*

Ба! и Сысоичъ здѣсь?... Ну вотъ разодолжилъ!
Онъ чуетъ, какъ лягашь, гдѣ мы, и гдѣ пирушка....

СЫСОИЧЪ *(ухмыляясь подловато).*

Изволите шутить! я выбился изъ силъ,—
Искавши васъ; спасибо, натолкнулъ Ванюшка....

(Сысоичъ отходитъ, и прикладывается къ завтраку, и пьетъ нѣсколько рюмокъ сразу).

КУТЕПИНЪ *(Сысоичу).*

Сысой Сысоичъ! вы намъ выкиньте колѣно!
И спойте пѣсенку; потомъ пуститесь въ плясъ.

СЫСОИЧЪ.

Извольте, батюшка, для васъ—
Спою и пѣсенку.... *(Запѣваетъ)* «Ой вы сѣни!... мои сѣни!...»

(Всѣ смѣются).

Али любовную, и ту изволь спою....
Всѣхъ цвѣточковъ болѣ! розу я люблю!...

(Поетъ дрожащимъ голосомъ, хохотъ усиливается).

ГОЛЬТЕПИНЪ.

Хвала Сысоичъ нашъ! ну выкини затѣю, —
Въ присядку отличись!...

СЫСОИЧЪ *(какъ будто обидясь).*

Не плясывалъ я вѣкъ
Холопскихъ выплясокъ! и я былъ человѣкъ,
По выборамъ служилъ!.. вотъ вальсъ, иль лекосею,
Для милостивцевъ отпляшу....
Ну, черномазая, пойдемъ,—иль задушу!...

Digitized by Google

(Схватываетъ одну цыганку, и начинаетъ съ ней кружиться и выдѣлываетъ па; взрывы смѣха еще болѣе усиливаются. Наливаютъ вина, и поятъ Сысоича. Цыгане между тѣмъ поютъ, сперва обычныя ихъ романсы; Ульяша поетъ соло; хоръ ей подпѣваетъ; потомъ начинаются плясовыя пѣсни; старая цыганка съ молодымъ цыганомъ, пляшутъ неистово; гости кричатъ: браво, брависсимо! фора! «ходи-ну!» и прочія приговорки, хлопаютъ въ ладоши, притопываютъ ногами, подергиваютъ плечами, перешептываются между собой; словомъ кутежъ въ полномъ разгарѣ. Гольтепинъ тѣмъ временемъ, то походитъ подъ руку съ Конниковымъ, то съ Кутепинымъ, и объ чемъ-то съ ними разговариваетъ, какъ будто и серьезно. Цыгане продолжаютъ пѣть и плясать; дѣйствующія лица остаются въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ и были, и когда занавѣсъ опускается, то слышенъ еще хоръ цыганъ, который постепенно и умолкаетъ).

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ).

Digitized by Google

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О ЗНАМЕНИТОМЪ ХОРЕГРАФѢ

К. Л. Дидло.

(Статья А. П. Г.)

ОТЪ АВТОРА.

Не желаніе получить извѣстность руководило автора при этомъ воспоминаніи о г. Дидло, а душа признательнаго человѣка, который помнитъ своего благодѣтеля и отдаетъ его таланту совершенную справедливость.

Сначала танцы были въ употребленіи въ однихъ только домашнихъ собраніяхъ; но послѣ, по усовершенствованіи ихъ, сдѣлались предметомъ публичныхъ зрѣлищъ, — стали употребляться въ театрахъ. Въ драматическихъ піесахъ они употреблялись еще очень рѣдко: танцовали только одни па де де (pas de deux) или па де труа съ присовокупленіемъ кордебалета, а послѣ давались отдѣльные танцовальные дивертисементы по окончаніи драматическихъ представленій. Эти дивертисементы были уже съ нѣкоторыми идеями, т.-е. съ пантомимою, выражавшею внутреннія чувства. Потомъ возникли изъ этихъ дивертисементовъ большіе балеты, въ

Digitized by Google

коихъ изображались разныя событія нынѣшнихъ и прошедшихъ временъ,—такъ что въ послѣдствіи они начали соперничать съ драматическими представленіями, потому что нѣкоторыя драматическія піесы по отношенію къ содержанію стоятъ ниже хорошаго балета, и публика часто находитъ болѣе удовольствія смотрѣть балетъ, нежели дурныя піесы, и балеты имѣютъ въ себѣ много умственнаго, а не одни скачки. Балетмейстеры находили для балета хорошіе сюжеты, выводили въ нихъ рѣзко обозначенные характеры лицъ, такъ что каждая роль приносила зрителю особенное удовольствіе, и старались какъ можно рѣже основывать весь балетъ на одномъ лицѣ. Возьмите лучшія театральныя піесы и балеты: они по большой части въ этомъ отношеніи имѣютъ сюжетомъ содержаніе высокое; въ нихъ каждое дѣйствующее лицо есть особенный характеръ; балетъ, какъ драматическое произведеніе, создаетъ также типическіе характеры. Сцена есть не иное что, какъ отраженіе быта вседневной человѣческой жизни; а не ужели однѣ женщины играютъ въ мірѣ роли первыхъ лицъ? Напримѣръ, я возьму самый старый балетъ «Дезертеръ:» въ роли дезертера изображается сильная любовь, глубокая грусть и отчаяніе: онъ осужденъ и приговоренъ къ смерти. Элиза его невѣста: въ ней развиваются подобныя же страсти, но только въ болѣе сильномъ проявленіи, потому что она женщина. Монтосіель веселъ, добръ, а подъ конецъ и пьянъ. Четвертое лицо — Простачекъ; онъ имѣетъ характеръ шуточный, а въ сценѣ съ Монтосіелемъ онъ умоителенъ. Инвалидный солдатъ, отецъ Элизы, будучи объ одной ногѣ, потому что другая у него деревянная, не смотря на это танцуетъ па дé дé, и потому также имѣетъ забавный характеръ, пока не знаетъ участи своей дочери. Возьмемъ другой образецъ: одинъ изъ позднѣйшихъ балетовъ, — «Рауль де Креки или возвращеніе изъ Крестовыхъ походовъ» имѣетъ слѣдующіе характеры:— Рауль де Креки, главное дѣйствующее лицо, преисполненъ доброты, храбрости; онъ обожаемъ своимъ семействомъ и подданными; жена его, образецъ супружеской любви: полу-

Digitized by Google

чивъ извѣстіе о смерти мужа, она почти впадаетъ въ сумашествіе (*). Въ другой сценѣ: въ темницѣ, для спасенія своего сына она дѣлаетъ отчаянныя героическія усилія. Старшій сынъ ея по своей добротѣ и храбрости — второй образецъ своего отца. Пяти-лѣтній Креонъ по своимъ лѣтамъ уменъ, смѣлъ и съ добрымъ сердцемъ. Дѣти тюремщика для спасенія Рауль де Креки показываютъ самоотверженіе. Въ сто-десяти-лѣтнемъ слѣпомъ старцѣ видно съ одной стороны разрушеніе, съ другой огонь одушевленія и преданности къ своему господину: зритель невольнымъ образомъ чувствуетъ уваженіе, какъ къ добротѣ его сердца, такъ и его преклоннымъ лѣтамъ. Вся группа, изображающая его семейство, носитъ какой-то особенный отпечатокъ сельской характеристики. Въ Бодуинѣ видѣнъ извергъ и сластолюбецъ. Гумбертъ, наперстникъ Бодуина, повѣренный всѣхъ его злодѣйствъ, ревностный исполнитель его воли, характера не довѣрчиваго; онъ за всѣми примѣчаетъ и слѣдитъ за поступками каждаго изъ окружающихъ его. Темничный стражъ (хотя это и маленькая роль) представитель характера, изображающаго ужасное звѣрство, и особенно въ то время, когда онъ полумертвый съ мечемъ въ рукахъ преслѣдуетъ графиню и умираетъ въ страшныхъ предсмертныхъ судорогахъ. Здѣсь я опускаю прекрасные танцы, группы, которые г. Дидло называлъ второстепенностію въ балетѣ послѣ сюжета. Каждая изъ этихъ ролей имѣла свой собственный характеръ, была украшеніемъ балета, и доставляла публикѣ разнообразное и пріятное ощущеніе. Жаль только, что въ балетѣ дезертеръ, музыка очень стара.

Нѣкоторые балетмейстеры дѣлаютъ не рѣдко такъ, что бы въ балетахъ роль женщины была единственно первенствующею, а прочіе персонажи входятъ въ балетъ только

(*) Ниже при изложеніи содержанія этого балета эта сцена у меня не упомянута. Когда графинѣ приносятъ латы, шлемъ, копье, мечъ и щитъ ея мужа, покрытые чернымъ флеромъ, эмблемою смерти, и вручаютъ ей ложное письмо съ извѣстіемъ о его смерти, она впадаетъ почти въ сумашествіе. Эта сцена была выполнена съ большимъ эффектомъ.

Digitized by Google

какъ приличная обстановка для нея. Это по моему понятію ни что иное, какъ маленькая спекуляція: (*) по большой части первенствующія лица въ балетахъ имѣютъ поклонниковъ ихъ таланта; и такъ какъ она одна преимущественно дѣйствуетъ въ балетѣ отъ начала до конца, то съ помощію ея таланта, исторгающаго безпрерывныя рукоплесканія ея поклонниковъ, балетъ имѣетъ большой успѣхъ, хотя бы онъ былъ менѣе, чѣмъ посредственъ; не свѣдущіе зрители, судя по громкимъ рукоплесканіямъ, думаютъ видѣть въ немъ верхъ совершенства, что и заставляетъ ихъ часто посѣщать балетъ. Балетмейстеръ получаетъ славу, а антрепренеру все равно, какимъ бы образомъ ни была она заслужена, только чтобъ балетъ доставлялъ болѣе сборовъ. Но эти спекуляціи роняютъ искусство. Я не прочь, на сценѣ видѣть пріятное, талантливое, молоденькое личико, какъ часто бывало и въ балетахъ г. Дидло; но онъ и прочимъ дѣйствующимъ лицахъ давалъ эффектныя, характерныя роли. Отъ того его балеты никогда не теряли эффекта, а напротивъ еще много выигрывали; когда ихъ давали, то почти всегда театръ былъ полонъ лучшею публикою.

Если балетъ основанъ на одномъ лицѣ, а первая, талантливая танцовщица заболитъ, или совсѣмъ оставитъ сцену, тогда второстепенной танцовщицѣ трудно ея замѣнить, потому что она одна должна освѣщать своимъ талантомъ сцену, но при небольшомъ талантѣ она не можетъ выполнить этого назначенія. А будь при ней другія свѣтила, сцена не теряетъ своего свѣта, и публика также охотно пойдетъ въ театръ.

Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія: покажи инымъ два портрета,—одинъ, написанный искусной кистью, но представляющій старика, а другой посредственной работы, но изображающій молоденькую дѣвушку, — они скорѣй схватятся за приманчивое личико. Это только картина, а про живыя личики нечего ужъ и говорить; послѣ этого г. балетмейстеръ и правъ.

(*) Конечно у неопытнаго зрителя простой глазъ, а у знающаго свое дѣло онъ микроскопъ; потому что онъ видитъ всѣ малѣйшія ошибки.

Digitized by Google

О СОРЕВНОВАНІИ МЕЖДУ АРТИСТАМИ.

Надобно, чтобъ каждый истинный артистъ имѣлъ благородную зависть къ талантамъ другихъ, которая называется у насъ соревнованіемъ; чтобъ возродить ее даже въ самыхъ флегматическихъ натурахъ, нужно соперничество. Иной артистъ и съ большимъ талантомъ, но, не имѣя соперника, засыпаетъ, и только при появленіи его пробуждается.

Въ 1808, 9-мъ, 10-мъ и 11-мъ годахъ были при С.-Петербургскихъ театрахъ четыре балетмейстера: Дидло, Дюпоръ, Вальбергъ, и Огюстъ; послѣдній сочинялъ по большой части разнохарактерные танцы. Конечно, Дидло первенствовалъ между ними; но и тѣ въ свою очередь изъ соревнованія старались не отставать отъ него въ сочиненіяхъ балетовъ. Если бъ въ одно время съ Дидло не ставилъ своихъ балетовъ Дюпоръ; то, можетъ быть, и самъ Дидло не поставилъ бы такъ превосходно свои балеты: Амуръ и Психе́, Лаура и Генригъ, или разбитіе Мавровъ. Соревнованіе имѣетъ большое значеніе; при соперничествѣ артистовъ рождаются партіи въ публикѣ: обѣ стороны идутъ въ театръ сличать различные таланты соперниковъ; отъ этого выигрываетъ и театръ, потому что постоянно наполняется публикою.

По моему мнѣнію, большой, хорошо устроенный театръ долженъ непремѣнно имѣть двухъ балетмейстеровъ: въ случаѣ каприза однаго, если онъ скажется больнымъ, его замѣняетъ сей часъ другой, и первый, видя, что хорошо и безъ него обходятся, тотчасъ же исправляется отъ своихъ капризовъ, боясь, чтобъ ему не лишиться своего мѣста. Монополія вездѣ вредна.

Скажутъ, что достаточно и однаго балетмейстера, если онъ имѣетъ Европейскую репутацію и ставитъ балеты, которые имѣютъ большой успѣхъ въ публикѣ; а я скажу: если бъ онъ имѣлъ себѣ соперника, то тѣже самые балеты

Digitized by Google

были бы имъ поставлены еще въ лучшемъ видѣ, — безъ этого въ немъ не можетъ быть огня соревнованія. Даже самый Дидло, у котораго огонь къ своему занятію никогда не угасалъ, въ послѣдствіи времени, оставаясь одинъ балетмейстеромъ при С.-Петербургскомъ театрѣ, и не имѣя при себѣ соперниковъ, старался по крайней мѣрѣ соперничать съ лучшими иностранными балетмейстерами,—не смотря на то, что они находились отъ него за нѣсколько тысячъ верстъ. Случалось, что иногда пріѣзжали въ С.-Петербургъ извѣстные Европейскіе таланты, или знаменитые путешественники, интересовавшіеся видѣть его балеты. Узнавъ объ этомъ, Дидло забывалъ все на свѣтѣ; у него оставался только одинъ предметъ въ головѣ—его балетъ: онъ не давалъ себѣ покоя, лишался сна, дѣлалъ лишнія репетиціи, старался улучшить въ балетѣ каждую малость; отъ этихъ усилій хорошій балетъ дѣлался превосходнымъ; во всемъ этомъ имъ руководило соревнованіе, желаніе превзойти своимъ искусствомъ всѣхъ соперниковъ, чтобъ знаменитые путешественники и извѣстные Европейскіе артисты, видѣвшіе его балеты, возвратясь въ свое отечество, могли прославить его талантъ.

Приведу еще одинъ примѣръ на счетъ соревнованія двухъ высокихъ талантовъ, которому я самъ былъ свидѣтелемъ: все это совершилось на моихъ глазахъ.

Въ концѣ 1811 года, въ первыхъ числахъ декабря мѣсяца, я былъ отправленъ изъ С.-Петербурга въ Москву на мѣсто бывшаго Московскаго балетмейстера г. Лефевра; въ одно же время со мною были отправлены m-lle Жоржъ и ея сестра танцовщица m-lle Бебель, г. Мавьель съ своею женою, бывшею m-lle Фодоръ, танцовщицей Махаевой и съ другими артистами французской труппы. Въ Твери мы остановились на трое сутокъ, потому что m-lle Жоржъ имѣла честь предъ лицомъ Ея Императорскаго Высочества Екатерины Павловны декламировать нѣкоторые сцены изъ трагедій въ собственномъ ея дворцѣ. Я и прежде былъ знакомъ съ артистами, находившимися со мною вмѣстѣ въ дорогѣ; но во время нашего вояжа я еще болѣе сблизился съ ними, по-

Digitized by Google

тому что былъ у нихъ въ дорогѣ переводчикомъ, казначеемъ, однимъ словомъ — распорядителемъ во всѣхъ случаяхъ. Въ то время не было еще дилижансовъ: на каждой станціи должно было разсчитываться съ ямщиками; мои спутники были всѣ иностранцы, не понимали хорошо русскаго языка, и потому вояжные разсчеты возложены были на меня. Пріѣхавъ въ Москву, я видѣлся съ ними почти ежедневно и особенно съ m-lle Жоржъ, которая была гостепріимна, можно сказать, по русски и любила раздѣлять хлѣбъ и соль съ гостями. Между тѣмъ въ тоже самое время судьба привела меня жить въ одномъ домѣ (*) съ соперницей ея таланта, Екатериной Семеновной г-жей Семеновой; насъ съ нею отдѣляла одна стѣна: я жилъ въ однихъ комнатахъ съ ея отцомъ и съ нами вмѣстѣ стоялъ еще извѣстный комическій актеръ, Александръ Ефимовичъ Пономаревъ, который также былъ присланъ въ Москву на время. Я, можно сказать, былъ съ m-lle Жоржъ и г-жей Семеновой почти не разлученъ, видѣлъ ихъ домашній бытъ, зналъ ихъ взаимное соперничество. Эти два знаменитые таланта прибыли въ Москву почти въ одно время и имѣли состязаніе другъ съ другомъ: онѣ играли почти одни и тѣже роли,—только одна на французскомъ, а другая на русскомъ языкѣ. Бывало, придешь къ m-lle Жоржъ, найдешь ея окруженною поклонниками, превозносящими ея совершенства въ игрѣ; тогда она бывала въ полномъ восхищеніи, думая, что она превзошла свою соперницу. Бывая у Е. С. Семеновой, я заставалъ ея декламирующею ту роль, которую m-lle Жоржъ уже играла, и которую она должна сыграть на другой день. У нея обыкновенно, бывало, застанешь литераторовъ, которые дѣлали ей нѣкоторыя замѣчанія, и по врожденному каждому человѣку чувству патріотизма употребляли всѣ возможныя старанія, чтобъ Русская превзошла иностранку, — что иногда и случалось. Публика,

(*) Для пріѣзда С.-Петербургскихъ артистовъ въ Москву, нанятъ былъ театральной дирекціей домъ въ старой Конюшенной; во флигелѣ сего дома стояла въ тоже время танцовщица Махаева, которая находится въ Москвѣ и по сіе время.

Digitized by Google

уважавшая ея превосходный талантъ, поднесла ей въ знакъ благодарности блилліантовую діадему, которую я имѣлъ въ своихъ рукахъ и любовался ею: получила ли m-lle Жоржъ, что нибудь отъ Московской публики, которая также не могла отказать въ своемъ уваженіи и ея таланту, объ этомъ я не имѣлъ никакого свѣдѣнія. Многіе знатоки драматическаго искусства утверждали, что прибытіе m-lle Жоржъ въ Россію было не безполезно для г-жи Семеновой, потому что она нѣкоторымъ образомъ имѣла вліяніе на развитіе ея таланта. Ежели бы между ними не было соперничества, то наша сцена не была бы столь много украшена несравненной игрой г-жи Семеновой.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ БАЛЕТУ

Рауль де Крени.

Кто изъ просвѣщенныхъ людей не читалъ описанія временъ Крестовыхъ походовъ,—когда всѣ христіанскіе народы ополчались противъ поклонниковъ Магомета, что бы освободить святыя мѣста отъ рукъ нечестивыхъ Сарацынъ и избавить христіанъ отъ мукъ, претерпѣваемыхъ ими отъ послѣдователей Магомета? Во главѣ освободителей Іерусалима находились: Ричардъ — львиное сердце, король Англійскій, Филиппъ, король Французскій, Леопольдъ—герцогъ Австрійскій и проч. Какъ велики въ тѣ времена были христіанскіе государи своими подвигами, когда обнажали свои мечи для защиты христіанъ!... Тѣ времена были истинно религіозныя. Исторія Крестовыхъ походовъ во мнѣ породила мысль избрать программу балета изъ славныхъ временъ XII столѣтія и включить ее въ мои записки. Хотя въ сказанномъ мною балетѣ нѣтъ изображенія борьбы христіанъ съ невѣрными; но сюжетъ его принадлежитъ къ этому вѣку, когда крестъ уничтожалъ лже-Пророка и попиралъ символъ его луну. Жаль, что этотъ славный балетъ давно уже лежитъ

Digitized by Google

подъ спудомъ и ни кто на него не обратитъ вниманія. Нынѣ все старое изчезаетъ, даже и идеи народовъ мѣняются; и часто зависть и корысть не щадятъ дружбы и даже самой святости. Я въ моихъ запискахъ излагаю всѣ подробности балета Рауль де Креки потому, что, если бы кто невидалъ этого балета на сценѣ театра, а прочелъ бы только краткую программу его, въ которой говорится весьма кратко о танцахъ, сраженіяхъ, мимикѣ и проч., то не могъ бы видѣть всѣхъ красотъ балета и отдать должную справедливость высокому таланту г. Дидло.

«Первое представленіе балета Рауль де Креки было на «С.-Петербургскомъ театрѣ въ 1819 г. марта 5 дня, въ бе«нефисъ мимическаго танцовщика г. Огюста. Этотъ балетъ «былъ вѣнцомъ славы для г. Дидло; никогда еще не было «столько интереса въ балетномъ сюжетѣ. Сцены 3 и 4 акта «въ темницѣ—верхъ драматическаго искусства. О выполненіи «ихъ и говорить нечего. Главными лицами были несравнен«ная наша Колосова и Огюстъ. Удивительное дѣло — этотъ «балетъ. Постановка его стоила пять тысячъ, а выдержалъ «онъ болѣе ста представленій, данъ былъ восьмнадцать разъ «въ бенефисы и принесъ дирекціи болѣе двухъ сотъ пятиде«сяти тысячъ. Кажется, это былъ единственный въ свѣтѣ «балетъ, который окупился и принесъ пользу» (*). Монтировка этого балета такъ дешево обошлась потому, что въ то время по театральнымъ законамъ въ бенефисы артистамъ не давались большія издержки, и они принуждены были избирать, изъ бывшихъ въ употребленіи декорацій, костюмовъ и проч. для спектакля въ свои бенефисы, а чего не доставало, то дѣлали вновь.

(*) Эти слова заимствованы изъ статьи подъ названіемъ «Мои воспоминанія о театрѣ», помѣщенной нѣкогда бывшимъ инспекторомъ репертуара С.-Петербургскихъ театровъ Р. М. Зотовымъ въ репертуарѣ Русскихъ театровъ, издававшемся Н. Песотскимъ за 1840 годъ въ январской книжкѣ на страницѣ 36-й.

Digitized by Google

РАУЛЬ ДЕ КРЕКИ

ИЛИ

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Балетъ въ 5-ти дѣйствіяхъ сочин. г. Дидло, музыка г. Кавоса.

Краткое содержаніе балета.

Во время крестовыхъ походовъ, Рауль де Креки съ частію своихъ воиновъ отправился въ Палестину: въ отсутствіе его, сосѣдственный ему владѣлецъ Бодуинъ овладѣваетъ его замкомъ и всѣми принадлежащими ему землями, и принуждаетъ графиню Аделаиду де Креки отдать ему свою руку. Рауль де Креки, на возвратномъ пути въ свое отечество, претерпѣваетъ близъ своихъ владѣній кораблекрушеніе, но съ двумя своими оруженосцами спасается на обломкѣ корабля; волны выкидываютъ ихъ на берегъ его владѣній; отъ рыбаковъ узнаетъ онъ о своемъ несчастіи и, не будучи въ состояніи отмстить Бодуину силою, проситъ помощи у сосѣднихъ владѣльцевъ; самъ въ тоже время переодѣвается въ одежду пилигрима и идетъ въ замокъ, въ которомъ находится его жена, чтобъ развѣдать обо всемъ подробно и назначить планъ освобожденія своего семейства. Бодуинъ даетъ графинѣ богатый праздникъ; въ концѣ праздника, по наущенію Бодуина, ее увѣдомляютъ, что мужъ ея погибъ въ сраженіи съ Сарацынами. Мнимый пилигримъ по приказанію Бодуина увѣряетъ ея въ томъ, что онъ самъ былъ этому свидѣтелемъ. Графиня впадаетъ почти въ безуміе; Бодуинъ опасаясь, чтобъ она и совершенно не потеряла разсудка, приказываетъ пи-

Digitized by Google

лигрому разсѣять ея музыкою, а самъ удаляется, оставивъ при нихъ своего повѣреннаго Гумберта. Креки взявъ арфу, начинаетъ играть романсъ, нѣкогда сочиненный имъ для графини; такимъ образомъ графиня узнаетъ въ пилигримѣ своего мужа; но и Гумбертъ примѣтилъ все это и даетъ знать Бодуину. Рауль де Креки въ опасности: видя, что ему нельзя долѣе скрываться, онъ сбрасываетъ съ себя одѣяніе пилигрима: всѣ узнаютъ въ немъ бывшаго владѣльца. Происходитъ сраженіе; Рауль де Креки побѣжденъ, и Бодуинъ приказываетъ заключить графиню вмѣстѣ съ ея малолѣтнымъ сыномъ въ темницу, старшаго ея сына бросить въ море, а ихъ отца предать всѣмъ жестокимъ мученіямъ. Воины Бодуина увлекаютъ несчастнаго Креки вмѣстѣ съ его семействомъ за ихъ тираномъ, который удаляется съ торжествующимъ видомъ.

Второе дѣйствіе заключаетъ въ себѣ отдѣльную картину праздника и танцевъ, и потому, не желая прерывать нити драматическаго содержанія балета, мы позволимъ себѣ перейдти прямо къ третьему дѣйствію, а о второмъ поговоримъ подробно въ послѣдствіи.

ДѢЙСТВІЕ III.

Внутренность башни, въ коей заключена графиня съ меньшимъ ея сыномъ, Креономъ.

Дитя спитъ на колѣнахъ матери, которая съ нѣжностію любуется его милымъ личикомъ; но вдругъ, испуганный страшнымъ сномъ, маленькій Креонъ просыпается. Успокоенный матерью онъ проситъ, чтобъ и она также заснула: съ ребяческою невинностію, своей ручонкою закрываетъ онъ ей глаза, и цѣлуетъ ихъ, наклоняетъ ей голову на изголовье каменной скамьи, грозитъ ей пальчикомъ, чтобъ она спала. Она закрываетъ на время глаза. Маленькій Креонъ, боясь ея разбудить, и въ полной увѣренности, что она заснула, во-

Digitized by Google

кругъ нея обходитъ на цыпочкахъ. Потомъ отходитъ отъ нея прочь, становится на колѣни, прося Всевышняго о ея успокоеніи, опять тихонько подходитъ къ ней и прислушивается, спитъ ли она? Увѣрившись въ томъ, радуется, что она заснула спокойно. Однакожъ графиня не спитъ: она только притворяется спящею для того, чтобъ успокоить дитя. Малютка смотритъ на стѣны тѣмницы, пугается ихъ мрачности и, наступя на цѣпи, лежащія на полу, приходитъ въ ужасъ. «Что мнѣ здѣсь дѣлать? — говоритъ онъ, вспоминая о своихъ игрушкахъ: у меня здѣсь нѣтъ копья, лошадки, колясочки. Его начинаетъ безпокоить голодъ:—увидѣвъ кусокъ чернаго хлѣба и кружку воды, онъ хлопаетъ отъ радости ручонками; потомъ вспомнивъ, что онъ стукомъ можетъ разбудить спящую мать, въ страхѣ прикладываетъ ко рту пальчикъ, какъ будто говоря: что я надѣлалъ? тихо оборачивается къ ней, и видя, что она спитъ, радуется, прикладываетъ руку къ сердцу и вздыхаетъ отъ удовольствія. (Во все это время графиня горько плачетъ, будучи растрогана своими несчастіями и любовью къ ней своего малолѣтняго сына; когда онъ въ продолженіе этого времени взглядываетъ на нее, она невольно закрываетъ свои глаза.) Дитя подходитъ къ столу; взявъ кусокъ чернаго хлѣба и кружку воды, рѣшается, не смотря на отвращеніе къ грубой пищѣ, употребить ее въ свою пользу. Въ эту минуту онъ слышитъ, что мать плачетъ: въ рукахъ у ней портретъ мужа, который она разсматриваетъ; онъ бѣжитъ къ ней, цѣлуетъ портретъ отца и бросается въ ея объятія. Вдругъ пущенная стрѣла черезъ рѣшетку тюремнаго окошка, падаетъ къ ногамъ графини; къ ней привязана записка: «здѣсь ли заключена графиня?» Аделаида отрываетъ половину записки, привязываетъ отвѣтъ, дергаетъ за шнурочекъ и стрѣла опять обратно полетѣла. Она отводитъ дитя отъ окна, боясь, чтобъ другая стрѣла не убила его. Въ это время слышенъ шумъ идущихъ въ темницу: это Бодуинъ, побѣдивъ защитниковъ Креки, является предъ своими жертвами. Въ одной рукѣ держитъ онъ знамя враговъ, другую предлагаетъ графинѣ;

Digitized by Google

но взбѣшенный ея отказомъ, бросается къ ней и срываетъ съ руки ея обручальное кольцо съ Креки: стрѣла, вторично пущенная потому же направленію, летитъ и ударяетъ въ Бодуина, который, будучи безъ латъ, раненъ оною; изнемогая опирается онъ на стѣну. (*) Графиня видитъ на концѣ древка съ перомъ стрѣлы записку, подбѣгаетъ къ Бодуину, будто стараясь вынуть стрѣлу, снимаетъ записку и отдаетъ ее дитяти. Въ одно и тоже время она снимаетъ съ Бодуина шарфъ, перевязываетъ имъ рану его и читаетъ записку, которую передъ нею держитъ скрытно сынъ ея; по прочтеніи дитя прячетъ ее въ карманъ. Бодуинъ во все это время находится отъ боли безъ чувствъ; потомъ мало по малу приходитъ въ себя. Въ гнѣвѣ онъ упрекаетъ графиню, что она всему причиною; обходитъ темницу, ища злодѣя, его поразившаго; наконецъ взоры его обращаются на несчастное окно—и все открывается. Графиня бѣжитъ къ окну, что бы дать знать какимъ нибудь образомъ друзьямъ своимъ о ихъ опасности; но Бодуинъ схватываетъ Креона, отдаляетъ мать отъ окна и зоветъ воина. Воинъ является, и Бодуинъ приказываетъ ему не пускать графиню къ окну и, при-малѣйшемъ покушеніи на то, сбросить внизъ съ башни ея сына, котораго отдаетъ воину на руки,—а самъ въ изнеможеніи отъ раны уходитъ. Аделаида употребляетъ просьбы,

(*) Здѣсь я намѣренъ описать стрѣлу, для того, что читатель можетъ сказать: «на бумагѣ можно написать все, а на дѣлѣ совсѣмъ другое.» Въ самомъ дѣлѣ, какъ представить, что стрѣла поражаетъ Бодуина? На Бодуинѣ былъ стальный кушакъ, который обхватываетъ его талію; къ нему была придѣлана согнутая механическая стрѣла; стальный кушакъ и стрѣла закрывались чернымъ бархатомъ съ нѣсколькими висѣвшими на немъ золотыми кисточками; на боку кушака были двѣ большія золотыя кисти на шнуркахъ, которые дѣйствовали механикою: когда стрѣлѣ должно показаться, артистъ, игравшій роль Бодуина дергалъ которую нибудь изъ кистей, и въ одинъ мигъ изъ подъ стальнаго кушака являлась стрѣла, такъ что половина ея съ перомъ видна было на правомъ боку, а копьецо на лѣвомъ; это показывало, что Бодуинъ былъ пронзенъ стрѣлою на сквозь. Графинѣ легко было вытащить стрѣлу, потому что оба конца ея были вставлены въ стальныя трубочки, и вынимались легко. Все это дѣлалось такъ скоро и не примѣтно, что рѣдкій глазъ могъ бы усмотрѣть, какъ все это было устроено. Механика эта была выдумана Г-мъ Дидло.

Digitized by Google

слезы, обѣщанія, чтобъ возбудить жалость стража; но все тщетно, онъ непреклоненъ. Она у ногъ его, цѣлуетъ его руку, умоляетъ всѣмъ святымъ и драгоцѣннымъ ему на свѣтѣ; показываетъ на своего сына, который въ слезахъ также обнимаетъ его колѣни, и цѣлуетъ руку; но стражъ грубо отталкиваетъ ихъ. Графиня въ отчаяніи схватываетъ сына— и кричитъ вверхъ: «спасайтесь!» — Воинъ вырываетъ Креона и отталкиваетъ мать его съ звѣрствомъ такъ сильно, что она падаетъ. Въ паденіи своемъ усматриваетъ она знамя оставленное Бодуиномъ; отчаяніе внушаетъ ей смѣлость; она уже видитъ, что варваръ готовъ низвергнуть сына ея,—какъ разъяренная львица, бросается она на изверга и поражаетъ его остріемъ копія знамени въ грудь. Чудовище выпускаетъ изъ рукъ дитя, но колеблющимися стопами влечется за убѣгающею отъ него графинею съ сыномъ и омертвѣлою рукою еще старается поразить ихъ; но наконецъ силы ему измѣняютъ: колѣни его постепенно подгибаются, наконецъ, скрежеща зубами, онъ падаетъ на полъ и испускаетъ духъ. (*) Графиня и ея сынъ приносятъ благодареніе небесамъ; малютка, дергая мать за платье, говоритъ ей: «я пойду-посмотрю, не живъ ли онъ?» Мать хочетъ удержать его; но онъ, вырвавшись у ней изъ рукъ, подбѣгаетъ къ убитому воину и прислушивается, дышитъ ли онъ? потомъ бѣжитъ къ графинѣ и говоритъ: «мама, будь спокойна, онъ умеръ.» Графиня схватываетъ шнуръ сигнала друзей ея, и вскорѣ вытаскиваетъ толстую веревку, пилу, ломъ и веревочную лѣстницу. Она начинаетъ пилить рѣшетку окна, сынъ помогаетъ ей, но ей кажется, что дѣло идетъ медленно; она беретъ ломъ, выбиваетъ кирпичи около рѣшетки; отъ этихъ усилій она приходитъ въ изнеможеніе и призываетъ Бога въ помощь; сынъ ея придаетъ ей бодрости: слабыми своими ручонками откидываетъ онъ полуразвалившіеся кирпичи рѣшетки. Графиня, собравшись съ силами, опять начинаетъ выбивать ломомъ

(*) Хотя роль стража была очень не велика, но Г. Дидье исполнялъ ее очень хорошо.

Digitized by Google

кирпичи около рѣшетки, которые вскорѣ разсыпаются и рѣшетка падаетъ; тогда она привязываетъ веревочную лѣстницу и уже готова бѣжать, какъ вдругъ мысль о сынѣ останавливаетъ ее: какъ спуститъ она робкое дитя, могущее малѣйшимъ крикомъ своимъ измѣнить ей? какъ рѣшиться подвергнуть его опасностямъ, сопряженнымъ съ симъ бѣгствомъ?.. Но минуты дороги, нѣжность матери внушаетъ ей средство: она отрываетъ знамя и, обернувъ онымъ дитя, привязываетъ его къ себѣ. Креонъ безъ страха ободряетъ еще мать свою поцѣлуями и на конецъ при блескѣ молніи и ударахъ грома, возвѣщающихъ вторичную грозу, спѣшатъ они удалиться изъ этого ужаснаго мѣста, спустившись изъ окна по веревочной лѣстницѣ.

ЧИСТАЯ ПЕРЕМѢНА.

Внѣшность тюремной башни, омываемой моремъ; лѣсъ и скалы составляютъ окрестность; у башни видны остатки давно развалившагося моста.

Буря увеличивается; рыбачья лодка ожидаетъ у башни графиню, которая спускается съ своей драгоцѣнной ношей по веревочной лѣстницѣ; рыбаки ей помогаютъ войти въ лодку, отрываютъ лѣстницу, поднимаютъ парусъ, берутся за весла — и спѣшатъ удалиться. Едва они тронулись, какъ въ окнахъ башни показываются огни: ищутъ бѣгущихъ; Боду-инъ показывается въ томъ окнѣ, чрезъ которое спаслась графиня; онъ видитъ ее удаляющеюся на лодкѣ, но нѣтъ средства спуститься изъ окна; онъ выбѣгаетъ съ воинами изъ замка и въ ярости приказываетъ пускать стрѣлы въ бѣгущихъ; но сильный вѣтръ унесъ уже ихъ отъ мщенія злодѣя. Ему остался еще однако Креки, — и надъ нимъ то намѣренъ онъ излить всю свою злость; онъ спѣшитъ къ нему, повелѣвая преслѣдовать Аделаиду. Едва ушелъ Боду-инъ съ воинами, какъ является лодка съ двумя воинами и молодымъ Раулемъ. Варваръ далъ повелѣніе, привезя его, въ

Digitized by Google

этой башнѣ умертвить; и уже одинъ изъ сопровождавшихъ его воиновъ поднялъ руку для пораженія, какъ вдругъ другой, который взялъ во время утренняго сраженія Рауля въ плѣнъ, предупреждаетъ убійцу и вонзаетъ ему самому мечь въ грудь. Потомъ съ помощію молодаго графа бросаютъ они его въ море. Освободитель поднимаетъ забрало шлема, и Рауль узнаетъ вѣрнаго Симона. Онъ бросается въ его объятія, благодаритъ провидѣніе, и они спѣшатъ удалиться отъ несчастнаго сего берега;—имъ кажется, что вдали они видятъ лодку, на которой уѣхала графиня, — и они спѣшатъ въ слѣдъ за ними. Между тѣмъ воинъ, раненный Симономъ, нѣсколько разъ показывается на поверхности водъ и наконецъ, выбившись изъ силъ, тонетъ.

Чистая перемѣна башни была чрезвычайно эффектна относительно ансамбля этой сцены: графиня съ сыномъ только что успѣваетъ спастись въ окно, какъ зритель видитъ уже черезъ секунду другую картину, какъ они спускаются по веревочной лѣстницѣ въ лодку. Этотъ быстрый переходъ дѣйствія изъ внутренности башни наружу ея, дѣлалъ на зрителя сильное впечатлѣніе, потому что дѣйствіе натурально и этимъ быстрымъ слѣдствіемъ не охлаждаетъ интересъ зрителя — знать развязку дѣйствія, это не то, что графиня съ сыномъ вылѣзла въ окно, — значитъ спаслась: актъ конченъ, опускай передній занавѣсъ. Чтобъ сдѣлать такой быстрый переходъ сцены, спускались во второй сценѣ по лѣстницѣ другія лица, занимавшія ихъ роли; одинакій ростъ, костюмъ, отдаленность башни, ночь на сценѣ — все это такъ маскировало самую перемѣну, что зритель ни какъ не могъ догадаться, что тутъ дѣйствовали другія лица.

Я нарочно избралъ эту сцену изъ всего балета, чтобъ доказать на ней, что хорошая мимика можетъ и безъ поддержки танцевъ сильно дѣйствовать на зрителя. Я думаю, многіе изъ С.-Петербургскихъ жителей помнятъ еще, что когда давался сей балетъ, восторгъ публики былъ такъ силенъ и преимущественно отъ этой сцены, что отъ аплодисементовъ и крику «браво» дрожали своды театра. Е. Н. Ко-

Digitized by Google

лосова, занимавшая роль графини, была уже въ это время не въ первомъ цвѣтѣ молодости, оставила танцы и выполняла однѣ пантомимныя роли; не смотря на то, слава ея таланта не увяла еще въ то время вмѣстѣ съ ея молодостію.

Второй актъ равнымъ образомъ былъ превосходенъ въ этомъ балетѣ какъ танцами, такъ пантомимой и группами; я приведу не большой отрывокъ изъ него при описаніи праздника, даннаго Бодуиномъ графинѣ Креки. На этомъ праздникѣ данъ былъ прекрасный турниръ, на коемъ старшій сынъ графини вступалъ въ состязаніе съ рыцарями на копьяхъ; особенно эффектно было, когда отъ сильныхъ ударовъ рыцарей, разрушались ихъ щиты и копья (*). Въ ихъ ударахъ видны были хитрость, искусство, сила; въ паденіи побѣжденныхъ и въ побѣдителяхъ видна была картинная группировка: у однихъ въ физіономіи выражался гнѣвъ, у другихъ торжество; во всемъ видна была чистая натура. Послѣ турнира дамы, стоя косою линіею, танцуютъ и, какъ будто отъ удовольствія, бросаютъ побѣдителю на воздухъ лавровые вѣнки; молодой Креки, будучи побѣдителемъ, пробѣгая линію съ танцами, искусно ловитъ на воздухѣ копьемъ каждый вѣнокъ, потомъ вмѣшивается въ общіе танцы. Дамы танцуя становятся въ двѣ линіи; посреди ихъ группируются воины: правая линія дамъ бросаетъ лѣвой вѣнки, а лѣвая отвѣчаетъ ей тѣмъ же, такъ что въ воздухѣ образуется на нѣсколько времени изъ вѣнковъ большая крытая аллея, что составляетъ пріятную для глазъ картину; въ это время воины подвигаются въ средину между обѣими линіями дамъ, дѣлая разные воинственные позы, и танцуя ловятъ копьями на воздухѣ вѣнки. Посредствомъ частыхъ репетицій все это было такъ хорошо слажено, что рѣдкій рыцарь дозволялъ упасть вѣнку на полъ; на случай же неудачи, Дидло устроилъ такъ, что пажи, танцовавшіе около ихъ и игравшіе на лирахъ, не примѣтно подымали съ полу

(*) Щиты и копья были механическіе: при давленіи пружины они разпадались.

Digitized by Google

вѣники. Послѣ этого вассалы, имѣя въ рукахъ пальмовыя вѣтви, въ танцахъ составляютъ съ дамами группу; дамы прицѣпляютъ имъ къ вѣтвямъ разноцвѣтныя вуали и, ставъ на табуреты, подымаютъ къ верху шали; все это вмѣстѣ составляетъ фантастическія тріумфальныя ворота съ оттѣнкомъ сельской простоты, подъ ними проходятъ рыцари, рука объ руку съ дамами, и пажи со значками, въ родѣ флаговъ. Все это шумное движеніе происходитъ съ танцами, и напослѣдокъ изъ него составляется общая группа. Эта сцена была весьма эффектна; жаль, что на этотъ разъ не доставало только живописца, который могъ бы передать все это на полотнѣ. Послѣ столь торжественныхъ танцевъ и блеска костюмовъ, открывается сельская простота,—является сто-десяти-лѣтній слѣпой старецъ, окруженный сыновьями, внучками и правнуками, которые несутъ его на носилкахъ, сплетенныхъ изъ древесныхъ сучьевъ, и украшенныхъ разнаго рода листьями и полевыми цвѣтами для того, чтобъ прикрыть его отъ солнечнаго зноя; по бокамъ висятъ гирлянды изъ разныхъ цвѣтовъ; ихъ придерживаютъ молодыя дѣвушки, имѣя въ другой рукѣ плоды, букеты; а прочіе члены его семейства группируютъ его сельскими орудіями, косами, граблями, серпами и проч. Весь этотъ сельскій церемоніалъ подвигается къ графинѣ съ танцами: носилки опускаютъ и ведутъ слѣпаго старца къ графинѣ; онъ хочетъ пасть передъ ней на колѣни, но графиня не допускаетъ его до этого. Тогда старикъ говоритъ ей: «я, можетъ быть, не доживу до возвращенія графа, дай же мнѣ поцѣловать хотя его портретъ.» Графиня даетъ ему медальонъ съ изображеніемъ ея мужа, который она всегда носила на груди своей; старецъ, поцѣловавъ его, плачетъ и возноситъ ко Всевышнему руки, прося Его о благополучномъ возвращеніи своего господина. Потомъ старика сажаютъ на носилки и съ танцами несутъ на средину сцены; въ эту минуту выбѣгаютъ съ танцами саботьеры и окружаютъ группу слѣпца. — Съ живостію выколачиваютъ они подъ музуку своими деревянными подошвами разные па. Послѣ сего общая картина.

Digitized by Google

Нельзя не описать еще одной сцены, довольно чувствительной: отца, который видѣлъ своего малолѣтнаго сына, но не могъ прижать къ своему сердцу и сказать ему: «я твой отецъ». Пяти-лѣтній Креонъ выбѣгаетъ на сцену въ золотомъ шлемѣ, разукрашенномъ перьями, съ копьецомъ и щитикомъ въ рукахъ, дѣлая копьемъ передъ своею матерью разные маневры, и наконецъ танцуетъ подъ музыку пилигрима и проситъ научить его играть на лирѣ. Мнимый старецъ начинаетъ его учить и, касаясь его рукъ, чувствуетъ въ себѣ сильное душевное содроганіе: онъ неутерпѣлъ — и проситъ у графини позволеніе поцѣловать его: графиня соглашается; онъ беретъ его на руки, цѣлуетъ и, отворотясь въ сторону, проливаетъ потоки слезъ. Бѣдный малютка не догадывается, что онъ находится въ объятіяхъ своего отца; дитя примѣтилъ на мнимомъ пилигримѣ крестъ, бѣжитъ къ своей матери и говоритъ: «у этого старичка Іерусалимскій крестъ, онъ, вѣрно, видѣлъ моего папа и можетъ что нибудь разсказать объ немъ». Креки измѣняетъ себѣ отъ чувствительности, колеблется и едва не упадаетъ безъ чувствъ; у Гумберта и Бодуина, пришедшаго въ сіе время, возраждается сильное подозрѣніе къ пилигриму. Рауль видитъ, что ему нельзя болѣе скрываться, сбрасываетъ съ себя одежду пилигрима и говоритъ Бодуину: «злодѣй, я Креки»!... Дѣлается между всѣми ужасная тревога; графиня въ удивленіи и радости бросается въ объятія своего супруга, отецъ подымаетъ на руки Креона; старшій сынъ бросается предъ отцемъ на колѣни и цѣлуетъ его руку; оруженосецъ Креки, претерпѣвшій вмѣстѣ съ нимъ кораблекрушеніе, вынимаетъ изъ за пазухи знамя съ гербомъ Креки, прикрѣпляетъ его къ древку, машетъ имъ надъ ихъ головами; старики подымаютъ на руки своихъ внучатъ и кажутъ имъ своего господина; вдовы и сироты, ставъ на колѣни, возводятъ руки къ небу и съ радостію указываютъ на Креки; многіе взлѣзаютъ на деревья, чтобъ видѣть прежняго своего владѣльца; часть воиновъ переходятъ на сторону Креки; они преклоняютъ предъ нимъ

Digitized by Google

свое оружіе и составляютъ изъ щитовъ около него крѣпкую ограду: во всѣхъ лицахъ на сторонѣ Креки видна радость и слезы умиленія. У лицъ на сторонѣ Бодуина противное: Бодуинъ отъ ярости, гнѣва и удивленія, поднявъ руки къ верху, трепещетъ, на лицахъ людей, окружающихъ его, видна злоба. Вся эта сцена вмѣстѣ взятая, составляетъ богатую картину; почти каждый разъ она производила такой эффектъ, что отъ сильныхъ продолжительныхъ аплодисментовъ, заглушавшихъ всевозможные звуки, музыка переставала играть; да и самая эта пауза въ музыкѣ была очень кстати, — публикѣ еще удобнѣе можно было любоваться этою прекрасною картиною. Начинается сраженіе, тиранъ торжествуетъ. Тогда Бодуинъ назначаетъ всѣмъ своимъ противникамъ разнаго рода мучительныя казни: онъ спѣшитъ въ замокъ, и за нимъ влекутъ несчастное семейство Рауль де Креки.

Когда давали въ первый разъ этотъ балетъ въ бенефисъ г. Огюста, я былъ въ С.-Петербургѣ. Послѣ 2-го и 3-го акта, г. Дидло былъ вызванъ на сцену всѣмъ театромъ; а многіе изъ зрителей изъ ложъ и креселъ приходили къ нему въ уборную; одни превозносили похвалами сюжетъ, другіе танцы. Между этими лицами находился извѣстный въ то время живописецъ г. Орловскій, который особенно отличался въ изображеніи характерныхъ воинскихъ фигуръ, коней и проч. Обращаясь къ г. Дидло, онъ сказалъ: «позвольте и мнѣ въ мою очередь произнести мое сужденіе; я видѣлъ много картинъ съ прекраснымъ сюжетомъ, но ваши превосходятъ все, видѣнное мною въ этомъ родѣ: ни какая кисть мастера не можетъ написать ихъ такъ, какъ они у васъ въ балетѣ, потому что у васъ они живыя и одушевлены богатыми идеями».

Digitized by Google

Сцена изъ 4-го акта

ТЕМНИЦА РАУЛЬ ДЕ КРЕКИ.

Театръ раздѣленъ на двѣ части: на одной сторонѣ находится ужасное жилище Креки, въ которомъ отъ сырости своды потолка и стѣны обросли мохомъ; по угламъ видны страшные инструменты, которыми мучатъ невинныхъ, что бы извлечь у нихъ невольное признаніе. Креки въ рубищѣ лежитъ на соломѣ, руки, ноги и средина тѣла его прикованы цѣпью; по срединѣ мрачнаго жилища Креки виситъ фонарь, который слабымъ свѣтомъ своимъ освѣщаетъ ужасающее душу подземелье; подъ сводомъ раздается унылой бой двѣнадцати часовъ полуночи. Креки тяжко вздыхаетъ, потому что съ разсвѣтомъ дня назначена ему смерть. На другой сторонѣ находится комната тюремщика, изъ которой дверь ведетъ въ жилище Креки; возлѣ нея стоитъ стражъ Генрихъ (*), который прохаживается взадъ и впередъ. Посреди комнаты стоитъ въ полупьяномъ видѣ Гумбертъ, повѣренный Бодуина и соучастникъ во всѣхъ его злодѣйскихъ тайнахъ, держа въ рукахъ ключи отъ тюрьмы, въ которой заключенъ графъ Креки; подлѣ него стоитъ Маргарита съ своимъ женихомъ Алиномъ (**). Гумбертъ приказываетъ Маргаритѣ подать ему вина, и она исполняетъ его желаніе. Въ то время какъ Гумбертъ опорожниваетъ бутылку вина, Генрихъ обращаетъ вниманіе Алина на Гумберта и говоритъ, что есть еще надежда на спасеніе Креки — «вино намъ будетъ покровителемъ». Гумбертъ, прельстясь смазливымъ личикомъ Маргариты, хочетъ ея поцѣловать; но она отъ него увертывается, прячется за Алина, котораго Гумбертъ отъ нея отталкиваетъ. Гумбертъ хочетъ ея обнять; она бѣжитъ отъ него и прячется за Генриха. Гумбертъ,

---

(*) Генрихъ—стражъ, преданный графу Креки.

(**) Алинъ сынъ тюремщика. Маргарита дочь Петра рыбака, отставнаго воина Креки.

Digitized by Google

выбившись изъ силъ, едва стоитъ на ногахъ, привѣшиваетъ ключи къ концу своего шарфа, который надѣтъ у него черезъ плечо, и приказываетъ подать себѣ стулъ на средину комнаты. Онъ садится, потомъ зоветъ къ себѣ Маргариту и Алина, говоритъ имъ, что ему хочется спать и, что бы не заснуть, приказываетъ имъ около себя плясать; любовники исполняютъ его желаніе противъ воли. Алинъ и Маргарита, замѣтя, что Гумбертъ начинаетъ дремать, съ пляской начинаютъ отступать назадъ его стула. Алинъ цѣлуетъ у Маргариты руку и они насмѣхаются надъ Гумбертомъ; онъ просыпается, замѣчаетъ ихъ хитрость, велитъ имъ разойдтись и плясать врозь; — они продолжаютъ плясать около его стула, а Гумбертъ, сидя на немъ, поворачивается кругомъ, слѣдя ихъ глазами, что бы они опять не сошлись вмѣстѣ. Наконецъ отъ круженія и хмѣля онъ приходитъ въ совершенное опьянѣніе и едва можетъ встать со стула; приказываетъ Маргаритѣ и Алину кончить пляску, зѣваетъ.... говоритъ, что ему хочется спать, и хочетъ удалиться; но вдругъ вспоминаетъ приказаніе Бодуина стеречь Креки, и возвращается къ своему назначенію. Генрихъ, видя, что Гумбертъ при каждомъ словѣ почти засыпаетъ, предлагаетъ ему отдохнуть, увѣряя, что онъ можетъ на него положиться и предоставить ему стеречь своего плѣнника. Гумбертъ радъ этому, благодаритъ Генриха и поручаетъ ему бдительную стражу. Однако Гумбертъ въ предосторожность свою, при помощи Маргариты и Алина, ставитъ столъ и стулъ поперекъ двери, гдѣ заключенъ Креки; Маргаритѣ и Алину онъ приказываетъ лечь спать, а самъ, облокотясь на столъ, садится на стулъ и засыпаетъ. Всѣ присутствующіе едва переводятъ духъ; боясь разбудить Гумберта, подходятъ къ нему на цыпочкахъ, прислушиваются, спитъ ли онъ, и увѣрившись наконецъ, что онъ спитъ крѣпкимъ сномъ, говорятъ, что теперь настала минута для спасенія графа: Но какъ?... Алинъ совѣтуетъ умертвить Гумберта; но Генрихъ можетъ только сражаться, а не умерщвлять. Такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи графа, то всѣ рѣшаются дѣйствовать по обстоятель-

Digitized by Google

ствамъ. Алинъ, съ большою осторожностію, нѣсколько разъ берется за то, чтобы вынуть мечъ у Гумберта, но все не удача; наконецъ ему удается его вытащить; — потомъ онъ прячется за стѣнку, которая прилегаетъ къ дверямъ тюрьмы.

Гумбертъ просыпается, подымаетъ голову, Генрихъ къ нему подходитъ и говоритъ ему: «спи!... спи!... это я.» Опьянѣлый Гумбертъ кладетъ руки на самый уголъ стола и на немъ опять засыпаетъ. (*) Маргарита граціозно лѣзетъ подъ столъ за ключами, которыхъ иначе нельзя достать потому, что они прицѣплены къ концу шарфа, который видѣнъ съ ключами изъ подъ стола. (**) Въ это время Генрихъ обходитъ спящаго Гумберта; Алинъ идетъ за нимъ, согнувшись и боясь, чтобъ онъ не проснулся и не примѣтилъ его. Маргарита снимаетъ ключи съ шарфа. (***) Генрихъ отдаетъ свое копье Алину, становится на одно колѣно, а на другое велитъ встать Алину, чтобъ ему удобнѣе было взлѣзть на столъ и отодвинуть у дверей верхнюю, потаенную задвижку; Алинъ исполняетъ его приказаніе, и взлѣзаетъ на столъ; Маргарита въ картинномъ положеніи изъ подъ стола протягиваетъ руку съ ключами и отдаетъ ихъ Генриху. Алинъ, видя исполненіе предпріятія, благодаритъ Бога за успѣхъ его. Послѣ сего Алинъ, стоя на столѣ, а Маргарита подъ столомъ въ пріятной позѣ, отодвигаютъ у дверей Креки верхнюю и нижнюю потаенную задвижку (****) Генрихъ подаетъ Алину ключи. Алинъ отпираетъ замокъ у дверей темницы, тихо толкаетъ пикой дверь, которая разпахивается, и соскакиваетъ со стола въ темницу. Маргарита осторожно вылѣзаетъ изъ подъ стола

(*) Это сдѣлано было балетмейстеромъ съ мыслію, чтобы болѣе дать мѣста Алину дѣйствовать на столѣ.

(**) Столъ былъ очень удобенъ, для дѣйствія подъ нимъ: во-первыхъ не было нижнихъ перекладинъ, во-вторыхъ довольно высокъ и широкъ.

(***) Если у пьянаго Гумберта связка ключей виситъ на шарфѣ, то это для того, чтобъ удобнѣе было Маргаритѣ ихъ взять, и чтобы для публики видѣе было похищеніе ключей.

(****) Потаенныя задвижки придуманы балетмейстеромъ для того, чтобъ составить группу на столѣ и подъ столомъ и дать болѣе затрудненія для освобожденія Креки.

Digitized by Google

и уходитъ въ темницу Креки позади стула Гумберта; Генрихъ во все продолженіе этой сцены стоитъ въ группѣ съ шпагою надъ грудью Гумберта. Послѣ многихъ страховъ и безпокойствъ, и то и другое исполнено, темница отперта, цѣпи сняты съ Креки, коего восхищеніе не описуемо. Уже все готово къ бѣгству, уже они идутъ.... какъ вдругъ, къ несчастію, Маргарита роняетъ связку ключей, для нея тяжелыхъ, и стукъ сей пробуждаетъ Гумберта; (*) но еще не успѣлъ онъ опомниться, какъ Генрихъ повергнулъ его на землю и, держа шпагу надъ горломъ его, грозитъ смертію при малѣйшемъ его движеніи или крикѣ. Креки вооружился мечемъ Гумберта; и Алинъ, которому извѣстны всѣ выходы темницы, отворяетъ другую дверь, чрезъ которую они пришли, и у которыхъ нѣтъ часовыхъ. Всѣ бѣгутъ, и Генрихъ стремится въ слѣдъ за ними; но Гумбертъ съ быстротою молніи бросается за ними, останавливаетъ ихъ и схватывается за дверь. Генрихъ поражаетъ его мечемъ въ руку, (**) отталкиваетъ прочь и убѣгаетъ, запирая за собою дверь. Ярость и отчаяніе Гумберта увеличиваются, онъ слышитъ голосъ Бодуина, требующаго отворить дверь. Онъ кричитъ, что не въ состояніи сего исполнить. Нетерпѣливый Бодуинъ разламываетъ дверь, входитъ, и первый вопросъ его: «гдѣ Креки?» Гумбертъ падаетъ къ ногамъ его, разсказываетъ ему приключеніе, показываетъ рану, — и разъяренный Бодуинъ велитъ казнить его вмѣсто ушедшаго Креки. Потомъ приказываетъ онъ разломать дверь, чрезъ которую ушли бѣглецы. Уже дверь сломана, какъ вдругъ раздается звукъ набата: бьютъ тревогу, означающую нападеніе непріятеля. Бодуинъ бросается сражаться и летитъ по слѣдамъ Креки.

Во время похищенія ключей и обезоруженія Гумберта, музыка была прекрасно аранжирована для этой сцены, —

(*) Послѣ самой тихой музыки—при паденіи ключей—Гумбертъ просыпается и роняетъ столъ. Въ музыкѣ были употреблены всѣ громозвучные инструменты, чтобъ произвести тревогу; этотъ переходъ въ музыкѣ и составлялъ характеръ и эффектъ какъ въ музыкѣ, такъ и въ дѣйствіи сцены.

(**) Шарфъ и тутъ пригодился: Гумбертъ, получивъ рану, сей часъ концемъ шарфа перевязываетъ руку.

Digitized by Google

она была сочинена квартетомъ и, чтобы придать ей болѣе тихости, на скрыпкахъ были надѣты сурдинки. Подъ эту тихую музыку слышны были звуки задвижекъ и замка у дверей, — для этого были сдѣланы машинки, которыя подъ музыку въ свое время дѣйствовали за кулисами. Самые эти малые атрибуты въ балетѣ, кстати употребленные, производили не малый эффектъ: какая либо не осторожность со стороны освободителей Креки приводила ихъ въ ужасъ; ибо она могла разрушить планъ освобожденія осужденнаго; это дало поводъ составить нѣсколько картинъ въ разныхъ граціозныхъ позахъ съ выраженіями на лицахъ радости и страха. Публика была такъ заинтересована этою сценою, что въ ложахъ и креслахъ воцарялась въ это время какая то глубокая тишина; всѣ какъ будто боялись разбудить Гумберта. Г. Дидло любилъ и умѣлъ мастерски въ своихъ балетахъ составлять живописныя группы: земля, вода, огонь и воздухъ украшались группами. Его обширному воображенію иногда не достаточно было и этихъ четырехъ стихій для группъ, — онъ и малозначащую вещь умѣлъ прекрасно огруппировать, да еще съ богатою идеею. Возьмемъ для примѣра хоть столъ, на которомъ и подъ которымъ происходитъ столько граціозныхъ живокартинныхъ дѣйствій, которыя сопряжены съ большимъ интересомъ для балета. Еще въ этомъ балетѣ имъ очень хорошо придумано раздѣленіе сцены на двѣ декораціи, гдѣ зритель въ одно и тоже время можетъ видѣть въ двухъ мѣстахъ дѣйствіе балета, отчего и сюжетъ дѣлается понятнымъ. Даже па де де Алина съ Маргаритой связано съ мыслію — освобожденіе графа, а не представляло одни прыжки. Въ этой сценѣ балета отлично выполняли свои роли Гг. Огюстъ, Антонинъ и Лихутина. Также и Г. Барановъ въ роли Гумберта былъ очень хорошъ; такъ какъ онъ былъ хорошій портретистъ и декораторъ, то умѣлъ всегда по характеру роли и того вѣка, въ которомъ происходило дѣйствіе балета, прелестно сформировать свой костюмъ, онъ не на одно полотно набрасывалъ краски, но иногда и на живыя лица: — изъ молодаго человѣка дѣлалъ древняго старика

Digitized by Google

или старуху, изъ миловиднаго лица свирѣпую разбойничью рожу. Не смотря на то, что онъ былъ хорошій мимикъ, онъ часто прибѣгалъ къ туалету, что бы положить и на свое лицо сурику и другихъ колеровъ, — какъ напримѣръ въ роли Гумберта онъ былъ такъ похожъ на пьянаго Силена, что, однимъ словомъ, вся рожа его была такъ воспламенена, что, казалось, она вышла изъ подъ наковальни: опусти ее въ воду, навѣрное вода зашипѣла бы. Объ авторѣ сего балета можно сказать коротко и ясно, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ балетмейстеровъ, на которыхъ природа бываетъ скупа, и которыхъ даетъ театру только изъ вѣка въ вѣкъ.

ПОСЛѢДНЯЯ СЦЕНА БАЛЕТА.

Внутренность жилища, построеннаго въ развалинахъ стараго замка и служащаго мѣстомъ складки для рыбаковъ. Многіе подземные ходы, лишъ имъ извѣстные, ведутъ къ сему строенію, по бокамъ сцены стоятъ двѣ древнія полуразрушившіяся башни и примыкаютъ къ развалинамъ. При поднятіи занавѣса воины Рауля стоятъ въ разныхъ группахъ.

Вдали слышенъ шумъ сраженья, постепенно приближающагося. Графиня въ ужаснѣйшемъ безпокойствѣ изчисляетъ, кажется, минуты; подлѣ нея маленькій Креонъ, рыцарь Ренти, пришедшій на помощь Креки, молодой Рауль и Симонъ, всѣ, стараясь утѣшить ее, обнадеживаютъ въ успѣхѣ сраженія и участи ея супруга. Вѣстники поминутно являются съ благопріятными донесеніями, но Креки нѣтъ еще. Петръ уходитъ, чтобъ развѣдать объ немъ. Едва онъ ушелъ, какъ слышенъ стукъ: «отворите, отворите! Это мы!» Сперва входятъ Алинъ и Маргарита, (*) опередившіе Креки, а за ними въ слѣдъ и онъ самъ. Кто опишетъ восхищеніе супруговъ!...

(*) Алинъ и Маргарита тѣ лица, которыя въ 4-мъ актѣ спасли изъ темницы Рауля де Креки.

Digitized by Google

Вдругъ вбѣгаетъ Петръ запыхавшись и говоритъ, что ихъ преслѣдуютъ — «Но не бойтесь, вотъ подземный ходъ, имъ неизвѣстный; спасайтесь и летите на поле славы. Я останусь здѣсь съ сыномъ и сими воинами защищать графиню.» Съ помощію воиновъ поднимаетъ онъ тяжелый камень, скрывающій входъ въ подземелье; Креки, Ренти, молодой Рауль и нѣсколько воиновъ спѣшатъ сойти. Но уже въ сіе время воины Бодуина ворвались въ двери съ пламенниками; а воины, державшіе камень у входа въ подземелье, опускаютъ оный, чтобъ защищаться. Графиня уже не можетъ слѣдовать за супругомъ. Начинается сраженіе. Графиня бѣжитъ съ маленькимъ сыномъ своимъ на галлерею, чрезъ которую Симонъ надѣется спасти ее, но ихъ преслѣдуютъ, и уже достигаютъ, какъ вдругъ Петръ разрубаетъ топоромъ связь, соединяющую галлерею съ лѣстницею, тогда какъ Симонъ защищаетъ оную до разрушенія. Лѣстница падаетъ съ трескомъ и храбрый Симонъ съ нею, держась за обломки. Древнюю каменную стѣну пробиваютъ таранами въ разныхъ мѣстахъ (*) съ боковыхъ башенъ пускаютъ тучи стрѣлъ на воиновъ Рауля. Бодуинъ входитъ въ эту минуту, приказываетъ искать Креки между развалинъ, но вдругъ видитъ графиню и, желая принесть хоть одну жертву своему мщенію, онъ повелѣваетъ зажечь галлерею, на которой она спаслась и къ которой достигнуть нельзя. Является Креки съ сыномъ и друзьями, и становится между имъ и супругою. Начинается ужасное сраженіе между сими соперниками. Во время онаго галлерея, обгорѣвъ, разваливается; Петръ схватываетъ Креона и съ нимъ соскакиваетъ; графиня падаетъ съ развалинами; но въ сію минуту молодой Рауль, отнявшій знамя непріятельское, увидя опасность матери, летитъ къ ней на помощь и принимаетъ ея въ свои объятія, закрывая щитомъ своимъ

(*) Тараны до изобрѣтенія огнестрѣльныхъ орудій служили для разбиванія каменныхъ стѣнъ. Это были толстыя бревна, на одномъ концѣ которыхъ насажены были желѣзныя острія, а на другомъ ручки изъ того же металла; они висѣли на желѣзныхъ цѣпяхъ, прикрѣпленныхъ къ козламъ деревянныхъ столбовъ.

Digitized by Google

и развѣвая надъ ней знамя. Бодуинъ, пораженный наконецъ смертельнымъ ударомъ, падаетъ почти къ ногамъ графини. Раздаются крики побѣды, всѣ стремятся съ торжествомъ и поздравленіемъ. Креки окруженный семействомъ и друзьями, составляетъ радостнѣйшую группу всеобщаго счастія; — эта картина оканчиваетъ балетъ.

Заключая мои записки о Дидло, я чувствую, что трудъ мой слабъ, чтобъ дать вѣрное понятіе о талантѣ этого геніальнаго въ своемъ родѣ человѣка: пускай усердіе мое въ этомъ дѣлѣ замѣнитъ недостатокъ моихъ силъ. Дидло былъ геніальный талантъ, которому отдали должную справедливость Петербургъ, Лондонъ и Парижъ. Талантъ его заключался не въ одной механикѣ ногъ, а въ душѣ возвышенной, которая порождала въ его головѣ идеи для балетовъ съ самымъ художественнымъ содержаніемъ; въ нихъ то изображалъ онъ всѣ страсти человѣческія, что до него могло быть содержаніемъ только поэмы.

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА

ИЗЪ ОДЕССЫ.

Любезнѣшій и почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! пишу вамъ въ капитанской каютѣ парахода *Метеоръ*, на которомъ возвращаюсь въ Одессу изъ Измаила. Думалъ пролетѣть это пространство въ день, но море — «свободная стихія,» какъ назвалъ его поэтъ. Только что мы выбрались изъ Дуная, какъ насъ встрѣтила буря, правда небольшая, но заставившая воротиться къ Очаковскому рукаву и бросить якорь. Мы простояли всю ночь. Была страшная гроза съ великолѣпной молніей. Я люблю эти картины и вышелъ на палубу полюбоваться. Спасибо морю за его потѣху! какія несравненныя, темно-зеленыя волны! молнія не переставала блистать ни на секунду, и озаряла небо въ двухъ точкахъ, зажигаясь иногда отдѣльными звѣздами, и пуская маленькія стрѣлки. Капитанъ говорилъ, чтъ это бываетъ очень рѣдко, т. е. не стихающая молнія. Точно двѣ Севастопольскія неумолчныя батереи .. Качка была очень сильная и нѣкоторыхъ уложила, но на меня къ счастію неподѣйствовала. Я даже могъ писать; и теперь — на другой день поутру, когда мы опять идемъ, и въ борта каюты свѣтитъ великолѣпное южное солнце — всетаки продолжается качка. Я пишу и боюсь вывести слишкомъ кривыя строки. — Вчера, когда мы выходили изъ Дуная, къ намъ подъѣхали рыбаки, и я купилъ двухъ огромныхъ живыхъ осетровъ , заплативъ за обоихъ три рубля. Мы опустили ихъ въ шлюпку, наливъ ее водой, но по причинѣ сильной качки ихъ стало въ шлюпкѣ бить, и они

Digitized by Google

ночью заснули. Я велѣлъ ихъ выпотрошить и посолить. Въ одномъ оказалась икра, которую матросы тутъ же очистили и приготовили какъ надо. — Въ Сулинѣ, прекурьезномъ городкѣ, я выходилъ на берегъ и срисовалъ русскую церковь, впрочемъ единственную. Тамъ все Греки и немного Турокъ и Австріяковъ. Послѣдніе держатъ караулы. Священнику чрезвычайно выгодно: всякій Грекъ, отправляясь, въ море, служитъ молебенъ. Сулинское гирло—это сущая западня. Вѣчно въ немъ торчитъ изъ-подъ воды пять шесть мачтъ затонувшихъ судовъ; мы прошли его съ австрійскимъ корониымъ лоцманомъ и у кого воображеніе было потрусоватѣе, тотъ набрался таки страху. Какъ ѣхать и видѣть направо и налѣво обломки погибшихъ судовъ... Однако пречертовская качка! меня укачивать неукачиваетъ, а все не такая голова, какъ на берегу. Если выйдетъ что нибудь очень нескладно и криво, извините!

Вотъ забавный анекдотъ о телеграфѣ, слышанный тамже. Изъ Севастополя въ Орловскую губернію писалъ къ отцу, ремесломъ сапожнику, — сынъ его солдатъ, чтобы тотъ прислалъ ему хорошіе сапоги. Отецъ думалъ, думалъ, какъ послать? по почтѣ дорого... кто то и присовѣтовалъ ему послать по телеграфу. «А какъ не примутъ?» спросилъ старикъ. — Вотъ не примутъ! ты поди къ столбу, гдѣ протянута проволока, повѣсь сапоги — только скажи солдату, да дай гривенникъ,—завтраже отправятъ! —

Мужикъ пошелъ и повѣсилъ сапоги. Солдатъ, приставленный смотрѣть за телеграфомъ, сказалъ, что можно. Мужикъ приходитъ на другой день справиться, отправлены ли сапоги. Глядь, а на цхъ мѣстѣ висятъ уже другіе, старые. «Вотъ какъ скоро ходитъ почта по телеграфу, сказалъ мужикъ: ишь ты! ужъ и старые прислалъ починить!» онъ взялъ сапоги домой, починилъ преисправно и повѣсилъ опять у столба. Разумѣется, больше сапоговъ не являлось.

Душевно преданный Б.

1856 г. мая 27.
Пароходъ Метеоръ, Черное море.

Digitized by Google

Сечайсъ прошли мимо насъ два парохода: *Прутъ* и *Петръ Великій;* мы взаимно выкинули другъ другу флаги, какъ бы поздоровались — и разошлись.

Пробовалъ рисовать: нейдетъ — такая здоровая качка. Иногда стулъ подо мною поѣдетъ, или чернильница прокатится по столу. «Вы совсѣмъ морякъ, сказалъ мнѣ капитанъ· васъ неукачиваетъ. Остается вамъ выучиться ходить по палубѣ не держась.» Этого еще не могу. Мое любимое мѣсто — кожухъ: тамъ я больше сижу и смотрю на несравненныя ни съ чѣмъ волны моря. Да насилу туда всхожу по лѣстницѣ.

На пикникѣ въ Измаилѣ встрѣтилъ я одного таможеннаго чиновника, который, узнавъ мою фамилію, благодарилъ меня за *Севастопольскія письма.* Это былъ первый человѣкъ, заговорившій со мною о литературѣ. Вообще же Измаилъ довоольн чуждъ этихъ вещей, въ особенности дамы.

29 Мая. Давно ли я радовался морю, любовался волнами? — теперь совсѣмъ противоположныя чувства. Насъ досихъ поръ носитъ въ морѣ. Вчера была такая качка, что нельзя было готовить обѣдъ. Столы и стулья падали. Скрипъ и качка, качка и скрипъ,—и нѣтъ конца. Къ вечеру, вчера пришли опять къ Очаковскому рукаву и бросили якорь, на которомъ и стоимъ досихъ поръ, ожидая, пока стихнетъ погода. Уѣхалъ-бы назадъ въ Измаилъ, но нельзя при такомъ вѣтрѣ войти въ Дунай. Сегодня унялось хотя волненіе и я могу писать, а вчера ни писать, ни читать, лежишь и ругаешься, и больше ничего.

9 часовъ вечера! драгоцѣнная минута! стучатъ звенья якорной цѣпи; свиститъ приготовляемый паръ; мы снимаемся. Вѣтеръ принялъ другое направленіе, и сталъ утихать.

Между прочимъ у насъ вышелъ хлѣбъ, нетолько бѣлый, но и черный. Ѣдимъ сухари, которые были заготовлены для силистрійской арміи, и какъ-то попали къ намъ. Судите, что это за сухари.

Впрочемъ всего остальнаго вдоволь, особенно осетровъ....

Я поѣхалъ сегодня на почту, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, чтобы отвесть вамъ письмо и вмѣстѣ получить посылки по двумъ объявленіямъ. Эти посылки были отъ васъ *застольныя рѣчи и обѣды.* Воротясь домой, я принялся пробѣгать то и другое, увлекаясь и перескакивая отъ книжки къ книжкѣ Все было родное, знакомое. Ни одного чужаго имени; читая, я видѣлъ л..ица.. и вотъ, самъ не знаю

Digitized by Google

какъ, стали проступать въ глазахъ моихъ слезы; я сначала крѣпился, крѣпился, наконецъ взялъ платокъ. И теперь, когда пишу вамъ письмо, стоятъ въ глазахъ моихъ эти сладостныя слезы, возвращаются и приходятъ опять. Чтожъ мнѣ больше сказать? мнѣ остается только жалѣть, что меня не было въ эти драгоцѣнныя, единственныя минуты съ вами. Я не знаю, что было бы со мной, когда бы я почувствовалъ себя среди моихъ Московскихъ, по рожденію, друзей и братій, и среди братій Севастопольскихъ, братьевъ и друзей по пролитой крови, товарищей общихъ бѣдъ и общей славы. Больше нечего вамъ сказать и не умѣю. Цѣлую и обнимаю отъ всей души въ лицѣ вашемъ всѣхъ участниковъ этого пріема и пировъ, исполнившихъ все это порусски, помосковски; обнимаю въ васъ всю милую мою Москву — и опять слезы бѣгутъ изъ глазъ. — Нынѣшній день сущій для меня праздникъ.

1856. г. Іюня 1. Одесса.

Іюня 2. Ложась вчера спать, еще пробѣжалъ ваши рѣчи и статьи. Могу, пожалуй, сказать историческое замѣчаніе, какъ историку: Волынскій и Селенгинскій редуты начаты постройкою подъ управленіемъ Сакена, но кончены послѣ. Когда на нихъ напали Французы — это были еще только *валы*, а не редуты. На нихъ не было ни *одного* орудія. Но — диво дивное! не могу припомнить этого безъ сладостнаго содраганія: на другой-же день, много на третій, послѣ битвы 11-го февраля тамъ уже стало 9 огромныхъ орудій (въ 300 и 400 пудовъ каждое,) орудій, вознесенныхъ на горы на плечахъ русскихъ солдатъ подъ убійственнымъ троекрестнымъ огнемъ непріятеля. Это я видѣлъ своими глазами. *Камчатскій* редутъ воздвигнутъ уже послѣ при Горчаковѣ, когда Сакенъ остался командиромъ южной стороны. Камчатскій редутъ за рвомъ, особо. Взгляните мою карту. Его имя слилось съ тѣми случайно, послѣ 26-го мая, когда они всѣ отбиты у насъ непріятелемъ.

Впрочемъ это замѣчаніе — сущіе пустяки, и за обѣдомъ такая ошибка не чувствительна вовсе, да и послѣ кто ее увидитъ?

Digitized by Google

ДИСПУТЪ

г. магистра А. Вицына,

и

его диссертаціи о Третейскомъ судѣ, по русскому праву. Москва 1856.

Послѣднимъ, заключительнымъ актомъ годичной дѣятельности Университета обыкновенно бываютъ студентскіе экзамены и производство въ степени дѣйств. студента и кандидата. Въ нынѣшнемъ году, къ этому акту присоединилось еще производство двухъ кандидатовъ въ степень магистра, одного по факультету математическому, другаго по юридическому. Описаніе торжественнаго провозглашенія г. Любимова магистромъ физики помѣщено въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; отчетъ объ его диссертаціи Москвитянинъ надѣется скоро представить читателямъ. Теперь поговоримъ о диспутѣ и диссертаціи г. Вицына, провозглашеннаго магистромъ русскихъ гражданскихъ законовъ, въ засѣданіи 5 іюня.

Диспутъ происходилъ въ присутствіи обычныхъ ученыхъ авторитетовъ, его превосходительства, ректора университета, декана и профессоровъ факультета, передъ публикою не многочисленною, но внимательною, состоявшею преимущественно изъ кандидатовъ разныхъ выпусковъ и изъ студентовъ. Начало акта сдѣлано вступительною рѣчью магистранда, въ которой, при тихомъ произношеніи оратора, можно было однакожъ разслышать мысли о трудности из-

Digitized by Google

слѣдованія, по бѣдности источниковъ, о трудности защищенія, по отсутствію навыка въ диспутахъ, о независимости истины отъ побѣды или пораженія на этомъ ученомъ ратоборствѣ. — Диспутъ открытъ г. профессоромъ Морошкинымъ, который началъ возраженіемъ противъ мысли, высказанной авторомъ на первыхъ страницахъ сочиненія, будто гражданскіе споры и процессы сами по себѣ не вредны, и будто ихъ количество даже свидѣтельствуетъ о развитой, цивилизованной жизни общества. Думаемъ, что сварливость не добродѣтель и сутяжничество не доблесть, и потому соглашаемся съ г. профессоромъ, который въ возрастающемъ количествѣ процессовъ видитъ только зло и отсутствіе образованія. Затѣмъ г. профессоръ обратился къ стр. 86, и возразилъ противъ положенія автора, будто названіе Третейскаго суда «Судомъ по совѣсти» не удачно, потому что совѣсть не даетъ никакихъ опредѣленій для гражданской жизни. Требованія совѣсти и христіанской нравственности, по мнѣнію г. профессора, часто разнятся отъ положеній общественнаго мнѣнія и законодательства; Третейскій судъ, составляющій собою, хоть частію, органъ совѣсти, долженъ содержать въ себѣ особыя, ему свойственныя положенія, и можетъ быть названъ судомъ по совѣсти. — Послѣ этого рѣчь перешла къ г. профессору Крылову, начавшему съ того, что онъ не нашелъ въ диссертаціи ни исторіи предмета, ни знакомства съ его литературой, ни основательнаго догматическаго изложенія, хотя разсужденіе называетъ себя *историко-догматическимъ*. Нападенія были живы, мѣтки, сильны. «О чемъ написали вы диссертацію?» О Третейскомъ судѣ. «Но въ книгѣ нѣтъ и слѣдовъ суда, и то, что вы называете судомъ, есть только мировая сдѣлка.» «Судъ ли это?» Судъ. «Гдѣ же лица, составляющія присутствіе; гдѣ приговоръ, съ его *рѣшеньемъ дѣломъ*, долженствующимъ послужить источникомъ права въ этомъ дѣлѣ, на будущее время; гдѣ власть, необходимая для приведенія приговора въ исполненіе?» и т. д. — Потомъ въ диступѣ принялъ участіе г. профессоръ Бодянскій, который, словами памятниковъ, доказывалъ существованіе Третейскаго суда у всѣхъ славянскихъ племенъ, задолго до предполагаемаго вліянія со стороны нѣмецкаго, или римскаго права. Съ своей стороны, г, Капустинъ такъ же сдѣлалъ замѣчаніе г. магистранду, что онъ не обратилъ вниманія на политическій элементъ въ *законномъ* Третейскомъ судѣ. Наконецъ г. Деканъ и профессоръ Баршевъ, замкнувъ въ заключительной рѣчи pro и contra, провозгласилъ г. Вицына, на основаніи положенія Факультета, ма-

Digitized by Google

гистромъ гражданскихъ законовъ. — Обратимся къ диссертаціи, и и въ самомъ предметѣ спора поищемъ объясненія для столькихъ возраженій.

Написавъ разсужденіе о Третейскомъ судѣ, *по русскому праву*, авторъ считалъ себя свободнымъ отъ необходимости слѣдить за развитіемъ учрежденія внѣ отечества, или приводить въ сочиненіи иностранную литературу предмета. Конечно, это не освобождало его отъ обязанности имѣть знакомство съ тѣмъ и другимъ; онъ самъ то чувствовалъ и, по мѣстамъ, приводилъ мнѣнія Игеринга и Пухты. Игерингъ, говорятъ, какой-то философъ; за то Пухта — не послѣдній юристъ. Но худо то, что и по отношенію къ русскому праву въ разсужденіи есть значительные, доказанные промахи, и притомъ необходимые, по общему воззрѣнію автора на русскую исторію, на предметъ и на способъ изслѣдованія. Уже въ предисловіи, авторъ откровенно признается, что онъ началъ дѣло, не познакомившись съ его источниками, и задалъ документамъ вопросъ, на который у нихъ не было отвѣта. «Избирая предметомъ разсужденія русскій третейскій судъ, я имѣлъ въ виду прослѣдить его развитіе отъ древнѣйшихъ временъ, и показать, на основаніи его, какъ народнаго суда, отношеніе юридическихъ воззрѣній народа къ опредѣленіямъ положительнаго законодательства. Однако отъ выполненія этой цѣли я скоро долженъ былъ отказаться — по недостатку матеріаловъ. — Въ сохранившихся памятникахъ, я не нашелъ никакого указанія, по которому бы могъ судить о значеніи третейскаго суда, какъ проводника юридическихъ убѣжденій народа.» Это экспедиція, сказано на диспутѣ въ защиту автора, которая кончилась отрицательнымъ отвѣтомъ — Америка не соединяется съ Азіей, — и тутъ, все таки, есть результатъ для науки. — Но если бы экспедиція, для рѣшенія вопроса о соединеніи Америки съ Азіей, отправилась не на сѣверъ, а на югъ, къ южному морю и полюсу, не туда, куда слѣдовало; неужели и тогда отрицательный отвѣтъ ея былъ бы результатомъ для дѣла? Авторъ же дѣйствительно отправлялся, куда не слѣдовало, и искалъ, чего нельзя было искать. Онъ хотѣлъ въ третейскомъ судѣ древней Россіи найдти юридическія убѣжденія народа, въ противоположность установленіямъ законодательства, не обсудивъ напередъ невозможности такого противоположенія, для древнѣйшаго времени. Онъ предполагалъ отыскать въ актахъ приговоры третейскаго суда, и, съ этимъ поличнымъ, дать личную ставку народу и законодательству, не при-

Digitized by Google

нявъ въ разсчетъ словеснаго производства въ третейскомъ судѣ. Наконецъ, не нашедши того, чего такъ незаконно искалъ, авторъ видимо потерялъ расположеніе къ древности, къ старинѣ, къ задачѣ, и сталъ почти отрицать то, что находилъ, или пересталъ пользоваться находками и все найденное оставилъ въ сомнительнемъ свѣтѣ, а читателя въ недоумѣніи. Вотъ источникъ того количества возраженій, которыя были ему сдѣланы на диспутѣ, и которыя можно еще сдѣлать.

На первой страницѣ, предполагая древнюю Россію въ совершенной бѣдности, авторъ старается бѣдностью страны объяснить отсутствіе тѣхъ, или другихъ судебныхъ установленій; *о чемъ было спорить, нечего было дѣлить*, говоритъ авторъ, хотя всякій знаетъ, что бѣднякъ столько же дорожитъ своимъ малымъ, составляющимъ его *все*, сколько богачь своимъ большимъ, которое можетъ составлять только часть его богатства. Не говоримъ *о поклепныхъ* искахъ, противъ которыхъ пени и штрафы узаконяются у насъ изстари; равно какъ о томъ, что количество процессовъ зависитъ не столько отъ богатства народа, сколько отъ характера тяжущихся. Находя съ авторомъ документы о третейскомъ судѣ въ Россіи XIV вѣка; предполагая, по развитости учрежденія, что судъ долженъ былъ существовать и прежде этого времени; имѣя въ актахъ свидѣтельства для дѣятельности третейскихъ судовъ въ древности и по дѣламъ князей (1), и по дѣламъ частныхъ людей (2): мы не можемъ не признать за третейскимъ судомъ права на глубокую древность, на обширную примѣняемость, на значительную степень развитія. Но авторъ самъ ослабляетъ свою находку, объясняя присутствіе третейскаго суда въ древней Россіи совершеннымъ отсутствіемъ въ ней законности и права. За *пришествіемъ* варяжскихъ князей, — (почему бы ужъ не прямо: *за нашествіемъ*?), — утверждаетъ авторъ, слѣдовала раздача волостей, *для сборовъ дани*, и, *между прочимъ*, *для суда*, какъ *источника новыхъ доходовъ*, *для князей, намѣстниковъ* и т. д. Судъ съ поборами, пошлинами, судъ дорогой, да притомъ судъ предъ иноземцемъ, незнавшимъ мѣстныхъ обычаевъ и т. п., долженъ былъ поддерживать въ народѣ судъ посредниковъ, судъ третейскій (3), и т. д. — Такое шаткое и ложное основаніе для объясненія бытія и развитія третейскаго суда, безъ

(1) Стр. 5.
(2) Стр. 16, 19, 25, 28 и т. д.
(3) Стр. 6, 7.

Digitized by Google

сомнѣнія, равняется собственному признанію въ несуществованіи *суда третьихъ*, и придастъ силу всякому возраженію противъ разсужденія. И, понятно, почему можно было, на диспутѣ, отрицать существованіе третейскаго суда, въ древней Россіи до уложенія, — отрицать его народность съ уложенія до нашего времени, — и отсюда объяснять современное нерасположеніе народа къ третейскому суду и разбирательству. Все это необходимо, логически вытекало изъ первыхъ, основныхъ положеній автора; такъ что даже защищать диссертацію значило нападать на ея автора. Попытаемся сказать два-три слова въ объясненіе дѣла.

Нерасположеніе къ третейскому суду не есть явленіе, принадлежащее исключительно русскому современному быту; оно замѣчено собственно на западѣ, въ Германіи, какъ явленіе, характеризующее духъ времени и отмѣченное народною поговоркою:

Lass dich in kein Compromiss,
Dû verlierst die Sache gewiss.

Прибавимъ даже, что едва ли можно принять доказаннымъ нерасположеніе нашего народа къ третейскому суду; во всякомъ же случаѣ, мы не будемъ правы, доказывая ненародность *древняго* учрежденія изъ *современнаго* къ нему нерасположенія. Съ другой стороны, находя третейскій судъ всегда и вездѣ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, странно было бы отрицать его бытіе только въ исторіи Руси, и не признавать учрежденія, о которомъ говорятъ акты XIV и всѣхъ другихъ столѣтій нашей исторіи. Но должно ли назвать судомъ установленіе, о которомъ упоминаютъ эти акты? Судъ могъ быть только у князя, да у верховной власти и т. д. Положимъ; но до образованія власти, или призванія князей, неужели не судились, не было спорныхъ дѣлъ, не было суда? Если же судъ былъ и до того времени, то, естественно, онъ производился посредниками, *третьими*, въ формѣ третейскаго суда. Но акты говорятъ о рѣшеніи третьими споровъ между князьями? Не между одними князьями, какъ отмѣчено выше, но и между частными лицами, и притомъ съ обозначеніемъ дѣлъ и лицъ, подлежавшихъ такому суду (1), — состава присутствія (2), *записи*, какъ основанія, для дѣятельности суда (3), — самаго производства (4), — рѣшенія и ис-

(1) 16, 17 и Мѣдд. въ разсужд. (2) Стр. 21. (3) 24, 25. (4) 27, 28, 34.

Digitized by Google

полненія, состоявшаго встарину въ самоуправствѣ, которое въ этомъ случаѣ, по закону, не считалось *измѣной*, félonie (1). Опершись на этихъ данныхъ, авторъ легко бы отстоялъ свои изслѣдованія, и ясно бы доказалъ необходимыя и важныя слѣдствія, оттуда вытекающія, а именно, что потребность въ правѣ была у насъ чувствуема вездѣ и всегда, — что третейскій судъ, бывшій на Руси въ повсемѣстномъ ходу, доказывалъ господство взаимнаго довѣрія въ нашемъ народѣ, — что нравственное чувство и приговоръ совѣстливыхъ людей служили у насъ первымъ источникомъ всякой правды, — что князья были приглашены для сообщенія внѣшней силы этойс правдѣ, и для ея обезпеченія, и т. д. Доказавши эти основанія, авторъ прiобрѣлъ бы почву и твердую и благодарную.

В. Лешковъ.

---

(1) 41, 44 - 58.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧЕТВЕРТЫЙ БАТАЛІОНЪ

ТЕНГИНСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛКА (*).

18-го апрѣля 1846 года.

(Посвящается Тенгинскому полку).

Если вамъ случится, читатель, проѣзжать Урухскую станицу, то, недоѣзжая ея саженей 100, вы увидите влѣво отъ себя (если ѣхать отъ Ставрополя) небольшой курганъ, огороженный простою деревянною рѣшеткой, посрединѣ которой возвышается каменный крестъ. Снимите шапку и помолитесь за упокой въ мирѣ почіющихъ подъ этимъ курганомъ: онъ насыпанъ надъ тѣлами храбрыхъ воиновъ, павшихъ въ славномъ дѣлѣ 18 апрѣля 1846 года.

Этотъ курганъ и крестъ остались памятниками геройскаго отступленія небольшаго отряда храбрыхъ отъ осьми-тысячной силы непріятеля. Въ Урухской станицѣ каждый казакъ разскажетъ вамъ про геройскій подвигъ, и если, проѣзжая это мѣсто весною или лѣтомъ, вы будете въ состояніи удѣлить изъ вашего путешествія часъ времени, посѣтите уединенную могилу. Густая зеленая трава и

(*) Было время, что мы по цѣлымъ годамъ ничего не знали о Кавказскихъ дѣйствіяхъ. Нынѣ начинаютъ оглашаться многіе, старые подвиги, и мы считаемъ обязанностію распространить ихъ какъ можно болѣе, и потому перепечатываемъ это извѣстіе изъ Кавказа. *Ред.*

Digitized by Google

цвѣты покрываютъ ее; при вашемъ приходѣ жаворонокъ весело выпорхнетъ изъ травы, и тишина, нарушенная взмахомъ маленькихъ крылушекъ, водворится снова. Вы поневолѣ простоите здѣсь нѣсколько времени; предъ глазами вашими будутъ разстилаться тѣ живописныя мѣста, та дорога, на которыхъ происходила битва. И когда, мысленно произнесши молитву, вы выйдете изъ ограды, на сердцѣ вашемъ станетъ хорошо отъ сознанія, что почтили память храбрыхъ воиновъ.

Вторженіе Шамиля, въ 1846 году, въ Кабарду составляетъ одну изъ кровавыхъ драмъ въ исторіи Кавказа. Планъ и цѣль этого похода, за долго до выполненія его, родились въ душѣ имама, и онъ постоянно лелѣялъ въ себѣ эту идею.—«Я поставлю пушки на большой дорогѣ», говоритъ Шамиль въ одномъ письмѣ къ своимъ наибамъ. «Большая дорога», на которой имамъ собирался поставить пушки, была военно грузинская, и безумецъ разсчитывалъ, поднявъ Кабарду и другія покорныя намъ племена, преградить сообщеніе наше съ Грузіею. Эта дерзкая экспедиція имама, хотя и была для него не безуспѣшна, въ томъ лишь отношеніи, что ему удалось съ своимъ скопищемъ побывать въ Кабардѣ, но бѣгство его оттуда было едва ли не значительнѣе, чѣмъ еслибъ имамъ былъ даже разбитъ на голову. Это бѣгство, вынужденное одними только маневрами нашихъ войскъ, дало ясное понятіе приверженцамъ Шамиля (если такіе были у него въ самой Кабардѣ), о совершенномъ безсиліи имама внѣ трущобъ его дикаго прибѣжища. Шамиль очень хорошо понималъ это, и потому, въ воззваніяхъ своихъ къ закубанскимъ народамъ, стараясь оправдаться въ неудачѣ своего похода, придаетъ своему поспѣшному отступленію видъ какой-то религіозной таинственности.

«Я отступаю, пишетъ онъ, не потому, чтобы въ борьбѣ съ Русскими я потерялъ больше, чѣмъ они,—нѣтъ не потому, но для тысячи другихъ причинъ, которыя клонятся всѣ въ нашу пользу; для общаго нашего блага я возвращаюсь назадъ,—и берегитесь думать объ этомъ иначе. Вѣрьте мнѣ, если вы истинные мусульмане, что я не самъ отъ себя дѣйствую; клянусь Верховнымъ Существомъ, если вы будете сомнѣваться въ сказанномъ мною,—а это сомнѣніе противно святой вѣрѣ нашей,—вы погубите себя. Не думайте, что я отступилъ, боясь Русскихъ—нѣтъ: дѣла весьма важныя, для нашей общей пользы, отозвали меня обратно....»

Но, на самомъ дѣлѣ, со стыдомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ возвращался Шамиль изъ своего похода, для котораго была поднята

Digitized by Google

вся большая и малая Чечня, и на который были устремлены взоры всѣхъ горскихъ племенъ.

Такъ какъ статья наша касается только дѣла, которое Шамиль имѣлъ съ отрядомъ полковника Левковича, то мы и не будемъ входить въ подробности собственно о походѣ Шамиля. Только быстрота этого похода дала имаму возможность пробраться во внутрь Кабарды. 14 апрѣля, Шамиль, съ своимъ скопищемъ, ночевалъ въ Гойтинскомъ лѣсу, а 18 занялъ уже крѣпкую позицію на лѣвомъ берегу Терека, на горахъ минаретскихъ.

Генералъ-лейтенантъ *Фрейтагъ*, шедшій за нимъ по пятамъ и едва нагнавшій его при переправѣ чрезъ Терекъ, сильно затруднилъ ее для горцевъ, а главное—успѣлъ отбить жителей малой Кабарды, которыхъ Шамиль забралъ съ собою, со всѣмъ ихъ имуществомъ.

17-го апрѣля, утромъ, полковникъ *Левковичъ*, командиръ 4-го баталіона Тенгинскаго полка, услышалъ канонаду со стороны Моздока. Вслѣдствіе этого, немедленно взявъ съ собою баталіонъ свой и присоединивъ къ нему еще три роты Кубанскаго егерьскаго полка, съ двумя орудіями казачьей N 14 батареи и съ сотнею казаковъ Горскаго полка, двинулся по дорогѣ къ Моздоку. Отойдя верстъ 15 отъ Екатериноградa, полковникъ Левковичъ сдѣлалъ привалъ и тутъ же съ нарочнымъ получилъ записку отъ полковника *Ильинскаго*, извѣщавшаго, что непріятель переправляется чрезъ Терекъ, съ намѣреніемъ пробраться въ большую Кабарду, и что станицы, расположенныя на военно-грузинской дорогѣ, находятся въ опасности.

Полковникъ *Левковичъ* форсированнымъ маршемъ двинулся обратно и, въ 10 часовъ вечера того же дня, прибылъ въ станицу Александровскую, сдѣлавши переходъ въ 60 верстъ. Усиливъ здѣсь свой отрядъ сотнею казаковъ Владикавказскаго полка, онъ 18 апрѣля утромъ, по направленію слышанной канонады со стороны Терека, выступилъ съ отрядомъ изъ станицы Александровской по дорогѣ къ Минаретскому ущелью; въ то же время онъ получилъ приказаніе отъ генералъ-лейтенанта *Фрейтага* слѣдить за движеніемъ непріятеля. Отойдя верстъ семь отъ станицы Урухской, полковникъ Левковичъ останавливаетъ свой отрядъ и тотчасъ же занимаетъ выгодную позицію, имѣя влѣво отъ себя аулъ Хату-Анзорова; здѣсь онъ выстраиваетъ свою небольшую колонну, приближается къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ и немедленно атаковываетъ его. Въ это время непріятель, въ числѣ отъ 7 до 8 тысячъ, отдѣляется

Digitized by Google

отъ главной своей массы, занимавшей, какъ мы уже сказали, позицію на горахъ минаретскихъ, и является противъ обоихъ нашихъ фланговъ; непріятельская кавалерія обскакиваетъ кругомъ, а три орудія, находившіяся при главной массѣ непріятеля, открываютъ убійственный огонь. На лѣвую нашу цѣпь, обстрѣливавшую небольшой яръ, идущій параллельно съ дорогой, горцы нѣсколько разъ съ ожесточеніемъ бросаются въ шашки, но ружейный огонь и штыки такъ быстро отбрасываютъ ихъ назадъ, что непріятель не успѣваетъ даже подбирать тѣла убитыхъ.

Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и видя чрезвычайное превосходство силъ его, полковникъ Левковичъ рѣшается отступить, построивъ общее каре. Ободренный этимъ отступленіемъ, Шамиль тотчасъ же располагаетъ артиллерію свою противъ переднаго и боковыхъ фасовъ каре, съ цѣлью прикрыть ея дѣйствіемъ отчаянныя атаки спѣшившихся горцевъ. Тогда, разомкнувшись, 12-я мушкетерская рота открываетъ орудія, слѣдовавшія на отвозахъ внутри каре; картечные выстрѣлы и ружейный огонь, открытый тою же ротою, отбрасываютъ непріятеля, на нѣкоторое время, назадъ. Отступая шагъ за шагомъ, передній фасъ каре, состоящій изъ 4-й гренадерской и 12-й мушкетерской ротъ, не смотря на ближайшіе картечные выстрѣлы и ручныя схватки съ непріятелемъ, не разстраивается ни на одну секунду и тѣмъ не даетъ никакой возможности непріятелю прорваться во внутрь каре.

Между тѣмъ, позиція, занятая полковникомъ Левковичемъ еще до начатія дѣла и находившаяся въ настоящее время у него въ тылу, уже занята непріятелемъ. Обойти эту позицію внѣ ея выстрѣла нѣтъ никакой возможности, и потому полковникъ Левковичъ приказываетъ поручику *Якоби* со взводомъ сбить непріятеля съ упомянутой позиціи и держаться тамъ до тѣхъ поръ, пока каре пройдетъ ее.

Бѣглымъ шагомъ, подъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, слѣдуетъ взводъ къ мѣсту своего назначенія; на дорогѣ толпа горцевъ атаковываетъ его; но послѣ горячей рукопашной схватки, въ которой раненъ поручикъ Якоби, толпа отброшена назадъ. Оставшійся при взводѣ подпоручикъ Пальчинскій контуженъ ядромъ въ голову; наконецъ принявшій начальство надъ взводомъ прапорщикъ *Перозіо*, не смотря на отчаянную защиту непріятеля, занимаетъ высоту и держится на ней, покуда отступленіе каре не обезпечено совершенно. Въ тоже время сбитая съ позиціи непріятельская конница переносится противу задняго фаса каре, прикрывая натиски своей

Digitized by Google

артиллеріи съ тылу. Дабы отдалить ее, полковникъ Левковичъ высылаетъ изъ каре резервъ, подъ командою поручика *Горчакова*, который и успѣваетъ оттѣснить непріятельскую кавалерію; но вторичный натискъ ея, въ превосходныхъ силахъ, заставляетъ полковника Левковича послать поручику Горчакову въ подкрѣпленіе 2-ю карабинерную роту, подъ начальствомъ подполковника Кубанскаго егерьскаго полка *Жданкевича*. Въ страшной схваткѣ, которая послѣдовала за этимъ, убитъ Кубанскаго полка капитанъ *Трелицкій*, контуженъ того же полка капитанъ *Старцевъ* и Тенгинскаго поручикъ Горчаковъ. Непріятельская кавалерія отброшена; видя неудачи своихъ натисковъ, горцы рѣшаются произвести общую атаку.

Усиливши огонь своей артиллеріи, съ крикомъ бросаются они со всѣхъ сторонъ на неустрашимое каре, но пушечнымъ и батальнымъ огнемъ изъ трехъ фасовъ, при содѣйствіи кавалеріи, состоящей подъ начальствомъ подполковника *Ильинскаго*, непріятель окончательно опрокинутъ. Въ это время храбрый полковникъ Левковичъ контуженъ ядромъ въ ногу, а лошадь подъ нимъ ранена 4-мя пулями.

Горцы отваживаются сдѣлать еще одну атаку противу лѣваго фаса каре, но и тутъ опрокинуты съ урономъ. Тогда, видя тщетность своихъ усилій и, вѣроятно, узнавъ о подкрѣпленіи, шедшемъ отъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, непріятель начинаетъ быстро отступать, послѣ пяти-часоваго боя.

Полковникъ Левковичъ также отступаетъ въ станицу Урухскую, не оставляя въ рукахъ непріятеля *ни одного тѣла, ни одного штыка*.—Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны убито: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 16; ранено: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 83; контужено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 53.

Такъ кончился для 4-го баталіона день 18-го апрѣля 1846 года,—день, которымъ онъ по справедливости можетъ гордиться, и если результатъ этого дѣла не имѣлъ слишкомъ важныхъ послѣдствій, то, во всякомъ случаѣ, замедлилъ быстрое движеніе имама на цѣлый день и тѣмъ далъ возможность усилить мѣры для поспѣшнаго изгнанія непріятеля изъ нашихъ владѣній; наконецъ это дѣло не могло не дать понятія Шамилю о невозможности борьбы съ Русскими въ открытыхъ мѣстахъ, каковыя и представляетъ изъ себя почти вся Кабарда, — и горькое предчувствіе безславія своего похода, съ перваго же шага въ Кабарду, запало въ душу имама.

Генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ, въ журналѣ своемъ съ 11 по 22 апрѣля, доноситъ, что «Тенгинцы дрались молодцами, но при-

Digitized by Google

нуждены были отступить отъ несоразмѣрной силы непріятеля.» Начальникъ центра Кавказской линіи, генералъ-маіоръ князь *Голицынъ*, въ такомъ же журналѣ пишетъ: «послѣ сего (послѣ общей атаки) непріятель уже не смѣлъ съ такою отвагою бросаться на *твердую стѣну*, составленную изъ храбрыхъ людей.»

И ты вполнѣ заслужилъ это названіе, храбрый баталіонъ, и дѣло 18 апрѣля 1846 года составитъ блестящій эпизодъ въ лѣтописяхъ кавказской войны, какъ одинъ изъ тѣхъ славныхъ подвиговъ, которыми такъ богаты полки кавказскіе....

Н. Моллинко.

О ФАБРИКАХЪ ВЪ РОССІИ.

(Письмо въ редакцію Сѣверной Пчелы).

Политико-экономическія статьи, часто повторяемыя въ газетѣ вашей, заинтересовали меня, какъ стараго фабриканта и заводчика, и ободрили изложить нѣкоторыя мысли, пріобрѣтенныя тридцатилѣтнею опытностью.

Въ N 23-мъ Сѣверной Пчелы помѣщенъ разборъ статьи, изъявляющей желаніе, *чтобы Россія отказалась отъ всякаго заводскаго, фабричнаго и мануфактурнаго производства, и довольствовалась единственно произведеніями земли.*

Не распространяясь объ этой статьѣ, позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

По изданіи Англійскимъ Парламентомъ *билля* о свободной торговлѣ, было много говорено и писано жителями Албіона въ пользу свободнаго размѣна мануфактурныхъ товаровъ, по которому намъ приходилось бы, взамѣнъ каждаго пуда Сибирскаго желѣза, по перочинному Англійскому ножику. Британскіе журналы сулили, въ слѣдствіе этой неровной мѣны, будущее счастіе, которымъ они готовятся подарить родъ человѣческій, но оттуда проглядывали прямые барыши одной Англіи; люди благонамѣренные и умные, но увлеченные краснорѣчивыми софизмами газетъ, убѣждались въ томъ, что напечаталъ г. Скальковскій.

Въ N 32-мъ Московскихъ Вѣдомостей 1845 года, я писалъ: «Наконецъ доживаемъ мы до времени, что въ Россіи перестаютъ

Digitized by Google

безотчетно увлекаться мнѣніями иностранныхъ публицистовъ, начинаютъ смотрѣть своимъ взглядомъ, очищая разсудокъ отъ предубѣжденій, сознавая собственныя свои силы. Разсчитываютъ, и часто удачно, возможную будущность фабричнаго предпріятія, не слушая воплей дальновидныхъ иноземцевъ, завидующихъ раждающимся успѣхамъ нашимъ. Если это похвальное стремленіе, этотъ неизмѣнный, неизсякающій источникъ народнаго богатства, будетъ постоянно покровительствуемъ ободряющимъ тарифомъ, какъ и дѣлается это въ Россіи и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, фабрики и заводы наши могутъ ожидать, въ послѣдствіи, самыхъ утѣшительныхъ результатовъ.

«Многіе, впрочемъ образованные люди, въ нашемъ отечествѣ, пробѣжавъ наскоро сочиненія Смита и Сея, и не имѣя досуга обдумать прочитанное, увѣряютъ, что Россія обречена Богомъ и людьми исключительно на землепашество, что промышленность фабричная намъ не по обрзованію и не по климату. Такое безжалостное осужденіе соотечественниковъ, быть вѣчно чернорабочими, заставило насъ сказать нѣсколько словъ о средствахъ Россіи и о природномъ ея назначеніи въ промышленномъ мірѣ.

«Глубокомысленные Германцы рѣшили уже вопросъ: должно ли предоставлять однимъ оборотливымъ Англичанамъ, въ мирное время одѣвать въ свои ткани всю подсолнечную, а во время войны снабжать и друзей, и недруговъ своимъ оружіемъ? Извѣстно, что говорилъ объ этомъ знаменитый экономъ-политикъ Листъ на съѣздѣ Германскихъ хозяевъ. Въ Allgemeine Zeitung была очень дѣльная статья, гдѣ упрекали Англичанъ въ посягательствѣ на монополію мануфактурную, напоминая имъ, что въ старину, когда Нѣмцы имѣли фабрики и заводы, а Британцы умѣли только пахать землю, короли Англійскіе закладывали свои короны Кельнскимъ банкирамъ.

«Есть законъ въ промышленности, никѣмъ не оспариваемый, что желающій производить съ выгодой долженъ изыскивать такого рода фабрикацію, которая, при большемъ на нее запросѣ, не всякому можетъ быть доступна, требуя или обширныхъ ученыхъ свѣдѣній, или огромнаго капитала, или глубокихъ познаній техническихъ. И такъ, остановясь на сказанномъ законѣ, я сдѣлаю вопросъ: какая фабрикація проще, дешевле и легче земледѣлія? (Разумѣется, легче для ума, а не для рукъ.) И потому-то обрабатываніе земли есть самая древняя, самая первая ступень фабричнаго производства: оно доступно для каждаго, а кому же неизвѣстно, что при большомъ соперничествѣ всегда бываютъ малые барыши?

Digitized by Google

«Никакъ нельзя допустить, чтобы отечество наше, лѣтъ чрезъ пятьдесятъ, не могло сравняться съ Европой въ техническомъ образованіи: стало быть, надо лишь потерпѣть, и къ намъ умъ прійдетъ во всемъ развитіи, какого достигъ онъ у просвѣщенныхъ народовъ, а въ остальномъ недостатка не будетъ. Сибирскіе заводы выкуютъ намъ тогда всѣ возможныя машины, и многолюдныя губерніи станутъ на насъ работать дешево, благодаря сравнительной малоцѣнности жизненныхъ припасовъ въ Россіи; по количеству и свойству горючаго матеріяла распредѣлятся тогда въ провинціяхъ фабрики и заводы, даже и самая потребность на горючій матеріялъ можетъ невѣроятно убавиться, чрезъ замѣну водою, воздухомъ и, можетъ быть, электричествомъ и проч.

«Есть даже препятствіе, природой поставленное сѣверному краю, быть исключительно земледѣльческимъ: это продолжительная зима. Можетъ ли быть успѣшно воздѣлываніе земли тамъ, гдѣ цѣлые полгода въ сутки бываетъ только по шести часовъ дневнаго свѣта, и земля закована морозомъ, тогда какъ въ полуденныхъ странахъ круглый годъ косятъ сѣно, сѣютъ хлѣбъ, возрастаютъ огородныя растенія!

«Несомнѣнно, землевоздѣлываніе должно идти успѣшнѣе тамъ, гдѣ солнце грѣетъ 365 дней въ году, а для холодныхъ странъ свойственнѣе фабричныя занятія, устраняющія жестокость и невыгоды климата теплою и освѣщенною комнатою, усвоивающею намъ тѣ же 365 дней, только не на открытомъ воздухѣ.

«По сѣверу нельзя однако дѣлать заключенія обо всей Россіи: Имперія наша — цѣлый міръ; у насъ есть всѣ климаты и всѣ почвы, а потому безразсудно было бы предназначить всю Россію на одну мануфактурную промышленность, также какъ несправедливо обрекать на одно земледѣліе. Кажется, сама природа назначила черноземной полосѣ производить хлѣбъ, ленъ, сахаръ и проч., и степной заниматься скотоводствомъ; сѣверному краю быть мануфактурнымъ.

«Европа уже признала Россію непобѣдимою оружіемъ; теперь надо молить Всевышняго и стараться, чтобъ иноземцы какъ можно скорѣе потеряли надежду воевать успѣшно и съ нашими карманами.»

Однако жъ, не всякой птичкѣ Богъ далъ соловьиный голосъ. У насъ не за границей; съ одними деньгами не всегда удается и заводское предпріятіе; не излишне имѣть самому заводчику нѣкоторыя познанія, дѣятельность, чтобъ замѣнить иностранцевъ, боль-

Digitized by Google

шею частію крайне неблагонадежныхъ. Необходимо изучить мѣстность и разчесть матеріяльныя богатства оной. Если гдѣ помянутыхъ средствъ не имѣется, и кто не довольствуется четырьмя процентами, пусть рѣшится на выгодное и доброе предпріятіе — устройство компаніями желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, необходимыхъ для нашего преуспѣянія въ мирное время, и спасительныхъ во время войны. Заводить фабрики преимущественно слѣдуетъ тамъ, гдѣ въ изобиліи безпроцентный капиталъ: вода даромъ теряющаяся, лѣсъ напрасно гніющій и дешевыя рабочія руки. Болѣе или менѣе подходящія къ сему мѣстности должны быть заводскія, и мы, въ этомъ случаѣ, не имѣемъ соперниковъ въ Европѣ. Отказаться отъ промышленности значитъ отказаться отъ образованія, признать отечество наше ни на что другое неспособнымъ, и добровольно сознаться, что народъ Русскій не имѣетъ и не желаетъ имѣть ни честолюбія просвѣщеннаго человѣка, ни народной гордости.

Дмитрій Засацкой.

С. Нагорное, Жиздринскаго уѣзда,
мартъ, 1855 г.

Отрывокъ письма изъ Нерчинска.

27 апрѣля 1856 г. Полагаю не непріятно узнать вамъ, что я имѣю небольшую оранжерею, а нынѣ устроиваю болѣе помѣстительную для фруктъ и плодовитыхъ деревъ и болѣе холодную, которую на дняхъ заложилъ. Какой будетъ для меня праздникъ въ душѣ, когда устрою это милое для цѣлей моихъ зданіе и помѣщу всѣ нѣжныя рѣдкости юга, пересылаемыя ко мнѣ изъ казенныхъ ботаническихъ садовъ: Одессы, Кишенева, Пензы, Горокъ Могилевской губ. и изъ другихъ мѣстъ! Любя природу, я постоянно тружусь на семъ поприщѣ, истинно желая внести въ далекій край, столь мнѣ драгоцѣнный, новые элементы для жителей, разводя лучшія породы хлѣбовъ и овощей, табаковъ болѣе ароматныхъ, чѣмъ Нерчинскій крѣпкій и вонючій, я не оставилъ и отрасли садоводства и дѣлаю опыты акклиматизированія нѣсколькихъ породъ деревъ; имѣю питомники, гдѣ растутъ самыя наирѣдчайшіе цвѣты Даурін, буду укоренять и рѣдкія растенія западной Сибири и давно есть задушевная цѣль собрать всѣ малѣйшія растенія, какія имѣетъ громадная наша Сибирь. Трудовъ и хлопотъ у меня много ежедневно; сверхъ того обширная переписка моя съ разными мѣстами и лицами по губер-

Digitized by Google

ніи и всей Россіи удѣляетъ мало досуговъ, некогда даже читать, вотъ второй мѣсяцъ не читаю и могу сказать изучаю воззрѣніе на природу Гумбольдта,—какая превосходная книга! никого я не читаю съ такою любовію, какъ Гумбольдта. Это любимый мой авторъ и любимый мой ученый и философъ мыслитель! Обращаю ваше вниманіе на 97 N Земледѣльческой газеты, на 9 и 15 N N 1856 г. Тутъ мои статьи, кои поправятся и вамъ.

Недавно въ трудахъ Экономическаго общества помѣщена моя статья о Забайкальскихъ лошадяхъ: мнѣ пишутъ объ ней изъ С.-Петербурга и самъ я еще получилъ только 1 N.

Весна у насъ вступаетъ въ свои права, рѣки прошли, юная зелень показывается, цвѣтутъ первенцы весны Anemone Pylsutilla, тутъ разцвѣтутъ Gagea, Alissum, Vivlarosea и все это самыя ароматныя растенія, выйдемъ за городъ и вдохнемъ запаха цвѣтовъ. Постепенно будетъ развертываться флора вѣчно юная и загоритъ огнемъ лилій, Рододендроновъ, забѣлѣютъ піоніи, каменная слива, заблестятъ на горахъ алыя oxytropis, pidicus и многое множество другихъ.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Наводненіе во Франціи.—Крещеніе *сына Франціи*.—Пожертвованіе барона Ротшильда въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія.—Пріятная угроза Герцогини Монтебелло.—Какая бы ожидала участь Крашенинникова, Кокорева, Мамонтова, Солдатенкова, Алексѣевыхъ и прочихъ нашихъ благотворителей, ежели бы наши дамы послѣдовали примѣру Герцогини Монтебелло?—Изверженіе огнедышущей горы на островѣ Ганти.—Статуи, воздвигаемыя въ Лиссабонѣ.—Королевство цвѣтныхъ людей: Городъ Блуфильдъ и его гостинница.—Англійскій резидентъ.—Агентъ всемірнаго опекунства надъ полудикими народами.—Аудіенція у короля Москитовъ.—Предполагаемое соединеніе Чернаго и Средиземнаго морей.—Исторія древняго Суецкаго канала и проэктовъ его возобновленія.—Новѣйшія извѣстія о причинѣ и началѣ Китайской революціи.—Число слушателей въ Аѳинскомъ университетѣ.—Дѣятельность ново-эллинскаго книгопечатанія.—Число аѳинскихъ журналовъ.—Сколько привезено иностранныхъ книгъ въ Греческое королевство.—Новыя ученыя общества—Королевско-Греческое общество Антикваріевъ.—Общество ново-эллинскихъ земледѣльцевъ.—Собраніе Греческихъ моряковъ.—Пристрастіе современныхъ Грековъ къ національному костюму.—Дѣятельность Лейбцигскихъ типографій.—Новыя нѣмецкія книги: романы: *Фридрихъ великій и его дворъ*, соч. Лунзы Мульбахъ.—*Клотильда, исторія двухъ сердецъ*, соч. Иды Дурингфельдъ.—*Потерянная женщина*, соч Вартенбурга.—*Женщина большаго свѣта*, соч. Карла Шрама.—*На фермѣ и въ городѣ*, соч. Клюпфига.—Критическія сочиненія: *Идеальное въ отношеніи къ критикѣ* и статья помѣщенная въ Blätter für literarsche Unterhaltung.—Смерть нѣмецкаго поэта Гейне.—Памятникъ Канту.—Наслѣдство послѣ натуралиста.—Новыя французскія книги: *Прогулка по Америкѣ* г. Ампера.—*Дунайскія провинціи и страны прилегающія къ Западной Европѣ*, соч Шопена и *Провинціи Румынскія*, соч. Убичини.—*Канада* соч. Шериданъ Іогана.—*Фамилія Неэдъ или филантропическія учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ*, соч. Бертала.—*Сентъ Пуантскій каменьщикъ*, деревенскіе *разсказы*, написанные А. де Ламартиномъ.—*Новыя повѣсти* соч. Мери.—*Утро въ Луврѣ, парадоксы и мечты*, соч. Мери.—*Комедіи Маротина*, переведенныя Ернестомъ Голландеромъ.—Исправляетъ ли комедія нравы общества? и почему она ихъ не исправляетъ?—Исторія испанскаго комика.—*Орестія*, трагедія Александра Дюма.—Способность говорить г. Дюма.—Типъ современнаго Паразита.—*Отечество* въ опасности.—Извѣстность писателя по ошибкѣ.

Самая главная заграничная новость та, что во Франціи было ужасное наводненіе, которое причинило значительные убытки. Говорятъ, чтобы оказать, хотя самое малое, вспомоществованіе претерпѣвшимъ раззореніе отъ этого случая, исправить дороги и общественныя зданія, дать возможность земледѣльцамъ вновь обсѣме-

Digitized by Google

нить свои поля, надобно истратить 400 милліоновъ франковъ, (на наши деньги сто милліоновъ рублей серебромъ); а денегъ нѣтъ и правительство принуждено будетъ снова прибѣгнуть къ займу. Въ слѣдствіе этого несчастія, подробно описываемаго всѣми газетами, празднества, которыя предполагалось дать въ Парижѣ, по случаю крещенія сына Императора, сначала предполагали отмѣнить, и назначенную на нихъ сумму употребить на вспоможеніе жителямъ Ліона, болѣе всѣхъ потерпѣвшимъ отъ наводненія. Но потомъ передумали, и крещеніе *сына Франціи* было великолѣпно, даже превосходило крещеніе Римскаго Короля. На вспоможеніе императоръ назначилъ особую сумму. Въ свою очередь баронъ Ротшильдъ пожертвовалъ потерпѣвшимъ наводненіе сорокъ тысячь франковъ. Герцогиня Монтебелло была такъ поражена этою чертою великодушія барона, что дала слово поцѣловать его публично, когда встрѣтится съ нимъ въ театрѣ, — за сорокъ тысячь франковъ, т.-е. за десять тысячь рублей серебромъ поцѣлуй Герцогини! – дешево.

Ежели бы у насъ дамы стали цѣловать за 10,000 руб. благотворителей; то наши Крашенинниковы, Кокоревы, Мамонтовы, Солдатенковы, Алексѣевы и проч. и проч. подвергались бы опасности быть публично зацѣлованными на смерть.

Въ Европѣ страдаютъ отъ стихіи Нептуна, въ Гаити гибнутъ отъ стихіи Вулкана: тамъ огнедышущая гора Мауна-Лоа находится теперь въ полномъ разгарѣ своего изверженія. Въ августѣ мѣсяцѣ прошедшаго года показались первые признаки этого феномена: еще въ то время, на самой вершинѣ горы (двѣнадцать тысячь футовъ, надъ уровнемъ моря) показался небольшой огонь, вѣроятно, изъ вновь образовавшагося кратера. Скоро этотъ огонекъ разросся въ огромное пламя, изъ среды котораго начали вылетать камни, а въ октябрѣ мѣсяцѣ потекла всесокрушающая рѣка лавы. По густотѣ массы своей она медленно двигалась по горной отлогости и затопляла пропасти и рытвины, образовавшіяся на этомъ волканѣ въ слѣдствіе бывшихъ землетрясеній. Надобно предполагать, что глубина этой огненной рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигала до трехъ сотъ футовъ. Тамъ, гдѣ лава падала въ пропасть и останавливала свое дальнѣйшее теченіе, покуда не наполняла ее собою, тамъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова клокочущій водоворотъ огня. Ширина этого потока простиралась отъ трехъ до трехъ тысячь футовъ, смотря потому, двигался ли онъ въ крутыхъ берегахъ трещинъ или по ровному мѣсту. Въ концѣ октября потокъ лавы угрожалъ истребленіемъ городу Гило, и не смотря на то, что онъ

Digitized by Google

прошелъ значительное разстояніе (60 миль?), онъ разливался все болѣе и болѣе, масса его огненной матеріи становилась громаднѣе и громаднѣе. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ одинъ путешественникъ, наблюдавшій за изверженіемъ, описываетъ это слѣдующимъ образомъ.

«Проводники наши, передъ солнечнымъ закатомъ, принудили насъ оставить наши лодки, на которыхъ мы подвигались вверхъ по небольшой рѣчкѣ, плывя на встрѣчу лавѣ, которая косвенно приближалась къ этому потоку. Мы невидали встрѣчи воды съ огнемъ, потому-что не возможно было приблизиться къ этому огненному морю, — насъ непремѣнно спалило бы на разстояніи пятидесяти саженъ; но мы слышали страшный трескъ и подъ покровомъ ночи и вѣковаго лѣса мы видѣли великолѣпный, страшный фейерверкъ. Лава, при впаденіи въ несчастный потокъ, только что оставленный нами, кипѣла, крутилась и разбрасывала отъ себя довольно значительныя массы, которыя, разлетаясь врозь, испепеляли все въ окружности своего паденія. Вскорѣ вода была окончательно побѣждена; вмѣсто ея воцарился огонь, и огненный змѣй изверженія медленно приближался къ несчастному Гило. Страшную величественность этого зрѣлища невозможно ни описать, ни разсказать: мы, пораженные имъ, стояли нѣмы и неподвижны. Потомъ лава поворотила неожиданно на лѣво и, испепеливъ вѣковой лѣсъ, проложивъ черезъ него себѣ дорогу, вылилась на песчаную равнину, которая почти непримѣтною отлогостью сходитъ къ морю. Передъ впаденіемъ въ море ширина огненнаго потока достигла до трехъ миль. Наконецъ эта масса огня встрѣтилась съ суровымъ океаномъ, — здѣсь огонь встрѣтилъ не безъизвѣстную рѣчку, не высохли морскія волны, не отступили передъ противной имъ стихіей: онѣ смѣло вступили въ бой; отталкиваемыя лавой, онѣ то отскакивали отъ берега, то съ удвоенною яростью, бѣлоголовыя, какъ опытные сѣдые бойцы, стремились на встрѣчу огню; и наконецъ побѣда осталась за влажной стихіей,—море поглотило лаву.»

Это изверженіе примѣчательно тѣмъ, что не было предшествуемо и не сопровождалось землетрясеніемъ, которое есть не разлучный спутникъ всѣхъ изверженій Везувія, Этны и другихъ вулкановъ. Мауна-Лоя, возвышающаяся на четырнадцать тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, видно легко, безъ усилія подышала огнемъ; и, что еще примѣчательнѣе, на высотѣ двѣнадцати тысячъ футовъ началось изверженіе, тогда какъ близъ Киланеи, урочища на той же горѣ, стоящаго на двѣнадцать тысячъ футовъ ниже ея вершины,

Digitized by Google

давно уже образовался открытый кратеръ и въ немъ не слышно было никакого шума, не видно было никакого движенія.

Говоря о землетрясеніи, какъ то невольно вспоминаешь Лисабонъ и страшную участь, постигшую его въ прошломъ столѣтіи отъ этого феномена: теперь этотъ городъ дворцовъ, есть опять одна изъ великолѣпнѣйшихъ столицъ Европы. Въ настоящее время тамъ воздвигаются статуи въ честь трехъ знаменитѣйшихъ португальцевъ, именно поэту Камоенсу, Васко де Гамѣ, который первый, плывя въ Индію, обогнулъ мысъ Доброй Надежды, и Алвасу Кобралю, первому мореходцу, приставшему къ берегамъ Бразиліи.

Но отложивъ покуда европейскія новости, я опять обращаюсь къ путевымъ запискамъ путешественника, который описалъ изверженіе Мауна-Лоа. Этотъ путешественникъ посѣщалъ Америку, былъ въ землѣ Москитовъ, лежащей на берегахъ Мексиканскаго залива, имѣлъ честь быть представленнымъ тамошнему королю, и описаніе этой аудіенціи, данной ему его Москитскимъ величествомъ, лучше многихъ книгъ знакомитъ насъ съ внутреннимъ управленіемъ и политическимъ положеніемъ этой страны.

«Москиты есть смѣшанная порода Негровъ, и туземныхъ Индійцевъ. Эти люди, произшедшіе отъ чернокожихъ, освободившихся изъ подъ рабскаго ярма плантаторовъ и принявшихъ въ свое общество нѣсколько Индійскихъ племенъ, оставившихъ кочевую жизнь, носятъ на себѣ отпечатокъ обѣихъ породъ и рѣшительно ничего не имѣютъ въ себѣ европейскаго. Маленькое это государство управляется, по видимому, независимымъ королемъ, но независимость эта очень сомнительна или, лучше сказать, вовсе не существуетъ, какъ мы это увидимъ ниже.»

«Главное мѣсто во владѣніи этого короля есть Блуфильдъ, гдѣ находится и его резиденція. Я пріѣхалъ въ Блуфильдъ поздно вечеромъ и остановился въ заведеніи, которое отчасти походило и на испанскую Венту и на турецкій Караванъ-Серай. Мнѣ и моимъ спутникамъ Американцамъ отвели обширное помѣщеніе въ огромномъ сараѣ, который не имѣлъ ни потолка ни пола. Окна безъ рамъ не закрывались даже ставнями, могущими защитить насъ отъ солнца и дождя. Я спалъ очень плохо, съ нетерпѣніемъ дожидался разсвѣта, чтобы взглянуть на этотъ мудреный городъ, состоящій изъ католической церкви, выстроенной изъ кемпешеваго дерева, дома Англійскаго резидента, длиннаго и низенькаго зданія, которое называется дворцомъ Москитскаго короля, и изъ домовъ жителей,

Digitized by Google

которыхъ при вечернемъ сумракѣ во время моего въѣзда въ городъ я никакъ не могъ увидать. Я не надѣялся, чтобы мои товарищи Янки (*) проснулись рано: они съ вечера очень долго говорили о политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ Американскихъ Штатовъ съ землею Москитовъ, бранили Англію, которая, находя свои выгоды, взяла подъ свою опеку эту страну, и придумывали средства, какъ бы эту опеку присвоить себѣ. И дѣйствительно, запахъ мизоній, магнолій и особенной породы душистаго алоя, разносимый утреннимъ вѣтромъ, уже проникалъ въ наше, отворенное для всѣхъ вѣтровъ, жилище; уже солнце взошло довольно высоко и начинало сильно нагрѣвать остынувшую ночью, отъ морской влаги, атмосферу; а мои Американцы еще спали богатырскимъ сномъ. Я вышелъ на улицу, которая была главной и единственной улицей столичнаго города этого королевства цвѣтныхъ людей. Теперь я понялъ, почему не могъ видѣть вчера домовъ здѣшнихъ обитателей: это были невысокіе шалаши, которые въ полномъ смыслѣ прятались въ высокорастущихъ кактусахъ, американской крапивѣ, кустарникахъ Діореи и жасминовъ. Рѣдко мнѣ попадался на встрѣчу черномазый или краснокожій обитатель Блуфильда. И въ какихъ были они фантастическихъ костюмахъ, вы себѣ не можете представить!... одинъ мнѣ попался весь одѣтый въ пунцовый англійскій ситецъ; другой щеголялъ въ незастегнутой рубашкѣ и безъ исподняго платья; двѣ молоденькія дѣвочки встрѣтились мнѣ въ коротенькихъ бѣлыхъ юбкахъ, которыя составляли единственную принадлежность ихъ туалета, а немного далѣе я увидѣлъ старуху, на которой была надѣта такая же юбка, парусинное мужское пальто и голубой тибетскій платокъ. Всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ, кланялись мнѣ и начинали со мной заговаривать на такомъ ломаномъ испанскомъ языкѣ, что я рѣшительно не понималъ ни слова и, нахлобучивъ на глаза свою соломенную шляпу, смѣло подвигался впередъ. Я прошелъ уже бо́льшую половину улицы, какъ со мною встрѣтился господинъ, со всѣми признаками европейскаго происхожденія; на немъ былъ надѣтъ костюмъ американскаго плантатора, т.-е. жакетка изъ легкой лѣтней матеріи, широкія бѣлыя панталоны, нитяные чулки и башмаки изъ тонкой лакированной кожи; бѣлье его было безукоризненной чистоты и шляпа съ широкими полями прикрывала его голову.

(*) Полушуточное и полубранное названіе Американцевъ.

Digitized by Google

Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ на чистомъ англійскомъ языкѣ: «Вы вѣроятно иностранецъ, недавно пріѣхавшій въ Блуфильдъ?»

— Точно такъ мистеръ, отвѣчалъ я ему.

— Вы Американецъ?

— Нѣтъ, Нѣмецъ.

— А!—что же вы сюда пріѣхали для торговыхъ цѣлей?

— Нѣтъ; я ученый путешественникъ.

— О! произнесъ онъ и вытаращилъ на меня глаза.

— Позвольте узнать, спросилъ я его въ свою очередь, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я мистеръ Бель, англійскій резидентъ при королѣ Москитовъ.

— Очень радъ познакомиться съ вами, продолжалъ я протягивая ему руку.

— О! произнесъ онъ потрясая мою руку.

— Надѣюсь, мистеръ Бель, что вы будете такъ добры, что поможете мнѣ ознакомиться съ этимъ страннымъ городомъ.

— Вы безъ торговыхъ цѣлей?

По видимому «торговыя цѣли» очень безпокоили мистера Беля.

— Да, совершенно безъ торговыхъ.

— Милости просимъ кушать ко мнѣ кофе.

Я отправился къ англійскому резиденту. Деревянный домъ его, построенный въ одинъ этажъ, состоялъ изъ большой комнаты, къ которой справа и слѣва примыкало нѣсколько горницъ; полъ былъ устланъ искусно сплетенными циновками, стѣны оклеены полированнымъ краснымъ деревомъ и увѣшаны портретами всѣхъ возможныхъ родовъ, и во всѣхъ возможныхъ видахъ королевы Англійской. Насъ встрѣтила Негритянка. По знаку, данному господиномъ Белемъ, черномазая прислужница скрылась въ другую комнату и онъ, усадивши меня передъ круглымъ столомъ, началъ снова распрашивать: не пріѣхалъ ли я для «торговыхъ цѣлей?» чтобы совершенно успокоить его, я подалъ ему свою визитную карточку, на которой было изображено мое имя и званіе профессора Мюнхенскаго Университета.

Между тѣмъ Негритянка принесла кофейникъ и три чашки, поставила на столъ вмѣстѣ съ ними сахарницу, корзинку съ хлѣбомъ, ромъ и бутылку портвейна; потомъ она удалилась. Хотя насъ было только двое, но хозяинъ мой розлилъ кофе въ три чашки; я сначала думалъ, что старая прислужница будетъ раздѣлять съ нами

Digitized by Google

этотъ завтракъ; но она непоказывалась и мистеръ Бель закричалъ: «Жоржъ, ступай пить кофе.» Отворилась дверь и къ намъ вошелъ въ комнату молодой человѣкъ съ явнымъ отпечаткомъ негро-индійскаго происхожденія; ему было неболѣе двадцати лѣтъ; костюмъ его состоялъ изъ грязной разстегнутой рубашки и такихъ коротенькихъ узкихъ штановъ, что они казалось съ трудомъ могли быть напялены.

— Здравствуйте, господа, произнесъ онъ ломанымъ англійскимъ языкомъ и усѣлся передъ третьей чашкой.

Я не обратилъ большаго вниманія на этого господина и продолжалъ бесѣдовать съ резидентомъ о дальнѣйшей участи Москитскаго народа. Собесѣдникъ нашъ, выпивши свой кофе, рюмки двѣ рому, и стаканъ портвейну, отправился умываться къ ближнему источнику.

Прощаясь съ господиномъ Белемъ, который очень любезно самъ вызвался служить мнѣ, чѣмъ можетъ, я просилъ его доставить мнѣ честь быть представленнымъ Москитскому королю.

— Москитскому королю? да вы его видѣли.

— Когда же?

— Вы сей часъ съ нимъ пили кофе.

— Какъ, это былъ король?

— Да, Жоржъ поди сюда, закричалъ онъ королю; и молодой человѣкъ, сломя голову, побѣжалъ на этотъ зовъ.

— Вотъ господинъ, продолжалъ Бель, который хочетъ представиться тебѣ.

— Очень радъ, очень радъ, говорилъ его Москитское величество, комическимъ образомъ пошаркивая ногами.

Я теперь внимательно разсмотрѣлъ его и нашелъ, что это цвѣтное лицо совершенно лишено человѣческаго смысла. Когда я вернулся къ моимъ Американцамъ и разсказалъ имъ объ моей аудіенціи у Москитскаго короля, они хохотали какъ безумные и увѣряли, что на базарѣ невольниковъ какой нибудь плантаторъ за его величество съ удовольствіемъ бы заплатилъ шесть сотъ долларовъ.»

Другой путешественникъ, недавно возвратившійся съ Востока, Французъ де ла Маделенъ (de la Madelène) разсказываетъ намъ о Суезскомъ перешейкѣ и о предполагаемомъ соединеніи Чермнаго и Средиземнаго морей.

«Мысль о соединеніи этихъ морей, говоритъ г. де ла Маделень, существовала и была осуществлена еще въ глубокой древно-

Digitized by Google

сти; можно сказать, что она была общею мыслію всѣхъ государей и племенъ, которыя располагали судьбою Египта.»

«Первый началъ этотъ каналъ рыть Нехао, но оконченъ онъ былъ при владычествѣ Персовъ, во времена Дарія Истаспа. Птоломей Филадельфъ, которому достался Египетъ послѣ разрушенія Мидо-Персидской и раздробленія Македонской монархіи, уширилъ этотъ каналъ, сдѣлалъ его глубже и во все время владычества Птоломеевъ онъ содержался въ отличной исправности. По присоединеніи Египта къ Римской имперіи, въ смутныя времена первыхъ цезарей, наслѣдниковъ Августа, Суецкій каналъ началъ приходить въ упадокъ, но при правленіи Траяна и Адріана онъ былъ приведенъ въ первобытное состояніе; вскорѣ однако оставленный безъ вниманія ихъ слабыми преемниками, онъ постепенно уничтожался и судоходство по немъ почти совершенно прекратилось.»

«Въ блистательную эпоху для магометанскаго востока, управляемаго единодержавною властью первыхъ калифовъ, по приказанію Омара, египетскій султанъ Амру снова возобновилъ Суецкій каналъ. Но не долго торговля пользовалась этимъ для нея выгоднымъ и необходимымъ сообщеніемъ. Калифатъ, какъ и все созданное исламизмомъ, носилъ уже въ себѣ при самомъ рожденіи своемъ зародышъ разрушенія, а потому и поклонники магомета не надолго могли удержать стройность и спокойствіе имперіи Калифовъ; среди послѣдователей Алкурана вспыхнули междоусобныя брани, въ разгарѣ которыхъ много погибло полезнаго и прекраснаго, въ томъ числѣ и древній Суецкій каналъ, который былъ изъ политическихъ и военныхъ видовъ засыпанъ во время калифатства Абу-Жіафараель-Мансура.»

«Съ этихъ временъ до половины семнадцатаго столѣтія, никто не подумалъ о возобновленіи этого торговаго пути, многія или, лучше сказать, почти всѣ совершенно забыли о немъ, какъ вдругъ Лейбницъ представляетъ Людовику XV проэктъ о возобновленіи канала, начатаго при Фараонахъ и засыпаннаго при Абасидахъ. Мысль была блестящая, но при всемъ желаніи она не могла быть приведена въ исполненіе. Не смотря на самохвальство маркиза де Наунтеля, французскаго посланника при Константинопольскомъ дворѣ, который увѣрялъ свое правительство, что турецкій султанъ чуть ли не стоитъ у него въ передней, правовѣрные Турки даже не позволили хвастливому Франку взглянуть и на признаки, которые могли бы указать, гдѣ былъ проведенъ древній каналъ.»

Digitized by Google

«До экспедиціи Бонапарте въ Египетъ объ этомъ дѣлѣ даже нигдѣ и не упоминалось. Но лишь только Каиръ палъ передъ новымъ покорителемъ царства Фараоновъ, какъ главнокомандующій французскою арміей обратилъ вниманіе на этотъ предметъ. Были отысканы слѣды когда то существовавшаго канала, сдѣланы проэкты къ его возобновленію, составлены смѣты, дѣло остановилось за немногимъ,—за недостачею денежныхъ средствъ, да за непрочностью водворенія Французовъ въ новомъ ихъ завоеваніи.»

«Потомъ настала эпоха имперіи, этотъ блестящій періодъ французской славы, купленной кровію храбрыхъ и геніемъ императора,—періодъ увы! окончившійся кровавою катастрофою Ватерлоо и заключеніемъ на островъ св. Елены величайшаго полководца нашего времени.»

«Бурбоны не думали о французскомъ вліяніи на дальнемъ востокѣ,—имъ было довольно хлопотъ и дома, надобно было усмирять бонапартистовъ, вести войну въ Испаніи, поддерживать іезуитовъ и управлять Франціей по близорукимъ началамъ политики, которая довела ихъ до вторичнаго изгнанія изъ этого прекраснаго королевства. Въ это время Англія, выдержавши борьбу съ Наполеономъ и при помощи Россіи сокрушивши этого великаго и непримиримаго врага британскаго торговаго самоуправства, напрягала всѣ свои силы окончательно подавить слабые остатки индійской самобытности и ограбить послѣднихъ туземныхъ раджей и набобовъ, чтобы удовлетворить ненасытимую алчность къ золоту достопочтенныхъ членовъ Остъ-Индской компаніи. Дѣла у ней было много — ей тоже было не до Суецкаго канала.»

«Но въ 1833 году, послѣ іюльской революціи, сокрушившей аристократію дворянства въ пользу аристократіи биржи, французская промышленность приняла колоссальное развитіе; она уничтожила всякое значеніе герба и заслуги отечеству, она положила невыносимое ярмо въ пользу фабрикантовъ на многочисленный классъ работниковъ, она разослала по всѣмъ частямъ свѣта французскихъ путешественниковъ не ученыхъ, а технологовъ, инженеровъ, химиковъ, механиковъ. Всѣ эти экспедиціи, какъ новыя арміи, дѣлали завоеванія въ пользу французской промышленности, которая, не имѣя въ своихъ рукахъ Индіи, хотѣла своимъ значеніемъ сравниться съ промышленностію Англіи, съ которой тогда Франція заключила тѣсный союзъ.... увы! новый другъ сыгралъ съ Орлеанистами превосходную штуку....» (*).

(*) Сейчасъ видно, что статью писалъ старый Бонапартистъ (примѣчаніе ред.).

Digitized by Google

«Въ это то царствованіе Людовика Филиппа, именно въ 1833 году, Франція экспедировала въ Египетъ нѣсколько молодыхъ, но испытанныхъ уже инженеровъ, которые прибыли на берега Нила, частнымъ образомъ, безъ всякаго офиціальнаго значенія, но съ цѣлію изучить на мѣстѣ возможность соединенія Чермнаго и Средиземнаго морей.»

«Экспедиція находилась подъ начальствомъ г. Анфантина. Это можно было назвать авангардомъ предпріятій цивилизаціи и очень естественно, какъ первая попытка, экспедиція не имѣла успѣха. Она должна была бороться съ непреодолимыми препятствіями, какъ со стороны незнакомой ей совершенно природы, такъ и состороны невѣжественныхъ туземныхъ обитателей; къ тому же присоединилась чума и изъ тридцати европейцевъ шестнадцать человѣкъ сдѣлались ея жертвами.»

«Между прочимъ бѣглецы изъ разныхъ странъ, пришедшіе подъ покровительствомъ египетскаго паши и намѣстника султана, Мегмета-Али, цивилизировать Египетъ, между которыми были люди и талантливые, съ завистью смотрѣли на новыхъ пришельцевъ, по возможности мѣшали имъ во всемъ и послѣ нихъ сами отъ себя принялись за начатое ими дѣло. Инженеръ паши, Линанъ де Беллефонъ (Линанъ-Бей) первый обратилъ вниманіе на давно покинутое сообщеніе двухъ морей; ему казалось возобновленіе его дѣломъ очень простымъ—слѣдовало только возстановить его въ томъ видѣ, въ которомъ оно находилось передъ разрушеніемъ, и на основаніи этой мысли онъ составилъ проэктъ, ошибка котораго заключалась въ томъ, что Средиземное море, какъ бы сказать, удалилось отъ африканско-азіатскихъ береговъ; и ежели бы глубина канала была та самая, какъ во времена Абасидовъ, то при впаденіи его въ это море, фарватеръ канала былъ бы такъ мелокъ, что самыя легкія, плоскодонныя суда не могли бы по немъ ходить; а ежели бы начать углубленіе во все его протяженіе, тогда бы производство этой работы потребовало страшныхъ суммъ. Но не смотря на это проектъ Линанъ-Бея имѣетъ, въ настоящее время, большинство мнѣній на своей сторонѣ.»

«Въ послѣднее же время Англія, Франція и Германія, постигающія всю важность удобнаго и кратчайшаго соединенія съ Индіей, посредствомъ своихъ ученыхъ и географическихъ обществъ, препоручили тремъ знаменитѣйшимъ современнымъ инженерамъ, Роберту Стефенсону, Негрелли и Талботу произвести новыя изысканія и составить проэктъ. Линанъ-Бей, какъ мѣстное офиціальное лицо,

Digitized by Google

какъ любимецъ паши Египетскаго присоединился къ нимъ; работы ихъ начались въ 1847 году, но скоро въ ихъ мнѣніяхъ вышло разногласіе. Линанъ-Бей не смотря, на явную ошибочность своихъ разсчетовъ остался при своемъ, т.-е. возстановить каналъ безъ всякихъ перемѣнъ въ прежнемъ его видѣ. Г. Талботъ находилъ каналъ только тогда полезнымъ, когда при его впаденіи въ Средиземное море будетъ находиться какая либо торговая пристань, и чѣмъ эта пристань будетъ значительнѣе, разумѣется, тѣмъ каналъ будетъ болѣе необходимымъ и принесетъ бо́льшую пользу. Увлекаясь этимъ, онъ подалъ проэктъ соединить Суецкій каналъ съ Ниломъ, изъ котораго провести другой каналъ до Александріи. Стефенсонъ довольствовался проведеніемъ его до крайняго праваго рукава Нила. Негрелли, придерживаясь мнѣнія Линанъ-Бея, хотѣлъ каналъ только углубить.»

«Въ этихъ ученыхъ диспутахъ прошло довольно времени и ни одинъ проэктъ не былъ окончательно утвержденъ. Въ настоящее время съ 1854 года снова принялись за это предпріятіе; коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія всѣхъ проэктовъ и находящаяся подъ начальствомъ Лессепса, который имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ Александрію, отдаетъ преимущество мнѣнію г. Негрелли. Линанъ-Бей и другой ренегатъ Венгерецъ Мугель суть главные производители начатыхъ работъ, заключающихся по сію пору только въ точнѣйшихъ изысканіяхъ. Но дѣло началось и, кажется, теперь не перервется, тѣмъ болѣе что составилась парижско-лондонская компанія для прорытія этого канала. Надобно опасаться только за одно, чтобы она не встрѣтила препятствія въ своихъ дѣйствіяхъ отъ самовластнаго и безалабернаго намѣстника Египта Саидъ-Паши, который гораздо менѣе Константинопольскаго правительства уважаетъ вліяніе западныхъ державъ.»

Открытіе этого канала, давъ совершенно другое направленіе индійско-китайской торговлѣ, еще болѣе познакомитъ европейцевъ съ этими странами, которыя для многихъ еще остаются terra incognita.—такъ что мы по сію пору не знаемъ основательно ни причинъ, ни начала китайской революціи, которая, не смотря на всѣ усилія богдыханскаго правительства, ни сколько не уменьшается ни въ своемъ объемѣ, ни въ своемъ кровопролитіи. Сначала было общее мнѣніе въ Европѣ, что эта революція произведена приверженцами династіи Минъ, свергнутой съ престола династіей монголо-татарской; думали, что это нѣчто въ родѣ борьбы французскихъ роялистовъ съ партіей, разрушившей законную монархію, и вмѣстѣ

Digitized by Google

съ этимъ полагали, что эти китайскія роялисты для бо́льшаго подкрѣпленія опирались на новое ученіе, сѣмена котораго заронены были европейскими миссіонерами;— на ученіе христіанское и будто бы тѣмъ эти приверженцы старой династіи предполагали къ своему дѣлу возбудить участіе христіанскихъ народовъ и при ихъ помощи восторжествовать надъ своими противниками. Мнѣніе, по видимому весьма справедливое, которое отчасти раздѣляли и мы, но которое оказывается совершенно ложнымъ; ибо вотъ что пишетъ коадъюторъ католическаго викарнаго епископа въ Ю-нанѣ къ членамъ римскаго общества распространенія христіанской религіи (*).

Ю-нанъ, Та-ли-фу. 1-го декабря 1854 года.

«Милостивые государи».

«Только вчера я получилъ ваше письмо, написанное вами годъ тому назадъ, именно отъ 14 декабря 1853 года, и поставляю себѣ непремѣнною обязанностію немедленно отвѣчать вамъ.

«Да позволено мнѣ будетъ прежде всего сказать, что вѣроятно во всемъ Китаѣ нѣтъ ни одного миссіонера, который бы не зналъ лучше моего всѣхъ обстоятельствъ китайской инсурекціи. Заброшенный судьбою и моимъ служеніемъ въ отдаленный край имперіи, къ подножію Тибетскихъ горъ, на границѣ Бирмановъ, я нахожусь въ отдаленіи отъ этого театра безпорядковъ; но имѣя сношенія съ моими собратіями, проповѣдующими Китайцамъ христіанскую религію, могу вамъ сообщить нѣсколько извѣстій объ этомъ предметѣ. Чтобы узнать всю истину, повѣрьте ихъ съ извѣстіями, полученными отъ другихъ лицъ.

«Въ 1850 году, при первомъ извѣстіи о смерти предпослѣдняго Богдыхана Тао-Куанга, не вѣдая еще и имени его преемника, я зналъ уже, что возмущеніе непремѣнно должно было вспыхнуть. Не приписывайте это ни моей проницательности, ни глубокому знанію китайской политики, которая какъ и всѣ политики въ мірѣ имѣетъ свои тайны, даже преимущественно передъ другими правленіями; ибо многія государственныя тайны въ Китаѣ неизвѣстны людямъ, стоящимъ даже у самаго кормила правленія; это предугадываніе или предчувствіе, назовите какъ хотите, было очень просто и естественно: — въ неизбѣжности мятежа въ срединномъ государствѣ были увѣрены всѣ, кто только хотя не много знаетъ китайскую

*) См. Les Annales de la propagation de la Foi (t. XXVIII, part. 2).

Digitized by Google

имперію. Ибо здѣсь, такъ сказать, вошло въ обычай, чтобы первые годы правленія новаго Богдыхана были обуреваемы разными волненіями и неурядицами; а потому когда мы услыхали о началѣ возмущенія въ Куангъ-Си, то нисколько не были этимъ удивлены.

«По сію пору еще не рѣшено, что подало причину къ этому возстанію. Въ слѣдствіе этого за неимѣніемъ вѣрнѣйшихъ свѣдѣній я вамъ сообщу, какъ объ этомъ разсказываютъ у насъ.

«Пять или шесть торговцевъ опіумомъ отправились изъ Ю-нана въ Кантонъ. Неожиданное наводненіе, затруднивъ доставку товара, возвысило цѣны за извозъ; нашимъ торговцамъ, въ слѣдствіе этого, необходимо надобно было прибѣгнуть къ займу. Въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ остановился ихъ транспортъ, жили два брата по фамиліи Чанги, извѣстные по своему богатству. Продавцы контрабаднаго товара, (привозъ опіума въ Китай, какъ вамъ извѣстно строго запрещенъ, впрочемъ словомъ а не дѣломъ), адресовались къ Чангамъ съ просьбою ссудить ихъ шестью стами тайлевъ (*). Просьба была такъ смѣло сдѣлана, что походила на требованіе, которому капиталисты не имѣли средствъ отказать, къ тому же они разочли, что ничего и не потеряютъ, ссудивши купцовъ, ибо опійные торговцы обыкновенно со всѣми расплачиваются очень аккуратно, а потому и выдали требуемыя шесть сотъ тайлевъ. Но не далеко отъ нихъ жительствовалъ мандаринъ третьяго класса, который отличался столько же глупостью, какъ и своею жадностью. Узнавъ о сдѣланномъ займѣ, человѣкъ, носящій золотой шарикъ, шарикъ, служащій вывѣскою чиновнической жадности и подлости, былъ увѣренъ, что настала для него давно желанная минута,—онъ немедленно велѣлъ задержать обоихъ капиталистовъ. Невинность ихъ была несомнительна: они не участвовали въ торговлѣ опіумомъ и не обязаны были знать, чѣмъ промышляютъ люди, которые у нихъ занимали, и которымъ, какъ я говорилъ выше, они не могли и отказать въ ссудѣ, ибо подверглись бы насилію и могли бы быть совершенно ограблены. Къ тому же ежели они были виновны, тѣмъ что, хотя косвеннымъ образомъ, помогали торговлѣ опіумомъ, не болѣе ли ихъ былъ виновенъ мандаринъ, которой завѣдомо, свободно пропустилъ этотъ запрещенный товаръ тогда, какъ онъ начальствовалъ всѣмъ округомъ? Но всѣ эти разсужденія тамъ, гдѣ управляетъ обществомъ и страною взяточничество и подлость, не могли имѣть никакаго дѣйствія. Мандаринъ, наказавши палками двухъ занмодав-

(*) Тайль ровняется нашимъ двумъ рублямъ серебромъ.

Digitized by Google

цевъ, засадилъ ихъ въ тюрьму. Разумѣется, столь неблаговидный поступокъ много надѣлалъ шуму, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ судилищѣ Чанги имѣли много преданныхъ имъ людей. Однако они не стали дожидаться законнаго разбирательства ихъ дѣла, а дали знать контрабандистамъ о постигшемъ ихъ бѣдствіи, которое произошло отъ ихъ благосклонности къ нимъ. Контрабандисты, возмущенные такою несправедливостью, оставляютъ сто человѣкъ беречь свой опіумъ, а съ пятью стами товарищей возвращаются назадъ и требуютъ у мандарина отчета въ его поступкахъ и освобожденія ихъ благодѣтелей. Чиновникъ вздумалъ не уважить требованія этихъ пяти-сотъ головорѣзовъ, поставить на своемъ и заварилъ кашу, которую китайское правительство разхлебываетъ по сію пору; онъ былъ убитъ въ самомъ присутственномъ мѣстѣ, тюрьмы были отворены, храмы разграблены и многимъ лицамъ учинено насиліе.

«Первый шагъ былъ сдѣланъ, возвращаться назадъ было не возможно. По прошествіи первой минуты увлеченія, торговцы опіумомъ, хладнокровно обдумавши о своемъ поступкѣ, поняли, что имъ нѣтъ иначе спасенія, какъ въ явномъ возмущеніи. Братья Чанги тоже были убѣждены въ этомъ; къ томуже имъ хотѣлось отомстить правительству за злоупотребленіе власти, врученной безчестнымъ чиновникамъ; къ нимъ присоединились арестанты, выпущенные изъ тюрьмы, и всѣ, кто были соучастники въ этихъ безпорядкахъ, и вотъ мятежъ образовался. Мятежъ этотъ развивался быстро; къ бунтовщикамъ присоединялись окрестные бродяги, сектаторы разныхъ подраздѣленій Конфуціева ученія, огромное число ученыхъ, не получившихъ еще никакой степени, и все, что только обнищало, питалось день за днемъ, рисковало потерять только одну голову, которую некуда было приклонить, а такихъ пролетаріевъ въ Китаѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ цѣломъ мірѣ. Всѣ эти мятежники произнесли клятву, не класть оружіе, покуда не уничтожатъ власть притѣснителей, т.-е. мандариновъ. Значительное разбойническое общество, извѣстное подъ именемъ: *Общества земли и неба* (Чинъ-чигу), составило ядро арміи, готовой на воинскіе подвиги, а болѣе того на грабительство. Атаманъ этой шайки, который теперь находится въ Нанкинѣ и величается титуломъ императора, есть главнокомандующій войскъ инсургентовъ. Это лицо ловко распорядилось средствами, которыя у него находились подъ рукою; организовавъ многочисленную армію, онъ объявилъ войну законному правительству и выдаетъ себя за человѣка, посланнаго небомъ для освобожденія Китая изъ подъ власти Монголовъ, и возведенія на тронъ

Digitized by Google

властителей туземнаго происхожденія. По крайней мѣрѣ онъ это обѣщаетъ въ своихъ многочисленныхъ прокламаціяхъ, которыя расходятся въ Китаѣ повсемѣстно, и въ этихъ прокламаціяхъ увѣряетъ, разумѣется бездоказательно, что онъ есть потомокъ и прямой наслѣдникъ когда то царствовавшей династіи Минъ.

«Такъ объ этомъ мнѣ разсказывали люди, заслуживающіе всякаго вѣроятія; но надобно прибавить, что приверженцы инсургентовъ и всѣ, кто имъ сочувствуютъ, не хотятъ сознаться и скрываютъ, что первоначальные двигатели этого дѣла были контрабандисты. Съ тѣхъ поръ много пролилось человѣческой крови, много людей потерпѣло совершенное раззореніе, много разъ побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону;—я не буду вамъ описывать всѣхъ подробностей; скажу только, что подъ именемъ Нанкинскихъ инсургентовъ повсемѣстно появились шайки самыхъ безжалостныхъ разбойниковъ, которые выдаютъ себя за ихъ сподвижниковъ, они жгутъ, грабятъ и убиваютъ изъ собственныхъ корыстныхъ цѣлей; подобныхъ же поступковъ настоящіе бунтовщики никогда бы себѣ не позволили. Но въ этомъ то, по моему мнѣнію, и заключается главная опасность для китайской монархіи; ибо эти люди, болѣе или менѣе получивши воинское образованіе, привыкшіе къ своевольству и разбою, не скоро будутъ приведены въ порядокъ тою изъ противныхъ сторонъ, которая, одолѣвъ другую, завладѣетъ кормиломъ правленія, и легко можетъ случиться, что подымая въ разныхъ мѣстахъ разныя знамена, провозглашая во всѣхъ углахъ имперіи новыя династіи, они раздробятъ, разорвутъ на части эту ветхую монархію, основуютъ многія независимыя одно отъ другаго государства, которыя при помощи своекорыстной политики европейцевъ долго будутъ вести междоусобную брань.

«Какая же сила можетъ успокоить этотъ водоворотъ мятежа? чья могущественная рука будетъ въ состояніи удержать власть, возстановить порядокъ и былую цивилизацію Китая? я не вижу средствъ къ благополучному исходу этого дѣла; одинъ только всемогущій Богъ, по неизреченному своему милосердію, можетъ успокоить этотъ дотолѣ тихій и посвоему образованный народъ. Но во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что настоящее правительство никакъ не можетъ удержаться; на немъ много лежитъ преступленій противъ правъ человѣка; вездѣ гдѣ только оно показывается, посредствомъ ли своихъ войскъ или гражданскихъ чиновниковъ, вездѣ на него смотрятъ съ ненавистью, вездѣ радуются при-

Digitized by Google

ближающемуся его паденію, все ожидаетъ лучшаго отъ новаго порядка вещей.»

Здѣсь мы останавливаемся выпискою этого письма и прибавляемъ отъ себя, что Тинъ-Тей, главный начальникъ инсургентовъ, отказался отъ ученія Конфуція, не потому что онъ былъ убѣжденъ въ его ложности, но потому что Мандарины, ненавистные для него Мандарины, стоятъ въ главѣ этого ученія и поддерживаютъ законную власть Богдыхана. Чтобы сблизиться съ европейцами, Тинъ-Тей объявилъ себя поборникомъ христіанства, но въ такихъ нелѣпыхъ формахъ, которыя ясно показываютъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ ученіи Спасителя; ибо онъ величаетъ себя братомъ Іисуса Христа, увѣряетъ, что имѣетъ свиданія съ Спасителемъ и получилъ съ нимъ по раздѣлу Китай!...

Отъ дряхлой монархіи Богдыхана перейдемъ къ государству новому, которое начало свое политическое существованіе на нашей памяти, именно будемъ говорить о Греческомъ королевствѣ; скажемъ сначала нѣсколько словъ объ Аѳинскомъ университетѣ.

Въ прошломъ году въ Аѳинскомъ университетѣ слушало лекціи 658 человѣкъ студентовъ, изъ которыхъ было 388 туземцевъ, а 270 человѣкъ иностранцевъ. Двадцать пять изъ нихъ принадлежали къ теологическому факультету; двѣсти пятдесятъ три слушали юриспруденцію; двѣсти семдесятъ пять занимались науками медицинскими; семдесятъ пять — философско-математическими и тридцать человѣкъ готовились въ аптекари. Степени докторовъ получили двадцать пять человѣкъ, именно: четверо — доктора правъ, девятнадцать — медицины и двое — философіи.

Въ Аѳинахъ издается шестдесятъ пять періодическихъ изданій. Въ прошломъ году во всѣхъ типографіяхъ королевства напечатано пять сотъ девяносто два названія книгъ, число томовъ которыхъ простиралось до тысячи одного. Сверхъ того вышло разныхъ брошюръ сто семдесятъ пять и три патріотическія стихотворенія, напечатанныя каждое особо на листѣ въ восьмушку. Географическихъ и гидрографическихъ картъ было издано разныхъ наименованій тридцать три; двѣ коллекціи литографированныхъ древностей Греціи и одна національныхъ костюмовъ. Для подспорья ко всѣмъ этимъ средствамъ, для народнаго образованія, привезено изъ Франціи, Англіи, Германіи и отчасти изъ Россіи, восемь тысячь томовъ разныхъ книгъ, двѣ тысячи шестдесятъ четыре книжки разныхъ журналовъ и довольно значительное количество газетъ. Въ прошломъ году въ Греческомъ королевствѣ образовалось три ученыя общества: 1-е)

Digitized by Google

королевское общество Антикваріевъ, 2-е) общество Ново-Эллиновъ земледѣльцевъ и 3-е) собраніе греческихъ моряковъ. Въ заключеніе скажемъ, что въ Греціи, несмотря на Нѣмецкое, Французское и Англійское вліяніе, крѣпко держатся національнаго костюма, и въ аристократическомъ обществѣ вы нерѣдко встрѣтите костюмъ, напоминающій вамъ былыхъ Палликаровъ и храбрыхъ Майнотовъ, которые своею кровью купили свободу Греціи. Хвала вамъ, братія, что вы не поддаетесь соблазну Запада и сильно дорожите всѣмъ роднымъ, отечественнымъ, всѣмъ, что крѣпко связано воспоминаніемъ съ вашей возставшей національностью.

Конечно дѣятельность Греческихъ типографій въ сравненіи съ германскими покажется совершенно ничтожной; ибо одни Лейпцигскія типографіи каждогодно потребляютъ сто пятдесятъ милліоновъ стопъ бумаги; тамъ существуетъ сто шестдесятъ книгопродавцевъ-издателей и тридцать шесть типографій, заключающихъ въ себѣ сто шестьдесятъ становъ и сорокъ скоропечатанныхъ машинъ.

Не смотря на степенность Нѣмцевъ, на ихъ болѣе серьозное и спиритуальное образованіе, лейпцигскія и прочія германскія типографіи печатаютъ довольно значительное количество романовъ и повѣстей. Вотъ примѣчательнѣйшія изъ новѣйшихъ произведеній этого рода: *Фридрихъ Великій и его дворъ*, соч. Луизы Мульбахъ. (Берлинъ изд: Янке); Г-жа Мульбахъ описываетъ Фридриха и дворъ его, въ первые годы его правленія. Это историческій романъ, написанный съ замашкой Александра Дюма и компаніи, т.-е. интересный въ связи и совершенно ложный въ его историческомъ основаніи. *Клотильда, исторія двухъ сердецъ*, соч. Иды Дурингсфельдъ, (изд. Стаге. Берлинъ); романъ сентиментальный и плаксивый. Содержаніе его заключается въ томъ, что молодой человѣкъ, желая избавить свою жену отъ семейныхъ непріятностей гордой и аристократической фамиліи, отказывается отъ всѣхъ преимуществъ своей породы и общественнаго значенія; онъ, надѣясь на свои собственныя силы, на свое званіе артиста и литератора, думаетъ независимо ни отъ кого и ни отъ чего, составить себѣ имя и занять новое и видное мѣсто въ обществѣ. Но къ несчастію аристократическое общество не прощаетъ ему, что онъ отказался отъ него, а общество артистовъ холодно и недовѣрчиво смотритъ на чудака, который безнужно промѣнялъ спокойную жизнь на безконечную борьбу съ нуждою и лишеніями. Нѣжная подруга его до того тронута *великими* пожертвованіями этого энтузіаста, что безпрерыв-

Digitized by Google

вно плачетъ и плачетъ такъ горько, что умираетъ отъ слезъ, а онъ — онъ оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Напиши подобный романъ у насъ на Руси—и насмѣшкамъ журналовъ не было бы конца, его бы никто не сталъ и читать. Подобная строгость была бы справедлива; но въ Германіи, отличающейся благонамѣренною и справедливою критикой, образованіемъ общества, по непонятному для насъ противорѣчію дѣла и теоріи, такія нелѣпости читаются съ удовольствіемъ, да въ добавокъ еще и похваливаются читателями. Но впрочемъ каковъ бы этотъ романъ ни былъ, всетаки я предпочту его *Потерянной женщинѣ* Г. Вартенбурга (Лейпцигъ, изд. Кольмана). Разумѣется, эта потерянная женщина потеряна во Франціи и погибаетъ отъ всего французскаго.... Охотники до чувственнаго чтенія читаютъ этотъ романъ съ наслажденіемъ, и мы предоставимъ восхищаться имъ, ихъ невозвратно погибшимъ нравственнымъ природамъ. *Женщина большаго свѣта*, соч. Карла Шрама (Ганноверъ, изд. Румплера) принадлежитъ къ той же школѣ, съ тою только разницею, что героиня этого разсказа не мѣщанка, а львица аристократическаго круга. *На фермѣ и въ городѣ*, соч. Клюпфига (Мюнхенъ, изд. Карлейта), очень милая повѣсть о жизни двухъ друзей, пастора Редлиха и графа Лейхтсберга, сблизившихся въ университетѣ, полюбившихъ одну и ту же дѣвушку, которая, любя графа, но принадлежа къ другому сословію, чѣмъ онъ, вышла за пастора и умѣла съ восторженностью Юліи сочетать нѣжность Шарлоты и безукоризненность Пенелопы; Клюпфигъ съ наслажденіемъ анализировалъ сердце благородной женщины и съ любовью описываетъ его. Что касается до другихъ нѣмецкихъ сочиненій, то болѣе всего должно обратить вниманіе на критическіе трактаты: ихъ каждогодно являются цѣлыя сотни и всѣ они болѣе или менѣе написаны съ знаніемъ дѣла. О! въ дѣлѣ критики, Германцы великіе люди. Въ этомъ родѣ, изъ числа прошлогоднихъ сочиненій, блистательнѣе всѣхъ: *Идеальное въ отношеніи къ критикѣ*, соч. Пресбера (Франкфуртъ, изд. Мейдингера): и статья помѣщенная въ Blätter für literarische Unterhaltung подъ названіемъ: *Нѣсколько словъ о произведеніяхъ нѣмецкой литературы, построенныхъ на французскій манеръ*, статья дѣльная, въ которой авторъ вооружается противъ французскаго вліянія, и доказываетъ весь вредъ этого вліянія на германскую національность и самостоятельность; вмѣстѣ съ этимъ, неизвѣстный авторъ дѣлаетъ строгую, но справедливую оцѣнку новѣйшей французской литературы.

Digitized by Google

Въ послѣднее время, нѣмецкая литература понесла чувствительную и горестную утрату, въ лицѣ поэта Генриха Гейне, умершаго въ Парижѣ. Произведенія г. Гейне отчасти были извѣстны и намъ по переводамъ Лермонтова, Фета и другихъ нашихъ современныхъ поэтовъ. Можетъ быть, Гейне въ свою очередь, дождется той же чести, какую теперь Нѣмцы воздаютъ Канту, сооружая великолѣпный памятникъ этому философу. Памятникъ Канту будетъ поставленъ въ Кенигсбергѣ; онъ будетъ стоить десять тысячь талеровъ, сумма собирается по подпискѣ и уже ея имѣется на лицо шесть тысячь талеровъ; статуя великаго мужа будетъ отлита по модели, вылѣпленной скульпторомъ Раухомъ. Довольно значительная сумма на этотъ предметъ была прислана знаменитымъ Англійскимъ натуралистомъ Филиппомъ Буркеръ Веббомъ, недавно скончавшимся въ Парижѣ.

Господинъ Веббъ имѣлъ великолѣпную отель близъ Елисейскихъ полей (Champs-Elisées). Свой домъ и все, что въ немъ находилось, онъ завѣщалъ городу Флоренціи; главное его богатство заключалось не въ каменныхъ стѣнахъ, а въ хрупкихъ сушеныхъ растеніяхъ;—его *гербаріи* были очень примѣчательны: между прочими рѣдкостями этого рода, болѣе всего обращали вниманіе ботаниковъ слѣдующія коллекціи:

Гербарій Лабиллардьера, составленный имъ изъ растеній, которыя онъ собралъ во время своего кругосвѣтнаго путешествія, предпринятаго для отысканія Лаперуза; болѣе всего рѣдки были экземпляры растеній новой Голландіи, новой Шотландіи и Австраліи; послѣдніе были собраны и подарены Лабиллардьеру знаменитымъ натуралистомъ Бровномъ;

Гербарій Дефонтеня, содержащій въ себѣ растенія, описанныя въ его *Атлантической флорѣ* (Flore atlantique), и растенія парижскаго ботаническаго сада (Jardin des plantes). Послѣ смерти Дефонтеня, Веббъ заплатилъ за нихъ значительную сумму;

Гербарій Павона, составленный изъ растеній, описанныхъ Павономъ и Рюизомъ въ ихъ *Перувіанской флорѣ* (Flore peruvienne), а также изъ растеній, произрастающихъ въ Чили и Мексикѣ;

Гербарій де Мерсье, содержащій въ себѣ всѣ виды хлѣбныхъ, красильныхъ, сахаристыхъ и другихъ полезныхъ для хозяйства и промышленности растеній, какъ европейскихъ, такъ и другихъ странъ свѣта;

Гербарій Канарскихъ острововъ, составленный Брюссонетомъ, Борн и самимъ Веббомъ;

Digitized by Google

Наконецъ общій гербарій, содержащій въ себѣ около восьмидесяти тысячь разныхъ растеній всѣхъ странъ свѣта; разумѣется, здѣсь болѣе всего занимала мѣста Америка, которая отличается разнообразіемъ своего растительнаго царства.

Чудная страна эта Америка! сколько мы имѣемъ объ ней описаній, трактатовъ, всѣхъ возможныхъ видовъ картъ, атласовъ, изображеній и проч. и проч.. а все еще наше любопытство не только не пресыщено, но даже и неудовлетворено вполнѣ. Вотъ и теперь является новая книга объ Америкѣ и ее раскупаютъ что называется на расхватъ: эта книга *Прогулка по Америкѣ* г. *Ампера* (Promenade en Amérique par M. Ampére). Проѣхать Соединенные Штаты, начиная съ Луизіаны до Орегона, пронестись стрѣлой по великолѣпнѣйшимъ рѣкамъ земнаго шара, проскакать по необозримымъ американскимъ степямъ, проникнуть подъ густолиственные своды дѣвственныхъ лѣсовъ, потомъ на самолетѣ — пароходѣ завернуть въ Гаванну и очутиться въ Мексикѣ — все это г. Амперъ называетъ *прогулкой!* Хороша прогулка, нечего сказать, не упрекнешь ученаго профессора тѣмъ, что онъ подобно многимъ изъ своихъ собратій малымъ дѣламъ придаетъ важное значеніе — здѣсь выходитъ дѣло совершенно на оборотъ. Подумаешь, что онъ только лишь сошелъ съ своей каѳедры, чтобы немного прогуляться, а онъ изволитъ бесѣдовать съ учеными мужами Бостонскаго Университета или дѣлаетъ наблюденія въ Кубѣ надъ сахарнымъ тростникомъ; подумаешь, что онъ болтаетъ съ какимъ нибудь прохожимъ, встрѣтившись съ нимъ недалеко, какъ въ Булонскомъ лѣсу, а онъ загулялъ въ Канаду и у миссіонеровъ учится ирокезскому языку. Чудный человѣкъ этотъ Амперъ! въ какую сторону не кидала его любознательность? за что не брался онъ, чтобъ изучить самому и учить другихъ новому для него предмету? то онъ проѣзжаетъ Европу, пересѣкая ее съ сѣвера на югъ, то онъ созерцаетъ величественную Азію, то жарится подъ африканскимъ солнцемъ, теперь онъ возвратился только лишь вчера изъ Америки!... и все для науки, изъ любви къ ней, строгой, но обольстительной науки—и наука даетъ возможность говорить своему любимцу также легко одревнемъ Египтѣ, Греціи и Италіи, какъ и о современномъ коммерческомъ развитіи Англіи; она, эта наука, ясно представляетъ передъ нимъ картину среднихъ вѣковъ, съ ихъ пилигримами, рыцарями, норманскими витязями, легендами, сагами, замками, монастырями, трубадурами, пажами, благородными дамами, со всѣмъ этимъ міромъ, находящимся въ полутмѣ полуобразованія; наука же вводитъ его въ кругъ испанскихъ гидальго, нѣмецкихъ

Digitized by Google

хроникоъ, англійскихъ ученыхъ, обитателей Каира и Константинополя, которые разсказываютъ ему объ историческомъ значеніи своихъ предковъ, открываютъ ему сокровища своей страны, а наука предсказываетъ ему будущее всего этого. Счастливецъ Амперъ! я никому такъ не завидую какъ ему; какъ бы я хотѣлъ вездѣ сопутствовать ему! но онъ эгоистъ, страшный эгоистъ, онъ никого не беретъ съ собой въ дорогу и настоящее, послѣднее путешествіе онъ совершилъ одинъ.

«Мое правило, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, «путешествовать безъ спутниковъ. Я полагаю, что это лучшее средство, чтобы вполнѣ предаться наблюденіямъ;—менѣе разсѣваешься, «болѣе предаешься работѣ. Съ соотечественниками вспоминаешь родину, что правда очень пріятно, остаешься вѣренъ роднымъ обычаямъ и привычкамъ, что несомнѣнно очень спокойно; но все это «мѣшаетъ ознакомиться съ чуждыми нравами и обычаями. Невольный досугъ, самая даже скука, полезны одинокому путешественнику;—въ эти часы, которые правда бываютъ иногда очень длинны, онъ повѣряетъ самаго себя, погружается въ тѣ впечатлѣнія, «которыя запали къ нему въ душу; ничто не отвлекаетъ его отъ «изученія предмета; все, что онъ видѣлъ, нарѣзывается неизгладимыми чертами въ его памяти, и потомъ, будучи удаленъ отъ всего «роднаго, близкаго, онъ окончательно утопаетъ и сливается съ «чужеземными племенами, съ ихъ жизнію и мышленіемъ. Съ товарищемъ же всегда будешь полуразвлеченъ.» Потомъ онъ продолжаетъ, чтобы вѣрнѣе опредѣлить то, что можно и должно ожидать отъ его путешествія, слѣдующее: «Я постараюсь, чтобъ моя прогулка «по Америкѣ, познакомила читателя и съ землями, которыя мелькнули передъ моими глазами, и съ мыслями и идеями Американцевъ, блеснувшими передомной.» Да, наблюдать за страной, образомъ правленія, нравами, промышленностью, природой, произведеніями, трудъ не маловажный, не легкій и благородный.

Амперъ совершилъ его блестательно. Разумѣется, вниманіе ученаго путешественника болѣе всего было обращено на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты; этой федераціи новаго свѣта суждена, по видимому, великая и блестящая будущность; вотъ смѣлый взглядъ Ампера на судьбу человѣчества, которая должна разрѣшиться въ новомъ свѣтѣ. «Рано или поздно всѣ обитатели Америки, говоритъ онъ, сольются въ одну плотную, неразрывную массу союзныхъ, родственныхъ народовъ, подобно тому, какъ мы видимъ въ настоя-

Digitized by Google

щее время въ Американскихъ Штатахъ, и это государство, или соединенныя государства (называйте, какъ угодно) будутъ тѣмъ исходнымъ началомъ, отъ котораго произойдетъ это соединеніе. Они владѣли всѣми лучшими пристанями береговъ Сѣверной Америки, прилегающихъ къ Атлантическому океану; но это кипучее, новое, набѣжавшее со всѣхъ сторонъ народонаселеніе, и народонаселеніе вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщенное и предпріимчивое, какъ будто бы невольно влеклося къ берегамъ Тихаго океана. Соединенные Штаты въ настоящее время не владѣютъ еще лучшею, среднею частью американскаго материка, но уже Орегонъ и Калифорнія готовы съ ними слиться. Мармоны, какъ авангардъ новой цивилизаціи, какъ передніе люди Соединенныхъ Штатовъ, полные энергіи, все болѣе и болѣе подвигаются на югъ; Соединенные Мексиканскіе Штаты не будутъ въ состояніи противиться могущественному вліянію своихъ сосѣдей, не потому чтобъ они были обезсилены внутренними волненіями и неурядицей, но потому что при самомъ возрожденіи своемъ, въ самую минуту ихъ отпаденія отъ Испаніи, они носили въ себѣ сѣмена разрушенія — они съ свободой не получили новаго духа, они сохранили слѣдъ своего испанскаго происхожденія; испанское народонаселеніе, нравы, гордость, лѣнь, беззаботность, политическая близорукость, остались при нихъ; — они ровно ничего не значатъ для человѣчества, а къ нимъ, какъ руки протянутыя для объятій, уже простираются сѣверо-американскія желѣзныя дороги, новые люди, такъ сказать, въѣзжаютъ въ ихъ владѣнія; другіе дѣятели являются въ этой части Америки и это мирное нападеніе однихъ Штатовъ на другіе идетъ съ двухъ сторонъ, ибо несомнѣнно, что предполагаемая желѣзная дорога по Панамскому перешейку, соединяя два океана, будетъ принадлежать Сѣверо-Американскимъ Штатамъ; и тотъ неизвѣстный городъ, гдѣ будетъ пунктъ соединенія этихъ великихъ морей, безспорно будетъ новою Александріею нашего потомства; здѣсь сойдутся обѣ Америки — южная и сѣверная, здѣсь будетъ соединяться судьба всемірной торговли, а стало быть и всемірной политики; кто будетъ владѣть этимъ пунктомъ, тотъ будетъ владѣть судьбою цѣлаго свѣта, ибо тогда вѣроятно не только дряхлая Европа, но и представители Азіи, Индія и Китай устремятся тудаже съ своею торговлей, и вмѣстѣ съ выгодами, промышленности, или лучше сказать, въ нихъ пріобрѣтутъ свое возрожденіе; и кто же тогда будетъ въ состояніи противиться всемірнымъ обладателямъ, которые съ одной стороны захватятъ въ свои руки Мексиканскій заливъ, съ другой стороны великолѣпный рейдъ Ріо-Жанейро!...»

Digitized by Google

Но кромѣ этихъ взглядовъ или, лучше сказать, политическихъ парадоксовъ, книга Ампера любопытна и потому, что носитъ на своихъ листахъ чисто американскій отпечатокъ; послѣ своего собственнаго политическаго лиризма, онъ знакомитъ насъ съ лиризмомъ древнихъ мексиканцевъ, этихъ знаменитыхъ и несчастныхъ Ацтековъ, которые пали передъ Европейскимъ бандитомъ Пизарро. Не ищите въ поэзіи народа Монтезумы ничего общаго съ поэзіей другихъ народовъ; лиризмъ его былъ также исключителенъ какъ и онъ самъ съ своимъ непонятнымъ просвѣщеніемъ, съ кровавою религіей, съ искусствомъ и невѣжествомъ. Приводимъ для образчика отрывокъ, заимствованный у Ампера изъ древне-мексиканской оды.

«Я васъ спрашиваю, гдѣ кости могущественнаго Ахалхеціахланетцина, перваго повелителя древнихъ Толтековъ? гдѣ кости Нексаксемитла, смиреннаго служителя боговъ? я спрошу васъ: гдѣ несравненная красота славной императрицы Ксинтахаціантли?... Сѣрая неблаговонная пыль наполняетъ вмѣстѣ съ костьми человѣческими мрачныя подземелья! — Этотъ прахъ, эти кости нѣкогда составляли человѣковъ, которые наслаждались тѣнью плодоносныхъ деревъ, первоприсутствовали въ собраніи людей, предводительствовали войсками, завоевывали государства, владѣли неисчислимыми богатствами, наслаждались ощущеніемъ на своей рукѣ трепещущаго сердца человѣка, вырваннаго изъ груди жертвы,— они наслаждались сладострастіемъ жизни и смерти.... И нѣтъ ихъ! нѣтъ ихъ, подобно тѣмъ священнымъ вѣнкамъ, которые вѣнчаютъ чело жертвы, потомъ переходятъ изъ рукъ въ руки, вянутъ и погибаютъ, не смотря на то, что они были обрызганы кровію смертнаго!..»

Какъ вамъ нравится? — Вотъ люди, которые понимали всю прелесть сильныхъ ощущеній!...

Ежели у васъ закружилась голова отъ такихъ ужасовъ, переверните семь, восемь листовъ и вы увидите какъ Амперъ мастерски описываетъ Вашингтонъ, столицу новаго міра; вы будете присутствовать при бесѣдѣ путешественника съ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ или будете вмѣстѣ съ нимъ завтракать у какаго нибудь Янки.... Но довольно, всего не разскажешь, прочтите книгу Ампера, я увѣренъ, что она всякому доставитъ истинное наслажденіе.

Изъ прочихъ новѣйшихъ произведеній французской литературы, заслуживаютъ вниманіе слѣдующія книги:

Дунайскія провинціи и страны, прилегающія къ Западной

Digitized by Google

Европѣ, соч. Шопена (Provinces danubiennes et contrées de l'Europe occidentale par M. Chopin), *Провинціи Румынскія*, соч. Убичини (Provinces roumaines par. M. Ubicini).

Эти сочиненія господь Шопена и Убичини вошли въ составъ живописнаго, историко-географико статистическаго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ L'Univers pittoresque. Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ говорится о провинціяхъ, прилегающихъ къ Дунаю, именно о Бессарабіи, Малдавіи, Валахіи, Трансильваніи, Буковинѣ, Сербіи, Босніи, Иллиріи, Черногоріи и Албаніи. Географическое положеніе, историческое значеніе, отношенія вѣроисповѣданія и единоплеменность болѣе или менѣе связываютъ эти провинціи другъ съ другомъ. Народы, обитающіе здѣсь, по большой части одного славянскаго происхожденія, въ сообществѣ потомковъ Даковъ, Румыновъ и древнихъ Македонцевъ, были передовымъ постомъ западной Европы; они вмѣстѣ съ Венгерцами выдержали стремленіе Турокъ, стремившихся вторгнуться въ Европу. Бессарабія, Молдавія, Валахія, Сербія, Албанія, Черногорія подверглись Турецкому игу; Албанія отступила даже отъ своего православія; другихъ, этихъ неутомимыхъ защитниковъ европейской цивилизаціи и германскихъ племенъ, покорили эти самыя племена и въ благодарность за спасеніе насильно навязали имъ Латинское вѣроисповѣданіе и употребляли всѣ силы обнѣмечить эти славянскія поколѣнія. Но благодаря Провидѣнію Бессарабія вошла въ составъ единовѣрной ей Россіи; прочія, кромѣ Албаніи, умѣли удержать свою національность, нѣкоторыя даже не измѣнили православію, и самая Албанія, отрекшись отъ христіанства и славянскаго происхожденія, не слилась совершенно съ своими поработителями Турками. Трудъ изобразить судьбу этихъ провинцій есть трудъ значительный; безспорно господа Шопенъ и Убичини могли исполнить его съ честью; но первый, по преданности своей къ Нѣмцамъ, другой, по извѣстному всѣмъ туркофилоству, оба, по заклятой враждѣ къ православію, не выставили въ полной мѣрѣ ни страданій нашихъ единовѣрныхъ братій, ни заслугъ единокровныхъ намъ славянъ. Изъ числа придунайскихъ провинцій, они исключили Булгарію; ежели по ихъ мнѣнію Бессарабія не составляетъ части собственной Россіи, ежели Молдавія, Валахія, Сербія и Черногорія не входятъ въ составъ Турецкой имперіи, ежели другая часть Сербіи, Буковина, Иллирія, Боснія не слились еще съ Германіей, то неужели Булгарія есть Турція? Не ужели потому, что она болѣе другихъ вытерпѣла отъ Магометанскаго притѣсненія, должна она быть исключена изъ списка придунайскихъ

Digitized by Google

земель?!.. О великіе западные писатели! когда они отдадутъ полную справедливость, когда они выразятъ полное сочувствіе къ востоку Европы? — Но Богъ съ ними, они Нѣмцы и Французы, они католики, имъ еще простительно заблуждаться, они не вышли еще изъ традицій, усвоенныхъ ими съ самаго ихъ малолѣтства. Но я заговорился совершенно о другомъ предметѣ, обращаюсь къ книгѣ господъ Шопена и Убичини: не смотря на ея неполноту, на часто ложный взглядъ на предметы, она интересна по собраннымъ ими фактамъ, которые говорятъ о дѣлѣ гораздо вѣрнѣе умозаключеній господъ сочинителей.

Канада, соч. Шериданъ Гогана (La Canada, par Scheridan Hogan)—эта книга напечатана въ Монтреалѣ. Разумѣется, она тѣмъ еще интереснѣе, какъ Канадское произведеніе. Прибавьте къ этому, что сочиненіе г. Гогана, было написано по слѣдующему случаю: Канадскому комитету отправленія туземныхъ произведеній на всемірную Парижскую выставку вздумалось отправить и образецъ Канадской типографской производительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ желалось прислать въ Парижъ не одни образцы штрифтовъ; для этого предложено было написать за довольно значительную премію статистическое сочиненіе, которое бы вѣрно изобразило настоящее положеніе, источники богатствъ и произведенія Канады. На конкуренцію было представлено девятнадцать рукописей и пальма первенства осталась за господиномъ Шериданъ Гоганомъ; и дѣйствительно книга заслуживаетъ полное вниманіе читателя, какъ описывающая одну изъ интереснѣйшихъ странъ свѣта, о которой обитатели европейскаго материка имѣютъ очень малое понятіе. Увеличеніе народонаселенія и развитіе народнаго богатства тамъ до чрезвычайности идетъ быстро, такъ что въ 1829 году въ Канадѣ было обитателей 196,000 душъ обоего пола, которыя владѣли недвижимымъ имуществомъ по цѣнѣ на два милліона съ половиною ливровъ; въ 1854 же году народонаселеніе возросло до 1,237,000 душъ обоего пола и стоимость ихъ имущества достигла до пятидесяти милліоновъ ливровъ. Причина этого быстраго умноженія народонаселенія, а вмѣстѣ съ этимъ и народнаго богатства, есть колонизація европейцевъ, которыхъ привлекаетъ къ переселенію удобство страны, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ водяными сообщеніями и покрытой по большой части густыми лѣсами, растущими на самомъ превосходномъ грунтѣ для земледѣльческой произрастительности; конечно расчистка этихъ лѣсовъ — работа очень тяже-

Digitized by Google

лая, но трудъ вознаграждается земледѣльцу его благосостояніемъ. Это можно заключить изъ того, что рѣдкій Канадскій фермеръ и его работники не кушаютъ говядины покрайней мѣрѣ два раза въ день, тогда какъ многіе европейскіе земледѣльцы даже никогда и не пробовали мясной пищи. И много еще милліоновъ людей могутъ найдти себѣ въ Канадѣ пустопорожнія земли; безъ всякаго сомнѣнія современемъ это будетъ одна изъ богатѣйшихъ и цивилизированнѣйшихъ странъ земнаго шара.

Фамилія Неэдъ или филантропическія учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ, соч. Берталя (La famille Need ou les établissement philantropiques aux Etats-Unis par. Bertal). Кажется, нѣтъ страны, гдѣ бы филантропическія заведенія были столько дѣятельны и благотворны, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Основанныя и управляемыя чисто въ практическомъ духѣ, безъ всякихъ лишнихъ умозрѣній и сердечныхъ порывовъ, приводящихъ къ безполезнымъ и часто вреднымъ послѣдствіямъ, въ слѣдствіе нѣжности и снисходительности, благотворительныя заведенія Американскихъ Штатовъ достигаютъ самыхъ полезныхъ разультатовъ; тамъ стараются не столько успокоить бѣдность и, балуя ее, пріучать къ тунеядству, сколько обращаютъ вниманіе на то, чтобъ дать ей возможность оправиться отъ ударовъ судьбы, и люди богатые, въ отношеніи къ неимущимъ, становятся въ патріархальныя отношенія патроновъ къ плебеямъ, разумѣется, по американской разсчетливости и нетерпимость всѣхъ аристократическихъ замашекъ, это патронство не будетъ изъ тщеславія кормить даромъ своихъ кліентовъ, не будетъ поблажать ихъ лѣни за ихъ поклоны — нѣтъ, оно дастъ имъ работу не безвыгодную для себя, но вмѣстѣ съ этимъ вполнѣ вознаграждающую ихъ трудъ. Что же касается до тѣхъ увѣчныхъ, дряхлыхъ или болѣзненныхъ страдальцевъ, которые не могутъ добывать собственными трудами хлѣбъ свой, то богадѣльни и госпитали Американскихъ Штатовъ, радушно даютъ имъ послѣднее убѣжище на землѣ, и внутреннее управленіе этихъ заведеній основывается съ одной стороны на всевозможномъ покоѣ этихъ убогихъ братій, а съ другой — на благоразумной строгости, не дозволяющей имъ ни бродяжничать, ни предаваться гнуснымъ наклонностямъ нищеты и разврата. Книга г. Берталя прекрасно знакомитъ со всѣмъ этимъ своихъ читателей; одно только, противъ чего она грѣшитъ, — это противъ чистоты французскаго языка, на которомъ она написана.

Digitized by Google

Сенть-Пуантскій каменщикъ, деревенскіе разсказы, написанные А. де Ламартиномъ (Le Tailleur de pierre de Saint-Point, recit villageois par A. de Lamartine). Кто не читалъ стихотвореній Ламартина? на чью душу не производили они впечатлѣніе грустное и вмѣстѣ съ этимъ нѣжащее душу читателя? Въ этихъ элегіяхъ все дышало чѣмъ то таинственнымъ, преисполненнымъ любви и покорности къ Провидѣнію? Съ годами возмужалъ и геній Ламартина; онъ утратилъ свою сентиментальную слезливость, свою тихую экзальтацію, но пріобрѣлъ какую-то особенную мечтательность, успокоивающую сердце человѣка; въ этомъ духѣ написанъ его Рафаель, изъ подъ этого вліянія явилась его Граціела и обѣ личности такъ поэтически хороши, что мы, не отыскивая ихъ возможности существованія, вѣрили автору на слово, что были такія прелестныя существа. Теперь снова Ламартинъ создаетъ нѣсколько дивныхъ образовъ и хотя мы чувствуемъ, что каменьщикъ Клодъ, этотъ Сократъ въ блузѣ, говоритъ очень умно для его состоянія, но нехотимъ и сомнѣваться, чтобъ не было на свѣтѣ такого умнаго каменьщика, чтобъ необразованный ремесленникъ могъ непонимать такой возвышенной любви, какую онъ ощущалъ къ своей Денизѣ. Ради обаятельной прелести этихъ деревенскихъ разсказовъ мы готовы простить Ламартину, что онъ немного пантеистъ, что въ его Клодѣ много бранинскихъ началъ, что этотъ мудрецъ любитъ болѣе твореніе, чѣмъ Творца, — болѣе природу, чѣмъ Бога; мы готовы тѣмъ болѣе простить это Ламартину, что онъ все таки поэтъ, а не теологъ; впрочемъ все это не мѣшало бы ему почаще заглядывать въ библію и въ ученіе святыхъ отцевъ — это нисколько бы не испортило его любящей натуры, а еще сильнѣе, серьезнѣе, прочнѣе укоренило бы въ немъ истинную любовь, ту любовь, которую намъ вѣщалъ Спаситель.

Вотъ Мери другое дѣло, чѣмъ Ламартинъ; онъ любитъ природу, но любитъ ее не до поклоненія ей; правда онъ любитъ страстно, любитъ какъ молодой артистъ любимую имъ женщину; онъ съ сердечнымъ влеченіемъ пишетъ ея портретъ, онъ ласкаетъ ее, забавляется съ ней, но чувствовать къ ней благоговѣйное обожаніе — никогда, это не въ натурѣ Мери; онъ даже не ревнивъ къ своей возлюбленной, онъ разоблачаетъ передъ вами сокровеннѣйшія ее прелести. Прочтите его *Новыя повѣсти* (Nouvelle nouvelles par Méry).

Digitized by Google

Но впрочемъ Мери не постоянно занятъ своею возлюбленной природой; иногда онъ мечтаетъ о другомъ, иногда у него проявляется бѣсовская страсть къ парадоксамъ и тутъ онъ дѣлается въ полной степени оригинальнымъ и до чрезвычайности забавнымъ; читатель увлекается милою болтовнею любовника природы, очень ясно видитъ, что онъ говоритъ небылицы, но все таки читаетъ съ увлеченіемъ, точь въ точь съ такимъ, съ какимъ мы прочли не отрываясь: *Утра въ Луврѣ. — Парадоксы и мечты*, соч. Мери (Les matinées du Louvre. — Paradoxe et rêveries par Mery).

Дѣйствительно ли комедія исправляетъ нравы? Ежели это правда, то почему она до сихъ поръ не достигла своей цѣли? почему со временъ скупаго, выставленнаго на сцену Плавтомъ, скупость не уничтожилась на земномъ шарѣ, и не смотря на отвратительные портреты Гарпагона, скупаго рыцаря и прочихъ подобныхъ личностей, существуютъ Плюшкины? Зачѣмъ комедія не излѣчила общество отъ зависти, расточительности, обмана и прочихъ пороковъ человѣка, которые она съ самыхъ древнихъ временъ неутомимо бичевала насмѣшкой и выводила на театральное позорище? Задавая себѣ эти вопросы, соображая все это, мы вполнѣ убѣдимся, что комедія не въ состояніи исправить общественные нравы; и это очень естественно во-первыхъ потому, что она часто злоупотребляла чувство смѣха,—часто достойное въ угоду толпы или нѣкоторыхъ членовъ общества оскорбляла насмѣшкой; во-вторыхъ потому, что она не имѣетъ той снисходительности и любви къ обществу, которыя заставляли бы насъ, понимая все преступленіе порока, дѣлаться лучше, совершенствоваться нравственно.

Я сказалъ, что комедія часто во зло употребляла насмѣшку, и убѣжденъ, что самыя жаркіе ея защитники не опровергнутъ этого мнѣнія; пускай они только вспомнятъ, что Аристофанъ въ своихъ Облакахъ, въ угодность вѣтряныхъ Аѳинянъ, посягнулъ на великую личность Сократа; пускай они вникнутъ въ смыслъ комедій Плавта и они сознаются, что латинскій комикъ, смѣясь надъ обобранными любовниками, неопытными юношами, развратными старцами, заставляетъ зрителя принимать участіе и сочувствовать существамъ гораздо ихъ порочнѣйшимъ, именно къ публичнымъ женщинамъ; самъ великій Мольеръ въ своихъ Жеманницахъ посягнулъ на образованность женщинъ; я уже не говорю объ влюбленныхъ Стернахъ, Гамлетахъ, Сидорамахъ и Офеліяхъ Кузминишнахъ, о репетиціяхъ Гамлета, о господинѣ Букѣ, Мильонѣ, Утрѣ журналиста и другихъ подобныхъ театральныхъ

Digitized by Google

произведеніяхъ, которыя въ себѣ ровно ничего не имѣютъ комическаго, кромѣ глупаго фарса и, очень часто, насмѣшку сатиры мѣняютъ на оскорбительную наглость пасквиля; такія зрѣлища, или лучше сказать, такой театральный хламъ, выводящій на сцену или достопочтенныя личности или осмѣливающійся представлять въ карикатурѣ высокія произведенія человѣческаго ума и талантливѣйшихъ артистовъ, или наконецъ изображающій въ пародіи благороднѣйшія наклонности человѣка, конечно не исправляетъ, а развращаетъ нравы общества, давая имъ средства смѣяться надъ тѣмъ, что слѣдовало бы уважать. И такъ сознаемся, что комедія, вооруженная бичемъ сатиры, не въ состояніи исправить человѣка.

Она не въ состояніи его исправить еще и потому, что не имѣетъ снисходительности и любви къ обществу. Она не заставляетъ сердце человѣка трепетать отъ негодованія на порокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ протягивать руку порочному собрату, чтобы своимъ участіемъ помочь ему возстать отъ паденія и вывести на стезю добродѣтели; комедія умѣетъ только наказывать, но не умѣетъ прощать и вся, преданная язвительному смѣху, она почти никогда не достигаетъ до пафоса любви. Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! комедія можетъ только указывать намъ на наши пороки и недостатки, но не исправлять насъ отъ нихъ. Это высокое назначеніе опредѣлено только святому ученію христіанской религіи и только одна проповѣдь, основанная на любви къ человѣку, можетъ спасти человѣка отъ него самаго. Вотъ мысли, которыя толпились въ головѣ моей, когда я прочелъ *Комедіи Маратина, переведенныя въ первый разъ вполнѣ* (на французскій языкъ) Эрнестомъ Голандеромъ, (Comedies de Moratin, traduites pour la première foi d'une manière complète par Ernest Hollander) хотя эти комедіи испанскаго комика нисколько не хуже другихъ комедій, напротивъ онѣ еще отличаются своеобразностью, какъ и всѣ театральныя произведенія Испанцевъ. Я вамъ не буду разсказывать ихъ содержанія; — ежели вы сами будете читать ихъ, то разсказъ мой отниметъ тогда много у васъ удовольствія — эти комедіи будутъ для васъ не новы; ежели вы не будете читать ихъ, то изъ легкаго обзора комедій Маратина вы не поймете особенной ихъ прелести, а потому я лучше сообщу вамъ нѣсколько свѣдѣній о самомъ авторѣ и, можетъ быть, вы, уразумѣвъ его духъ, поймете и значеніе его комедій.

Маратинъ родился въ Мадритѣ въ 1760 году, получилъ образованіе въ Саррагосскомъ университетѣ; природа снабдила его очень

Digitized by Google

нѣжнымъ сердцемъ и до чрезвычайности слабымъ характеромъ — это заставило его надѣлать много промаховъ въ жизни. Онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ на бѣдной дѣвушкѣ, повѣрилъ не разумно свой капиталъ въ невѣрныя руки, и раззорившись долженъ былъ трудами обезпечивать свое состояніе. Въ Испаніи какъ и вездѣ бѣднякъ не скоро добьется обезпеченнаго куска хлѣба и, сколько Моратинъ ни работалъ, служа при одномъ министерствѣ, нужда не оставляла его и его семейства. А между тѣмъ тунеядные монахи даромъ блаженствовали въ его отчизнѣ на счетъ обнищавшихъ гражданъ, которыхъ вполнѣ прибрали къ рукамъ, озаботясь не только ихъ нравственнымъ направленіемъ, выгоднымъ для себя, но даже взявъ на себя трудъ образовывать и дѣтей ихъ, чтобъ и слѣдующія поколѣнія отличались тѣмъ же невѣжественнымъ и фанатико-католическимъ духомъ, какой обладалъ тогдашней Испаніей. Моратинъ столько же по чувству зависти, сколько и почувству справедливости пошелъ войною противъ этихъ хапжей.—Исходъ этой борьбы былъ тотъ, какого надобно было ожидать,—Маратина чуть чуть было не изжарила Святая Инквизиція за то, что онъ осмѣлился выставить въ настоящемъ видѣ монастырское воспитаніе молодыхъ грандесъ, и авторъ *Слуховъ молодыхъ дѣвушекъ* отдѣлался только тѣмъ, что потерялъ свою жену, которая умерла съ голоду и отъ огорченія, да ему было запрещено писать. Вскорѣ послѣ жены Моратинъ похоронилъ двухъ дѣтей; онъ остался совершенно одинокимъ и, достигнувъ до предѣловъ возможнаго лишенія всѣхъ любимыхъ имъ особъ, онъ своими дѣйствіями не боялся навлечь гоненія никому, кромѣ собственно только себя; онъ подъ чужимъ именемъ снова пустился на литературное поприще и его долго ходившая въ рукописи комедія *Мнимая богомолка* надѣлала страшнаго шуму. Католическіе монахи снова добирались до него; но Наполеонъ въ свою очередь добирался до Испаніи и скорѣе добрался до нея, чѣмъ они до Маратина, который съ радостью примкнулъ къ рядамъ Бонапартистовъ.

Всѣмъ извѣстенъ исходъ воцаренія фамиліи Бонапартовъ въ Испаніи; Моратинъ послѣдовалъ за королемъ Іосифомъ и долженъ былъ оставить свою отчизну; потомъ когда Фердинандъ взошелъ на наслѣдственный тронъ свой, онъ по успокоеніи государства дозволилъ бѣдному поэту возвратиться на родину. Здѣсь снова ожидали Маратина непріятности, онъ снова увлекся въ борьбу съ невѣжествомъ и кончилъ тѣмъ, что въ 1826 году снова долженъ былъ уѣхать изъ Испаніи, а въ 1828 году, въ крайней бѣдности, окончилъ свое существованіе, на одномъ изъ парижскихъ чердаковъ.

Digitized by Google

Миръ праху бѣднаго поэта и мы, сообщивъ нашимъ читателямъ жизнь покойнаго литератора, обратимся къ драматургу живому, именно къ г. Александру Дюма и къ новой его трагедіи *Орестіи* (L'Orestie, tragédie en trois actes et en vers, imitée de l'antique, par Alexandre Dumas).

Дюма великій драматургъ, и ежели его не признаютъ другіе выше Шекспира, Кальдерона, Шиллера, Софокла и Эсхила, то онъ самъ навѣрное считаетъ себя гораздо геніальнѣе этихъ господъ, грубыя ошибки которыхъ онъ не разъ поправлялъ, передѣлывая ихъ произведенія для Французской сцены. Такъ онъ не пощадилъ Шиллеровой трагедіи Коварство и Любовь; онъ осмѣлился личность Донъ Жуана выставить передъ французской публикой въ миломъ и знакомомъ для нея образѣ, снятомъ съ соблазнителей лоретокъ; великій Александръ Дюма поправилъ Гамлета и передѣлка Дюсиса, переводъ Полеваго, шекспировскому Гамлету болѣе оставили шекспировскаго духа, чѣмъ передѣлка автора Антонія. Впрочемъ возиться съ поэтами новыхъ временъ господину Дюма надоѣло, ему хотѣлось показать свое превосходство передъ Софокломъ, — и онъ, подражая древнему штилю, т.-е. передѣлавши Софокловскаго Ореста, создалъ свою Орестію. Чудная вещь эта трагедія! — такой великолѣпно-занимательной нелѣпости мы еще не встрѣчали нигдѣ. Я не буду передавать содержаніе трагедіи. — Орестъ Софокла извѣстенъ всѣмъ хотя по наслышкѣ; всѣхъ же украшеній, приданныхъ г. Дюма этой древней трагедіи, я исчислить не могу; скажу только, что все дѣйствіе драмы совершенно запуталось въ нихъ, этихъ дюмасовскихъ украшеніяхъ, и человѣческаго смысла во всемъ этомъ отыскать трудно: но таково увлеченіе болтовни Дюма, что вы эти три длинныя акта читаете легко; а оставляя въ сторонѣ строгій критеріумъ, вы будете ими довольны, позабудете о Софоклѣ и, можетъ быть, вамъ Орестія понравится.

Эта піеса была постановлена на сцену. Въ будущей статьѣ заграничныхъ извѣстій, сообщая о новостяхъ французскаго и другихъ театровъ, мы отдадимъ отчетъ о томъ успѣхѣ, который она имѣла на сценѣ, а теперь скажемъ только то, что она репетировалась долго, самъ авторъ знаменитаго Монте-Кристо заботился объ ея постановкѣ. Во время этихъ репетицій въ фоэ артистовъ собиралась толпа литераторовъ и самой фашіонабельной парижской молодежи; ихъ привлекала сюда не новая трагедія, но самъ г. Алек-

Digitized by Google

сандръ Дюма, который такой же неутомимый и милый болтунъ въ обществѣ, какъ и въ литературѣ, онъ говоритъ обо всемъ, о чемъ вы хотите: о парижскихъ лореткахъ и римскихъ матронахъ; объ англійскихъ туристахъ и рыцаряхъ крестовыхъ походовъ; объ аристократическихъ львицахъ большаго свѣта и о китайскихъ мандариншахъ; о геройствѣ итальянцевъ и трусости когортъ Помпея; о литераторахъ; литературѣ; своихъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ трагедіяхъ и комедіяхъ.

«Сколько разъ я ни заглядываю въ древнюю жизнь Римлянъ, говорилъ онъ однажды во время этихъ репетицій, всегда и во всемъ я встрѣчаю поразительное сходство прошедшаго съ настоящимъ, древняго съ новымъ. Нравы Римлянъ очень похожи на наши; у нихъ, также какъ у насъ во Франціи, плебеи бушевали противъ аристократовъ и грудью лѣзли въ аристократы; бразды правленія схватывалъ или счастливѣйшій на полѣ битвы или хитрѣйшій во время мира; авдокаты также защищали съ успѣхомъ несправедливыя дѣла, ежели были краснорѣчивы; женщины умничали не въ мѣру и интрига властвовала всѣмъ; долго я думалъ, что одни паразиты составляли особенность римскаго общества, но теперь я разубѣдился и въ этомъ — у насъ паразиты существуютъ и именно въ томъ видѣ, какъ они были у современниковъ Августа, и недавно встрѣченныя мною личности соблазняютъ меня написать комедію: Современный Паразитъ.»

— Можно узнать ея содержаніе? спросилъ его одинъ изъ парижскихъ водевилистовъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Дюма, я не изъ тѣхъ, которые таятъ отъ всѣхъ свои предположенія; ежели даже кто нибудь и воспользуется моею мыслію, я не буду въ претензіи. Мой паразитъ человѣкъ порядочнаго круга, отъ природы не глупый, но злой или лучше сказать озлобленный на всѣхъ; это существо до того желчное, что его безпрестанно подергиваетъ, какъ будто бы онъ весь свой вѣкъ находится въ конвульсіяхъ; онъ даже немного литераторъ; положимъ даже, что онъ водевилистъ; его литературныя занятія дали ему средства сблизиться съ актерами, актрисами и танцовщицами; онъ съ ними большой пріятель, пишетъ для нихъ бенефисныя піесы, обѣдаетъ съ первыми у всѣхъ парижскихъ лучшихъ ресторановъ, катается по окрестностямъ въ обществѣ лучшихъ нашихъ артистовъ. По видимому дружба съ закулисными героями и

Digitized by Google

героинями для него начетиста, но погодите сожалѣть о немъ; онъ свѣтъ. чтобъ собрать жатву. — Молодежь завидуетъ его пріязни съ актерами, въ особенности съ актрисами; всѣ львы, выскочившіе вчера изъ провинціи, всѣ богачи только третьяго дня похоронившіе своихъ дядюшекъ и получившіе послѣ нихъ огромныя наслѣдства, всѣ храбрые поручики, владѣющіе родовыми замками и предпочитающіе Крымскія битвы парадамъ на каруселыной площади, ищутъ знакомства моего паразита, а болѣе всего красавецъ Теодоръ де Мариньянъ, который имѣетъ огромныя владѣнія въ нашихъ колоніяхъ и отъ нечего дѣлать служитъ при военномъ министерствѣ. Мой паразитъ знакомится съ Теодоромъ и очень радъ, что такая толстая рыба попала ему на удочку; онъ теперь все свое существованіе посвящаетъ Теодору — онъ у него обѣдаетъ, выѣзжаетъ съ нимъ, устраиваетъ на дачѣ своего друга пикники, аѳинскіе вечера. знакомитъ его съ миленькой танцовщицей. За это Теодоръ платитъ его долги въ рестораціяхъ, даже его портному, хозяину квартиры, однимъ словомъ г. Лемешанъ, такъ зовутъ героя моей будущей комедіи, дѣлается Теодоровымъ паразитомъ, услуживаетъ и прислуживаетъ не только ему, но даже его танцовщицѣ, для ней онъ неутомимъ, бѣгаетъ по всѣмъ магазинамъ, запасается букетами цвѣтовъ, раззорлетъ Теодора на покупкѣ брилліантовъ, цѣлуетъ ручку у ея маменьки, бывшей отворяльщицы ложъ, пьетъ портеръ съ папенькой, который служилъ швейцаромъ въ какомъ-то богатомъ домѣ; онъ шутитъ, обжирается, каламбуритъ и его еще болѣе подергиваетъ, отъ чего онъ становится еще забавнѣе. Но всему есть мѣра и все имѣетъ конецъ. Теодоръ, женившійся по совѣту своего паразита на танцовщицѣ, раззорается; жена его оставляетъ; паризитъ, вчера такъ нѣзко подличавшій передъ нимъ, сегодня злобно насмѣхается надъ нимъ и ѣдетъ на прощальный обѣдъ къ г-жѣ Маринъянъ, которая уѣзжаетъ въ Америку съ разбогатѣвшимъ нѣмецкимъ торговцемъ, чтобъ тамъ завести тѣ плантаціи, которыя промоталъ ея мужъ. Вотъ мой современный паразитъ — нравится ли онъ вамъ г. водевилистъ?...

— И водевилистъ. ....Не выдержалъ — пропалъ.

А слушатели двусмысленно улыбались, переглядываясь другъ съ другомъ.

Въ другой разъ одинъ изъ третьестепенныхъ писателей романовъ и повѣстей съ самодовольствіемъ сказалъ, что его романъ пе-

Digitized by Google

читается въ фельетонѣ журнала Отечество (La patrie) «Бѣдное отечество! воскликнулъ Дюма, оно находится въ опасности.»

Наконецъ одинъ молодой водевилистъ также долго не позабудетъ его злой выходки. Этотъ водевилистъ поставилъ на сцену піесу, написанную сообща съ Малефилемъ, подъ названіемъ: Ошибка Фаншеты. — Водевиль имѣлъ успѣхъ и Дюма увидалъ своего собрата, который, возгордившись своей славой, не хотѣлъ или забылъ раскланяться съ нимъ, заслуженнымъ писателемъ: онъ подошелъ къ молодому человѣку и, взявши его дружески за руку, сказалъ: «Ахъ какъ я радъ васъ встрѣтить, какъ мнѣ хотѣлось поздравить васъ, что вы *по ошибкѣ*, хотя при помощи другаго литератора, сдѣлались извѣстнымъ писателемъ.»

I. P. Г.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВЫПИСКИ.

Объ отношеніяхъ Сѣверной Америки къ Англіи.

«Америка начинаетъ заниматься политикой въ большихъ размѣрахъ, политикой въ родѣ той, съ помощью которой Римъ покорилъ весь свѣтъ, Наполеонъ Европу, а маркизъ Велеслей Индію. Кто въ нынѣшнемъ образѣ дѣйствій центральнаго правительства въ Вашингтонѣ видитъ только избирательные маневры, и полагаетъ, что послѣ избранія Америка снова вступитъ на прежній мирный путь, тотъ жестоко ошибается. Что президентъ Пирсъ для обезпеченія своего избранія, прибѣгнулъ къ смѣлой и наступательной политикѣ, пугающей теперь Европу, это именно доказываетъ, что такая политика сообразна съ американскимъ духомъ.

Мы увѣрены, что минутная политика Пирса не лично-случайная, что она переживетъ его, что Центральная Америка будетъ присоединена къ Союзу, что война съ Англіей вспыхнетъ, если послѣдняя не сдѣлаетъ уступокъ, которыя бы дали возможность болѣе-спокойной части американской націи доставить торжество голосу разума и удовлетворить дикой ненависти противъ Англіи.

Мы, конечно, убѣждены также, что Англія дойдетъ до крайнихъ предѣловъ уступокъ и что войны можно будетъ избѣгнуть на этотъ разъ. Давно уже Англія постоянно уступала Соединеннымъ Штатамъ и Американцы съ гордостью говорятъ, что надменная Англія преклоняется предъ ними, какъ передъ сильнѣйшими. При всемъ томъ война кажется столь близкою, что не излишнимъ считаемъ бросить взглядъ на возможности и вѣроятности ея исходовъ и послѣдствій.

Во многихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ не такъ благопріятно для Америки, какъ прежде, при разныхъ случаяхъ. Въ послѣднія 40 лѣтъ Англія не была такъ сильно вооружена на сушѣ и на

Digitized by Google

морѣ, какъ теперь; никогда она не была такъ приготовлена къ войнѣ, въ родѣ той, какую слѣдовало бы вести съ Сѣверной Америкой, а именно войнѣ съ десантомъ и съ бомбардированіемъ. Ирландія успокоена и вторженіе въ эту страну не испугало бы Англіи. Канада совсѣмъ усмирена и рѣзко отдѣлена отъ Штатовъ союза «своеобразными учрежденіями» послѣднихъ. Это несогласіе между сѣверомъ и югомъ, причиненное разными противорѣчіями внутри союза, почти никогда не было такъ сильно, такъ теперь, когда въ Канзадѣ партіи вооружились одна противъ другой. Долгое время оборонительныя приготовленія союза на морѣ и на сушѣ оставляемы были въ пренебреженіи и незначительныя усилія послѣднихъ лѣтъ совсѣмъ не наверстали того, что не сдѣлано. Небольшой арміи очень много дѣла съ Индійцами, и изъ нея трудно будетъ составить ядро милиціонерныхъ войскъ. Финансы союза все болѣе и болѣе будутъ зависѣть отъ продолжительности войны, а торговый флотъ очень пострадаетъ отъ нея. Наконецъ многія части союза такъ заселены, что Англичане безъ затрудненій могутъ вести въ нихъ регулярную войну, невозможную въ 1814 и 1815 годахъ.

Тѣмъ не менѣе, по нашему убѣжденію, никакая война такъ не трудна и не опасна для Англіи, какъ война съ Сѣверной Америкой.

Англійская морская торговля будетъ уничтожена въ нѣсколько недѣль, потому что въ еще болѣе сильныхъ размѣрахъ, чѣмъ торговый флотъ Америки вообще, возросло число способныхъ къ вооруженію торговыхъ судовъ и въ нѣсколько недѣль тысячи каперовъ, могутъ покрыть Атлантическій и Индійскій Океанъ и Тихое море. Многихъ, конечно, задержатъ; но какъ захватить цѣлый рой ихъ? Съ этой наступательной силой каперовъ возросла еще другая наступательная сила, къ которой вовсе не прибѣгали въ послѣднюю войну: мы говоримъ объ искателяхъ приключеній, названныхъ вновь старымъ именемъ флибустьеровъ (*). Въ сотнѣ мѣстъ пиратскіе набѣги въ родѣ норманскихъ могутъ тревожить Англію; она вездѣ должна быть на-сторожѣ, и кто можетъ предсказать, какъ подѣйствуетъ появленіе такихъ эскадръ въ разныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ австралійскихъ колоніяхъ? можно ли будетъ удержать въ повиновеніи отдѣльныя заведенія, каковы Хон-Конъ, Сингапуръ, островъ Св. Маврикія, — не возникнутъ ли даже важныя затрудненія въ

(*) Вѣроятно, съ испанскаго flibote, (легкое судно), и испорченнаго англійскаго слова fly-boat.

Digitized by Google

Ост-Индіи? Во всякомъ случаѣ Англія должна очень раздроблять свои силы и можетъ дѣйствовать наступательно только съ частью своего флота и арміи. При всемъ томъ она много можетъ сдѣлать. Она въ состояніи бомбардировать важнѣйшіе порты Сѣверной Америки, завоевать Вашингтонъ, вторгнуться съ своей арміей въ Ново-Англійскіе Штаты и вломиться въ Нью Йоркъ, разсѣявъ повсюду милицію. Но ни къ чему не служитъ отрубить у гидры головы; поразить эту гидру въ сердце невозможно. Центральныхъ пунктовъ, потеря которыхъ рѣшаетъ войну, въ Америкѣ нѣтъ, точно также ихъ не было у Испаніи во французскую войну. А кто думаетъ, что разъединеніе партій въ Союзѣ или возможные мятежи невольниковъ окажутъ большую помощь Англіи, тотъ очень ошибается. Раздраженіе противъ Англіи одинаково во всѣхъ партіяхъ. Отдѣльные измѣнники вездѣ бываютъ: но всего рѣже въ демократическомъ государствѣ, гдѣ смерть непосредственно слѣдуетъ за открытіемъ предательства. Возмущенія невольниковъ будутъ походить на диверсію кавказскихъ горцевъ въ послѣднюю войну. Только утомленіе можетъ положить предѣлъ этой войнѣ. Врядъ ли останутся побѣдители и побѣжденные, окажутся только болѣе или менѣе усталые и истощенные. Кто будетъ слабѣе, этого конечно, никто не угадаетъ. Но нельзя не принять въ соображеніе, что молодая нація несравненно-живучѣе и эластичнѣе, чѣмъ старая и что въ финансовомъ отношеніи эта война будетъ для Англіи гораздо-болѣе тяжкою, чѣмъ турецкая. Положительные расходы будутъ, по-крайней-мѣрѣ, столь же велики, и въ то время, какъ въ послѣднюю войну государственные доходы и промышленность націи почти не затронуты, въ этой войнѣ изсякъ бы главный источникъ пропитанія Англіи — торговля. Такимъ образомъ эта война легко можетъ сдѣлаться для Англіи второю пуническою.

Достовѣрно однако, что, каковъ бы ни былъ ходъ войны и миръ, окончательныя выгоды останутся на сторонѣ Америки. Америка, при своихъ свѣжихъ и юныхъ силахъ, оправилась бы гораздо скорѣе Англіи и пріобрѣла бы преобладаніе на морѣ. Одинъ Американецъ говорилъ намъ недавно: «Война для насъ, прежде всего, удовлетвореніе ненависти противъ Англіи, а притомъ и спекуляція. Если два пароходныя общества стараются убить одно другое, то всегда одерживаетъ верхъ то, которое располагаетъ наибольшимъ капиталомъ. А капиталъ у Американцевъ больше. Весь нашъ торговый флотъ погибнетъ, быть-можетъ, въ войнѣ, но рушится и англійскій. Нашъ флотъ скоро оправится, англійскій же го-

Digitized by Google

раздо медленнѣе и тѣмъ война доставитъ намъ перевѣсъ, котораго Англичане никогда не добьются. Война, во всякомъ случаѣ, конецъ англійскаго морскаго могущества».

Англичане, конечно, будетъ расчитывать иначе, но ихъ разсчетъ можетъ оказаться столь же ложнымъ, какъ тотъ, которой они сдѣлали въ началѣ турецкой войны.

Въ заключеніе возникаетъ вопросъ, какъ подѣйствуетъ война между Англіей и Америкой на остальную Европу? Косвеннымъ образомъ всѣ государства пострадали бы отъ нея, точно такъ какъ и отъ турецкой, прямо же всѣ тѣ, торговля и промышленность которыхъ существенно основаны на Америкѣ. *С. П. В.*

— Изъ Лондона пишутъ, отъ 9 іюня (28 мая) газетѣ «Nord»: «Давно ужъ Англія не представляла міру такого зрѣлища, какое представляетъ теперь. Она, нѣкогда столь надменная, привыкшая дѣйствовать наступательно, подчиняется *своимъ братьямъ* въ Соединенныхъ Штатахъ и даже унижается передъ ними. Самыя воинственныя газеты наши пестрятъ мирными идиллiями нескончаемые свои столбцы, и самъ лордъ Пальмерстонъ, такъ храбро заслужившій на парламентскихъ поляхъ сраженія прозвище *лорда Фейрбранда*, ясно видитъ, что хлопчато-бумажные тюки, которыхъ Америка можетъ, съ минуты на минуту, лишить наши большіе мануфактурные округи, тушатъ его фосфоръ!

При основательныхъ или неосновательныхъ требованіяхъ Американской республики, это столь же скромное, сколько необычное положеніе пробуждаетъ въ душѣ многихъ старыхъ Англичанъ чувства негодованія, которыя трудно будетъ подавить всѣми разсчетами промышленныхъ городовъ.

Никогда страна наша не находилась еще въ столь тяжкомъ положеніи; никогда не возникало еще столько жалобъ противъ правительства, которое обвиняли въ томъ, что оно живетъ день за день, надѣясь сдѣлками съ одной стороны и угрозами съ другой, остаться надолго въ управленіи. Распря, возникшая между двумя морскими державами, весьма хорошо могла бы, какъ сказалъ дордъ Кларендонъ, уладиться менѣе, чѣмъ въ полчаса, при свиданіи, которое г. Марси назначилъ бы ему посреди океана. Такова мечта англійскаго министерства; но изучая хладнокровно всѣ фазисы вопроса, нельзя не понять, что этимъ Американцы не останутся довольны.

Digitized by Google

Въ Вашингтонѣ всѣ знаютъ, съ какими финансовыми и военными затрудненіями Англія должна бороться. Не будучи политическими Донъ-Кихотами, Американцы очень рады случаю отомстить лорду Пальмерстону за надменность, которую онъ себѣ позволилъ въ отношеніи къ второстепеннымъ государствамъ, каковы Неаполь и Греція. Эти республиканцы, свергнувшіе съ себя британское иго, тщеславятся тѣмъ, что выказываютъ болѣе гордости, чѣмъ лорды адмиралтейства и члены сен-джемскаго кабинета. Наши эманципированные *братья* не выдаютъ себя за исправителей чужихъ проступковъ; но настойчивостью своей въ истребованіи извиненій, они хотятъ унизить Англію и показать ей, что нѣтъ ничего легче, какъ обмѣняться ролями. Нѣтъ купца въ Сити или Странда, который бы не сознался самому себѣ въ этомъ униженіи, и не сердился внутренно на безпокойный характеръ лорда Пальмерстона. Англичане не привыкли преклонять колѣни для достиженія мира, даже передъ объявленіемъ войны; и это-то вынужденное почти положеніе такъ живо задѣваетъ слишкомъ щекотливое самолюбіе населенія. Англичанинъ, въ первый разъ въ жизни, принужденъ необходимостью протягивать руку тому, кто презрительно ее отталкиваетъ. Послѣ смотра и послѣ исчисленія своихъ эскадръ, болѣе сильныхъ, чѣмъ когда-либо, онъ долженъ провозгласить свое безсиліе. Соединенные Штаты безъ боя торжествуютъ надъ Великобританіей. Они жестоко даютъ ей чувствовать, что она находится въ зависимости отъ нихъ. Этотъ ударъ такъ страшенъ для англійской гордости, что она отъ него не оправится.

Съ Американцами мы можемъ выкупить наши военныя неудачи въ Крыму и побѣдить наконецъ оружіемъ; но наша торговля и наша промышленность надолго будутъ уничтожены, а это никогда не будетъ цѣлью, которую имѣли бы въ виду мои соотечественники въ какой то бы ни было войнѣ. Вотъ почему война, которая готовится и которую быть можетъ, удастся предотвратить, представляется въ Лондонѣ и вездѣ предвидѣннымъ бѣдствіемъ и неизбѣжнымъ несчастіемъ.

Если, для того, чтобы обезпечить за собою избраніе, президентъ Пирсъ умѣетъ группировать вокругъ себя страсти и интересы, оскорбленные нашими министрами, если онъ соединяетъ милліоны ирландскихъ эмигрантовъ, покинувшихъ свое отечество, съ сердцемъ, исполненнымъ жажды мести, то война неизбѣжна и предусмотрительные люди принимаютъ ее, какъ необходимое зло или какъ цѣлебное средство.

Digitized by Google

Для уничтоженія въ Черномъ морѣ морскаго могущества Россіи, кабинетъ нашъ возбудилъ бѣдственную войну, раскрывшую Европѣ и Франціи недостатки нашей военной системы. Эта война, которая, несмотря на наши пышные возгласы, выказала англійскую армію далеко не въ лучшемъ свѣтѣ, предоставляетъ Франціи преобладаніе, которое, конечно, весьма-мало входило въ наши разсчеты. Видимое согласіе, существовавшее на поляхъ битвы и нарушавшееся въ совѣтахъ или подъ палаткой, — если вѣрить, покрайней мѣрѣ, французскому историку г. де-Базанкуру, не имѣетъ болѣе причины существовать передъ лицемъ новыхъ опасностей, которымъ Англія добровольно подверглась. Я знаю даже нѣсколькихъ проницательныхъ людей, которые открыто сознаются, что этотъ хваленый и столь нужный въ настоящую минуту союзъ можетъ ускользнуть отъ насъ именно тогда, когда сдѣлается для насъ необходимымъ.

Будучи основанъ на временныхъ интересахъ и не покоясь ни на какомъ прочномъ основаніи, даже не на сродствѣ народовъ, этотъ союзъ можетъ рушиться со дня на день.

Возможность подобныхъ опасностей не ускользнетъ отъ проницательности нашихъ государственныхъ людей. Я знаю многихъ, которые, отрекаясь отъ всякаго духа партій, тревожатся — и не безъ причины — скорыми опасностями, ожидаемыми въ борьбѣ, не возбуждаемой Англіей, которая напротивъ того, первая старается отстранить ее своей уступчивостью. Англія всѣми силами старается вызвать полу-улыбку удовольствія у гордаго генерала Пирса, и если ей удастся это изумительное униженіе, то будьте увѣрены, что она болѣе будетъ гордиться этимъ и что это болѣе осчастливитъ ее, чѣмъ пораженія у Редана, обращенныя нами въ побѣды. Дѣло въ томъ, что между ею и Соединенными Штатами вопросъ важнѣе вопроса о цивилизаціи на турецкій ладъ и о военной чести. Черезъ Атлантическій океанъ ведется дѣло о хлопчатой бумагѣ, — дѣло жизни или смерти для нашей торговли и нашихъ мануфактуръ. Соединенные Штаты коснулись чувствительнаго мѣста Англіи. За то посмотрите, какъ любезенъ лордъ Пальмерстонъ! Чтобы смягчить суроваго г. Марси, онъ готовъ на все; обыкновенно, буйныя своенравныя англійскія газеты по его примѣру употребляютъ только медоточивыя выраженія для того, чтобы разжалобить недовѣрчивыхъ Янки.

Этотъ упадокъ нравственнаго чувства, объясняющійся лавочнымъ фетишизмомъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто глубоко-прискорбное и еще болѣе унизительное. Видѣть лорда Пальмерстона и ан-

Digitized by Google

глійскую журналистику извиняющимися, и притомъ безуспѣшно, передъ нѣсколькими торговцами хлопчатой бумаги — зрѣлище, опечаливающее всякаго стараго Англичанина и вызывающее улыбку сожалѣнія у нашихъ гордыхъ противниковъ. Что̀ сказалъ бы великій лордъ Чатамъ, еслибъ вышелъ изъ своей могилы и явился посреди насъ? Онъ увидѣлъ бы, что преемники его лордъ Пальмерстонъ и лордъ Кларендонъ, лихорадочно заняты предотвращеніемъ дѣйствительнаго или кажущагося гнѣва инсургентовъ 1776 года. Чатамъ воскликнулъ бы, что Англія выродилась, и былъ бы совершенно правъ. *С. П. В.*

— *(Nord.)* Изъ Парижа пишутъ, отъ 7-го Мая: «Французское Правительство, возбудивъ на Парижскомъ конгресѣ вопросъ объ Италіи, доставило Англіи и Піемонту случай къ интригамъ, которымъ они пользуются вполнѣ. Очевидно, что Англія хочетъ вознаградить себя въ Италіи за безславную роль, которую играла въ Крыму. Въ депешахъ изъ Лондона и Турина подтверждается, что Англійскій, Французскій и Сардинскій Кабинеты согласились дѣйствовать въ Италіи за одно. Это согласіе торжественно провозглашено въ Туринскихъ Палатахъ и въ Лондонскомъ Парламентѣ. Такія объявленія, конечно, ободрятъ Италіянскихъ патріотовъ, и серіозно озаботятъ владѣтелей Италіи, начиная съ Папы. Чѣмъ болѣе обнаруживаются опасности съ этой стороны, тѣмъ болѣе Австрія сближается съ Франціею, чтобъ спасти свою часть изъ общаго кораблекрушенія. Вотъ, вѣроятно, цѣль поѣздки въ Парижъ Эрцгерцога Фердинанда-Максимиліана. Есть и другая причина предупредительности Австріи къ Французскому Правительству. Со времени заключенія мира и возвращенія графа Буля, Германія, кажется, вовсе не расположена слѣдовать за политикою и выгодами Вѣнскаго Кабинета. Въ началѣ восточныхъ несогласій, Австрія хотѣла дѣйствовать одна безъ Германіи, и помня это, Германія, въ свою очередь, можетъ въ минуту опасности оставить Австрію одну. Вѣнскій Кабинетъ знаетъ это, и готовъ, для спасенія Ломбардіи, сдѣлать въ Италіи уступки Французской и Англійской политикѣ, принеся ей на жертву нѣкоторыя Италіянскія владѣнія. Подобныя дѣйствія со стороны Австріи не удивительны, и послѣдующія событія докажутъ, удачно ли составлены эти планы. Впрочемъ, если Англія и Піемонтъ желаютъ поспѣшить вспышкою въ Италіи, то Императоръ Фран-

Digitized by Google

пузовъ не такъ нетерпѣливъ, и желаетъ выждать еще нѣсколько мѣсяцевъ, прежде нежели принужденъ будетъ къ посредничеству въ дѣлахъ Италіи. Слѣдственно все, происшедшее въ Піемонтскихъ и Англійскихъ Палатахъ, можно считать только попыткою.» *С. П.*

Америка. Изъ Нью-Йорка пишутъ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ:» «Въ столбцахъ вашей газеты вопросъ о возможности морской войны между Англіей и Сѣверной Америкой разсматривается гораздо-серьёзнѣе, чѣмъ сколько можно судить объ этомъ по несогласію, возникшему между нами и бывшей нашей метрополіей. Вы желали однакожъ знать, на какія силы мы можемъ разсчитывать въ въ оборонительной или наступательной войнѣ. Вотъ что я долженъ вамъ сказать относительно обороны. Наши главнѣйшія гавани хорошо защищены противъ непріятельскихъ флотовъ, или по-крайней мѣрѣ есть средства поставить ихъ въ такое положеніе, прежде чѣмъ явится непріятель. Правда, со стороны сухаго пути мы не защищены, но отсюда мы не боимся нападенія. У насъ вездѣ можно видѣть готовность сражаться и значительное искусство въ военномъ дѣлѣ. Наша милиція простирается до 2,600,000 человѣкъ, а сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ покрываетъ всю страну. Вообразите, что непріятельская армія высадилась близъ Нью-Йорка: сколько противниковъ преградятъ ей, черезъ двадцать четыре часа, дорогу въ отечество! Я конечно нисколько не преувеличу, если скажу, что въ какіе-нибудь три дня 800,000 человѣкъ могутъ поспѣть и поспѣютъ на мѣсто. На другихъ пунктахъ будетъ собрано войска менѣе, однакожъ достаточно для того, чтобъ наказать за всякую попытку высадиться на нашей землѣ. Прежде всего Англія будетъ нуждаться въ войскахъ для защиты противъ насъ Канады, хотя при массахъ милиціи, готовыхъ наводнить эту страну, тамъ нельзя думать о продолжительномъ сопротивленіи. Военныя дѣйствія съ нашей стороны откроются вторженіемъ въ Канаду, и будьте увѣрены, что такое предпіятіе сдѣлалось бы вполнѣ народнымъ у такой молодой, полной силъ и честолюбія націи, какъ наша, тѣмъ болѣе, что, по нашему убѣжденію, сѣверо-американское знамя должно современемъ развѣваться на всей американской землѣ. Наша постоянная армія состоитъ только изъ 21,000 человѣкъ; но на нее мы не разсчитываемъ, а надѣемся на сотни тысячъ милиціи. Впродолженіе года Англія можетъ защищать свои крѣпости; — но мы сосѣди Канады, путь туда недалекъ, и мы можемъ выжидать. Безспорно, есть канадскіе жители, которые въ мирное время охотнѣе присоединяются къ Англіи, чѣмъ къ Союзу, но такихъ Канадцевъ, которые рѣшились

Digitized by Google

бы вести кровопролитную, продолжительную войну для того только, чтобы остаться англійскими подданными — не найдется. Англія можетъ блокировать наши берега и прерывать наши торговыя сношенія, но никогда не будетъ въ состояніи завладѣть нашими главными гаванями или воспрепятствовать нашимъ крейсерамъ и каперамъ покрыть всѣ моря. Въ 1812 и 1815 годахъ мы доказали, что блокадою нельзя отрѣзать насъ отъ моря. Нашъ военный флотъ не великъ; но у насъ безчисленное множество каперовъ, а для защиты сплошнаго материка есть огромная милиція. Англійскія же владѣнія, которымъ можно угрожать, разсѣяны повсюду. Наши эскадры могутъ наносить ей тяжкіе удары то въ Индіи, то въ Австраліи, то на Тихомъ океанѣ; наши каперы вездѣ найдутъ себѣ богатую добычу, потому-что вездѣ есть имущество Англичанъ, а англійскій фунтъ стерлинговъ составляетъ на нашу деньги 5 долларовъ. Въ 1813 году одинъ сѣверо-американскій фрегатъ явился въ Ламаншскомъ каналѣ, гордо и смѣло выкинулъ свой флагъ и возвратился къ нашимъ берегамъ. Коммодоръ Поль Джонсъ взялъ англійскій фрегатъ «Serapis» въ виду множества Англичанъ. Въ борьбѣ безъ вмѣшательства другихъ, мы сильнѣе Англіи, и это знаютъ сами Англичане. Англійскій корабль можетъ, пожалуй, чувствовать свое превосходство надъ французскимъ, но только не надъ нашимъ. Въ 1813 и 1815 годахъ мы не разъ одерживали побѣды надъ ихъ судами, а тогда наше судостроеніе только-что начинало развиваться. Теперь мы имѣемъ явный перевѣсъ надъ Англіей въ искусствѣ кораблестроенія, и намѣрены снарядить флотъ изъ фрегатовъ и корветовъ, который бы численностью равнялся англійскому флоту изъ судовъ того же наименованія. Можно навѣрное полагать, что мы достигнемъ этой цѣли, прежде чѣмъ вспыхнетъ война. Кромѣ того, я долженъ обратить ваше вниманіе на новую систему, которая вводится у насъ въ устройствѣ флота. Она состоитъ въ постройкѣ легкихъ судовъ (fleet vessels), снабженныхъ нѣсколькими орудіями большаго калибра. Фрегатъ такого устройства, если на немъ будутъ находиться наши знаменитые кентуккскіе стрѣлки, можетъ состязаться съ большимъ линейнымъ кораблемъ и принудить его къ сдачѣ. По этой системѣ строится теперь паровой фрегатъ «Никарагуа». Англія конечно знаетъ, что наши жизненныя артеріи начинаются и кончаются на американской почвѣ, между-тѣмъ какъ ея артеріи мы можемъ перерѣзывать повсюду, такъ-что она изойдетъ наконецъ кровью. *С. П. В.*

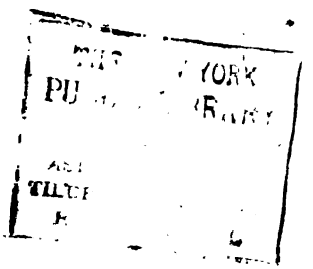
Богатѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ.

Лѣтъ десять тому назадъ, бѣдный офицеръ, служившій въ войскѣ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, капитанъ Фремонъ купилъ у Мексиканскаго Правительства полосу земли, пространствомъ почти на 70 англійскихъ квадратныхъ миль за 3,000 долларовъ. Жители Калифорніи, гдѣ находится эта полоса земли, немало глу-

Digitized by Google

мились надъ покупщикомъ и цѣною, которую онъ заплатилъ за повое свое владѣніе. Черезъ два года потомъ вся мексиканская область отошла къ Соединеннымъ Штатамъ, а съ первымъ открытіемъ богатыхъ золотыхъ пріисковъ во вновь пріобрѣтенной странѣ узнали и цѣну огромнаго владѣнія капитана Фремона. Оно скоро стало извѣстнымъ подъ именемъ Марипозы, стало предметомъ вседневнаго разговора золотопромышленниковъ. Владѣніе капитина Фремона составляетъ долину, окруженную высокими горами и повсюду прорѣзанную жилами золотосодержащей руды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно при подошвѣ горъ, руда лежитъ на самой поверхности земли, а въ другихъ находятся массы зыбучаго песка и рыхлаго камня, также богатыя золотомъ и наглубину нѣсколькихъ сотъ футовъ. Здѣсь есть довольно значительный городокъ, одноименный съ областью, и много деревень съ 10—15,000 жителей. Послѣ ввода капитана Фремона во владѣніе вновь купленною землею предъявлены были со всѣхъ сторонъ споры о законности крѣпостнаго акта, укрѣпляющаго за нимъ эту землю; и не только частныя лица, но самые судьи и суды страшно тѣснили его по этому дѣлу. Дабы быть въ состояніи уплачивать ежегодныя поземельныя подати и судебныя издержки, скоро дошедшія до огромной суммы, капитанъ Фремонъ нашелъ себя вынужденнымъ половину своей земли продать одному банкирскому дому изъ Сан-Франциско, который зато обязался уплачивать всѣ расходы. Въ теченіи четырехъ лѣтъ тянулся этотъ замѣчательный процессъ, переходя по разнымъ инстанціямъ, пока наконецъ внесенъ былъ на окончательное рѣшеніе въ верховный судъ въ Вашингтонѣ. Недавно рѣшеніе состоялось, и собственность безъ всякаго ограниченія присуждена Фремону, даже патентъ на безспорное владѣніе подписанъ самимъ президентомъ и выданъ ему. Свѣдущіе люди — въ силу этого владѣнія — считаютъ его богатѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Безошибочная цѣна этой огромной полосы земли, конечно, не можетъ быть опредѣлена въ точности; но съ достаточною точностью можно указать, что доселѣ добыто уже въ этой долинѣ около 35 милліоновъ долларовъ золота. Къ сожалѣнію, тамъ недостаетъ воды для промывки золота: но владѣльцы намѣреваются, для снабженія долины водою, провести огромный каналъ, — всѣ приготовленія уже сдѣланы и съ весною начнется работа. По самому умѣренному разсчету полагаютъ ежегодный доходъ этого владѣнія въ 9 милліоновъ. — Такъ какъ рѣшеніе суда есть только первый шагъ и приведеніе его въ исполненіе можетъ встрѣтить нѣкоторыя затрудненія (изъ 10—15,000 жителей многіе или даже большая часть, вѣроятно, безъ всякаго права поселились тамъ, и притомъ это такіе люди, которые почти вовсе неуважаютъ ни права, ни законовъ и встрѣчаютъ констабля пулей и ножемъ); то и нашему сорокалѣтнему Крезу не обойдется дѣло безъ непріятностей. Впрочемъ есть надежда, что онъ преодолѣетъ всѣ препятствія счастливо. (изъ S. Petersb. Z).

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

APR 12 1963

Digitized by Google

Digitized by Google